

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
877961A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1987 L

NOV 1987

Въ типографіи Рюмпа и К^о.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО. ЖУРНАЛА:

„РУССКОЕ СЛОВО“

ВЪ 1866 ГОДУ.

«Русское Слово» въ 1866 году будетъ издаваться при участіи тѣхъ же постоянныхъ сотрудниковъ, на основаніи прежней программы и въ томъ же объемѣ.

Направленіе, которому «Русское Слово» постоянно слѣдуетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, достаточно выяснилось для нашихъ читателей, и потому не требуетъ никакихъ рекламъ.

Находя болѣе удобнымъ для нашихъ читателей двухнедѣльный срокъ выхода книжекъ «Русскаго Слова», редакція рѣшилась, съ будущаго 1866 года, выпускать **ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ** книжки въ годъ, вмѣсто **ДВѢНАДЦАТИ**, какъ это было до сихъ поръ. Объемъ каждой книжки будетъ составлять не менѣе пятнадцати листовъ большого формата.

Цѣна годовому изданію журнала остается прежняя, а именно 12 р. 50 к. безъ пересылки и 14 р. съ доставкой и пересылкой. Подписка отъ иногородныхъ исключительно принимается при Главной конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ С.-Петербургѣ. Адресъ ея всегда извѣстенъ Почтамту. Кромѣ того можно подписываться въ С. Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: В. Яковлева (на углу Невскаго и Караванной въ д. № 68) и А. О. Базунова (на Невскомъ, въ д. Энгельгардта). Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. О. Чернина. (на Рождественкѣ, въ домѣ Торлецкаго).

При Главной Конторѣ «Русскаго Слова» продаются слѣдующія изданія:

Сочиненія А. Островскаго, 2 т. Цѣна—безъ пересылки 3 р., а съ пересылкой 3 р. 50 к. Къ этимъ сочиненіямъ осталось нѣсколько рисунковъ Боклевскаго, изображающихъ сцены и типы изъ комедій Островскаго. **Полное Собраніе Сочиненій Н. Г. Помяловскаго**, съ біографіею и портретомъ автора. 2 т. Цѣна 2 р. 50 к. безъ пересылки и 3 р. съ пересылкой. **Исторія Крестьянской войны въ Германіи**, соч. Д-ра Циммермана, переводъ подъ редакцію В. А. Зайцева. Изд. редакціи «Русское Слово». Цѣна первому выпуску 1 р. 25 к., а всѣмъ тремъ—3 р. **Повѣсти и рассказы М. Л. Михайлова**, 1 т. Ц. 1 р. **Сочиненія И. Панаева**, 4 т. Цѣна безъ пересылки 3 р., а съ пересылкой 4 р. На дняхъ выйдутъ **Рассказы Эрмманна Шатріана: Тереза, Воспоминанія рекрута и Ватерло**. Ц. за 1 т. около 30 листовъ—1 р. 50 к. безъ пересылки и 2 р. съ пересылкой.

На всѣ эти изданія подписчикамъ «РУССКАГО СЛОВА» дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ «278» № газеты: «Голось» было напечатано слѣдующее заявленіе редакціи «Русскаго Слова»:

Во имя общественной пользы, экономической правды и достоинства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной, — заявляемъ:

1) Издатель журнала не считаетъ подписную сумму своей собственностью;

2) Подписная сумма не должна расходоваться безотчетно;

3) Издатель журнала, какъ повѣренный подписчиковъ, есть главноуправляющій журнальной конторою. Онъ обязанъ вести козлытвенную часть по изданію и представлять печатные отчеты во всѣхъ расходахъ по журналу;

4) Всѣ отчеты печатаются въ самомъ журналѣ и въ опредѣленные сроки, за подписью издателя.

На этихъ началахъ, которыя мы признаемъ справедливыми и полезными, будетъ впредь издаваться журналъ «РУССКОЕ СЛОВО».

Григорій Благосвѣтловъ.
Николай Благовѣщенскій.
Варфоломей Зайцевъ.
Николай Соколовъ.

Объявленіе это, котораго цѣль и смыслъ, кажется, довольно ясны, подало поводъ нашимъ газетнымъ наѣздникамъ къ разнымъ толкамъ и оскорбительнымъ подозрѣніямъ. Въ «Голось» появились двѣ статьи, въ которыхъ это объявленіе было перетолковано въ смыслъ какаго-то темнаго умысла, съ тѣмъ, конечно, похвальнымъ намѣреніемъ, чтобы набросить неблагоприятную тѣнь на мою личность. Не знаю, помѣститъ ли «Голось» мой отвѣтъ на своихъ страницахъ, — цѣломудренная Соломея, редактирующая «Петербургскія Вѣдомости», отказала мнѣ въ этомъ, — и потому я печатаю его здѣсь. Изъ моего отвѣта «Голосу» можно видѣть подробное объясненіе нашего объявленія, кому оно покажется неяснымъ.

ОТВѢТЪ Г. ПОДПИСЧИКУ «РУССКАГО СЛОВА» НА ЕГО
НЕОБХОДИМЫЕ ВОПРОСЫ» *).

Какой-то господинъ, скрывающій свое имя подъ псевдонимомъ «Подписчика Русскаго Слова», дѣлаетъ мнѣ въ «Голосѣ» второй и настоятельный вызовъ, требуя объяснить объявленіе, напечатанное отъ редакціи «Рус. Слова» въ № 278 той же газеты. Первымъ вызовомъ, какъ простой инсинуаціей, неимѣвшей даже настолько храбрости, чтобы выйдти на свѣтъ подъ собственнымъ именемъ автора, я пренебрегъ, какъ пренебрегаю всѣми почвыми вылазками противъ «Рус. Слова» и противъ моей личности. Но вторымъ вызовомъ я уже пренебречь не могу, потому что инсинуаторъ мой дѣлаетъ намекъ на какія-то скрытыя причины, будто бы заставляющія меня молчать. Чтобы успокоить совѣсть его, взволнованную рискомъ потерять 14 р., по всей вѣроятности, никогда и не поступавшихъ отъ него въ подписную кассу «Рус. Слова» и чтобы разсѣять его тревожныя сомнѣнія, рѣшаюсь, впрочемъ не безъ особеннаго отвращенія, говорить съ нимъ.

Но прежде чѣмъ удовлетворю его желаніе, я попрошу его, по крайней мѣрѣ, на будущее время снять съ себя маску и объясниться со мною не изъ за спины г. Краевского, а открыто. Если у него есть хоть капля сознанія объ уваженіи къ общественной гласности и о достоинствѣ литературы, о которомъ онъ считаетъ нужнымъ напоминать мнѣ, то онъ, вѣроятно, пойметъ, что подозрѣвая другихъ въ *умыслии рукъ* отъ расчета съ подписчиками и въ какихъ-то темныхъ цѣляхъ, ему не слѣдуетъ самому прятаться въ потемкахъ; иначе онъ невольно наведетъ меня

(*) См. «Интересный вопросъ» и необходимые вопросы издателю «Рус. Слова», г. Благовѣстлову. Голосъ № № 279 и 292.

на ту мысль, что я имѣю дѣло съ такимъ опельмованнымъ противникомъ, которому зазорно даже поставить свое имя подь статьей. Такъ думать не только въ правѣ я, но и та часть общества, которая нравственно еще не упала такъ низко, чтобы раздѣлять съ публицистами «Голоса» мнѣніе, выраженное въ слѣдующей замѣчательной формулѣ: «кому какое дѣло до честности писателя—напечатать, взявъ деньги и концы въ воду.» Но если таковъ нравственный стимуль у публицистовъ газеты, еще такъ недавно и съ такимъ неподражаемымъ хладнокровіемъ препиравшей о субсидіяхъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и другіе такъ думали. Всякому мало-мальски совѣтливому человѣку понятно, что безличная инсинуація или клевета кромѣ низкаго побужденія еще страдаетъ трусостію показаться съ настоящимъ именемъ. Итакъ, не робѣйте, г. Подписчикъ «Русскаго Слова», и выходите на свѣтъ! Если вы требуете отъ меня объясненій, какъ вы выражаетесь *по дѣлу публичному* и въ такомъ публичномъ мѣстѣ, какъ газета «Голосъ», то объясняйтесь не подь маской, а подь вашимъ собственнымъ именемъ. Поймите, что этого требуетъ самая невзыскательная общественная совѣсть.

На этомъ мое объясненіе съ вами и оканчивается. Теперь я буду говорить съ тѣми изъ вашихъ читателей, которыхъ, можетъ быть, ввела въ заблужденіе ваша пошлая инсинуація.

Что вызвало наше объявленіе, котораго сущность заключается въ гласной отчетности по расходамъ на «Русское Слово»? Публикѣ очень хорошо извѣстно, до какого унижительнаго состоянія дошла наша журналистика вслѣдствіе спекулятивнаго направленія, которое она приняла въ послѣднее время. Споры о подкупности журналиста дошли до небывалыхъ размѣровъ безстыдства; журналы переходятъ изъ рукъ въ руки, какъ питьевныя лавочки, безъ всякаго вѣдома и согласія со стороны подписчиковъ. Г. Балабинъ, бывшій редакторъ-издатель «Народнаго Богатста», ухитрился даже заложить своихъ подписчиковъ, какъ движимую собственность. Были и такіе игроки въ журнальное дѣло, которые, объявивъ подписку, собирали деньги и потомъ вдругъ исчезали со сцены. Подобныхъ примѣровъ было не мало. Одинъ господинъ до сихъ поръ собираетъ подписную сумму вотъ уже третій годъ и ни одного №-ра своего объявленнаго изданія не выпускаетъ въ свѣтъ... Наконецъ передача одного журнала другому и гермафродитское сліяніе ихъ вошло въ общепринятое обыкновеніе. «Эпоха», на примѣръ, совокупляется съ «Вибліотекой для Чтенія», а эта послѣдняя, поручившись за удовлетвореніе подписчиковъ «Эпохи», не только не удовлетворяетъ ихъ, но тихимъ манеромъ и сама отправляется ту-

да же. Такое направленіе въ журнальномъ дѣлѣ не могло не отразиться на довѣріи публики къ честности и достоинству литературы; не одни карманы, но и понятія читающаго общества попали въ руки цѣлой толпы спекуляторовъ, которые стали смотрѣть на журналистику, какъ на чистую прибыль, какъ на торговлю табакомъ или садомъ. Публика, большею частію, читала то, чего ей не слѣдовало читать; и не читала того, что было бы полезно ей читать. Быть издателемъ сдѣлалось для многихъ равносильнымъ быть лавочникомъ, сбывающимъ литературную труху за что-то похожее на идеи. Явились такіе предприниматели, которые, не имѣя ни образованія, ни познаній, ни способностей, соответствующихъ обязанностямъ журналиста, нанимали себѣ редакторомъ какого нибудь тупоумнаго регистратора, выгнаннаго изъ консяторіи за взытки и, выставивъ на журналъ либеральную вывѣску: «мы обличаемъ, мы будимъ», садились сложа руки у своей лавочки и ожидали только барышей. Кромѣ барышей отъ изданія имъ ничего и не было нужно. Глубочайшее равнодушіе къ содержанию литературнаго органа сдѣлалось такимъ явленіемъ, котораго перестали стыдиться. Вспомнимъ, въ какомъ видѣ выпускались Петербургскія Вѣдомости въ концѣ 1862 года, когда одинъ арендаторъ передавалъ ихъ другому; къ какимъ жалкимъ маневрамъ прибѣгалъ «Свѣточъ» въ тотъ годъ, когда ему суждено было погаснуть и не оставить по себѣ ничего, кромѣ легкаго запаха. Съ другой стороны около такихъ лавочекъ группировалась кучка писателей, относившихся къ издателю-редактору ни выше, ни ниже того, чего онъ дѣйствительно стоилъ. Онъ требовалъ отъ своего сотрудника извѣстнаго количества строчекъ, и сотрудникъ готовъ былъ строчить ихъ для кого угодно, и гдѣ угодно. Я помню одного покойнаго поэта, человѣка очень талантливаго, который, просыпаясь поутру, садился на извозчика и объѣзжалъ пять или шесть редакцій, предлагая каждой свои оригинальныя или переводныя стихотворенія, прибавляя при этомъ: «это въ вашемъ направленіи!» Я далеко отъ того, чтобы бросать камень въ этихъ вочующихъ писателей; только одинъ дуракъ могъ выдумать моральное правило: fiat justitia, pereat mundus. Многие изъ этихъ безцвѣтныхъ личностей были увлечены общимъ потокомъ журнальнаго фарисейства и тѣмъ горькимъ экономическимъ положеніемъ, сквозь которое пробивается большинство нашихъ писателей; кромѣ того безцвѣтность самихъ журналовъ и полнѣйшій индифферентизмъ публики къ общественному значенію писателя не могли воспитать въ немъ чувства строгаго направленія въ образѣ мыслей. Но за этимъ добродушнымъ индифферентизмомъ скрывается множество такихъ литератур-

нихъ бродягъ, которые, по первому зову редактора или издателя, способны лаять, какъ хорошо приученныя дворовыя собаки или пускать въ ходъ всякую наемную мысль, всякое оплаченное чувство. Чѣмъ иначе можно объяснить эту осеннюю травлю журналовъ, въ которой состязаніе доходитъ до площадной брани и самыхъ комическихкихъ потасовокъ. Не одна бѣдная лавочка Толвучки такъ усердно не зазываетъ къ себѣ покупателя, какъ зазываютъ ихъ журналы. Тутъ все употребляется въ дѣло—ложь, доносы, клевета, сикетни и хлестаковщина. Что же остается думать и чего остается ожидать отъ русскаго журналиста? Одного—полной нравственной реабилитаціи, и она должна начаться нами же самими.

Поэтому я первый рѣшаюсь подвергнуть себя строгому контролю общественнаго суда. Я никогда не чувствовалъ особеннаго призванія сдѣлаться издателемъ и попалъ на это поприще совершенно случайно. Для назиданія всѣхъ моихъ настоящихъ и будущихъ инсинуаторовъ, я расскажу самые факты. Въ 1858 году я находился въ Парижѣ и встрѣтился съ Я. П. Полонскимъ, принимавшимъ въ то время редакцію «Русскаго Слова»; нуждаясь въ деньгахъ, я предложилъ ему свою статью о Парижскомъ Университетѣ; статья моя была прочитана и взята. Г. Полонскій просилъ меня участвовать въ журналѣ постоянно, и съ тѣхъ поръ начались мои отношенія къ «Русскому Слову». Въ концѣ того же года, если не ошибаюсь, г. Полонскій оставилъ редакцію журнала и я не знаю, какимъ образомъ она очутилась въ рукахъ человѣка, совершенно неспособнаго вести порядочный журналъ, г. Хмельницкаго. Статьи мои продолжали печататься, которыя я впрочемъ, живя за границей, посылалъ прямо къ издателю-редактору «Русскаго Слова», графу Куселеву-Безбородко, который также находился за границей. Отъ него же я получалъ и деньги. Это послужило поводомъ моего знакомства съ графомъ Куселевымъ. Въ іюнѣ 1860 года я получилъ отъ него приглашеніе пріѣхать въ его имѣніе Ларошъ, на югѣ Франціи. Я пріѣхалъ. Жалуюсь на запутанное положеніе своего журнала и на огромные расходы, которые едва ли и въ половину достигали своихъ результатовъ, онъ показалъ мнѣ письмо какого-то сотрудника, которому не были заплачены деньги г. Хмельницкимъ. Я имѣлъ также въ карманѣ другое письмо, отъ П. Л. Лаврова, который просилъ меня передать графу Куселеву, что онъ также не получилъ за свою статью денегъ отъ Ан. Григорьева, который, между прочимъ, ввѣлъ ихъ изъ конторы журнала и далъ имъ другое назначеніе. Недовольный всѣмъ этимъ, графъ, Куселевъ просилъ меня отправиться въ Петербургъ, войти поближе въ положеніе дѣла и найти ему редактора, который бы взялся за

журналъ лучше. Не желая прерывать своихъ работъ за границей, я вынужденъ былъ только на время побывать въ Петербургѣ. Но когда я пріѣхалъ и принялся за дѣло, то увидѣлъ, что путаница превосходила всякое вѣроятіе и требовала отъ меня огромнаго труда не мѣсяць, не два, а, по крайней мѣрѣ, дѣлаго года. Г. Хмельницкій оставилъ мнѣ около 10,000 долговъ, и большею частію сотрудникамъ журнала, кучу нераспечатанныхъ писемъ и огромные картонны непрочитанныхъ рукописей. Первымъ дѣломъ было уплатить долги, которые, по моей просьбѣ, немедленно и были ликвидированы конторой графа Куселева. За тѣмъ, всматриваясь въ самый составъ редакціи, я нашелъ ее совершенно на бюрократическомъ положеніи. Его превосходительство профессоръ Казембекъ получалъ, кромя полустной платы, 150 р. въ мѣсяць только за ту честь, которую онъ оказывалъ своимъ именемъ и статьями журналу; г. Лохвицкій за ту же честь получалъ 100 р. и т. д.

Находя, что при 1200 подписчикахъ «Русскаго Слова» въ 1860 году, такая честь слишкомъ дорого обходится журналу, я скоро разстался со многими почтенными филистерами, разумѣется, не безъ борьбы, и повелъ журналъ на другихъ основаніяхъ. Первая книжка моей редакціи была іюльская 1860 года. Съ этого именно №-ра «Русскаго Слова» я принимаю нравственную отвѣтственность по журналу. Съ 1861 года, когда у «Русскаго Слова» было уже 2500 подписчиковъ, я предложилъ графу Куселеву удешевить цѣну журнала и онъ охотно согласился на мое предложеніе. Между тѣмъ объемъ журнала остался тотъ же и съ тѣми же приложеніями. Далѣе я совѣтовалъ издателю-редактору публиковать свой бюджетъ, и если бы прошлые счета журнала были приведены въ ясность, то и этотъ планъ былъ бы исполненъ. Наконецъ «Русское Слово» было запрещено на 8 мѣсяцевъ, и графъ Куселевъ, по разнымъ соображеніямъ, отказавшись отъ его изданія, предложилъ мнѣ принять журналъ и продолжать его. Такъ какъ расходы по журналу далеко еще не покрывались подписной суммой, то я подвергался значительному риску уронить изданіе за неимѣніемъ средствъ. Поэтому я обращался къ двумъ лицамъ, имѣющимъ состояніе, и просилъ ихъ принять на свою хозяйственную отвѣтственность изданіе, а мнѣ оставить мою прежнюю дѣятельность—редактора, съ прежнимъ вознагражденіемъ за трудъ,— 150 р. въ мѣсяць. Послѣ разныхъ раздумываній дѣло не состоялось, и я принялъ журналъ на себя. Обезпечивъ себѣ заемъ въ 5000 р., я въ то же время нашелъ въ г.г. Писаревѣ, Соколовѣ, Реклю, какъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала, готовность уменьшить полустную плату, пока журналъ не будетъ обезпеченъ своими собственными средствами. Въ то же

время я просилъ утвердить меня редакторомъ журнала, но этого утверждения не получилъ, и остался при одномъ издательствѣ. Такимъ образомъ мистификація, на которую указываетъ г. подписчикъ «Русскаго Слова» въ «Голосѣ», говоря, что въ «Русскомъ Словѣ» много перебивало редакторовъ, и что слѣдовательно я, какъ издатель, загребая жаръ чужими руками,—эта невольная мистификація зависѣла не отъ меня. Съ іюльской книжки 1860 года, какъ сказано выше, я принимаю полную нравственную отвѣтственность по «Русскому Слову», т. е. я объявляю, что фактически вся редакторская работа лежала на мнѣ. Впродолженіи 1861 и начала 1862 года помогалъ мнѣ по редакціи г. Писаревъ; впродолженіи же всего 1863 года я работалъ одинъ, а съ 1864 года раздѣляю эти труды съ г. Благовѣщенскимъ. По всей вѣроятности, подобныя мистификаціи послѣ Положенія о печати 6 апрѣля сдѣлаются ненужными, потому что, съ отвѣтственностію издателя-редактора, онѣ не имѣютъ никакого смысла. Во всякомъ случаѣ никто изъ моихъ инсинуаторовъ не можетъ упрекать меня въ томъ, чтобы я прятался за другихъ по доброй волѣ или загребалъ жаръ чужими руками. Но разъ, попавъ въ ложное положеніе, которымъ такъ нагло пользуются мои противники, я разрываю связь съ издательской рутинной, и разрываю ее на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Давая въ извѣстные сроки гласную отчетность по расходамъ журнала, я прошу всѣхъ и каждого повѣрять мою издательскую дѣятельность также гласно, какъ я буду представлять ее самъ. Г. Подписчикъ «Русскаго Слова» разсуждаетъ такъ: «какое дѣло вашимъ подписчикамъ до взгляда редакціи на подписную сумму»? Но послѣ этого можно сказать и такъ: «какое дѣло подписчику до того, будутъ ли высылать ему впродолженіи года «Современное Слово», на которое онъ подписался, или «Народное Богатство», на которое онъ никогда и не думалъ подписываться. Подписчикъ журнала, высылая деньги за цѣлый годъ, естественно основываетъ свои надежды на одномъ довѣрїи къ издателю; онъ не знаетъ на вѣрное, будутъ ли высылать ему хорошія книжки или какую нибудь дрянь. Чтобы не пользоваться этимъ довѣрїемъ безусловно и не злоупотреблять имъ, издатель своими отчетами покажетъ ясно, какъ онъ распоряжается подписными деньгами и заботится ли онъ, съ увеличеніемъ числа подписчиковъ, объ улучшеніи журнала. Я убѣжденъ, что настоящіе подписчики «Русскаго Слова», а не инсинуаторы «Голоса» всѣ до одного будутъ согласны со взглядомъ редакціи «Русскаго Слова».

2) Я, какъ издатель журнала, не одинъ работаю въ немъ и не одинъ содѣйствую его успѣху. Поэтому кромѣ чисто-матеріальныхъ

отношеній въ моимъ сотрудникамъ, какъ постояннымъ, такъ и случайнымъ, я имѣю еще другія—нравственныя отношенія. Чтобы не казаться въ ихъ глазахъ эксплуататоромъ чужаго труда и силъ, главною отчету обнаружить передъ каждымъ, какими матеріальными средствами обладаетъ журналъ для оцѣнки того или другого литературнаго труда. Само собою разумѣется, что это нисколько не уничтожаетъ взаимнаго добровольнаго соглашенія между издателемъ и сотрудникомъ, но оно даетъ норму, съ которой можно сообразоваться тому и другому и стать другъ въ другу въ болѣе приличные отношенія, чѣмъ это дѣлается теперь. Однимъ словомъ, это значительно облагородитъ журнальное дѣло, которое теперь обращено въ темную лавочку.

3) Я называю себя повѣреннымъ подписчиковъ «Рускаго Слова», потому что подписную сумму и нравственно и юридически не считаю своею собственностію, Такъ я думалъ, прежде, такъ думаю и теперь. Поэтому опредѣляя себѣ норму вознагражденія за мой трудъ—минимумъ 1000 р. и максимумъ—5000 р. въ годъ, смотря по средствамъ журнала, я обявываюсь весь излишекъ, остающійся отъ всѣхъ расходовъ по журналу, употребить на его улучшение, на увеличеніе гонораровъ тѣхъ изъ сотрудниковъ, которые составляютъ душу журнала или у которыхъ безбѣдное существованіе связывается съ успѣхами ихъ дѣятельности. Не все равно, будетъ ли поставленъ писатель въ необходимость, при извѣстной матеріальной обстановкѣ, писать четыре или пять печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ или только два, но за то же вознагражденіе. Разумѣется, достоинство умственнаго произведенія не измѣряется ни мѣрой, ни вѣсомъ, и слѣдовательно тутъ все будетъ зависѣть отъ совѣстливости и уваженія къ себѣ каждаго писателя, но съ другой стороны, умственный трудъ не есть что-то такое идеальное, что не подчинялось бы требованіямъ желудка, холода и тепла. Если писатель будетъ поставленъ въ возможность употреблять меньше времени на процессъ самаго писанія, и больше читать и соображать, то литература въ правѣ скорѣе рассчитывать на зрѣлыя и глубоко продуманныя идеи въ томъ случаѣ, когда вознагражденіе литератора возвысится до болѣе раціональной нормы. Затѣмъ, если обстоятельства позволяютъ, цѣна журнала можетъ понижаться и слѣдуетъ быть болѣе доступной большинству публики. Это и будетъ тотъ дивидентъ, который никакъ не могла переварить убогая голова г. Подписчика «Рус. Слова». Наконецъ терминъ: *повѣренный* совершенно сбился съ толку нашего инсинуатора и онъ усмотрѣлъ въ этомъ словѣ намѣреніе мое *умыть руки* отъ расчетовъ съ подписчиками «Рускаго Слова», въ случаѣ его прекращенія отъ непредвидѣнныхъ об-

стойательствъ или отъ недостатка средствъ. Вѣроятно, состоя долго при такой журнальной дворнѣ, при которой дѣло было не безъ умыванія рукъ, г. подписчикъ «Русскаго Слова» расположенъ видѣть во всемъ злые и мошенническіе замыслы. Но да успокоится онъ на мой счетъ. Называя себя *постраннымъ*, я не скрываю въ этомъ словѣ никакого ухищренія, не слагаю съ себя ни одного обязательства относительно добросовѣстнаго расчета съ подписчиками; обязательства эти остаются въ прежней силѣ. Слово *постранный* или *мавноуправляющій* журнальной конторой имѣетъ то значеніе, что издатель журнала не безотчетный распорядитель подписною суммою, а лицо довѣренное, которое, однакожъ, по своему нравственному и общественному положенію, беретъ на себя всю отвѣтственность за предпріятіе, въ которомъ его дѣятельность никѣмъ лично не стѣсняется, и остается вполне самостоятельною. Весь рискъ и всѣ случайности на его сторонѣ, но только онъ не хочетъ дѣйствовать ни въ какомъ случаѣ въ потьмахъ и произвольно. Не знаю, такъ ли это въ торговомъ уставѣ, но по совѣсти иначе и быть не можетъ. Постоянные подписчики «Русскаго Слова», слѣдившіе за журналомъ съ 1863 года, могли ясно видѣть, какъ улучшался журналъ по мѣрѣ увеличенія его матеріальныхъ средствъ, и вѣроятно не откажутъ въ извѣстной долѣ добросовѣстнаго исполненія дѣла. При этомъ я могу указать на то обстоятельство, что объемъ «Русскаго Слова» никогда не былъ меньше сравнительно съ другими толстыми журналами, хотя цѣна его (12 р. 50 к.) значительно ниже остальныхъ такихъ же изданій. Въ 1864 году «Русское Слово» заключало въ себѣ 26 печатныхъ листовъ больше, чѣмъ въ 1863 году, потому что число подписчиковъ его увеличилось. Какъ не мелочень этотъ случай, но я не долженъ забыть и его въ объясненіи съ такими соглядатаями чужихъ вармановъ, какъ мой наивный инсинуаторъ. Что же касается расчетовъ по «Русскому Слову» въ 1862 году, по случаю его приостановленія на 8 мѣсяцевъ, то гг. Соколовъ, Зайцевъ, Благовѣщенскій имѣли полное основаніе опереться на этотъ фактъ, какъ на доказательство того, что «Русское Слово» исполнило свои обязанности честно. Планъ удовлетворенія подписчиковъ былъ составленъ мной, исполненъ за моею личною отвѣтственностію и риску его подвергался я одинъ; слѣдовательно тутъ нѣтъ никакой *хитрости*, если половину этого дѣла я приму на себя. Въ графѣ Куселевъ-Безбородко, какъ въ человѣкѣ честномъ и какъ въ издателѣ, далекомъ отъ всякой журнальной спекуляціи, я всегда находилъ полную готовность поступать справедливо, но онъ подтвердитъ, что вся нравственная отвѣтственность по расчетамъ 1862 года лежала на мнѣ,

и исполненіе ихъ зависѣло прямо отъ меня. Помнится, что г. Некрасовъ былъ у меня по этому поводу и послѣдовалъ тому же плану, только съ гораздо меньшимъ срокомъ для расчета съ своими подписчиками.

Затѣмъ мнѣ нечего больше сказать моему замаскированному вопрошателю и остается только пожелать ему поскорѣе очистить свою совѣсть отъ тѣхъ чернильныхъ пятенъ, которыя легли на нее отъ грязныхъ страницъ нашей газетной фабрики.

Гр. Благосвѣтловъ.

ОТВѢТЬ РАЗОГОРЧЕННОМУ Г. ВС. КРЕСТОВСКОМУ.

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться.

Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?

Послѣ письма г. Вс. Крестовскаго, напечатаннаго имъ во 2-й окт. кн. «Отечеств. Записокъ»,—письма, избличающаго меня въ неприличномъ желаніи пользоваться знакомствомъ и сотрудничествомъ г. Крестовскаго, мнѣ слѣдовало бы отказаться отъ всякой общественной дѣятельности и похоронить себя заживо въ Соловецкой пустыни. Вообразите, читатель, что я за потерянное существо—въ одно и то же время прошу г. Крестовскаго писать въ «Рус. Словѣ» и тутъ же *дозволяю* рѣзкія выраженія на счетъ его романа: «Петербургскія Трущобы». Г. Крестовскій проситъ меня дать ему «въ возможно-скорѣйшемъ времени ясный, неуклончивый и категорическій отвѣтъ», какъ ему понимать мое странное поведение относительно его. Отвѣчаю, и прошу извинить меня, г. Крестовскій, если я напомню вамъ о такомъ прошломъ, которое, можетъ быть, вамъ пріятнѣе было бы забыть.

Вы, вонечно, не откажитесь и теперь, когда насъ раздѣляютъ съ вами цѣлыя меотійскія болота «Отечеств. Записокъ», что вы долго участвовали въ «Рус. Словѣ»; вы, между прочимъ, помѣщали въ немъ коротенькія рецензіи, горячо защищали въ нихъ эманципацию женщинъ и воевали съ схоластикой русскаго филистерства. Тотъ же многоуважаемый знакомый, у котораго я встрѣтился съ вами и отъ котораго вы такъ любезно проводили меня до самаго подъѣзда моей квартиры, передалъ мнѣ изъ вашихъ вопомянутыхъ

слѣдующій вашъ отзывъ обо мнѣ: *самыми светлыми днями*, говорили вы, *въ моей жизни было время моего знакомства съ Благо-святловымъ*. Тоже самое вы повторили мнѣ въ глаза. Говорили-ли вы это искренно или нѣтъ—не знаю; но я былъ бы слишкомъ мелочно-самолюбивъ, если-бъ принялъ ваши слова въ смыслъ нашего личнаго знакомства; я понялъ ихъ, какъ ваше воспоминаніе о сотрудничествѣ въ «Русскомъ Словѣ», потому что оно насъ познакомило и оно же поссорило насъ. Понявъ вашъ любезный отзывъ въ этомъ смыслѣ, мнѣ стало ужасно жалко васъ; мнѣ показалось, что въ вашихъ словахъ пронесено глубокое раскаяніе за все то время, которое вы провели въ «Рус. Слова», за то нравственное паденіе, которое увлекло васъ, вмѣстѣ съ другими умственно-недалекими людьми, въ послѣдніе три года. Вспомните, что ваше имя стоитъ теперь рядомъ съ гг. Стебницкимъ, Инкогнито и Соловьевымъ. Вотъ что вы говорили въ 1861 году, по поводу неприличныхъ выходокъ Камня Виногорова: «Мы и теперь коснулись ихъ (т. е. ругательства Камня Виногорова противъ г-жи Толмачевой) только для того, чтобы показать, до чего можетъ еще въ наше время простираться безнравственное мракобѣсіе, да еще въ журналѣ, который ото всѣхъ заслуживалъ названія *порядочною*» (Русское Слово. 1861 г. 3 кн. Смѣсь. 40 стр.). Такъ вы думали въ 1861 году о порядочности журнала и за одну безтактную выходку считали его навсегда потеряннымъ. А теперь гдѣ вы участвуете и кого украшаете славой вашего романа? Развѣ г. Инкогнито или г. Соловьевъ лучше Камня Виногорова разсуждаютъ объ общественномъ положеніи женщины? Развѣ я не могъ бы сотнями цитатъ изъ «Отечественныхъ записокъ» доказать вамъ, что *руководства* («Вѣка») сравнительно съ тѣмъ журналомъ, гдѣ вы подвизаетесь, просто похвала въ отношеніи женщины. А еще гдѣ вы подвизались? Въ «Осѣ» г. Стелловскаго, гдѣ вы сочинили главную корректуру на меня и печатали ее до послѣдняго издыханія этой паршивой газетки. А еще гдѣ вы были? Въ «Якорѣ» г. Ап. Григорьева, которому, т. е. «Якорю» глупѣе и пошлѣе ничего нельзя приписать даже въ нашей журналистикѣ. Это я называю глубокимъ нравственнымъ паденіемъ послѣ вашего сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ», вмѣстѣ съ М. Л. Михайловымъ, гг. Писаревымъ, Н. Костомаровымъ и др. И если-бъ вы имѣли настолько силы воли и дальновидности, то вы, дѣйствительно, принесли бы публичное покаяніе.

Но способны ли вы на это? Я думаю, что да. Позвольте мнѣ сообщить вамъ мое искреннее мнѣніе о васъ. Въ талантѣ я никогда не отказывалъ вамъ, въ хорошихъ юношескихъ стремленіяхъ я былъ

увѣренъ; но вы принадлежите къ числу тѣхъ характеровъ, которые, по недостатку развитія, не могутъ жить самостоятельной мыслию. Эти характеры или, лучше, безхарактерности совершенно зависятъ отъ того кружка, въ которомъ обращаются. Сегодня они могутъ быть яркими либералами, а завтра такими же обскурантами, смотря потому, кто на нихъ дѣйствуетъ. Чувство этихъ людей—а они живутъ преимущественно чувствомъ — похоже на сухую губву, способную пропитаться той влагой, въ которую она попадаетъ. Вы именно — такой характеръ. Не обидтесь вы рецензией г. Минаева на ваши стихотворенія, поставьте вашу литературную дѣятельность, честь вашего имени выше дѣтской обидчивости и вы не оставили бы «Русское Слово», и потомъ цѣлымъ рядомъ метаморфозъ не дошли бы до такого вонючаго скита, гдѣ соперничаетъ съ вами г. Стебницкій. Нельзя предвидѣть будущаго, и потому я не знаю, гдѣ вы остановитесь, но пока я неизмѣримо лучше думаю о васъ, чѣмъ о вашихъ сотрудникахъ въ «Отечественныхъ запискахъ», и думаю такъ именно потому, что вы, подъ вліяніемъ другого кружка, можете возродиться. Вотъ почему я и не прочь былъ примириться съ вами и предложить вамъ сотрудничество въ «Русскомъ Словѣ». При повальной бѣдности нашихъ литературныхъ силъ въ положеніи редактора нѣтъ возможности относиться такъ строго къ убѣжденіямъ писателя, какъ вы полагаете. Я за одно ручаюсь, что какъ прежде вы не напечатали въ «Русскомъ Словѣ» ни одной недобросовѣстной строчки, такъ и теперь, если бы вы помѣстили что нибудь въ этомъ журналѣ, не прошло бы помимо моей критики. Вы въ этомъ отношеніи знаете меня очень хорошо... Такимъ образомъ, предлагая вамъ писать фельетонъ въ «Русскомъ Словѣ», я во-первыхъ не обязывался непременно печатать все, что вамъ вздумается, и во вторыхъ не особенно и упрашивалъ васъ объ этомъ. Послѣ моего свиданія съ вами у г. Филиппова, вы были у меня два раза, и я ни одинъ разъ не возобновлялъ моего предложенія. Напрасно только вы сплетаете слѣдующую фразу: «Я сказалъ ему (т. е. мнѣ) тогда, пишете вы г. Краевскому, что уваженіе къ себѣ самому, къ нему, къ его читателямъ и къ его журналу рѣшительно не допускаетъ, чтобы я отнынѣ помѣстилъ въ «Русскомъ Словѣ» хотя единую мою строку». Сочиняете вы, г. Крестовскій,—никогда вы не говорили этого лично мнѣ, да и не могли говорить, если только вы дѣйствительно уважаете себя. Я напому вамъ объ одномъ случаѣ,— а именно о томъ днѣ, когда вы были у меня въ 1863 году и рассказывали о вашихъ планахъ поступить въ уланы,— вы вовсе не такъ геройствовали, какъ прикидываетесь теперь. Ужъ не ге-

ройство ли вашихъ литературныхъ чувствъ завело васъ и въ «Отечественныя Записки»? Если только вы будете настаивать на этомъ, я перепечатаю всѣ ваши рецензїи въ «Русскомъ Словѣ» и пошлю ихъ г. Краевскому. Посрамитесь вы сильно передъ этимъ доблестнымъ мужемъ, потому что за три года вы называли его журналъ *старучьими* записками (съ 1862 г. онъ конечно помолодѣли), а «Петербургскія Вѣдомости», которые тогда *сочинялъ* самъ Андрей Александровичъ, вы ставили наравнѣ съ «Домашней Бесѣдой». Вотъ ваши собственныя слова: «Будь люди поумнѣй въ XIV вѣкѣ, у нихъ не было бы ни разбойниковъ, въ родѣ рыцарей, ни инквизиторовъ въ монашеской одеждѣ, державшихъ въ одной рукѣ распятїе, а въ другой орудїя пытки, ни схоластической чепухи, въ родѣ философин г. Страхова (теперь вы, кажется, и имъ не пренебрегли) съ братїей; будь мы поразсудительнѣй теперь, мы не стали бы читать ни «Домашней Бесѣды», ни «Петербургскихъ Вѣдомостей», потому что догадались бы непремѣнно, что эти два великіе органа издаются съ единственной цѣлью выбивать изъ нашей головы послѣднія здравыя мысли». (Рус. Слово. 1861 г. 7 кн. Рус. Литер. стр. 44). Полюбуйтесь теперь на ваши рыцарскія чувства. Въ 1861 году г. Краевского, какъ редактора «Петербургскихъ Вѣдомостей», вы ставили на одну доску съ Аскоченскимъ, а теперь пародируете передъ нимъ вашимъ высокимъ уваженїемъ къ себѣ. Совѣтую вамъ не лгать, иначе я каждое ваше слово, сказанное въ 1865 году, обличу вашими же старыми грѣхами. Уступите безраздѣльно систему печатнаго лганья г. Постороннему Сатирику — вѣдь это его специальность.

Наконецъ я постараюсь растолковать г. Крестовскому, что письмо его не имѣетъ не только общественнаго значенїя, но и простаго человѣческаго смысла. Г. Зайцевъ назвалъ его романъ полнейски-сыщиковскимъ, а онъ принялся обличать меня, какъ будто я лично разогорчилъ его. Неужели вы, г. Крестовскій, не понимаете, что редакторъ не есть начальникъ отдѣленїя, который отдаетъ своимъ писцамъ приказанїя о томъ-то написать такъ, а объ этомъ-то эдакъ. Я считаю себя солидарнымъ съ сотрудниками «Русскаго Слова» въ общемъ направленїи журнала, но какой же былъ бы я дуракъ если бы, думалъ, что всѣ мы, работающїе въ «Русскомъ Словѣ» даже о «Петербургскихъ труппахъ» должны имѣть одинаковое мнѣнїе. Вѣдь у насъ не одна голова и не одно сердце. Можетъ быть, я не выразился бы такъ рѣзко, какъ г. Зайцевъ, но если онъ выразился такъ, а не иначе, то не подстригать же мнѣ его выраженїй. Онъ въ «Русскомъ Словѣ» совершенно самостоятельный сотрудникъ и теперь редакци-

руеть критическій отдѣлъ, подъ его личною отвѣтственностію. Припомните опять изъ вашего горькаго прошлаго, которое впрочемъ вы называете свѣтлыми днями вашей жизни,—какъ я поступилъ съ вами лично, когда вы такъ рѣзко объяснялись съ г. Н. Костомаровымъ, по поводу какого-то малороссійскаго пдіота—Сковороды. Не могу безъ смѣха подумать, какъ почтенный профессоръ, по долгу патріотизма, вступился за Сковороду и напалъ на васъ со всею его ученостію, какъ на муху съ булжникомъ. Обругалъ онъ васъ жестоко и совершенно несправедливо. Вы хотѣли отвѣчать ему въ «Русскомъ Словѣ», и отвѣтили. Какъ ни корбило тогда графа Куселева отъ вашего отвѣта, какъ я ни дорожилъ сотрудничествомъ г. Н. Костомарова, но я напечаталъ вашъ отвѣтъ, потому что считалъ его справедливымъ. Личныхъ отношеній и пріятельскихъ чувствъ по журналу у меня нѣтъ никакихъ. Точно также я помѣстилъ въ «Русскомъ Словѣ» и рецензію г. Минаева, которая поссорила васъ съ этимъ журналомъ. Что же касается до вашего превосходства надъ г. Минаевымъ, то признаюсь вамъ—я никогда надъ этимъ вопросомъ не задумывался, и чтобы рѣшить, его,—надо прежде рѣшить, что лучше и рыцарственнѣе—«Тайны Кухетки» или «Radix Jalappaе». Кажется одно другого стоитъ.

Въ концѣ концовъ, какъ моему прежнему знакомому, посоветую вамъ—не гоняйтесь вы за популярностью, которой такъ легко добились гг. Стебнищій и Ключниковъ и не жертвуйте литературной честью вашему мелкому авторскому самолюбію; иначе, повѣрьте мнѣ, вы залезите и въ «Домашнюю Бесѣду», потому что по мнѣнію г. Вс. Крестовскаго 1861 года отъ г. Краевскаго до Аскоченскаго переходъ не великъ.

Затѣмъ спокойной ночи, г. Крестовскій!

Гр. Благовѣтловъ.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

IV.

Упадокъ непосредственно-натуральныхъ экономическихъ основъ поселеній, въ силу естественно-историческихъ условій, велъ къ перестройкѣ, къ преобразованію экономическихъ началъ старыхъ поселеній и къ развитію новыхъ формъ земско-хозяйственнаго распределенія народа, какъ въ европейской Россіи, такъ и въ Сибири. Не безболѣзненно и не безъ гибельной траты народныхъ силъ совершался этотъ медленный, тяжелый, естественно-историческій метаморфозъ поселеній, выходъ ихъ изъ непосредственно-натуральной области животной экономіи природы и переходъ въ новыя сферы хозяйства—въ область скотоводческой и земледѣльческой колонизаціи и экономіи, въ область индустриальнаго, мануфактурно-промышленнаго и фабрично-заводскаго труда и капитала, въ область экономіи минеральнаго царства природы и проч.

Когда кругомъ чернѣлись въ древней Россіи дремучіе, дикіе лѣса, полные звѣрей и дикихъ пчелъ, когда берега рыбныхъ рѣкъ и озеръ еще не заняты были плотнымъ населеніемъ, а рѣки и озера не распределены на тони, тѣзы, участки, и запасъ рыбы въ нихъ не былъ истощенъ, когда, вдобавокъ, кругомъ много было еще земли хлѣбородной, незанятой, непочатой, и почва была неистощена,—тогда легко и свободно можно было существовать и устроиться въ деревняхъ бобровничьихъ, рыболовнихъ, бортничьихъ и даже царскихъ-сокольничьихъ. Во всѣхъ этихъ сферахъ богатей, неиздержанной экономіи животнаго царства воды и земли всѣ находили и работу, и пропитаніе, и *рухлядь*, и *животы* или имущество, и всѣ нужные матеріалы для домоустройства. Зоологическая экономія при-

роды вскармливала и воспитывала всѣхъ въ непосредственно-натуральномъ хозяйствѣ поселеній звѣропромышленныхъ, бобровничьихъ, рыболовлихъ, бортничьихъ. Балуемые ея почти даровымъ обеспеченіемъ, прокормленіемъ и воспитаніемъ, земледѣльцы, звѣропромышленники, бобровники, рыболовы и бортники безпощадно расхищали готовую, природную экономію животнаго царства, не познавали и не изыскивали никакихъ другихъ источниковъ и сферъ хозяйства, даже не хотѣли ничего узнавать и перенимать отъ западныхъ европейцевъ, учиться ихъ ремесламъ и промысламъ. Между тѣмъ деревни хлѣбныя, бобровничьи, бортничьи и рыболовли, все болѣе и болѣе распространяясь, все болѣе и болѣе издерживали и расхищали естественную, продуктивную экономію почвы, воды и лѣсовъ, все болѣе и болѣе искореняли самые лѣса—область звѣрей и боровыхъ пчелъ, заселяли густо всѣ берега рыболовныхъ рѣкъ и озеръ,—и природная продукція почвы, звѣрей, пчелъ и рыбъ все болѣе и болѣе ограничивалась, издерживалась, или на расхватъ занималась. И вотъ, когда истощенная, издержанная и занятая, естественная экономія животнаго царства русской земли, а отчасти и почвы, не стала достаточно поддерживать старыя поселенія — бортничьи, бобровничьи, сокольничьи, рыболовческія и даже хлѣбныя, и не давала, по прежнему, простора для устройства и распространенія новыхъ подобныхъ поселеній; когда насчетъ ея прежняго изобилія и щедрости народонаселеніе умножилось отъ $1\frac{1}{2}$ до 8 или 10 милліоновъ, — тогда народъ сталъ, наконецъ, чувствовать жестокое наказаніе природы за незнаніе и несоблюденіе законовъ числа, мѣры и вѣса въ ея экономіи, за нарушеніе закона равновѣсія и взаимодѣйствія между экономіей природы и экономіей народнаго организма. Народъ былъ воспитанъ и, такъ сказать, избалованъ въ первобытной, непосредственно-натуральной школѣ и экономіи бортничества, бобровничества или звѣроловства, рыболовства и патріархальнаго хлѣбопашества; а внѣ этихъ сферъ не зналъ никакихъ другихъ отраслей промышленнаго труда и производства; привыкъ переходить по деревнямъ пашеннымъ, бортничьимъ, бобровничьимъ, рыболовлимъ и, подобно бродячимъ племенамъ охотничьимъ, привыкъ бродить по лѣсамъ, по путямъ и ухажаямъ бортнымъ, по гонамъ бобровымъ, по путямъ столбичьимъ и сокольничьимъ и т. д. И вотъ, когда, съ уменьшеніемъ лѣсовъ, звѣрей и днаихъ пчелъ, бобровли, звѣропромышленные и бортничьи промыслы и деревни, одни за другими, упа-

дали; когда рыболовскія деревни внутри великорусской земли, съ умноженіемъ рыболововъ, передѣлили всѣ рыбныя воды на участки и, монополизировавшись жалованными грамотами, все-таки жаловались на свою нищету и *брели врознь*; когда, наконецъ, хлѣбныя деревни отъ морозовъ, часто побывавшихъ хлѣбъ, и отъ истощенія почвы тоже часто опустѣвали и также разбродились врознь, — тогда тысячи потомковъ древнихъ бобровниковъ, бортниковъ, сокольниковъ, рыболововъ и хлѣбопашцевъ стали бродить по русской землѣ «межи дворъ» и «по міру», шли въ холопы кабалные, въ захребетники и въ закладчики за сильныхъ и богатыхъ людей, не находили никакого свободнаго и разумнаго труда, не знали никакого промысла, и долго имъ не было мѣста и дѣла въ государствѣ. Явились тысячи такъ называемыхъ *улицкихъ людей*, какихъ произвело московское государство въ XVII в. въ видѣ какого-то особаго сословія, явились или прибавились другія тысячи безхозяйственныхъ, бездомовныхъ, безсемейныхъ людей, такъ называемые *бобыли* — родъ новаго бродячаго и празднаго сословія. Явился третій классъ людей такъ называемыхъ *закладчиковъ, захребетниковъ и кабалныхъ людей*. Явились тысячи лишнихъ, бродячихъ монаховъ, бѣглыхъ помовъ, церковниковъ и церковническихъ дѣтей, по выраженію Петра Великаго, *забобоновъ*, не хотѣвшихъ трудиться. А сколько появилось бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ! Акты XVII в. исполнены извѣстіями объ нихъ. А сколько праздношатающихся нищихъ стало! Однихъ московскихъ нищихъ бродило по міру, по словамъ англичанина Флетчера, *несчетное множество*: въ концѣ XVII в. ихъ насчитывается до 1000 ¹⁾. Въ офоціальныхъ описяхъ городскихъ ремеслъ и промысловъ бродячее нищенство числится какъ особое ремесло, подъ рубрикой: «кормится по міру христовымъ пменемъ» ²⁾. Какая это была регрессивная, гибельная эксплуатація людей, и какая была трата рабочихъ, производительныхъ силъ и времени для успѣховъ культуры и цивилизациі!... Тутъ поневолѣ могла развиться и развилась сильная правительственная опека надъ народною дѣятельностью и промышленностью. Не даромъ Олеарій пришелъ къ такому грустному заключенію: «Русскихъ, говоритъ онъ, при

¹⁾ И. Т. Р. т. X, 283. Царств. Оед. Алексѣев. Бѣрха. Спб. 1835, 1, 86.

²⁾ Пониманная опись, кто чѣмъ промышляетъ въ москов. мѣщ. слоб. (1677 г.). Чт. Общ. И. 1860, кн. II, Смѣсь 1—20.

ихъ природной суровости и грубости нравовъ, необходимо держать въ жестокимъ рабствѣ: такъ на работу ихъ должно стогнать палками и плетями, что впрочемъ сносить они весьма терпѣливо; подобныя мѣры согласуются съ степенью ихъ нравственнаго развитія, да они и привыкли къ нимъ» ¹⁾. По глубокому невѣжеству и крайней несправедливости, русскіе, лишаясь старинныхъ промысловъ, сами не изобрѣтали и не находили новыхъ, лучшихъ ремеслъ и промысловъ. Какъ въ эпоху свободнаго, вѣчевого, *особно-областного* земскаго самоуправства, народъ привыкъ во всемъ слѣпо полагаться на производительныя силы и дары природы и ждать всего свыше, привыкъ рабски подчиняться непосредственнымъ указаніямъ природы и пассивно воспитываться подъ ея непосредственно-натуральной, продуктивной опекой, нисколько не орудя своимъ умомъ въ физической экономіи, не познавая и не комбинируя рационально и разнообразно ея естественныхъ силъ и данныхъ, не дознавая и не производя ни какихъ рациональныхъ, разумно-свободныхъ способовъ промышленности; такъ въ эпоху *соединенно-областного*, централизованнаго, государственнаго строя, онъ въ самомъ своемъ земско-хозяйственномъ устройствѣ и промышленномъ обеспеченіи или продовольствіи рабски и пассивно подчинялся опекѣ и заботамъ правительства, воспитывался подъ его непосредственнымъ руководствомъ, беззаботно дожидаясь его инициативы, предписаній и указовъ относительно собственнаго хозяйственнаго устройства, самъ не додумываясь ни до какой, самой необходимой, самостоятельной инициативы въ собственныхъ своихъ экономическихъ интересахъ и потребностяхъ. Объ этомъ ясно и доказательно свидѣтельствуетъ Юрій Крыжаничъ, вообще безпристрастно изобразившій умственные недостатки русскаго народа: «Годится здѣ обличить, говоритъ онъ, яко до сихъ поръ тяжко баше на Руси заводить ремества... Первое: ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, аще имъ не покажется. Второе: ибо у насъ нѣтъ никакихъ книгъ о промыслахъ, якоже суть въ иныхъ народѣхъ. Третіе: ибо наше людство есть лѣново и непромысленно, и сами себѣ не хотятъ добра учинить, аще не будутъ нѣкою силою принуждены. Четвертое: ибо здѣсь есть совершенно самовладство, и повелѣніемъ царскимъ можетъ по всей землѣ всякая поправа учиниться гдѣ что будетъ по-

¹⁾ Олеарій (въ Архивѣ 1839 кн. III) стр. 40.

лезно и потребно въ обычай завести, а въ иныхъ земляхъ то не было бы зможно» ¹⁾). И дѣйствительно, когда природа отказала во многихъ изъ прежнихъ промысловъ въ ея готовой зоологической экономіи, и когда появилось множество людей безпромысленныхъ, нищихъ и гулящихъ, — царь Алексѣй Михайловичъ нашелъ нужнымъ жаловать ихъ работой.—«Онъ теперь выстроилъ, говорить Коллинсъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы для обработыванія пеньки и льна красивые и обширные дома, *которыя будутъ доставлять работу естамъ бѣднымъ въ государство*. На это онъ назначилъ также нѣсколько миль порожней земли. Царица будетъ завѣдывать женщинами въ этомъ заведеніи, для своихъ польвъ и выгодъ. Такимъ образомъ царь совершенствуетъ мануфактуры своего государства, кормить работниковъ за такія ничтожныя издержки, за какія мы кормимъ своихъ собакъ» ²⁾).

Очевидно, народу нужны были новыя промыслы, когда старинныя его промыслы—звѣропромысленныя, бобровничьи, бортничьи, сокольничьи и другіе упадали. И благо, что былъ еще исходъ промышленнымъ силамъ. Юговосточныя степи представляли новое, широкое поле животной экономіи для распространенія скотоводческой колонизаціи и промышленности, гдѣ и устроились, какъ увидимъ дальше, многочисленныя новыя русскія поселенія. Сибирь открыла исходъ многимъ тысячамъ гулящихъ людей и новое обширное поприще для распространенія не только земледѣльческихъ и скотоводческихъ, но и звѣропромысленныхъ и рыболовческихъ поселеній. Открытіе и разработка новой области экономіи природы, богатствъ минеральнаго царства, дало мѣсто для распространенія новой, горнозаводской колонизаціи и культуры. Тамъ нашли исходъ многіе бѣдные люди, праздные бродяги и бѣглецы. Одинъ изъ такихъ бѣглыхъ, Демидовъ, былъ основателемъ первыхъ горнозаводскихъ промысловъ и колоній. Въ то же время Петръ Великій училъ народъ новымъ европейскимъ ремесламъ и промысламъ, фабричнымъ и заводскимъ. Мало по малу здѣсь, на фабрикахъ и заводахъ, нашли себѣ работу многіе бѣдные люди, и около нихъ стали группироваться новыя промышленныя поселенія, фабрично-заводскія, и мануфактурно-промышленныя. Мало по малу старинныя зоолого-экономическія поселенія преобра-

¹⁾ Рус. госуд. въ пол. XVII в. Юрія Крыжанича, ч. 1, стр. 39—42.

²⁾ Коллинсъ, 34—35.

зовывались съ XVIII в. въ торговля и мануфактурно-промышленныя селенія, подобно селамъ Иванову, Дунилову и многимъ другимъ, и вновь возникали поселенія, совершенно съ новымъ промышленнымъ типомъ, въ родѣ Вознесенскаго Посада Владим. губ. и т. п.

Но все-таки большая часть народа и теперь еще находится въ трудномъ, переходномъ состояніи отъ непосредственно-натуральнаго хозяйства древней Россіи, отъ экономіи природы—къ болѣе или менѣе разумной экономіи труда и капитала. Безъ свѣта и помощи науки, безъ знаній, народъ нашъ, во первыхъ, самъ собою не могъ ни поддержать и развить шире зоологическія основы своего хозяйственнаго благоустройства, ни дать имъ новое направленіе и устройство. На западѣ, съ развитіемъ зоологической науки, разумъ скоро указалъ и освѣтилъ новыя сферы для народнаго хозяйства. Бюффонъ, Нелисъ, Ласепедъ и Бернардеъ де-Сентъ-Пьеръ, а также знаменитый скотоводъ Бакуель (Bakewell † 1795), сельско-хозяйственный писатель А. Юнгъ (Young † 1820), Маршаллъ, Мидлетонъ, Диксонъ, Синглеръ и проч. первые указывали новыя, рациональныя способы хозяйства въ области зоологической экономіи природы. Пастуху Добаштону цивилизація и наука обязана первымъ рациональнымъ приложеніемъ зоологіи къ практическому сельскому хозяйству; имъ показана впервые возможность акклиматизаціи въ XVIII в. надъ тонкорунными испанскими овцами и предложенъ списокъ животныхъ, не только звѣрей, но и рыбъ и птицъ, которыхъ порабощеніе, акклиматизація и искусственное разведеніе могутъ принести большую пользу въ хозяйствѣ, составить капитальное богатство для народовъ. Раухъ, Нешато, Кювье и Исидоръ Жоффуа-Сентъ-Илеръ продолжали развивать идеи практическаго приложенія зоологіи къ народному хозяйству. И вслѣдствіе того, на западѣ зоологическія основы народной экономіи, несмотря на всю экстенсивную, территориальную ограниченность, получили широкое интенсивное развитіе, особенно въ Англіи. У насъ же вовсе не было такого умственного движенія въ области зоологической экономіи природы. Нашъ народъ вовсе не зналъ зоологіи, и потому не умѣлъ ни поддержать, ни осмыслить старыхъ зоологическихъ основъ хозяйства, ни создать новыхъ. Оскудѣвала, напримѣръ, въ извѣстномъ водномъ бассейнѣ рыба, вслѣдствіе неразумныхъ способовъ лова, — наши рыболовы и не догадывались ни о способахъ поддержанія рыболовныхъ

водохранилищъ, ни о возможности искусственнаго разведенія рыбъ, какиѣ на западѣ наука обязана наприм. трудамъ Реми, Милле, отчасти Коста и др. ¹⁾ Изводились дорогіе звѣри—бобры, соболи и множество другихъ, — наши звѣроловы не только не умѣли, но и не подумали попытаться приручить, акклиматизировать и искусственно разводить этихъ животныхъ. Истреблялись лѣса и унадало дикое, бортовое пчеловодство, — и наши бортники, пчеловоды оказались неспособными къ рациональному пчеловодству; вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ, оно повсюду упадало и упадаетъ. Вслѣдствіе отсутствія самостоятельныхъ, естественно-научныхъ опоръ и руководствъ, при совершенномъ незнаніи зоологическихъ наукъ и ихъ примѣненій,—народъ нашъ, естественно, и въ животной экономіи своей долженъ былъ подвергнуться умственному рабству передъ инициативой правительства, долженъ былъ нуждаться въ ней на каждомъ шагу. Такъ Петръ Великій долженъ былъ начать въ Россіи разведеніе шелководства; департаментъ сельскаго хозяйства долженъ былъ открыть во многихъ мѣстахъ конторы для распространенія шелковичнаго червя и усовершенствованныхъ механическихъ шелкомотальныхъ снарядовъ и проч. Пчеловодство также взялось поддерживать правительство, воспитывая пчеловодовъ подъ собственной опекой на многихъ хуторахъ и въ школахъ, основанной для этого въ 1828 г. покойнымъ Прокоповичемъ въ Черниговской губерніи, печатая наставленія о пчеловодствѣ въ Журналѣ министерства государств. имуществъ и въ земледѣльческой газетѣ, подъ покровительствомъ департамента сельскаго хозяйства, и т. п. На рыболовство также должно было обратить вниманіе министерство государств. имуществъ, изслѣдовать его особой экспедиціей, начертать новый рыболовный уставъ, съ цѣлю улучшить способы лова, устранить въ нихъ злоупотребленія и невѣжественныя приемы и предотвратить уменьшеніе улововъ. Между тѣмъ самъ народъ, отъ стараго отставая, новаго ничего не можетъ ввести въ своемъ зоологическомъ хозяйствѣ, потому что нисколько не знаетъ рациональной основы его—науки зоологіи. На западѣ, напримѣръ, въ наше время уже начаты работы, которые показываютъ, что онѣ могутъ повести къ важнымъ результатамъ, что даже сотни тысячъ

¹⁾ Первый въ Россіи заводъ для искусственнаго распложенія рыбъ (г. Враскаго), дѣйствующій и въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ, устроенъ при оз. Вельѣ, Новгород. губ., на границѣ Валдайск. и Демьянскаго уѣздовъ, на сѣверо-западн. берегу его, въ дер. Никольскѣ. (Геогр. слов. I, 418).

насъкомыхъ будутъ со временемъ существовать не для того только, чтобы составлять болѣе или менѣе красивыя коллекціи въ кабинетахъ естественныхъ испытателей, но принесутъ существенную пользу. Дознательствомъ тому служить шелковичный червь. Тамъ теперь и ученые и практики обратили вниманіе не на одного обыкновеннаго шелковичнаго червя (*Bombyx mori*), но и на другія виды червей, питающихся уже не шелковицей, но болѣе сподручнымъ въ европейскомъ хозяйствѣ дубомъ. Аклиматизація новыхъ породъ и видовъ млекопитающихъ и птицъ на западѣ дѣлаетъ также большіе и быстрые успѣхи. Но у насъ, въ народномъ хозяйствѣ, все это еще или немислимо, или *primus desiderium* Московскаго комитета акклиматизаціи. — Во вторыхъ, вышедши изъ непосредственной области животной экономіи природы, изъ кочевого, бродячаго движенія въ сферѣ зоолого-географической, народъ нашъ, и видъ зоологической экономіи природы, въ новыхъ индустріальныхъ сферахъ, болшею частію и теперь еще не нашелъ и не узналъ новыхъ рациональныхъ промысловъ, не опознался разумно-сознательно и вполне въ новой промышленной сферѣ труда и капитала, давно уже освѣщенной западнымъ индустріальнымъ гениемъ. Старыя привычки къ броженію въ немъ коренятся. Какъ въ древней Россіи бортнигъ, бобровнигъ или звѣроловъ бродилъ по бобровымъ гонамъ, по бортнымъ путямъ и ухажаямъ, или древне-русскій крестьянинъ велъ такую же полукочевую жизнь, — такъ теперь еще большая часть нашихъ ремесленниковъ ведутъ бродячую жизнь, занимаются бродячими промыслами. Не развиты еще въ народѣ вполне-раціональные и разнообразные осѣдлые промыслы, а потому нѣтъ еще въ нашемъ рабочемъ населеніи промышленно-ремесленной осѣдлости. Сколько теперь еще промысловъ такъ называемыхъ *бродячихъ, отхожихъ, ходячихъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ бродячимъ мастерствамъ относятся даже, напримѣръ, занятія: печное, каменныхъ работъ, плотничное, красильное, портное, сапожное, такъ называемые, *ходячія кузницы* и мн. др. Напримѣръ, въ Ярославской губерніи домашнихъ осѣдлыхъ промысловъ фабричныхъ только 10 видовъ, а отлучныхъ 33 вида, заводскихъ мастеровыхъ домашнихъ 5, а отлучныхъ 40 видовъ; или число домашнихъ, осѣдлыхъ промышленниковъ составляетъ $\frac{1}{11}$ часть, а число отлучныхъ, бродячихъ въ $2\frac{1}{2}$ раза болше числа домашнихъ. Вотъ таблица для наглядности:

Число видовъ про- мысловъ.	Число промышленниковъ:				
	наличныхъ.		годовыхъ.		
	отлуч- ныхъ.	домаш- ныхъ.	отлуч- ныхъ.	домаш- ныхъ.	
69	2193,5	8144,5	1123,76	4046,90	
280	20724,5	6017	14555,07	3360,98	
110	5222	619,5	3626,81	356,97	
Итого.	459	28,140	14,781	1,930,564	776,485 ¹⁾

Воспитанный въ вѣковой сѣрѣ непосредственно-натуральной экономіи и промышленности, въ однихъ деревняхъ бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовлихъ, пастушескихъ и хлѣбныхъ, и не зная другихъ формъ поселеній, основанныхъ не на одной естественной экономіи животной природы, а на индустріальной интеллигенціи и образованности, привыкши къ безопасному расхищенію произведеній или даровъ природной экономіи, и такимъ образомъ доведши себя до крайней бѣдности и необходимости влачить потомъ жизнь гулящихъ людей, захребетниковъ, наемныхъ и кабалныхъ работниковъ, служниковъ и т. п., — народъ не развилъ въ себѣ индустріальнаго смысла, умѣнья, знаній, промышленной самостоятельности, самонаходчивости, не зналъ новыхъ промысловъ, не могъ вдругъ устроиться въ новыхъ, фабрично-заводскихъ и мануфактурно-промышленныхъ поселеніяхъ и поневолѣ пускался на самыя жалкіе, бродячіе промыслы, въ родѣ суздальскихъ ходобщииковъ, рязанскихъ бердовщииковъ, шерстобитовъ, бурлаковъ и еще хуже. Сколько еще теперь промысловъ такъ называемыхъ *безыскусственныхъ*! Напримѣръ, въ Тверской губерніи изъ числа 6961 услужнаго занятія, самыхъ безыскусственныхъ промысловъ до 5421, и въ томъ числѣ однихъ пастуховъ до 3470. Во Владимірской губерніи, въ области мануфактурно-промышленной и фабрично-заводской, гдѣ скотоводство никогда не процвѣтало, тоже до 3000 бродячихъ пастуховъ, ходящихъ въ сосѣднія губерніи пасти скотъ. Есть цѣлыя селенія, въ родѣ села Аграфенина—пустынь рязанскаго уѣзда, гдѣ всѣ промышленники—бродячіе пастухи и *подпаски*; въ Ярославской губерніи, въ этой, можно сказать, русской мануфактурно-промышленной Англій въ миниатюрѣ, изъ числа промышленниковъ, служниковъ, требующихъ искусства и навыка, только 13 видовъ, а безыскусствен-

¹⁾ Матер. для Статист. Россіи, изд. Минист. Госуд. Им. вып. II, стр. 203.

ныхъ 24. Число самостоятельныхъ промышленниковъ, неумѣвшихъ начѣмъ жить, какъ только личнымъ услуженіемъ и незатѣйливой черной работой, преобладаетъ надъ 7 разрядами изъ 9 главныхъ разрядовъ промысловъ господствующихъ въ Ярослав. губ. Именно, на 100 годовыхъ промышленниковъ по губерніи причитается:

Владѣльцевъ заведеній	5,97
Торговцевъ	8,45
Подрядчиковъ.	1,25
Извозчиковъ	5,67
Фабричныхъ	7,10
Заводскихъ мастеровыхъ	2,57
Услужниковъ.	25,03
Чернорабочихъ	9,59

Не говоримъ уже, сколько образовалось, при глубокомъ невѣжествѣ народа, промысловъ самыхъ странныхъ, пустыхъ, суевѣрныхъ или служащихъ суевѣрію, бесполезныхъ и даже вредныхъ. Только въ странѣ кнотовъ, батовъ и кулаковъ, могло, на примѣръ, цѣлое мѣстечко Боцьки, въ бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, прославиться производствомъ *наоекъ* и *кнотовъ*, извѣстныхъ у швольниковъ подъ названіемъ *боцьковскихъ утицателей* ¹⁾...

Въ Сибири, особенно въ сѣверныхъ зоолого-географическихъ областяхъ охотничьихъ поселеній, кажется, еще бѣдственнѣе и болѣзненнѣе совершался и совершается естественно-историческій упадокъ и метаморфозъ зоолого-экономическихъ поселеній. Чѣмъ болѣе дорогіе звѣри вытѣсняли дорогихъ и умножались вмѣсто нихъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе частныхъ звѣролововъ и звѣропромышленныхъ поселеній, и тѣмъ возможнѣе и быстрѣе было развитіе особенныхъ сборныхъ мѣхоторговыхъ центровъ или конторъ и ярмарокъ, въ родѣ конторъ сѣверо-американской компаніи, ярмарокъ ирбитской и нижегородской, магазиновъ московскихъ и петербургскихъ. Соболи и бобры убывали и получали все большую и большую цѣнность, а недорогіе звѣри — грызуны, вмѣсто нихъ, умножались и дешевѣли. Между тѣмъ звѣропромышленникъ, какой-нибудь тунгусъ, корякъ или другой бродячій инородецъ, только изъ-за соболи и бобра, главнымъ образомъ, и познакомился съ по-

¹⁾ Географ. Слов. I, 311.

выми потребностями — съ чаемъ и сахаромъ, хлѣбомъ и табакомъ, съ котлами, ножами, ружьями и т. п., и только на нихъ могъ больше выторговать или вымѣнять этихъ вещей; а то долженъ былъ давать, быть можетъ, впятеро или вдесятеро больше недорогихъ звѣрей. Слѣдовательно онъ долженъ былъ усилить энергію своихъ звѣро-промышленныхъ странствованій и, по причинѣ запуганности и убыли соболей, обходить огромныя, лѣсныя и пустынные пространства, чтобы хоть сколько нибудь наловить ихъ, и все это, въ концѣ концовъ, для того, чтобы за муку, за водку, за табакъ, или за чай и сахаръ, за котель и ножъ, за какую-нибудь простую матерію, сложить, посредствомъ мелкихъ торговцевъ-барышниковъ, весь сборъ своего тяжелого, бродячаго труда въ общую сумму мѣховою торговлею, въ главные центры ея, напримѣръ, въ контору сѣверо-американской компаніи, въ магазины Москвы и Петербурга, или на ярмарку нижегородскую и т. п. Такимъ образомъ убыль дорогихъ звѣрей гораздо ощутительнѣе дѣлалась для частныхъ звѣро-промышленниковъ и мѣхоторговцевъ, чѣмъ для общей сложности мѣховою торговлею; слѣдовательно, насколько подрывала существованіе, развитіе и распространеніе звѣропромышленныхъ поселеній, особенно бродячихъ инородцевъ, настолько же способствовала развитію мѣхопромышленныхъ или мѣхоторговыхъ центровъ. «Безъ сомнѣнія, говоритъ Бэръ, теперь отдѣльному охотнику и торговцу гораздо труднѣе съ наименьшимъ трудомъ напромыслить и скопить такое количество мѣховъ, какъ это возможно было прежде съ гораздо меньшимъ трудомъ, частію потому, что число и дѣятельность охотниковъ умножались и усиливались, такъ какъ инородцы и русскіе, живущіе въ звѣропромышленныхъ округахъ, все болѣе и болѣе предъявляютъ запасы на произведенія цивилизаціи, которыя они могутъ приобретать только на промѣнъ мѣховъ; частію потому, что лицъ, принимающихъ участіе въ мѣховою торговлѣ, становилось все болѣе и болѣе, чѣмъ прежде»¹⁾. Вслѣдствіе такого естественно-историческаго измѣненія условій, что въ древней Россіи вело къ распространенію звѣропромышленной колонизаціи и поддерживало инородческія охотничьи поселенія, то въ новой Россіи вело или прямо къ упадку и ограниченію звѣроловческихъ поселеній, или къ преобразованію ихъ въ рыболовческія, скотоводческія, земледѣльческія, и наконецъ, къ

¹⁾ Baer, Uebers. d. Jagd—Erwerbes in Sibir, s. 118.

развитію особаго, мѣхоторговаго купечества въ городахъ. И тамъ, гдѣ въ XVII в. русскіе служилые, торговые и промышленные люди наживались соболями, и возникало зимовье за зимовьемъ, острогъ за острогомъ, городъ за городомъ, тамъ теперь большею частію царство голода и бѣдности. Съ тѣхъ поръ, какъ дачь тамъ исчезла и скрывалась въ лѣсахъ, по мѣрѣ расселенія въ сѣверо-восточныхъ пустыняхъ инородческихъ племень и русскихъ, — съ тѣхъ поръ всѣ поселенія находятся тамъ въ какомъ-то бѣдственно-переходномъ, хаотическомъ броженіи. Голодные жители словно мечутся отъ одной области животной экономіи природы къ другой. Когда звѣроловная область животной-экономіи оскудѣвала или почему нибудь отказывалась прокармливать жителей, они избирали другую зоологическую область естественной экономіи и въ ней устраивались или промыслили. Такимъ образомъ происходила естественно-историческая спеціализація въ зоолого-географическомъ распредѣленіи и зоолого-экономическихъ типахъ поселеній. На переходѣ отъ охотничьяго, звѣроловнаго быта, крайняя бѣдность обыкновенно побуждала сѣверныя, звѣроловческія поселенія передвигаться чаще всего на берега рѣкъ или моря и обращаться изъ бродячихъ или кочевыхъ въ осѣдлыя, рыболовческія. Такъ поступили зашиверскіе якуты, когда охота стала для нихъ невыгоднымъ средствомъ жизни. «Охота, говоритъ Врангель, составляетъ у нихъ побочный промыселъ. Бѣднѣйшіе якуты, неимѣющіе ни рогатаго скота, ни лошадей, живутъ осѣдло на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того *рычными* ¹⁾.» Чукчи, обorigены страны, вслѣдствіе такихъ же естественно-историческихъ причинъ, также уже давно подраздѣлились въ зоологическихъ областяхъ мѣстной экономіи природы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ поселеніяхъ. Одни чукчи, не довольствуясь охотою за пушными звѣрями и дикими оленями, издавна приручили оленей и стали вести кочевую жизнь. Это такъ называемые *оленные* или *кочевые* чукчи. Другіе, лишившись оленей отъ болѣзней и хищныхъ звѣрей, и не довольствуясь скуднымъ звѣроловствомъ, съ голоду кинулись на ловлю рыбы, китовъ, моржей, тюленей, и поселились на берега моря. Это такъ называемые *сидячіе* или *осѣдлые* чукчи. «Эта малая часть чукчей, говоритъ Сарычевъ, состоитъ изъ бѣдныхъ людей, лишившихся какимъ-либо случаемъ своихъ оленей, и потому

¹⁾ Врангель I, 214.

принужденныхъ поселиться въ неперемѣнныхъ поселеніяхъ, близъ моря, искать пропитанія отъ него. Зимомъ живутъ они въ земляныхъ юртахъ, а лѣтомъ въ шалашахъ. Море доставляетъ имъ пищу въ изобиліи. Они заготавливаютъ не только для себя, но и для оленныхъ чукочъ рыбу и изъ морскихъ звѣрей жиръ, шьютъ также кишечные камлени и лѣтнюю обувь; зато въ замѣну получаютъ отъ оленныхъ чукочъ на платья и на зимнюю обувь оленины кожи, также табакъ и другіе русскіе товары» ¹⁾. Земноводныя животныя—моржи, тюлени и киты являются чаще въ краяхъ, лежащихъ далѣе на востокъ,—потому и береговыя поселенія сидячихъ чукчей, по мѣрѣ приближенія къ Берингову проливу, являются многочисленнѣе. Дружественный, зоолого-продуктивный обмѣнъ оленныхъ и сидячихъ чукчей еще поддерживаетъ ихъ поселенія. «Оба племени, говоритъ Врангель, живутъ въ хорошемъ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговыя, сидячіе чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржовыя ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленины кожи и готовые платья» ²⁾. Точно также тунгусы, вслѣдствіе упадка звѣриныхъ промысловъ, не зная и не находя никакого другого исхода изъ зоолого-географической области естественной экономіи, сосредоточивались или въ степяхъ—въ зоологической области рогатаго скота и лошади, или на берегахъ рѣкъ—въ зоологической области рыбъ, или въ полярныхъ, мшистыхъ тундрахъ, лѣсахъ и горахъ—въ зоологической области оленя и полярной собаки. И такимъ образомъ поселенія ихъ были или такъ называемыя *степныя, скотныя и конныя*, или такъ называемыя—*лѣсныя, оленья и собачьяя* ³⁾. Такъ крайняя бѣдность, безысходность, беспомощность, безъ знанія наиболѣе производительныхъ промысловъ, въ всякой возможности найти ихъ, безъ правильныхъ общественныхъ поселеній, — такая безысходная бѣдность заставляла звѣролововъ бросать охотничью сѣверную тяжелую, бродячую, звѣропромышленную трату силъ, и переходить отъ одной области животной экономіи къ другой, искать средствъ жизни то въ рѣкѣ рыбной, то въ тундрѣ и горахъ, гдѣ водились дикіе олени, то въ степи, гдѣ можно было кормиться отъ стадъ. Въ то время, какъ

1) Сарычева путеш. по сѣверовост. части Сибири въ 1785 по 1793 г. изд. 1802 г. ч. II, стр. 105.

2) Врангель, II, 336.

3) Georgi, Bemerkung. einer Reise, Bd. I, s. 249—250.

одни, сошедши съ скользской колеи бродячаго, звѣроловческаго пропитанія, ищутъ послѣдней поддержки жизни въ зоологической экономіи рѣкъ, оленныхъ тундръ и проч., другіе безраздѣльно кидаются во все сферы животной экономіи, какія представляетъ полярная природа. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи вымерли и вымираютъ многія охотничьи поселенія Сибири. И ни откуда не было и нѣтъ для нихъ освѣщающаго луча новой промышленности, наиболѣе производительной; ни откуда не было для нихъ оживляющаго свѣта новыхъ жизненныхъ сферъ экономіи и промышленнаго обществитія. «Просвѣщеніе, говоритъ Либихъ, есть экономія силъ.» А у нихъ, у этихъ бѣдныхъ и беспомощныхъ рабовъ животной экономіи природы, вся бродячая жизнь есть только трата силъ, въ борьбѣ за существованіе, до вымиранія. И откуда, гдѣ, когда и какимъ образомъ имъ было узнать или создать новыя, промышленныя сферы, когда окружающая, полярная среда обуславливала только холодъ, голодъ и движеніе, и когда вся жизнь ихъ была пассивнымъ отправленіемъ или круговращеніемъ холода, голода и движенія? Самыя русскія, колымскія поселенія тамъ едва прозябаютъ. Первые колонисты, звѣропромышленные казаки, предки нынѣшнихъ колымчанъ, обогащались тамъ соболями. А когда потомковъ ихъ соболи уже не только не обогащали, но и не обеспечивали хлѣбомъ насущнымъ, куда было имъ дѣваться, чѣмъ жить? И вотъ они живутъ и перебиваются кое-какъ, въ областяхъ животной экономіи полярной природы, годъ за годомъ, сообразно съ годовымъ круговращеніемъ. Придетъ весна—они селятся при рѣкахъ, въ области экономіи рыбъ, которыми и питаются; лѣтомъ—они промышляютъ въ области экономіи птицъ и дикихъ оленей; осенью—опять въ сферѣ ихтіологической, рыболовной,—и такъ вѣчно вращаются промыслы, движутся люди и поселенія ихъ. Они испытываютъ ужасы отъ опасности умереть голодною смертію. «Когда мы пріѣхали въ Плотбище, говоритъ Врангель, все собранное тамъ народонаселеніе находилось въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ разнесся слухъ, что первые многочисленные табуны оленей показались въ долину, къ сѣверу отъ Анюэ. Мгновенно все, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники

обыкновенно поджидаютъ свою добычу... Трудно себѣ представить, до какой степени достигаесть голодъ среди здѣшнихъ народовъ, существованіе которыхъ зависитъ единственно отъ случая. Часто съ половины лѣта люди питаются уже древесною корою и шкурами, до того служившими имъ постелями и одеждою. Случайно пойманный или убитый олень дѣлится поровну между членами цѣлаго рода и съедается, въ полномъ смыслѣ слова, съ *костями* и *шкурою*. Все, даже внутренности и толченныя рога и кости употребляется въ пищу, потому что надобно чѣмъ нибудь наполнить терзаемый голодомъ желудокъ. Впродолженіе нашего здѣсь пребыванія приходъ оленей былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ. Наконецъ, 12 сентября, на правомъ берегу рѣки, противъ Лабазнаго, показались отрада и спасеніе туземцовъ,—безчисленный табунъ оленей покрылъ всѣ прибрежныя возвышенія. Вѣтвистыя рога ихъ колыхались, какъ будто огромныя полосы сухого кустарника. Все пришло въ движеніе. Со всѣхъ сторонъ устремились якуты, чуванцы, ламуты и тунгусы, иѣшкомъ и въ лодкахъ, въ надеждѣ счастливою охотою положить предѣлъ своимъ бѣдствіямъ. Радостное ожиданіе оживило всѣ лица, и все предсказывало обильный промыселъ. Но къ ужасу всѣхъ, внезапно раздалось горестное, роковое извѣстіе: «*олень пошатнулся!*» Дѣйствительно, мы увидѣли, что весь табунъ, вѣроятно устрешенный множествомъ охотниковъ, отошелъ отъ берега и скрылся въ горахъ. Отчаяніе заступило мѣсто радостныхъ надеждъ. Сердце раздиралось при видѣ народа, внезапно лишеннаго всѣхъ средствъ поддерживать свое бѣдственное существованіе. Ужасна была картина всеобщаго унынія и отчаянія; женщины и дѣти стопали громко, ломая руки; другія бросались на землю и съ воплями взрывали снѣгъ и землю, какъ будто приготавливая себѣ могилу. Старшины и отцы семействъ стояли молча, неподвижно, устремивши безжизненные взоры на тѣ возвышенія, за которыми исчезла ихъ надежда... Шесть тунгунскихъ семействъ, умирая съ голода, оставили степи, и напрягая послѣднія силы, пришли въ Походскъ, въ надеждѣ найти здѣсь какую нибудь помощь и спасеніе отъ голодной смерти. Но здѣшніе жители сами были не въ лучшемъ положеніи. Истощивъ свой скудный запасъ, они питались самыми отвратительными предметами. Только близкое наступленіе весны и надежда на удачный ловъ рыбы поддерживали еще ихъ ослабѣвшія силы. Всеобщее уны-

ніе и отчаяніе бы ужасны ¹⁾). Не находя пропитанія и выгоды отъ ловли пушныхъ звѣрей, претерпѣвши неудачу и въ оленеводствѣ, голодные инородцы гонялись за дикими оленями и съ ними погребали себя въ тундрахъ.—«25 сентября, говоритъ Врангель, мы замѣтили на лѣвомъ берегу Яны небольшой шалашъ, сшитенный изъ древесныхъ вѣтвей и покрытый листьями, повидимому, необитаемый и неспособный служить жилищемъ для человѣка. Къ нашему великому удивленію оказалось, что здѣсь постоянно проводитъ зиму и лѣто престарѣлый тунгусъ, съ своею дочерью и двумя собаками. Онъ занимается оленьей охотой. Надобно себѣ представить необозримую, безлюдную пустыню и его полупрозрачное жилище, чтобы получить понятіе объ образѣ жизни сихъ отшельниковъ. Особенно ужасно положеніе бѣдной дѣвушки, когда отецъ ея на лыжахъ уходитъ въ лѣсъ, и часто нѣсколько дней гоняется безуспѣшно за оленями, а она остается одна, почти не имѣя одежды, чтобы согрѣться отъ ужаснаго холода, терпя часто недостатокъ въ пищѣ, и проживая въ жалкомъ шалашѣ, который даже и лѣтомъ не доставляетъ достаточной защиты отъ дождя и непогоды. Отецъ ея принадлежитъ къ тѣмъ, которые какижъ нибудь несчастнымъ случаемъ лишились своихъ оленей, и принужденные отдѣлиться отъ своихъ земляковъ, удаляются въ ледяныя пустыни, гдѣ борясь съ безчисленными недостатками, опасностями и холодами, снискиваютъ себѣ скудное пропитаніе» ²⁾).

V.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ ЖИВОТНОЙ ЭКОНОМИИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Когда, такимъ образомъ, послѣ вѣковаго, безсознательнаго и безрасчетнаго пользованія произведеніями животной экономіи природы, послѣ упадка старыхъ экономическихъ основъ поселеній, народъ и въ европейской Россіи и въ Сибири находился въ тяжеломъ, переходномъ состояніи отъ древнихъ формъ поселеній къ новымъ, искалъ новыхъ промышленныхъ областей, — тогда, наконецъ, почувство-

¹⁾ Врангель II, 88, 105 — 106, 179.

²⁾ Врангель I, 105.

валясь необходимость произвести, такъ сказать, всеобщую, повсемѣстную, естественно-научную ревизію во всѣхъ областяхъ зоологической экономіи русской земли. И въ то же время сознава была необходимость отыскать, при свѣтѣ естествознанія, и указать народу въ обширной и разнообразной области естественной экономіи новыя сферы, новыя исходы для его промышленныхъ силъ. Въ древней Россіи совершалось безсознательное, безрасчетливое распределеніе массъ народныхъ. Массы, на пути своего экономического распространенія и устройства, слѣпо подчинялись непосредственно-натуральнымъ, зоолого-географическимъ условіямъ земли и воды, пассивно руководствовались однимъ инстинктивнымъ исканіемъ матеріаловъ для пищи, одежды и жилищъ, и хозяйничали въ различныхъ областяхъ животной экономіи, такъ сказать, хищнически. Нужно было новое, разумно-сознательное, экономическое распределеніе народа въ области экономіи природы. Послѣ дикаихъ, полуномадныхъ и хищническихъ странствованій народа по широкому, земско-хозяйственному пространству русской земли, нужны были рациональныя, естественно-научныя путешествія, долженствовавшія пролить свѣтъ на всю натуральную экономію русской земли и на все земско-хозяйственное устройство русскихъ поселеній. И вотъ, со времени Петра Великаго, который первый посѣдѣлъ великую идею естественно-научнаго самопознанія Россіи, началось изученіе русской земли. Какъ старыя, непосредственно-натуральныя основы земскаго строенія Россіи, всѣхъ поселеній звѣроловческихъ или бобровничьихъ, бортничьихъ, сокольничьихъ и т. п. обусловливались восточнымъ началомъ преобладанія природы надъ умомъ народнымъ, восточнымъ звѣроловческимъ и пастушескимъ складомъ ума; какъ въ пользованіи произведеніями природы господствовало восточное, номадное хищничество, — такъ новыя, рациональныя и прочныя основы земско-хозяйственнаго устройства Россіи долженъ былъ указать и создать естествоиспытующій разумъ Запада. Въ московской, до-петровской Россіи, въ странѣ бобровниковъ, звѣролововъ, бортниковъ, рыболововъ и т. п., до домостроителей Сильвестровъ и Някитъ-Цустосвятовъ, вовсе не было своихъ естествоиспытателей, а были только волхвы да вѣдуны и вѣдуныи и естествознанія боялись, какъ ереси. Нужно было съ запада призвать естествоиспытателей и просвѣтителей Россіи. И вотъ, втеченіи всего XVIII столѣтія, призываются, одинъ за другимъ, такіе ученые натуралисты, какъ наприимѣръ,

Мессершмидтъ, Делиль, Стеллеръ, Эйлеръ, Гмелинь, Фалькъ, Палласъ и многіе другіе. И потомъ уже, подъ руководствомъ ихъ, мало по малу возникаютъ свои естество-наблюдатели и географы, въ родѣ Татищева, Ломоносова, Лепехина, Зуева и проч. Натуралисты, одни за другимъ, объѣзжаютъ всю русскую землю, отъ Кавказа до Монголіи, Камчатки, Чукотской земли и далѣе, изучаютъ экономію царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго, открываютъ въ нихъ новые, естественные источники для благосостоянія народнаго, указываютъ въ ихъ экономіи новыя сферы для земско-хозяйственнаго устройства, для исхода и дѣятельности промышленныхъ силъ народныхъ, раскрываютъ зоолого-экономическія, минералогическія и земледѣльческія условія и основы разныхъ поселеній — звѣроловческихъ, рыболовныхъ, земледѣльческихъ, горнозаводскихъ, фабрично-заводскихъ и проч.; словомъ, проливаютъ естественно-научный свѣтъ на всю естественную экономію и на всѣ естественныя основы земско-хозяйственнаго устройства русскаго народонаселенія. Подробнѣе вся эта естественно-научная дѣятельность и значеніе ея будутъ вложено въ очеркахъ интеллектуальнаго развитія русскаго народонаселенія. Здѣсь же мы ограничимся общимъ обзорѣніемъ главныхъ наблюденій и сочиненій нашихъ натуралистовъ-путешественниковъ, насколько позволяютъ намъ скудныя средства.

Уже древніе западные путешественники, наприм. Герберштейнь, Вунделеръ, Петрей, Олеарій, Мейербергъ и другіе оставили намъ въ своихъ путевыхъ описаніяхъ болѣе или менѣе подробныя перечни животныхъ, какія въ то время водились въ Россіи. Потомъ, въ нѣкоторыхъ древнихъ реляціяхъ путешествій ¹⁾ находятъ замѣтки о нѣкоторыхъ животныхъ Сибири, и въ особенности о тѣхъ, которыя представляютъ интересъ экономическій или техническій, какъ наприм. о лисицахъ, соболяхъ, бобрахъ, о многихъ породахъ рыбъ и проч., или же о тѣхъ, которыя болѣе замѣчательны по своимъ формамъ, по своей статурѣ, какъ наприм. джигитѣи и т. п. Но строго-научное объясненіе фауны русско-сибирской началось только съ той эпохи, когда естествоиспытатели специалисты стали нарочно путешествовать за тѣмъ, чтобы болѣе или менѣе подробно, глубоко и основательно изучать животныхъ на самомъ ихъ мѣстѣ,

¹⁾ Какъ наприм. въ Миллеровыхъ *Sammlungen Russischer Geschichte*, у Витзена—въ его *Nord en Ost Tartarye* и у многихъ другихъ.

и ревностно сообщали всё свои наблюденія во время ученыхъ путешествій, собирая коллекціи зоологическихъ предметовъ, какъ матеріалы для разработки научной зоологіи.

Даниель Готтлибъ Мессершмидтъ, прибывшій въ Петербургъ въ 1716 году, былъ первый ученый натуралистъ, котораго дѣятельность была направлена къ естественно-научному и, въ частности, зоологическому изученію русской земли ¹⁾. Тогда имѣла еще особенный интересъ новооткрытая, зоологическая эономія Сибири. Потому Мессершмидтъ и посланъ былъ туда Петромъ Великимъ ²⁾. Во время семилѣтняго путешествія своего по Сибири, преимущественно по Забайкалью до Далай-Нора, по Нижней Тунгускѣ, по сѣверному Енисею и по низовьямъ Оби, трудолюбиво собиралъ животныхъ, описывалъ, препарировалъ ихъ и набивалъ чучелы. Такъ между прочимъ, охотничая вмѣстѣ съ тунгусами, онъ поймалъ, описалъ и препарировалъ джигитѣя (*Dtschigitei, equus hemionus*), тарбагановъ, *Antilope gutturosa*, дикихъ барановъ и друг. Зоологическія записки Мессершмидта многочисленны и разнообразны. Одна *Mantissa ornithologica* или *ornithologicon sibiricum* его состоитъ изъ 18 убористо-исписанныхъ томовъ. Эти замѣчательныя зоографическія и анатомическія работы, къ сожалѣнію, никогда не опубликованныя, по словамъ Брандта, составляютъ первые элементы болѣе точнаго познанія сибирской фауны, и послужили Палласу весьма полезнымъ матеріаломъ для составленія его зоографіи. Съ другой стороны, его многочисленные, зоологическія коллекціи послужили первымъ и богатымъ вкладомъ и основаніемъ музея естественной исторіи, устроеннаго геніемъ Петра Великаго. Кромѣ того, Мессершмидтъ первый набро-

¹⁾ Мессершмидтъ родился въ 1685 г., сент. 16, учился въ Галлѣ и былъ уже въ 1706 г. докторомъ. Онъ обладалъ обширною ученостью; кромѣ естественныхъ наукъ, зналъ восточные языки, и со всею энергіею и трудолюбіемъ предавался наукамъ. Если онъ весь день путешествовалъ и собиралъ свѣдѣнія то до поздней ночи и часто до утра журналировалъ, и потомъ спалъ нѣсколько часовъ. По прибытіи въ Петербургъ, въ 1716 г., онъ назначенъ былъ въ Медицинскую Коллегію, въ которой тогда президентомъ былъ извѣстный архіа-теръ Блаументростъ.

²⁾ Инструкція ему дана была обширная: 1) землеописаніе; 2) естественная исторія и, въ частности, зоологія; 3) медицина, медицинскіе матеріалы, эпидемическія болѣзни и проч.; 4) описаніе сибирскихъ племенъ и проч. Всё *намурали*, какъ тогда говорили, онъ долженъ былъ собирать и присылать въ Петербургъ. Все это онъ предпринялъ безъ достаточныхъ пособій, только съ 500 р. годового оклада. *Nachricht*, s. 98—99.

саль очерки зоолого-экономического быта сибирских поселеній, на примѣръ, русскихъ зимовей и тунгусскихъ юртъ по Нижней Тунгускѣ, въ Забайкальѣ. Вообще, этотъ замѣчательный натуралистъ, сдѣлавшій, по своему времени и по скуднымъ средствамъ, очень многое не только для зоологіи русско-сибирской, но и для минералогіи, ботаники, оживческаго землеописанія, этнографіи и проч., къ сожалѣнію, претерпѣвшій, по возвращеніи изъ путешествія, арестъ и разныя несчастія (между прочимъ, семейное), забытый всѣми, по инициативѣ своей достойно занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи естествознанія и просвѣщенія въ Россіи ¹⁾.

Спустя немного лѣтъ послѣ возвращенія Мессершмидта, зоологія русской земли, и въ особенности Сибири, получила обширное развитіе вслѣдствіе дѣлаго ряда ученыхъ путешествій натуралистовъ, совершенныхъ, подѣ руководствомъ академіи наукъ, въ обширныхъ размѣрахъ, по разнымъ областямъ, и продолжавшихся до конца XVIII столѣтія. Естественно-научные анналы этихъ путешествій, прогрессъ зоологіи, знаменующій эту эпоху, дѣлаютъ незабвенными имена натуралистовъ, которые, движимые единственно любовью къ естествознанію, смѣло пускались въ странствованія и часто втеченіи многихъ лѣтъ, среди тысячи преградъ и лишеній, претерпѣвали вліяніе негостепріимнаго неба Сибири. Такъ, послѣ Мессершмидта, во время второй камчатской экспедиціи, *Георгъ Гмелинъ*, *Стеллеръ* и *Крaшенинниковъ* описывали дальнѣйшія зоологическія области сѣверовосточныхъ владѣній Россіи и сообщали много новыхъ зоологическихъ знаній. *Гмелинъ*, путешествовавшій въ 1833 — 41 г., въ мемуарахъ своихъ описалъ большое число млекопитающихъ Сибири и въ частности: *ovis argali*, *moschus moschiferus*, *mustela zibellina*, *bos grunniens*, *tomias striatus*, *antilope saiga*, *antilope gutturosa*, *dipus jaculus*, *lepus tolai* и *canis lagopus*. ²⁾ *Стеллеръ*, путешествовавшій въ 1738 — 1746 г. и претерпѣвшій страшныя несправедливости, притѣсненія и страдальческую смерть, позорящую русскихъ, открылъ нѣкоторыхъ

¹⁾ Палласомъ и потомъ Брандтомъ восстановлена была память его естественно-научныхъ заслугъ. См. Брандта—*Versuch einer Kurzen Uebersicht der Vortschritte welche die Kenntniss der thierischen Korper den Schriften der Kais. Akademie du Saint—Petersb. Verdankt*—въ Собр. акт. имп. акад. наукъ. Спб. 1832. Pallas, *Beiträge*, v. III, p. 97.

²⁾ *Novi commentarii Petropolitani*, t. IV и V. Путешествіе его изд. въ Геттингенѣ, въ 1751 г.

новыхъ, до него вовсе неизвѣстныхъ животныхъ, которыя и названы были по его имени — *Rytina Stelleri* и *Otaria Stelleri*. И наука только по описанію Стеллера, да по остаткамъ череповъ, и знаетъ морскую корову (*Rytina Stelleri*), такъ какъ хищные морепромышленники, во открытіи этой животной породы, столь энергично напустились на нее, что въ какіе нибудь 27 лѣтъ истребили всю генерацию. — «Стеллеръ, говоритъ Бращеннниковъ, видѣлъ около Америки новаго и необыкновеннаго морского звѣря, котораго описываетъ слѣдующимъ образомъ: длиною звѣрь этотъ около двухъ аршинъ, голова у него, какъ у собаки, уши вострыя и стоячія. На нижней и верхней губахъ по сторонамъ долгіе волосы, будто бороды, глаза большіе, станъ его кругловатый и продолговатый, къ головѣ толще, а къ хвосту гораздо меньше. Шерсть по всему тѣлу густа, на спинѣ сѣра, а на брюхѣ рыже-бѣловата, но въ водѣ помянутый звѣрь кажется весь, какъ корова, рыжій. Хвостовой плескъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ верхняя длиннѣе. Между тѣмъ Стеллеръ весьма удивлялся, что не могъ примѣтить у него ни лапъ, ни ластовъ, какъ у другихъ морскихъ животныхъ. Стеллеръ считалъ его морскою обезьяною. Плаванъ около судна ихъ, онъ больше двухъ часовъ смотрѣлъ то на того, то на другого, какъ бы съ удивленіемъ. Иногда подходилъ къ нимъ столь близко, что его можно было шестомъ достать... Изъ воды поднимался онъ до третьей части своего тѣла и стоялъ какъ человекъ прямо, не перемѣняя нѣсколько минутъ такого положенія. Посмотрѣвъ на нихъ пристально около получаса, бросался какъ стрѣла подъ судно ихъ и по другую сторону выныривалъ, но вскорѣ, поднырнувъ опять подъ судно, оказывался снова на прежнемъ мѣстѣ, и это продолжалъ онъ до 30 разъ, и проч. ¹⁾. Этихъ и многихъ другихъ животныхъ Стеллеръ описалъ въ трехъ превосходныхъ мемуарахъ. Въ одномъ ²⁾, замѣчательнымъ образомъ описаны многія морскія млекопитающія, и именно: *Rytina*, *Otaria leonina* и *ursina* и *Eudyris marina* ³⁾; въ другомъ мемуарѣ ⁴⁾ Стеллеръ описалъ яйца и гнѣзда многихъ птицъ; и въ третьемъ —

¹⁾ Опис. Кожч. II, 295 — 296.

²⁾ *Novi Commentar. Petropolitan.* t. II, p. 289.

³⁾ *Föppig, Naturgesch. d. Thier.* I, 286 — 287. Шкуры *Otaria Stelleri* — морскихъ львовъ — служатъ для Камчаталовъ превосходною зимнею одеждою, и самъ Стеллеръ ими защищался отъ суроваго климата.

⁴⁾ *Novi Comment. Petropol.* t. III, p. 403.

естественную исторію рыбъ — *ichthyologia Kamtschatka* ¹⁾). Крашенинниковъ, путешествовавшій въ 1738 — 43 годахъ по Камчаткѣ, въ своемъ «Описаніи земли Камчатки» сообщилъ довольно подробныя свѣдѣнія «о звѣрихъ земныхъ и морскихъ, о рыбахъ, о птицахъ, о насекомыхъ и гадахъ», включивъ въ свое описаніе и зоологическія наблюденія и открытія Стеллера, съ которыми вмѣстѣ онъ объѣзжалъ и изучалъ Камчатку до 1741 года. Именно изъ такъ названныхъ имъ земныхъ звѣрей онъ описалъ свойства камчатскихъ лисицъ — до 7 разновидностей, соболей, песцовъ, зайцевъ, горностаевъ, ластицъ, росомахъ, медвѣдей, оленей и длихъ каменныхъ барановъ, 3 разновидности мышей и собакъ. Говоря объ этихъ животныхъ, Крашенинниковъ обратилъ особенное вниманіе на промыслы ихъ камчадалами, а также на ихъ географическое распредѣленіе и миграціи. Онъ указалъ на временную убыль звѣрей, вслѣдствіе ихъ біологическихъ причинъ и вообще естественныхъ отношеній, на что послѣ указывали и такіе натуралисты, какъ Бэръ. Водныхъ звѣрей Крашенинниковъ дѣлилъ на 3 группы: къ первой—относилъ тѣхъ, которые живутъ только въ прѣсной водѣ, т. е. въ рѣкахъ, какъ наприм. выдра; къ другой — тѣхъ, которые живутъ и въ рѣкахъ и въ морѣ, какъ тюлени; къ третьей—тѣхъ, которые не заходятъ въ рѣки, какъ морскіе бобры, коты, сивучи и др. Изъ водныхъ или морскихъ животныхъ, Крашенинниковъ особенно подробно описалъ сивучей, «гривистыхъ животныхъ, подобныхъ по складу тюленямъ, величиною съ моржей, вѣсящихъ отъ 35 до 40 пудовъ, водящихся наиболѣе около каменныхъ горъ или утесовъ въ океанѣ» и проч. Съ такою же біологическою и анатомо-фізіологическою подробностію описалъ онъ морскихъ котовъ, морскихъ бобровъ и морскихъ коровъ, на которыхъ Крашенинниковъ смотрѣлъ, какъ «на нѣкоторый

¹⁾ Ibid. t. IV, p. 411. См. *Stellers Beschreibung von Komtschatka*. Leipzig. 1774. Pallas, *Neue nordische Beiträge*, v. I, p. 127 и v. II, p. 7.—У Гартвига — о Стеллерѣ. Стеллеръ, какъ видно, въ высшей степени любознательно наблюдалъ и подробно изучалъ морскихъ животныхъ. Крашенинниковъ объ немъ говорить: «Господинъ Стеллеръ жилъ между стадами сивучей на высокомъ мѣстѣ 6 дней, принимая изъ шамаша своего нравы ихъ; животные лежали вокругъ него, смотрѣли на огонь и на всѣ его дѣйствія, и отъ него уже не бѣгали, хотя ему и ходить между ними случалось, брать изъ стада щенятъ ихъ и убивать для описанія; они спокойно ходили и дрались за мѣста и за своихъ самокъ: одинъ за самку 3 дня сряду бился», и проч. *Опис. Камч.* II, 273—274, 279—80.

средстванный члещъ, посредствомъ котораго родъ морскихъ звѣрей можно соединить съ рыбами» ¹⁾. Въ главѣ о рыбахъ, Крашенинниковъ описалъ китовъ, мочоя или акула (*Canis carcharias*, Krasch.) камбалу, вахню (*Onos s. Asinus antiquorum*), хахалчу (*Obolarius aculeatus* Stell.), терпука (*Dossoquamos* Stell.), разныя породы красной рыбы, лососей, сельдей, вету, горбушу, мыкызы, кунжу, раижу, многи, керюжу, ошатъ, налимовъ морскихъ, треску и проч.,—все-го до 25 породъ рыбъ. Описывая рыбъ, Крашенинниковъ, согласно съ Стеллеромъ, высказалъ много любопытныхъ замѣчаній о жизни ихъ. Между прочимъ, онъ, совершенно согласно съ новѣйшими ихтиологами—Валансьеномъ и Нильсономъ, замѣчаетъ о топографическомъ распредѣленіи и локализациі рыбъ въ водахъ: «Два замѣчательныя обстоятельства примѣчены: 1, что рыба, которая напродится въ Большой рѣкѣ (въ Камч.), то и въ морѣ живетъ противъ устья ея, питансь водою и веществами, носимыми по морю; по наступленіи времени идетъ ни въ какую рѣку, кромѣ той, въ которой родилась, чему служитъ доказательствомъ: а) то, что въ которой рѣкѣ какая рыба плодится, въ той ежегодно бываетъ она въ равномъ множествѣ; б) въ Большой рѣкѣ водятся чавычи, а въ озерной, которая течетъ изъ Курильскаго озера, никогда не бываетъ ихъ, хотя дно и устье ея такого же состоянія. Въ Брюшкиной, Компановой — и до самой Ичи промышляется семга, а въ другихъ рѣкахъ нигдѣ ея не примѣчено. . . Каждый родъ особо идетъ по рѣкамъ въ опредѣленное время», и проч. Такихъ ихтиологическихъ фактовъ и замѣчаній Крашенинниковъ высказываетъ не мало. Точно также рассматриваетъ онъ птицъ, указывая на законы жизни, миграцій и взаимныхъ отношеній, и раздѣляя ихъ на морскихъ, рѣчныхъ или прѣсноводныхъ, болотныхъ, лѣсныхъ и полевыхъ. Вообще, въ своемъ біологическомъ описаніи разныхъ животныхъ Крашенинниковъ даетъ не мало фактовъ для изученія животной борьбы за существованіе, полового подбора, естественнаго подбора и географическаго распредѣленія, а также представляетъ хорошіе матеріалы для изученія экономическихъ основъ звѣропромышленныхъ и рыболовческихъ поселеній ²⁾.

Въ такомъ же родѣ продолжали изучать, по отдѣльнымъ обла-

1) Опис. Камч. II, 290.

2) Опис. Камчатки ч. II, стр. 210—350.

стямъ, фауну и ея географическое распредѣленіе: *Лаксманъ, Фалкъ* (1768—1773), изучавшій преимущественно южную и юго-восточную, степную и приалтайскую фауну и ея географическое распространеніе, описавшій до 69 видовъ млекопитающихъ животныхъ, этнографическій и экономическій бытъ приалтайскихъ звѣроловческихъ и пастушескихъ народовъ; *Георги* (1770—1774), описавшій преимущественно забайкальскую фауну; *Зуевъ*, студентомъ путешествовавшій съ Палласомъ, и *Меркъ*.

Между тѣмъ какъ собирались по разнымъ географическимъ областямъ такія элементарныя, зоологическія свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ накоплялись зоологическія коллекціи, — въ Петербургѣ возникалъ, на основаніи ихъ, зоологическій и сравнительно-анатомическій музей, какъ всеобщее училище зоологіи или наглядное руководство къ изученію фауны русской земли. Польза собранія зоологическихъ предметовъ была признана Петромъ Великимъ, хотя въ его время еще совершенно иначе смотрѣли на эти предметы, именно, какъ только на странныя и диковинныя рѣдкости, аномальныя или искусственно-изуродованныя формы, такъ что зоологическія собранія служили больше предметомъ забавныхъ, потѣшныхъ разговоровъ, чѣмъ изученія; или, особенно-замѣчательныя и удивительныя предметы зоологическихъ собраній разсматриваемы были, какъ чудеса. Петръ Великій, уже во время перваго своего пребыванія въ Голландіи, (1698) купилъ значительное число птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ, которыя сначала хранились, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами, въ московской аптекѣ, подъ вѣдѣніемъ архіатера Арескина. Потомъ эти зоологическія коллекціи перевезены были въ Петербургъ и значительно пополнены въ 1716 г. пріобрѣтеніемъ собранія амстердамскаго аптекаря и знатока природы Зебы (*Zeba*) и покупкой коллекціи датскаго натуралиста Готтвальда, а въ слѣдующемъ году — покупкой большого натурального кабинета голландскаго анатома Рюшша (*Ruysch*). Въ этомъ послѣднемъ собраніи находились не только многочисленные и замѣчательныя анатомическія препараты, именно, прославленные въ то время наливные препараты, сдѣланные самимъ Рюшшемъ, не только богатѣйшее тогда собраніе человѣческихъ зародышей (до 110), вмѣстѣ съ замѣчательнымъ гербаріемъ, но также многія тысячи зоологическихъ предметовъ изъ различныхъ животныхъ классовъ. Въ 1727 году собраніе натуралиі архіатера Арескина, который, какъ видно, очень интересовался зоологическими предме-

тани, соединено было съ императорскимъ собраніемъ, которое въ 1735 г. академія наукъ увеличила еще 30 штуками. До 1728 года всѣ названныя зоологическія собранія составляли нѣчто въ родѣ придворнаго кабинета натуралій. Въ этомъ году они перешли во владѣніе академіи наукъ и получили научное значеніе. Къ концу 1729 г. тогдашняя медицинская коллегія сообщила въ новый зоологическій музеумъ академіи богатое собраніе естественныхъ произведеній, которыя собралъ въ Сибири трудолюбивый Мессершмидтъ. Въ 1741 г. этотъ новый музеумъ получилъ зоологическія приобрѣтенія отъ путешествій Гмелина по Сибири и Стеллера по Сибири и Камчаткѣ, вмѣстѣ съ собраніемъ птицъ изъ окрестностей Петербурга. Изданный въ 1842 г., подъ заглавіемъ *Museum petropolitanum, pars I*, составленный частью Стеллеромъ, частью Гмелинымъ, каталогъ тогдашнихъ зоологическихъ собраній академіи насчитывалъ уже въ музеумѣ 212 млекопитающихъ, 755 птицъ, 900 амфибій, 470 рыбъ, 218 раковъ и другихъ морскихъ животныхъ и нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ. Съ этого времени, по словамъ Брандта, наступилъ второй періодъ зоологическаго Музеума, характеризующійся тѣмъ, что находившіеся въ немъ зоологическіе предметы уже не рассматривались болѣе людьми науки, какъ курьезы, но съ 1742 года на нихъ стали смотрѣть, какъ на важный, научный матеріалъ, и часто пользовались ими для ученыхъ работъ: они послужили на первый разъ матеріаломъ для многочисленныхъ классическихъ работъ Палласа ¹⁾.

Вступленіе П. С. Палласа въ петербургскую академію наукъ въ 1766 году обозначаетъ новый, блестящій періодъ зоологіи Россіи и Сибири; это былъ, во первыхъ, періодъ новыхъ, наиболѣе обширныхъ и наиболѣе ученыхъ естествоповоनावательныхъ комиссій или экспедицій и путешествій по всѣмъ частямъ русской земли; во вторыхъ—періодъ строго-научной разработки зоологіи изъ богатѣйшихъ матеріаловъ, добытыхъ путешествіями натуралистовъ, и публикацій обширныхъ классическихъ произведеній по естественной исторіи и особенно по зоологіи. Палласъ является корифеемъ во главѣ этого новаго умственнаго движенія, во главѣ всѣхъ его предшественниковъ въ Россіи и, въ то же время, начинателемъ новаго періода естество-

¹⁾ Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg, t. VII, N. IV: Das zoologische und vergleichend—anatomische Museum, s. 11—12.

знанія и, въ частности зоологін, въ Россіи. Объ историческомъ значеніи всѣхъ этихъ естествонаблюдательныхъ путешествій и, въ частности, трудовъ Палласа мы подробнѣе скажемъ въ очеркахъ умственного или интеллектуальнаго движенія въ Россіи, а здѣсь только охарактеризуемъ, въ общихъ чертахъ, зоологическія работы и заслуги знаменитаго натуралиста. Палласъ совершилъ свое замѣчательное путешествіе по Россіи и Сибири въ 1768—1774 г. Онъ объѣхалъ всю юговосточную Россію и Сибирь до Монголіи и Китая, посылая, кромѣ того, по сторонамъ бывшихъ съ нимъ студентовъ для естественно-историческихъ наблюдений въ побочныхъ мѣстностяхъ, напр. Соколова—для изученія уральскаго рыболовства, Зуева—для изученія фауны Обдорскаго и Березовскаго края. Во время путешествія своего, Палласъ сдѣлалъ много новыхъ зоологическихъ открытій, изслѣдовалъ на мѣстахъ географическое распространеніе множества видовъ животныхъ, приложивъ свои зоологическіе реестры, а иногда и рисунки въ видѣ прибавленій къ описанію своего путешествія. По возвращеніи изъ путешествія, Палласъ принялся за свой классическій трудъ, начатый имъ еще въ Германіи, подъ заглавіемъ *Spicilegia Zoologica*, и долженствовавшій обнять всѣхъ животныхъ Россіи. Между тѣмъ какъ онъ анализировалъ, изучалъ и сводилъ въ одно цѣлое свои зоологическія наблюденія и матеріалы, а также *Ornithologicon* Мессершмидта, *Ichthyologia* Стеллера, *Systema Naturae* Гмелина и другихъ, — академикъ Георгіи издалъ въ 1800 году, на основаніи *Systema Naturae* Гмелина, описаніе естественной исторіи всѣхъ животныхъ, которые представляютъ какую нибудь важность экономическую или техническую ¹⁾. Втеченіи этого времени Палласъ доканчивалъ обработку обширныхъ матеріаловъ, которые должны были служить базисомъ его полнаго описанія животныхъ Россіи. Наконецъ, въ 1814 году, вышла его знаменитая *Zoographia Rossosasiatica*, которую начали печатать съ 1807 года. Въ изложеніи своей зоографіи Палласъ слѣдовалъ естественному методу, открытому Бернардомъ Жюссье въ 1759 г. въ его *Ordines naturales*, и окончательно установленному Антономъ Лораномъ Жюссье въ его *Genera plantarum secundum ordines naturales disposita*. Описывая животныхъ,

¹⁾ Полное заглавіе сочин. Георгіи: *Geographisch—physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches*. Königsberg 1800. Зоологич. описанія въ III ч. VI т. сочиненія.

говоритъ Брандтъ, Палласъ мастерски характеризовалъ ихъ и не ограничивался однимъ изученіемъ ихъ анатомическаго строенія или вѣншей структуры, ихъ географическаго распредѣленія и нравовъ, но часто анализировалъ и внутреннюю ихъ организацію или физиологію. Въ настоящемъ очеркѣ для насъ въ зоографіи Палласа важно, во первыхъ, то, что онъ показалъ и экономическое значеніе животныхъ, особенно для народовъ сибирскихъ, описавши въ то же время въ своемъ «Путешествіи» зоолого-экономическій бытъ поселеній звѣроловческихъ, рыболовческихъ и скотоводческихъ; во вторыхъ, то, что онъ точно изобразилъ тогдашнее и большею частію до нынѣ существующее географическое распространеніе и распредѣленіе животныхъ, обративши вниманіе, въ частности, и на ихъ миграціи. Принимаясь одинаково изучать и описывать животныхъ полезныхъ и бесполезныхъ для культуры, Палласъ оговаривается, что этимъ онъ нисколько не отрицаетъ огромной пользы зоологіи и вообще естествознанія для экономіи, медицины, техническихъ искусствъ и проч., что это само собою ясно и несомнѣнно и уже доказано Линнеемъ. Въ своей зоографіи онъ весьма много говоритъ объ экономическомъ значеніи разныхъ млекопитающихъ животныхъ у разныхъ русскихъ племенъ и народовъ. А въ «Путешествіи» своемъ онъ даже подробно изобразилъ экономическія условія разныхъ поселеній—охотничьихъ, пастушескихъ и скотоводческихъ, напр. калмыковъ, башкирцовъ, рыболовческія поселенія уральскія или яцигіи, остягіи на Оби, скотоводческой бытъ киргисъ-кайсаковъ, качинцевъ, белтировъ, койбаловъ, забайкальскаго населенія и проч. Что касается до географическаго распространенія животныхъ, обусловившаго географическое движеніе и распредѣленіе поселеній звѣроловческихъ, рыболовныхъ и пастушескихъ или скотоводческихъ, то Палласъ подробно начерталъ его и въ общемъ обзорѣ млекопитающихъ и, въ особенности, при описаніи каждаго вида. «Россійская имперія, говоритъ Палласъ, хотя во внутреннихъ странахъ, преимущественно къ востоку, большею частію еще пустынна и мало населена, однако-жь вѣнше обладаетъ рѣдкими видами земныхъ млекопитающихъ животныхъ или такъ называемыхъ Quadrupedes, четвероногихъ, чѣмъ обыкновенно говорятъ. Такъ, на примѣръ, Польша и сопредѣльная съ нею Литва долго имѣла болѣе стадъ волковъ, чѣмъ какая либо пустыня Россіи или Сибири; и поля сибирскія хотя болѣе пустынны,

однако нитають менѣе количество видовъ, только въ большихъ стадахъ, чѣмъ самая Россія. Но чѣмъ умѣреннѣе вся страна, тѣмъ больше разнообразія въ животныхъ. Альпы, образующіе южный предѣлъ Сибири, уральскій югъ, отдѣляющій Сибирь отъ Россіи, и Кавказъ весьма изобилуютъ большими звѣрями. Арктическія же тундры, кромѣ сѣверныхъ оленей, по первоначальному происхожденію тоже, вѣроятно, альпійскихъ, едва-ли какую крупную добычу доставляютъ охотникамъ.... Число видовъ изъ класса млекопитающихъ, доселѣ изученныхъ въ предѣлахъ російской имперіи, причисляя сюда и домашнихъ, которыя однакожь большею частію у насъ находятся еще въ звѣрскомъ состояніи, немного свыше 150. Изъ этого числа новыхъ видовъ, у насъ впервые замѣченныхъ и принадлежащихъ въ частности русской фаунѣ—больше 50.

Не вдаваясь въ подробности географическаго распредѣленія каждаго животнаго вида въ отдѣльности, со всею отчетливостію начертаннаго Палласомъ, замѣтимъ вообще, что заслуги его для зоологіи обширны и разнообразны. Возьмемъ ли, напримѣръ, классификацію и опредѣленіе видовъ послѣ Линнея, — Палласъ, относительно ихъ, стоитъ наряду съ первѣйшими натуралистами XVIII столѣтія — съ Жюссеемъ, Адансономъ, Фабриціемъ и Мюллеромъ. Относительно строенія и отправленій животныхъ, мы видимъ Палласа наравнѣ съ Добантономъ, Галлеромъ, Камперомъ, Гунтеромъ, Ліонне, Спаланцани. Относительно наблюденія нравовъ животныхъ, Палласъ выступаетъ вмѣстѣ съ Бонне, Реомюромъ, Бюффономъ. По зоологической, а также ботанической географіи — опять является Палласъ наравнѣ съ Бюффономъ и Линнеемъ. По антропологіи—видимъ талантливымъ этнологомъ и этнографомъ Палласа, наряду съ Бюффономъ и Блюменбахомъ. Наконецъ, относительно Палеонтологіи, нельзя не указать на изслѣдованія Палласа надъ остатками сѣверной Европы. «Палласъ, говоритъ Исидоръ-Жоффуа Сентъ-Илеръ, принесъ такъ много пользы наукѣ своими путешествіями, а еще болѣе своими превосходными трудами надъ животными-растеніями и наливочными, изслѣдованіями по анатоміи животныхъ, вообще зоологіи, антропологіи, палеонтологіи и даже самой геологіи, тотъ Палласъ, труды котораго столь разнообразны и такъ совершенны, несмотря на число ихъ, что нѣкоторые естествоиспытатели пытались даже провозгласить его, не смотря на Линнея и Бюффона, величайшимъ естествоиспытате-

лемъ XVIII столѣтія» ¹⁾. Бленвиль даже преувеличенно видитъ въ Палласѣ основателя «не только положительной геологіи,» но даже «палеонтологической анатоміи, классификаціи зоологической... и антропологіи» ²⁾. Такъ обширны и крупны были естественно-научныя и, въ частности, зоологическія заслуги знаменитаго Палласа, у насъ достойно оцѣненные Брандтомъ ³⁾.

Знаменитая *Zoographia Rosso-asiatica* Палласа служила потомъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ зоологическихъ путешествій и работъ. Надобно замѣтить, что Палласъ, предпринявши великій трудъ — изобразить внѣшнее и внутреннее строеніе, образъ жизни и распространеніе всего животнаго міра русской земли, успѣлъ описать только позвоночныхъ животныхъ, но не разработалъ зоологіи беспозвоночныхъ, и о многихъ порядкахъ и классахъ оставилъ только отдѣльныя, отрывочныя замѣтки. Поэтому, дальнѣйшія зоологическія изысканія направлены были съ особенною спеціальностью на животныхъ беспозвоночныхъ. Между тѣмъ, и зоологическія экскурсіи и экспедиціи продолжались по прежнему. Изъ дальнѣйшихъ путешествій укажемъ: на путешествіе Адамса въ сѣверную Сибирь, въ 1805 и 1806 г., на путешествіе Таубера, Гельма и Мора, которые отправлены были въ 1808 г. въ киргизскія и сибирскія степи московскимъ обществомъ натуралистовъ; на путешествіе Лангсдорфа и Телезія съ Крузенштерномъ въ 1803—1806 г., послѣдовавшихъ, между прочимъ, фауну камчатскую, на путешествіе и зоологическія изысканія Мертенса, во время кругосвѣтнаго путешествія Лютке, на экспедицію къ ледовитому морю Врангеля и Анту (1821—1826), и пр. ⁴⁾. Особенно много способствовали изученію фауны русской земли, различныхъ разновидностей видовъ и географическаго распредѣленія животныхъ, новѣйшія учено-натуральныя путешествія. Сюда относятся слѣдующія экспедиціи: путешествіе академика *Бэра* въ Лапландію, къ Бѣлому морю и въ Новую Землю, а повдигѣ—на ниж-

¹⁾ Общая Биографія I, 84.

²⁾ Blainville, Histoire des sciences de l'organisation. 1845. I, с. t. II.

³⁾ Брандтъ включаетъ о *Zoographia* Палласа:—Его лебединая пѣнь подарила Россіи трудъ, который въ эту эпоху не имѣетъ себѣ равнаго ни въ одной странѣ Европы, потому что нигдѣ не было фауны млекопитающихъ, обработанной такимъ образомъ и представляющей такую важность относительно географическаго распредѣленія животныхъ. (*Considérations sur les animaux vertèbres de la Syberie occidentale*, p. 423).

⁴⁾ Brandt, Considerations sur les animaux de la Sibirie, p. 423—424 и слѣд.

нюю Волгу и Каспійское море; путешествіе академ. *Миддендорфа* въ Таймурскую землю, восточную Сибирь, на Охотское море и въ Амурскую область; путешествіе *Рупрехта* на полуостровъ Канингъ и на Кавказъ; путешествіе академ. *Леоп. Шренка*, вокругъ земли, въ Амурскую область и на Сахалинъ; путешествіе академикомъ *Брандта* и *Радде* въ Бессарабію, Херсонскую и Таврическую губерніи; путешествіе *Ратке* въ Тавриду; путешествіе *Нордмана* въ Закавказье; путешествіе *Ал. Шренка* и *Каремина* въ Киргизскую степь и на Чую; путешествіе *Лемана* на Уралъ, въ Киргизскія степи и Бухарію; путешествіе *Коленати* (Kolenati) въ Кавказскія провинціи; путешествіе *Сверцова* въ Киргизскія степи и Уральскую область; путешествіе *Гобмана* и *Брандта* на сѣверный Уралъ; путешествія *Радде*, *Маака* и *Максимовича* въ восточную Сибирь и въ Амурскую область; путешествіе *Данилевскаго* съ препарантомъ *Никитинимъ* въ губернію Архангельскую, на берега Ледовитаго моря и Норвегін; путешествіе консерватора *Гебеля* на Каспійское море, и, наконецъ, 10-ти лѣтнее путешествіе консерватора зоологическаго музеума *Вознесенскаго* вокругъ земли, потомъ по берегамъ Охотскаго моря, по Камчаткѣ, по русско-американскимъ колоніямъ и въ Калифорнію. Вслѣдствіе такихъ путешествій, фауна и вмѣстѣ съ тѣмъ, естественная зоологическая экономія русскаго народонаселенія все болѣе и болѣе уяснялась въ различныхъ областяхъ и мѣстностяхъ русской земли. Такъ напримѣръ, фауну Лапландіи, Новой земли и Таймура раскрыли *Бэръ* и *Миддендорфъ*, фауну малой Россіи изслѣдовалъ проф. *Креницій*. Зоологію Чернаго моря и его береговыхъ странъ разработывалъ профес. *Нордманъ* и изложилъ подъ заглавіемъ *Faune pontique*, гдѣ наиболѣе совершенно рассмотрѣны тѣ млекопитающія, которыхъ *Нордманъ* видѣлъ самъ, и особенно птицы и рыбы. Въ то же время *Эйхвальдъ*, вслѣдствіе своего путешествія, составилъ *Fauna caspio-caucasica*. ¹⁾ Фауну Волынскаго края, всѣхъ животныхъ классовъ, ревностно разработывалъ казанскій профес. *Еверсманъ*. Систематическую обработку зоологіи этого края онъ представилъ въ естественной исторіи Оренбургскаго края. ²⁾ Ихтиологія русская (породы рыбъ Каспійскаго моря и его притоковъ, Балтійскаго моря, Чудскаго озера, Пейпуса, Бѣ-

¹⁾ Beitr. IX, I, s. 146.

²⁾ Naturgeschichte der Orenburg—Legend. Beitr. XI, I, s. 147—184.

лаго моря и проч.), а также рыболовство съ особенною научною отчетливостью изслѣдованы были академ. Бэрромъ и Данилевскимъ. Въ новѣйшее время (1855—1859), Густавъ Радде, въ двухъ большихъ томахъ своего громаднаго, капитальнаго труда, великолѣпно описалъ фауну юговосточной Сибири ¹⁾. Въ этой фаунѣ онъ изучилъ до 102 видовъ млекопитающихъ животныхъ и въ высшей степени отчетливо и статистически-ясно раскрылъ численныя отношенія, условія и границы ихъ распространенія и распределенія, указывая главнымъ образомъ на условія и особенности терестрическія, климатическія и ботаническія, и въ то же время художественно обрисовывая различныя природныя формы и типы юговосточной Сибири. «Южно-сибирская, млекопитающая фауна, въ тѣсномъ смыслѣ,—говоритъ онъ вкратцѣ,—распространяется, съ большою однообразностью и, можно сказать, бѣдностью формъ, по всей лѣсистой, центральной части южной Сибири, по большей части до 50° с. ш., и на югъ повсюду переступаетъ этотъ предѣлъ тамъ, гдѣ, съ значительнымъ повышеніемъ горъ или всего плато, обуславливаетъ это суровый климатъ. Она состоитъ частію еще изъ самыхъ сѣверныхъ видовъ стараго свѣта, частію изъ такихъ, которые находятся столько же въ Европѣ, какъ и въ Азіи въ умѣренномъ климатѣ, и обладаетъ только немногими формами, которыя исключительно ей свойственны настолько же, насколько и животному міру западно-сибирскихъ горъ; нѣтъ ни одного такого вида, который бы исключительно принадлежалъ ей одной. Эта фауна находится въ восточномъ Саянѣ, также въ южныхъ, параллельно идущихъ горахъ Тангу, столько же, съ неизмѣнною чистотою и монорфіею, на всемъ южномъ Яблоновомъ хребтѣ и въ цѣпи Кэнтэя, такъ же какъ, наконецъ, слѣдуя по направлію Яблоноваго и Становаго хребта, распределяется не только по сѣверной сторонѣ его, но также, вблизи раздѣлительныхъ возвышенностей, по южнымъ склонамъ и оживляетъ ту часть Хингана, которая, пересѣкаясь Аргуньею и Шилгомъ, склонается въ русской области. Только тигръ, единственный южный видъ животныхъ въ этой фаунѣ, какъ забѣзчикъ, временно переступаетъ за южную разграничительную черту ея распространенія; другихъ же формъ млекопитающихъ животныхъ, которыя при-

1) Reisen im süden von Ost-sibirien in den Jahren 1855—1859 incl., von Gustav Radde. Bd. I: Säugethiere; Band II: Die Festlands-ornis des südöstlichen Sibiriens.

надлежать южной или восточнымъ островамъ умѣренной Азіи, здѣсь совершенно не достаетъ, и уже впервые съ 49° с. ш. выступаютъ эти животныя, сначала очень разьединенныя, изолированныя, потому южнѣе—въ быстро возрастающей массѣ. Даже на прибрежныхъ горахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ устья Амура, и въ Камчаткѣ члены этой млекопитающей фауны образуютъ почти единственныя составныя части всего млекопитающаго животнаго міра, и здѣсь между ними находятся только немногіе, отдѣльные виды американскіе¹⁾. Тотъ же Раdde великолѣпно раскрылъ гипсометрическія, терристрическія, климатическія и ботаническія условія и взаимодѣйственную, физико-географическую связь распространенія въ юго-восточной Сибири и млекопитающей фауны и народовъ—пастушескихъ и звѣроловческихъ.

Такимъ образомъ, благодаря общимъ усиліямъ нашихъ натуралистовъ, въ трудахъ которыхъ общество относилось съ поворнымъ равнодушіемъ, изученіе русской земли ясно раскрывало содержаніе животной экономіи въ Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляло степень возможности существованія и развитія въ ней зоолого-экономическихъ основъ поселеній, осязательно показывало всю недостаточность, неразвитость умственныхъ, раціональныхъ основъ въ экономическомъ бытѣ и строѣ русскаго народонаселенія и открывало много новыхъ экономическихъ или техническихъ данныхъ и основъ для развитія промышленныхъ поселеній. Во первыхъ, зоологическое изученіе русской земли ясно показало, между прочимъ, всю шаткость, непрочность и отсталость первобытныхъ основъ звѣропромышленныхъ поселеній въ Россіи. Бэръ, на основаніи естественной исторіи пушныхъ звѣрей, великолѣпно раскрылъ естественно-историческое значеніе звѣропромышленныхъ поселеній, какія и доселѣ еще существуютъ въ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніи и особенно въ восточной Сибири. Сохраненіе первобытнаго, непосредственно-натуральнаго элемента въ народной экономіи, въ основѣ тысячи народныхъ поселеній, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ, есть грубое, анахроническое продолженіе первобытнаго, звѣроловческаго состоянія людей, есть остатокъ и послѣдіе отъ всеобщей бѣдности древней Россіи, находившей лишь богатство въ соболиной казнѣ и характеризовавшейся своими бобровничьими, со-

¹⁾ Radde Bd. I, s. 305—306.

колыбельными и т. п. деревнями, и наконец, есть свидѣтельство низкой степени культуры тамъ, гдѣ еще сохраняется этотъ терологическій элементъ народной промышленности. — «Теперь охота и пушная торговля, говоритъ Бэръ, имѣетъ еще относительно очень высокую важность не столько для національной экономіи всего государства, сколько для тѣхъ областей, въ которыхъ земледѣліе слабо или даже вовсе не распространено. Только задолго до нашего времени, ятъ за 200 и болѣе, охота и пушная торговля, безъ сомнѣнія, имѣли гораздо большую, чѣмъ теперь, важность и для цѣлаго государства, по причинѣ всеобщей бѣдности земли. Слѣдовательно, теперь уже старый взглядъ, старый предрасудокъ — утверждать всеобщую важность обѣихъ — и охоты, и пушной торговли. Послѣ тѣхъ временъ, обѣ онѣ становятся все менѣе и менѣе важными не только потому, что сами собою упадаютъ, но и потому, что національное богатство приращается понемногу»¹⁾. При всемъ томъ, продолжающееся существованіе специальныхъ звѣропромышленныхъ поселеній въ Россіи, и притомъ еще довольно многочисленныхъ, сохраненіе первобытнаго терологическаго элемента въ народной экономіи, составляющаго основу и жизненную силу многихъ поселеній, — все-таки, повторемъ, свидѣствуетъ еще о низкой степени цивилизаціи въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, не высоко, значить, еще интеллектуально-экономическое развитіе русскаго народа, когда онъ не встрѣчаетъ соперничества со стороны европейскихъ націй только въ тѣхъ сферахъ промышленности, изъ которыхъ европейцы давно уже вышли, какъ изъ дикаго первобытнаго состоянія, — въ тѣхъ промышленныхъ сферахъ, гдѣ сама природа производитъ и даетъ человѣку свои естественные продукты, такъ сказать, даромъ, безъ всякаго особеннаго умственнаго труда со стороны человѣка, какъ-бы на бѣдность его умственнаго развитія и матеріальнаго состоянія, — гдѣ человѣка обогащаютъ не творчество и изобрѣтательность, не агрономическая, технологическая и индустріальная дѣятельность, а лѣса, тундры, тайги, горы, степи, міръ дикихъ звѣрей, и вообще дикія, пустынные пространства непокоренной гражданственностью природы. А таково еще, во многихъ отношеніяхъ и во многихъ мѣстностяхъ, промышленное состояніе Россіи. Въ звѣропромышленной отрасли внѣшней торговли, Россія, по изобилію и

1) Beiträge Bd. VII, s. 204.

разнообразію добываемыхъ въ ней дорогихъ и дешевыхъ мѣховыхъ товаровъ, не встрѣчаетъ соперничества со стороны европейскихъ государствъ, гдѣ звѣриная ловля давно уже вытѣснена изъ круга народныхъ промысловъ новыми индустріальными занятіями и производствами. Въ Европѣ и европейской Азіи только еще одна Россія сохраняетъ, въ значительной долѣ, такъ сказать, первобытный, охотничій, звѣропромышленный характеръ, по множеству въ ней охотничьихъ, звѣроловческихъ племенъ и русскихъ звѣропромышленниковъ. Съ 1841 по 1846 г. средній отпускъ русскихъ пушныхъ товаровъ составлялъ сумму на 2,682,630 р. сер. Вывозъ изъ Россіи мягкой рухляди на лейпцигскія ярмарки и въ разныя европейскія государства давалъ слѣдующія среднія суммы въ годъ: въ 1829—33 году 500,675 р., въ 1834—38 г. 710,784 р., въ 1839—43 г. 707,373 р., въ 1844—46 г. 1,004,289 р. сер., слѣдовательно постоянно возрастала. Между тѣмъ какъ вывозъ въ Европу продуктовъ обработанныхъ, требующихъ знанія, постоянно упадалъ, какъ это блистательно доказано статистическими изслѣдованіями Небольсина и Тэрнера. Наконецъ, и самый характеръ пушной промышленности и торговли свидѣтельствуетъ о слабомъ проявленіи интеллектуальныхъ началъ въ звѣропромышленно-торговыхъ промыслахъ и поселеніяхъ или классахъ народа. Они не заключаютъ въ себѣ и не требуютъ никакихъ научныхъ началъ. Всякая отрасль промышленности, напримѣръ земледѣліе, скотоводство, фабрично-заводское производство, на высшей степени цивилизаціи, при рациональномъ развитіи, становится наукой или результатомъ науки, ея осуществленіемъ, приложеніемъ на практикѣ, также какъ вся жизнь цивилизованныхъ людей и націй, на высшей степени развитія, сливаясь съ наукой соціальной, становится выраженіемъ или осуществленіемъ идей научнаго знанія. Пушная же промышленность и торговля не можетъ имѣть научныхъ основъ, научнаго развитія и, слѣдовательно, прогресса. Производство мѣховой промышленности, замѣчаетъ Бэръ, не есть наука, которую бы можно было изучать посредствомъ абстрактныхъ принциповъ, а скорѣе просто искусство, которое пріобрѣтается и развивается только отъ долговременнаго навыка ¹⁾).

Во вторыхъ, зоологическое изслѣдованіе русской земли съ типич-

¹⁾ Beiträge VII, 205.

ческою ясностью показало намъ, въ предѣлахъ историческаго развитія Россіи, еще полнѣйшее, такъ сказать, первобытное владычество физическаго міра надъ огромными массами народонаселенія, и слѣдовательно, крайнюю отсталость нашу отъ той могучей цивилизации, которая все болѣе и болѣе дѣлаетъ человека хозяиномъ и господиномъ окружающей его природы. Взгляните на картины экономическаго быта и строя въ Россіи, съ живья начертанными натуралистами-путешественниками. Что это еще за бытъ и развитіе! Палласъ, Фалькъ и особенно Лепехинъ, въ путешествіяхъ своихъ, повсюду на русской землѣ описывали пассивно-рабскій бытъ народа въ разныхъ сферахъ естественной экономіи. Лепехинъ почти на каждомъ шагу своего путешествія, отъ Москвы до саратовскихъ колоній, видѣлъ умственную слѣпоту и неподвижность народа въ сферахъ окружающихъ его разнообразныхъ данныхъ естественной экономіи и производительности русской земли, и съ глубокимъ сокрушеніемъ указывалъ то на рутину земледѣлія и неумѣнье пользоваться почвой, особенно болотной, то на вопіющее цѣльное пользованіе и злоупотребленіе такими естественными произведеніями, какъ, лѣса, то на неумѣнье пользоваться разными полезными видами дикой растительности, напримѣръ изъ породы *Salsolaccas*, то на невѣжество, суевѣріе и вредные обычая въ скотоводствѣ, особенно въ случаѣ болѣзни скота, то на отсутствіе знаній и искусства въ обработкѣ животныхъ продуктовъ и т. п. Это еще въ центрѣ историческаго развитія Россіи, вблизи столицъ. А тамъ, дажѣ, на востокъ что видѣли естествоиспытатели — путешественники? Вотъ напр. въ звѣроловныхъ и пастушескихъ поселеніяхъ, псевыходящихъ изъ среды мѣстнаго животнаго міра, натуралисты со всею ясностью раскрыли намъ чисто-первобытное рабство людей передъ природою, именно: совершенно одинаковую съ животными, пассивную зависимость ихъ отъ мѣстныхъ, географическихъ условій, совершенную тождественность и, такъ сказать, слитность ихъ жизни съ общою жизнью фауны, въ общей экономіи животнаго міра. Люди тамъ одинаково съ фауной подчиняются террестрическимъ, климатическимъ и другимъ физическимъ условіямъ, одинаково съ ними ведутъ борьбу за существованіе, одинаково съ ними передвигаются съ мѣста на мѣсто. Радде, такъ прекрасно изслѣдовавшій юговосточно-сибирскую фауну и ея физико-географическое распредѣленіе, между прочимъ, такимъ образомъ обрисовываетъ эту общую зоолого-географическую связь

тамошней фауны и тамошних звѣроловческих и пастушеских поселеній: «Повсюду здѣсь органическая жизнь обширныхъ горныхъ странъ является совершенно однообразною и бѣдною, сама по себѣ и для себя самой. Начиная съ высокихъ, горныхъ вершинъ, на которыхъ тутъ и тамъ, въ ущельяхъ и разсѣлинахъ, во весь годъ не сходятъ слѣды снѣга, до возвышенныхъ равнинъ байкальскихъ, приблизительно отъ 6000—1300 англ. ф. надъ моремъ, весь растительный миръ видоизмѣняется только 4 типами... Въ меньшей степени и въ животномъ царствѣ повсюду здѣсь замѣтно необыкновенное однообразіе. Ни одно животное возвышенныхъ степей Монголіи не переступаетъ угрюмыхъ лѣсовъ байкальскихъ возвышенностей и Яблоноваго хребта; также, какъ едва ли найдется тамъ одинъ представитель южныхъ растительныхъ видовъ средняго теченія Амура, — точно также нѣтъ на сѣверныхъ склонахъ Становаго и Яблоноваго хребта ни одного представителя типическихъ животныхъ видовъ Амура. Наконецъ, и самой жизни человѣка и развитію его культуры въ этихъ пространствахъ открыто самое узкое поприще, какое только могутъ обусловливать столь бѣдныя, однообразныя природныя условія. Повсюду здѣсь мы видимъ тунгусовъ, господствующихъ въ ихъ просторной, бродячей разбросанности, разрозненныхъ на малыя, слабыя племена, осѣдающихъ здѣсь и тамъ на берегахъ обильныхъ рыбою, дикихъ рѣкъ, потомъ опять соединяющихся зимою, по окончаніи охоты за пушными звѣрями, на нѣсколько дней, въ отдѣльныхъ, далеко раскинутыхъ, пунктахъ. Въмѣсто лошади, выступаетъ здѣсь, въ непроходимыхъ, бѣдныхъ растительностью болотахъ и мхахъ горныхъ, олень. И какъ эта первобытная природа остается, въ пространствѣ временъ, неизмѣнною многія тысячи лѣтъ, и только здѣсь и тамъ, въ предѣлахъ ея области, точатъ зубъ уничтоженія, въѣдаясь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ глубже въ золотоносныя пески,—такъ и люди, для которыхъ эта природа стала отечествомъ, вездѣ, гдѣ только незначительно было или даже вовсе не было столкновенія съ вторгшимся изъ Европы народонаселеніемъ, представляютъ неизмѣнныхъ, неспорченныхъ, простодушныхъ, охотничьихъ народовъ,—робкихъ и боязливыхъ тамъ, гдѣ другая народность вступала къ нимъ непривѣтнымъ, неуживчивымъ образомъ,—смѣлыхъ и бодрыхъ, свѣжихъ и веселыхъ тамъ, гдѣ они оставались непркосновенными и цѣлыми въ своихъ кочевьяхъ.... Точно также,

необыкновенная однообразность терестрических и атмосферических особенностей возвышенных южных степей естественно обуславливает такое же однообразие в органической природѣ. Какъ въ болотныхъ, горныхъ странахъ Яблоноваго и Станового хребта, гдѣ влажность находится въ избыткѣ, тундряные лишай и мхи стелются въ сосѣдствѣ съ вакциніями, *Rhododendron* и *Betula* представляютъ на нихъ низкіе кустарники и потомъ черемуха темной ширмой своей вершины похищаетъ у почвы каждый лучъ солнца: такъ въ возвышенныхъ степяхъ Монголіи мы видимъ природу впадающую въ другую крайность однообразія, и здѣсь, какъ и тамъ, звѣрь и человѣкъ одинаково подчиняются закону этого однообразія, и здѣсь такъ же, какъ и тамъ, эта однообразность, односторонность обуславливаетъ періодическія переселенія. Съ снѣжными сугробами, покрывающими хребетъ раздѣлительныхъ горъ и въ меньшей мѣрѣ его южныя развѣтвленія, большая часть животныхъ оставляютъ свое лѣтнее мѣстопробываніе въ независимой дикости и бѣгутъ въ уваламъ, въ лѣсные округи, въ болѣе холмистыя плоскогорія, предшествующія сѣверо-восточной оконечности возвышенной Гоби, гдѣ одни пасутся на растительномъ корму, который здѣсь легче выгребать изъ-подъ нижняго снѣга, и гдѣ другія пасутся около этихъ травоядныхъ животныхъ, слѣдя ихъ ходу и движенію. Подобнымъ образомъ поступаетъ и все nomadizing народонаселеніе горъ, благосостояніе котораго тѣсно связано съ его стадами. И тамъ, въ высокой Гоби, тамъ въ октябрѣ—регулярное стремленіе на сѣверъ однокопытныхъ и двукопытныхъ. Табуны джигитэевъ сбѣгаютъ на Далай-Норъ до русской области, *джерены* (*Antilope gutturosa*), часто собираясь въ стада тысячами, добѣгаютъ почти до праваго берега Онона и почти каждую зиму попадаютъ на южныхъ отрогахъ Одопъ-Чолона, въ линіи распространенія лѣсолюбивой козули или изюбря и лѣсобоязливой антилопы. Животныя Яблоноваго хребта бѣгутъ передъ снѣгомъ, а животныхъ возвышенной степи, можетъ быть, именно снѣгъ привлекаетъ изъ внутреннихъ, еще сухихъ мѣстъ Гоби на сѣверъ, гдѣ они находятъ притомъ еще нѣсколько богатый, зимній кормъ. Совершенно тоже здѣсь дѣлаютъ люди. Монголы, кочующіе лѣтомъ разбросанно, зимой садятся въ низменностяхъ Кэрулэна, Кайлара и Далай-Нора, буряты живутъ на долинахъ Онона и Ононь-Борза. Возвышенныя степи тогда еще безлюдны, чѣмъ лѣтомъ. Такъ здѣсь, въ

русской Даурии, подъ влияніемъ, съ одной стороны, континентальнаго, суроваго климата, съ другой—безводнаго или худоводнаго Яблоноваго хребта, временно передвигается жизнь животная и человѣческая, на относительно-маломъ пространствѣ, въ которомъ влияніе это менѣе ощутительно» (1). Вотъ какія поселенія, вотъ какую жизнь, и животную и человѣческую вмѣстѣ, нашли наши натуралисты въ крайнихъ географическихъ предѣлахъ широкой русской земли. Не есть ли это еще глубокая Азія въ предѣлахъ русскаго государства, русской цивилизаціи? И когда пропикнется туда лучъ просвѣтительнаго европеизма? Русская колонизація и культура покуда не даетъ утѣшительнаго отвѣта. Она не внесла туда новой жизни, обновительныхъ и будущихъ началъ еврейской промышленности, не показала европейскаго господства разума надъ стихіями и условіями природы. Русскіе, по словамъ Радде, единственно по неразумности, по неумѣнью и грубости, не успѣли или не смогли сдѣлать ничего рациональнаго и плодотворнаго даже въ самой благопріятной сферѣ мѣстной зоологической экономіи природы, несмотря на то, что зоолого-географическія изслѣдованія Радде и въ особенности его зоологическія изысканія о такихъ видахъ животныхъ, какъ *Aegoceros (ovis) Argali*, *Bos taurus*, *Equus Caballus*, показываютъ всю возможность цвѣтущаго развитія тамъ скота и скотоводческихъ поселеній. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Раскрывая умственно-пассивное положеніе различныхъ народныхъ поселеній въ области зоологической экономіи природы, изслѣдованія натуралистовъ въ то же время объяснили намъ законы развитія и упадка зсолого-экономическихъ основъ поселеній и указали рациональныя мѣры къ поддержанію ихъ въ тѣхъ естественныхъ областяхъ животной экономіи, гдѣ сама природа даетъ къ тому возможность. Такъ напримѣръ, обширныя ихтиологическія изслѣдованія Бэра и Данилевскаго о состояніи рыболовствъ въ Россіи, указавши много рациональныхъ мѣръ къ улучшенію способовъ промышленности рыболовческихъ поселеній, возбудили, между прочимъ, мысль о привлеченіи западной рыболовческой колонизаціи на берега Каспійскаго моря и Данландіи для руководства или наученія русскихъ западно-европейскому рациональному производству рыболовства. Какъ для улучшенія южныхъ скотоводческихъ поселеній устроены были на

1) Rädde, Reise Bd. 1, s. XLIX, LI и LII.

южно-русскихъ степяхъ западныхъ, скотоводческія колоніи, напримеръ, въ Бессарабіи, или какъ для наученія русскихъ земледѣльческихъ поселеній западно-европейскимъ способомъ земледѣлія устройны были въ тѣхъ же южныхъ и юговосточныхъ областяхъ нѣмецкія колоніи, — такъ точно, для развитія или руководства русскихъ рыболовческихъ поселеній, для показанія имъ лучшихъ западныхъ способовъ рыболовства, а также для наученія ихъ приготовленію и фабрикаціи рыбныхъ продуктовъ, Бэръ и Данилевскій предлагали устроить на берегу Каспійскаго моря и въ Лапландіи западныхъ рыболовныя колоніи. Бэръ, излагая свои «Предложенія мѣръ» для улучшенія рыболовства и рыболовческихъ поселеній въ каспійскомъ бассейнѣ, въ 4-мъ пунктѣ говоритъ: «Сюда принадлежитъ неоднократно дѣланное предложеніе выписать въ Астрахань голландцевъ, не только съ тѣмъ, чтобы они научали русскихъ хорошему соленью тамошнихъ сельдей, но чтобы они и сами его производили. А какъ голландцы превосходятъ все народы аккуратностью и чистотой, то я полагаю и теперь полагаю, что примѣръ ихъ долженъ благотѣльно подѣйствовать въ Астрахани» и т. д. Поэтому Бэръ предлагалъ отвести голландской рыболовной колоніи мѣсто въ предѣлахъ казенныхъ, откупныхъ водъ и предоставить имъ, кромѣ соленія сельдей, право самимъ продавать ихъ въ Саратовѣ, Казани, Нижнемъ Новгородѣ и Москвѣ ¹⁾. Точно также Данилевскій, по поводу записки русскаго генеральнаго консула въ Христианіи о вызовѣ норвежца Юрдана и о заселеніи мурманскаго берега, на основаніи своего естественно-историческаго изслѣдованія лапландскаго берега, рѣшилъ вопросъ въ пользу смѣшанной норвежско-русской колонизаціи Лапландіи. Тогда предполагалась обширная колонизація мурманскаго берега или Лапландіи изъ Архангельской, Олонецкой и другихъ губерній. Данилевскій нашелъ ее неудобною. Вмѣсто того онъ предложилъ основать особаго рода колоніи, нѣчто въ родѣ образцовыхъ фермъ. Вотъ его слова: «Если по всемъ обстоятельствамъ, основаннымъ на изученіи мѣстныхъ условій, я долженъ сказать, что заселеніе мурманскаго берега представляетъ весьма мало шансовъ на успѣхъ, то я полагаю, что и колонизація Мотовской губы, если она должна служить началомъ и ядромъ будущаго общаго заселенія всего лапландскаго берега, и съ этой точки зрѣнія

¹⁾ Изслѣдов. о сост. рыболов. въ Росс. II, стр. 185—186.

будетъ направляема и устроиваема, поведетъ правительство лишь къ бесполезнымъ хлопотамъ и издержкамъ. Но, по моему мнѣнію, есть другая точка зрѣнія на заведеніе одного или нѣсколькихъ небольшихъ поселеній на мурманскомъ берегу въ удобныхъ для этого мѣстахъ, при которой они не преминутъ принести существенную пользу развитію нашей рыбной промышленности. Поселенія эти должны быть тѣмъ же для рыболовства, чѣмъ служатъ образцовыя фермы для земледѣлія, чтобы прочіе ловцы, приходящіе съ поморья, могли здѣсь видѣть на дѣлѣ новыя отрасли рыбной промышленности, у насъ только начинающія входить въ употребленіе, именно ловъ акулы, а также и ловъ сайды, и не введенные у насъ еще способы лова, какъ напримѣръ ручною удочкою на поддѣвъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть весьма полезенъ. Здѣсь также могли бы наши перенять устройство норвежскихъ рыболовныхъ судовъ — ёль, которыя лучше держатся къ морѣ при погодѣ, чѣмъ наши шняги, и слѣдовательно, могутъ дальше отъѣзжать отъ береговъ. Чтобы эти поселенія соотвѣтствовали такой цѣли, надо, чтобы они состояли изъ русскихъ и норвежскихъ промышленниковъ... Льготы, заключающіяся въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ полагалось допустить колонизацію Мотовской губы, думаю я, будутъ вполне достаточны для привлеченія къ переселенію.... Что касается до мѣстности этихъ поселеній, то очевидно, что при выборѣ ихъ должны имѣть въ виду, чтобы тутъ были: проточная вода, достаточное пространство воды, могущей служить пастбищемъ для скота, безопасное становище для судовъ и проч... Если не самыя Волоковыя губы, то вообще западный берегъ Рыбачьяго полуострова и принадлежащая намъ часть Варангскаго залива, составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ самую выгодную мѣстность для предполагаемыхъ колоній», и проч. Для заведенія перваго поселенія, Данплевскій предлагалъ пригласить норвежскаго промышленника Суля, уже показавшаго опытъ наученія нѣкоторыхъ поморскихъ рыболововъ лучшимъ приемамъ рыболовства ¹⁾.

Да и нужно ли распространяться, сколько могучихъ силъ развитія представляютъ вообще одни зоологическія науки, опыты и изслѣдованія для практическаго приложенія въ народномъ хозяйствѣ, особенно въ области животной экономіи народа. Зоологическія из-

¹⁾ Изслѣдов. о сост. рыболов. т. VI, стр. 240—247.

слѣдованія и знанія, даже и у насъ, въ книгахъ и въ ученюмъ меньшинствѣ, далеко опередили зоолого-экономическій бытъ народа. Тамъ, наверху общества и науки, Бэры, Брандты, Радде, — а тутъ — въ темныхъ массахъ кочующіе калмыки, башкиры, буряты, киргизы, самоѣды, тунгусы и проч., да русскіе мужики съ ихъ глѣзками, съ ихъ жалкою, выродившеюся породою скота, да съ змѣями-огненными и разными мифическими вѣщими животными въ головѣ. Зоологическое хозяйство русскаго народа находится теперь въ томъ переходномъ состояніи, когда наверху, въ наукѣ и въ сознаніи натуралистическаго меньшинства уже значительно выработались и созрѣли новыя, научныя зоологическія идеи и основы животной экономіи, а внизу, на практикѣ, въ жизни доживаетъ еще свой вѣкъ старая рутинна средневѣкового животнаго хозяйства: разладъ между наукою и жизнію, между природою и человѣкомъ. Остается слѣдовательно, одного только — всѣмъ сердцемъ и всѣмъ существомъ желать, чтобы естественно-научныя и, въ частности, зоологическія знанія Палласовъ, Бэровъ, Радде и другихъ, посредствомъ новаго, естественно-научно развитога меньшинства переходили въ массы, распространялись не только въ болѣе или менѣе образованной, читающей публикѣ, но и главнымъ образомъ въ промышленныхъ классахъ престопаго, чтобы изъ книгъ эти идеи переходили въ народное сознаніе, въ сознаніе всей промышленной массы народа, и чтобы наконецъ изъ массъ народныхъ выходили свои Добантоны, Реми, Милле, Бакуеелі, Юнги, Уатты и проч., чтобы даже полудикіе пастухи-буряты, киргизы, башкирцы становились пастухами Добантонами, или пастухами хоть сколько-нибудь похожими на пастуховъ Швейцаріи и Тироля, а русскіе мужики дѣлались, въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ, въ скотоводствѣ — Сомервиллями, Себрайтами, Спенсерами, Бакуеелями, Коллинзами и т. д. Но... *Pia desideria!*.. Далекая будущность!..

А. Ицановъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИДЕИ ОГУСТА КОНТА.

ВВЕДЕНИЕ.

Огюсть Контъ, одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка, родился въ Монпелье, въ 1798, а умеръ въ Парижѣ, въ 1857 году. Жилъ онъ въ бѣдности, работалъ много и мыслилъ всегда честно и самостоятельно, не стараясь угождать ни политическимъ партіямъ, ни академическимъ котеріямъ, ни прихотливому вкусу такъ называемой образованной толпы. Самое цвѣтущее время дѣятельности Конта относится къ тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, къ той эпохѣ, когда буржуазное правительство Луи-Филиппа, мѣняя безпрестанно Гизо на Тьера и Тьера на Гизо, занималось бесплодною политическою эквилибристикою между клерикально-реакціонерною партіею съ одной стороны, и революціонно-республиканскою съ другой стороны. Контъ смотрѣлъ одинаково недоброжелательно на всѣ три партіи, спорившія между собою за политическое господство. Онъ видѣлъ, что реакціонеры совершенно напрасно стараются воскресить мертвую и разлагающуюся идею; онъ понималъ, что республиканцы, за неимѣніемъ опредѣленной и положительной доктрины, не съумѣютъ воспользоваться побѣдою, когда имъ удастся ее одержать; онъ чувствовалъ глубокое презрѣніе къ эквилибристамъ, которые, давно забывши о существованіи или даже о возможности политическихъ принциповъ, удерживали за собою власть единственно для того, чтобы не выпускать ее изъ своихъ рукъ. Онъ полагалъ, что политическія негѣности и неблаговидности его времени будутъ продол-

заться до тѣхъ поръ, пока политика не превратится въ науку, въ такую же точную и положительную науку, въ какую превратилась, напримеръ, астрономія со временъ Коперника, Кеплера и Ньютона, или химія со временъ Пристли и Лавуазье. Мысль создать положительную политику, открыть въ жизни человѣческихъ обществъ неизблемые естественные законы, и, научнымъ путемъ, выработать такую общественную организацію, которая мирила бы въ высшемъ единствѣ всѣ разумныя требованія, эта титаническая мысль овладѣла Контомъ, когда онъ былъ еще очень молодъ. Мысль эта родилась въ немъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ идей известнаго Сень-Симона, съ которыми онъ былъ очень близокъ въ молодости, и подъ руководствомъ котораго онъ работалъ продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ. Впрочемъ, Сень-Симонъ, во всякомъ случаѣ, направилъ только вниманіе молодого Конта на общественныя задачи текущаго времени. Путь, которымъ пошелъ Контъ къ рѣшенію этихъ задачъ, съ самого пачала, былъ совершенно самостоятеленъ; какъ только Контъ составилъ себѣ, въ общихъ чертахъ, опредѣленный планъ умственной дѣятельности, такъ онъ тотчасъ разошелся, и даже поссорился съ Сень-Симонъ и со всѣми его послѣдователями. Основная мысль Конта, исходная точка, съ которой начались всѣ его изслѣдованія и умозрѣнія, состоитъ въ томъ, что явленія общественной жизни подлежатъ естественнымъ законамъ, что они сложнѣе всѣхъ остальныхъ явленій природы, что они, въ большей или меньшей степени, подчиняются вліянію всѣхъ остальныхъ явленій, и что, вслѣдствіе этого, къ изученію ихъ можетъ приступать, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, только такой мыслитель, который знаетъ основательно всѣ категоріи явленій, менѣе сложныхъ, и который вооруженъ всѣми методами, доставляющими современному изслѣдователю возможность проникать въ тайники органической и неорганической природы. Что человѣческія общества живутъ и развиваются по законамъ, это мысль далеко не новая; нѣтъ того философствующаго историка, который не повторялъ бы ее на разные лады; но не трудно замѣтить, что почти у всѣхъ философствующихъ историковъ эта мысль остается мертвою буквою. Спросите у Гизо, или у Лорана, или у Галлама, или у Гервинуса: имѣете-ли вы, господа, понятіе о дифференціальномъ исчисленіи, занимались-ли вы когданибудь химіею, слѣдите-ли вы за современными успѣхами физиологіи? — Всѣ эти философствующіе историки примутъ вашъ вопросъ

за пеужѣстную шутку и отвѣтять вамъ холодно и презрительно, что они историки, а не химики, не физиологи и не математики. Изъ ихъ отвѣта вы поймете, что все ихъ образованіе заключается въ знаніи тѣхъ языковъ, на которыхъ написаны дѣтописи, грамоты и разные другіе историческіе документы. Вооружившись этими знаніями, они прямо приступаютъ къ чтенію источниковъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, разумѣется, начинаютъ излагать намъ, подъ именемъ историческихъ законовъ, свои личныя размышленія, болѣе или менѣе остроумныя, но нисколько не опирающіяся ни на послѣдованіе коренныхъ свойствъ человѣческаго организма, ни на основательное знаніе общихъ космическихъ законовъ. Если бы философствующимъ историкамъ было какое нибудь дѣло до космическихъ законовъ, до человѣческаго организма, и до рациональныхъ методовъ научнаго изслѣдованія, то они понимали бы очень хорошо, что пмъ невозможно обойтись ни безъ физиологіи, ни безъ химіи, ни даже безъ дифференціального исчисленія. У Конта мысль о необходимости открыть законы историческаго развитія — не осталась мертвою буквою. Онъ получилъ въ политехнической школѣ превосходное математическое образованіе, и потому, втеченіе всей его жизни, математика оставалась постоянно его хлѣбнымъ ремесломъ. Онъ изучилъ самымъ тщательнымъ образомъ астрономію, физику, химію и біологію; не довольствуясь знаніемъ этихъ наукъ въ ихъ современномъ положеніи, онъ обратился къ ихъ исторіи, и прочиталъ подлинныя сочиненія тѣхъ изслѣдователей, которыхъ трудами эти науки подвигались впередъ. Усвоивъ себѣ эти обширныя знанія, выучившись владѣть всѣми методами научнаго изслѣдованія, и прослѣдивши развитіе всѣхъ главныхъ наукъ отъ самой ихъ колыбели, Контъ имѣлъ полное право приступить къ явленіямъ общественной жизни, съ цѣлью открыть тѣ законы, по которымъ они совершаются. Основной законъ исторіи нашолся, и нашолся, именно благодаря тому обстоятельству, что Контъ была уже достаточна извѣстна исторія положительныхъ наукъ. Контъ замѣтилъ, что всѣ наши положительныя знанія проходятъ въ своемъ развитіи три главныя фазы: теологическую, метафизическую и положительную. Сначала человѣкъ объясняетъ себѣ неизвѣстное явленіе природы, какъ сознательное и умышленное дѣйствіе какой нибудь личности, похожей въ своихъ общихъ чертахъ на самого человѣка; такъ, напримѣръ, когда, во время осады Трои, началась въ греческомъ лагерѣ моровая язва, Греки объяснили себѣ это явленіе тѣмъ,

что богъ Аполлонъ, прогнѣвавшись на нихъ за неуваженіе къ его жрецу Хризесу, началъ пускать въ нихъ невидимыя стрѣлы; когда гремѣлъ громъ, тогда Греки думали, что Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, бросаетъ съ неба особенные громовые снаряды, выкованные для него богомъ огня Вулканомъ; когда на небѣ появлялась заря, тогда греки думали, что богиня Эосъ своими розовыми пальцами отворяетъ тѣ ворота, изъ которыхъ должна выѣхать колесница Солнца или Феба. Затѣмъ, человекъ начинаетъ объяснять себѣ каждое явленіе какою нибудь безличною силою, которой, несмотря на ея безличность, приписываются однако разныя стремленія, симпатіи и антипатіи. Отчего, спрашивала древніе и средневѣковые физики, вода поднимается въ насосѣ? Оттого, отвѣчали они, что природа страшится пустоты. Отчего кусокъ свинца падаетъ внизъ, а дымъ и пламя поднимаются кверху? Оттого, что каждое тѣло стремится занять свое естественное мѣсто. Отчего человекъ заболѣваетъ? Оттого, что болѣзнь вселяется въ его тѣло. Отчего больной выздоравливаетъ? Оттого, что природа и врачъ побѣждаютъ болѣзнь и выгоняютъ ее изъ его тѣла. Если природа можетъ чувствовать страхъ, если тѣла, подобныя свинцу или дыму, могутъ испытывать стремленія или желанія, если болѣзнь входитъ въ человекъ и выходитъ изъ него, если ее можно побѣждать и выталкивать въ шею, и если такимъ занятіямъ предается природа, то очевидно, природа, болѣзнь и тѣла оказываются близкими родственниками и прямыми наслѣдниками Аполлона, Зевеса и другихъ олимпійцевъ. Существенная разница состоитъ только въ томъ, что собственныя имена замѣнены нарицательными. Неполныя олицетворенія отвлеченныхъ понятій—это, въ сущности тѣ же боги, полинявшіе отъ времени и отъ житейскихъ превратностей. Наконецъ, переходя изъ метафизической фазы въ положительную, человекъ начинаетъ понимать, что онъ забавлялъ себя игрою словъ, которая, кѣшная во многихъ случаяхъ ясной и правильной постановкѣ вопросовъ, заставляла его тратить время и силы на бесплодную борьбу съ совершенно непреодолимыми трудностями. Увидавши неосновательность прежнихъ объясненій, человекъ убѣждается понежего въ томъ, что его способность объяснять явленія природы имѣетъ опредѣленныя границы, черезъ которыя его уму никогда не удастся перешагнуть; человекъ признаетъ ту великую истину, что онъ можетъ только наблюдать явленія, и подмѣчать, въ какомъ порядкѣ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, или какимъ образомъ одно явленіе совмѣщается

съ другимъ. На вопросъ: почему данныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ именно въ такомъ, а не въ другомъ порядкѣ, у него нѣтъ отвѣта и никогда его не будетъ. Опъ, разумѣется, можетъ сказать вамъ: таковъ законъ природы; но это, конечно, не отвѣтъ, потому что вопросъ именно въ томъ и состоитъ: почему существуетъ въ природѣ вотъ этотъ законъ, а не какой нибудь другой. — Вы спрашиваете, напримѣръ, у современнаго физика: почему свинцовая пуля, которую я выпускаю изъ рукъ, падаетъ на землю? — *Почему*, отвѣчаетъ вамъ физикъ, этого я не знаю, но я могу вамъ сказать, что существуетъ общій законъ, по которому всѣ тѣла во всей вселенной взаимно притягиваютъ другъ друга пропорціонально массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія. Такъ какъ ваша пуля меньше земного шара, то земной шаръ и притягиваетъ ее къ себѣ; если бы она была больше земного шара, то случилось бы наоборотъ, то есть, не пуля упала бы на землю, а земля упала бы на пулю. Но *почему* все это происходитъ такъ, а не иначе, *почему* тѣла взаимно притягиваютъ другъ друга, и притягиваютъ именно такъ, какъ я это объяснилъ, этого я не знаю, этого не знаетъ никто, это останется вѣчною тайною для всѣхъ людей, и поэтому совершенно бесполезно и нелѣпо задавать себѣ или другимъ подобные вопросы. — Когда человѣческія знанія вступили въ этотъ послѣдній, положительный періодъ своего развитія, тогда онѣ уже не испытываютъ больше радикальныхъ переворотовъ, относящихся къ самому основному ихъ характеру; онѣ только растутъ и совершенствуются, по мѣрѣ того, какъ накапливаются фактическія подробности и улучшаются орудія наблюденія.

Замѣтивъ такимъ образомъ три фазы въ развитіи всѣхъ положительныхъ наукъ, (кромѣ математики, въ которой теологической фазы не было), Контъ, путемъ своихъ историческихъ занятій, скоро пришелъ къ тому убѣжденію, что общественная жизнь человѣчества, въ каждую данную эпоху, находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ способовъ и приемовъ, посредствомъ которыхъ люди объясняютъ себѣ явленія природы. Господствующее міросозерцаніе кладетъ свою печать на всѣ отрасли общественной жизни; когда измѣняется міросозерцаніе, тогда и въ общественной жизни происходятъ соответственныя перемѣны; когда борются между собою два различныя міросозерцанія, тогда и общественная жизнь наполняется тревогами и волненіями; когда одно изъ борющихся міросозерцаній

одерживаетъ окончательную побѣду надъ другимъ, тогда и въ общественной жизни водворяется спокойствіе и единодушіе. Такъ какъ міросозерцаніе есть не что иное, какъ сумма объясненій, относящихся ко всѣмъ различнымъ явленіямъ природы, и такъ какъ эти объясненія проходятъ черезъ три фазы, то не трудно сообразить, что тѣ же самыя три фазы могутъ быть отмѣчены и во всей исторической жизни человѣчества. Вся исторія распадается на три великіе періода: теологическій, метафизическій и положительный. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется господствомъ соответствующаго міросозерцанія; при переходѣ изъ одного періода въ другой измѣняются понемногу, вмѣстѣ съ міросозерцаніемъ, всѣ идеи, учрежденія, обычаи, нравы и вкусы. Контъ полагаетъ, что западная Европа пришла къ концу метафизическаго періода, и стоитъ на рубежѣ положительной фазы; вся безалаберщина умственнаго, нравственнаго и политическаго міра объясняется, по мнѣнію Конта, смѣшеніемъ и хаотическою борьбою теологическихъ, метафизическихъ и положительныхъ элементовъ. Безалаберщина эта прекратится и борьба окончится благополучно только тогда, когда положительные элементы окончательно одождютъ своихъ противниковъ и совершенно утвердятъ свое господство надъ обществомъ. Поэтому задача всѣхъ искреннихъ друзей человѣчества состоитъ именно въ томъ, чтобы всѣми силами содѣйствовать этой окончательной побѣдѣ тѣхъ элементовъ, которые одни заключаютъ въ себѣ способность долговѣчности и безпредѣльнаго совершенствованія. Ввести человѣчество въ положительную фазу значить приучить всѣхъ людей къ положительному объясненію всѣхъ явленій природы. Для этого надо, очевидно, свести въ одну цѣльную философскую доктрину всѣ главные результаты строго-научныхъ изслѣдованій, и потомъ, изъ этой доктрины выработать систему общественнаго воспитанія, направленную къ самому широкому распространенію всѣхъ добытыхъ и сгруппированныхъ знаній. Взглянувши съ этой точки зрѣнія на общественную задачу нашего времени, Контъ въ своемъ капитальномъ трудѣ «Cours de philosophie positive» (Курсъ положительной философіи) представилъ ту основную доктрину, на которой должно быть построено новое общественное образованіе. Книга Конта заключаетъ въ себѣ шесть большихъ томовъ: въ первомъ, послѣ общаго введенія, излагается математическая философія; во второмъ — астрономическая и физическая философія; въ третьемъ — химическая и біологическая.

Философія; въ четвертомъ—догматическая часть общественной физики; въ пятомъ—историческая часть общественной физики; въ шестомъ—окончаніе исторической части и общее заключеніе.

Завершивъ свой громадный трудъ, Контъ не сумѣлъ остановиться во-время, и повредилъ своему собственному дѣлу настолько, насколько отдѣльная личность можетъ повредить такому дѣлу, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Контъ доказалъ себѣ и другимъ, почти съ математическою точностью, что положительное или строго-реальное образованіе составляетъ самую важную потребность современныхъ обществъ, такую потребность, отъ удовлетворенія которой зависитъ рѣшеніе всѣхъ остальныхъ общественныхъ задачъ. Контъ установилъ далѣе ту философскую доктрину, которая должна сдѣлаться основой общественнаго образованія. Этими трудами теоретическая сторона дѣла оказывается законченною. Затѣмъ, Контъ надо было устремить всѣ свои силы на то, чтобы теорія воплотилась въ жизни; надо было перейти къ практической сторонѣ дѣла; надо было всевозможными средствами дѣйствовать на общественное мнѣніе, до тѣхъ поръ, пока необходимость новаго образованія не вошла бы глубоко и окончательно въ сознаніе заинтересованныхъ обществъ. А потомъ надо было ждать, пока новое образованіе принесетъ свои результаты. Ждать пришлось бы долго; по всей вѣроятности, пришлось бы даже умереть, но дождавшись, со стороны общества, сильныхъ проявленій умственной возмужалости и полноправности; но дѣлать все-таки было нечего; только сама нація, доразвившаяся до положительнаго міросозерцанія, можетъ дать вполне удовлетворительное рѣшеніе всѣмъ общественнымъ задачамъ, поставленнымъ ей различными обстоятельствами ея историческаго существованія. Въ какую сторону, и какими средствами рѣшить она эти задачи—это уже ея дѣло. Ни одинъ мыслитель въ мірѣ не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ право рѣшать эти задачи заранѣе, изолированными силами своего личнаго ума, потому что нѣтъ и не можетъ быть бы на свѣтѣ такого генія, который одинъ, самъ по себѣ, былъ бы умнѣ цѣлой націи, когда всѣ силы этой націи развернуты и пущены въ ходъ положительнымъ образованіемъ. Контъ упустилъ изъ виду эту простую истину. Онъ вообразилъ себѣ, что его индивидуальный умъ можетъ замѣнять собою, въ рѣшеніи общественной задачи, коллективный умъ цѣлой націи или даже всего человѣчества. Онъ вообразилъ себѣ, что можетъ самъ

предусмотрѣть, опредѣлять и начертить ту политическую и социальную программу, до которой додумается коллективный умъ, просвѣщенный и укрѣпленный положительнымъ образованіемъ. Получилось, конечно, полное и печальное фіаско. Контъ вдался въ произвольныя уществования, измѣняя своей собственной, строго-научной методъ, написалъ *Положительную Политику*, въ которой нѣтъ ничего положительнаго, создалъ новую религію, которая однимъ ни на что не нужна, а другихъ не можетъ удовлетворить, провозгласилъ себя *первосвященникомъ человечества* (Grand-prêtre de l'humanité), и наконецъ умеръ, оставивъ послѣ себя горсть вѣрующихъ адептовъ, которые, своимъ наивными поступками и плоскими догматическими трактатами, продолжаютъ до сихъ поръ, по мѣрѣ силъ, доставлять *обязанную пищу* насмѣшкамъ всѣхъ реакціонеровъ и *метафизиковъ*, чувствующихъ глубокую и сознательную ненависть къ основнымъ, великимъ и плодотворнымъ идеямъ *Положительной философіи*.

Наивные обожатели Конта, какъ основателя религіи и какъ первосвященника человечества, должны, конечно, скоро затеряться въ нескѣтной толпѣ различныхъ, болѣе или менѣе эксцентрическихъ сектъ. Но, кромя этихъ наивныхъ обожателей, у Конта есть еще послѣдніе ученики, которые, глубоко понимая, уважая и стараясь распространять идеи *Положительной философіи*, видятъ, въ то же время, въ *Положительной Политикѣ* и во всѣхъ дальнѣйшихъ подвигахъ Конта, печальныя, хотя естественныя заблужденія великаго ума, прельщеннаго и ослѣпленнаго своею собственною величестію. Провозгласивши себя папою позитивизма, Контъ отринулъ и отлучилъ отъ своей церкви этихъ невѣрующихъ учениковъ, но не трудно понять, что успѣхъ и дальнѣйшее развитіе контовскихъ идей зависятъ именно отъ нихъ, а не отъ простодушныхъ адептовъ. Во главѣ разумныхъ послѣдователей Конта стоятъ, въ настоящее время, во Франціи, известный ученый, Литтре. Въ Англіи, успѣху контовскихъ идей содѣйствуетъ, въ значительной степени, Джонъ Стюартъ Милль, съумѣвшій оцѣнить Конта тогда, когда Контъ, только что выпустившій въ свѣтъ первые томы своей *Положительной философіи*, былъ еще совершенно неизвѣстенъ. Репутація Конта растетъ; *Положительная философія*, въ прошломъ году, вышла въ свѣтъ вторымъ изданіемъ; о позитивизмѣ (то есть, о философской школѣ, а не о религіозной сектѣ) говорятъ въ журнальныхъ статьяхъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ. Главный боецъ позитивизма,

Латтре, работает неутомимо, и некоторые из самых крупных мыслителей Франціи и Англіи, Тенъ, Вашро, Гербертъ Спенсеръ, считаютъ нужнымъ подвергать его работы подробной и внимательной критикѣ.—Словомъ, дѣло Конта подвигается впередъ, но если, напримѣръ, принять въ соображеніе ту быстроту, съ которою имена и мысли Бѣкла и Дарвина облетѣли, въ послѣднее время, весь образованный міръ, то надо будетъ сознаться, что дѣло Конта подвигается впередъ съ изумительною медленностью. Въ Германіи Контъ до сихъ поръ извѣстенъ очень мало; еще въ 1862 году, Бюхнеръ, познакомившись съ Контомъ по книгѣ вѣрующаго адепта, Констанъ-Ребека, отзывался о творцѣ *Положительной философіи* благосклонно-покровительственнымъ тономъ, какъ о добродушномъ, смѣломъ и честномъ, но довольно ограниченномъ и чудаковатомъ мечтателѣ. Россія до сихъ поръ не имѣетъ о Контѣ никакого понятія, несмотря на то, что мы, въ послѣднее десятилѣтіе, слѣдили довольно внимательно за всѣми движеніями европейской мысли. Причины той поразительной медленности, съ которою распространяются идеи Конта, заключаются, по моему мнѣнію, во первыхъ, въ особенныхъ свойствахъ самого *Курса положительной философіи*, и, во вторыхъ, въ непрактичности контовскихъ учениковъ и популяризаторовъ.—*Курсъ положительной философіи* не доступенъ большинству читающаго общества ни по цѣнѣ, ни по объему, ни по содержанию, ни по изложенію. Стоитъ онъ 45 франковъ; у насъ въ Россіи больше 12 рублей. Это разъ. Заключаетъ онъ въ себѣ шесть большихъ томовъ, то есть, гораздо больше 3,000 страницъ довольно мелкой печати; надо быть очень неустрашимымъ любителемъ чтенія, чтобы не почувствовать сильнаго замиранія сердца при видѣ этой груды печатной бумаги. Это два. Обыкновенный читатель, получившій наше общее литературное образованіе, начинаетъ разсматривать *Курсъ положительной философіи*, и замѣчаетъ, къ крайнему своему огорченію, что первые три тома этой книги составляютъ для него тарбарскую грамоту; въ самомъ дѣлѣ, прошу покорно наслаждаться чтеніемъ математической, физической и астрономической философіи, когда рѣшеніе квадратныхъ уравненій составляетъ крайній предѣлъ вашей математической премудрости, когда даже эта премудрость, отъ недостатка упражненія, давно успѣла изгладиться изъ вашей памяти. Это три. Наконецъ, обыкновенный читатель пробуетъ начать чтеніе прямо съ четвертаго тома, но и тутъ становится вту-

нить. Для тѣхъ людей, для которыхъ историческія сочиненія Маколя, Шлоссера или Мишле составляютъ серьезное чтеніе, и для которыхъ Гизо и Бейль являются въ видѣ не plus ultra головоломности, для тѣхъ людей, говорю я, Огюсть Контъ оказывается совершенно неудобочитаемымъ. Представьте себѣ, что въ исторической части общественной физики вы не встрѣтите почти ни одного собственнаго имени; все изложеніе идетъ чисто отвлеченнымъ путемъ; вы имѣете передъ собою анализъ идей и учреждений, безъ малѣйшаго упоминанія объ извѣстныхъ вамъ историческихъ дѣятеляхъ, народахъ и событіяхъ; при этомъ языкъ Конта постоянно до такой степени сухъ, ровень, безстрастенъ и однообразенъ, что вы легко можете принять его философію исторіи за какую нибудь диссертацию о коническихъ сѣченіяхъ; недостаетъ только чертежей и алгебраическихъ формулъ; если вы сравните его математическую философію съ историческою частью общественной физики, то въ изложеніи, въ языкѣ вы не замѣтите ни малѣйшей разницы. Это четыре. Читатель согласится, что этихъ четырехъ обстоятельствъ слишкомъ достаточно, чтобы удержать большинство образованнаго общества въ почтительномъ отдаленіи отъ *Курса положительной философіи*. Но именно тутъ-то и начинается обязанность популяризаторовъ. Если въ какихъ нибудь темныхъ подземельяхъ, недоступныхъ для нашихъ легкомысленныхъ ближнихъ, хранятся, за тяжелыми запорами, необъятныя сокровища мысли, то именно популяризаторы обязаны вооружиться храбростью и терпѣніемъ, сойти въ подземелья, сбить прочь тяжелые запоры и вынести по частямъ, на свѣтъ божій, затаявшіяся драгоценности. Однако ни Литтре, ни Мишль не поступаютъ такимъ образомъ. Они живутъ въ подземельѣ, какъ у себя на квартирѣ, составляютъ тамъ каталоги всѣмъ скрытымъ богатствамъ и приглашаютъ своихъ читателей спускаться вслѣдъ за ними и знакомиться съ драгоценностями въ томъ мѣстѣ, въ которомъ онѣ находятся до сихъ поръ.—Пока популяризаторы будутъ держаться подобной тактики, до тѣхъ поръ идеи Конта будутъ оставаться для общества мертвымъ капиталомъ. Литтре въ 1863 году издалъ очень хорошую и довольно большую книгу подъ заглавіемъ: «Auguste Comte et la Philosophie positive». Мишль въ нынѣшнемъ году помѣстилъ въ Westminster Review двѣ превосходныя статьи о философской дѣятельности Конта. И Литтре, и Мишль говорятъ единогласно, что самыя замѣчательныя и плодо-

творныя мысли Конта заключаются въ исторической части общественной физики, и что Контъ именно только въ этой части является истинно оригинальнымъ и совершенно независимымъ отъ трудовъ прежнихъ мыслителей. Между тѣмъ, ни Милль, ни Литтре даже не дѣлають попытки изложить читателямъ содержаніе этой самой замѣчательной части; оба они отсылають читателя къ книгѣ самого Конта. Но что читатель ихъ не послушается, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ доказательство этой мысли, привожу слѣдующій фактъ. Французскій публицистъ Dupont-White помѣстилъ въ *Revue des deux Mondes*, за нынѣшній годъ, двѣ статьи о позитивизмѣ, по поводу книги Литтре. Когда человекъ беретса разсуждать о философской доктринѣ печатно, тогда, я думаю, можно ожидать отъ него, что онъ обратится къ подлиннымъ источникамъ этой доктрины и познакомится съ нею по сочиненіямъ самого основателя. Однако не тутъ-то было. Dupont-White преспокойно удовлетворился книгою Литтре и, основываясь на ней, толкуетъ о позитивизмѣ врывъ и вносъ, то есть именно такъ, какъ можетъ толковать о кунстнамерѣ человекъ, незамѣтившій въ ней слона. Если люди, имѣющіе претензію философствовать печатно, продолжаютъ питать къ сочиненіямъ Конта почтительную робость, не смотря на всѣ заманчивыя приглашенія Литтре и Милля, то трудно себя представить, какъ мало подѣйствуютъ эти приглашенія на обыкновенныхъ читателей. Оставляя въ сторонѣ историческія идеи Конта, Литтре и Милль разсуждаютъ очень пространно о положительномъ методѣ вообще, о классификаціи наукъ, о раздѣленіи ихъ на абстрактныя и конкретныя, о взглядѣ Конта на психологію и на политическую экономію, и такъ далѣе. Принимаясь знакомить съ Контомъ русскихъ читателей, я считаю полезнымъ поступить какъ разъ наоборотъ. О положительномъ методѣ, о классификаціи наукъ, и такъ далѣе, я не скажу ни одного слова, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ могутъ имѣть для нашихъ читателей философскія разсужденія о методѣ и о классификаціи таковыхъ наукъ, о которыхъ эти читатели имѣютъ самыя смутныя понятія, и съ которыми журналъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, никакъ не можетъ ихъ познакомить, если только онъ не хочетъ превратиться въ собраніе элементарныхъ учебниковъ. Напротивъ того, на историческія идеи Конта, о которыхъ молчатъ Литтре и Милль, я обращаю все мое вниманіе, и если мнѣ удастся выполнить

ною задачу удовлетворительно, то я смѣю надѣяться, что Россія узнаетъ и опрѣнить Конта гораздо точнѣе, чѣмъ цѣнить и знаетъ его въ настоящее время западная Европа.

I.

Дикарь невольно объясняетъ себѣ всевозможныя явленія природы тѣмъ самымъ процессомъ, какимъ обуславливаются въ его глазахъ его собственные поступки. Онъ знаетъ, по ежеминутному опыту, что каждому его движенію предшествуетъ всегда желаніе сдѣлать это движеніе. Онъ садится, потому что *хочетъ* сѣсть, беретъ въ руки палку, потому что *хочетъ* ее взять, бьетъ свою жену, потому что *хочетъ* ее бить, и такъ далѣе. Причину каждаго изъ своихъ дѣйствій онъ понимаетъ; причины же всѣхъ окружающихъ явленій требуется угадать; очень естественно, что это угадываніе на первый разъ будетъ состоять въ простомъ подглядываніи подъ каждое явленіе такой же точно причины, какая объясняетъ собою собственныя тѣлодвиженія философствующаго дикаря. Молнія разбила дерево. Почему она его разбила? Потому что *хотѣла* разбить. Ураганъ разметалъ шалашъ дикаря: почему? Потому что *хотѣлъ* сдѣлать дикарю неприятность. — Какъ только дикарь начинаетъ задавать себѣ вопросы: «*почему?*» такъ онъ непремѣнно начинаетъ отвѣчать на нихъ именно такимъ образомъ, и всякіе другіе отвѣты сначала оказываются радикально невозможными, потому что сначала онъ, путемъ непосредственнаго внутренняго чувства, знаетъ только самого себя, и кромѣ самого себя не знаетъ ровно ничего. Такъ какъ молнія и ураганъ дѣлаютъ такія штуки, которыя самому дикарю приходится не подъ силу, и такъ какъ всѣ ихъ штуки, по мнѣнію дикаря, вытекаютъ изъ опредѣленныхъ желаній, то очевидно, молнія и ураганъ оказываются живыми существами, которыя настолько же сильнѣе дикаря, насколько ихъ штуки превышаютъ его личные подвиги. Къ этимъ сильнымъ существамъ дикарь становится въ вѣдѣстныя почтительныя отношенія; онъ старается задобрить ихъ просьбами и подарками. Онъ надѣется, посредствомъ разныхъ любезностей, направлять волю этихъ сильныхъ существъ сообразно съ своими личными расчетами, и внушать имъ такія желанія, которыя вели бы за собою, съ ихъ стороны, поступки, соответствующіе его

выгодамъ. Однимъ словомъ, начинается известное обоготвореніе явленій и силъ природы, органическихъ и неорганическихъ. Человѣкъ вступаетъ въ теологическій періодъ развитія. Первобытные приемы теологическаго философствованія не только естественны и неизбѣжны, но еще, кромѣ того, чрезвычайно полезны и необходимы. Безъ нихъ, дальнѣйшее умственное развитіе дикаго человечества было бы совершенно невозможно. Развиваться значить постепенно прокладывать себѣ путь къ вѣрному пониманію той связи, которая существуетъ между явленіями природы. Чтобы приближаться къ этому вѣрному пониманію, надо собирать наблюденія. А такія наблюденія, которыя могутъ пригодиться для общихъ выводовъ, возможны только тогда, когда наблюдатель смотритъ на явленія съ какой нибудь определенной точки зрѣнія, то есть, когда онъ подходитъ къ явленію съ какою нибудь уже готовою теоріею. Эта послѣдняя мысль, конечно, изумляетъ читателя, привычнаго думать, что за наблюденія слѣдуетъ, напротивъ того, приниматься безъ всякихъ предвзятыхъ идей. Предвзятая идея дѣйствительно вредна, когда онѣ мѣшаютъ нашей искренности, то есть, когда мы, любя эти идеи, стараемся, во что бы то ни стало, увидать ихъ оправданіе въ дѣйствительности, которая, на самомъ дѣлѣ, нисколько имъ не соотвѣтствуетъ. Если мы, такимъ образомъ, умышленно закрываемъ глаза, то, разумѣется, мы становимся плохими наблюдателями. Но мѣшаетъ намъ, въ этомъ случаѣ, не предвзятая теорія, а наше нечестное *пристрастіе* къ этой теоріи. Теорія же, сама по себѣ, только помогаетъ намъ наблюдать; стараясь убѣдиться въ томъ, вѣрна-ли теорія или нѣтъ, мы обращаемъ вниманіе именно на тѣ стороны явленій, къ которымъ наша теорія имѣетъ какое нибудь отношеніе. Каждое явленіе природы само по себѣ такъ сложно, что мы никакъ не можемъ охватить его разомъ со всѣхъ сторонъ; когда мы приступаемъ къ явленію безъ всякой теоріи, то мы рѣшительно не знаемъ, на какую сторону явленія слѣдуетъ смотрѣть. Явленіе мозолитъ намъ глаза, и все-таки не пробуждаетъ въ насъ умъ никакой определенной мысли. Если же у насъ составлена какая нибудь фантастическая теорія, то явленіе, прежде всего, разрушаетъ ее, и вслѣдъ затѣмъ, заставляетъ насъ построить немедленно новую теорію, которая, при вторичномъ наблюденіи, по всей вѣроятности, также развалится, и замѣнится третьей теоріею, такою же непрочною, какъ и обѣ первыя. Каждая изъ нашихъ дога-

догѣ оказалась несостоятельною именно потому, что въ объясненіи явленія есть какіе нибудь признаки, несогласные съ этими догадками. Стало быть, убѣждаясь въ несостоятельности нашихъ догадокъ, мы, каждый разъ, узнаемъ новые признаки, которые, безъ этихъ догадокъ, остались бы намъ неизвѣстными. Отбрасывая одну догадку за другою, мы, наконецъ, доходимъ до вѣрнаго рѣшенія задачи, если задача разрѣшима; или же убѣждаемся въ необходимости прекратить наши поиски, если вопросъ нашъ, по самой сущности своей, не допускаетъ отвѣта. Итакъ, для собранія наблюдѣній, дикарю необходима теорія; разумной теоріи онъ составить себѣ не можетъ, потому что разумная теорія составляется на основаніи наблюдѣній; но у него есть свои догадки, составленныя невольною и естественною дѣятельностью его воображенія; и эти жалкія, мѣлкія догадки, являются для него тою необходимою ниткою, на которую онъ навязываетъ свои наблюдѣнія. При своихъ несложныхъ матеріальныхъ потребностяхъ, дикарь не можетъ интересоваться всѣми окружающими животными, растениями и минералами, имъ полезными предметами; огромное большинство этихъ предметовъ не приноситъ ему ни малѣйшей пользы, и также не можетъ сдѣлаться для него ни вреднымъ, ни опаснымъ; безкорыстной любознательности, воодушевляющей нашихъ натуралистовъ, у дикаря быть не можетъ; поэтому ясно, что онъ остался бы навсегда безучастнымъ къ окружающему міру, если бы его живая фантазія не заставляла его, въ каждомъ ручьѣ, въ каждомъ деревѣ, въ каждой ящерицѣ или лягушкѣ, усматривать присутствіе какой нибудь особенной, великой и таинственной силы, которая можетъ оказывать на его жизнь и на всѣ его различныя предпріятія гибельное или благотворное вліяніе. Лягушка, какъ простая лягушка, была бы оставлена безъ вниманія; но лягушка, превращенная фантазіею дикаря, въ высшее существо, становится интересною и достойною изученія. Фантазія выталкиваетъ дикаря изъ его умственной апатіи; фантазія создаетъ теологическое объясненіе природы, и только одна фантазія можетъ дать человѣческому уму тотъ первый необходимый толчокъ, безъ котораго латергическій сонъ человѣческой мысли навсегда остался бы ненарушеннымъ. Дикарь — существо очень бессильное, беззащитное и несчастное. Каждый ливень промачиваетъ его до костей; каждая буря равняетъ въ дребезги его хищину; каждая неблагоприятная жеремѣна погоды поражаетъ его въ источникахъ его су-

ществованія, и может осудить его на голодную смерть; многіе хищныя звѣри далеко превосходятъ его быстротою, силою мускуловъ и опаснымъ могуществомъ естественнаго оружія; въ борьбѣ съ такими звѣрями дикарь обыкновенно вѣтается побѣжденнымъ; законовъ природы онъ не знаетъ, и поэтому не можетъ направить почти ни одного явленія такъ, какъ того требуютъ его матеріальные интересы. Я говорю почти, потому что на самомъ дѣлѣ, всѣ известныя намъ дикари все-таки умѣютъ, по крайней мѣрѣ, развести огонь, или приготовить себѣ какое нибудь оружіе, посуду, одежду. Конечно, и это умѣнье было вріобрѣтено ими не вдругъ; было время, когда они были еще невѣжественнѣе, и слѣдовательно, еще несчастнѣе. Но объ этомъ времени мы не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія; поэтому, не зачѣмъ намъ и забираться въ такую недосягаемую глубину древности и умственной беспомощности. Если бы дикарь смотрѣлъ на свое собственное положеніе совершенно трезвыми глазами, если бы онъ могъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ своемъ собственномъ безсміи, если бы онъ могъ извѣрить своимъ умомъ всю глубину своего хроническаго несчастія, то, боясь сомнѣнія, у него опустились бы руки, и онъ погрузился бы въ такое безвыходное уныніе, которое совершенно парализовало бы всю его дѣятельность, и очень скоро могло бы конецъ его существованію. Но тутъ опять подосѣваетъ къ нему на выручку его пылкое воображеніе. Онъ твердо увѣренъ въ томъ, что, при помощи различныхъ заклинаній, приношеній и манипуляцій, онъ, по своему благоусмотрѣнію, можетъ вращать всѣми силами органической и неорганической природы. Эта увѣренность, конечно, обманываетъ его на каждомъ шагу, но эти ещеминутныя разочарованія объясняются въ его глазахъ тѣмъ, что онъ, въ своихъ заклинаніяхъ и манипуляціяхъ, сдѣлалъ случайную ошибку, отъ которой онъ, на будущее время, постарается уберечься. Надежда надобрить силы природы остается въ полной неприкосновенности, потому что убить эту надежду можетъ только идея неизблennyхъ естественныхъ законовъ, а до этой идеи очень далеко не только дикарямъ, но и многимъ цивилизованнымъ европейцамъ. Чѣмъ слабѣе и невѣжественнѣе дикарь, тѣмъ размахистѣе его надежды; такимъ образомъ, бодрость его поддерживается его иллюзіями тогда, когда она не можетъ основываться на совнаніи дѣйствительнаго господства надъ силами природы. Обращаясь къ своимъ воображаемымъ покровителямъ, съ просьбою о

прямым содействием въ какомъ нибудь житейскомъ предпріятіи, дикарь смѣло и чистосердечно вѣрить въ исполнимость своего желанія, преимущественно потому, что для него еще не существуетъ понятіе о чудахъ, какъ о нарушеніи общаго закона, и какъ о необыкновенномъ вѣшателствѣ сверхъестественныхъ силъ въ обыкновенныя земныя событія. Чтобы составить себѣ понятіе о чудѣ, надо сначала сколько нибудь освоиться съ понятіемъ о законѣ, потому что гдѣ нѣтъ никакихъ общихъ правилъ, тамъ не можетъ быть и никакихъ исключеній. Гдѣ все управляется произволомъ и страстями личностей, тамъ прямое вѣшателство личности въ пользу своего любимца оказывается въ порядкѣ вещей, и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего удивительнаго. Когда самыя простыя и обыкновенныя явленія объясняются волею и дѣятельностью таинственныхъ покровителей, тогда и самое очевидное нарушеніе въ обыкновенномъ порядкѣ этихъ явленій никому не должно казаться особенно удивительнымъ. Представьте себѣ, напримеръ, что въ одинъ прекрасный день, сельце, послѣ полудня, вмѣсто того, чтобы направляться къ западу, повернуло назадъ на востокъ, и къ вечеру скрылось подъ горизонтомъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оно взошло утромъ. Поразительнѣе и ужаснѣе этого чуда трудно что нибудь придумать. Во всѣхъ образованныхъ странахъ нашей планеты такое чудо произвело бы паническій страхъ, о которомъ невозможно составить себѣ даже приблизительное понятіе. Все жители этихъ образованныхъ государствъ поняли бы, что въ движеніи земли произошла какая-то существенная перемена, вслѣдствіе которой можно ежеминутно ожидать столкновенія нашей планеты съ другими небесными тѣлами. Паническій страхъ оказался бы тѣмъ сильнѣе, что онъ распространился бы сверху внизъ, изъ образованныхъ классовъ въ массу, которая, вслѣдствіе этого, ни откуда не могла бы ожидать себѣ успокоенія и вразумленія. Напротивъ того, на совершенно дикій народъ, находящійся подъ исключительнымъ господствомъ теологической философіи, поворотъ сельца къ востоку произвелъ бы довольно слабое впечатлѣніе. Дикари, конечно, замѣтили бы это явленіе, потому что не замѣтить его невозможно, но они врядъ ли почувствовали бы особенно-сильное безпокойство. Они вообразили бы, что солнечному богу понадобится зачѣмъ нибудь воротиться къ скорѣе домой, сочли бы, по этому случаю, какъ нибудь, болѣе или менѣе замысловатымъ шутъ, и совершенно успокоились бы на этомъ остроумномъ

объясненіи. Можно сказать навѣрное, что вулканическое изверженіе или даже сильная буря, съ грозой и съ градомъ, подѣйствовали бы на воображеніе дикарей гораздо болѣе потрясающимъ образомъ, тѣмъ такое очевидное нарушеніе самыхъ важныхъ и общезавѣстныхъ законовъ природы. — Въ невѣжествѣ дикарей заключается, какъ ихъ слабость, такъ и та сила, которая даетъ имъ возможность вырваться изъ этого невѣжества. Слабость состоитъ въ неумѣніи дѣйствовать на природу; а сила—въ умѣніи надѣяться, и этими фантастическими надеждами поддерживать нравственную бодрость, для которой, въ данномъ періодѣ развитія, не можетъ быть никакой другой, болѣе реальной опоры.

II.

Самая первобытная и грубая форма мифической философіи называется *фетишизмомъ*, и состоитъ въ прямомъ и непосредственномъ одушевленіи и обоготвореніи всѣхъ видимыхъ явленій и предметовъ окружающей природы. Все, что обнаруживаетъ самостоятельное движеніе, или издаетъ изъ себя звуки, становится, въ глазахъ дикаря, живымъ существомъ; первая волынка, которую увидѣли негры, первый европейскій корабль, первое ружье, первые часы были для нихъ животными, болѣе или менѣе сильными, страшными и опасными; естественныя явленія, конечно, объясняются точно такимъ же образомъ, такъ что въ идеяхъ чистаго фетишиста нѣтъ качественныхъ разграниченій между стихійнымъ и органическимъ міромъ, между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человѣкомъ, между человѣкомъ и божествомъ. Весь міръ фетишиста проникнутъ однимъ животворящимъ принципомъ, тѣмъ самымъ принципомъ, котораго присутствіе онъ чувствуетъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Видя свое собственное я во всемъ, что его окружаетъ, фетишистъ, съ одной стороны, относится къ животнымъ такъ, какъ онъ относился бы къ существамъ, способнымъ понимать его, а съ другой стороны, обращается съ своими богами такъ непочтительно, какъ онъ могъ бы обходиться съ равнымъ себѣ человѣкомъ. Такъ, напримеръ, кафры, охотясь за слонами, кричатъ ему, для снятченія его гнѣва: «не убивай насъ, великій предводитель, не наступи на насъ, могущественный предводитель!» О львѣ рассказываютъ въ Се-

негабѣн, что онъ, изъ любезности, не нападаетъ на женщинъ, и что онъ вообще не трогаетъ тѣхъ людей, которые вѣжливо съ нимъ разсказываются. О найманѣ разсказываютъ, также въ Сенегамбѣн, что онъ собираетъ, въ извѣстные дни, своихъ родныхъ и знакомыхъ, и дѣлитъ съ ними добычу въ особыхъ собраніяхъ, въ которыхъ председательствуетъ старшій и знатнѣйшій изъ наймановъ *). Убивая какое нибудь сильное животное, негръ боится, что ему будутъ мстить родственники убитаго, подобно тому, какъ это дѣлается въ мѣрѣ людей. — Уравнивая себя съ животными, фетишистъ уравниваетъ себя также и съ богами. Онъ боится своихъ боговъ, но въ то же время и самъ считаетъ возможнымъ внушать имъ страхъ; онъ дѣйствуетъ на нихъ не только просьбами и подарками, но и угрозами, и тѣлесными наказаніями, когда они ведутъ себя, въ отношеніи къ нему, черезъ-чуръ невнимательно. Извѣстно, напримеръ, что тунгусы, калмыки, камчадалы, и нѣкоторые другіе сибирскіе инородцы сбѣгутъ своихъ идоловъ, когда не получаютъ отъ нихъ желаемой помощи. Негры, живущіе по берегамъ бѣлаго Нила, питаютъ къ своимъ царямъ религиозное уваженіе, которое однако, имѣетъ для этихъ царей свою очень невыгодную сторону: эти негры приписываютъ своимъ царямъ способность управлять погодою, и поэтому убиваютъ ихъ, въ случаѣ засухи, за неискусное или злѣнагрѣнное управленіе. Фелупы, живущіе по рѣкѣ Гамбѣн, считаютъ своихъ царей за боговъ, или, по крайней мѣрѣ, за всемогущихъ чародѣевъ, и вслѣдствіе этого, за каждое народное несчастіе, подвергаютъ ихъ тѣлесному наказанію. Фетишистъ видитъ боговъ на каждомъ шагѣ, и вслѣдствіе этого, обращается съ ними запросто. Его окружаютъ со всѣхъ сторонъ таинственныя силы и капризныя воли, но ежеминутныя столкновенія съ этими волями и силами вовсе не производятъ на него того потрясающаго впечатлѣнія, которое испытываетъ на себѣ болѣе развитой человѣкъ при встрѣчѣ съ тѣмъ, что кажется ему сверхъестественнымъ. Вся жизнь фетишиста составляетъ одну непрерывную галлюцинацію, въ которой неопредѣленный страхъ и безпричинная надежда ежеминутно чередуются между собою, возниная и пропадая по поводу каждаго ничтожнѣйшаго событія. Теологическое объясненіе предмета неразлучно для фетишиста съ первымъ взглядомъ на этотъ предметъ;

*) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. Band II. S. 178—179.

творческая фантазія работаетъ одновременно съ органами чувствъ; мысль готова тотчасъ, какъ только явленіе обратило на себя вниманіе; поэтому, можно сказать почти безошибочно, что естестводѣйствительно видитъ и слышитъ все то, что создается его воображеніе; онъ ничего не выдумываетъ нарочно; процессъ выдумыванія совершается у него такъ же непосредственно и непроизвольно, какъ совершается въ нашемъ мозгу сужденіе о разстояніи и о величинѣ тѣхъ предметовъ, которые попадаютъ намъ на глаза. Онъ не можетъ смотрѣть на вещи, не пускаясь въ теологическія философствованія; поэтому ясно, что теологическая философія, въ періодъ естествознанія, господствуетъ надъ человѣческимъ умомъ съ болѣе неотразимою силою, чѣмъ во всѣ послѣдующія фазы историческаго развитія. Съ одной стороны, эта первобытная форма теологической философіи доступна не только людямъ, но и высшимъ животнымъ, напримѣръ, обезьянамъ, лошадямъ и собакамъ; а съ другой стороны, пантеизмъ Спинозы и Гете есть не что иное, какъ естествознаніе, превращенный въ стройную философскую систему. Это наумительное соприкосновеніе величайшихъ мыслителей съ зоологическимъ міромъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что, въ объясненіи причинъ и сущности видимыхъ явленій, нашъ умъ, съ самыхъ первыхъ дней своего младенчества, не можетъ подвинуться впередъ ни на одинъ шагъ. Какъ только мы сходимъ съ положительной почвы, то есть, какъ только мы забываемъ, что мы можемъ извучать съ умѣхомъ только связь и соотношенія между видимыми явленіями, а не причины и сущность этихъ явленій, такъ мы тотчасъ, думая создать что нибудь новое, воспроизводимъ міросоверщеніе бушменовъ и лошадей. Если васъ очень озадачиваетъ мысль о томъ, что животные философствуютъ и находятъ въ фазѣ естествознанія, то потрудитесь, напримѣръ, пустить по полю волчонъ въ присутствіи молодаго и впечатлительнаго щенка. Вы увидите, что щенокъ начнетъ кидаться на него, лаять, визжать, отсканивать отъ него прѣчь со всѣми признаками ужаса, изумленія и негодованія; словомъ, будетъ вести себя совершенно такъ, какъ бы онъ валь себя при столкновеніи съ живымъ существомъ, отъ котораго можно ожидать себѣ непріятности, и которое можно запугать лаской и другими шумными выраженіями хребрости. Очевидно, щенокъ видитъ въ волчкѣ живое существо, то есть, объясняетъ себѣ всякое движеніе тѣмъ самымъ началомъ жизни, которое онъ чувствуетъ въ

собственномъ тѣлѣ. Человѣкъ до такой степени хорошо знаетъ этицизмъ животныхъ, что онъ, на этомъ философскомъ методѣ ихъ, строить даже для медвѣдя ловушку, замѣчательную по своей простотѣ. Надъ ульемъ вѣшаютъ толстый чурбанъ, такъ чтобы онъ закрывалъ собою отверстіе улья. Медвѣдь приходитъ за медомъ, и отодвигаетъ чурбанъ въ сторону; чурбанъ возвращается назадъ, и толкаетъ медвѣдя въ жорду; медвѣдь съ нѣкоторою досадою отбрасываетъ его прочь; чурбанъ опять возвращается на свое мѣсто, и на этотъ разъ уже довольно сильно поражаетъ медвѣжью физиономію; медвѣдь свирѣпѣетъ, и разумѣется, чѣмъ больше онъ горячится, чѣмъ беспощаднѣе онъ колотитъ чурбанъ своими лапами, тѣмъ оглушительнѣе становятся тѣ удары, которые сыплются на его собственную морду. Кончается тѣмъ, что ошеломленный медвѣдь сваливается съ того дерева, на которомъ находится улей. Отчего же медвѣдь такъ неразумительно воюетъ съ безчувственнымъ чурбаномъ? Именно отъ того, что медвѣдь, какъ этицистъ, не наблюдаетъ, а философствуетъ, и видитъ въ движущемся и колотящемъ чурбанѣ задорное живое существо, которое слѣдуетъ унять и зашибить до смерти. — Огюстъ Контъ полагаетъ даже, что нѣкоторые избранныя животныя (*quelques animaux choisis*) могутъ даже, при соприкосновеніи съ человѣкомъ, возвыситься до слабого начала политеизма, (*un faible commencement de polytheisme*), но такъ какъ Контъ оставляетъ эту мысль недоказанною и необъясненною, то я рѣшительно не знаю, на чемъ онъ основываетъ свое предположеніе, и никакъ не могу поручиться за то, чтобы между животными действительно существовали политеисты. Хотя политеизмъ повсемѣстно развивался изъ этицизма, однако разница между этими двумя формами мифической философіи до такой степени значительна, что, съ перваго взгляда, историку трудно даже понять, какимъ образомъ эти двѣ, почти противоположныя системы, могутъ находиться между собою въ прямой, преемственной связи. У этициста вся матерія живетъ своею собственною, внутреннею жизнью; у политеиста, напротивъ того, матерія становится пассивнымъ орудіемъ невидимыхъ существъ, непривязанныхъ къ опредѣленному мѣсту; этицистъ, напримѣръ, прямо одушевляетъ и обоготворяетъ рѣку, то есть, массу текущей воды; политеистъ, напротивъ того, представляетъ себѣ, что масса воды, на которую онъ смотритъ, какъ на простую воду, находится подъ управленіемъ

особеннаго невидимаго бога, живущаго обыкновенно въ рѣкѣ, какъ въ своемъ царствѣ, но способнаго также путешествовать по всему міру.

Въ поэмахъ Гомера дѣйствуютъ настоящіе боги политеизма, принимающіе на себя образъ человѣка тогда, когда они вступаютъ въ сношенія съ людьми; но въ Илиадѣ появляется также и чистый фетишъ, какъ остатокъ болѣе древняго періода; именно, за Ахиллесомъ гонится рѣка Скамандръ, сочувствующая троянцамъ. Скамандръ гонится за Ахиллесомъ не въ видѣ человѣка, не съ копьемъ или съ мечомъ въ рукѣ, а въ видѣ рѣки; онъ хочетъ не заколотъ или изрубить греческаго героя, а потопить его въ своихъ волнахъ; здѣсь дѣйствуетъ именно разъярившаяся стихія, а не богъ, управляющій этою стихіею. — Спрашивается теперь, какимъ же образомъ могъ совершиться переходъ отъ прямого обоготворенія матеріи къ ея подчиненію высшимъ и невидимымъ существамъ? — Этотъ переходъ, самый важный и самый трудный во всей исторіи человѣческой мысли, обуславливается тѣми простѣйшими и естественными наблюденіями и сообщеніями, которыя непремѣнно должны дѣлать на каждомъ шагѣ самый слабый и неразвитой человѣческой умъ. Входя ежедневно въ дубовую рощу, дикарь непремѣнно долженъ наконецъ замѣтить, что всѣ деревья этой рощи до нѣкоторой степени похожи между собою; гоняясь ежедневно за буйволами или за оленями, дикарь непремѣнно долженъ наконецъ замѣтить, что всѣ олени или всѣ буйволы имѣютъ приблизительно однѣ и тѣ же ухватки и привычки. Не зная никакихъ объясненій, кромѣ теологическихъ, дикарь, очевидно, припужденъ объяснять себѣ замѣченное сходство тѣми обстоятельствомъ, что всѣ дубы находятся подъ управленіемъ одного бога, всѣ олени повинуются приказаніямъ другого, всѣ буйволы признаютъ надъ собою господство третьяго. Всѣ отдѣльные дубы, буйволы и олени черезъ это еще не перестанутъ тотчасъ быть фетишами; надъ ними установится только вторая инстанція боговъ, къ которымъ можно будетъ обращаться съ жалобами и просьбами, и которые, вслѣдствіе этого, отнимутъ понемногу у подчиненныхъ фетишей всякое значеніе божественности. Міросозерцаніе теперешнихъ негровъ находится именно на рубежѣ между полнымъ фетишизмомъ и чистымъ политеизмомъ. Каждый горшокъ и каждый камушекъ можетъ сдѣлаться для негра предметомъ обожанія, и въ то же самое время у негра есть высшіе, не-

видимыя боги, и у нѣкоторыхъ племенъ, неизмѣннхъ еще никакихъ постоянныхъ сношеній ни съ магометанами, ни съ европейскими миссіонерами, есть даже понятіе о творцѣ всей вселенной. Кроиъ того, мы можемъ замѣтить въ грѣческой мифологіи, составляющей извѣстный типъ самого богатаго и развитаго политеизма, ясныя слѣды древняго фетишизма; во первыхъ, къ числу чистыхъ фетишей принадлежатъ *океанъ* и *земля*, которые постоянно остаются стихіями, и не принимаютъ на себя человѣческаго образа. Во вторыхъ, такими же чистыми фетишами оказываются домашніе боги, лары и пенаты, которыхъ божественность была привязана наглухо къ куску дерева, камня или глины. Изъ этихъ примѣровъ видно, что переходъ отъ фетишизма къ политеизму совершается чрезвычайно медленно, и что фетиши очень долго и упорно отстаиваютъ свое существованіе. Будучи гораздо малочислениѣ фетишей, и завѣдуя гораздо болѣе обширными департаментами, боги политеизма гораздо меньше фетишей вмѣшиваются въ событія вседневной человѣческой жизни. Большая часть мелкихъ ежедневныхъ событій совершается, по мнѣнію политеиста, сама собою, и складывается сообразно съ обыкновенными свойствами окружающихъ предметовъ. Если, наприимѣръ, глиняный горшокъ, падая на полъ, разбивается, то политеистъ не приписываетъ этого событія высшимъ силамъ, а видитъ въ немъ естественный результатъ столкновенія между твердымъ деревомъ и хрупкою глиною; такимъ образомъ, естественный элементъ отдѣляется отъ сверхъ-естественнаго; образуется понятіе о свойствахъ вещества и о законахъ, по которымъ совершаются обыкновенно различныя явленія; вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ понятіе о *чудѣ*, которое для фетишиста не существовало, и которое становится возможнымъ только тогда, когда боги не окружаютъ смертнаго со всѣхъ сторонъ, и не вмѣшиваются ежеминутно въ каждое событіе его жизни. У фетишиста вмѣщательство боговъ было правомъ; у политеиста оно становится исключеніемъ, довольно частымъ, но тѣмъ не менѣе изумительнымъ. Чтобы, такимъ образомъ, отвыкнуть понемногу отъ ежеминутныхъ и повсемѣстныхъ соприкосновеній съ богами, фетишисту надо было, очевидно, направить сначала свое обожаніе на такіе предметы, которые, хотя и видимы, однако, по своей отдаленности, не могутъ имѣть съ своими поклонниками никакихъ короткихъ отношеній. Такими предметами оказываются для фетишистовъ небесныя тѣла. Сабизмъ или поклоненіе

звѣздамъ (astrologie) составляетъ обыкновенно естественный переходъ отъ фетишизма къ политизму, потому что, поклоняясь небеснымъ тѣламъ, далекимъ и недоступнымъ, фетишистъ самъ хорошо не знаетъ, чему именно онъ кланяется: обоготворенной звѣздѣ или же невидимому существу, управляющему этою звѣздою. Равница между фетишемъ и богомъ становится здѣсь нечувствительною. Привыкнувъ поклоняться звѣздамъ, люди, уже безъ особеннаго труда, осваиваются съ понятіемъ о далекихъ и невидимыхъ богахъ, немѣющихся опредѣленнаго мѣстопребыванія. Съ этого времени появляются первые признаки метафизическаго мышленія, потому что политизму приходится, во первыхъ, олицетворять и обоготворять отвлеченныя понятія, а во вторыхъ, вообразать себя, въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, отвлеченное свойство, образующее таинственную связь между этимъ неодушевленнымъ предметомъ и высшимъ, сверхъ-естественнымъ существомъ, въ которомъ заключается причина движенія и жизни.

III.

Умственное развитіе человѣчества начинается съ теологическихъ объясненій природы; политическое развитіе человѣчества начинается съ военныхъ предпріяній; какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни, первобытному человѣку ненавистенъ правый и терпѣливый трудъ, ведущій за собою медленное, но вѣрное приобрѣтеніе знаній или богатствъ. Въ области мысли, первобытный человѣкъ умѣетъ только фантазировать, то есть давать совершенно произвольныя толкованія такимъ явленіямъ, въ которыхъ онъ не въ силахъ вглядываться и вдумываться; въ области матеріальныхъ интересовъ, первобытный человѣкъ умѣетъ только отнимать у другихъ тѣ предметы, въ которыхъ онъ нуждается. Такъ какъ эти *дружкіе*, въ раннія эпохи до-исторической жизни, отличаются точно такими же вкусами и способностями, такъ какъ она точно также ненавидать трудъ и любить грабежъ, то, очевидно, первобытными людямъ почти нечего и грабить другъ у друга. У нихъ нѣтъ почти ничего, кромѣ собственнаго тѣла; поэтому они и стараются отнимать другъ у друга это единственное достоиніе. Побѣдитель обыкновенно убиваетъ и

связать побужденнаго врага. Длинный рядъ столѣтій тратится та-кимъ образомъ на истребительныя войны людей, какъ между собою, такъ и съ дикими животными редныхъ лѣсовъ. Въ этой суровой игола безчеловѣчной войны и кровавадой окоты совершается первоначальное политическое воспитаніе нашей породы. Воспитаніе это заключается въ томъ, что дикіе оетпизмы приучаются соединять въ общихъ предпріятіяхъ свои индивидуальныя силы. Эти общія предпріятія, въ то время, могутъ быть только военныя. Когда радѣ-левіе труда не существуетъ, когда каждый взрослый человекъ представляетъ собственными усиліями себѣ и своему семейству все, что необходимо для поддержанія жизни, и когда вся экономическая дѣ-тельность взрослого заключается только въ убиваніи, обдираніи и разрываніи дикихъ животныхъ, тогда, очевидно, отдѣльными личностями составляютъ общество, и подчиняются какой-нибудь власти только затѣмъ, чтобы отразить постороннее насаіе, или же затѣмъ, чтобы съ полнымъ успѣхомъ ограбить и передунить своихъ сосѣдей. Эта первобытная ассоціація разбойниковъ и злодѣдовъ относится въ цивилизованному обществу такъ точно, какъ первобытныя оетпизмы относятся въ міросозерцанію современнаго естествоиспытателя. Какъ разбойничья ассоціація, такъ и грубый оетпизмъ, при всемъ своемъ крайнемъ безобразіи, составляютъ двѣ совершенно необходимыя и единственныя-возможныя исходныя точки всего дальнѣйшаго развитія, съ одной стороны — политическаго, съ другой стороны умственнаго. Члены цивилизованнаго общества связаны между собою своими потребностями, которыя могутъ находить себѣ удовлетвореніе только въ обществѣ; но эти потребности, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя, возникаютъ и укрѣпляются въ члѣвкѣ только тогда, когда онъ живетъ въ обществѣ; у дикаря потребности очень несложны, и оиъ умѣетъ удовлетворять ихъ безъ посторонней помощи; стало бытъ, втануть дикаря въ общество могутъ только чувство самсохраненія и хищныя влеченія; то есть, оборонительная и наступательная войны составляютъ неизбѣжную, хотя и неохвальную, цѣль всякаго первобытнаго общества. Какъ въ отношеніи къ умственному, такъ и въ отношеніи къ политическому развитію, дикарь, при самомъ началѣ своего поприща, попадаетъ въ заповѣданный кругъ (cercle vicieux), который разбивается въ первомъ случаѣ, теологическою философіею, а во второмъ — собственными истинностями. Въ дѣлѣ умственнаго развитія вопросъ

ставится так: чтобы наблюдать, нужна теория; а чтобы составить теорию, нужны наблюдения. Теологическая философия выводит человека из этого затруднения, давая ему готовую теорию, составленную силою фантазии, помимо наблюдения. В дѣлѣ политическаго развитія вопросъ ставится слѣдующимъ образомъ: чтобы войти въ общество, надо чувствовать извѣстныхъ потребности, а чтобы воспитать въ себѣ эти потребности, надо сначала пожить въ обществѣ. Воинственные инстинкты устраиваютъ это затрудненіе, составляя хищныя шайки изъ тѣхъ людей, которые еще неспособны смотрѣть на общество, какъ на ассоціацію производителей и потребителей. Соединившись въ хищныя шайки, дикари переходятъ по немногу отъ охотничьей жизни къ пастушеской, и отъ пастушеской къ земледѣльческой. Какимъ образомъ совершаются эти переходы, то есть, какою побудительною причиною они обуславливаются, и какинъ обстоятельства наводятъ дикарей на плодотворную мысль приручать животныхъ и разводить хлѣбныя растенія — этого мы, по всей вѣроятности, никогда не узнаемъ. По этимъ вопросамъ возможны только предположенія, не допускающія никакой обстоятельной повѣрки. О томъ, какъ совершились эти переходы у теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ, мы, конечно, не имѣемъ и не можемъ имѣть никакихъ историческихъ свѣдѣній. Прямые наблюденія надъ теперешними дикарями также не могутъ дать намъ на эти вопросы никакихъ точныхъ отвѣтовъ. Въ территоріяхъ, принадлежащихъ Сѣверо-Американскимъ штатамъ, нѣкоторыя индѣйскія племена переходятъ, конечно, отъ бродячей, охотничьей жизни къ осѣдлому, земледѣльческому быту; изучить причины и условія этихъ переходовъ очень удобно; но къ чему же приведетъ это изученіе? Эти индѣйцы находятся въ сопркосновеніи съ иностранною высоко-развитою цивилизаціею; именно вліяніе этой цивилизации заставляетъ ихъ переходить отъ одного быта къ другому; эта же самая цивилизація даетъ имъ, въ готовомъ видѣ, тѣ знанія, тѣ сѣмена, и тѣ орудія, которыя необходимы для перехода. Словемъ, въ задачу введенъ новый элементъ, который измѣняетъ ее такъ радикально, что самое тщательное изученіе этой задачи нисколько не можетъ подвинуть на шагъ впередъ въ вопросѣ о томъ, какъ совершались переходы въ жизни дикарей, не имѣвшихъ сопркосновеній съ высшими цивилизаціями. Если же отнравиться въ область гипотезъ, то, разумеется, самую правдоподобною окажется та, которая объясняетъ эти переходы приращеніемъ

народонаселенія, и увеличившимися потребностями питанія. Контъ вооружается противъ этой гипотезы, старается доказать ея нераціональность, и противопоставляетъ ей свою собственную гипотезу. Но, какъ возраженія Конта, такъ и его собственная попытка объяснить переходъ отъ бродячей жизни къ осѣдой, замѣчательны по своей неудачности. Главное возраженіе Конта состоитъ въ томъ, что никакая потребность, какъ бы она ни была сильна, не можетъ создать въ человѣкѣ новую способность. »Въ данномъ случаѣ, говоритъ Контъ, человѣкъ постарался бы избавиться отъ избытка населенія болѣе частымъ употребленіемъ тѣхъ ужасныхъ средствъ, къ которымъ онъ обращается даже въ болѣе цивилизованныя времена, вмѣсто того, чтобы промѣнать кочевую жизнь на земледѣльческую до тѣхъ поръ, пока его не подготовило къ тому достаточнымъ образомъ его умственное и нравственное развитіе» (Phil. pos. T. V. p. 63.) Конту былъ совершенно неизвѣстенъ дарвиновскій принципъ *естественнаго выбора*, принципъ, который, безъ сомнѣнія, произведетъ переворотъ не только въ ботаникѣ и въ зоологіи, но и въ пониманіи исторіи. *Ужасныя средства*, о которыхъ упоминаетъ Контъ, заключались, конечно, въ истребительныхъ войнахъ, въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и въ людоедствѣ. Очень вѣроятно, что всѣ эти средства дѣйствительно употреблялись, и что цѣлыя многочисленныя племена, заведя между собою непримиримую вражду за охотничьи мѣста или за пастбища, то есть, вообще за средства пропитанія, совершенно стирала другъ друга съ лица земли. Исторія Северо-Американскихъ туземцевъ переполнена такими примѣрами. *Естественный выборъ* уничтожаетъ, такимъ образомъ, тѣ племена, которыя не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, и сохраняетъ тѣ племена, или тѣ остатки племенъ, которыя умѣютъ найти выходъ изъ даннаго затрудненія. Сотни или тысячи сильныхъ и даровитыхъ дикарей погибаютъ племеномъ отъ того, что они даровиты и сильны, именно отъ того, что дикая, кочевая жизнь развила въ нихъ ярѣкихъ организмахъ такія неукротимыя страсти, которыя не могутъ уложиться въ узкую и скромную рамку осѣдлаго существованія. Сбиваются же съ новыми условіями и оставляютъ по себѣ потомство, быть можетъ, именно посредственныя, вялыя и флегматическія натуры, у которыхъ нѣтъ преобладающей органической страсти къ приключеніямъ, тревогамъ и опасностямъ кочевого быта. Легко можетъ быть, что переходъ отъ пастушества къ земледѣлю требуетъ со стороны ди-

карей не какойнибудь новой способности, а только некоторого ослабления старых страстей. Естественный выбор уничтожает тех людей, въ которыхъ эти страсти особенно сильны; и тогда переходъ становится возможнымъ. Но, такъ какъ дѣйствующей силой въ естественномъ выборѣ является непременно гнѣтъ вѣшнихъ обстоятельствъ, и преимущественно голода, вытекающаго изъ многолюдства, то возраженіе Конта оказывается несостоятельнымъ. Объяснительная гипотеза Конта еще болѣе неудачна. »Непосредственное обожаніе вѣшняго міра, говоритъ Контъ, болѣе спеціально направленное, по своей природѣ, къ ближайшимъ и самымъ употребительнымъ предметамъ, должно, конечно, развивать, въ высокой степени, эту долю, сначала очень слабую, человѣческихъ наклонностей, которая инстинктивно привязываетъ насъ къ родной землѣ. Трогательная скорбь, которую такъ часто выражалъ, въ древнихъ войнахъ, побѣжденный, поставленный въ необходимость оставить боговъ-покровителей, относилась преимущественно не къ отвлеченнымъ и общимъ существамъ, которыхъ онъ могъ видѣти вездѣ, какъ напримѣръ, Юпитера, Минерву, и пр.;—эта скорбь прилагалась гораздо болѣе къ такъ называемымъ домашнимъ богамъ, и преимущественно къ богамъ очага, то есть, къ частымъ фетишамъ.» (Phil. ros. V, 64.) Невозможно понять, какимъ образомъ обожаніе ближайшихъ предметовъ можетъ развить въ кочевомъ племени наклонность къ осѣдой жизни, или привязанность къ родной землѣ. Представьте себѣ, что какойнибудь Киргизъ обожаетъ ближайшіе предметы, напримѣръ, то сѣдло, на которомъ онъ сидитъ, или ту кибитку, въ которой путешествуетъ его семейство и весь его домашній скарбъ: спрашивается, почему же киргизъ, изъ обожанія къ сѣдлу и къ кибиткѣ, прикрѣпить это обожаніе къ одному опредѣленному мѣсту и превратить обожаніе кибитку въ неподвижное жилище? — Сколько бы онъ ни обождалъ эти ближайшіе предметы, это обожаніе нисколько не помѣшаетъ ему постоянно перевозить ихъ съ собою съ одного мѣста на другое. Какимъ образомъ обожаніе киргиза можетъ направиться на извѣстный холмъ, лугъ или ручей, то есть, вообще на опредѣленную мѣстность, это также совершенно непонятно. Сегодня киргизъ пришелъ на стоянку; дня черезъ три онъ переходитъ на другое мѣсто: неужели же въ эти три дня онъ можетъ пронюхать къ данной мѣстности такимъ обожаніемъ, которое заставитъ его передѣлать всѣ свои привычки и отказаться отъ того образа жизни, который завѣ-

щали ему его предки? — Чтобы полюбить данную мѣстность, надо предварительно сдѣлаться осѣдлымъ жителемъ. Любовь къ родной землѣ есть *сльдствие* осѣдлой жизни; поэтому, объяснять переходъ къ земледѣлю любовью къ землѣ — значить принимать сльдствие за причину. *Трогательная скорбь* древнихъ грековъ, разлучающихся съ родилою и съ домашними фетишами, ровно ничего не доказываетъ. Домашній фетишь сдѣлался для нихъ эмблемою родины именно потому, что они уже съ незапамятныхъ временъ сдѣлались осѣдлымъ народомъ. Это значенію фетищей доказываетъ только то, что, вмѣстѣ съ образомъ жизни народа, измѣняется характеръ его религіи. Но чтобы фетишь могъ внушить любовь къ родной землѣ кочевому народу, то есть, такимъ людямъ, у которыхъ, собственно говоря, никогда не было родной земли, этого, конечно, не сдумѣетъ доказать ни одинъ мыслитель и ни одинъ диалектъ въ цѣломъ мірѣ. Причины, побудившія дикихъ фетишистовъ приняться за земледѣліе, остаются, такъ и образъ, неразъясненными, и неудача Бонта доказываетъ намъ особенно наглядно, что всего благоразумнѣе совершенно отказаться отъ рѣшенія такихъ вопросовъ, которые не допускаютъ прямого изслѣдованія. Весь періодъ фетишизма такъ далеко отъ насъ, и такъ мало понятенъ намъ по своему характеру, что всѣ наши гипотезы, относящіяся къ этому періоду, означиваются въ высшей степени со- жнительными.

Д. Штаркманъ.

НАШЕСТВІЕ 1814 ГОДА

или

ЮРОДИВЫЙ ІЕГОФЪ.

VI.

По всему протяженію Богезовъ царствовало необыкновенное волненіе; слухъ о близкомъ нападеніи непріятеля быстро распространился по деревнямъ и достигъ лѣсныхъ фермъ и хуторовъ Генгста и Нидека. Весь бродячій людъ: разнощики, извозчики, славщики, то и дѣло спускаясь съ горы и подымаясь на гору, ежедневно приносили множество самыхъ любопытныхъ новостей изъ Альзаса и съ береговъ Рейна. Они говорили: мѣстечки готовятся къ отраженію непріятеля, запасаются хлѣбомъ и мясомъ; по дорогѣ къ Метцу, Нанси, Гюнингену и Стразбургу стоятъ конвои. Куда ни взглянешь, вездѣ фуры съ порохомъ, ядра и картечь. Кавалерія спѣшитъ къ своему посту и артилерія тоже. Маршалъ Викторъ съ своей двѣнадцати-тысячной арміей еще стоитъ на пути къ Саверну, но мосты крѣпостей подняты уже съ 7 часовъ вечера вплоть до 8 утра. Всякій знаетъ, что все это не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Разумѣется, многіе не напутку трусили войны, старухи протягивали руки къ небу, призывая на помощь Бога; но большая часть жителей думали, какъ-бы найти средство къ защитѣ страны. Тутъ-то Жанъ-Клодъ и сдѣлался всѣмъ нужень.

Въ тотъ же день, около пяти часовъ вечера, онъ взбирался на вершину Генгста, гдѣ жилъ глава всѣхъ охотниковъ, старый Матернъ. Жанъ-Клодъ остался у него переночевать, потому что зимой дни коротки, а дороги опасны. Старый охотникъ вмѣстѣ съ

своими сыновьями, Касперомъ и Фрэнцемъ, общались ему охранять отъ неприятеля Цорнское ущелье и откликнуться на первый сигналъ въ Фалькенштейнѣ.

На другой день, рано утромъ, Жанъ-Клодъ пошелъ въ Дагсбургъ переговорить съ другомъ своимъ, дровосѣкомъ Лабарбомъ. Они вмѣстѣ ходили по деревнямъ и домамъ, стараясь воспламенить въ жителяхъ любовь къ отчизнѣ; а на слѣдующій день Лабарбъ свелъ Гуллена къ анабаптисту Крису Никелю, Пленбаховому фермеру, человѣку смышленому, пользовавшемуся большимъ почетомъ, но котораго они никакъ не могли втнуть въ свое дѣло. На всѣ ихъ доводы, на всѣ ихъ просьбы у Никеля былъ одинъ отвѣтъ: «Все это прекрасно... все это справедливо, но намъ говорить евангеліе: «вложите мечъ свой въ ножны; воюющій отъ меча погибнетъ.» Однако онъ общалъ, при случаѣ, помочь: вотъ все, чего они могли добиться отъ Никеля. Оттуда они отправились въ Вальшь чтобы обмѣняться крѣпкимъ пожатіемъ руки съ Даніелемъ Гиршемъ, старымъ морскимъ канонеромъ, который общалъ имъ помочь въ это дѣло всѣхъ людей своей общины.

Здѣсь Жанъ-Клодъ расстался съ Лабарбомъ и пошелъ своей дорогой.

Впродолженіи восьми дней онъ исходилъ всю гору и на девятый день зашелъ къ башмачнику Жерому въ Сенъ-Квиринѣ. Они вмѣстѣ отправились въ Бланрюльское ущелье, откуда Гулленъ, довольный тѣмъ, что исполнилъ все что нужно, возвратился домой.

Онъ шелъ скорымъ шагомъ около двухъ часовъ, и ему живо рисовалась лагерная, бивуачная жизнь, походы, та солдатская жизнь, о которой онъ такъ часто грустилъ. Онъ шелъ тихо и задумчиво; въ синеватой дали сталъ различать свою Шармскую хижину, надъ которой струилась тонкая, едва замѣтная струя дыма, небольшіе сады, окруженные частоколами; слѣва, на склону холма, видѣлась большая ферма «Дубовой рощи», а въ темномъ ущельѣ Вальтенская мельница.

Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взгрустнулось Жану-Клоду. Онъ пошелъ тихимъ шагомъ, размышляя о тихой, спокойной жизни, съ которой онъ разставался, можетъ быть, навсегда. Ему вспомнилась его комнатка, зимою такая теплая, а лѣтомъ такая веселая, особенно когда отроешь окно и вѣтерокъ зашелеститъ въ рощѣ; слышалось Жану-Клоду и монотонное чиканье часовъ; но живѣе всего рисовалась ему милая Луиза. Воспоминанія эти были такъ живы, что онъ ясно представлялъ себѣ всѣ мельчайшія подробности своего ремесла: и топорикъ, и колотушки, онъ видѣлъ и

маленькую печку, старый пиванъ, старый образъ архангела Михаила, прибитый къ стѣнѣ, старую кровать съ вавашьскими, оямейку, лампу съ мѣднымъ язычкомъ; все вставало передъ нимъ, какъ на картинѣ, и слезы навернулись на его глаза.

Больше всего онъ тужилъ о Луизѣ. Какъ она будетъ плакать! Какъ она станетъ умолять его не ходить на войну! Какъ вѣрнко она обожеть его шею и скажетъ: «Не оставляй меня, папа! Я такъ люблю тебя: неужели-же ты меня бросишь?» Жану-Клоду такъ и грезились испуганные глаза любимой дочери, ея горячія объятія. «Обмануть ее развѣ, объяснить какъ нибудь илане свой отъѣздъ:» но все эти мѣры были не нѣ характеръ Жана-Клода, и онъ не шашутку опечалился.

Проходя мимо фермы «Дубовой роши», онъ зашелъ сказать Катеринѣ Лефеврѣ, что дѣла идутъ хорошо, и жители горь ошандавтъ только сигнала.

Черезъ четверть часа Жанъ-Клодъ показался на дорогѣ къ Гу и очутился передъ своимъ домомъ. Онъ не вдругъ отворилъ дверь, ему захотѣлось узнать, что дѣлаетъ Луиза, онъ заглянулъ въ окно: дѣвушка стояла въ спальнѣ у занавѣски кровати, ясное лицо ея сіяло счастіемъ.

Скрѣпивъ сердце, онъ вошелъ въ комнату и сказалъ твердо:

— Вотъ я и вернулся, Луиза.

Дѣвушка, запрыгавъ, какъ сорока, подбѣжала въ отцу и бросилась обнимать его.

— Слушай, Луиза, дѣвѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я нашелъ тебя въ снѣгу; ты была вся синяя, бѣдняжка. Какъ только отогрѣлась ты у огня въ нашей землянкѣ, ты мнѣ сейчасъ улыбнулась. Съ тѣхъ поръ этой милой улыбкой ты дѣлала изъ меня все, что хотѣла.

Луиза улыбнулась.

Онъ присѣлъ на станокъ въ углу комнаты, и задумчиво сталъ высѣкать огонь. Луиза такъ и бѣгала, то туда, то сюда, развела огонь, разбила яйца, выпустила ихъ на сковороду и яичница была въ одинъ мигъ готова. Никогда еще дѣвушка не была такъ весела и расторопна. Пулень, облокотившись на столъ и подпершись рукою, наблюдалъ быстроту ея движеній и думалъ про себя, сколько воли и ума въ этомъ маленькомъ существѣ, леукомъ, какъ фоя, и рѣшительномъ, какъ воинъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ Луиза подала ему на большомъ блюдѣ яичницу, хлѣбъ, стаканъ и бутылку!

— Вставай, встань, встань, встань! И она наконецъ смотрѣла на него, пока онъ вѣлъ.

Имя, вырвавшееся изъ нечисти, яркимъ свѣтомъ обливало нижнія бревна избушки, деревянную лѣстницу и большую кровать въ глубинѣ спальни, — все жилище, такъ часто ожидаемое, бывало, веселымъ расположеніемъ духа багачника, пѣвцами его дочери и бодрымъ трудомъ. Но Луиза думала не о томъ; ей вѣкъ и снились лѣса, снѣга и горы, тянущіяся на безжизненное пространство, отъ ихъ деревни до самой Швейцаріи, и еще дальше и дальше. Да, Жанъ справедливо называлъ ее «Heimattlos». Ласточку не удержать въ комнатѣ, ей нуженъ просторъ, воздухъ и непрерывное движеніе. Ни гроза, ни вѣтеръ, ни потоки дождя не помѣшаютъ ей покинуть свое гнѣздышко. Всѣ ея думы, всѣ желанія: въ дорогу, въ дорогу!

Поужинавъ, Гуленъ всталъ и сказалъ дочери: — Я усталъ, дитя мое, поцѣлуй меня еще разъ и пойдемъ спать.

— Пойдемте, только не забудьте меня разбудить, если поцѣдете рано.

— Будь спокойна, вѣдь рѣшено, что ты отправишься съ нами. Жанъ, слѣдя глазами за вѣбрающей по лѣстницѣ дѣвушкой, подумалъ: «Не весело ей остаться одной!»

Кругомъ была глубокая тишина. Одинадцать часовъ пробило на деревенской церкви. Жанъ принялся снимать свои сапоги, но замѣтивъ висѣвшее у двери солдатское ружье, снялъ его, медленно стеръ съ него пыль и нѣсколько разъ прицѣлился для пробы. Онъ весь былъ погруженъ въ это занятіе.

— Еще годится, проценталь охъ. А вѣдь странно право, четырнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я держалъ его въ послѣдній разъ при Маренго, а мнѣ кажется, что все это было не дальше какъ вчера!

Въ это время на улицѣ твердый снѣгъ зашуршалъ подъ чьи-то шагами. Жанъ, стоя, вслушивался: нейдетъ-ли кто? Въ окно кто-то постучалъ. Онъ подошелъ къ окну, отперъ его и увидѣлъ закутанную въ войлочную шляпу, покрытую снѣгомъ, голову Марка Двеса.

— Ну что новаго, Маринъ? Предупредили-ли ты нашихъ горцевъ, Матерна, Жерома, Лабарба?

— Всѣхъ, всѣхъ предупредилъ.

— Теперь самое время: неприятель близко.

— Близко, гдѣ?

— Мы окружены имъ. Я сдѣлалъ пятнадцать верстъ снѣгами въ это утро, чтобъ извѣстить тебя.

— Хорошо! надо дать сигналъ: развести огня какъ можно больше на Фалькенштейнѣ.

Гулленъ былъ блѣдень, какъ полотно; онъ надѣлъ сапоги, въ двѣ минуты накинулъ на плечи кафтанъ, взялъ палку, тихонько вышелъ изъ дому и скорыми шагами послѣдовалъ за Маркомъ Дивесомъ по дорогѣ къ Фалькенштейну.

VII.

Среди ночного мрака, съ полуночи до 6 часовъ утра, горѣло пламя на вершинѣ Фалькенштейна, и всѣ горные жители были на ногахъ. Всѣ друзья Гуллена, Марка Дивеса и матери Лефевръ, въ высокихъ штиблетахъ, съ ружьями на плечахъ, направлялись въ глѣсную чащу къ Вальтевскимъ ущельямъ. Всѣмъ было ясно, какъ день, что непріятель шель по равнинамъ Альзаса, съ цѣлью занять ущелья. Набатные колокола Дагсбурга, Абрешвиллера, Вальшъ, Сен-Квирина и другихъ деревень не переставали звонить, призывая къ оружію защитниковъ страны.

Теперь представьте себѣ гору Джегерталъ у подошвы стараго бурга въ такое снѣжное время; только-что начало свѣтать, деревья начинали отчетливо отдѣляться другъ отъ друга, воздухъ становился теплѣе. Представьте себѣ старую пильную мельницу съ плоской кровлей, ея полновѣсныя колеса, покрытыя льдинами, сарай, освѣщенный желтоватымъ свѣтомъ зажженной сосны, замѣтно поблѣднѣвшимъ при разсвѣтѣ. При огнѣ видѣлись кожанныя и войлочные фуражки, а темные профили такъ и сливались въ одну сплошную массу.

Далѣе, въ глубинѣ ронци, огни освѣщали группы сидящихъ на снѣгу мужчинъ и женщинъ.

Волненіе народа утихало по мѣрѣ того, какъ становилось свѣтлѣе и люди стали узнавать другъ друга.

— А, любезный Даніель, вы тоже здѣсь?

— Какъ видите, Генрихъ, я еще съ женою.

— Какъ, и кузница здѣсь! Гдѣ же она?

— Тамъ, подъ большимъ дубомъ, у востра дядюшки Ганса.

Знакомые жали другъ другу руки. Слышалась продолжительная звѣота. Нѣкоторые бросали въ огонь щепки досокъ, передавали

другъ другу бутылки; другіе выходили изъ кружка, уступая мѣсто у огня другимъ, дрожавшимъ отъ холода.

Нетерпѣніе стало наконецъ овладѣвать толпой; послышались голоса:

— Что-жъ это, вѣдь мы не траву жать сюда собрались, пора оглѣдѣться и переговорить обо всемъ толкомъ.

— Да, да, надо переговорить и выбрать начальниковъ.

— Какъ можно! Не всѣ еще собрались, поглядите-ко, сколько народу идетъ изъ Дагсбурга и Сеяъ-Квирина.

Въ самомъ дѣлѣ, съ разсвѣтомъ, все болѣе видѣлось людей, бѣгущихъ по всѣмъ направленіямъ горы. Нѣсколько сотъ человѣкъ уже толпились въ долинѣ: дровосѣки, угольщики, сплавщики, не считая женщинъ и дѣтей.

Ничто не могло быть живописнѣе этой толпы среди снѣговъ глубокаго ущелья, гдѣ сосны возвышались до облаковъ. Справа видѣлся безконечный рядъ долинъ, а слѣва лежали развалины Фалькенштейна. Издали всю эту толпу можно было принять за журавлей, помѣстившихся на льдинахъ; но вблизи стоило посмотрѣть на этотъ суровый народъ: щетинистая борода, мрачные глаза, широкія плечи и мозолистыя руки. Нѣкоторые изъ нихъ, повыше ростомъ, были изъ породы людей огненно-рыжихъ, бѣло-лицыхъ, до ногтей покрытыхъ волосами и способныхъ вырвать дубъ съ корнемъ. Къ числу ихъ принадлежали старикъ Матернъ и его сыновья Францъ и Касперъ. Эти смѣльчаки, всѣ трое вооруженные хорошими штуцерами, въ штіблетахъ съ кожаными пуговицами выше колѣнъ, съ накинутымъ на плеча плащомъ изъ козьей шкуры, шапкой надвинутой на затылокъ, даже не хотѣли погрѣться у огня. Цѣлый часъ просидѣли они на бревнѣ у берега рѣки, поставивъ въ снѣгъ ноги, какъ бы въ лафеты, и съ любопытствомъ посматривая на остальныхъ. Иногда старикъ замѣчалъ сыновьямъ: «чего они такъ зябнуть, я же помню зимней ночи теплѣе настоящей, это просто косулина ночь; на рѣкѣ, хоть бы сало!» Всѣ лѣсные охотники, проходя мимо, подавали имъ руку и садились около нихъ, составивъ такимъ образомъ отдѣльный кружокъ. Немного было говору у охотниковъ, привыкшихъ молчать на цѣлымъ днямъ, чтобы не спугнуть дичи.

Маркъ Дивесъ, посреди своего кружка цѣлой головой возвышався надо всѣми, разсуждалъ, указывая то одно, то другое направленіе горы. Передъ нимъ стоялъ старый Лагармитъ въ своемъ широкомъ балахонѣ, съ длиннымъ охотничьимъ рогомъ и собакою. Онъ слушалъ контрабандиста, разиня ротъ и повременамъ качая головою. Да и весь кружокъ слушалъ внимательно; онъ состоялъ прѣиму-

истинно изъ дровосѣловъ и сѣжавщиковъ, съ которыми контрабандистъ состоялъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ.

Между медвѣдцей и первымъ дестромъ, на перекладиѣ сидѣлъ бабмачникъ Жеромъ изъ Сенъ-Квирина, человекъ 50 или 60 лѣтъ, съ длиннымъ, смуглымъ лицомъ, подыми глазами, толстоносый, въ наушникѣ изъ выдровой кожи, и желтой бородой до пояса. Руки его въ зеленеватыхъ рукавицахъ, дѣгущаго цвѣта, онирались на сучковатую рябиновую ядлу. По его длинному, шерстяному балахону, легко было принять его за отшельника. При малѣйшемъ шорохѣ, отецъ Жеромъ прислушивался къ шуму, медленно поворачивая голову, и двигая брови.

Жанъ Лабарбъ, опершись на свое топорщице, казался безучастнымъ. Это былъ блѣднолицый, съ ордынымъ носомъ и тонкими губами; онъ имѣлъ большое вліяніе на жителей Дагсбурга твердостью своей воли и честностью. Кругомъ его раздавались голоса: «надо же наконецъ чѣмъ нибудь кончить, что мы стоимъ здѣсь напрасно!» Онъ рѣзко возразилъ на это: «пождемъ еще, Гуленъ не пришелъ, Катерина Лефевръ также. Сидѣть не зачѣмъ». Всѣ замолили, устремивъ нетерпѣливые взоры на Шармскую дорогу.

У порога своей хижины сидѣлъ съ трубкою во рту маркитантъ Піоретъ; онъ былъ невеликъ ростомъ, худощавъ, съ черными, вмѣстѣ сросшимися бровями; въ движеніяхъ его было много энергіи; своимъ быстрымъ, пронзительнымъ взоромъ онъ разомъ наблюдать всю толпу.

Нетерпѣніе толпы между тѣмъ возрастало съ каждой минутой. Меры нѣкоторыхъ деревень, въ клѣтчатыхъ плащахъ и трехугольныхъ шляпахъ, стали созывать общины на сходку. Къ счастью, тутъ подошла телега Катерины Лефавръ, и радостныя восклицанія послышались со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ они! вотъ они пріѣхали! Старый Матернъ вѣзъ на бревно, посмотрѣлъ и, слѣзая, серьезно сказалъ: — Да, это они!

Произошло волненіе. Всѣ отдаленныя кружки слились въ одну массу. Лихорадочное нетерпѣніе овладѣло толпой. Только-что проназала старая фермерша съ кнутомъ въ рукахъ и маленькой Луизой, какъ послышались восклицанія, повторяемыя эхомъ: «да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ мать Катерина!»

Гуленъ, оставшій отъ нихъ, съ шапкой, надвинутой на затылокъ, съ солдатскимъ ружьемъ на ремнѣ, шелъ еще по Ейхматскому луку и крѣпко пожималъ руки всѣмъ встрѣчнымъ.

— Здравствуй, Даниэль! здравствуй, Колонъ! здравствуй, здравствуй!

- Дѣло у насъ будетъ жарное, Гуллены!
- Да, вѣжется, что такъ.
- Здравствуй ты, старый Жеромъ; важное у насъ затѣвается дѣло.
- Да, Жанъ-Клодъ, Богъ дастъ — хорошо кончимъ.

Катерина, остановившись, просила Лабарба вынуть изъ телѣги боченокъ съ водкой, привезенный ею съ фермы и спросить у Пюрета кружку.

Нѣсколько спустя, Гулленъ, пробираясь къ костру, увидѣлъ Матерна съ сыновьями.

— Поздно вы прѣехали, сказать старый охотникъ.

— Знаю, знаю! Какъ быть? Надо было изъ Фальконштейна зайти захватить ружье и снаряжить женщинъ въ дорогу. Теперь всё налицо; нечего время терять; затруби, Лагармить, пусть сходятся и выбираютъ начальниковъ.

Лагармить затрубилъ и щоки его раздувались до ушей; толпы, разсѣянные по опушкѣ лѣса, сложи голову спѣшили на мѣсто. Вскорѣ всѣ ополченцы собрались передъ мельницей.

Гулленъ принялъ важный видъ, взобрался на бревно и, внимательно всматриваясь въ народъ, заговорилъ среди общаго молчанія:

— Третьяго дня неприятель перешелъ Рейнъ; онъ идетъ въ горы, чтобы пробраться въ Лотарингю; Стразбургъ и Бунигъ уже осаждены. Дня черезъ три-четыре нѣмцы и русскіе будутъ здѣсь.

— Да здравствуетъ Франція! былъ возгласъ толпы.

— Да здравствуетъ Франція! возразилъ Жанъ-Клодъ, — потому что если союзники проберутся въ Парижъ, тогда все въ ихъ рукахъ. Они могутъ возобновить барщину, десятину монастыря, привиллегіи и висѣлицу! Если вамъ желательно всего этого — пустите ихъ.

Неописанный ужасъ выразился на всѣхъ лицахъ.

— Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать, громко произнесъ поблѣднѣвшій Гулленъ. Вы пришли сюда вѣдь сражаться?

— Да, да!

— Хорошо, такъ слушайте же. Я не хочу дѣлать васъ измѣнниками. Между вами есть отцы семействъ, мы будемъ одинъ противъ пятидесяти, насъ ждетъ погибель! Итакъ, кто не обдумалъ всего этого, кто не чувствуетъ желанія исполнить свой долгъ до конца, пусть уходитъ сейчасъ же.

Онъ замолчалъ и поглядѣлъ вокругъ; никто не двинулся съ мѣста; Клодъ ободрился и сказалъ очень рѣшительно:

— Никто ни съ мѣста, всѣ за одно, всѣ хотятъ драться! Ахъ какъ я радъ, что между нами не нашлось ни одного труса! Теперь выберемъ начальниковъ. Во время большой опасности порядковъ и

дисциплина первое дѣло. Выбранный начальникъ будетъ всѣмъ распоряжаться и всѣ обязаны его слушаться. Подумайте же хорошенько, кого выбрать, потому что отъ него будетъ зависетьъ ваша участь.

Сказавъ это, Жанъ сошелъ съ бревенъ; народъ волновался. Каждая деревня совѣщалась отдѣльно, каждый меръ предлагалъ своего избраннаго, а время все шло. Катерина Лефевръ терпѣніе; наконецъ она поднялась съ мѣста и сдѣлала знакъ, что хочетъ говорить.

Катерина пользовалась большимъ уваженіемъ. Многіе тотчасъ подошли къ ней узнать, въ чемъ дѣло.

— Мы теряемъ время, друзья мои, сказала она; намъ, немедленно нужно найти надежнаго человѣка, солдата и командира, который сьумѣлъ бы дѣйствовать въ нашу пользу. Итакъ, что же мы стоимъ и не попросимъ Гуллена, развѣ между нами есть лучший начальникъ? Если да — пусть вызовется, мы назначимъ его; но я стою за Гуллена. Во всякомъ случаѣ рѣшайте скорѣе, а то непріятель нагрянетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ выбрать командира.

— Пусть Гулленъ будетъ нашимъ предводителемъ, закричали Лабарбъ, Дивесъ, Жеромъ и другіе. — Увидимъ, кто будетъ противъ этого!

Маркъ Дивесъ взлѣзъ на бревно и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Пусть тѣ, кто не желаетъ Гуллена начальникомъ, подымутъ руки вверхъ.

Ни одна рука не поднялась.

— Теперь подымите руки желающіе Гуллена.

Поднялись сотни рукъ.

— Жанъ-Клодъ, сказалъ контрабандистъ, взлѣсь-ка, посмотри вѣдь тебя выбрали.

Жанъ-Клодъ взлѣзъ на бревно и увидалъ, что онъ, точно единогласно избранъ, и затѣмъ онъ обратился къ толпѣ:

— Ну, хорошо, меня выбрали начальникомъ, я согласенъ, пусть будетъ такъ. Пусть пойдутъ въ сарай Матернъ, Лабарбъ, Жеромъ, Маркъ Дивесъ, Пиоретъ и Катерина Лефевръ; тамъ мы переговоримъ обо всемъ. Черезъ пятнадцать-двадцать минутъ я вернусь и сдѣлаю распоряженіе. А пока пусть изъ каждой деревни отрядятъ съ Маркомъ Дивесомъ двухъ человѣкъ за порохомъ и пулями въ Фалькенштейнъ.

VIII.

Всѣ названные Гулленомъ собрались въ хижинѣ маркиганта Пиоре-

та, подъ колпакомъ у большого очага. Лица этихъ храбрыхъ людей выражали ясное, веселое расположение духа.

— Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ мнѣ приходится встрѣчаться съ русскими, австрійцами и казаками, улыбаясь, говорилъ старый Матернъ; а я былъ бы не прочь еще разъ поддѣть кого нибудь изъ нихъ на штыкъ. Это очень занятно...

— Да, отвѣчалъ Лабарбъ, тутъ смѣшного будетъ не мало. Нашимъ ребятамъ будетъ что разказать о своихъ отцахъ и дѣдахъ.

— Ну товарищи, началъ Гулленъ, вы знаете нашу мѣстность; вотъ у насъ передъ глазами гора отъ самого Тана до Висембурга. Вы знаете, что двѣ столбовыя, императорскія дороги идутъ чрезъ Альзасъ и Вогезы, обѣ онѣ идутъ изъ Базеля; одна по берегу Рейна до Стразбурга, оттуда она по Савернскому косогору ведетъ въ Лотарингію. Эта дорога защищена Гюнингеномъ, Стразбургомъ и Нёвъ-Бризахомъ. Другая поворачиваетъ влѣво и ведетъ въ Шлестадтъ, оттуда поднимается въ гору до Сенъ-Діе, Раонъ-д'Етапъ, Ваккара и Люневиль. Я думаю, непріятель, первымъ дѣломъ, постарается занять эти дороги, такъ какъ онѣ очень удобны для кавалеріи, артиллеріи и багажа; но вѣдь онѣ прочно защищены отъ непріятеля, слѣдовательно намъ нечего за нихъ опасаться. Если непріятель приступитъ къ осадѣ крѣпостей, это отниметъ у него много времени, и тогда намъ нечего трусить. Но я думаю, это наврядъ случится. Заставивъ сдать Гюнингенъ, Бельфордъ, Шлестадтъ, Стразбургъ, Пфальцбургъ по одну сторону Вогезовъ и Бисмъ, Люцельштейнъ и Сарбрюкъ по другую, я думаю, они нападутъ на насъ. Теперь слушайте же меня хорошенько; между Пфальцбургомъ и Сенъ-Діе есть много ущелій, удобныхъ для инфантеріи, а для пушекъ только одна дорога, та, что идетъ изъ Стразбурга въ Раонъ-де-Ло; если союзники овладѣютъ этимъ путемъ — они въ Лотарингіи. Дорога эта отъ насъ въ двухъ верстахъ направо. Первымъ дѣломъ мы должны выбрать надежное мѣсто, удобное для отраженія непріятеля, тамъ гдѣ нибудь на гористомъ плато. Надо отрѣзать путь непріятелю, разобрать мосты, разбросать по дорогѣ крупный валежникъ, повалить нѣсколько сотенъ деревъ съ ихъ громадными сучьями; они — хорошая защита, незаслоняющая между прочимъ непріятеля. Эти толстыя деревья держутся чертовски! Ихъ надо изрубить въ мелкіе куски, чтобы нельзя было перебросить черезъ нихъ моста; наконецъ вотъ все, что можно придумать. Все это, друзья мои, будетъ готово завтра вечеромъ, послѣ завтра, а можетъ и позже, только я беру съ это устроить. Но помните, что занять

удобное мѣсто—еще далеко не все; надо позаботиться о томъ, чтобы непріятель никакимъ способомъ не могъ овладѣть этимъ мѣстомъ.

— Да, я тоже думать объ этомъ, сказала Матеръ; но первыя, Брюкской долиной вѣтви могутъ войти со всей своей инфантеріей на холмы Гаслаха и обогнуть насъ слѣва; а что помѣшаетъ имъ захватить насъ справа, если только они доберутся до Раонъ-Летанъ?

— Но у насъ есть очень легкое средство отнять у нихъ всякую возможность это сдѣлать: стоитъ только занять Цорнекое и Сарское ущелья съ лѣвой стороны, а съ правой Бланрольское. Ущелья всегда слѣдуетъ защищать, становясь на возвышенность; вотъ Пюретъ пусть станеть у Раонъ-Лото, Жеромъ у Гросмана, съ отрядомъ, могущимъ занереть Сарскую долину; а Лабарбъ съ остальными помѣстится на большожъ косогорѣ охранять Гаслахскіе холмы. Вы остановитесь въ ближайшихъ деревняхъ. Надо устроить такъ, чтобъ женщинамъ не было далеко носить вамъ провизію; къ тому же раненые будутъ къ нимъ ближе, вѣдь это надо тоже имѣть въ виду. Вотъ пока все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Всѣ отрядные начальники должны будутъ посылать въ Дедонъ, на ту главную квартиру, хорошаго пѣшехода для извѣщенія меня о всемъ случившемся и для принятія новыхъ приказаній. Мы позаботимся о резервѣ; но такъ какъ теперь надо поспѣшить, то мы поговоримъ объ этомъ постѣ, когда все будемъ на мѣстахъ.

— А я-то что буду дѣлать? сказала Маркъ Дивесъ. Я буду стоять, сложа руки, и смотрѣть, какъ дерутся другіе?

— Ты будешь охранять военные припасы; никто, кромѣ тебя, не сумѣетъ уберечь порохъ отъ огня и сырости; а кто будетъ лить пули и дѣлать картечь?

— Да вѣдь это чисто женская работа, возразилъ контрабандистъ; Гексъ-Безель сдѣлаеть это не хуже меня. Такъ мнѣ и не придется взяться за ружье?

— Будь спокоенъ, Маркъ, отвѣчалъ Гулленъ, достанется и на твою долю. Во первыя, Фалькенштейнъ—центръ нашей линіи, нашъ арсеналъ и наше убѣжище, въ случаѣ пораженія: непріятели узнають отъ своихъ шпионовъ, что оттуда выходятъ наши конвои, они попробуютъ непременно овладѣть ими, и ты не убѣжишь отъ пуль и ядеръ. Но если тебѣ не удастся испытать всего этого, тѣмъ лучше, потому что, разсуди самъ, развѣ можно оставить на когонибудь твои погреба? Впрочемъ, если тебѣ ужъ такъ хочется...

Только-что Жанъ-Клодъ упомянулъ о погребахъ, Маркъ придумался и сказалъ:—Я думаю, что ты правъ, Гулленъ; со мной бу-

дутъ люди хорошо вооруженные, мы будемъ охранять Фалькенштейнъ; но если представится случай всадить пулю врагу, то, разумеется, я буду очень счастливъ.

— Теперь, кажется, вы все слышали, все поняли? спросилъ Гулленъ.

— Да, да, все кончено.

— Ну, теперь, друзья мои, очень весело сказалъ Гулленъ, пойдемте погрѣться добрымъ стаканомъ вина. Теперь десять часовъ, пусть всѣ отправляются по домамъ за провизией, завтра же всѣ ущелья должны быть заняты.

Всѣ вышли изъ комнаты и Гулленъ объявилъ передъ толпой начальниками ущелій: Лабарба, Жерома, Пиорета. Онъ приказалъ всѣмъ, назначеннымъ въ Сарръ, собраться какъ можно ранѣе возлѣ фермы «Дубовая роща», съ топорами, заступами и ружьями.

— Мы отправимся въ два часа, сказалъ онъ имъ, и станемъ поперегъ дороги; завтра чѣмъ свѣтъ мы примемся за валежникиъ.

Онъ остановилъ Матерна съ его сыновьями, сказалъ ему, что битва прежде всего начнется въ Додонѣ, и что тамъ необходимы хорошіе стрѣлки. Матернъ выслушалъ все это съ величайшимъ удовольствіемъ.

А мать Лефевръ никогда еще не была такъ счастлива; садясь въ свою телѣжку, она поцѣловала Луизу и сказала ей на ухо:

— Пока все идетъ хорошо. Жанъ-Клодъ человекъ тавой... онъ все предвидитъ, за нимъ всѣ пойдутъ. Я его сорокъ лѣтъ знаю, да и то часто удивляюсь ему.

Она обернулась къ Жану-Клоду и закричала:— У насъ есть тамъ ветчина и нѣсколько бутылокъ стараго вина, котораго ужъ нѣмцы не выпьютъ.

— Да, нѣтъ, не выпьютъ. Идите, я приду.

Только-что Катерина взялась за кнутъ и множество горцевъ взлѣзли на косогоръ оглядѣть деревни, вдали, по дорогѣ къ «Тремъ фонтанамъ», показался высокій и худощавый господинъ, верхомъ на лошади, въ шапкѣ изъ заячьей шкуры съ широкимъ забраломъ, опущеннымъ до шеи. Носъ его былъ нѣсколько поднятъ. Большая, черная собака бѣжала за нимъ, а фалды его сюртука развѣвались, какъ крылья. Всѣ закричали:

— А, это докторъ Лоркенъ изъ долины, это тотъ, что лѣчитъ бѣдныхъ больныхъ; вотъ онъ съ своей собакой, Плутономъ: славный онъ человекъ!

Это былъ дѣйствительно онъ; онъ скакалъ и кричалъ:— Стойте, берегитесь!

Быстро разсѣкалъ воздухъ Лоркенъ; все яснѣе виднѣлось его крас-

ное лицо, большіе, живые глаза, темнорыжая борода, его широкии, круглыя плечи, его лошадь и собака.

Минуты черезъ двѣ онъ достигъ подошвы горы, проѣхалъ равнину, мостъ и очутился возлѣ хижины. Онъ проговорилъ, задыхаясь:— Ахъ вы, лицемѣры, не сказавъ мнѣ ни слова, все дѣло обдѣляли! Ужь вы мнѣ поплатитесь за это. Онъ ударилъ кулакомъ по котомкѣ, висѣвшей на немъ.

— Погодите, мой любазныи, погодите: вотъ у меня сиратаны здѣсь такія вещи, которыя развяжутъ вамъ языкъ; тутъ у меня лежатъ ножечки и ножи, круглыя и острые, ими я буду вынимать всевозможныя пули и картечи, которыми угостить васъ непріятель.

Онъ разразился громкимъ хохотомъ, а всѣ присутствующіе остались, какъ мокрыя курицы. Пошутивъ не много, докторъ серьезно обратился къ Гулену:

— Гулень, мнѣ слѣдовало бы отодрать васъ за уши. Какъ же, дѣло идетъ о защитѣ отечества, а вы позабыли, что я существую на свѣтѣ. Другіе уведомили меня обо всемъ этомъ. А мнѣ кажется, что докторъ здѣсь вовсе не лишній.

— Простите, Лоркенъ, совсѣмъ изъ головы вонъ, отвѣчалъ Гулень и пожалъ ему руку. Въ эти восемь дней произошло такъ много новаго. Вѣдь, гдѣ-жъ обо всемъ упомянуть! Къ тому же, я думаю, было бы лишнее напоминать вамъ объ исполненіи вашего долга.

Докторъ смягчился.— Все это прекрасно, а все-же я опоздалъ по вашей милости: хорошія мѣста заняты, кресты розданы. Гдѣ же главнокомандующій, я ему пожалуюсь.

— Главнокомандующій—я.

— А, въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, докторъ, и я назначаю васъ нашимъ главнымъ хирургомъ.

— Главный хирургъ Вогезской партіи, это ко мнѣ очень идетъ. Помиримся, Жанъ-Клодъ.

Онъ подошелъ къ Катеринѣ и сказалъ, что устройство госпиталей онъ поручаетъ ей.

— Будьте спокойны, отвѣчала фержерша, все будетъ сдѣлано; мы съ Луизой сегодня же вечеромъ приедемъ за дѣло. Такъ вѣдь, Луиза?

— Да, да, такъ, отвѣчала дѣвушка, радуясь, что дѣло рѣшено окончательно; да, мы будемъ усердно работать, всю ночь проработаемъ, если будетъ нужно. Докторъ Лоркенъ будетъ доволенъ.

— Ну, поѣдемъ! вы обѣдаете у насъ, докторъ.

Телѣга покатиалась рысью. Докторъ ѣхалъ возлѣ и, смѣясь, рассказывалъ Катеринѣ, какъ дошла до него вѣсть объ общемъ возстаніи, какъ пришла въ отчаяніе его старая гувернантка Марія, желавшая помѣшать его поѣздкѣ, изъ боязни, что онъ будетъ убитъ «королевскимъ сбродомъ», рассказывалъ и другія дорожныя приключенія на пути отъ Киболо до деревни Шармъ. Гуленъ и Матернъ съ синовьями шли позади съ штуцерами на плечахъ. Такъ они взобрались на косогоръ и направились къ фермѣ «Дубовая роща».

IX.

Можно представить себѣ, какая суматоха поднялась въ домѣ, какая бѣготня; стукъ стакановъ и ножей, восторженные крики радости при видѣ Жана-Клода, доктора, Матерна и всѣхъ бывшихъ съ Катериной. Общество все собралось въ большій комнатѣ вкругъ великолѣпной ветчины и, съ кружками въ рукахъ, праздновало свою будущую побѣду.

Это было во вторникъ, день, назначенный на фермѣ для стряпни всякаго рода.

Плита пылала съ самаго утра; старый Дюшенъ, безъ верхняго платья, въ бумажномъ колпакѣ, сдвинутомъ на затылокъ, вытаскивалъ изъ печи многое множество булокъ и хлѣбовъ, пріятный запахъ которыхъ распространялся по всему дому. Анета принимала ихъ и укладывала, а Луиза разносила гостямъ; Катерина же присматривала за всѣмъ и покрикивала:

— Поскорѣй, дѣти мои, поскорѣй. Не забудьте, что къ приѣзду Сарскихъ ополченцевъ должны быть готовы третьи хлѣбы. Надо раздавать по шести фунтовъ на человѣка.

Гуленъ, сидя наблюдалъ, какъ суетилась фермерша.

— Вотъ женщина-то, думалъ онъ, вотъ женщина, ничего не будетъ; другой такой не найдется въ цѣлой странѣ.

— За здоровье Катерины Лефевръ! сказалъ онъ.

Слышалось чоканье стакановъ, или толки о предстоящихъ битвахъ, осадахъ, всѣ были воодушевлены твердой вѣрой въ свою силу, каждый твердилъ себѣ: все пойдетъ хорошо.

Но судьба на этотъ разъ готовила имъ еще одну радость, въ особенности Луизѣ и Катеринѣ.

Насталъ полдень; лучи зимняго солнца ярко освѣщали снѣгъ, стекла стали отходить мало-по-малу, и большой красный нѣтухъ,

высунувъ голову изъ курятника, забилъ крыльями и весело пропѣлъ. Вальтенское эхо вторило за нимъ. Вдругъ сторожевый пѣсъ, старый Ёганъ, беззубый и почти слѣпой, залаялъ такъ радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жалобно, что всѣ съ удивленіемъ навестирили уши.

Сама Катерина приостановилась, несмотря на то, что печь была въ самомъ разгарѣ и третья сѣдба хлѣбовъ уже вынималась изъ печи.

— Это что нибудь да значить, сказала она тихо. Съ самаго отъѣзда моего сына Ёганъ не лалялъ такъ.

Въ то же время на дворѣ послышались чьи-то скорые шаги. Луиза бросилась къ дверямъ съ восклицаніемъ: «Это онъ! это онъ!» И тотчасъ чья-то дрожащая рука взялась за ручку двери; она отворилась и на порогѣ показался солдатъ, такой худой, сухой и загорѣлый; блуза на немъ такая старая, полинялая, штблеты разорванные. Всѣ пришли въ ужасъ.

Казалось, онъ не въ силахъ былъ идти далѣе, и медленно опустилъ ружье свое на полъ. Кончикъ его орлиного носа, точь въ точь также, какъ у Катерины, блестялъ, какъ бронзовый; рыжіе усы дрожали; онъ весь былъ похожъ на тощаго голубя, котораго зимній голодъ прибываетъ къ дверямъ хлѣва. Онъ былъ блѣденъ, несмотря на темный цвѣтъ лица, и глубокіе глаза его были полны слезъ. Онъ стоялъ молча и неподвижно. Старая собака рвалась, выла и силилась перегрызть свою цѣпь.

Въ комнатѣ царствовала такая тишина, что даже слышался трескъ огня.

Вдругъ Катерина вскрикнула раздирающимъ голосомъ:

— Гаспарь!.. дитя мое... это ты!

— Я, матушка, задыхаясь, отвѣчалъ солдатъ.

Въ эту минуту раздавалось рыданіе Луизы, въ залѣ поднялся какой-то громовый шумъ.

Всѣ друзья сбѣжались, впереди ихъ Жанъ-Клодъ, восклицая: «Гаспарь! Гаспарь Лефевръ!» Они застали мать съ сыномъ въ объятіяхъ: эта непреклонная, рѣшительная женщина плакала навзрыдъ. Сынъ крѣпко прижалъ ее къ груди, его рыжіе усы лежали на ея сѣдыхъ волосахъ. Онъ такъ тихо, такъ долго шепталъ: «матушка! матушка! Ахъ, какъ часто я тебя вспоминалъ!» Потомъ онъ сказалъ громко:—Луиза! Я видѣлъ Луизу! Луиза бросилась къ нему на шею, и пошли обоюдные поцѣлуи.

— Ты меня не узнала, Луиза!

— Я-то не узнала... тебя? Нѣтъ, узнала тотчасъ же, по одной

твоей походѣ. Старый Дюшенъ стоялъ съ колякомъ въ рукахъ у огня и шепталъ заикаясь: «Господи, Господи!.. Какъ все это могло случиться, какъ онъ переѣвился!»

Дюшенъ воспитывалъ Гаспара и привыкъ видѣть его свѣжимъ и румянымъ, красиво одѣтымъ, какимъ онъ уѣхалъ отъ нихъ, а настоящій видъ и костюмъ Гаспара приводили его въ смущеніе.

Въ это время Гулленъ, возвысивъ голосъ, сказалъ:—Что-жъ ты, Гаспаръ, узнаешь насъ, твоихъ старыхъ друзей?

Молодой человекъ обернулся назадъ и радостно воскликнулъ:

— Гулленъ, докторъ Лоркенъ, Матерн! Францъ! всѣ, всѣ здѣсь!

И опять начались самыя задушевныя, искреннія объятія съ веселымъ хохотомъ и пожатіемъ рукъ.

— Такъ присядемъ и выпьемъ же теперь, сказалъ докторъ Лоркенъ, и заключимъ нашъ праздникъ.

Гулленъ закурилъ трубку и призадумался; его, какъ видно, что-то мучило. Нѣсколько минутъ спустя, замѣтивъ, что Гаспаръ утолялъ свой голодъ и жажду, онъ обратился къ нему нѣсколько ворчливо.

— Скажи наконецъ, Гаспаръ, какимъ образомъ ты очутился здѣсь? Мы всѣ думали, что ты на берегу Рейна у Стразбурга.

— Ага! старая лиса, понимаю, въ чемъ дѣло, сказалъ Лефевръ, лукаво подмигнувъ—дезертировъ такъ много, не правда-ли?

— Ну, такая мысль мнѣ никогда не придетъ въ голову, однако...

— Вы хотите знать, какъ я попалъ сюда. Я не могу отказать вамъ въ этомъ, потому что желаніе ваше совершенно справедливое; тотъ, кого не достаетъ на перекличкѣ въ виду непріятеля, достоинъ разстрѣлянія! Но будьте спокойны, вотъ вамъ мой отпускъ.

Гулленъ не имѣлъ понятія о ложной деликатности; онъ прочелъ: «Отпускъ на 24 часа гренадеру Гаспару Лефевръ отъ 2—1.

Жемо, начальникъ батальона.»

— А на долго это позволеніе, Гаспаръ? спросила Катерина.

— Я его, матушка, получилъ вчера въ восемь часовъ вечера, въ Весселонѣ. Войско находится на пути въ Лотарингію, я долженъ нагнать его сегодня вечеромъ въ Пфальсбургъ.

— Ладно, значитъ ты можешь пробыть еще 7 часовъ, тебѣ придется пройти вѣдь не больше 6-ти часовъ, хотя въ Фоксталь и очень снѣжно.

Старуха съ переполненнымъ сердцемъ присѣла къ сыну. Она не могла скрыть волненія. Всѣ были тронуты. Луиза, положивъ

руку на поношенный эпoletъ Гаспара, щекой приинкнувъ къ его уху, рыдала. Гулленъ на концѣ стола выколачивалъ пепель изъ трубки, хмурилъ брови и молчалъ; но только-что появились бутылки, принесенныя Анетой, онъ оживился и сказалъ:

— Ну, Луиза, терпѣние! Чортъ возьми, это будетъ продолжаться не вѣчно; когда нибудь да кончится же, и я говорю, что кончится хорошо. Гаспаръ вернется, и мы сыграемъ свадьбу.

Онъ наливалъ вино въ стаканы, а Катерина утирала слезы, ворча про себя: «а все эти разбойники, покажись они только сюда! покажись только!»

Принялись за вино грустно, но скоро старый «*риворь*» разшевелилъ этихъ молодцовъ. Гаспаръ, приободрившись сталъ рассказывать ужасныя дѣла Бауцена, Лютцена, Лейпцига и Ганау, гдѣ рекруты бились, какъ ветераны, одерживая побѣду за побѣдой, пока не явились измѣнники.

Всѣ, молча, слушали его; когда дѣло заходило объ опасностяхъ войны, Луиза крѣпко жала ему руку, воображая, что она защищаетъ его. У Жана-Клода глаза блестѣли, докторъ постоянно справлялся о состояніи госпиталей; Матернъ и его сыновья слушали, вытянувъ шею и стиснули зубы; старое вино все болѣе разгорячало; слышались восклицанія: «ахъ, оборванцы! ахъ мошенники! погодите, это еще не все!..»

Мать Лефевръ не нарадовалась храбрости и счастью сына среди этихъ событій, память которыхъ будетъ переходить изъ вѣка въ вѣкъ.

Вдругъ на порогѣ появился стройный и бодрый Лагармигъ, въ длинной, сѣрой, холстинковой курткѣ, на бѣлой, кудрявой головѣ его была надѣта войлочная шляпа, чрезъ плечо висѣлъ длинный охотничій рогъ; онъ вошелъ въ залу и сказалъ:—Изъ Сарре пріѣхали! Очарованіе въ мигъ исчезло, стали собираться, у всѣхъ на умѣ были ужасы предстоящей войны, Луиза бросилась на шею Гаспару.

— Не ходи, Гаспаръ, останься съ нами.—Онъ поблѣднѣлъ.

— Я солдатъ, сказалъ онъ, я Гаспаръ Лефевръ; я тебя люблю въ тысячу разъ больше моей жизни, но Лефевръ не можетъ забыть своего долга.

У ней опустились руки. Луиза припала къ столу и громко зарыдала. Гаспаръ всталъ. Гулленъ остановился между ними, взявъ за руку Гаспара, крѣпко сжалъ ее и дрожа произнесъ:

— Слава Богу! Наконецъ-то ты заговорилъ, какъ человѣкъ.

Мать спокойно подошла къ нему надѣть мѣшокъ. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, ни одного вздоха не вырвалось изъ ея груди,

только по щекамъ медленно катились двѣ крупныя слезы. Снарядивъ сына, она отвернулась, вытерла слезы рукавомъ и сказала:

— Все готово, дитя мое, вотъ тебѣ мое материнское благословеніе. Если ты и погибнешь на войнѣ, ты никогда не умрешь для насъ; мѣсто твое—между мной и Луизой!

Всѣ вышли. Думза осталась одна въ залѣ плакать. Нѣсколько минутъ спустя, послышался стукъ приклада ружья о плиту пола и раздались шаги удаляющагося человѣка. Луиза бросилась за нимъ.

— Гаспарь, Гаспарь, закричала она, смотри, я не трушу больше; у меня есть терпѣніе, я не плачу больше, не хочу удерживать,— итъ! Но не сердись на меня, пожалѣй меня!

Гаспарь быстро схватилъ ружье и удалился твердою поступью, ни разу не обернувшись назадъ.

Между тѣмъ Сарскіе ополченцы вѣбрались въ ущелье до Вальтенской тропинкѣ.

Минутъ пять спустя, Гаспарь остановился у большого дуба и воднялъ руку; Катерина и Луиза отвѣчали ему тѣмъ же. Гулень отиралился на встрѣчу къ своимъ.

Съ женщинами остался одинъ докторъ; когда Гаспарь скрылся изъ виду, Лоркенъ сказалъ:— Вы должны гордиться вашимъ сыномъ, Катерина Дефевръ, онъ человѣкъ съ сердцемъ. Дай Богъ ему успѣха!

Издали доносились голоса прѣвѣжающихъ; они говорили и смѣялись между собою такъ весело, будто не на войну шли, а на свадебный пиръ.

X.

Пока Гулень, во главѣ всѣхъ горныхъ ополченцевъ, принималъ мѣры къ защитѣ, сумасшедшій Ягофъ, это несчастное существо, этотъ печальный образъ, лишенный самой благородной, прекрасной и великой способности души человѣческой — разума! — сумасшедшій Ягофъ, съ грудью открытой на вѣтеръ, съ голыми ногами, бѣгалъ по снѣгамъ съ горы на гору; онъ, казалось, не чувствовалъ холода, какъ пресмыкающееся животное въ своей ледяной тюрьмѣ.

Какимъ образомъ происходитъ, что это бессмысленное существо властвуетъ надъ температурой, тогда какъ мыслящій человѣкъ подчиняется ей вполне: что это такое? Признакъ ли болѣе сильнаго сосредоточенія жизни, результатъ быстрого кровообращенія, непрерывнаго лихорадочнаго состоянія? Зависитъ ли все это отъ живучести чувствъ или отъ другихъ причинъ еще неизвѣстныхъ? Наука молчитъ объ этомъ. Она можетъ показать только матеріальныя причины, нисколько необъясняющія такого явленія.

Иегофъ бѣжалъ себѣ просто куда глаза глядятъ. Ночь наступала, становилось холодно, лисица скрипѣла зубами, преслѣдуя дичь въ темнотѣ; голодный мышеловъ, вцѣпившись когтями въ хворостники, испускалъ жалобные крики; а Иегофъ, съ своимъ ворономъ на плечѣ, размахивая руками и разговаривая точно въ бреду, все бѣжалъ и бѣжалъ изъ Голдерлаха въ Зоннебергъ, а оттуда въ Блютфельдъ.

Въ эту самую ночь пастуху «Дубовой рощи», Робену, довелось быть свидѣтелемъ одного очень страннаго и ужаснаго зрѣлища.

За нѣсколько дней передъ этимъ, первый снѣгъ внезапно застигъ его въ Блютфельдскомъ ущельѣ; онъ оставилъ тамъ свою телѣгу и пошелъ съ стадомъ на ферму; потомъ вспомнилъ, что забылъ тамъ свою баранью накидку. На другой день, окончивъ занятія, онъ отправился за ней въ четыре часа вечера.

Блютфельдское ущелье, находящееся между Шнебергомъ и Гросманомъ, узко и окружено отвѣсными скалами. Не большой ручеекъ струится по немъ въ тѣни высокихъ тростниковъ; а въ глубинѣ ущелья находится пастбище, все усѣянное сѣрыми большими камнями.

Рѣдко, кто рѣшается спускаться въ это ущелье; въ немъ есть что-то зловѣщее, особенно при свѣтѣ зимней луны. Образованные люди этой страны, школьные учителя Дагбургскій и Гацлахскій утверждаютъ, что въ этомъ мѣстѣ происходила битва Трибововъ съ Германцами, которые подъ предводительствомъ вождя Лунтпрада хотѣли пройти въ Галлію. Говорятъ, что Трибоки завалили своихъ враговъ камнями съ окрестныхъ вершинъ и истолкли ихъ тутъ, какъ въ ступкѣ, вслѣдствіе чего ущелье получило названіе Blutfeld'a (долины крови). Тамъ и теперь еще находятъ остатки череповъ, куски заржавленной стали, касокъ и двухъ-аршинныхъ мечей.

Ночью, когда луна освѣщаетъ груды камней, покрытыхъ снѣгомъ, когда вѣтеръ свиститъ и играетъ оледенѣлыми сучьями, точно на цимбалахъ, кажется, будто слышатся крики германцевъ въ минуту отчаяннаго изумленія, плачь женщинъ, ржаніе воней и безконечный серышъ телѣгъ, такъ какъ народъ этотъ имѣлъ обыкновеніе возить съ собою въ телѣгахъ женщинъ, дѣтей, стариковъ и все имущество, точно какъ нѣмцы теперь, при отбѣздѣ въ Америку.

Впродолженіи цѣлыхъ двухъ дней трибоки не переставали душить враговъ, а на третій, согнувшись подъ тяжестью непріятельской добычи, шли домой въ Дононъ, Шнебергъ и т. д. Вотъ трогательная исторія Блютфельдскаго ущелья.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните только на это, со всѣхъ сторонъ замкнутое горами ущелье, представляющее нѣкоторое сходство съ колодець, на узкую тропинку — единственный выходъ изъ ущелья, и вы легко поймете, что германцамъ было тамъ не совсѣмъ ловко.

Робенъ пришелъ туда не раньше 7 или 8 часовъ вечера; луна только-что вошла.

Этотъ молодець не разъ побывалъ въ ущельѣ, но нивогда не видалъ его такъ сильно освѣщеннымъ и такимъ угрюмымъ, какъ въ этотъ разъ...

Въ самой глубинѣ ущелья видѣлась его телѣга; облитая бѣлымъ свѣтомъ, она представлялась ему однимъ изъ тѣхъ громадныхъ камней, заваленныхъ снѣгомъ, подъ которыми лежали мертвые германцы. Телѣга была у самого входа въ ущелье; за кучей хвороста, возлѣ нея струился ручей и брызги воды блестя, какъ сталь. Спустившись туда, пастухъ принялся искать ключъ отъ замка, отворилъ шалашъ и, ползая на колѣняхъ, шарилъ руками свою одежду; она скоро попалась подъ руки и еще нашелся маленькій топорикъ, о которомъ тотъ уже позабылъ.

Но судите о его испугѣ, когда онъ, только-что выбравшись изъ шалаша, увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ сумасшедшаго Игофа, который бѣжалъ по тропинкѣ прямо къ нему. Пастухъ вспомнилъ ужасную исторію, въ куклѣ «Дубовой рощи», и ему стало страшно. Но что почувствовалъ онъ, когда увидѣлъ пять волковъ, двухъ большихъ и трехъ маленькихъ, бѣжавшихъ за сумасшедшимъ!

Сначала онъ принялъ ихъ за собакъ, потомъ оказалось, что это волки. Они такъ и бѣжали по пятамъ за Игофомъ, а онъ какъ будто и не замѣчалъ ихъ; воронъ то улеталъ изъ освѣщенной долины въ тѣнь скалъ, то опять возвращался; волки бѣжали съ свербающими глазами, ноздри ихъ такъ и раздувались, нюхая воздухъ; сумасшедшій поднималъ свой жезлъ.

Пастухъ съ быстротою молніи захлопнулъ дверь своего шалаша, но Игофъ не замѣтилъ его. Онъ вошелъ въ ущелье, какъ въ обширный залъ; направо и налѣво возвышались отвѣсныя скалы, наверху горѣли миллионы звѣздъ. Было такъ тихо, что полетъ мухи могъ быть слышенъ; волки бѣжали безъ малѣйшаго шума, воронъ слѣлъ на старый, высохшій дубъ, стоявшій на одной изъ скалъ, перья его казались темнѣе обыкновеннаго; онъ повертывалъ голову и, казалось, прислушивался къ чему-то.

Все это было очень странно.

Робенъ думалъ: «сумасшедшій ничего не видитъ, ничего не слы-

шить; волки разорвутъ его непременно; ну, если онъ споткнется, поскользнется, — пропалъ!»

Но Игофъ остановился посреди ущелья и сѣлъ на камень; всѣ пять волковъ усѣлись востѣ него на снѣгу и подняли вверхъ морды.

Тутъ произошла удивительная сцена. Сумасшедшій, поднявъ свою палку, повелъ рѣчь съ волками, называя ихъ по именамъ. Вотъ что говорилъ онъ:

— Ну! Шильдъ, Бледъ, Мервегъ, и ты мой старшій Сиримаръ— вотъ мы опять всѣ вмѣстѣ! Какими же вы толстяками вернулись, видно въ Германіи мясо не дурно? Да, да, продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на ущелье: а великую битву помните?

Одинъ изъ волковъ завылъ очень тихо и жалобно, за нимъ другой, а потомъ и всѣ остальные.

Это продолжалось добрыхъ десять минутъ. Воронъ сидѣлъ неподвижно на засохшей вѣтви.

Робенъ думалъ, какъ бы ему дать тягу, молилъ всѣхъ святыхъ, въ особенности своего патрона, котораго чтутъ всѣ настуки горъ.

Волки однако все выли, а блютфельдское охо имъ вторило.

Наконецъ старшій волкъ замолчалъ, за нимъ и всѣ остальные, а Игофъ продолжалъ:

— Да, да, это очень грустная исторія. Посмотрите! вотъ рѣва, гдѣ текла наша кровь! — Это ничего, Мервегъ, ничего, и другіе тоже оставили не мало костей въ пескѣ. А луна цѣлыя три ночи смотрѣла, какъ изъ женщины рвали на себѣ волосы! О, ужасные дни! О! собаки, они смѣли еще гордиться своей побѣдой! Будьте прокляты, прокляты!

Сумасшедшій сбросилъ съ себя ворону, но потомъ, вздыхая, поднялъ ее.

Волки все сидѣли и слушали, какъ самые внимательные слуги. Самый большой волкъ опять завылъ, а Игофъ отвѣчалъ ему:

— Ты голоденъ, Сиримаръ! Радуйся, скоро и ты залируешь: наши идутъ, битва начнется опять.

Потомъ онъ ударилъ палкой по камню: — На, вотъ твои кости. Онъ подошелъ къ другому: а вотъ и твои, Мервегъ, вотъ они!

Все стадо послѣдовало за нимъ, а онъ присѣлъ на маленькую скалу и, посмотрѣвъ на иѣмую пучину, громко воскликнулъ:

— Умерла наша военная пѣсня. Наша военная пѣсня — вздохъ безконечный! Часъ близокъ, онъ просыпается! Вы будете господами, вамъ будутъ принадлежать эти горы, эти долины. О, этотъ скрипъ телѣгъ, эти женскіе крики, эти удары, они потрясаютъ воздухъ! Да, да, они были посланы свыше, мы были окружены! — Теперь все

мертво; слушайте, все мертво, спячь ваши кости; но вотъ поднялись ваши дѣти, вашъ чередъ насталь: — пойте, войте!

Онъ самъ зацѣль и волки возобновили свой дивій концертъ.

Жалобы часъ отъ часу становились ужаснѣе. Мертвая тишина окрестныхъ скаль, полусосвѣщенныхъ, полусадержанныхъ мракомъ, неподвижно зарытанный снѣгомъ лѣсъ, дальнее эхо, вторящее этому раздирающему душу концерту, все внушало старому пастуху безконечный страхъ.

Страхъ его уменьшался по мѣрѣ того, какъ Іегофъ съ своей святой удалялся къ Гоцлаху. Воронъ въ свою очередь прокричалъ пронзительно, распустилъ свои крылья и полетѣль въ блѣдно-голубое поднебесье.

Все исчезло, какъ сонъ!

Долго еще слышалось Робену удаляющееся вытье волковъ; наконецъ смолкло и оно, настала зимняя безконечная тишина. Робень долго еще не могъ опомниться, придти въ себя и двинуться съ мѣста.

Воротившись въ «Дубовую роуц», онъ нашель всѣхъ на дворѣ. Всѣ собирались въ путь и, суетясь, укладывали съ собою все нужное для доновской партіи. Гулленъ, докторъ и Луиза уѣхали съ Сарскими ополченцами. Катерина нагружала свою тяжеловѣсную фуру хлѣбомъ, мясомъ и водкой. Всѣ были на ногахъ, бѣгали и кричали.

Робену не удалось никому разсказать видѣннаго, да кромѣ того все это ему казалось такъ странно и невѣроятно, что онъ не смѣль и занкнуться объ этомъ. Улегшись въ ясляхъ посреди хлѣва, онъ порѣшилъ тѣмъ, что Іегофъ вѣроятно нашель гнѣздо волковъ и со временемъ приучилъ ихъ къ себѣ, потомъ сталъ разсказывать имъ свои бредни, какъ другіе говорятъ иногда съ своими собаками.

Но все-таки эта встрѣча навсегда внушила ему какой-то суевѣрный страхъ, такъ что онъ и въ старости не безъ ужаса вспоминаль объ этомъ произшествіи.

XI.

Всѣ привазаціи Гуллена были съ точностью исполнены: Цорисское и Сарское ущелья были прочно защищены, а Бляврюльское — край-

ній пунктъ позиціи—охранялось самимъ Жаномъ-Клодомъ и тремястами самыхъ здоровыхъ ополченцовъ.

Теперь, чтобы наблюдать за ходомъ военныхъ дѣйствій, надо намъ перенестись на восточную покатость Донона, въ двухъ километрахъ отъ Гранфонтена.

У большой дороги, извивающейся по косогору, на самой половинѣ вершины стояла ферма, окруженная нѣсколькими десятинами обработанной земли, принадлежавшей анабаптисту Пелсли. Это было широкое строеніе съ плоскою кровлею, очень удобною для защиты отъ вѣтровъ; всѣ хлѣва и закуты находились сзади фермы къ вершинѣ горы.

Партизаны расположились въ окрестностяхъ; у ногъ ихъ открывались Гранфонтенъ и Фрамонъ, замкнутые въ тѣсномъ ущельѣ; далѣе Ширмеъ—съ своими феодалными развалинами; наконецъ Брюшъ, извиваясь, скрывался въ сѣромъ туманѣ Альзаса. Слѣва возвышались скалистые вершины Донона, съ гигантскими соснами, передъ которыми лежала глубокая дорога, загроможденная большими деревьями, вырванными съ корнемъ и лежавшими посреди заброшеннаго пути. Снѣгъ таялъ и мѣстами виднѣлись желтыя поля, а въ другихъ мѣстахъ вѣтеръ носилъ его, какъ волны. Это была суровая и грандіозная картина. Ни одного пѣшехода, ни одного экипажа не было видно по всей дорогѣ, теряющейся въ безконечныхъ рощахъ. Всякій сказалъ бы, что это пустыня.

Только огни, разведенные вокругъ хutora, клубы дыма, которые разстилались отъ нихъ, показывали, что здѣсь расположены бивуаки: Обитатели горъ сидѣли вокругъ своихъ огней, въ шапкахъ, надвинутыхъ на затылокъ, съ ружьями чрезъ плечо; они были пасмурны. вотъ уже три дня ждутъ они непріятеля.

Въ числѣ воиновъ, сидѣвшихъ положивъ ногу на ногу, сгорбивъ спину и съ трубкой въ зубахъ, находились старый Матернъ и его сыновья. По временамъ Луиза показывалась на порогѣ фермы, но тотчасъ же опять уходила работать. Большой пѣтухъ разрывалъ навозную вучу и пѣлъ хриплымъ голосомъ; двѣ-три курицы шагали по хворосту. Все это развлекало взоръ, но особенное удовольствие доставляло ополченцамъ свѣжее сало, розовато-бѣлое, оно такъ и таяло на зеленомъ деревянномъ вертелѣ, и капли его падали на раскаленные уголья; немало также одушевляла ихъ и бочка съ водкою, стоявшая въ катерининой телегѣ.

Около осьми часовъ вечера между большимъ и малымъ Донономъ показался незнакомецъ. Часовые тотчасъ замѣтили его; онъ шелъ, снимая по временамъ шапку.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ узнали Никеля Бенца, стараго лѣсничаго въ Гуппѣ.

Вѣсть разнеслась по всему лагерю; побѣжали увѣдомить Гуллена, свавшаго уже съ часъ въ анбарѣ на соломѣ вмѣстѣ съ докторомъ Лоркенъ и его собакой Плутономъ.

Они вышли вмѣстѣ съ старымъ пастухомъ Лагармитомъ, прозваннымъ «трубою», и съ анабаптистомъ Пельсли, спрятавшимъ по локоть руки въ широкіе карманы сѣрой шерстяной тунники съ латунными застѣжками, съ широкимъ, поднятымъ воротникомъ, и съ кистью отъ его колпака, болтавшеюся на спинѣ. Жанъ-Клодъ по-видному былъ веселъ.

— Ну, что же тамъ дѣлается, Никель? спросилъ онъ.

— Пока еще нѣтъ ничего новаго, только со стороны Пфальсбурга слышенъ громъ. Лабарбъ говоритъ, что это пушки, потому что всю ночь надъ лѣсомъ Гильдегауза видѣлось пламя, какъ молнія, а сегодня утромъ сѣрое облако разстилось по долигѣ.

— Значить, городъ осажденъ, сказалъ Гулленъ, но со стороны Лютцельштейна.

— Ничего не слышно, отвѣчалъ Бенцъ.

— Значить, непріятель пробуетъ. Во всякомъ случаѣ, союзники должны быть тамъ: какое ужасное скопище людей должно быть въ Альзасѣ!

Обратившись къ стоявшему сзади его Матерну, Гулленъ сказалъ:

— Нельзя долѣе оставаться въ неизвѣстности, поѣзжай ты съ сыновьями въ объѣздъ.

Лицо стараго охотника прояснилось.

— Ну, слава Богу! наконецъ-то я разомну свои кости, наконецъ-то мнѣ представляется случай поддѣть кого нибудь изъ этихъ негодяевъ, австрийцевъ и казаковъ.

— Погоди, мой другъ, теперь еще не время драться, надо прежде разузнать, что тамъ дѣлается. Пусть Касперъ и Францъ останутся вооруженными, а ты, вѣдь я тебя знаю, ты оставь пожалуйста здѣсь твой штуцеръ и охотничій ножъ.

— Это зачѣмъ?

— Ты долженъ будешь проходить по деревнямъ, и если увидать тебя вооруженнымъ, тотчасъ же разстрѣляютъ.

— Разстрѣляютъ?

— Разумѣется, такъ. Вѣдь насъ не возмутъ въ плѣнъ, мы не регулярное войско, насъ просто-на-просто разстрѣляютъ. Ты пойдешь съ одной палкой по Ширмекской дорогѣ, а сыновья твои издали будутъ слѣдовать за тобой по опушкѣ лѣса, въ небольшомъ раз-

стойнии отъ тебя. Если на тебя нападуть, сыновья подоспѣютъ на помощь; если же ты будешь захваченъ толпою, пусть они за тебя и не вступаются.

— Что бѣ они за меня не вступились! въ негодованіи воскликнулъ старый охотникъ: — хотѣлъ бы я посмотрѣть на это.

— Нѣтъ ничего проще, Матернѣ: безоружнаго человѣка отпустить, а вооруженнаго разстрѣляютъ. Нечего, кажется, предупредить тебя, что ты не станешь распѣвать нѣмцамъ, затѣмъ къ нимъ пришелъ.

— Да, да! понимаю; а вѣдь все это право недурно придумано. Я съ моимъ штуцеромъ не расстаюсь никогда, но что дѣлать, на войнѣ—по военному; вотъ тебѣ ружье, ножъ и рожекъ. Кто же дастъ мнѣ блузу и шапку?

Нисель Бенцъ предложилъ ему свою синюю блузу и шапку. Всѣ съ удивленіемъ окружали ихъ.

Когда они переѣвились одеждою, всѣ нашли, что Матернѣ, не смотря на свои большіе, сѣдые усы, могъ легко выдать себя за простаго горнаго крестьянина. Сыновья Матерна гордились этой первой экспедиціей, осматривали затравки штуцеровъ и прикрѣпляли къ концу стволовъ штыки, прямые и длинныя, какъ сабля. Они отточили охотничьи ножи, однимъ движеніемъ плечь сдвинули на поясицу охотничью сумку и, удостовѣрившись, что все въ порядкѣ, съ восторгомъ посматривали кругомъ.

Глядя на нихъ, докторъ разсмѣялся и сказалъ:—Смотрите, не забудьте совѣта Жана-Клода: будьте осторожны! Если станеть на свѣтѣ однимъ нѣмцемъ меньше, отъ этого мы еще ничего не выиграемъ, а вотъ если кто нибудь изъ васъ ляжеть, тагъ на мѣсто его не скоро отыщешь.

— Не бойтесь, докторъ, мы будемъ смотрѣть во всѣ глаза. Мои мальчуганы, гордо заговорилъ Матернѣ, настоящіе охотники; они умѣютъ пользоваться случаемъ. Выстрѣлятъ они только по моему зову. Будьте покойны. Теперь въ дорогу; намъ нужно вернуться за-свѣтло.

Они отправились.

— Добраго пути! закричалъ имъ вслѣдъ Гуленъ, когда они своротили въ снѣгъ, чтобы обойти деревья. Скоро они пошли по маленькой тропинкѣ, которая ведетъ вправо на гору. Товарищи издали слѣдили за ними. Ихъ длинныя, кудрявыя, рыжіе волосы, широкія плечи, ихъ ловкія, быстрыя движенія—все говорило, что пяти-шести врагамъ не сдобровать при встрѣчѣ съ этими молодцами.

Черезъ четверть часа они повернули къ сльнику и скрылись.

Гуленъ спокойно возвратился на ферму, разговаривая съ Николаемъ Бенцомъ.

Докторъ шелъ назадъ, сопровождаемый Плутономъ; остальные всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

XII. —

Матернъ и сыновья долго шли, молча. Погода разгулялась, свѣтило блѣдное зимнее солнце, снѣгъ блестяль, но не таялъ, почва была твердая и звонкая. Издали въ долину, съ удивительной отчетливостью, видѣлись вершины сосенъ, красноватая околечность скалъ, крыши хижинъ съ сосульками льда на ихъ черепицахъ и блестящія стекла оконъ. Всѣ прогуливались по улицѣ Гранфонтена; толпа молодыхъ дѣвушекъ стояла возлѣ прачечнаго плота; нѣсколько стариковъ въ колпакахъ и съ трубками въ зубахъ сидѣли на порогѣ своихъ домиковъ. Весь этотъ людъ, рисующійся въ голубоватой дали, жилъ, двигался, говорилъ, но ни одинъ звукъ не долеталъ до нашихъ охотниковъ.

У опушки лѣса Матернъ присѣлъ отдохнуть и сказать сыновьямъ:

— Я схожу въ деревню къ Дюбрелю, трактирщику «Сосновой шишки».

Онъ указалъ имъ налкою длинное, бѣлое строеніе, окна и двери котораго были украшены желтымъ бордюромъ, на стѣнѣ, вмѣсто вывѣски, былъ прибитъ сосновый сукъ.

— Вы меня подождите здѣсь; если нѣтъ никакой опасности, я сейчасъ выду на крыльцо и махну вамъ шляпой, тогда вы можете прийти ко мнѣ, и мы выпьемъ по стакану вина.

Онъ спустился по снѣжному косоугру до маленькихъ садиковъ, разбросанныхъ вокругъ Гранфонтена, потомъ повернулъ между двумя нивами въ долину, перешелъ деревню, и сыновья его видѣли, какъ онъ вошелъ въ трактиръ.

Вскорѣ онъ вышелъ на порогъ и, къ величайшему ихъ удовольствію, махнулъ шляпой.

Черезъ четверть часа они пришли къ отцу въ большую залу трактира. Это была низкая комната, натопленная большой чугунной, полъ былъ усыпанъ пескомъ, столы сосновые длинные и чистые. Матернъ сидѣлъ одинъ съ трактирщикомъ, пожившимся въ ко-

жаномъ креслѣ возлѣ самой печки. Это, вѣжета, былъ самый толстый и полнокровный изъ всѣхъ вогезскихъ трактирщиковъ; животь висѣлъ у него на ляжкахъ, глаза у него были круглые, носъ приплюснутый, на щекѣ бородавка, а трехъярусный подбородокъ опускался до самого воротника. Матернъ наполнилъ стаканы; старые часы пробили девять, деревянный ихъ пѣтухъ билъ крыльями съ какимъ-то необыкновеннымъ щелканьемъ.

— Здравствуйте, отецъ Дюбрель, грубо сказали сыновья Матерна.

— Здравствуйте, молодцы, здравствуйте, отвѣчалъ трактирщикъ, и губы его скривились въ улыбку. Потомъ онъ зычнымъ голосомъ спросилъ ихъ:

— Что новаго?

— Ей Богу, ничего! отвѣчалъ Касперъ, зимнее время—самая лучшая пора охотиться на кабана!

Оба положили штуцера на подоконникъ, поближе на случай тревоги, и сѣли за скамейку противъ отца, сидѣвшаго за столомъ на первомъ мѣстѣ.

Они стали пить, говоря: «за наше здоровье!» Это было ихъ обыкновенье.—Итакъ, обратился Матернъ къ толстяку, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, вы думаете отецъ Дюбрель, что намъ не предстоить никакой опасности въ лѣсахъ Барони и мы можемъ преспокойно охотиться тамъ на кабановъ?

— Нѣтъ, объ этомъ я не могу ничего сказать вамъ, отвѣчалъ трактирщикъ:—я вамъ говорю только, что пока союзники не проникли еще въ Мютцигъ. Къ тому же они не причиняютъ вреда никому, они съ удовольствіемъ принимаютъ всѣхъ, лишь бы только нивложить узурпатора.

— Узурпатора? кто этотъ узурпаторъ?

— Гм! Наполеонъ Бонапартъ—узурпаторъ, это всѣмъ извѣстно. Взгляните-ка на стѣну.

Онъ указалъ на объявленіе, прибитое на стѣнѣ возлѣ часовъ.

—Прочтите это, и вы увидите, что союзники—наши лучшіе друзья.

Брови Матерна сдвинулись, но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и сказалъ:

— А, вотъ какъ!

— Да, вотъ читайте это.

— Но я не умѣю читать, господинъ Дюбрель, и сыновья мои тоже; потрудитесь объяснить намъ, въ чемъ дѣло.

Старый трактирщикъ привсталъ, опершись своими толстыми руками на ручки кресла; засопѣвъ, какъ теленокъ, онъ всталъ передъ объявленіемъ, скрестивъ руки, и величавымъ голосомъ прочелъ про-

гламацію союзныхъ государей, заявляющихъ, что они идутъ противъ Наполеона, а не противъ Франціи; поэтому никто не долженъ мѣшать ихъ дѣлу; кто поступитъ иначе, будетъ, безъ всякой пощады, разстрѣленъ.

Охотники слушали и съ удивленіемъ поглядывали другъ на друга. Окончивъ чтеніе Дюбрель сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ:

— Ну, вотъ видите...

— А откуда вы взяли это? спросилъ Касперъ.

— Да это, другъ мой, вездѣ опубликовано.

— Это насъ радуетъ, сказалъ Матернъ, положивъ руку на плечо Франца, который привсталъ-было подѣ влияніемъ сильнаго волненія. Ты хочешь огня, Францъ? Вотъ тебѣ мой кремьнь. Францъ присѣлъ опять, а старикъ продолжалъ добродушнымъ тономъ:

— А наши друзья, нѣмцы, никого не трогаютъ?

— Всѣмъ благовѣрнымъ людямъ бояться рѣшительно нечего, а бунтовщиковъ, негодяевъ, такъ тѣхъ хватаютъ, да такъ и слѣдуетъ: можно-ли допустить, чтобы добрые страдали за злыхъ? Вотъ вы, напримѣръ, васъ отлично примутъ союзники; вы знаете страну, можете быть хорошими проводниками, вамъ, пожалуй, еще жалованье порядочное дадутъ.

Наступила минута молчанія; охотники переглянулись снова, отецъ вытянулъ руку на столѣ, какъ бы желая этимъ успокоить сыновей, но онъ самъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Трактирщикъ не замѣчалъ ничего этого и продолжалъ:

— Скорѣй вамъ надо бояться, въ лѣсахъ Барони, этихъ мошенниковъ изъ Дагсбурга, Сарра и Бланрю. Они возмутились и хотятъ повторить 93 годъ.

— Вы въ этомъ увѣрены? спросилъ Матернъ, стараясь овладѣть собой.

— Увѣренъ-ли я въ этомъ! Да стоитъ только посмотрѣть въ окно, и вы ихъ увидите на Дононской дорогѣ. Они напали на анабаптиста Пельсли, привязали его къ кровати; они грабятъ, воруютъ портятъ дороги, но берегитесь! Черезъ нѣсколько дней намъ будетъ надъ чѣмъ посмѣяться. Сюда придутъ не сотни, не тысячи, не миліоны, а миллиарды людей и перевѣшаютъ всѣхъ бунтовщиковъ.

Матернъ всталъ.

— Пора и въ путь, сказалъ онъ отрывисто. Къ двумъ часамъ намъ надо быть уже въ роцѣ. До свиданья, отецъ Дюбрель.

Они вышли поспѣшно, задыхаясь отъ злости.

— Подумайте хорошенько о томъ, что я вамъ говорилъ, закричалъ вслѣдъ трактирщикъ.

Выйдя из трактира, Матернъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:
— Еслибъ я не употребилъ всѣхъ усилій воздержаться, я бъ пустилъ
ему въ голову бутылкой.

— А я, сказалъ Францъ, штыкомъ прокололъ бы ему животъ.

Касперъ вернулся-было назадъ, одной ногой стоялъ уже на ступенькѣ лѣстницы, схватилъ рукоятъ ножа и лицо его было свирѣпо. Старикъ взялъ его за руку и воротилъ назадъ, говоря:

— Пойдемъ... пойдемъ... когданибудь наверстаемъ это! Смѣть совѣтывать мнѣ измѣнить отечеству! Гулленъ правду сказалъ, намъ нужно быть осторожными.

Они шли по улицѣ, бросая гнѣвные взгляды. Всякій, кто встрѣчалъ ихъ, спрашивалъ себя: «что съ ними?»

Въ концѣ деревни они присѣли отдохнуть у самой церкви, противъ стараго креста. Мартенъ немного успокоился и сказалъ сыновьямъ, показывая на дорогу, огibaющую Фрамонъ и ведущую кустарниками:—Вы пойдете по этой дорогѣ, а я отправлюсь къ Ширмеку. Я пойду нескоро; вы успѣете меня догнать.

Они удалились, а старый охотникъ шелъ, и все думалъ и удивлялся, какъ это онъ не удушилъ толстаго трактирщика. «Это я сыновей поберегу» рѣшалъ онъ. Размышляя такимъ образомъ, Матернъ встрѣчалъ стада быковъ, барановъ и козъ. Многихъ изъ нихъ гнали изъ Випшъ, Урмата и даже Мютцинга; бѣдныя животныя насслу шли.

— Куда васъ несетъ? кричалъ старый охотникъ задумавшимся пастухамъ; не вѣрите вы, что-ли, прокламаціи русскихъ и австрійцевъ?

— Хорошо вамъ смѣяться, пастухи отвѣчали сердито. Прокламаціи! знаемъ мы эти прокламаціи. Всюду грабежъ, воровство, силою налагають подати, уводятъ коровъ, лошадей, быковъ, берутъ телѣги.

— Вотъ оно что! Возможно-ли это?.. Что вы городите, говоритъ Матернъ; это сбиваетъ меня съ послѣдняго толку. Я не вѣрю вамъ. Помилуйте, такая лестная прокламаціи!

— А вотъ какъ спуститесь въ Альзасъ, сами увидите все!

Бѣдняки удалились, качая головой съ глубокимъ негодованіемъ, а Матернъ смѣялся себѣ подъ носъ.

Чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ чаще встрѣчались ему стада и не одинъ блѣющія, мычащія стада, но и безконечныя вереницы крикливыхъ гусей тянулись по дорогѣ; жалко было смотрѣть на ихъ окопѣвшія лапы! Ближе къ Ширмеку было еще хуже; люди толпами спѣшили убраться съ своими телѣгами, нагруженными боч-

ками вина, окоровами, мебелью, женщинами, дѣтьми; они били лошадей чуть не до смерти, чтобы тѣ скорѣй ѣхали; къ этому присоединялись еще раздражающіе крики: «Казаки идутъ, мы погибли!»

Это восклицаніе: «казаки!» какъ дуновение вѣтра, переносилось съ одного конца дороги на другой; женщины отъ изумленія глядѣли, разиня ротъ; дѣти взбирались на телѣги разглядѣть непріятеля. Никто еще никогда и не видывалъ ничего подобнаго. Матернѣ краснѣлъ при видѣ чужой трусости. Ему было больно и стыдно, что мелочная корысть заставляетъ бѣжать людей, могущихъ защищать и спасти свою родину.

На перекресткѣ у «Колодезя Ивъ», въ самомъ Ширмекѣ, Касперъ и Францъ нагнали отца и всѣ трое вошли въ кабакъ «Золотого ключа», который содержала вдова Фальто.

Бѣдная женщина съ двумя дочерьми смотрѣла въ окно на бѣгущую толпу, сложивъ руки.

Въ самомъ дѣлѣ, съ каждой секундой смятеніе увеличивалось; стада, телѣги, люди такъ и давили другъ друга. Люди больные не помнили себя, безсознательно кричали и дрались за мѣста.

Матернѣ отворилъ дверь и увидалъ женщинъ блѣдныхъ, расстрепанныхъ, полумертвыхъ; онъ воскликнулъ:

— Ахъ, мать моя, что вы съ ума сошли? вы потеряли всякое присутствіе духа, это срамъ!

Старуха обратилась къ нему раздражающимъ голосомъ:

— Ахъ, мой добрый Матернѣ, еслибъ вы знали, еслибъ вы только знали!

— Ну, что же? Непріятель близко; но онъ вѣдь не съѣстъ васъ.

— Нѣтъ, но онъ грабитъ все, что попадаетъ ему подъ руку. Вчера изъ Шлестахта пришла старая Урсула и рассказывала, что австрійцы такъ и кричатъ, подавай имъ *кнефты*, русскіе требуютъ *шматса*, а баварцы—кислой капусты. Наѣввшись всего этого по горло, они еще съ полнымъ ртомъ кричатъ: «шоколадъ, шоколадъ!» Господи... Господи... какъ только накормить этихъ людей!

— Знаю, знаю, что это трудненько, сказалъ Матернѣ. Но гдѣ-же всѣ эти казаки, австрійцы? Мы шли отъ самого Гранфонтеа и никого не встрѣтили?

— Они въ Альзасѣ у Урмата, а теперь идутъ сюда.

— Ну, пока они не пришли еще, сказалъ Касперъ, дайте намъ кружку вина, вотъ вамъ и деньги. Одна изъ дочерей пошла въ погребъ, а въ кабакъ вошло еще нѣсколько новыхъ лицъ.

Рсѣ усѣлись вокругъ стола, противъ окна, чтобы наблюдать за дорогой; имъ подали вина, и они принялись рассказывать то, что каждый зналъ. Одинъ говорилъ, что союзниковъ было тьма, что они ложились спать въ повалку въ долину Гиршенталь, и что на нихъ было столько всякихъ насѣкомыхъ, что послѣ ихъ ухода сухіе листья начинали шевелиться сами собой; другой рассказывалъ, что казаки подожгли одну деревню въ Альзасѣ за то, что жители не дали имъ послѣ обѣда свѣчь вмѣсто десерта; что многіе изъ казаковъ, а особенно калмыки, ѣли мыло, какъ сыръ, а шкурку ветчины, какъ лепешки; что многіе пили водку цѣлыми штофами, подмѣшивая въ нее предварительно по пригоршнѣ перцу; что надо было заперать отъ нихъ все, потому что они съѣдали и выпивали, что только попадалось имъ подъ руку.

Кто-то рассказалъ по этому поводу, что три дня тому назадъ, проходя ночью, отрядъ русской арміи долженъ былъ простоять болѣе часа на льду, въ маленькой деревенькѣ Рорбахъ, и что весь этотъ отрядъ пилъ воду изъ сосуда, который забыла на окнѣ 80-лѣтняя старуха; что эти дикари купаются, пробивая ледъ собственнымъ тѣломъ, а потомъ, чтобы высушиться, залезаютъ въ кирпичныя печи; наконецъ, что они боятся только одного капрала schlague!

Эти добрые люди передавали другъ другу такія невѣроятныя вещи, что оставалось только хлопать ушами, и увѣрили при этомъ, что все это они видѣли собственными глазами или слышали отъ самыхъ правдивыхъ людей.

А на дворѣ все еще продолжалась суматоха, слышались грохотъ телѣгъ, мычаніе и ревъ стада, крикъ пастуховъ, воли бѣглецовъ, и все это производило странное, смутное впечатлѣніе.

Около полудня, Матеръ уже собирался уходить съ своими ребятами, когда раздался громкій, продолжительный крикъ: «Казаки! казаки!»

Всѣ бросились на дворъ, кромѣ охотниковъ, которые, растворивъ окно, стали смотрѣть въ него; всѣ бѣжали въ разсыпную: люди, стада, телѣги, все такъ и поспало въ разныя стороны, какъ листья отъ осенняго вѣтра.

Не болѣе, какъ черезъ двѣ минуты, дорога уже была свободна, только въ Ширмекѣ происходила такая толкотня, что нельзя было ступить ни шагу. Глядя въ даль, на дорогу, Матеръ воскликнулъ:

— Какъ ни смотри, а все ничего не разберешь.

— Я тоже ничего не вижу, промолвилъ Касперъ.

— Ну, ну, продолжалъ старій охотникъ, я вижу ясно, что

страхъ нашихъ людей придаетъ врагамъ больше силы, чѣмъ они имѣютъ на самомъ дѣлѣ. Не такой пріемъ мы приготовимъ казакамъ въ горахъ, тамъ они найдутъ съ кѣмъ потягаться.

Онъ пожалъ плечами съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія и продолжалъ:

— Страхъ—пошлая вещь, и намъ приходится потерять не больше, какъ свою горемычную жизнь! Пойдемте!

Они вышли изъ гостиницы; старикъ направился къ долинкѣ, чтобы подняться на вершину Гиршберга, и сыновья его пошли за нимъ; когда они добрались до опушки лѣса, Матернъ объявилъ, что надо подняться какъ можно выше, чтобы оглядѣть долину и принести въ бивуакъ достовѣрныя свѣдѣнія; что всѣ рассказы бѣглецовъ ничего не значатъ въ сравненіи съ однимъ взглядомъ на самую мѣстность.

Касперъ и Францъ согласились съ этимъ, и всѣ трое стали подниматься въ гору, которая образуетъ возвышенный выступъ надъ долиною.

Добравшись до вершины, они ясно увидали непріятельскій лагерь, расположенный на разстояніи 3 миль, между Урматомъ и Лютцельгаузомъ; впереди виднѣлись на снѣгу широкія, черныя липы; далѣе обозначались темныя массы, вѣроятно багажъ и артиллерія. Такія же массы бродили около деревень, и, несмотря на отдаленіе, блескъ штыковъ ясно показывалъ, что отрядъ войскъ направляется къ Виши.

Старикъ долго и задумчиво глядѣлъ на эту картину и сказалъ наконецъ:

— У насъ передъ глазами войска въ 30,000 человѣкъ. Они идутъ на насъ, нападутъ завтра или, самое позднее, послѣ завтра. Дѣла съ ними будетъ не мало, ребята. Но если ихъ много, зато наше положеніе выгодно, и къ тому же всегда лестно стрѣлять въ кучу: пули не пропадаютъ даромъ.

Послѣ таковыхъ размышленій, онъ посмотрѣлъ на солнце и прибавилъ:

— Теперь два часа; мы узнали все, чего добивались. Пойдемте же назадъ, въ бивуакъ.

Молодые люди перекинули ружья черезъ плечо, и оставивъ влѣво долину Брокъ, Ширмеъ и Фрамонтъ, поднялись по крутому склону Генгсбаха, надъ которымъ на двѣ мили возвышается малый Дононтъ; они спустились съ другой стороны и пошли по снѣгу цѣликомъ, чтобы совратить дорогу.

Шли они такимъ образомъ часа два; зимнее солнце склонилось

къ горизонту, наступала спокойная, ясная ночь. Имъ оставалось только спуститься и подняться съ другой стороны по уединенному ущелью Риль, которое образуетъ среди лѣса широкую, кругловатую котловину и заключаетъ въ себѣ маленькій, синеватый прудъ, куда нерѣдко сходятся на водопой дикія козы. Вдругъ, когда они совершенно безопасно выходили изъ лѣсной чащи, старикъ остановился за густыми кустами и промолвилъ:—тсъ!

Онъ поднялъ руку и указалъ на маленькое озеро, покрытое тонкимъ, прозрачнымъ льдомъ. Молодые люди бросили бѣглый взглядъ въ ту сторону и увидѣли самое странное зрѣлище: человекъ 20 казаковъ, сухопарыхъ и одѣтыхъ въ лохмотья съ растрепанными, рыжими бородами, въ старыхъ мѣховымъ шапкахъ, похожихъ на печныя трубы, сидѣли, запустивъ ноги въ веревочныя стремяна, на своихъ маленькихъ лошаденкахъ, украшенныхъ точно козы, рыжими, черными и бѣлыми пятнами, съ жидкимъ хвостомъ и гривой, мотавшеюся по груди. Одни были вооружены длинною пиквою, другіе—саблею, третьи—топорикомъ, привѣшаннымъ на веревкѣ къ сѣдлу, и большимъ пистолетомъ, заткнутымъ за поясъ. Многие изъ нихъ, задравши носъ къверху, глядѣли съ восторгомъ на зеленѣющія верхушки сосенъ, возвышавшихся ступенями и терявшихъ въ темной синевѣ ночного неба. Ростлый и сухопарый дѣтина разбивалъ ледъ толстымъ концомъ своего копья, и его маленькая лошаденка пила, вытянувъ шею и свѣсивъ внизъ длинную гриву. Нѣкоторые изъ казаковъ сѣвшились и, разрывая снѣгъ, указывали на лѣсъ который, вѣроятно, казался имъ удобнымъ мѣстомъ стоянки. Товарищи ихъ бесѣдовали между собою, еще сидя на лошадахъ, и указывали на углубленіе долины, которая шла направо и спускалась въ формѣ бреши внизъ, до Гриндельвальда.

Словомъ, это былъ казачій привалъ; трудно описать, какую странную и живописную картину представляли эти люди съ загорѣлыми лицами, съ длинною бородою, черными глазами, высокимъ лбомъ, сплюсненнымъ носомъ, одѣтые въ лохмотья и расположившіеся на берегу озера, подъ отвѣсными скалами и темно-зелеными соснами, терявшимися въ облакахъ.

Эта картина представлялась новымъ міромъ, появившимся среди совершенно чуждой ему обстановки; люди эти казались неизвѣстною, странною дичью, которую озадаченные охотники принятились сначала разсматривать съ большимъ любопытствомъ. Но подивившись на нихъ минутъ съ пять, Касперъ и Францъ надѣли на ружья свои длинные штыки и отступили шаговъ на 20 въ чащу

лѣса. Они дошли до скалы, которая возвышалась футовъ на 15 или на 20; не вооруженный Матернъ взобрался на нее; потомъ, перекинувшись нѣсколькими словами, Касперъ осмотрѣлъ затравку своего ружья и медленно сталъ прицѣливаться, пока братъ его стоялъ наготовѣ.

Одинъ изъ казаковъ, именно тотъ, который повелъ свою лошадь, стоялъ отъ нихъ на разстояніи 200 шаговъ. Раздался выстрѣлъ, въ ущельѣ загрохотало эхо, и казакъ, перевалившись черезъ голову своей лошади, нырнулъ подъ ледъ.

Невозможно описать оцѣненіе, которое овладѣло всѣмъ отрядомъ при этомъ выстрѣлѣ. Казаки оглядывались во всѣ стороны, а эхо все еще не смолкало, будто произошла цѣлая перестрѣлка, и широкій клубъ дыма взвивался надъ деревьями, за которыми притаились охотники.

Не прошло и четверти минуты, какъ Касперъ снова зарядилъ ружье; но въ это время казаки успѣли вскочить на лошадей и уже неслись длинною веревницей, какъ лоси, по склону Гарца, оглашая воздухъ своимъ дикимъ гикашемъ.

Весь отрядъ исчезъ, какъ видѣнье когда Касперъ поднималъ ружье во второй разъ, хвостъ послѣдней лошади едва мелькалъ въ чащѣ лѣса.

Только лошадь убитаго казака одна осталась надъ прорубью; она не тронулась съ мѣста и, повѣсивъ голову, смотрѣла на своего хозяина, до половины утонувшаго въ тинѣ.

Матернъ прислушивался, стоя на скалѣ; потомъ онъ весело сказалъ:

— Ускакали! ну... посмотримъ.... побудь здѣсь, Французъ.... на случай, если ктонибудь изъ нихъ вернется....

Не смотря на это наставленіе, всѣ трое сошли къ лошади; Матернъ тотчасъ схватилъ за узду и проговорилъ:

— Эй ты, старина, мы тебя обучимъ по французски.

— Пойдемте скорѣй, вскричалъ Касперъ.

— Нѣтъ, надо посмотрѣть подстрѣленную нами дичь; это потѣшитъ нашихъ: собака никогда не бываетъ чутка къ дичи, пока не понюхаетъ шкуру убитаго звѣря.

Они вытащили изъ тины казака и, положивъ его поперекъ сѣдла, стали взбираться на Дононь по такой крутой тропинкѣ, что Матернъ безпрестанно повторялъ:—Лошадь здѣсь не пройдетъ!

Но благодаря своему длинному, козьему хребту, лошадь шла легче ихъ, и старый охотникъ объявилъ наконецъ:

— Славныя лошади у этихъ головорѣзовъ. Когда я совсѣмъ по-старѣю, такъ стану ѣздить за козами на этой лошадеѣ. Чудная у насъ лошадь, ребята; она хоть и глядитъ коровой, а затѣнетъ за поясъ любую извоищичью лошадь.

По временамъ онъ высказывалъ свои размышленія и о казакѣ:

— Что за смѣшная рожа! Носъ луковницей, лобъ точно сыръ. Ужъ правда, что на свѣтѣ всякій народъ водится! Ловко ты въ него попалъ, Касперъ: прямо въ грудь, на вылетъ, смотри-ка, пуля вышла черезъ спину. Славный порохъ! Дивесъ всегда держитъ отличный товаръ!

Было около шести часовъ, когда они въ первый разъ услышали окликъ своего часового:

— Кто идетъ?

— Франція! отвѣчалъ Матернъ.

Всѣ бросились къ нему на встрѣчу:—Вотъ и Матернъ!

Самъ Гулленъ, поддавшись общему любопытству, поспѣшилъ подбѣжать вмѣстѣ съ докторомъ Лоркеномъ. Партизаны уже толпились вокругъ лошади, и, стоя возлѣ большого костра, на которомъ варился ужинъ, оглядывали ее, вытянувъ шею и разинувъ ротъ

— Это казакъ? сказалъ Гулленъ, пожимая руку Матерна.

— Да, Жанъ-Клодъ, мы его застрѣлили на Рильскомъ пруду; стрѣлялъ Касперъ.

Трупъ положили возлѣ огня; мерцающій свѣтъ пламени бросалъ странный отблескъ на его темно-желтое лицо.

Докторъ Лоркенъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Это славный экземпляръ татарскаго племени; еслибъ у меня было свободное время, я бы сварилъ его въ известковой ваннѣ, чтобы приобрѣсти скелетъ этой расы.

Потомъ онъ сталъ на колѣни и распахнулъ его длинную куртку.

— Пуля, сказалъ онъ, прошла сквозь сердечную оболочку, что производитъ почти такое же дѣйствіе, какъ аневризъмъ.

Присутствующіе молчали.

Касперъ, опершись на дуло своего ружья, былъ повидному очень доволенъ своей побѣдой, а Матернъ говорилъ, потирая руки:

— Я былъ увѣренъ, что принесу вамъ что нибудь; я и мои ребята, мы никогда не возвращаемся съ пустыми руками. Вотъ вамъ доказательство.

Гулленъ отвелъ его всторону и они вмѣстѣ пошли на ферму, а всѣ остальные начали выражать свои личныя размышленія насчетъ казака, когда прошла первая минута удивленія.

VIII.

Въ эту ночь, т. е. въ ночь съ пятницы на субботу, маленькая ферма анабаптиста была наполнена приходившимъ и уходившимъ народомъ.

Гулленъ устроилъ свою главную квартиру въ большой залѣ пняго этажа, направо отъ риги, которая стояла противъ Фрамона; по ту сторону аллеи находилась походная больница; наверху жила прислуга.

Ночь была тихая и звѣздная, но холодъ былъ такъ силенъ, что стекла подернулись ледяной корой въ палецъ толщины.

На дворѣ слышался окликъ часовыхъ, обходъ карауловъ, а на окрестныхъ вершинахъ раздавался вой волковъ, которые съ 1812 г. цѣлыми стаями бродили за нашими войсками. Сидя на льду и уткнувъ свои острия морды между лапами, эти хищныя животныя, томимыя голодомъ, перекликались съ Гроссманна и Донона такими жалобными голосами, какъ вой осенняго вѣтра.

Горцы блѣднѣли, слушая этотъ вой:—это смерть поетъ, думали они; она чувствуетъ кровь, она зоветъ насъ!

Быки ревѣли въ своихъ хлѣвахъ, а лошади страшно бились въ стойлахъ.

На площадкѣ мелькали огоньки; дровяной сарай анабаптиста былъ опустошенъ, въ огонь бросали полѣно за полѣномъ; грѣли себѣ лицо, а въ это время спина мерзла; отогрѣвали спину, а на усахъ появлялись ледяныя сосульки.

Сидя у большого соснового стола, Гулленъ одинъ думалъ обо всемъ. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, собраннымъ въ этотъ вечеръ о прибытіи казаковъ въ Фрамонъ, онъ былъ убѣжденъ, что ихъ первое нападеніе произойдетъ на другой день. Онъ велѣлъ раздать патроны, удвоилъ караулъ, назначилъ патрулей и распредѣлилъ всѣ посты вдоль просѣкъ. Всякій зналъ заранее свое мѣсто. Гулленъ послалъ приказъ Піоретту, Жерому изъ Сень-Квирина и Лабарбу выслать ему своихъ лучшихъ стрѣлковъ.

Маленькая, темная аллея, заваленная снѣгомъ, была освѣщена тусклымъ фонаремъ, и подъ неподвижнымъ огнемъ его ежеминутно проходили начальники засады, съ обледѣвшею бородою и мрачными взорами, въ пуховой шляпѣ, надвинутой до самыхъ ушей, и плотно закутанные въ теплые плащи.

Плутонъ уже пересталъ ворчать, когда раздавались тяжелые

шаги этихъ людей. Опершись локтями на столъ и подпирая голову руками, Гулленъ задумчиво выслушивалъ всё донесенія.

— Господинъ Жанъ-Клодъ, что-то подвигается на насъ отъ Гранфонтена; слышится топоть.

— Господинъ Жанъ-Клодъ, водка замерзла.

— Господинъ Жанъ-Клодъ, пороку не достало кое кому.

— Дайте того... дайте другого.

— Наблюдайте за Гранфонтеномъ; смѣнять тотъ караулъ каждые полчаса... Подвинуть водку къ огню... Вотъ прїѣдетъ Дивесъ— онъ привезетъ намъ все нужное.

— Раздать остальные патроны; пусть тѣ, у кого больше 20, подѣлятся съ товарищами.

И такъ прошла вся ночь.

Около пяти часовъ, Касперъ, сынъ Матерна, пришелъ сказать Гуллину, что въ одно время прибыли Маркъ Дивесъ съ запасомъ патроновъ, Катерина Лефевръ въ телѣгѣ и отрядъ Лабарда, и что всё они уже на площадѣ.

Это извѣстїе чрезвычайно обрадовало его; особенно прїятно было полученіе патроновъ, потому что онъ боялся, что ихъ привезутъ слишкомъ поздно.

Онъ всталъ и вышелъ съ Касперомъ.

Площадка представляла стройное зрѣлище.

Свѣтало; массы тумана поднимались изъ долины, огоньки мерцали отъ сырости и кругомъ виднѣлись спящіе люди: одинъ лежалъ на спинѣ, закинувъ руки за голову, съ краснымъ лицомъ и поджатыми ногами; другой прилегъ лицомъ къ рукѣ и протянулъ ноги къ огню; но большею частію спали, сидя, свѣсивъ голову на грудь и закинувъ ружье за спину. Все это было безмолвно и залито лучами пурпурнаго или сѣрватаго свѣта, который измѣнялся, смотря потому, опускался или поднимался огонь. А тамъ, вдали, обрисовывалась фигура часового, который, опираясь на ружье, смотрѣлъ въ бездну, гдѣ носились облака.

Направо, въ 50 шагахъ отъ послѣдняго костра, слышалось ржаніе лошадей и топанье людей, которые громко разговаривали и старались согрѣться.

— Господинъ Жанъ-Клодъ идетъ, сказалъ Касперъ, подходя туда.

Одинъ изъ партизановъ бросилъ въ огонь вѣсколку сухихъ вѣтвей; пламя на минуту вспыхнуло и освѣтило 12 верховыхъ людей Марка Дивеса; это были рослые ребята, закутанные въ длинныя сѣрые плащи, съ нахлобученными пуховыми шапками, съ длинными усами, закрученными кверху или падавшими внизъ до са-

мой груди; они неподвижно стояли вокругъ телѣжки съ саблями въ рукахъ; нѣсколько поодаль сидѣла Катерина Лефевръ въ своей телѣгѣ; капюшонъ спустился у нея на лицо, ноги ея были зарыты въ соломѣ, а за спиной стояла большая бочка; въ телѣгѣ лежали вострюля, сковорода, только-что убитая и выпотрошенная свинья, нѣсколько пучковъ луку и кочни капусты для супа; все это на минуту освѣтилось яркимъ пламенемъ и опять погрузилось въ темноту.

Дивесь отдѣлился отъ группы и подѣхалъ къ Гуллину на своей большой лошади.

— Это ты, Жанъ-Клодъ?

— Да, Маркъ.

— Вотъ тебѣ нѣсколько тысячъ патроновъ. Гексъ-Безель работаетъ день и ночь.

— Хорошо, хорошо!

— Да, дружище, а Катерина Лефевръ привезла провизію; она вчера была скотину.

— Хорошо, Маркъ: все это намъ пригодится. Дѣло идетъ къ развязкѣ.

— Да, да, этого надо ожидать, мы проскакали во весь опоръ. Куда положить порохъ?

— Туда, подъ навѣсъ, за ферму. А, это вы, Катерина?

— Разумѣется, Жанъ-Клодъ; нынче утромъ порядочный холодъ.

— Такъ вы всегда будете такая же, вы ничего не боятесь?

— Ну, какая же я была бы женщина, еслибъ во мнѣ не было любопытства? Мнѣ всюду надо сунуть свой носъ.

— Да, вы всегда съумѣете перетолковать все хорошее, что вы дѣлаете.

— Вы заболтались, Гуллинь; оставьте меня въ покоѣ съ вашими любезностями. Развѣ этимъ людямъ не надо ѣсть? Развѣ они могутъ питаться воздухомъ? Да къ тому же божій воздухъ и не питателенъ въ такой холодъ: такъ и болеть, такъ и рѣзать, точно голыми! Вотъ я и приняла свои мѣры; вчера мы били быка— знаете этого бѣднаго *шварца*, — тяжелъ онъ былъ; вотъ я и привезла заднюю часть на супъ для нынѣшняго обѣда.

— Катерина, вскричалъ умиленный Жанъ-Клодъ, кажется, я васъ довольно знаю, а все-таки не надивлюсь на васъ. Все вамъ нипочемъ: и деньги, и заботы, и труды.

— Ну довольно, отвѣчала старая фермерша, вставая и высказывая изъ своей телѣги, вы мнѣ надоѣли, Гуллинь. Я пойду погрѣюсь.

Она передала возжи Дюбуру, потомъ повернулась и сказала:

— Все равно, Жанъ-Клодъ, на эти огни весело смотрѣть! Но гдѣ же Луиза?

— Луиза всю ночь кроила и шила бинты съ обѣими дочерьми Пельсли. Она въ лазаретѣ, вонъ тамъ, гдѣ свѣтится огонекъ.

— Бѣдное дитя, сказала Катерина, я пойду помогать ей; это меня согрѣетъ.

Гулленъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и покачалъ головою, будто хотѣлъ сказать:— вотъ такъ женщина!

Въ это время Маркъ Дивесъ и его люди переносили порохъ въ сарай; Жанъ-Клодъ подошелъ къ ближайшему костру, и каково же было его удивленіе, когда онъ увидалъ въ толпѣ партизановъ юродиваго Игофа, который, съ своею короною на головѣ, важно возсѣдалъ на камнѣ, протянувъ ноги къ огню и драпируясь въ свои лохмотья, какъ въ царскую мантию.

Странно было видѣть эту фигуру, освѣщенную пламенемъ костра; Игофъ одинъ только казался не соннымъ; его дѣйствительно можно было принять за какого нибудь короля — варвара, вернувшася къ своей спящей дружинѣ.

Но Гулленъ увидалъ въ немъ не болѣе, какъ юродиваго, и сказалъ насмѣшливымъ тономъ, осторожно положивъ ему руку на плечо:

— Здравствуй, Игофъ! Ты вѣрно хочешь предложить намъ помощь своей непобѣдимой руки и своихъ несмѣтныхъ полчищъ?

Юродивый отвѣчалъ, нимало не удивляясь:

— Это зависитъ отъ тебя, Гулленъ; въ твоихъ рукахъ находится и твоя участь, и участь всѣхъ этихъ людей. Я остановилъ свой гнѣвъ и предоставляю тебѣ произнести приговоръ...

— Какой приговоръ? спросилъ Гулленъ.

Игофъ продолжалъ, не отвѣчая, тихимъ и торжественнымъ голосомъ:

— Вотъ мы опять оба вмѣстѣ; какъ 1600 лѣтъ тому назадъ, ждемъ кровопролитной битвы. Въ то время я, начальникъ столькихъ народовъ, пришелъ въ твой кланъ просить у тебя пропуска....

— 1600 лѣтъ назадъ! сказалъ Гулленъ; какіе же мы съ тобою старики, Игофъ! Ну, да это все равно, у всякаго своя фантазія...

— Да, продолжалъ юродивый, но благодаря твоему обычному упрямству, ты ничего и слышать не хотѣлъ: на Блютфельдѣ пало много мертвыхъ, и эти трупы взываютъ о мщеніи!

— А! Блютфельдъ, сказала Жанъ-Клодъ, да, да, это старая исторія; я, кажется, слышалъ объ ней.

Игофъ покраснѣлъ; глаза его сверкнули:

— Ты гордишься своею побѣдой, вскричалъ онъ; но берегись, берегись: кровь требуетъ крови!—Послушай, прибавилъ онъ, смягчившись, я не имѣю зла на тебя: ты храбръ, твое племя можетъ слиться съ моимъ. Я желаю союза съ тобою, ты это знаешь....

«Онъ опять за Луизу принимается», подумалъ Гуленъ.

— Игофъ, сказалъ онъ, предвидя формальное предложеніе, мнѣ очень досадно, но я долженъ уйти отъ тебя; у меня столько хлопотъ и заботъ.....

Юродивый не дождался конца этого прощанія и, всфочивъ съ негодующимъ видомъ, вскричалъ, торжественно поднимая руку:

— Ты не отдаешь мнѣ свою дочь!

— Мы потомъ поговоримъ объ этомъ.

— Ты мнѣ отказываешь!

— Ты, Игофъ, всѣхъ перебудитъ своимъ крикомъ....

— Ты мнѣ отказываешь!... И это въ третій разъ!... Берегись! Берегись!...

Гуленъ понялъ, что вразумить его нѣтъ никакой возможности, и поспѣшно ушелъ отъ него; но юродивый пришелъ въ бѣшенство и кричалъ ему вслѣдъ странныя слова:

— Гульдриксъ, горе тебѣ! Твоя послѣдняя часть настала; волки будутъ раздирать твое тѣло. Все кончено; я пускаю на волю бурю моего гнѣва; для тебя и для всѣхъ твоихъ не будетъ ни помилованія, ни пощады, ни сожалѣнія. Ты этого хотѣлъ!

И несчастный быстро удалился къ вершинѣ Донона, набросивъ на плечо полу своего рубища.

Проснувшись отъ его криковъ, нѣкоторые изъ партизановъ посмотрѣли ему вслѣдъ полу-сонными глазами. Имъ послышался шумъ крыльевъ у костра; потомъ все стало смутно, какъ во снѣ; они отвернулись и заснули.

Съ часъ спустя, рогъ Лагармита далъ знать, что пора вѣтавать. Черезъ нѣсколько секундъ всѣ были на ногахъ.

Начальники засады собирали своихъ людей; одни отправлялись въ сарай, гдѣ раздавали патроны; другіе наливали изъ боченка водку въ свои флажки: все это дѣлалось чинно, начальники стояли во главѣ отрядовъ; потомъ каждый отрядъ исчезалъ въ утреннемъ туманѣ, въ просѣкахъ, на скатъ горы.

Когда солнце взошло, площадка была пуста; осталось только пять или шесть еще дымящихся костровъ, по которымъ только и можно было догадаться, что партизаны ночевали на этомъ мѣстѣ и что они занимали всѣ пункты на горѣ.

Въ это время Гуленъ наскоро закусывалъ и пилъ водку съ своими пріятелями докторомъ Лоркеномъ и анабаптистомъ Пельсли.

Лагармитъ былъ съ ними, потому что онъ на цѣлый день былъ прикомандированъ къ Гулену и, въ случаѣ необходимости, долженъ былъ передавать его приказанія.

XIV.

Было семь часовъ, а въ долинь еще ничто не шевелилось.

Время отъ времени докторъ Лоркенъ отворялъ одно изъ оконъ большой залы и смотрѣлъ вдаль: все было неподвижно, огни погасли, все оставалось спокойно.

Противъ фермы, шагахъ во ста, на откосѣ, лежалъ казакъ, убитый наканунѣ Касперомъ; онъ весь побѣлѣлъ отъ мороза и былъ твердъ, какъ голышъ.

Въ домѣ затопили большую печь.

Сидя возлѣ отца, Луиза смотрѣла на него съ невыразимою кротошью; казалось, что она боялась разстаться съ нимъ навсегда; глаза ея были красны отъ слезъ.

Гуленъ былъ взволнованъ, но оставался непреклоннымъ.

Докторъ и анабаптистъ важно и торжественно бесѣдовали о текущихъ дѣлахъ, а Лагармитъ, стоя за печкой, слушалъ ихъ съ почтительнымъ видомъ.

— Мы не только имѣемъ право, на насъ даже лежитъ обязанность защищаться, говорилъ докторъ; наши отцы вырубали эти лѣса, они обработали эти земли: это наше законное достояніе.

— Конечно, отвѣчала анабаптистъ торжественнымъ тономъ, но въ писаніи сказано: не убей! Не проливай кровь своихъ братьевъ!

Катерина Лефевръ, занимавшая въ эту минуту ломтикомъ ветчины, вышла изъ себя отъ этого разговора и отвѣчала, быстро повернувшись:

— Вотъ и выходитъ, что будь у насъ ваша религія, мы бы подставили шею этимъ нѣмцамъ, русскимъ и всѣмъ этимъ бѣлобрысымъ варварамъ. Славная ваша религія, да, славная, а ужъ какъ она на руку всѣмъ разбойникамъ! Она даетъ имъ легкій способъ грабить честныхъ людей. Союзники были бы рады, еслибъ у насъ была такая религія, я въ этомъ увѣрена! Къ несчастью не всякому по вкусу быть бараномъ. Я нисколько не хочу оскорбить васъ, Пельсли, но нахожу, что немножко глупо жирѣть для другихъ. Но

вы все-таки честный народъ, на васъ сердиться нельзя; вы росли съ такими мыслями изъ поколѣнія въ поколѣніе; яблочко отъ яблони не далеко падаетъ. Но мы будемъ защищать васъ хотя бы противъ вашей воли, а потомъ станемъ слушать ваши проповѣди о вѣчномъ мирѣ. Я очень люблю слушать толки о мирѣ, когда мнѣ нечего больше дѣлать, и когда я хорошо пообѣдала: это меня потѣшаетъ тогда.

Кончивъ свою рѣчь, она снова повернулась къ столу и спокойно доѣла ветчину.

Пельсли сидѣлъ, розиня ротъ, а Лоркенъ никакъ не могъ сдерживать улыбку.

Въ эту минуту дверь отворилась и одинъ изъ часовыхъ, оставшіяся на площадкѣ для наблюденій, закричалъ:

— Господинъ Жанъ-Клодъ, подите, посмотрите: они, кажется, собираются двинуться сюда.

— Хорошо, Симонъ, иду, сказала Гуленъ, вставая. Луиза, поцалуй меня; будь умница, дитя мое, не бойся, все пойдетъ хорошо.

Онъ прижалъ ее къ груди, а на глазахъ у него навернулись слезы. Луиза была ни жива, ни мертва.

— А главное, сказала Гуленъ, обращаясь къ Катеринѣ, чтобъ никто не выходилъ, чтобъ никто не подходилъ къ окнамъ!

И онъ выбѣжалъ въ аллею.

Всѣ присутствующіе поблѣднѣли.

Когда Жанъ-Клодъ подошелъ къ краю террасы и глянулъ съ высоты 300 метровъ внизъ на Гранфонтенъ и Фрамонтъ, онъ увидѣлъ слѣдующее:

Нѣмцы, прибывшіе наканунѣ вечеромъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ казаковъ, переночевавши, въ числѣ 5 или 6,000, въ ригахъ, конюшняхъ, хлѣвахъ, сутились теперь, точно муравьи въ муравейникѣ. Они выходили изъ всѣхъ дверей вереницами въ 10, 15, 20 человекъ и спѣшили затануть свои ранцы, пристегнуть сабли и надѣть штыки.

Другіе,—кавалеристы, уланы, казаки, гусары, въ своихъ зеленыхъ, сѣрыхъ, синихъ мундирахъ съ красными и желтыми выпушками, въ клеенчатыхъ и мѣховыхъ шанкахъ и въ простыхъ картузахъ, сбѣдали своихъ лошадей и поспѣшно свертывали свои длинные сюртуки.

Офицеры, перекинувъ шинели черезъ плечо, спускались съ маленькихъ крылечекъ; одни оглядывали окрестность, другіе обнимали женщинъ, выславшихъ на пороги своихъ домовъ.

Подпершись рукою въ бокъ и поднимъ локоть кверху, тру-

бачи подавали сигнал на всѣхъ перекресткахъ; барабанщики подтягивали свои барабаны. Словомъ, на этомъ крошечномъ пространствѣ, величиною въ ладонь, можно было наблюдать всѣ военныя позы въ минуту выступленія въ походъ.

На эту картину смотрѣло нѣсколько крестьянъ, высунувшихся изъ оконъ; въ слуховыхъ окнахъ чердаковъ мелькали женскія головы; трактирщики наливали вино въ фляжки, и рядомъ съ ними стоялъ капралъ schlague.

Гулленъ окинулъ мѣстность зоркимъ взглядомъ, отъ котораго ничто не укрылось; къ тому же такія вещи были ему знакомы издавна; но Лагармитъ, никогда не выдавшій ничего подобнаго, былъ ошеломленъ: — Ихъ тьма тьмуца, говорилъ онъ, качая головою.

— Ну, такъ чтожь? сказалъ Гулленъ. Въ мое время мы въ шесть мѣсяцевъ истребили три пятидесяти-тысячныя арміи того же сброда, а на cadaго изъ насъ приходилось больше четырехъ чело-вѣкъ. Все, что ты видишь тамъ, было бы для насъ не болѣе, какъ простымъ завтракомъ. Кромѣ того, успокойся, намъ не придется убивать всѣхъ ихъ; они разбѣгутся что твои зайцы. Видаль я ихъ!

Послѣ этихъ размысленій онъ захотѣлъ еще разъ осмотрѣть своихъ.

— Пойдемъ, сказалъ онъ пастуху.

Оба отправились къ просѣкамъ и пошли вдоль траншеи, вырытой въ снѣгу, за два дня тому назадъ. Рыхлый снѣгъ отвердѣлъ отъ мороза и превратился въ ледъ. Повалившіяся напередъ деревья, покрытыя инеемъ, составляли непроходимыя завалы. Прорытая дорога шла внизъ.

Подоседаши, Жанъ-Клодъ увидалъ Дагсбургскихъ горцевъ, которые, сидя на корточкахъ, притаились въ круглыхъ ямахъ, вырытыхъ на разстояніи 20 шаговъ одна отъ другой.

Всѣ эти молодцы сидѣли на своихъ сумкахъ, сдвинувъ на затылокъ пуховыя или лисьи шапки, положивъ фляжки по правую руку, и приложивъ ружье къ колѣну. Имъ стоило только встать, чтобы увидеть дорогу, которая шла на 50 шаговъ подъ ними, подъ очень крутымъ и скользкимъ скатомъ.

Приходъ Гуллена обрадовалъ ихъ.

— Ну, господишъ Жанъ-Клодъ, скоро ли начнутъ?

— Да, ребята, не случайте. Не пройдетъ и часа, какъ дѣло закипитъ.

— Тѣмъ лучше!

— Да, но главное—цѣльте хорошенько, прямо въ грудь, не торопитесь и не выставляйтесь больше, чѣмъ нужно.

— Будьте покойны, господинъ Жанъ-Клодь.

Онъ шелъ дальше; вездѣ его встрѣчали точно также.

— Не забудьте, что надо перестать стрѣлять, когда Лагармить подастъ сигналъ, говорилъ онъ; не надо понапрасну тратить пули.

Онъ подошелъ къ старику Матерну, у котораго было подъ начальствомъ человекъ 250; старый охотникъ закуривалъ трубку; носъ у него рдѣлся, какъ раскаленный уголь; борода, съ мороза, торчала въ разныя стороны, какъ кабанья щетина.

— А, это ты Жанъ-Клодь.

— Да, пришелъ позать тебѣ руку.

— Хорошо. Но чтожь это они такъ мѣшкаютъ? Не возьмутъ ли они другое направленіе?

— Не бойся; имъ нужна дорога для артиллеріи и багажа. Смотри-ка, они ужь садятся на лошадей.

— Да, я ужь видѣлъ; они готовятся.—Онъ тихонько засмѣялся и сказалъ:

— Кабы ты зналъ, Жанъ-Клодь, какую я видѣлъ смѣшную штуку, сейчасъ, когда смотрѣлъ въ ту сторону, къ Гранфонтену!

— Что же такое, дружище?

— Четверо нѣмцевъ схватили въ охапку толстыка Дюбреля, друга союзниковъ, ввалили его на каменную скамью противъ его дома и какой-то длинный, поджарый молодецъ всыпалъ ему, не знаю сколько, плетей. Хе, хе, хе! вотъ кричалъ-то, я думаю, старый негодяй! Онъ навѣрное въ чемъ нибудь отказалъ своимъ любезнымъ друзьямъ; вѣрно, не далъ имъ отвѣдать своего вина, которое берется у него съ одинадцатаго года.

Гулленъ уже не слушалъ, потому что, бросивъ случайно взглядъ на долину, онъ увидалъ полкъ пѣхоты, который подвигался по дорогѣ. Далѣе, въ проходѣ, ѣхала кавалерія и пять или шесть офицеровъ скакали вперед.

— Ага! вотъ они! вскричалъ старый солдатъ, и на лицѣ его вдругъ выразились энергія и страшный энтузіазмъ. Рѣшились-таки наконецъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ побѣжалъ къ траншеи и крикнулъ:—Смотрите, ребята!

Проходя, онъ увидалъ Риффи, маленькаго Шармскаго портного, который стоялъ, опершись на длинное ружье; карликъ вырылъ себѣ въ снѣгу ступеньку, чтобъ удобнѣе было прицѣливаться. Далѣе онъ узнавалъ стараго дровосѣка Рошара, обутого въ толстые кожа-

ные сапоги, отороченные бараньимъ мѣхомъ; онъ выпилъ глотокъ водки изъ своей фляжки и медленно выпрямился, держа ружье подъ мышкой и сдвинувъ на ухо свою шапку.

Только онъ и видѣлъ; чтобы обозрѣть все поле дѣйствія, ему надо было взобраться на вершину Донона, гдѣ находилась скала.

Лагармитъ шелъ за нимъ, шагая своими длинными ногами, какъ ходулями. Черезъ 10 минутъ, когда они, запыхавшись, добрались до вершины скалы, они увидали на 1,500 метровъ подъ собою неприятельскій отрядъ въ 3,000 человекъ; замелькали бѣлые, длинные мундиры, мѣховыя шапки, холщевые штіблеты, высокіе кивера, рыжіе усы; молодые офицеры въ плоскихъ картузикахъ, съ саблями наголо, рисовались на коняхъ передъ своими ротами и повертывались назадъ, чтобы прокричать пискливымъ голосомъ: «Впередъ, впередъ!»

Надъ всѣмъ этимъ сверкали штыки, и колонна бѣглымъ шагомъ подступала къ засѣкамъ.

И старикъ Матернъ тоже наблюдалъ за приближеніемъ нѣмцевъ, вздернувъ брови и высунувъ свой ястребиный носъ изъ-за кустовъ боярышника. Глаза у него были зоркіе; онъ даже могъ разглядѣть лица въ этой толпѣ, и уже выбиралъ себѣ жертву.

Посреди колонны ѣхалъ, вытянувшись въ струнку, на большой вороной лошади, старый офицеръ въ сѣдомъ парикѣ, въ трехугольной шляпѣ, вышитой галунами, опоясанный желтымъ шарфомъ и увѣщенный орденами. На его шляпѣ развѣвался черный султанъ, который падалъ ему на лобъ, когда онъ поднималъ голову. Лицо его было изрыто глубокими морщинами и видъ у него былъ суровый.

— Онъ отъ меня не уйдетъ, подумалъ охотникъ, и сталъ медленно прицѣливаться.

Раздался выстрѣлъ, и когда Матернъ взглянулъ внизъ, старый офицеръ исчезъ.

Тотчасъ же по всей горѣ, изъ всѣхъ засадъ послышались выстрѣлы; но нѣмцы не отвѣчали и продолжали подступать къ просѣкамъ, держа ружья на перевѣсъ и подвигаясь стройными рядами, какъ на парадѣ.

Сказать по правдѣ, не одинъ честный горецъ, отецъ семейства, глядя на этотъ лѣсъ штыковъ, подумалъ, что было бы лучше, елибъ онъ остался въ деревнѣ и не совался бы въ такое дѣло. Но, какъ говорить пословица: взявшись за гужъ, не говори — не дюжъ.

Маленькій портной, Риффи, вспомнилъ разумныя слова своей жены:—Риффи, тебя искалечутъ, и подѣломъ тебѣ будетъ!

Онъ поклялся сдѣлать богатое приношеніе Сенъ-Леонской церкви, если вернется домой живъ и здоровъ, но въ тоже время далъ обѣщаніе употреблять какъ слѣдуетъ свое длинное ружье.

Въ 200 шагахъ отъ просѣкъ, нѣмцы остановились и открыли такую пальбу, которой никогда не слыхивали въ горахъ: пули жужжали, какъ пчелы, летѣли сотнями, разщепляя вѣтки, раскалывая куски льда, сплюсциваясь о скалы, направо, налево, спереди, сзади. Онѣ страшно свистѣли и отскакивали вкось, не переставая сыпаться непрерывнымъ дождемъ.

Ополченцы, съ своей стороны, тоже не унимались, но ихъ стрѣльбы не было слышно. Всю гору заволокло синеватымъ дымомъ, который мѣшалъ цѣлить.

Не прошло и десяти минутъ, какъ раздался барабанный бой и вся эта сплошная масса людей пустилась бѣжать къ просѣкамъ, подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ, которые кричали: «впередъ!»

Земля дрогнула.

Матернъ выпрямился во весь ростъ на краю траншеи, лицо его подергивалось, голосъ былъ страшенъ; онъ воскликнулъ:—Вставайте, вставайте, ребята!

Онъ подалъ сигналъ какъ разъ во-время; порядочное количество нѣмцевъ, — по большей части студентовъ медицинскаго, юридическаго, философскаго факультетовъ, изукрашенныхъ рубцами, приобрѣтенными въ мюнхенскихъ, вѣнскихъ и другихъ пивныхъ заведеніяхъ, и дравшихся съ нами, потому что имъ обѣщали даровать свободу послѣ паденія Наполеона, — порядочное количество этихъ неустрашимыхъ молодцовъ лѣзло, цѣпляясь руками и ногами за ледяную стѣну и пыталось взобраться на окопы.

Но пока они лѣзли, ихъ били прикладами и они, какъ булыжники, падали назадъ въ свои ряды.

Старый дровосѣкъ Рошаръ отличился при этомъ примѣрнымъ мужествомъ. Онъ одинъ свалилъ человѣкъ десять; онъ хваталъ ихъ въ охапку и бросалъ внизъ, на дорогу. У старика Матерна штыкъ сталъ липкій отъ крови; маленькій Риффи то и дѣло заряжалъ свое большое ружье и съ энтузіазмомъ стрѣлялъ въ кучу; Иосифъ Ларнеттъ, которому, къ несчастью, вышибли глазъ, Гансъ Баумгартенъ, которому раздробили плечо, Даниель Шпицъ, которому отрубили саблею два пальца, и множество другихъ, которыхъ имена

должны бы были перейти въ память потомства, не переставали ни на минуту стрѣлять и снова заряжать свои ружья.

Подъ горою слышались страшные крики, и стоило только взглянуть внизъ, чтобы увидать блестящіе штыки и множество кавалеріи.

Дѣло продолжалось съ четверть часа. Никто не зналъ, чего нѣмцы добивались, потому что прохода не было. Но вдругъ они рѣшились отступить. Почти всѣ студенты пали, а остальные, старые, заслуженные ветераны, привыкшіе отступать съ достоинствомъ, уже не лѣзли въ драку съ прежнею запальчивостью.

Они начали отступать, сначала медленно, потомъ скорѣе и скорѣе. Офицеры, шедшіе позади, били ихъ саблями плашмя, а изъ засадъ провожали ихъ выстрѣлами, и наконецъ они бросились бѣжать опрометью.

Стоя на откосѣ съ пятидесятью стрѣлками, Матернъ отъ души хохоталъ, потрясая своимъ ружьемъ.

Подъ горою разбрасывалось по землѣ множество убитыхъ. Взрытый снѣгъ былъ окрашенъ кровью. Подъ грудями труповъ лежало двое офицеровъ; они еще были живы, но задыхались, придавленные своими убитыми лошадьми.

Картина была ужасная! Но люди, дѣйствительно, точно звѣри: не нашлось между горцами ни одного человѣка, который пожалѣлъ бы этихъ несчастныхъ; напротивъ того, глядя на нихъ, они ослаблялись отъ удовольствія.

Въ эту минуту, поддавшись благородному энтузіазму, маленькій Риффи спустился внизъ по откосу. Нѣсколько налѣво, подъ просѣками, онъ увидалъ превосходную лошадь, принадлежавшую полковнику, убитому Матерномъ; она стояла всторонѣ и осталась цѣла и невредима.

— Это моя добыча, подумалъ онъ; вотъ жена-то удивится!

Всѣ другіе позавидовали ему. Онъ схватился за узду и вскочилъ на лошадь. Но каково же было всеобщее изумленіе, а главное, какъ пораженъ былъ самъ Риффи, когда благородное животное во весь опоръ помчало его вслѣдъ за нѣмцами.

Маленькій портной поднималъ руки къ небу и вопилъ ко всѣмъ святымъ.

Матернъ хотѣлъ выстрѣлить, но не посмѣлъ: лошадь скакала слишкомъ быстро.

Вѣхавши въ ряды непріятельскихъ штыковъ, Риффи исчезъ.

Всѣ подумали, что его изрубили; только черезъ часъ спустя, его товарищи увидали, какъ его провели по большой Гранфонтенской

улицѣ съ связанными за спиною руками; за нимъ, размахивая хлыстомъ, шолъ капраль schlague.

Бѣдный Риффи! онъ одинъ не наслаждался торжествомъ побѣды; а его товарищи, подъ-конецъ, стали трунить надъ его горькою участію, будто дѣло шло о врагѣ.

Таковъ ужъ характеръ людей: лишь бы они сами были довольны, а до чужого горя имъ нѣтъ никакого дѣла.

XV.

Ополченцы были внѣ себя отъ восторга; они ликовали, поздравляли другъ друга, и считали себя выше всѣхъ возможныхъ героевъ.

Катерина, Луиза, докторъ Лоркенъ, всѣ высыпали изъ фермы и съ радостными криками осматривали слѣды пуль и почернѣвшій отъ пороха скатъ скалы; они увидали Юсифа Ларнетта, лежавшаго въ своей ямѣ съ прострѣленною головою, Баумгартена, который шелъ въ лазаретъ съ своею разможенной рукою и былъ блѣдень, какъ полотно, Даниеля Шпица, который хотѣлъ продолжать драться, несмотря на свою рану; но докторъ Лоркенъ былъ глухъ на это ухо и заставилъ его вернуться на ферму.

Луиза привезла маленькую телѣжку и разливала водку, а Катерина Лефевръ, стоя у самого ската, смотрѣла на мертвыхъ и раненыхъ, валявшихся на дорогѣ среди цѣлыхъ болотъ крови. Были тамъ и молодые люди, и старики съ бѣлыми, какъ воскъ, лицами, съ вытаращенными глазами, съ вытянутыми руками. Раненые старались приподняться, но тотчасъ же падали на землю; другіе глядѣли вверхъ, точно боялись, что на нихъ снова посыпятся выстрѣлы. Они ползли вдоль по горѣ, чтобы укрыться отъ пуль.

Многіе, казалось, уже примирились съ смертію и искали только мѣста, чтобы испустить послѣдній вздохъ, или смотрѣли вдаль на поляхъ, удалявшійся по дорогѣ къ Фрамону; съ этимъ полкомъ они выступили изъ своей деревни, съ нимъ они предпринимали далекіе походы, а теперь онъ покидалъ ихъ! — «Онъ вернется въ родную Германію», думали они. «А когда спросятъ у капитана или у сержанта: «знали-ли вы такого-то Никеля, Ганса, Каспера 1-й или 2-й роты?» они отвѣтятъ: «постойте, дайте припомнить... можетъ статья... не было ли у него царапины на ухѣ или на щекѣ? онъ былъ, кажется, блондинъ или брюнетъ, пяти футовъ роста? Да, я его зналъ. Онъ убитъ во Франціи, около маленькой деревеньки, кото-

рой имя я запомнил. Его убили горцы в один день с старым майором Гери-Петером; молодец он был.» Потолкуют и разойдутся, и только всего!

Быть может, иной думал о матери... о хорошенькой дѣвушкѣ, о какой-нибудь Гретхенъ или Лотхенъ, которая, заливаясь горячими слезами, подарила ленточку на память и на прощаніи говорила: «Я стану ждать тебя, Касперъ; я пойду замужъ только за тебя!» Да, долго тебѣ придется ждать!

Все это было грустно.

Глядя на эту картину, старуха Лефевръ думала о Гаспарѣ, а Гуленъ, подходившій въ эту минуту съ Лагармитомъ, кричалъ веселымъ голосомъ:

— Ну, ребята, вы попухали пороху, чортъ возьми! Славное было дѣло! Нѣмцы не станутъ хвастать нынѣшнимъ днемъ.

Онъ обнялъ Луизу и подошелъ къ старухѣ Лефевръ.

— Довольны ли вы, Катерина? спросилъ онъ. Наши дѣла идутъ на-ладъ! Но что же съ вами, вы не веселы?

— Да, это все прекрасно, Жанъ-Клодъ... я довольна... но взгляните на дорогу... какое кровопролитіе!

— Что же дѣлать? война! важно промолвилъ Гуленъ.

— Неужели невозможно спуститься внизъ и взнести сюда того мальчика... онъ глядитъ на насъ своими большими голубыми глазами. Какъ мнѣ жаль его... или того большого брюнета, который перевязываетъ ногу своимъ носовымъ платкомъ.

— Къ несчастью, это невозможно, Катерина; чтобы спуститься, пришлось бы прорубить лѣстницу во льду, а черезъ часъ или два вернутся нѣмцы и воспользуются этою лѣстницею. Уберемся-ка отсюда. Надо объявить всѣмъ деревнямъ о побѣдѣ. Эй, Симонъ, Някло, Маршалъ, ступайте сейчасъ, сообщите товарищамъ радостную вѣсть. Матернъ, держи ухо востро; чуть что зашевелится, дай мнѣ знать.

Они подошли къ фермѣ, и Жанъ-Клодъ мимоходомъ осмотрѣлъ резервъ; Маркъ Дивесъ сидѣлъ верхомъ, окруженный своими людьми. Контрабандистъ досадовалъ и жаловался на то, что ему приходилось сидѣть сложа руки. Онъ считалъ себя обезчещеннымъ, потому что ничего не сдѣлалъ.

— Тѣмъ лучше, сказалъ ему Гуленъ. Къ тому же ты охраняешь нашъ правый флангъ. Взгляни вонъ на ту площадку: если на насъ нападутъ съ той стороны, ты пойдешь въ дѣло!

Давесъ ничего не сказалъ. Онъ былъ и печаленъ, и разсерженъ

его рослые контрабандисты, закутанные въ длинныя плащи, были тоже не въ духѣ: они будто замишляли какое-то мщеніе.

Гулленъ не могъ утѣшить ихъ и вошелъ въ ферму. Докторъ Лоренъ вынималъ пулю изъ раны Баумгартена, который страшно кричалъ.

Пельсли стоялъ на порогѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Жанъ-Клодъ попросилъ у него бумаги и чернилъ, чтобы написать привязъ горцамъ; но бѣдный анабаптистъ былъ такъ смущенъ, что ему съ трудомъ можно было втолковать, въ чемъ заключалась просьба. Наконецъ-таки онъ понялъ, чего отъ него добивались, и гонцы были разосланы, гордясь тѣмъ, что имъ поручили объявить о первой битвѣ и о первой побѣдѣ.

Нѣсколько горцевъ вошли въ залу, стали грѣться у печки и повели горячую бесѣду. Даніель Шпицъ уже перенесъ операцію и, лишившись своихъ двухъ пальцевъ, сидѣлъ за печью, съ забинтованною и перевязанною рукою.

Тѣ, кто сидѣлъ въ просѣкѣ съ самой зари и ничего не ѣлъ до сихъ поръ, закусывали чѣмъ попало и выпивали рюмку за рюмкой съ веселыми криками, жестами и громкими изъявленіями радости. Потомъ выходили, глядѣли на траншею и принимались толковать о Риффи, о его жалобахъ и внезапномъ похищеніи, о его крикахъ, и эти воспоминанія возбуждали громкій смѣхъ.

Было 11 часовъ. До полудня всѣ оставались безъ дѣла, но вдругъ въ залу вбѣжалъ Маркъ Дивесъ и крикнулъ:—Гулленъ, гдѣ Гулленъ?

— Здѣсь!

— Иди скорѣй!

Въ лицѣ контрабандиста было что-то странное; недавно еще онъ бѣсился, что не принималъ участія въ сраженіи, а теперь онъ будто торжествовалъ. Озабоченный Жанъ-Клодъ пошелъ за нимъ и большая зала мигомъ опустѣла, потому что, судя по волненію Марка Дивеса, всѣ ожидали, что дѣло было очень серьезное.

Направо отъ Донона идетъ оврагъ, въ которомъ, во время таянія снѣга, бѣжитъ потокъ; онъ стекаетъ съ вершины горы до самого конца долины. По ту сторону этого оврага, на разстояніи 500 или 600 метровъ, и какъ разъ напротивъ площадки, защищенной партизанами, идетъ крутымъ склономъ открытая терраса, которую Гулленъ не считалъ нужнымъ занять предварительно: онъ не хотѣлъ разрознивать свои силы и видѣлъ, кромѣ того, что ему не трудно будетъ обойти кругомъ по сосняку и занять позицію, если врагъ обнаружитъ желаніе овладѣть ею.

Представьте же себѣ ужасъ Гуллена, когда, выйдя изъ дому, онъ увидалъ, что двѣ роты нѣмцемъ взирались на эту тѣррасу по садамъ Гранфонтена, и что они везли за собою два полевыхъ орудія, запряженныхъ сильными лошадьми, которыя будто висѣли надъ пропастью. Люди помогали лошадямъ, и черезъ нѣсколько минутъ пушки должны были водвориться на площадкѣ. Жанъ-Клодъ былъ пораженъ, какъ громомъ; онъ поблѣднѣлъ, потомъ яростно накинулся на Дивеса.

— Ты не могъ предупредить меня раньше, заревѣлъ онъ. Вѣдь я велѣлъ тебѣ не спускать глазъ съ оврага. Насъ обошли съ тылу! Они намъ перерѣжутъ дорогу! Все пошло къ чорту!

Всѣ присутствующіе и даже самъ старый Матернъ, который прибѣжалъ впопыхахъ, сѣдрогнулись отъ того взгляда, который онъ бросилъ на контрабандиста.

Несмотря на свою обычную смѣлость, Дивесъ смутился и не зналъ, что отвѣчать.

— Ну, ну, успокойся, Жанъ-Клодъ, сказалъ онъ наконецъ; дѣло еще не такъ плохо, какъ ты думаешь. Мы еще не были въ дѣлѣ; да къ тому же у насъ нѣтъ пушекъ, а ихъ-то какъ разъ намъ и надо.

— Да, надо! Ахъ ты дубина! Ты изъ самолюбія молчалъ до послѣдней минуты, не такъ ли? Тебѣ захотѣлось подражаться, похвастаться, покуражиться? Вотъ ты изъ-за этого и подвелъ насъ всѣхъ. На-ка полюбуйся, вонъ и другіе готовятся выступить изъ Фрамона.

И дѣйствительно, новый, болѣе многочисленный отрядъ выступалъ бѣглымъ шагомъ изъ Фрамона и направлялся къ просѣвамъ. Дивесъ стоялъ, какъ вкопанный. Гулленъ справился съ своимъ бѣшенствомъ и вдругъ успокоился въ виду опасности.

— Займите прежніе посты, сказалъ онъ отрывисто, обращаясь къ присутствующимъ; чтобъ всѣ были на готовѣ. Смотри въ оба, Матернъ.

Старый охотникъ кивнулъ головою; а Маркъ Дивесъ успѣлъ оправиться тѣмъ временемъ.

— Ну чего ты раскрнчался, какъ баба, сказалъ онъ; лучше-бъ ты мнѣ велѣлъ напасть оттуда, обойдя оврагъ по сосняку.

— Ступай, чортъ тебя возми! проворчалъ Жанъ-Клодъ. Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ:

— Слушай, Маркъ, я на тебя до смерти золъ! Побѣда осталась за нами, а теперь, по твоей милости, все пропало. Если ты не поправишь дѣло, мы съ тобою подеремся!

— Ладно, ладно! ручаюсь тебѣ, что дѣло будетъ въ шляпѣ!

Онъ вскочилъ на лошадь и, закинувъ за плечо полу своего плаща, обнажилъ съ торжествующимъ видомъ свой широкій клинокъ. Его люди послѣдовали за нимъ.

Дивесь подсказалъ къ резерву, состоявшему изъ 50 горцевъ и сказалъ, указывая имъ концомъ сабли на площадку:

— Видите, ребята; намъ надо занять этотъ пунктъ. Дагсбургцы не должны думать, что они храбрѣе Саррцевъ. Впередь!

И воодушевленные молодцы пошли по краю оврага; а Гуленъ, весь блѣдный, кричалъ имъ вслѣдъ: — Въ штыки, въ штыки!

Сидя на своемъ росломъ, рыжемъ конѣ съ крѣпкимъ, лоснящимся хребтомъ, плечистый контрабандистъ повернулся назадъ и усъ его дрогнулъ отъ легкой улыбки. Онъ выразительно покачалъ саблею, и весь отрядъ исчезъ за деревьями.

Въ эту минуту нѣмцы добрались съ своими орудіями до площадки и стали устроить баттарею, а Фрамонскій отрядъ поднимался въ гору. Все было совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и до битвы, съ тою только разницею, что теперь должны были дѣйствовать и непріятельскія ядра, которыми приходилось обстрѣливать горцевъ съ тыла.

Можно было ясно разглядѣть оба орудія, крюки, рычаги, артиллеристовъ и долговязаго, худого, плечистаго офицера, съ длинными русыми усами. Синій воздухъ долины сокращалъ разстояніе, такъ что казалось, будто все это можно было достать рукою; но Гуленъ и Матернъ не ошиблись: враговъ отдѣляло другъ отъ друга разстояніе въ 600 метровъ, а такъ далеко не могло стрѣлять ни одно ружье.

Однако, прежде чѣмъ вернуться къ просьбамъ, старый охотникъ хотѣлъ очистить свою совѣсть: онъ подошелъ къ самому врагу въ сопровожденіи своего сына Каспера и нѣсколькихъ горцевъ и, прислонившись къ дереву, медленно прицѣлился въ долговязаго офицера съ русыми усами.

Присутствующіе притаили дыханіе, боясь помѣшать опыту.

Матернъ спустилъ курокъ; когда онъ поставилъ ружье на землю и взглянулъ туда, куда цѣлилъ, все было на своемъ мѣстѣ.

— Странно, сказалъ онъ, какъ зрѣніе слабѣетъ съ годами.

— У тебя-то зрѣніе слабо? вскричалъ Касперъ. Отъ Вогезовъ до Швейцаріи нѣтъ ни одного охотника, который на разстояніи 200 метровъ всадилъ бы пулю въ цѣль такъ мѣтко, какъ ты!

Старикъ не сомнѣвался въ этомъ, но ему хотѣлось ободрить другихъ.

— Хорошо, сказалъ онъ, спорить намъ не время. Вонъ идутъ враги; по мѣстамъ и за дѣло!

Несмотря на эти простыя и, повидимому, спокойныя слова, Матерь чувствовалъ сильное внутреннее волненіе. Входя въ траншею, онъ услыхалъ какой-то смутный гулъ: звонъ оружія, правильный звукъ шаговъ; онъ глянулъ внизъ и увидалъ нѣмцевъ, которые на этотъ разъ несли съ собою длинныя лѣстницы, снабженныя крюками.

Старика покорило отъ этихъ приготовленій; онъ подозвалъ къ себѣ сына и шепнулъ ему:

— Касперъ, дѣло плохо, очень плохо; эти разбойники пришли съ лѣстницами; дай мнѣ руку. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы оба были около меня; но мы будемъ защищаться до послѣдней крайности!

Въ эту минуту земля подъ ними дрогнула; рѣзкій голосъ вскринулъ: «Ай, Боже мой!»

Потомъ шаговъ на сто раскатился глухой гулъ; сосна покачнулась и медленно свалилась верхушкою въ пропасть. Это былъ первый пушечный выстрѣлъ: онъ оторвалъ ноги старику Рюшару. За этимъ выстрѣломъ почти мгновенно послѣдовалъ другой, который съ страшнымъ грохотомъ засыпалъ горцевъ осколками льда. Самъ Матерь пригнулся къ землѣ отъ этого грохота, но онъ тотчасъ же выпрямился и вскричалъ:

— Отмстимъ, дѣти! Вотъ они... побѣдить или умереть!...

Къ счастью, ужасъ горцевъ продолжался не болѣе секунды; всѣ понимали, что одна минута нерѣшительности могла погубить все и всѣхъ. Несмотря на перестрѣлку, двѣ лѣстницы уже стояли на готовѣ и цѣплялись крюками за откосъ скалы. Увидавъ это, всѣ ополченцы немедленно бросились къ траншеѣ и закипѣла битва болѣе отчаянная, смертельная, чѣмъ въ первый разъ.

Гулень еще раньше Матерна увидалъ лѣстницы и еще болѣе взбѣсился на Дивеса; но такъ какъ въ подобномъ случаѣ негодование ни къ чему не ведетъ, то онъ послалъ Лагармита сказать Францу Матерну, который стоялъ по ту сторону Донона, чтобы онъ тотчасъ явился съ половиною своихъ людей. Зная, что его отецъ находится въ опасности, нашъ парень, конечно, не терялъ ни минуты. Вдали уже мелькали большія, черныя пуховыя шапки и ружья, взбиравшіяся вверхъ по снѣжному скату. Они бѣжали во всю мочь, но Жанъ-Клодъ все-таки вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и, весь въ поту, озираясь безумными глазами, закричалъ имъ дрожащимъ голосомъ:

— Скорѣе.... скорѣе! Такъ вы никогда не дойдете! Онъ дрожалъ отъ бѣшенства и сваливалъ все несчастіе на контрабандиста.

А между тѣмъ Маркъ Дивесъ въ полчаса обѣхалъ оврагъ и, сидя на своемъ большомъ рыжемъ конѣ, завидѣлъ вдали двѣ роты нѣмцевъ, которыя, съ оружіемъ въ рукахъ, стояли шаговъ на сто позади пушекъ, обстрѣливавшихъ засады горцевъ. Онъ подошелъ къ своимъ и сказалъ имъ глухимъ голосомъ, пока въ ущельяхъ перекатывалось эхо отъ выстрѣловъ и раздавались крики осаждающихъ:

— Ребята, бросайтесь въ штыки на пѣхоту, а остальное я сдѣлаю съ своими молодцами. Рѣшено?

— Да, рѣшено!

— Ну, такъ въ путь же!

Весь отрядъ двинулся въ стройномъ порядкѣ къ опушкѣ лѣса; въ головѣ ѣхалъ рослый Пьерси изъ Сольдатенталя. Почти въ ту же минуту послышался окликъ нѣмца часового, потомъ раздажось два выстрѣла; затѣмъ раздался громкій возгласъ: «да здравствуетъ Франція!» и глухой шумъ свалки: горцы бросились на врага, какъ стая волковъ!

Дивесъ поднялся въ стременахъ и посмѣивался, глядя на схватку.

— Хорошо, хорошо! говорилъ онъ.

Они бились отчаянно, земля дрожала подъ ними. Ни нѣмцы, ни партизаны, никто не стрѣлялъ; они дрались молча. Только и можно было разобрать звонъ штыковъ, стуканье прикладовъ, далекіе выстрѣлы, крики бѣшенства, топотъ, смутный гулъ.

Вытянувъ шею, держа сабли на готовѣ, контрабандисты только и ждали сигнала своего начальника, чтобы броситься въ рѣзню.

— Теперь наша очередь, сказалъ наконецъ Маркъ; пушки будутъ наши!

И они вылетѣли изъ чащи лѣса, пригнувшись къ сѣдламъ, съ развѣвающимися по вѣтру плащами.

— Не рубите, — колите! сказалъ Маркъ. Только и было сказано.

Двѣнадцать коршуновъ мигомъ налетѣли на орудія. Между ними было четверо старыхъ испанскихъ драгуновъ и двое заслуженныхъ гвардейскихъ кирасировъ, которые пристали къ Марку изъ любви къ походамъ и опасностямъ. Можете себѣ представить, какъ они дрались. На нихъ сыпались, какъ градъ, удары банниковъ, сабель — единственныхъ оружій, которыя были подъ руками у артиллеристовъ. Они ловко отражали всѣ удары, и каждый ихъ ударъ сваливалъ человѣка на землю.

Два пистолетныхъ выстрѣла попали въ Марка Дивеса прямо въ

упоръ: одинъ опалилъ ему щеку, другой сорвалъ шапку. А въ эту минуту онъ самъ, пригнувшись къ сѣдлу и вытянувъ впередъ свою длинную руку, прикалывалъ долговязаго офицера съ русыми усами, стоявшаго у орудія; послѣ этого онъ медленно приподнялся, оглянулся кругомъ и, сдвинувъ брови, торжественно произнесъ:

— Всѣхъ уложили; пушки теперъ наши!

Чтобы понять общую связь этой ужасной картины, надо представить себѣ схватку, происходившую на Миньерской площадкѣ: вопли, ржанье лошадей, крики бѣшенства, бѣгство однихъ, бросающихъ оружіе, остервененіе другихъ, все это смѣшивалось въ общій стонъ; за оврагомъ, лѣстницы были покрыты бѣлыми мундирами и блестящими штыками; горцы отчаянно защищали скать горы; дорога и просѣки были завалены убитыми и ранеными; солдаты, съ ружьемъ черезъ плечо, бросались въ атаку подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ, а на вершинѣ откоса стоялъ Матернъ и, размахивая ружьемъ, во все горло звалъ своего сына Франца, который бѣжалъ на помощь съ своими людьми и съ Гулленомъ во главѣ. Перестрѣлка не умолкала: слышались то залпы, то отдѣльные выстрѣлы, и замирая въ дали, раздавались потрясающіе, неопредѣленные крики, смѣшанные съ предсмертными стопами. Все это происходило въ одно мгновеніе, все это можно было окинуть однимъ взоромъ: представьте же себѣ эту картину!

Маркъ Дивесъ не былъ склоненъ къ созерцательности, онъ не терялъ время на поэтическія размышленія объ ожесточеніи битвы; онъ съ перваго же взгляда понялъ положеніе и, мигомъ соскочивъ съ лошади, пригнулся къ первой, еще заряженной пушкѣ, схватилъ ганшпуги лафета, чтобы повернуть жерло въ другую сторону, навелъ орудіе и, приставивъ еще дымившійся фитиль, выстрѣлилъ.

Тогда раздались вдали страшные крики; когда дымъ разсѣялся, контрабандистъ увидалъ кровавый слѣдъ въ непріятельскихъ рядахъ. Онъ замахалъ руками въ знакъ торжества, и горцы отвѣчали ему изъ своихъ засадъ общимъ восторженнымъ «ура»!

— Ну, теперъ не зѣвать, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ людямъ. Дайте сюда зарядъ, ядро, дерну. Мы славно очистимъ дорогу. Смотрите!

Контрабандисты принялись за дѣло, и по бѣлымъ мундирамъ открылся огонь; ядра очищали себѣ дорогу въ ихъ рядахъ. Послѣ десятаго выстрѣла началось всеобщее бѣгство.

— Пли! пли! кричалъ Маркъ.

Подъ предводительствомъ Гуллена и съ помощью отряда Франца

ополченцы снова занимали позиціи, которыхъ лишились за минуту передъ тѣмъ.

Вскорѣ вся дорога была усѣяна бѣглецами, убитыми и ранеными. Было 4 часа вечера; наступала ночь. Послѣдняя картечь упала въ Гранфонтенскую улицу и снесла трубу съ «Краснаго Быка».

Въ этотъ день погибло до 600 человекъ. Были въ числѣ убитыхъ и горцы, но нѣмцевъ было несравненно больше. А не отбей Дивесъ пушки—все бы пропало, потому что враговъ было въ десять разъ больше и они уже начинали взбираться на траншею.

XVI.

Стопившись въ Гранфонтенѣ, нѣмцы цѣлыми шайками бѣжали въ Фрамонъ; одни шли иѣшкомъ, другіе ѣхали верхомъ, третьи бѣжали, таща за собою ящики, бросая по дорогѣ мѣшки и оглядываясь назадъ, будто боясь, что за ними гонятся по пятамъ.

Въ Гранфонтенѣ они срывали зло на всемъ: выбивали окна, выламывали двери, ругали людей, требовали немедленно пить и ѣсть и преслѣдовали дѣвушекъ до чердака. Ихъ крики и проклятiя, громкія приказанiя начальниковъ, жалобы жителей, постоянный глухой гулъ шаговъ по Фрамонскому мосту, протяжное ржаніе раненыхъ лошадей, все это сливалось вмѣстѣ и доносилось до слуха горцевъ.

Вдоль по горѣ валялось оружіе, кивера, трупы, и все это служило неопровержимымъ доказательствомъ полного пораженiя. Напротивъ стояли пушки Марка Дивеса; онѣ были обращены на долину и готовы были открыть пальбу, въ случаѣ новаго нападенiя.

Дѣло было покончено совершенно. А между тѣмъ у горцевъ не было слышно ни одного радостнаго возгласа: при послѣднемъ приступѣ они понесли огромную потерю. Было что-то торжественное въ глубокомъ молчанiи, смѣнившемъ собою суматоху; всѣ эти люди, избѣжавшіе смерти, важно смотрѣли другъ на друга, точно удивлялись, что имъ пришлось снова встрѣтиться. Одинъ звалъ друга, другой искалъ брата, которые не откликались. Они отправлялись на поиски въ траншею, въ просѣки, за окопы и звали:

— Эй, Жакъ, Филиппъ, гдѣ вы!

А между тѣмъ наступала ночь; ея сѣроватыя тѣни окутали горы и обрывы, придавая этому ужасному зрѣлищу какую-то торжествен-

ную таинственность. Люди бродили туда и сюда, не узнавая другъ друга.

Матернъ вытеръ свой штыкъ и рѣзкимъ голосомъ подозвалъ къ себѣ сыновей.

— Эй! Касперъ, Францъ!

Разсмотрѣвъ ихъ въ темнотѣ, онъ сталъ спрашивать ихъ:

— Вы ли это?

— Да, мы.

— Вы здоровы?

— Да!

Глухой голосъ стараго охотника дрогнулъ.

— Вотъ мы опять всѣ трое вмѣстѣ, проговорилъ онъ тихо.

И онъ, этотъ суровый старикъ, крѣпко обнялъ своихъ удивленныхъ сыновей. Грудь его сильно колыхалась, словно отъ сдержанныхъ рыданій; сыновья были тронуты и шепнули другъ другу:

— Какъ онъ насъ любитъ! Кто бы это могъ подумать!

И въ нихъ забилося сердце.

Но старикъ скоро оправился и крикнулъ:

— Да что тутъ толковать, ребята; трудный намъ выдался денежъ. Выпьѣмте-ка по рюмочкѣ. Меня жажда замучила.

Онѣ еще разъ окинули взглядомъ потемнѣвшую гору, увидели часовыхъ, разставленныхъ Гулленомъ на разстояніи 30 шаговъ, и пошли вмѣстѣ къ старой фермѣ.

Они проходили по траншеѣ, заваленной трупами, сторонясь, когда попададось подѣ ноги что нибудь мягкое; вдругъ слабый голосъ окликнулъ ихъ:

— Это ты, Матернъ?

— Ахъ, бѣдный товарищъ Рошаръ.... прости, прости.... отвѣчалъ, нагибаясь, старикъ охотникъ,—я тебя толкнулъ! Какъ, ты еще здѣсь?

— Да, я не могу уйти.... мнѣ оторвало ноги.

Наступило тяжелое молчаніе и старый дровосѣкъ продолжалъ:

— Скажи моеѣ женѣ, что за шкафомъ, въ чулѣѣ, спрятано пять золотыхъ. Я ихъ все берегъ на случай болѣзни одного изъ насъ.... Теперь мнѣ ничего не нужно.

— Что ты.... Богъ съ тобой! Ты еще, можетъ быть, выздоровѣешь! Мы тебя снесемъ въ домъ.

— Нѣтъ, не хлопочите, я и часа не проживу.... Дайте мнѣ умереть спокойно....

Матернъ, молча, кивнулъ Касперу, чтобы онъ сложилъ носилки изъ двухъ ружей, а Францу велѣлъ посадить на нихъ раненаго

старика, что и было немедленно исполнено. Вскорѣ они добрались до фермы.

На фермѣ собрались всѣ раненные, которые, во время сраженія, силились дотащиться до лазарета. Доктор Лоркенъ и его товарищъ Денуа, который приѣхалъ въ этотъ день, были заняты по горло, но дѣло было еще далеко не покончено.

Когда Матернъ съ своими сыновьями и Рошаромъ проходили мимо фонаря по темной аллеѣ, съ лѣвой стороны раздался такой крикъ, что кровь застыла у нихъ въ жилахъ, и полумертвый старикъ вскрикнулъ:

— Зачѣмъ вы меня несете туда? Я не хочу.... я не позволяю ничего дѣлать съ собою.... я не дамъ!

— Отворяй дверь, Францъ, сказалъ Матернъ; весь облитый холоднымъ потомъ, отворяй скорѣй!

Францъ толкнулъ дверь — и вотъ что они увидали: посреди просторной комнаты, съ почернѣвшимъ потолкомъ, стоялъ большой кухонный столъ, освѣщенный шестью свѣчами, а на немъ лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, Коларъ; двое держали его за руки, а на полу подъ нимъ стояла лоханка. Доктор Лоркенъ, заучивъ рукава рубашки по-локоть, держалъ въ рукахъ короткую пилу въ 3 вершка ширины и управлялся съ ногою несчастнаго раненаго, а Денуа стоялъ возлѣ съ огромною губкою. Кровь ручьемъ стекала въ лохань; Коларъ былъ блѣднѣе смерти. Катерина Лефевръ стояла возлѣ него, она держала въ рукахъ пѣлый свертокъ корпии, и казалась совершенно спокойною; но она такъ стиснула зубы, что двѣ глубокия морщины шли вдоль ея измученнаго лица. Она устала въ землю, но не видала ровно ничего.

— Конечно, сказалъ докторъ, повертываясь.

Онъ взглянулъ на вошедшихъ и сказалъ:

— А, это ты, дядя Рошаръ?

— Я, только я не хочу, чтобъ меня трогали. Я лучше такъ умру.

Докторъ подошелъ къ нему со свѣчею, поглядѣлъ, и поморщился.

— Надо поспѣшить, старикъ; ты потерялъ слишкомъ много крови, и если мы станемъ мѣшкать, будетъ ужъ поздно.

— Тѣмъ лучше! Довольно я настрадался на своемъ вѣку.

— Какъ знаешь! Примемся же за другого.

Онъ посмотрѣлъ на длинный рядъ тюфяковъ, разложенныхъ въ глубинѣ комнаты; два послѣдніе были пусты, но залиты кровью. Матернъ и Касперъ уложили стараго дровосѣка на послѣдній тюфякъ, а Денуа подошелъ къ другому раненному и сказалъ ему:

— Теперь твоя очередь, Николай.

Николай Серфъ выпрямился во весь ростъ; лицо его было блѣдно, глаза блестяли отъ страха.

— Дайте ему рюмочку водки, сказалъ докторъ.

— Нѣтъ, я лучше выкурю трубку.

— А гдѣ-жь твоя трубка?

— Въ жилетномъ карманѣ,

— Вотъ она. А табакъ?

— Табакъ въ карманѣ панталонъ.

— Все тутъ. Набей ему трубку, Денуа. Онъ смѣлъ, право, — молодець! На такихъ людей любо смотрѣть. Мы тебѣ мигомъ отнимемъ руку.

— Нельзя ли ее оставить, докторъ? У меня дѣти есть! Кто-жь ихъ будетъ кормить?

— Нѣтъ! Кость раздроблена и не можетъ сростись. Закури ему трубку, Денуа. На, Николай, кури!

Несчастный не хотя принялся курить.

— Готовъ? спросилъ докторъ.

— Да, отвѣчалъ Николай сдавленнымъ голосомъ.

— Хорошо! Смотри, Денуа, дѣлай свое дѣло!

Онъ быстро полоснулъ большимъ ножомъ по тѣлу; Николай заскрежеталъ зубами. Кровь хлынула, Денуа связывалъ что-то. Пила провизжала съ двѣ секунды, и рука тяжело грянулась объ полъ.

— Вотъ это, я вамъ скажу, удачная операція! сказалъ Лоркенъ.

Николай пересталъ курить; трубка выпала изъ его посинѣвшихъ губъ. Давидъ Шлоссеръ, который держалъ его во время операціи, отошелъ отъ него. Рану забинтовали, и Николай одинъ улегся опять на тюфякъ.

— Еще одного отдѣляли; вытри хорошенько столъ, и примемся за другого, сказалъ докторъ, вымывши руки надъ лоханкою.

Каждый разъ, когда онъ говорилъ: «примемся за другого», всѣ раненые вздрагивали отъ страха; ихъ пугали только-что слышанные крики и ножи, которые блестяли у нихъ передъ глазами; но дѣлать было нечего: всѣ комнаты фермы, рига, оба чердака, были заняты ранеными. Только одна большая зала оставалась въ распоряженіи здоровыхъ. Стало быть поневолѣ приходилось дѣлать операціи въ присутствіи тѣхъ, которые сами, раньше или позднѣе, должны были подвергнуться той же участи.

Все это произошло въ нѣсколько секундъ. Матернъ и его сыновья глядѣли на эти сцены, какъ глядятъ на все ужасное, — имъ хотѣлось знать, что это такое. Налѣво, въ углу, подъ старыми фаянсовыми часами лежала гряда рукъ и ногъ. Въ эту гряду уже бросили руку

Николая, и докторъ уже принялся вынимать пулю изъ плеча рыжаго горца изъ Гроберга. Ему дѣлали широкіе, крестообразныя надрѣзы на спинахъ, его передергивало, а кровь ручьями текла въ его сапоги.

Странное дѣло: позади доктора стояла собака, Плутонъ; она внимательно оглядывалась кругомъ, будто понимала все, что происходило; по временамъ вытягивалась, выгибала спину и зѣвала, разѣвая ротъ до ушей.

Матернъ не могъ дольше оставаться въ комнатѣ.

— Уйдемте, сказалъ онъ.

Только-что они вошли въ темную аллею, послышался возгласъ доктора:— вотъ пуля! И это обстоятельство вѣроятно обрадовало рыжаго горца.

Выйдя на дворъ, Матернъ полною грудью вдохнулъ въ себя холодный ночной воздухъ: — А вѣдь тоже самое могло бы случиться и съ нами, проговорилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ Касперъ; получить пулю въ голову — это еще куда ни шло, но быть на вѣкъ калѣкою и просить милостыню на старости лѣтъ... ужъ это не приведи Богъ!

— Я бы поступилъ, какъ старикъ Рошаръ, вскричалъ Францъ, такъ бы и умеръ! И отлично старикъ распорядился; чего жъ бояться, когда сдѣлалъ свое дѣло? Впрочемъ—Богъ милостивъ!

Въ эту минуту направо отъ нихъ послышался говоръ.

Касперъ прислушался: — Это Маркъ Дивесъ и Гуленъ, промолвилъ онъ.

— Да, они вѣроятно ходили въ соснахъ и осматривали пушки, прибавилъ Францъ.

Они опять стали вслушиваться; шаги приближались.

— Ты очень заботишься объ этихъ трехъ плѣнныхъ, рѣзко говорилъ Гуленъ; ты вѣдь возвращаешься сегодня ночью на Фалькенштейнъ, такъ кто же тебѣ мѣшаетъ взять ихъ съ собою?

— Да куда же я ихъ дѣну?

— Представь ихъ въ общинную Арешвиллерскую тюрьму, здѣсь намъ нельзя ихъ держать!

— Хорошо, хорошо, понимаю, Жанъ-Клодъ. Если же имъ вздумается бѣжать во время путешествія, я имъ всажу въ спину свой клинокъ.

— Ну, разумѣется!

Они подходили къ двери, и Гуленъ, завидѣвъ Матерна, не могъ сдержать восторженнаго восклицанія.

— Это ты, старый дружище!.. А я тебя искалъ дѣльми часть.
Гдѣ жь ты пропадалъ?

— Мы носили въ лазаретъ несчастнаго Рошара, Жанъ-Клодъ.

— Да, невеселое это дѣло. Не правда ли?

— Грустно!

Они помолчали съ минуту; но потомъ радость взяла верхъ и Гулленъ сказалъ:

— Все это очень невесело, но что жь прикажете дѣлать? Такова война! А вы живы и здоровы?

— Да, мы остались невредимы.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Кто остался въ живыхъ, тотъ можетъ похвастать, что ему повезло счастье.

— Да, вскричалъ, смѣясь, Маркъ Дивесъ, я видѣлъ, какъ Матернъ чуть не побѣжалъ на-понятный; не начни мы стрѣлять изъ пушекъ подѣ конецъ, дѣло вышло бы совсѣмъ скверное.

Матернъ вспыхнулъ и, бросивъ на контрабандиста злобный взглядъ, сказала сухо:

— Можетъ быть, это и правда; но если бъ не было первыхъ выстрѣловъ, то и послѣдніе оказались бы совершенно лишними; старикъ Рошаръ и человекъ 50 другихъ охотниковъ не лишились бы рукъ и ногъ, а это не помѣшало бы нашей побѣдѣ.

— Ну, лучше оставить это, перебилъ его Гулленъ, который видѣлъ, что между этими двумя несговорчивыми людьми завязывался серьезный споръ; всякій сдѣлалъ свое дѣло, а это главное.

Потомъ онъ обратился къ Матерну:

— Я сейчасъ отправилъ парламентаря въ Фрамонъ, сказалъ онъ, и велѣлъ объявить нѣмцамъ, чтобъ они взяли своихъ раненыхъ. Они вѣроятно придутъ черезъ часъ; надо предупредить наши аванпосты, чтобъ они дали имъ подойти только безъ оружія и съ фонарями; если они придутъ иначе, пусть принимаютъ ихъ выстрѣлами.

— Я сейчасъ пойду скажу имъ, отвѣчалъ старый охотникъ.

— Слушай, Матернъ, приходи потомъ ужинать на ферму съ сыновьями.

— Хорошо, Жанъ-Клодъ.

Онъ удалился.

Гулленъ приказалъ Францу и Касперу распорядиться, чтобъ на ночь зажгли большіе бивуачные костры; Марка онъ попросилъ засыпать лошадямъ овса и отправиться немедленно за припасами и снарядами; когда они разошлись, онъ вошелъ въ домъ, на ферму.

XVII.

Темная аллея вела ко двору фермы, къ которой надо было спуститься по пяти или шести ветхихъ ступенямъ. По лѣвую руку стоялъ сарай и давилыня, по правую — конюшни и голубятня съ голубемъ на крышкѣ, которая обрисовывалась чернымъ пятномъ на потемнѣвшемъ, облачномъ небѣ; противъ самого дома стояла прачечная.

Туда не долеталъ ни одинъ звукъ; Гулленъ, насмотрѣвшійся на такія шумныя сцены, былъ пораженъ этимъ глубокимъ молчаніемъ. Онъ глядѣлъ на связки соломы, развѣшанныя по балкамъ риги, на сохи, на бороны, на телѣги, нагороженные въ темныхъ сараяхъ, и имъ овладѣло невыразимое спокойствіе и довольство. Пѣтухъ, окруженный сонными курами, усѣвшимися вдоль стѣнъ, тихонько гоготалъ. Жирная кошка промелькнула, какъ молнія, и юркнула въ погребъ. Гулленъ будто очнулся отъ сна.

Простоявъ нѣсколько минутъ въ молчаливомъ созерцаніи, онъ медленно направился къ прачечной, которая мигала въ темнотѣ своими тремя освѣщенными окнами. Кухня фермы оказалась слишкомъ тѣсна; въ ней невозможно было готовить кушанья на 300 или 400 человекъ, и потому прачечная была превращена въ кухню.

Жанъ-Клодъ услыхалъ свѣжей голосокъ Луизы, которая отдавала приказанія весьма рѣшительнымъ тономъ; это удивило Гуллена.

— Ну, ну, Кетли, поскорѣй; ужъ пора садиться за ужинъ. Вотъ проголодались-то, я думаю, наши молодцы! Вѣдь они ничего не ѣли съ 6 часовъ и все бились, бились! Не надо ихъ заставлять ждать. Лесле, поскорѣй, поворачивайся, давай сюда соль, перецъ.

Жанъ-Клодъ радовался, слушая этотъ голосъ. Онъ съ минуту стоялъ у окна, не рѣшаясь войти въ комнату. Кухня была довольно просторна, но низка и выбѣлена известью. На очагѣ трещалъ яркій огонь, извивавшійся своими красными языками вокругъ черныхъ боковъ огромнаго котла. Высокій, но не довольно широкій, печной колпакъ не могъ втянуть въ себя клубы дыма, который поднимался съ очага. На этомъ яркомъ фонѣ отчетливо обрисовывался изящный профиль Луизы, одѣтой въ коротенькую юбочку, которая не мѣшала ей бѣгать; лицо ея раскраснѣлось; короткій, красный шпензерь сжималъ ея стройную талію; полныя,

вругляя плечи и бѣлая шея были открыты. Она усердно занималась своимъ дѣломъ, слѣдила за всѣмъ, отвѣдивала кушанья съ видомъ знатока, процѣживала бульонъ, одобряла одно, дѣлала замѣчанія насчетъ другого:—Прибавьте-ка еще соли, подсыпьте того, подложите другого.—Лесле, скоро-ли ты выщепешь нашего большого худого пѣтуха? Если ты будешь такъ мѣшкать, мы никогда не отдѣлаемся.

Словомъ, она премно распоряжалась; у Гуллена на глазахъ навернулись слезы.

Обѣ долговязы дочери анабаптиста совершенно не походили на Луизу: одна была поджарая, высокая, блѣдная; ея толстыя, расклющенные ноги были обуты въ тупоносые башмаки; ея рыжіе волосы были всунуты въ маленький, черный, тафтяный чепчикъ; голубое холстинное платье падало широкими складками до пятокъ; другая, жирная и вруглолицая, ходила переваливаясь, какъ гусь, и медленно передвигая ноги, раскачивалась всѣмъ туловищемъ.

Жирная Кетли хлопотала молча и совершенно запыхалась, а Лесле, съ свойственною ей задумчивостью, двигалась мѣрно, какъ заведенные часы.

Въ углу прачечной, на деревянномъ стулѣ, сидѣлъ самъ анабаптистъ; скрестивши ноги, задравъ носъ кверху, сдвинувъ на затылокъ бумажный колпакъ и запрятавъ руки въ карманы своей куртки, онъ съ удивленіемъ глядѣлъ вокругъ себя и говорилъ по-временамъ самымъ важнымъ тономъ:

— Лесле, Кетли, слушайтесь, дѣти мои; пусть это идетъ вамъ на пользу, вы еще не знаете свѣта; надо ходить поскорѣе.

— Да, да, надо шевелиться, прибавила Луиза. Господи, на что же бы это было похоже, если бы надо было раздумывать цѣлые мѣсяцы и недѣли о томъ, класть ли чеснокъ въ соусъ! Ты постарше, Лесле, отцѣпи-ка мнѣ со стѣны эту связку лука.

И долговязая дѣва исполняла приказаніе.

Это была одна изъ лучшихъ минутъ въ жизни Гуллена.

— Какъ она ими распорядится! говорилъ онъ про себя; хе, хе, хе! это маленький гусарь; бѣдовая изъ нея выйдетъ хозяйка; этого достоинства я еще не зналъ за нею.

И онъ вошелъ только минутъ черезъ пять, предварительно посмотрѣвши и послушавши.

— Живѣе, живѣе дѣти!

Луиза, державшая въ рукахъ соусную ложку, бросила свое дѣло и подбѣжала къ нему съ возгласомъ:

— Мама, папа, это вы!.. вы не ранены, съ вами ничего не случилось?...

При этомъ искреннемъ, задушевномъ голосѣ, Гуллиенъ побѣднѣлъ и не могъ ничего отвѣчать. Онъ нѣжно прижималъ къ груди свое дорогое дитя и, только послѣ долгаго молчанія, проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Луиза, нѣтъ, я здоровъ... я очень счастливъ!

— Сядьте, Жанъ-Клодъ, сказалъ анабаптистъ, видя, что онъ дрожить отъ волненія, вотъ вамъ мой стулъ.

Гуллиенъ сѣлъ; Луиза сѣла къ нему на колѣни, и, положивъ ему руки на плечи, горько заплакала.

— Что же съ тобою, милое дитя? шептала онъ ей, обнимая ее; успокойся же. Вѣдь ты сейчасъ только была такимъ молодцомъ!

— Да, я притворяюсь; но мнѣ было такъ страшно... Я думала, отчего онъ неидетъ?

Она обвила его шею руками; вдругъ у нея въ головѣ мелькнула безумная мысль, она схватила Гуллиена за руку и вскричала:

— Ну, папешка, будемъ же танцевать!..

И они протанцовали три или четыре тура.

Гуллиенъ невольно улыбался и сказалъ, обращаясь къ анабаптисту, который все-таки сохранялъ свою важность:

— Мы немножко помѣшались, Пельсли, только вы этому не удивляйтесь.

— Нѣтъ, господинъ Гуллиенъ, все это очень просто. Самъ царь Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ завѣта послѣ своей славной побѣды надъ филистимлянами.

Удивленный своимъ неожиданнымъ сходствомъ съ царемъ Давидомъ, Гуллиенъ ничего не отвѣчалъ.

— Ну, а ты Луиза, спросилъ онъ, останавливаясь, боялась ли во время послѣдняго сраженія?

— Сначала мнѣ стало такъ жутко отъ этихъ выстрѣловъ, отъ этой суматохи... но потомъ я стала думать только объ васъ и о тетужкѣ Лефеврѣ.

Гуллиенъ смолкъ.—Я вѣдь зналъ, подумалъ онъ; что эта дѣвушка не струситъ. Ужъ такая она хорошая!

Луиза взяла его за руку, подвела его къ цѣлому ряду кострюль, стоявшихъ на плитѣ, и съ торжествующимъ видомъ показала ему свою страпню.

— Вотъ говядина, вотъ жареное, вотъ ужинъ, который назначенъ для генерала Жана-Клода, а вотъ и бульонъ для нашихъ раненыхъ! И какъ мы уже хлопотали изъ-за всего этого! Спросите-ка у Кетли и Лесле. А вотъ и наша страпня, сказала она,

указывая на длинный ряд саяекъ, разложенныхъ на столѣ. Это готовили мы обѣ съ тетушкой Лефевръ.

Гулленъ слушалъ и восхищался.

— Но это еще не все, прибавила она, подите-ка сюда.

Она отворила заслонку печи и кухня наполнилась запахомъ горячихъ вотрушекъ, которыя такъ и дразнили аппетитъ.

Жанъ-Клодъ былъ растроганъ. Въ эту минуту вошла старуха Лефевръ,

— Ну, сказала она, надо накрывать на столъ; всѣ тамъ ждутъ. Кетли, постели скатерть.

Неповоротливая толстуха выбѣжала изъ комнаты.

Пройдя гуськомъ черезъ темный дворъ, всѣ присутствующіе вѣстѣ отправились въ залу. Докторъ Лоркенъ, Денуа, Маркъ Дивесъ, Матернъ и его ребята—всѣ обладали превосходными зубами и здоровымъ аппетитомъ и съ нетерпѣніемъ ожидали ужина.

— А что дѣлается съ нашими ранеными, докторъ? спросилъ входа Гулленъ.

— Все кончено, задали вы намъ порядочно много работы; впрочемъ, время благоприятствуетъ, заразительныхъ лихорадокъ бояться нечего, и все обстоитъ благополучно.

Вскорѣ вошли Кетли, Лесле и Луиза съ огромною, дымящеюся суповою мискою и съ двумя блюдами великолѣпной жареной говядины; все это было разставлено на столѣ. Всѣ безъ церемоніи сѣли за столъ; Матернъ занялъ мѣсто направо отъ Гуллена, Катерина Лефевръ сѣла налѣво, разговоръ надолго прекратился и былъ замѣненъ звономъ ножей, вилочекъ ложекъ и переливаніемъ вина изъ бутылокъ въ стаканы. На дворѣ видѣлось пламя большихъ костровъ, доказывавшихъ, что ополченцы не пренебрегаютъ стращающею Луизы,—и это еще увеличивало веселость собесѣдниковъ.

Въ 7 часовъ Маркъ Дивесъ отправился съ илѣнными въ Фалькенштейнъ. А въ 10 часовъ всѣ уже спали и на фермѣ, и на площадкѣ, вокругъ бивуачныхъ огней.

Молчаніе изрѣдка прерывалось только обходомъ патрулей и огнемъ часовыхъ.

Такъ окончился этотъ день, когда горцы доказали, что они достойные потомки своихъ храбрыхъ предковъ.

Другія немнѣ важныя событія должны были скоро смѣнить только-что совершившіяся,—потому что таковъ ужъ нашъ удѣлъ: на мѣсто побѣжденнаго препятствія тотчасъ же является новое. Человѣческая жизнь походитъ на волнующееся море: волна смѣняется волною, и ничто не въ силахъ остановить это вѣчное движеніе.

Ж О Л Ч Ъ.

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ НА РОЖДЕСТВО).

Извините, господа, я тоже обѣщаль вамъ разсказъ; но позабылъ объ одномъ незначительномъ препятствіи: дѣло въ томъ, что я вовсе не умѣю разсказывать... Ну, начали посмѣиваться, а право ничего нѣтъ смѣшного въ томъ, что разсказывать не умѣеть человѣкъ и, сверхъ того, русскій человѣкъ, то есть существо молчаливое, несообщительное, проводившее жизнь за перепиской бумагъ, за картами, за пляской, за попойками или въ спаньѣ, однимъ словомъ существо, которому миллионы разъ говорилося: «да какъ ты смѣешь разговаривать!» Чтобы наказать васъ за этотъ вѣтряный смѣхъ, я прочитаю вамъ чужой разсказъ, грубый до цинизма, ѣдкій до боли. Онъ попался мнѣ въ бумагахъ (между счетомъ прачки и первымъ посланіемъ Пушкина къ Чаадаеву), послѣ смерти одного изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, Егора Дмитріевича Благолюбова. Егоръ Дмитріевичъ былъ человѣкъ угрюмый, жолчный, съ большими причудами, всѣ называли его мизантропомъ, боялись его ядовитого и остраго, какъ бритва, языка, и слыша его злобныя, нерѣдко циническія выходки, съ состраданіемъ говорили, что онъ сумасшедшій. Онъ, съ обычною своею находчивостью, очень часто проявляющеюся въ сумасшедшихъ, называлъ это мнѣніе «средствомъ удобно проглотить крупную пилюлю обиды». Какой-то старикъ назвалъ его однажды Пигасовымъ. «Этотъ мальчишъ, сказалъ Егоръ Дмитріевичъ про старика,

кажется, до сихъ поръ убѣжденъ, что всѣ лошади сдѣланы изъ дерева, какъ его старая игрушечная лошадка». Насчетъ своихъ похоронъ онъ распорядился слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «На гробъ пять рублей. На могилу три, а если можно заплатить дешевле, хоть бы и за общую, то тѣмъ лучше, товарищи меня не стѣснятъ. За отпѣванье рубль. Могильщику полтинникъ. На свѣчи полтинникъ. Читальщика не надо, въ видахъ экономіи я самъ прочиталъ весь псалтырь при жизни. Гости, если таковые придуть провожать мое тѣло и сплетничать о моемъ прошломъ, могутъ идти по своимъ домамъ и тамъ помянуть меня; если же они ничего не изготовятъ въ этотъ день, надѣясь на поминки, въ чемъ я вполнѣ увѣренъ, то тѣмъ лучше, они узнаютъ правдивость того правила, что на чужой каравай рта не развѣвай. Все остальное имущество и деньги отдать кончающему курсъ гимназисту Ивану Андрееву Лукину; ему деньги нужныѣ, чѣмъ моему скелету приличные похороны». Послѣ смерти чудака, всѣхъ удивило то, что онъ постоянно давалъ даровые уроки шестерымъ бѣднымъ мальчуганамъ и такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они рыдали, какъ большіе, надъ его трупомъ. Кромѣ ихъ, была надъ нимъ какая-то старая собака....

Потрудитесь придвинуть во мнѣ свѣчу, я починаю чтеніе..

Вотъ опять зима наступила, шестидесятая зима въ моей жизни, и такая же она суровая, такая же долгая, какою была я въ тотъ годъ, когда, при свѣтѣ салнаго огарка, подъ вой мятели и проклятѣя пьянаго отца, я впервые почувствовалъ холодъ жизни и обрадовалъ или опечалилъ, право не знаю навѣрное, свою бѣдную мать первымъ крикомъ существованія. Боже мой, Боже мой, сколько пережить въ средствахъ, въ чувствахъ, въ убѣжденіяхъ пережилъ я въ эти шестидеять, ничѣмъ неотличавшихся другъ отъ друга, зимъ! Съ какимъ телячьимъ восторгомъ привѣтсвовалъ я первый снѣжокъ, крутившійся въ воздухѣ, въ тѣ дни, когда, въ какомъ-то калудинѣ — халатѣ домашняго изобрѣтенія — бѣжалъ я въ

присачку въ ўздное училище съ ватагой Сенекъ, Ванекъ, Мишекъ, оставшиися на вѣки-вѣчные Сеньками, Ваньками и Мишками... Впрочемъ, виновать, одного изъ нихъ уже публично признали за Симеона—при отпѣваніи его тѣла... Коньки, салазки, снѣжки, осады снѣжныхъ крѣпостей, ледяныя горы, все, все радовало маленькое, глупенькое сердчишко. Зато съ какою горечью, съ какою малодушной завистью встрѣчалъ я зиму, отпирываясь въ легкомъ пальто на нелюбимую службу, не имѣя теплой одежки и видя вагупаныхъ въ енотовыя шубы богачей. Какъ я проклиналъ зиму, когда въ эту пору больная мать, завернувшись въ послѣдніе лохмотья, не могла оторвать своего продрогшаго въ холодной воморкѣ тѣла, и тихо, какъ догорѣвшая до конца свѣча, гасла, гасла до тѣхъ поръ, пока наконецъ всѣ свыклись съ мыслью о близости и необходимости ея смерти, и рѣшились по дружбѣ извѣщать мнѣ сожалѣніе, что я связанъ съ старухой по рукамъ и по ногамъ, что пора бы ей дать мнѣ покой и не заѣдать молодого вѣка. Эти намеки пробудили первые упреки моей совѣсти и сомнѣніе въ прочности человѣческихъ чувствъ, потому что эти же позорныя мысли, безъ моей воли, уже не разъ мелькали въ моей головѣ и заставляли создавать планы лучшей жизни, когда умретъ мать. «Нищета, нищета! восклицалъ я, поддаваясь отчаянью, ты отняла у насъ все, даже сладость святой, безкорыстной любви. Твои члены любятъ другъ друга, покуда каждый можетъ добывать свою долю насущнаго хлѣба. Ты сдѣлала человѣка звѣремъ! Но, можетъ быть, это только я такъ чорствъ; можетъ быть, только я такъ мало люблю свою мать, что въ меня закралась мысль о необходимости ея смерти? Нѣтъ, нѣтъ, тогда почему бы знали посторонніе люди, что эта мысль возможна? Какъ смѣли бы они оскорблять меня въ глаза, если бы эта мысль была нравственнымъ уродствомъ? Развѣ смѣетъ кто нибудь сказать своему собрату: «какъ жаль, что у тебя нѣтъ ножа, чтобы зарѣзать своего друга?» Нѣтъ, моя мысль была нормальнымъ явленіемъ. Всѣ бѣдники думаютъ такъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и всѣ люди знаютъ это.. Но вотъ мать угасла совсѣмъ и мнѣ осталось одно: купить гробъ, чтобъ сложить въ него худой трунъ, похоронить его и на другой день, чувствуя ознобъ, позавидовать участи покойницы. Какъ искренно ненавидѣлъ я тогда зиму, такую же точно зиму,

какую я хотѣлъ бы продлить безъ конца черезъ десять лѣтъ послѣ смерти матери, выбившись изъ нужды, сидя въ собственномъ домишкѣ, наслаждаясь долгими, темными вечерами съ молодой, чудной женою, любуясь рѣзвымъ огонькомъ въ печи, отдыхая подъ звуки любимаго голоса, шептавшего мнѣ: «ты скоро будешь отцомъ!» Какимъ нѣжнымъ, чуткимъ и женственно-нервнымъ существомъ былъ я прежде, какимъ чорствомъ, сухимъ и суровымъ выгляжу я теперь, и только тогда, когда я провливаю прошлое, провливаю ту зиму, съ которой начался внутренній переворотъ, только тогда я еще чувствую, что я человѣкъ, что во мнѣ не все убито, что если у меня нѣтъ силы спасти падшаго, то есть сила бросить вомокъ грязи въ лицо его враговъ... Вы любите потрясающіе разсказы, они васъ потѣшаютъ; оно и точно, отрадно въ теплой комнатѣ, въ кругу друзей, среди прекрасной обстановки, послушать, какъ страдаютъ, какъ гибнуть наши братья и, дослушавъ послѣдніе крики ихъ страданій, проклатій и позора, отправиться къ мягкой постели и чувствовать, что сонъ клонитъ сильнѣе послѣ всѣхъ этихъ прослушанныхъ ужасовъ, что на душѣ дѣлается спокойнѣе... Не вздумайте отвергать этихъ словъ, не вздумайте разсмѣшить меня до колотья увѣреніемъ, что вы этими разсказами хотите смягчить свое сердце, наполнить его состраданіемъ и любовью къ ближнимъ. Вадоръ! Не смягчить его разсказомъ, если его не смягчила жизнь: она мечется въ глаза страшнѣе самыхъ страшныхъ новѣствованій; даже я, задыхающійся отъ жолчи, пропитанный ею до мозга костей, не могъ бы передать вамъ миллионной частицы ужасовъ жизни. Но тебя, блестящая львица модныхъ баловъ, тѣшутъ эти разсказы, потому что ты, видя въ нихъ, какъ оскорбляютъ и позорятъ развратники твою бѣдную сестру, можешь радоваться тому, что эти же люди трепещутъ передъ тобою и едва смѣютъ воспунуться твоей руки на балѣ. Ты, накопившій имѣнье, отецъ, читая про раздоры въ семьѣ, неразлучные съ нищетою, радуешься своему богатству и убѣждается все сильнѣе и сильнѣе, что оно крѣпко и надолго привяжетъ къ тебѣ покорность твоихъ сыновей. Ты, любящая мать, слыша, что честная труженица неизбежно должна погибнуть въ нуждѣ, а богатая ветренница непременно найдетъ жениха по душѣ и будетъ главою въ будущей

семь; ты успокоиваешься насчетъ участи своей дочери и засыпаешь съ ясной улыбкой. Да, это все такъ, это все въ порядкѣ вещей, людямъ никогда не надобдять новыя подтвержденія ихъ силы, счастья и славы. Поэтъ съ трепетомъ прочитываетъ страницы, написанныя по поводу его произведеній, и спѣшитъ убѣдиться, что онъ все по прежнему первый пѣвецъ на родинѣ, что все по прежнему раздаются сѣтованія о малочисленности талантовъ,—и благодарить Бога за эту малочисленность; радуется, что втеченіи десятковъ лѣтъ продолжается застой и не является никакого другого, болѣе могучаго гения... Слушайте же горкіе рассказы, наслаждайтесь, спите сладкимъ сномъ, будьте счастливы и, чтобы ваше счастье было еще полнѣе, даже я, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ горя и жолчи, какъ подачку, какъ милостыню, какъ обглоданную кость, бросаю вамъ мой рассказъ. Вы его возьмете, вы насладитесь имъ, и я улыбнусь своей злобной улыбкой; потому что въ эту минуту мнѣ удастся стать выше васъ, даъ подавнѣ богачу отъ жалкой трелезы нищаго.

Я уже сказалъ, что я родился бѣднякомъ, и тутъ же имѣлъ смѣлость, глядя вамъ прямо въ глаза, замѣтить, что у меня былъ послѣ собственный домишка. Въ эту минуту—не надѣвайте своей обычной маски лицемѣрія, додой ее, скорѣе долой!—въ эту минуту въ вашихъ головахъ промелькнула мысль: «подлецъ, вѣрно взятками нажился!» Вы добрые, вы честные люди, и потому вамъ позволительно, вамъ естественно подозрѣвать каждаго изъ окружающихъ въ подлости, во взяточничествѣ, во всѣхъ гнусныхъ порокахъ. Иначе почему-бы вамъ и слыть добрыми и честными? Не считайся другіе подлецами, и васъ сволокли бы съ пьедесталовъ и назвали бы обывоченными,—не добрыми, не злыми, не честными, не подлыми,—а обыкновенными смертными, исполняющими свои обязанности—и не болѣе, исполняющими ихъ, потому что надъ всѣми есть и карающій законъ, и бдительное общественное мнѣніе, и судящій Богъ... Но вы ошиблись въ своемъ предположеніи: я не былъ подлецомъ. Теперь я въ этомъ сильно раскаиваюсь... Румянь, скорѣе румянь! слушатели хотять нарумянить свои щеки и сказать мнѣ, что они краснѣютъ за мое признаніе... И не употребляю румянь и только потому говорю безъ краски на лицѣ, что раскаиваюсь въ своей честности, но поздно, старъ я сталъ,

къ новому образу жизни привыкать трудно, да и не стоит, не кому копить деньги. Развѣ на поминованіе души?.. Въ первые годы юности, меня спасли отъ подлости не книги, не люди, не разсудокъ, но особенности моей природы: нервность, впечатлительность, самолюбіе. То я слезъ бѣдныхъ просителей не могъ видѣть и хлопоталъ для нихъ даромъ, (то есть за казенное жалованье, что называется у насъ даромъ); то меня раздражала наглость сильнаго негодяя, хвалившася возможностью согнуть въ бараній рогъ слабого противника; то душа возмущалась тѣмъ, что люди смѣютъ бросить мнѣ взятку, только потому, что я нищій, и что они считаютъ меня рабомъ, готовымъ лизать ихъ ноги за ихъ проклятое богатство. Ну вотъ и не бралъ взятокъ, а работалъ. Что работалъ? Все! Пѣшкомъ въ столицу ушелъ, въ университетѣ вольнослушателемъ былъ, бумаги переписывалъ, сапоги себѣ чинилъ, бѣлье штопалъ, за четвертаки дѣтей грамотѣ училъ, помы въ своей комнатѣ шваброй мылъ, на кандидата экзаменъ выдержалъ... Всѣ, кто меня зналъ, умные, глупые, ученые и необразованные, всѣ звали меня или скрягой или человѣкомъ съ низкой душой, и нашлись такіе остряки, которые увѣряли, что своими глазами видѣли, какъ я шелъ въ прачешную съ корзиной грязнаго бѣлья на головѣ, какъ потомъ полоскалъ его на рѣкѣ и послѣ разносилъ накрахмаленныя и выглаженныя мною юбки давальцамъ. Нашлись и такіе, которые улыбались этимъ остроуміямъ, какъ улыбаются въ настоящую минуту и вы... До меня доходили эти слухи: вѣдь бѣднякамъ и въ глаза такія вещи говорятъ,—и я все выше и выше поднималъ голову, все смѣлѣе и тверже глядѣлъ въ глаза этимъ людямъ и—странное дѣло! мемногіе выносили взглядъ этого человѣка съ низкой душой! Нашлась женщина, которая вынесла этотъ взглядъ, которая полюбила этотъ взглядъ; вторая отдала за него всю жизнь,—поймите это!—молодую, чудную, непорочную жизнь. Веселье былъ нашъ трудъ вдвоемъ. Еще веселѣе было намъ, когда мы вошли въ домишко, состоявшій изъ четырехъ комнатъ, и сказали: «это нашъ домъ!» Тутъ была и гордость, и радость и надежда на свѣтлые дни. И точно, эти дни настали: я, жена и нашъ сынъ были однимъ человѣкомъ. Это былъ крѣпкій союзъ. Часто оскорбляли или огорчали того или другого изъ насъ люди, но мы сходились

вѣсть и весело смѣялись надъ людьми, надъ ихъ гнусной злобашкой, стараясь ужалить въ пятну, подграсться сзади, обобратъ соннаго, опозорить отсутствующаго. Эта влоба могла насъ липить всего, кромѣ нашей чести, кромѣ нашей любви. Я помню, какъ будто это было вчера, одинъ вечеръ, когда нашъ сынишка пришелъ изъ школы красный, какъ ракъ, взволнованный до-нельзя, и съ раздраженіемъ началъ рассказывать о случившейся неприятности.

— Риль, говорилъ онъ на своемъ дѣтскомъ, безсвязномъ языкѣ, похожемъ на лепетъ, — спрашивалъ классъ. Семеро не знали. Я сталъ отвѣчать. Онъ не расслышалъ, сказалъ: «ты тоже не знаешь!» А я все зналъ. Это онъ солгалъ. Теперь у меня дурной баллъ...

— Успокойся, промолвилъ я, слыша въ его голосѣ слезы. Отвѣтъ мнѣ урокъ—вотъ и конецъ весь, что тебѣ за дѣло до балловъ.

Сынишка отвѣтилъ отлично.

— Ну, и молодецъ! сказала я, весело смѣясь.

— А какъ же въ школѣ? Я ниже другихъ буду...

— Такъ что-жъ такое? Вѣдь ты знаешь, что ты лучше ихъ сдѣлалъ свое дѣло, и этого съ тебя довольно.

Я развилъ передъ сыномъ цѣлый рядъ понятій и взглядовъ, которые поддерживали меня самого въ жизни. Я показалъ ему, что человѣкъ долженъ поступать честно для самого себя, для своей совѣсти, что хорошіе поступки не требуютъ награды. Конечно, я не сказалъ ему, что до сихъ поръ въ человѣческомъ обществѣ, по большей части, правдивые страдаютъ, что негодли торжествуютъ, что честность есть своего рода оригинальничанье... Въ то время я и самъ не совсѣмъ убѣдился въ этомъ и воображалъ, что какой нибудь честный Иванъ блаженствуетъ, умирая съ голода за свою честность, а взяточникъ Григорій не знаетъ ни днемъ, ни ночью покоя и мучается, видя, какъ передъ нимъ ползаютъ и умные и честные, какъ всѣ его уважаютъ, какъ ему открываются всѣ житейскія наслажденія...

Ребенокъ съ этого дня сталъ бодрѣ учиться. Сначала онъ былъ робокъ передъ учителями, теперь былъ спокоенъ, твердъ, зная, что не ихъ баллы, а его совѣсть должна быть его высшимъ судьей. Когда баллы были худы, онъ прямо приходилъ

ко мнѣ, отвѣчалъ: урокъ и успокоивался. Съ этого дня онъ хотя и инстинктивно, но сталъ дорожить нашимъ союзомъ.

Чего бы, кажется, было нужно еще? Счастье было полное, мы могли жить, поѣвая пѣсенки à la Béragner. Но мы смотрѣли на жизнь болѣе трезво. Ребенокъ или Béragner, это все равно, унесенный въ лодкѣ волнами моря, можетъ спокойно плести вѣнки изъ сорванныхъ на берегу цвѣтовъ; но взрослый человѣкъ въ этомъ положеніи будетъ выносить страшную муку, зная, что лодка не колыбель, что море не твердая земля. Счастье человѣка не имѣетъ никакого будущаго, если общество не дорожитъ сохраненіемъ, цѣлостью этого счастья, если оно старается разрушить это счастье. Каждый человѣкъ долженъ самъ устраивать свое счастье, но общество должно его застраховать; иначе... иначе будетъ та же глупая жизнь на-угадъ, какую всѣ живутъ до сихъ поръ; будетъ то же хожденіе въ потьмахъ, оцущью, тотъ же страхъ передъ завтра. Мы всѣ это знали, и иногда бывали у насъ минуты неодолимой грусти. Разумѣется, вы не поймете этой грусти. *On danse chez vous sur le volcan!* Вы должны кругомъ, у васъ долговъ больше, чѣмъ волосъ на головѣ, и все-таки вы весело скачете въ бѣшаномъ вальсѣ, въ этой современной пляскѣ Св. Витта, не заботясь о томъ, что завтра, послѣ этой Вальпургіевой ночи, васъ могутъ стащить въ тюрьму неисправныхъ должниковъ. Она полна, но дай Богъ, чтобы въ ней нашелся уголь и для васъ! Жена, я и сынъ были нервными, впечатлительными людьми; насъ тревожило малѣйшее горе, посѣтившее ближняго, давило безучастіе другихъ въ этому горю. Вамъ покажется это смѣшнымъ, дѣтскимъ, болѣзненнымъ малодушіемъ, негоднымъ въ обществѣ; вы всѣ знаете пословицу: на кладбищѣ живешь, такъ всѣхъ покойниковъ не оплачешь, этимъ себя только встревожишь, надо быть твердымъ. Я самъ теперь вполне согласенъ съ вами, умные, твердые люди, и никто изъ васъ не можетъ похвалиться такою твердостью, какъ моя... Въ такомъ настроеніи застала насъ та роковая зима, съ которой началось мое перерожденіе. Зима была суровая; богатые люди кутались въ шубы и прятались въ каретахъ; побѣднѣе люди запасались двойнымъ бѣльемъ, фуфайками и кутались въ шинели; совоѣмъ бѣднѣе отогрѣвали себя водкою, отгулъ торжествовалъ, у этихъ бѣдняковъ не

было ни фуфаякъ, ни шубъ, ни каретъ: чтакъ слава тому, кто первый превратилъ хлѣбъ въ вино! Ставьте ему монументъ, бѣдняки, напивайтесь до пьяна страшнаго зелья, заливайте имъ свое горе, разливайте имъ въ своихъ жилахъ адскій огонь, наперекоръ трескучимъ морозамъ, придавайте имъ силы на зло забивающей васъ судьбѣ, и когда горе захватитъ за самое сердце, пойте веселыя пѣсни, громнія, пьяныя пѣсни, будите ими уснувшихъ дѣтей, пугайте запоздалаго пѣшехода, тревожьте сонъ сибарита!... Дѣло было около Рождества, пошелъ я купить елку для сына и десятилѣтней дочери. Какъ-то особенно тяжело было мнѣ въ этотъ день, меня рѣзали по сердцу жалобные голоса изморившихся нищихъ, бродившихъ около воевъ съ провизіей и выпрашивавшихъ гроши у покупающихъ дичину богачей. Мнѣ было просто совѣстно тащить десятокъ куръ, пробиваясь между людьми, у которыхъ можетъ быть нѣтъ хлѣба. Закупивъ нужное, я поѣхалъ домой, поды́жаю и вижу у своего домика стеченіе празднаго народа. Я заглянулъ, на что смотрятъ любопытные, и увидалъ лежащаго на снѣгу человѣка.

— Что это, пьяный? спросилъ я.

— Пьяный, батюшка, отвѣчали мнѣ.

— Надо его подобрать, гдѣ подчастокъ? Я послалъ за подчаствомъ и, наскоро сунувъ провизію и елку въ кухню, вышелъ снова на улицу. Посланный возвратился и объявилъ, что подчаства нѣтъ, а будочникъ не можетъ отойти отъ будки. Я тотчасъ сообразилъ, что человѣкъ можетъ замерзнуть, и рѣшился внести его въ свой домъ. Въ эту минуту по улицѣ проѣхала карета и остановилась.

— Что вы смотрите? спросилъ выпрыгнувшій изъ кареты баринъ?—Человѣкъ замерзнуть можетъ, а вы помочь не хотите, мерзавцы! Каждый изъ васъ можетъ завтра же быть въ такомъ положеніи, значить надо и другихъ спасать, чтобы отъ нихъ помощи для себя требовать.

— Я его сейчасъ къ себѣ въ домъ хочу отнести, сказалъ я.

— И прекрасно сдѣлаете, замѣтилъ господинъ.—Удивительный у насъ народъ, скоты безчувственные каіе-то: посмотрѣли бы вы за-границей, тамъ общество само подаетъ помощь своимъ членамъ въ подобныхъ случаяхъ, а не ждетъ полиціи.

У насъ же человѣкъ можетъ погибнуть на улицѣ, а помоч-

щи не дожидается. Никто не понимает, что въ этихъ случаяхъ нужна самодѣятельность общества...

Господинъ говорилъ такъ, какъ говорятъ всѣ господа и какъ вслѣдъ за господами, нишуть всѣ журналисты, слѣдующіе своимъ обезьяньимъ наклонностямъ. Я читаль постоянно газеты и могъ угадать впередъ, что скажетъ мнѣ этотъ баринъ, а потому и поспѣшилъ, не тратя словъ, приступить къ дѣлу.

— Ну, братцы, пособите поднять его, сказала я. Большая часть толпы торопливо разошлась при этихъ словахъ, въ остальной пробѣжалъ ропотъ:

— Охота связываться! наживете бѣды! говорили голоса.

— Свины! крикнулъ баринъ и велѣлъ сойдти своему учеру и помочь мнѣ.

Перенесли бѣднягу ко мнѣ. Я велѣлъ его оттирать, а самъ побѣжалъ въ полицію дать знать. Въ кухнѣ мнѣ попалась дѣти, печально ходившіе около елки, ихъ встревожило появленіе въ квартирѣ пьянаго человѣка, котораго они считали за мертвеца.

— Что вы городской, что-ли, что съ улицъ пьяныхъ подбираете? обидчиво замѣтилъ мнѣ надзиратель, когда я пришелъ въ кварталъ.

— Не городской, но будочникъ и подчасокъ не явились на зовъ, а человѣкъ могъ бы замерзнуть.

— Ну и замерзъ бы, такъ не вы бы отвѣчали, холодно отвѣтилъ надзиратель.

— Вѣдь это безчеловѣчно! Этакъ можно даже допустить убить человѣка у нашихъ оконъ, благо мы отвѣчать не будемъ, оправдывался тѣмъ, что мы спали и не слышали криковъ.

— Ну, это философія! воскликнулъ надзиратель и послалъ со мною полицейскихъ солдатъ, хотя я требовалъ доктора, но его не было дома. Пришли домой, а пьяный все еще не пришелъ въ чувство. Солдаты и я подумали, подумали и рѣшили, что надо, во что бы то ни стало, призвать доктора. Тотъ только-что возвратился къ себѣ въ квартиру, и разсердился, что я зову его къ пьяному.

— Это много будетъ, если я ко всѣмъ пьянымъ мужикамъ ходить буду.

— Но вы обязаны; я говорю, что онъ не приходитъ въ чувство.

— Привезите его сюда, тогда увидимъ.

— Но онъ на дорогѣ можетъ умереть.

— Это не ваше дѣло.

— Послушайте, докторъ, я на васъ жаловаться буду. Вы имѣете дѣло не съ мужикомъ, который сталъ бы молчать.

— А! вы жаловаться будете! промолвилъ страннымъ и злоувѣщимъ голосомъ докторъ.—Извольте, я пойду.

Пришли мы. Докторъ освидѣтельствовалъ пьянаго и объявилъ, что онъ избитъ. Наѣхала полиція, составили актъ, пьянаго повезли въ больницу, на дорогѣ онъ умеръ. На другой день меня потребовали къ допросу, продержали долго; дерзости, надбланныя мнѣ допросчиками, вызвали съ моей стороны нѣсколько жолчныхъ и крайне рѣзкихъ отвѣтовъ.

— Мы пошлемъ справиться о васъ въ вашъ департаментъ, сказалъ приставъ.—Вы дѣлаете дерзости здѣсь, то не мудрено, что вы и деретесь съ людьми, которые ниже васъ.

— Не думаете-ли вы, что я убилъ этого человѣка?

— Я ничего не имѣю права думать, а собираю справки, сказалъ онъ съ иронической улыбкой.

— Кажется, дѣло ясно: напротивъ моего дома кабакъ, тамъ, вѣроятно, пьяный и былъ избитъ.

— Очень ловкое объясненіе. Но, къ сожалѣнію, цѣловальникъ говоритъ, что этотъ человѣкъ не былъ въ кабаѣ.

— Онъ можетъ врать...

— Очень можетъ быть. Найдите свидѣтелей, что онъ вреть, мы вамъ будемъ очень благодарны, это распушаетъ дѣло.

Взбѣшенный этой сценой я возвратился домой; конечно, о слѣдѣ, о веселой встрѣчѣ праздника не было и помню. На дѣтей ниванный подѣйствовалъ очень неприятно; они услышали, что онъ умеръ на дорогѣ и стали бояться мертвеца, не рѣшаясь пройти по темной комнатѣ. Я былъ раздраженъ и безъ того, и потому не мудрено, что не попробовалъ разъяснить имъ всю глупость ихъ страха, представивъ его въ смѣшномъ видѣ, а прикрикнулъ на нихъ и еще болѣе испугалъ ихъ. Жена была молчалива и какъ-то неприятно строга. Черезъ два дня въ департаментъ повалъ меня къ себѣ директоръ.

— Что у васъ тамъ за дѣло съ полиціей завязалось? спросилъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Это былъ баринъ чопорный, брезгливый, отличнаго воспитанія, тона и фамиліи; онъ

относился о полиціи съ крайнимъ пренебреженіемъ и, вѣроятно, попалъ бы въ бѣду за этотъ отчаянный либерализмъ, если бы его положеніе въ свѣтѣ не позволяло ему либеральничать, какъ угодно, и не дѣлало этихъ вольностей довольно миленькимъ кокетствомъ.

— Я рассказалъ ему всю исторію.

— Помилуйте, надо не имѣть ни капли смысла и такта, чтобы поднимать пьяныхъ съ улицы и тащить ихъ къ себѣ въ домъ. Вы могли бы просто послать своего дворника за этими—какъ ихъ тамъ зовутъ?—квартильными, подчастными, вѣдется, такъ?

— Но это все было бы слишкомъ длинно, а я и то раскаяваюсь въ своей медленности и раздумьѣ.

— Я думаю, ваша жена очень вамъ благодарна за этого гостя, улыбнулся директоръ своей тонкой, насмѣшливой улыбкой.—У него были прекрасныя манеры.

— Моя жена—женщина, а не истуканъ съ надписью: человекъ!

— То есть, что вы этимъ хотите сказать? прищурился директоръ, выглянувъ изъ-за бумагъ.

— То, что она понимаетъ необходимость подавать помощь ближнимъ, пьянымъ или ограбленнымъ, генераламъ или мужикамъ—это для нея все равно.

— Вотъ-съ какъ. Совершенство въ чиновническомъ мірѣ! Я преклоняюсь передъ добродѣтелями вашей жены, засвидѣтельствуйте ей мое почтеніе... Только я попрошу васъ: въ другой разъ, если вы будете имѣть дѣло съ этими слѣдственными подчастными, то не тревожьте департаментъ. Я не желаю, чтобы мои чиновники имѣли дѣло съ полиціей, и если они будутъ имѣть съ нею дѣло, то я попрошу ихъ не доводить это до меня. Директоръ вздохнулъ, окончивъ эту рѣчь. По своему положенію въ свѣтѣ, онъ имѣлъ полное право управлять русскими и не умѣть говорить по русски; если онъ говорилъ: «подайте мнѣ бумагу съ карандашемъ», то это значило: «подайте бумагу, на которой написано карандашемъ».

— Надѣюсь, что вы дали обо мнѣ хорошій отзывъ?

— Я вашей частной жизни не имѣю счастья знать.

— Но вы знаете мою служебную дѣятельность и можете судить полней о моей частной жизни.

— Помилуйте, люди такъ разны въ разныхъ положеніяхъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ахъ, Боже мой, что я не знаю вашей частной жизни.

— Значить, полиціа можетъ считать меня и за негодяя и за мерзавца?

— Это не мое дѣло... Извините, мнѣ крайне совѣстно, но у меня есть дѣло теперь. Директоръ вѣжливо и сухо раскланялся со мною.

Я вышелъ отъ него въ какомъ-то чаду. Дома меня уже ждало приглашеніе изъ полиціи. Начали меня таскать... Черезъ мѣсяць я былъ принужденъ продать за шестьсотъ рублей свой домишко и переѣхать на вольную квартиру въ двѣ комнаты... На моей шеѣ былъ уже долгъ... Надо мной висѣла черная туча; я былъ озлобленъ, измученъ, униженъ. Жена хворала, ее душилъ кашель... Знаете ли вы, что такое бѣдность? Какъ не знать: вы на художественной выставкѣ видѣли картинку, гдѣ былъ нарисованъ нищій: помните, какъ красиво выглядѣла заплатка на его зипунѣ? Но знаете ли вы, что у бѣдняковъ постоянныя ссоры, раздоры, непріятности изъ-за липняго куска хлѣба, изъ-за кофѣйки, переданной на рынкѣ кухаркою, которую непременно считаютъ воровкою? Знаете-ли вы, что каждый намекъ, каждое неумышленное рѣзкое слово, произнесенное однимъ членомъ бѣдной семьи, оскорбляютъ и вызываютъ на отвѣтъ другого ея члена? Гдѣ вамъ это знать! Этого нѣтъ на художественной выставкѣ!...

— Папа, нищенка пришла, милостыни просить, сказала мнѣ однажды моя дочь, когда нужда была въ полномъ своемъ развитіи. Я стиснулъ зубы и, молча, продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Пусть просить, мы сами скоро нищими сдѣлаемся! съ раздражительностію сказала моя жена. Бѣдная женщина страдала за дѣтей, зная, что теперь-то и были нужны деньги на ихъ воспитаніе, что Сашенькѣ не худо бы имѣть и особый уголь для выучиванія уроковъ, что въ общей комнатѣ, подъ говоръ разныхъ гостей и посѣтителей, плохое ученіе.

— Что это ты пророчишь? замѣтилъ я. — Ограбилъ я, что ли, свою семью, что меня упрекать можно?

— Я не упрекаю, но согласись самъ, что почти ничѣмъ за Сашу платить въ школу. Ты впутался въ дѣло, когда въ

нашемъ положеніи надо было благодарить Бога, что насъ не трогаютъ, не замѣчаютъ.

— Хорошій ты примѣръ подаешь дѣтямъ. Эгоизмъ, самый гнусный эгоизмъ проповѣдуешь! Ты вѣрно изъ нихъ негодяевъ приготовить хочешь. Это, точно, поможетъ имъ нажить богатство и не раззориться, какъ раззорился ихъ дуракъ отецъ. Погоди, они еще купятъ тебѣ дорогихъ нарядовъ....

Несчастливая жена задрожала, ее поразила моя жолчная выходка. Я отвернулся отъ нея и ушелъ за перегородку. На ея лицѣ я впервые замѣтилъ злобщія, красныя пятна, и меня ужаснула мысль, что я самъ оборвалъ еще одну изъ нитей ея жизни. Я видѣлъ, какъ она прижала къ своей груди дѣтей, точно кто нибудь хотѣлъ ихъ отнять у нея, какъ цѣловала она ихъ, какъ плакала надъ ними; я страдалъ, хватался за голову, сходилъ съ ума. Но я не могъ выйдти къ ней, не могъ у ея ногъ вымолвить себѣ прощенье, настолько чистности во мнѣ не было: для этого я былъ слишкомъ мужчиною, если можно такъ выразиться. Но и въ васъ, во всѣхъ васъ, мои братья, не нашлось бы этой готовности въ такую минуту. Дѣти, видѣвшія слезы матери, слышавшія мои гнѣвные слова, злобный голосъ, но незнавшія, что творилось въ моей душѣ, естественно, присмирѣли и дичились меня во весь этотъ день. Это еще болѣе оскорбляло и раздражало меня; я не поцѣловалъ ихъ, какъ дѣлалъ это обыкновенно передъ отходомъ ко сну. На другой день утромъ, они поцаловали мою руку и быстро отошли отъ меня, не дожидаясь, почти избѣгая моего поцалуя... Весь слѣдующій день я былъ хмурымъ и употреблялъ нечеловѣческія усилія побѣдить себя. Вечеромъ сталъ спойнѣе.

— Маша, сказала я женѣ, прости меня!

— За что, мой другъ? произнесла она голосомъ, который рѣзалъ мой слухъ; въ немъ была кроткая, но холодная покорность.—Ты ни въ чемъ не виноватъ...

— Нѣтъ, я знаю, что я виноватъ!

— Мой другъ, я говорю, что ты не виноватъ. Я, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ такая слабая, такъ еще привыкла къ вышнему блеску, къ этимъ женскимъ тряпкамъ, что меня стояло попрекнуть ими.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ я, слушая эти слова глубоко-ос-

ворбленной женщины и зная, что каждая стремящаяся къ развитію женщина, сознавая слабость своего пола, не выносить ни малѣйшаго намека на эту слабость со стороны мужчины.

— Я кругомъ виноватъ, я это вполне чувствую...

— Ты такой добрый, мой другъ, заговорила она.—Ты перенесъ всё лишенія; я знаю, какъ ты выбился изъ нужды, ты и теперь выйдешь изъ нея, не падешь духомъ; но я слаба, я не успѣла или, лучше сказать, не умѣла закалиться; я, какъ ребенокъ, любовалась твоимъ мужествомъ и по прежнему была малодушна. Только теперь я сознаю, что дѣйствительно меня занимали, можетъ быть, тряпки, что я не стоила быть твоей союзницей, что я въ непростительномъ самообольщеніи считала себя равной тебѣ. О какъ-бы много я дала, если бы было возможно воротить назадъ три дня и умереть тогда, а не теперь, зарыдала она.

— Мама, Мама! въ волненіи воскликнулъ я и припалъ къ ея рукѣ своими губами. Она наклонилась ко мнѣ, цѣловала мою голову, мои глаза, ея слезы катились на мои руки, на мое лицо. Въ эту минуту мы прощались съ прошлымъ: моя Мама самовольно, безропотно, съ неодолимою грустью выходила изъ роли союзницы, и дѣлалась моею ученицей, рабой, и я не могъ всѣми силами міра передѣлать этого, возвратить былое. Эти поминки старой жизни рѣшили все. Я сталъ слѣдовать за больной женщиной-ребенкомъ, какъ нянька, какъ вѣрный пестъ, какъ рабъ, и все-таки чувствовать, что этотъ ребенокъ считаетъ себя и есть на самомъ дѣлѣ слабѣе меня, ниже меня.

Сентиментальность! глупость! идеальничанье! Да, да, эманципаторы женщинъ, такими словами встрѣтите вы эти строки, и вы будете правы, *васъ* нисколько не потревожитъ, если *ваша* жена станетъ вашимъ ребенкомъ, *вы* требуете равноправности не для нея: *вы* рады тѣшить ее тряпками и играть роль повелителей.

А денегъ между тѣмъ было мало... Квартира, докторъ и лекарства для жены, вотъ тѣ новые расходы, которые, во первыхъ, принудили меня перемѣстить сына изъ дорогой школы въ гимназію, то есть заставить его подлаживаться подъ характеры новыхъ учителей и подъ новую методу преподаванія; во вторыхъ, заставили меня приняться давать уроки посторон-

нимъ дѣтямъ, то есть находиться постоянно внѣ дома, знать, что при лежащей въ постелѣ, раздраженной матери дѣти постоянно будутъ безъ надзора. Черезъ два года жена умерла. Я остался одинъ съ дѣтьми, но съ какими дѣтьми? Съ сыномъ болѣзненно-раздражительнымъ въ дѣлахъ, касавшихся лично его, и холоднымъ, безстрастнымъ въ дѣлахъ, касавшихся другихъ людей. Съ дочерью капризной и лѣнивой, уже на одиннадцатомъ году думавшей о тряпкахъ, завидовавшей своимъ богатымъ подругамъ. Попробовалъ я ихъ исправить, мнѣ казалось это нетруднымъ, такъ какъ они испортились только въ какіе нибудь два-три года, но дѣло оказалось неисправимымъ. Три года были для ихъ судьбы вѣчною: дурное семя, говорятъ, быстро даетъ плоды и заглушаетъ хорошее, посѣянное съ огромнымъ трудомъ, политое потомъ... Стоитъ ли говорить о семейныхъ сценахъ раздоровъ? Стоитъ ли хвастать тѣмъ, что моя дочь вышла замужъ за богатаго старика, что она имѣла важнаго любовника, что ее считали законодательницей модъ въ пошлѣйшемъ свѣтѣ, что она не замерзла безъ одежды на улицѣ, а умерла, наѣвшись мороженого на безпутно-блестящемъ маскарадѣ? Пожалуй, иныя, услышавъ это, ночь не будутъ спать отъ зависти. Или, вамъ угодно потѣшаться, какъ чиновникъ сынъ попрекнулъ меня моею немѣлостью?

— Помилуйте, батюшка, сказать онъ, вы кандидатъ университета, а вышли въ отставку, поссорившись съ директоромъ, не выслуживъ ничего.

— Я заслужилъ честное имя и спокойную совѣсть.

— Но этимъ вы сыты не будете. На міръ надо смотрѣть трезво. *A la guerre, comme à la guerre!*—говорять французы. Если у насъ отнимаютъ все и не даютъ ничего, то и мы не должны сантиментальничать. Вы хвалитесь своею твердостью, а въ сущности она просто слабость, непростительная слабость.

Я любовался въ это время его чиновническою, приличною наружностью, его невозмутимымъ спокойствіемъ, его умѣньемъ власть ногу на ногу, сидѣть удобно на креслѣ, ковырять перушкомъ въ зубахъ; онъ мнѣ напоминалъ нашего директора, и ужь никакъ не могъ я признать въ немъ потомка дьякона Трофима Благодѣлова.

— Я васъ не упрекаю, говорилъ онъ, вы уже устарѣли для упрековъ, но согласитесь, что вы ничего не могли сдѣлать со всѣми своими гуманными идеями. На что онъ годятся теперь, даже для васъ самихъ?

— Чтобы смѣло плевать въ глаза такимъ подлецамъ, какъ ты! отвѣтилъ я, всталъ и...

Больше я не видалъ своего сына, больше у меня не было сына, я похоронилъ въ этотъ день своего Сашу. Тотъ Александръ Егоровичъ Благолѣповъ, котораго знаетъ весь городъ, какъ умлаго правителя канцеляріи, какъ богача, женившася на глупой купчихѣ, не мой сынъ. Въ этого звѣрски-грубаго, огрызающагося за малѣйшую царапину, нанесенную ему, давящаго безъ состраданія слабыхъ, ловко изгибающагося передъ высшими, въ этого зашибающаго копѣйку человѣка, я первый готовъ бросить камень: онъ мнѣ чужой! Онъ, можетъ быть, забрызгаетъ грязью, проѣзжая въ своей каретѣ, мой заплатаанный, покрытый пятнами сюртукъ, но я нагнусь до грязи и пушу его въ его блестящій форменный мундиръ, въ его бѣлый, мастерски завязанный галстукъ, въ его приличную, выскобленную физиономію: онъ мнѣ чужой!

На дняхъ, мучимый до обвиновенію бессонницей, я блуждалъ ночью по улицамъ Петербурга. Было около трехъ часовъ ночи. Передъ моими глазами какой-то молодой человѣкъ началъ взбираться по лѣстницѣ штукатуровъ на высоту десяти сажень. Я зналъ, что это или мошенникъ или человѣкъ, рѣшившійся на самоубійство, и не остановилъ его.

— Вонъ мазурикъ лезетъ! сказала мнѣ дворникъ, караулившій домъ.

— Да, отвѣтилъ я ему.

— Развѣ подчаства позвать?

— Что-жь позови, если хочется, промолвилъ я и продолжалъ смотрѣть, какъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ взбирался на

высоту. Пришелъ подчастью, начала собираться толпа. Изъ дома высунулись отвратительныя заспанныя лица женщинъ въ ночныхъ чепцахъ, съ жиденькими косичками, съ полинявшими щемами, бровями, и пугавшія отсутствіемъ вынутыхъ на ночь зубовъ. За этими мегерами торчали еще болѣе отвратительныя фізіономіи съ всклооченными волосами, съ повисшими внизъ усами; это были мужчины, не проспавшіеся отъ вчерашнихъ попойкъ, отъ вчерашняго разврата. Я продолжалъ смотрѣть и даже нашель силы въ себѣ злобно улыбнуться при мысли, что и эти отвратительныя въ своемъ пьяномъ безпорядкѣ головы требуютъ у кого нибудь ласкъ и поцалуевъ и требуютъ ихъ именно въ этомъ видѣ. Какъ отвратительныя челоѣкъ съ просонья! Ни одинъ звѣрь не измѣняется отъ сна и только челоѣкъ въ минуту пробужденія носить на себѣ клеймо своей развратности, своихъ низкихъ страстей и гнусныхъ побужденій. Въ эту минуту скверно смотрѣть на лучшаго друга! Толпа завела разговоръ съ неизвѣстнымъ челоѣкомъ.

— Вотъ какъ фонари погасятъ, такъ я птицей слечу, никто и не увидить, какъ я слечу, отвѣтилъ онъ и, раскачивая лѣстницу изъ всей мочи, запѣлъ какую-то пѣсню. Въ этомъ голосѣ было что-то страшное, дикое. Я понялъ, что онъ съумашедшій и улыбнулся, потому что вѣдь и меня зовутъ съумашедшимъ. Минуты летѣли, никто не подостлалъ своей шинели на то мѣсто, куда могъ упасть несчастный; никто не рискнулъ взобраться на лѣстницу и, жертвуя собою, спасти ближняго. Вѣкъ благодѣтельныхъ самарянъ и великихъ героевъ прошелъ.. Была одна минута, когда я хотѣлъ вскарабкаться наверхъ своими старыми ногами, но это была только минута. «Да нужна-ли ему жизнь? подумалъ я. Или, потѣшить толпу и вмѣстѣ съ нимъ слетѣть съ высоты? Нѣтъ, я хочу еще посмотреть на людей, потѣшить злобу, и пусть погибаетъ его молодая жизнь, если она ему не нужна! Мы всѣ чужіе, пусть гибнутъ, пусть страдаютъ, пусть проклинаютъ люди, — мы будемъ покойны, пока страданье не коснулось насъ самихъ...»

Толпа между тѣмъ уже успѣла привыкнуть къ новому событію и начала шумѣть и острить, точно неизвѣстный челоѣкъ поселился на вѣчное житіе на вершинѣ лѣстницы.

— Вонъ твой женихъ сидитъ! крикнулъ со смѣхомъ одинъ дворникъ, показывая навверхъ вышедшей изъ дому дѣвушкѣ.

Она подняла голову, чтобы взглянуть туда, и въ то же мгновеніе въ воздухѣ раздался медленный, пронзительный вой, и къ ногамъ дѣвушки упало человѣческое тѣло. Никогда, никогда не забуду я этого страшнаго глухого звука... Я заглянулъ на тѣло, голова еще шевелилась въ предсмертныхъ судорогахъ, кровь лилась ручьемъ на середину улицы... Можетъ быть, это былъ вашъ знакомый, можетъ быть это былъ вашъ сынъ, братъ? Ну бросайте же въ меня каменья за то, что я не спасъ его! Бросайте ихъ и въ эту толпу, стоящую со мною втеченіи трехъ часовъ! Безчеловѣчная толпа! Сегодня она не спасла этого бѣдняка, завтра не спасетъ другого. Вы видите ее каждый день, праздно глазѣющею на лежащихъ въ обморочѣ людей, вы слышите въ эти минуты ея звѣрени бездушныя шутки... Бросайте же въ нее каменья! Чего жъ вы боитесь?.. Вы съ ужасомъ смотрите на меня, пятитесь назадъ въ своихъ вреслахъ, вамъ кажется, что этотъ человекъ забрызгалъ меня своею кровью... Ну, что же, если я страшенъ, такъ идите прочь, идите спать, и вамъ бросилъ свой рассказъ, свою подачку, вы мнѣ больше не нужны... Теперь вамъ сонъ будетъ крепокъ...

На этомъ мѣстѣ, господа, рассказъ прерывается и слѣдуетъ счетъ бѣды. Но это нисколько неинтересно.

VANITAS VANITATUM ET OMNIA VANITAS!

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ НА РОЖДЕСТВО).

Нѣтъ-съ, что вы, господа писатели, не говорите насчетъ нашихъ доходцевъ, пенсій или относительно знаковъ отличія, какъ тамъ не разсуждайте, подѣ влияніемъ разныхъ этакихъ житейскихъ недоразумѣній и непрѣдвидѣнныхъ обстоятельствъ, а положеніе наше весьма шатко. Не подумайте, что я намѣкаю этимъ на сатиры какія пибудь или комедіи обличительныя, гдѣ нашего брата чиновника, такъ сказать, въ утреннемъ халатѣ и ночномъ колпакѣ, напоказъ публикѣ, на сцену выводятъ. Это что! Это еще съ хлѣбомъ бы съѣсть можно; но гоненія судьбы, удары неожиданныя — вотъ что страшно. Спишь, спишь, сны такіе фантастическіе видишь, кругомъ Аркадія, и вдругъ выплывъ чортъ знаетъ что такое! Могу васъ увѣрить, что нерѣдко приходятъ минуты, когда пофилософствуешь этакъ, знаете, въ уединеніи своего кабинета, махнешъ на все рукой, и неволью скажешь, съ царемъ Саломономъ: суета суетъ и всяческая суета, изъ праха мы взяты и въ прахъ возвратимся! Вотъ теперь хоть бы и меня взять въ примѣръ: столоначальникомъ я сдѣланъ, креста въ новому году жду и непременно получу его, какія тамъ козни нестрой мерзавецъ Бурдашевъ, а право, не шутя, думаю удалиться на свой хуторъ, — на лонѣ природы, если смѣю такъ выразиться, жизнь окончить... Вотъ вы ужъ и улыбаетесь, господа, и читаю я по вашимъ глазамъ, что вы думаете, будто это я такъ себѣ отъ разстройства желудка, что-ли, разнѣжился и фантазирую. А мнѣ, ей-богу, въ самомъ дѣлѣ

не по себѣ, такъ тутъ не до фантазирования! Оно, безспорно, пріятно, какъ видишь, что и осанка у тебя облагородилась, внушительною сдѣлалась, что и канцелярскіе писцы, какіе нибудь регистраторы разные, съ уваженіемъ на тебя смотрять, что даже и кресло твое гоголемъ между ихъ жидкими стульями стоитъ; иногда усмѣхнешься, глядя на него, какъ оно, само по себѣ, уже столоначальникомъ выгладить; а тамъ случится какая нибудь исторія пасквильная, ну и падешь духомъ и хуже мокрой вурицы въ душѣ станешь, едва-едва наружную важность сохраняешь, и то для того только, чтобы низшимъ повода къ неуваженію не подать, чтобы званію ущерба не было черезъ это самое наше малодушіе. Нѣтъ-съ, все—прахъ, повѣрьте мнѣ, и вы головы не вздергивайте; это вы только потому ее поднимаете, что васъ тамъ какія нибудь высшія лица, редакторы, критики разные обласкали, окладъ прибавилъ или что нибудь тому подобное для вашей славы сдѣлалъ; но и это, помяните мое слово, прахъ и суета, нѣчто переходящее, звонъ колокольный... Да что далеко ходить за примѣромъ: вотъ вчерашняя газета, я ее парочно себѣ на память изъ департамента увезъ. Прочтите.

«Супруга и дѣти Его Превосходительства, статскаго совѣтника Іакова Васильевича Рязанцева и кавалера разныхъ орденовъ, съ прискорбіемъ извѣщая во всеобщее свѣдѣніе о кончинѣ, первая—своего безцѣннаго супруга, вторые—своего родителя, просятъ покорнѣйше друзей, знакомыхъ и бывшихъ сослуживцевъ усопшаго отдать ему послѣдній долгъ при отпѣваніи, имѣющему состояться въ церкви Вознесенія, 12 Августа сего 1855 года».

Оно, конечно, немного нелитературно написано, въ разсужденіи слога, и въ титулѣ превышеніе противъ чина значится, (вѣроятно, дворецкому въ попыткахъ написать велѣли),—но не въ томъ дѣло. Человѣкъ умеръ! И какой человѣкъ: Іаковъ Васильевичъ Рязанцевъ! А отчего онъ умеръ? кто онъ такой былъ? какъ жилъ? что это за прискорбные родственники?—вотъ что вы спросите! Вѣдь и къ Александру Македонскому, я полагаю, гостей на похороны приглашали, а между тѣмъ его исторія поучительна для юношества. Если ужъ дѣло коснулось поучительности, то Іаковъ Васильевичъ былъ въ своемъ родѣ тоже Александръ Македонскій.

Я познакомился съ нимъ или, вѣрнѣе сказать, онъ познакомился со мною, выбравъ меня своимъ домашнимъ секретаремъ, въ то время, когда онъ уже стоялъ, если смѣю такъ выразиться, на высотѣ своего величія, вѣрочалъ цѣлой канцеляріей, въ лучшемъ обществѣ домашнимъ человѣкомъ сдѣлался; князья, графы въ нему на обѣды ѣздили; чопорныя барыни, словно крѣпость какую, записочками раздупонными осаждали его, прося у него протекціи и мѣсть для своихъ протезѣ; а какія нибудь этакія—извините меня, Марья Васильевна!—Каролины Карловны и Матильды, сидя во второмъ ярусѣ въ итальянской оперѣ, на него масляными глазками поглядывали и, думая поддѣть на свои крючечки такую рыбицу, свои круглыя плечики изъ-подъ открытаго лифа еще больше высовывали, такъ что съ перваго раза и не поймешь, лифъ-ли тамъ у нихъ или такъ себѣ поясокъ неширокій грудь придерживаетъ... Про балетъ и говорить нечего! Передъ кѣмъ танцовщица выше всего свои ножки поднимаетъ?—передъ Іаковомъ Васильевичемъ. На кого она съ улыбкой глядитъ въ то время, когда перекинется спиною и повиснетъ на дюжей рукѣ танцора?—на Іакова Васильевича. Въ чьи руки смотришь, выбѣжавъ, какъ сабачонка изъ воды, на сцену въ день своего бенефиса?—въ руки Іакова Васильевича!... Первое время мнѣ просто совѣстно было по его комнатамъ проходить. Извѣстно, въ молодомъ человѣкѣ какая осанка? Такъ себѣ, сосисья какая-то онъ съ фалдочками. Опять-же и полы скользкіе, того и смотри, что полетишь. Иду я, бывало: въ зеркалахъ мои фалдочки отражаются, кругомъ лакеи снуютъ въ бѣлыхъ галстухахъ, барыни важныя, въ бархатахъ и атласахъ, на половину ея превосходительства проплываютъ, въ гостиную хохочутъ веселымъ смѣхомъ сыновья Іакова Васильевича и ихъ друзья. А надъ чѣмъ они хохочутъ? можетъ быть, надъ моими фалдочками хохочутъ! Бывало, потъ выступить, покуда я доберусь до кабинета Іакова Васильевича, а тамъ уже звучитъ его голось отрывистый:

— Опять ты, мерзавецъ, оброкъ не сполна привезъ? Когда это кончится? Не прикажешь-ли мнѣ государственную службу бросить и самому въ деревню ѣхать недоимки собирать? На что же я тебя держу?

— Виновать, батюшка Іаковъ Васильевичъ, отвѣчаетъ при-

ващикъ. Бестія мужичонка былъ, продувной тавой; теперь домъ каменный имѣеть.—Нонѣшній годъ, сами изволите знать, урожаи были плохи...

— Урожаи плохи! А прошлый годъ? А за-прошлый годъ? Скажешь тоже—урожаевъ не было?

— Это что Бога гнѣвить, только вотъ пожары опять...

— А, пожары, пожары! Чего-жь вы смотрѣли: подъ вашими глазами горить, а вы спите? Чего вы смотрѣли, говори, чего смотрѣли? колотить Іаковъ Васильевичъ, по своей привычкѣ, оборотомъ правой руки по лѣвой ладони.

— Виноваты, батюшка, оплошали...

— А, оплошали, оплошали! А я безъ денегъ сижу изъ-за васъ, я отъ своей деревни доходовъ не могу дожидаться! Чтобъ все было собрано! знать ничего не хочу. Погодите, погодите, доберусь я до васъ!

Постою я, бывало, у дверей, едва съ духомъ соберусь войдти въ кабинетъ.

— Гдѣ это вы, милостивый государь, пропадаете? скажетъ съ неудовольствіемъ Іаковъ Васильевичъ.—Прочтите, что тамъ изъ Ярославля пишутъ, я разобрать не могу.

Сяду я читать; письма изъ разныхъ деревень: жалобы, клязвы разные пишутъ негодии мужики, на старость клеветцуютъ, нищими прикидываются, будто-бы имъ жить нечѣмъ. Слышите: имѣя свои собственныя земли и избы, жить нечѣмъ! И вѣдь какъ хитры эти бестіи! Такія небылицы иной придумаетъ, что и уму нецостижимо. И неурожаи, и пожары, и падежъ скота, и мертвыя тѣла, и становыхъ—все приплететъ, такая фантазія выходитъ, что хоть бы въ печать, если бы грамотно написано было.

— Грамоты научиться не могли, а клязничать находятъ время! скажетъ Іаковъ Васильевичъ и велитъ не читать остальныхъ писемъ, выбросить ихъ вонъ.—Распорядись съ ними, обратится онъ къ прикащику.—Вотъ этотъ Петръ Косой пятый разъ мнѣ пишетъ. Должно быть негодный мужичонка?

— Пьяница, батюшка Іаковъ Васильевичъ, отвѣтитъ прикащикъ:—безъ просыпу пьянствуетъ...

— И буйный, должно быть?

— Какъ же, за нимъ больше всѣхъ недоимокъ...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: буйный онъ, или пѣтъ?

— Буйный, батюшка.

— Ну да, ну да, я такъ и зналъ это! Буйный, буйный! А, онъ бунтовать вздумалъ! Ну въ солдаты его, въ солдаты! заколотить Иаковъ Васильевичъ правой рукой по лѣвой. Ты распорядись тамъ, покажи примѣръ. Теперь ступай. — Прочли вы бумаги? обратится онъ ко мнѣ.

— Прочель-съ, отвѣчаю я.

— Давайте же тѣ, которыя важнѣе.

У меня ужъ, знаете, все разобрано, все разсортировано, начну я докладывать: эта, молъ, объ томъ-то, а эта объ этомъ-то. Иаковъ Васильевичъ слушаетъ и подмахиваетъ перомъ, слушаетъ и подмахиваетъ. Вотъ голова-то была у челоуѣка. Соображеніе молніи подобное, память... да что и говорить о памяти! Когда его еще столоначальникомъ сдѣлали, то одинъ чиновникъ, Пѣтуховъ по фамиліи, не хотѣлъ его поздравить, и вѣдь, что вы думаете, до послѣдней минуты бывало, какъ попадется Иакову Васильевичу докладъ о награждѣ Пѣтухову, такъ онъ сейчасъ и замѣтитъ:

— А, это тотъ вольнодумецъ? Вычеркнуть!

Вотъ такъ память! Но я, такъ сказать, нить разсказа прервалъ, это у меня отъ непривычки; у насъ тамъ, у литераторовъ все кругло выходитъ, періодами такими; ну а съ насъ нечего взыскивать. Ну-съ, итакъ я остановился на докладахъ.

— Вотъ-съ, говорю я Иакову Васильевичу, просьбы о вспомоществованіи.

— Ну ихъ! У насъ у самихъ денегъ нѣтъ. Отослать въ митрополиту.

— А это вотъ по подрядамъ.

— Отложите, это я самъ ночью просмотрю.

— Чиновникъ Прохоровъ проситъ о замѣщеніи его сына на службу.

— Куда его помѣстить? На шею себѣ, что-ли? Дуракъ, тридцать лѣтъ прослужилъ, а не знаетъ, что безъ вакансіи нельзя принимать на службу.

— Онъ на мѣсто Малышева проситъ его замѣстить.

— Что вы мнѣ толкуете на мѣсто Малышева! На мѣсто Малышева пришлетъ Марья Николаевна Сухошова-Терпухова; сами же вы ея письмо вчера читали... Ну, все?

— Всесѣтъ...

— Уоъ! экъ мы провозились съ вами! Недолго, недолго выдержать мои силы, проговорить онъ со вздохомъ и станетъ одѣваться, знаетъ, что въ пріемной уже ждуть его или важные гости, съ визитами пріѣхавшіе, или просители, жмуціеся другъ въ другу, точно стадо овецъ передъ бурей. А тамъ еще въ канцелярію надо заѣхать, визиты необходимые сдѣлать, на обѣдъ равныхъ себѣ пригласить, въ оперѣ или въ клубѣ показаться, чтобы люди не назвали скрягой и чтобы женѣ одной не ѣздить, какъ брошенной; приходится и о дѣтяхъ позаботиться: однимъ гувернера нанять, другимъ мѣсто приличное достать. Ужь о мелочныхъ заботахъ, въ родѣ выдачи жалованья прислугѣ, покупки нарядовъ для жены, заказа экипажей и мебели, я и не говорю. Но вѣдь на такомъ мѣстѣ, на какомъ стоялъ Іаковъ Васильевичъ, и сервировка стола, не говоря о чемъ нибудь болѣе значительномъ, требовала личного надзора. Оффиціанты тамъ или дворецкіе взяли бы и накрыли бы столъ по своему, наваливъ зря всякаго серебра, такъ что какая нибудь чаша—ренессансъ подлѣ русскаго серебрянаго бурава съ солью стала бы; ну и вышелъ бы не сервированный столъ, а складочный магазинъ аукціонной камеры, гдѣ, конечно, все равно, если помпейская ваза стоитъ рядомъ съ старымъ корытомъ: ницета, значить, всѣхъ въ одну яму сажаетъ!.. Да-съ, долженъ былъ Іаковъ Васильевичъ, по своему блестящему положенію, и въ эти мелочи входить и, какъ геній, вездѣ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Выйдетъ онъ передъ обѣдомъ въ столовую, сощуритъ глаза и говоритъ:

— Долой приборы! Узко накрыли. Дамамъ сидѣть нельзя будетъ. Широкою вставку вложить. Это зачѣмъ вы русскія ложки положили? Подать англійское серебро. Петръ, ты неровно приборы поставилъ.

— Кажется, ровно, вздумаетъ спорить Петръ.

— Говорятъ тебѣ, что неровно! Подай салфетку! возьметъ Іаковъ Васильевичъ салфетку и начнетъ мѣрять, выйдетъ, что онъ правъ. Вотъ видишь, негодяй! швырнетъ баринъ скомканную салфетку въ лицо Петра.

Безстыжій народъ эти лакеи, могли бы, кажется, понять, что кто нибудь другой ошибется, а не ихъ баринъ со своимъ глазомѣромъ. Фельдмаршаломъ бы ему быть! Если бы, примѣрно, рассказать какому нибудь сапожнику, что человѣкъ мо-

жеть передѣлать воѣ эти дѣла одинъ, то онъ только усмѣхнулся бы да подумалъ, что ему очки въ глаза втирають, неблицу рассказываютъ, потому что у него, у сапожника, и все-то дѣло сапоги шить, въ праздникъ пьянымъ какъ сапожнику напиться, да жену побить. Не велика, кажется, работа, а онъ и отъ нея охаетъ и за дѣтьми присмотрѣть не можетъ, жалуется, что они отъ рукъ отбились. Конечно, какому нибудь сапожнику по этому по самому и не бывать государственнымъ человѣкомъ, а долженъ онъ и то за великое счастье считать, что дала ему судьба возможность отличиться, хорошия сапоги на государственныхъ людей шить, чтобы эти люди своимъ ногъ не промачивали, мозолей, съ позволенія сказать, не натирали и драгоценнаго здоровья не губили. Что—сапожникъ! И вы, любезный Василій Васильевичъ, и вы, почтеннѣйшая Марья Васильевна, могу васъ увѣрить при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, не только не исполнили бы трудовъ Иакова Васильевича, но просто отъ одного его присутствія почувствовали бы нѣкій трепеть. Часто я, бывало, любовался, когда Иаковъ Васильевичъ въ своей щегольской каретѣ по Невскому мчался, или когда онъ входилъ въ канцелярію: осанка такая гордая, поступь величественная, всё ему кланяются, дохнуть никто не смѣетъ, иному чихнуть хочется и того не смѣетъ; а онъ идетъ въ свой кабинетъ, едва склоняя голову, если встрѣтитъ кого изъ начальниковъ отдѣленія. Бывало, всё оwoло того увиваются, кого онъ осчастливитъ пожатіемъ руки.. И вотъ если бы меня на мѣстѣ убили въ то время, когда онъ держалъ въ своихъ рукахъ, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбу десятковъ людей, такъ я не повѣрилъ бы, что этакій дубъ можетъ свалиться и отчего свалиться — сказать страшно!

Въ одинъ прекрасный день, — то есть день-то былъ не особенно хорошъ, а какъ сейчасъ помню, что я тогда до костей промокъ, ну да это такъ принято у васъ тамъ въ литературѣ говорить, когда исторія доходить до самого интереснаго мѣста, — итакъ въ одинъ прекрасный день прихожу я съ бумагами въ Иакову Васильевичу и нахожу его чрезмѣрно, могу сказать, необычайно пасмурнымъ и раздраженнымъ. Удивило это меня, потому что въ это время и прикащикъ изъ деревни съ оброгами не пріѣзжалъ и, сколько я зналъ, особенныхъ неприятностей, въ родѣ ревизій или реформъ какихъ по каще-

Ларин, не было. Любобычество меня взяло, распросилъ и потому сториною, что случившеся, и вотъ что узналъ. Отъ того узналъ, что позволите мнѣ умолчать, да впрочемъ оно и не идетъ къ дѣлу. Источникъ былъ вѣрный. Никанунъ этого до-стопамятнаго дня до Павлова Васильевича дошелъ слухъ, что его жена чувствуетъ особенное расположение къ гувернеру, живущему въ ихъ домѣ. Этотъ слухъ, какъ и всѣ другіе слухи, объжалъ прежде весь городъ и уже только потому долетѣлъ до того, до того касался Павлова Васильевича, сильно встрѣ-вижло это дѣявіе.

— Не стыдно-я вамъ, сударыня... выговаривалъ онъ женѣ. И съ кѣмъ? съ гувернеромъ, съ мальчишкой!...

— Вы сами такъ ведете себя, что я могла бы считать себя свободною, промолвила чего супруга. Она была, какъ и слѣ-дуетъ на ея мѣстѣ, женщина хладнокровная, безъ предубѣ-деній. — Если вы промѣняли меня на какую нибудь Жюли, то я имѣла право отплатить вамъ тѣмъ же, но я не отплатила. Эти слухи, какъ и всѣ слухи, клевета. Мало-ли шоро-кого что говорили! Я покровительствую Вундту, потому что онъ до-стойный человекъ, вотъ и все.

— Такъ вы утверждаете, что эти слухи — вздоръ?

— Да.

— Ну-съ, въ такомъ случаѣ, я не желаю поддерживать ихъ какъ вѣрными присутствіемъ Вундта въ нашемъ домѣ и откажу ему отъ мѣста.

— То есть, подождете въ огонь масла, дадите поводъ гово-рять, что вамъ открыли глаза и вызвали этимъ домашнюю драму, дадите поводъ предполагать разныя глупости, сбѣаете меня мнимою жертвою ревниваго мужа. Свѣтъ будетъ вамъ очень благодаренъ...

— Пусть говорятъ, что угодно, а я на-отрѣвъ товарю, что его не будетъ въ нашемъ домѣ.

— Очень жаль, тѣмъ болѣе, что я, заботясь о дѣтяхъ, узнала, какъ способенъ Вундтъ. Но это рѣшено, значить и толковать не объ чемъ. Только я попрошу васъ на будущее время самихъ слѣдить за дѣтьми, когда возьмемъ новаго гу-вернера, чтобы избавить меня отъ новыхъ сценъ и подоврѣ-ній. Вы не считали нужнымъ заботиться о дѣтяхъ лично, вы думали, что ваша обязанность исполнена вполне тѣмъ, что

вы платите за ихъ воспитаніе. Если бы я не слѣдила за ихъ ученьемъ, если бы Вундтъ не былъ добросовѣстнымъ человѣкомъ, они могли бы вырасти неучами. Можетъ быть, вы и наложили на меня эту обязанность слѣдить за дѣтьми, чтобы приготовить эту сцену и оправдать въ моихъ глазахъ свое поведеніе....

— Это просто ни на что непохоже! Вы меня подлецомъ въ глаза называете!

— Я васъ никакъ не называю, я вамъ просто напоминаю ваши обязанности. И что у васъ за манера волотить руками... такъ и вается, что вы драться хотите... Впрочемъ, отъ слушанья сплеть до драки одинъ шагъ... И откуда взялись у васъ эти плебейскія привычки?

— Послушайте, я васъ заставлю молчать. Я пришелъ къ вамъ не за наставленіями, вы сами нуждаетесь въ нихъ, а вы меня осмѣливаетесь въ грязь топтать! Я васъ въ монастырь упрячу!

— Вы пьяны? холодно спросила супруга Іакова Васильевича, спокойно глядя на его раскраснѣвшееся лицо.

— Что?!

— Вы пьяны! Ступайте вонъ; если дѣло дойдетъ до скандала, то вспомните, что вы останетесь нищимъ....

— Я васъ попрошу, Наталья Андреевна...

— А я вамъ приказываю, Іаковъ Васильевичъ, идти вонъ и не являться ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока вы не отрезвитесь. Я вамъ еще разъ повторяю, что вы пьяны...

Нѣтъ, вы представьте себѣ положеніе Іакова Васильевича: жена, законная жена осмѣлилась сказать ему, что онъ пьянъ, и выгнать его вонъ! Бѣсился онъ, изъ себя выходилъ, а она точно каменная, точно бездушная статуя, не измѣнилась въ лицѣ. Іаковъ Васильевичъ, какъ мужчина, былъ горячъ, приученъ своимъ положеніемъ встрѣчать покорность, а она, напротивъ того, была хладнокровна, и этимъ-то самымъ она и могла его поразить. Стерпѣлъ онъ этотъ ударъ, махнулъ рукой, оставилъ у себя гувернера, только пасмурнѣе сдѣлался. Но радость къ радости, деньги къ деньгамъ, а горе къ горю идетъ, это дѣло на опытѣ доказано. Черезъ нѣсколько дней пришелъ къ Іакову Васильевичу еврей-ростовщикъ и объявилъ, что Андрей Іаковлевичъ, сынъ Іакова Васильевича, надавалъ

ему векселей, что онъ подастъ ихъ во взыскаіію. Сталь на него кричать Іаковъ Васильевичъ; только—шельмы эти евреи, трясутся они, дрожать, точно съ мороза, а испугать ихъ трудно. Кланяется бестія Ицка передъ Іаковомъ Васильевичемъ, извиняется, трепещетъ, а на своемъ стоитъ. Нѣтъ хуже положенія, какъ имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ. Ты думаешь, глядя на его подлые поклоны, слушая его рабскія извиненія, что онъ сейчасъ тебѣ въ ноги повалится, — онъ же своимъ дрожащимъ, трусливымъ голосомъ бормочетъ: «Сто дѣлать, васе превосходительство, сто дѣлать! долзень-зе я свои деньги полуцить, я узъ лутце во взыскаіію подамъ!» А чего тутъ лучше? Ничего лучшаго нѣтъ! Фамилію осрамить. Выгналь его Іаковъ Васильевичъ и велѣль позвать сына. Явился тотъ. Красивый онъ былъ молодой человѣкъ, въ гвардіи служилъ, всѣ его въ модныхъ ресторанахъ знали, важныя барыни его хорошимъ женихомъ считали и ухаживали за нимъ.

— Ты, сказалъ отецъ, векселей тамъ надавалъ?

— Да, отвѣтилъ сынъ, весело поигрывая съ собачкой Іакова Васильевича.—Деньги были нужны.

— Что же у меня не спросилъ?

— Я спрашивалъ, да вы сказали, что еще не получали изъ деревни, такъ я и занялъ. *Apporte!* крикнулъ онъ сабачонкѣ, кинувъ на полъ свои перчатки.

— Однако надо было бы позволенье спросить, можно ли занимать.

— Что это вы, развѣ я ребенокъ?...

— Не ребенокъ, но бутить я тебѣ не позволю. Я давно собирався тебѣ замѣтить, что твоя жизнь меня сильно огорчаетъ.

— Не смѣй грязѣть, не смѣй. — *Apporte!* забавлялся сынъ съ собачонкой.

— Послушай, я съ тобой говорю...

— Я слушаю.

— Чего жь ты съ собакой возишься?

— Это мнѣ не мѣшаетъ слушать.. Ну, служи, Ледька! Т-съ, смирно!

— Ты тамъ съ камеліями возишься, на танцовщицъ тра-тишься, у кандитеровъ чортъ знаетъ сколько проѣдаешь, любовницу держишь....

— А! моя Минхенъ славная дѣвочка!

— Славная или вѣтъ, но все это надо кончить...

— Что съ вами? Вѣрно васъ приказчикъ разсердилъ? Камелия, талцовница, любовница... Да у кого же ихъ вѣтъ? Я еще молодъ. Когда у меня любовь не будетъ, тогда и орѣхонъ не буду вѣтъ.

— Ну, а я требую, чтобы ты, имѣя зубы, не вѣлъ орѣхонъ.

— Что-жь вы хотите ихъ всея себѣ оставить? несмѣлливо спросилъ сынъ. Пошла провъ, дрянная собачонка, привнуль онъ. Перчатку испорчила!

— Не думаетъ ли ты мнѣ наставленія читать? вслыхидь Іаковъ Васильевичъ.

— Подите горячиться! Не читайте мнѣ наставленій, и я вамъ, не буду ихъ читать. Вы должны знать, что если у васъ, у старшихъ, есть какія-нибудь потребности, то онѣ должны быть и у нашей брата, молодежи. У васъ Жюли, у меня Минхенъ, разница только въ именахъ.

— Жюли, Жюли! что вы затвердили ее. Ты мальчишка, а тебя молчать заставлю!

— Что у васъ за манеры! Вы не съ своимъ канцелярскимъ ророрите, а со мною. — Убирайся, скверная собачонка!.. Вы берете на себя право учить меня какой-то лучшей жизни, не исполнивъ обязанности доказать придевромъ, что эта пресловутая лучшая жизнь возможна. Заботились бы обо мнѣ, когда я былъ мальчишкой, не оставляли бы съ гувернанткой, которая чортъ знаетъ что со мною дѣлала, не содержали бы Жюли, объ чемъ весь городъ доподлинно лаваетъ толкуетъ... Да и живите, какъ хотите, я не считаю этихъ глупостей преступленьемъ, но не мѣшайте и мнѣ жить. Нынче вѣкъ не тотъ; вы горячитесь, какъ чепорѣкъ отливный.

— Мерзавецъ! вышелъ изъ себя Іаковъ Васильевичъ. — Я тебя уничтожу!

— Для того, вѣроятно, чтобы легче присвоить имѣнье матери? Вы и ее, какъ я слышалъ, попробовали уничтожить. Говорятъ тебѣ, отстань, Ледька! привнуль сынъ и швырнулъ сабачонку въ уголъ; та завизжала.

— Оставай сабаку, пегодней!.. Вы всея стговорились, всея заодно! Вонъ!

— Послушайте, я уйду, ваше общество очень приятно.

не вамъ не удастся уничтожить ни мепл, ни матеря. Советую вамъ не выходить изъ себя и не кричать. Это вредно для вашего здоровья.

Сынъ весь былъ въ мать и могъ шутить даже въ такіа минуты. Іаковъ Васильевичъ захворалъ отъ этихъ огорченій. Ему было больно, что онъ отогрѣлъ змѣю на своей собственной груди. Обманутый женой, оскорбленный сыномъ до глубины души, онъ съ приснобѣемъ долженъ былъ искать отрады на сторонѣ; оной собственный домъ сдѣлался ему постылымъ. Я говорю: свой собственный домъ, потому что и домъ и деревня были его собственныя, но онъ ихъ написалъ на имя жены; впрочемъ, не изъ какихъ нибудь видовъ, а по любви къ ней. Въ это прискорбное время явилась истинною его утѣшительницею совершенно чужая женщина, даже и не нашей націи, не русская, а Жюли, вѣторую его попрекали родные, лишившіе его своей признательности, благодарности и любви; только у этой женщины онъ и отдыхалъ. Она и споетъ ему какую нибудь французскую пѣсенку, и приголубитъ его, и своимъ мелодымъ смѣшкомъ разсѣлшитъ. Забудетъ онъ свою тяжелую государственную службу; непопорность негоднелъ врьствлжъ, домашнія неприятности и ободритса опять; чувствуетъ снова силы для служенія отечеству. Іаковъ Васильевичъ радъ былъ душу отдать этой Жюли, и надо скавать правду, стоила она этого. Къ Рождеству онъ отдѣлалъ ей квартиру, великолѣпную мебель равную прислать, и за два дни до Нового года повезъ нѣсколько желвихъ дорогихъ бездѣлушекъ: серегъ, брошекъ, браслетъ и тому подобныхъ вещей. Жюли и не гадала, какая ей радость готовится, навъ она, въ новый годъ, въ новыхъ брилліантахъ, въ собраніи красоваться будетъ. И вотъ тутъ-то и видна вся доброта Іакова Васильевича; часто незамѣчавшаяся людямъ подъ его наружной суровостью: сколько выботился онъ о выборѣ вещей, сколько старался не проговориться о приготовляемыхъ подаркахъ! Возьмите въ расчетъ и то, что Іаковъ Васильевичъ былъ такою высочною особю, что онъ не только кому нибудь другому, а и барину, иному руки не подавалъ; Жюли же была просто дочь французской рыбной торговни, и объ этой-то илбейвѣ, тиль связанъ, выботился онъ какъ о дочери, у некто румѣцѣлвалъ, передъ ней на холмахъ ставилъ! По-

думайте обо всемъ объ этомъ, и тогда вы поймете всю доброту его сердца. Признаюсь, мнѣ всегда было жаль, что эта Жюли не русская, не дочь какой нибуть бабы, торгующей на Сѣнной печенвой и гнилыми апельсинами. Своему какъ-то больше счастья желаешь, чѣмъ чужому. Приѣхалъ онъ къ ней утромъ, хотя обыкновенно ѣздилъ по вечерамъ. Ёдетъ и уже чувствуетъ его сердце, какъ дѣтски обрадуется Жюли, какъ начнетъ примѣрять подарки, смотрѣться въ зеркало и цѣловать Іакова Васильевича; подѣхалъ къ дому, взглянулъ на него съ улыбкой, вная, что только въ этомъ домѣ и находить онъ непритворную ласку, искреннюю радость и любовь, которая дороже золота, которой не купишь за все богатства, какъ не могъ вупить ее Іаковъ Васильевичъ у своей жены и у своего сына. Вошелъ онъ по черной лѣстницѣ, чтобы не будить звонкомъ своей подруги, прошелъ кухню, столовую, не встрѣтилъ никого, тихонько отворилъ дверь въ будуаръ, приподнялъ опущенную портьеру и съ улыбкой глядитъ туда... Такъ иногда мать, поднявъ бѣлый пологъ у кровати своего ребенка, любитъ спящимъ младенцемъ... На диванѣ, въ утреннемъ пеньюарѣ, сидитъ Жюли и ласкаетъ рукою русые кудри молоденькаго, хорошенькаго, розоваго, какъ персикъ, мальчугана; на томъ нѣтъ сюртука, воротъ батистовой рубашки растегнуть; зимнее солнце весело играетъ на богатыхъ коврахъ, на бѣломъ атласѣ мягкой мебели... На нашего Іакова Васильевича точно столбнякъ напелъ; продолжаетъ онъ глядѣть и все по прежнему улыбается доброй, старческой улыбкой, какъ будто онъ влюбился въ этого мальчугана, у котораго и пушка надъ верхней губой нѣтъ, какъ будто этотъ мальчикъ его сынъ, приласкавшійся къ матери. Да и точно красавецъ былъ мальчикъ, я его послѣ видѣлъ: быстроглазый, полденькый, веселый и такой смѣльчакъ, что чудо. Вотъ на французскомъ театрѣ я видѣлъ одинъ разъ актрису, (билетъ мнѣ знакомые подарили); она была въ военномъ костюмѣ и точно такъ выглядѣла, какъ этотъ юноша.

— Кто это тамъ? спросилъ онъ, глядя на портьеру прищуренными глазами и стараясь басить.

— Мари, вѣрно, сказала Жюли.

— Нѣтъ, это какая-то наштукатуренная обезьяна! воскликнулъ юноша, разсерженный, что ему помѣшали вести сладкія рѣчи съ Жюли.

— Да вѣдь теперь святки, такъ она и замаскировалась, засмѣялась веселенькая Жюли. Она была сущій ребенокъ.

Юноша вскочилъ и подбѣжалъ къ портьерѣ, гдѣ все еще стоялъ Іаковъ Васильевичъ и продолжалъ улыбаться.

— Мерзавецъ! какъ ты смѣешь подсматривать? крикнулъ взбѣшенный мальчуганъ своимъ дѣтскимъ басикомъ, и съ быстрой молніею далъ двѣ пощечины Іакову Васильевичу, повернулъ его за плеча на-лѣво кругомъ и пнулъ ногою. По этому пинку было сейчасъ-же замѣтно, что онъ недавно изъ училища вышелъ. Нашъ братъ не дастъ такого ловкаго пинка, отвыкли мы отъ этихъ швольныхъ продѣлокъ, у насъ и ногти не гнутся теперь, какъ въ былые годы... Іаковъ Васильевичъ обезумѣлъ, разронялъ всѣ подарки и, бавъ курица, мелкими шажками, какъ онъ никогда не хаживалъ, побѣжалъ вонъ, согнувъ спину. Извѣстно, молодой гнѣвъ быстро проходитъ, смѣшливость беретъ свое; юноша не выдержалъ, куда у него и бѣшенство дѣвалось, схватился руками за бока и захохоталъ.

— Жюли, Жюли, глядите, какимъ онъ пѣтушкомъ удираетъ! кричалъ сорванецъ, отирая слезы, катившіяся отъ искренняго молодого смѣха. Жюли взглянула и прыснула: молодой смѣхъ заразителенъ. А бѣдный Іаковъ Васильевичъ все бѣжалъ, захватилъ шубу, надѣлъ ее бокомъ, и все бѣжалъ до самой кареты, и все слышался ему этотъ смѣхъ,—и домой онъ пріѣхалъ, а смѣхъ все звенить въ его ушахъ.

— Иванъ, врибнулъ онъ камердинеру изъ кабинета.

— Чего изволите? спросилъ тотъ.

— Кто тамъ въ залѣ смѣется?

— Тамъ никого нѣтъ-съ.

— Дуракъ! развѣ можно смѣяться, если никого нѣтъ? Скажи, чтобы не смѣялись, у меня дѣла.

— Слушаю-съ! произнесъ камердинеръ, покачавъ головой.

А смѣхъ все продолжается, веселый, молодой, звонкій, точно тысячи молодыхъ голосовъ залились и хохочутъ, хохочутъ до слезъ, до колотья. Побѣжалъ Іаковъ Васильевичъ въ залу, въ гостиную, поглядѣлъ—пустыя комнаты, только его встревоженная фигура въ растрепанномъ парикѣ въ зеркалахъ отражается. А смѣхъ все звенить и звенить. Заткнулъ онъ уши ватой: смѣхъ все звенить.

— Иванъ, я никого не принимаю. Всѣмъ отказывай!

— Случаюсь.

— Чего ты смѣешься, дуракъ!

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Что ты такую глупую рожу корчишь, мерзавецъ? Говори, зачѣмъ у тебя такая плушая рожа? Пьянъ ты?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Никакъ нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ-съ! Что ты смѣяться надо мной ведумалъ, что ли? погоди, доберусь я до тебя, дай мнѣ только съ дѣлами управиться. Убирайся!

Иванъ вышелъ. Ивановъ Васильевичъ замкнулъ кабинетъ, спустилъ шторы и легъ. Провелъ онъ день взаперти, провелъ другой, едва-едва дождется ночи, такъ ему это время длинно казалося. Первый разъ въ жизни нѣ дѣлалъ онъ и не принималъ визитовъ въ Новый годъ. Скука страшная, а выйдти боится, страхъ на него напалъ какой-то, знаете. Я полагаю-съ (наше мѣсто свято!), что тутъ много значило время, совпавшее съ этимъ прискорбнымъ случаемъ. Известно, на Рождествѣ бѣсъ особенно силеетъ и любитъ разныя этакия нечестивыя штуки творить надъ людьми; я думаю, и тутъ безъ его помощи не обошлось. Разумѣется, я не могу выдатькъ своего мнѣнія за непреложную истину, а все-же... Однако время взяло свое и смѣхъ сталъ все слабѣе и слабѣе звучать въ ушахъ нашего страдальца. На четвертый день вздумалъ онъ ѣхать въ должность, поѣхалъ, вошелъ въ канцелярію совершенно не своей походкой, посмотрѣлъ на всѣхъ подозрительными глазами; всѣ на него, разумѣется, поэтому съ удивленіемъ смотрять, а его это еще пуще рассердило, — известно, что пуганная вор... Впрочемъ, нѣтъ! это такое сравненіе низкое!.. Замѣтилъ онъ эзевутору, что въ канцелярій духъ непокорности и вольнодумства видится и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Подписалъ нѣсколько бумагъ и взялся за газеты, прочелъ о наградахъ и повышеніяхъ, заглянулъ въ политику, сталъ фельетоны прсматривать, читаетъ, читаетъ — и глазамъ не вѣрить, и слова слышитъ, какъ звонко, звонко греметь въ его ушахъ смѣхъ, да такой, какъ будто вся канцелярія, вся улица, весь городъ въ одинъ хохотъ слились. Въ фельетонѣ, знаете, вся эта исторія, случившаяся съ нимъ, описана до малѣйшихъ подробностей: и дѣйты краснорѣчія, и красоты слова разныя, все тамъ, какъ слѣдуетъ быть въ фелье-

тогда Яковъ Васильевичъ, вѣвъ себя, сунулъ газету въ карманъ, сваялся за голову и велѣлъ подавать карету. Поскакалъ онъ безъ всякой цѣли къ Ивану Ивановичу Лотухову — дома нѣтъ; поѣхалъ онъ къ Василю Васильевичу Гребенщикову — не принималось; туда, сюда — вездѣ отказъ. Оно и понятно, Ивану Ивановичу не было никакого резона, узнавъ эту исторію, принимать Якова Васильевича, такъ какъ сынъ Ивана Ивановича мѣтилъ на мѣсто Якова Васильевича, и Иванъ Ивановичъ давно говорилъ, что пера бы Якову Васильевичу изъ покой удалиться и мѣсто молодымъ снискать. Тоже, если и о Васильѣ Васильевичѣ сказать, то и онъ приходился родственникомъ Ивану Ивановичу, былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, и по родственнымъ отношеніямъ ни комъ образомъ не могъ принять Яковъ Васильевича, тѣмъ болѣе, что отъ Ивана Ивановича зависѣло его матеріальное благосостояніе. Про Луку Дмитриевича Кондратьева я не говорю, Лука Дмитриевичъ могъ бы принять Якова Васильевича; но оиѣтъ-таки всѣмъ извѣстно, что Лука Дмитриевичъ всегда первый узнаетъ, кто силы лишиться долженъ, и неизвѣстно откуда у него это чутье берется. Иногда собаки, утнувъ въ землю носъ, три дня передъ поимшикомъ воетъ, а всѣ-таки ошибется; никто не умретъ; если же Лука Дмитриевичъ вому руку не протянулъ, то такъ и знайте, что этому человеку не сдобровать. Поэтому по самому, къ Лукѣ Дмитриевичу всѣ и ѣздятъ тонкимъ сирани наводить, пораспросить насчетъ того, другого и третьяго: плотно ли тотъ или другой на мѣстѣ сидитъ. И я думаю, что Владиміръ Константиновичъ и Марья Николаевна Оудицаво-Герпуховы уже въ Новый годъ успѣли у Луки Дмитриевича все насчетъ Якова Васильевича выведать, и только поэтому заперли передъ жимъ свои двери. Ужасно, ужасно, господа, стоять на высокомъ мѣстѣ! Малое же оплеухъ проглотила: разная мелкая рыбаца; а кто ихъ считалъ эти оплеухи-то? Такъ-то объѣздили Яковъ Васильевичъ чуть не весь городъ и наконецъ рѣшился вызвать на дуэль молодого врага. Поцесся онъ къ молодому львенку. Подъѣхалъ къ дому. Валить доложить о себѣ, а самъ какъ въ лихорадкѣ трясется; впрочемъ, на улицѣ дѣйствительно было холодно: я въ тотъ день себѣ шею отморозилъ и теперь еще такъ оиѣтъ.

— Баринъ приказали сказать, что они не имѣютъ удовольствія васъ знать и потому не могутъ принять, отвѣтилъ швейцаръ, возвращаясь отъ молодого барина.

— Да ты вѣрно перевралъ мою фамилію. Скажи, что...

— Помилуйте, я знаю вашу фамилію очень хорошо, улыбнулся швейцаръ. Наглые эти бестіи швейцары!

— Доложи старому барину, сказалъ Іаковъ Васильевичъ и оживился надеждою, что старый баринъ не станетъ потакать своему сыну и по старому знакомству приметъ его, хотя старый баринъ былъ еще важнѣе Іакова Васильевича.

— Старый баринъ не принимаютъ никого, возвратился швейцаръ съ новымъ отвѣтомъ.

— Любезный, вотъ тебѣ... пропусти меня безъ доклада, промолвилъ Іаковъ Васильевичъ дрожащимъ и мягкимъ голосомъ и сунулъ швейцару красненькую.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя, усмѣхнулся швейцаръ, сунувъ въ карманъ бумажку.

— Ну, вотъ еще... ради Бога, пусти! вынулъ Іаковъ Васильевичъ сѣренькую.

— Да нельзя-съ, какіе вы смѣшныя? Развѣ ваши люди смѣютъ когонибудь безъ вашей воли къ вамъ допускать?

— Смѣшной! смѣшной! какъ ты смѣешь говорить, что я смѣшной? Да я тебя подѣ судъ упеку! кривнулъ Іаковъ Васильевичъ.

Швейцаръ захопнулъ передъ его носомъ двери. Іаковъ Васильевичъ обрадовался, увидавъ, что стали подавать сани молодому барину, и остался ждать. Молодой баринъ, веселый, рововенькій, точно персикъ спѣлый, вышелъ изъ дому, около него суетились лакеи и швейцаръ. Онъ сталъ садиться. Іаковъ Васильевичъ собралъ силы, принявъ серьезный видъ и подошелъ къ нему.

— Послушайте, милостивый государь, мнѣ надо съ вами поговорить... Швейцаръ въ эту минуту застегнулъ полость, кучеръ кривнулъ: «пади!» и рысаки, какъ полевой вѣтеръ, рванулись впередъ, взвилъ снѣгъ и унесли молодого барина.

— Ради Бога, ради Бога, выслушайте, убейте меня! кривнулъ Іаковъ Васильевичъ, упалъ на колѣни и зарыдалъ, какъ дитя. Его подняли, посадили въ карету и повезли домой. Дома схватилъ онъ газету съ проклятымъ фельетономъ и зары-

далъ надъ нею, потомъ сѣлъ на полъ, поджалъ подъ себя ноги по турецки, сбросилъ съ себя парикъ и, сдѣлавъ изъ газеты колпакъ, нарядился въ него, какъ маленькія дѣти иногда въ такихъ трехуголкахъ играютъ. Приѣхалъ наконецъ и докторъ.

— Иаковъ Васильевичъ помѣшался, свазалъ эскулапъ со вздохомъ.

А Иаковъ Васильевичъ все плачетъ и съ пола подняться не хочетъ. Пошли дни, облегченія нѣтъ. Однажды не усмотрѣли за нимъ, убѣжалъ онъ прямо къ дому молодого врага, сталъ на колѣни на улицѣ и плачетъ, плачетъ, такъ что сердце надрывалось. Стали его построже караулить. Грязный онъ такой сдѣлался, все съ собачкой онъ возился, всѣмъ надобѣлъ, даже камердинеръ Иванъ иногда ему говорилъ, когда нивого не было:

— Огодѣвалъ бы ты скорѣе!

— Ну, прости меня, прости дурака, плакалъ бѣдный Иаковъ Васильевичъ.

— Чего дурите-то! грубо отвѣчалъ Иванъ. Надобѣли ужъ.

А кто фельетонъ,-то этотъ писалъ, знаете, изъ нашихъ чиновниковъ былъ да такой плюгавенькій, маленькій, рябоватый, ногтемъ придавить нечего. Трусишка онъ былъ; бывало, первый вскочить, когда только еще шубу Иаковъ Васильевича сержантъ пронесетъ; онъ и фельетонъ-то писалъ, такъ, я думаю, зубомъ на зубъ попасть не могъ, а какъ узналъ, что Иаковъ Васильевичъ по болѣзни отставку взялъ, такъ тоже голову поднялъ, посмѣиваться надъ нимъ началъ. И злоба-то въ немъ была, потому что онъ съ своей трусостью еще мизернѣе въ присутствіи Иакова Васильевича выглядѣлъ. Да что онъ, объ этихъ людяхъ и говорить не стоитъ, а вотъ что прискорбно было: зашелъ я вчера въ собраніи въ библиотеку и увидалъ тамъ людей, водившихъ хлѣбъ-соль съ Иаковомъ Васильевичемъ, такихъ же важныхъ, какимъ и онъ былъ, и замѣтилъ, что они этотъ самый номеръ газеты, съ извѣстіемъ о кончинѣ Рязанцева, читаютъ; любопытство меня взяло и сталъ я прислушиваться въ ихъ разговоры.

— А, отправился наконецъ въ елисейскія! воскликнулъ одинъ значительный баринъ съ орденомъ на шеѣ.

— Давно было поря, произнесъ докторъ, лечившій Иакова

Васильевича и пользовавшійся его покровительствомъ. — Отвратительнымъ создашемъ онъ въ сумашествіи сдѣлался. Я видѣлъ его каждый день. Постоянно сидѣлъ онъ на полу, безъ пирика, въ кофакѣ изъ газетной бумаги, и хныкалъ надъ своею больною болонкою. Она такая-же, какъ онъ, скверная сдѣлалась, чесать и мыть ее перестали, глаза загноились у ней, гадѣйшая однимъ словомъ тварь стала. «Некому насъ съ тобою защитить, Ледичка! восклицалъ онъ, и какъ подадутъ ему манную кашу да не усмотрятъ, онъ ею и выжметъ и себя и собаку...

— Ха, ха, ха, засмѣялся одинъ еще не старшій баринъ. — Вы насъ потѣшаете, докторъ, и выдумали эти подробности.

— Право, нѣтъ! Вы бы и не узнали его, въ одну минуту онъ сталъ похожимъ на исхудалаго оидипарнаго цыпленка; вѣдъ вся его толщина была изъ ваты: румянецъ, зубы, волосы, все поддѣльное, и когда не стало этого всего, то вмѣсто Якова Васильича вышла какая-то илѣшивая, старая крыса съ длиннымъ носомъ...

— Вы слышали, перебилъ эти подробности какой-то старикъ въ паринѣ и съ нарумяненными щеками, которому не нравились эти подробности, — онъ подавалъ за день до сумашествія жалобу на противника.

— Фи! воскликнулъ господиновъ помоложе. — Пятно съ чести смыть кляздой хотѣлъ. Впрочемъ, это понятно, съ его стороны, онъ втерся въ нашъ кругъ Богъ знаетъ откуда. Вѣдъ и жена его мѣщанка была. Черезъ перваго мужа, князя Зубцова, она въ люди вышла, женивъ того на себѣ подѣ льявную руку... Ну, что же противникъ?

— Ничего, посмѣялся. Вѣдъ свидѣтелей не было. Марья Наволаевна Сухощаво-Терпухова, проказница, приготавлилась вечеръ сдѣлать и овести обоихъ вразовъ. Сцена вышла блѣднѣйшая. Конечно, Якову Васильичу не даль бы возможности оскорбить нашего фаворита, но, немножко-то позабылись бы и его положеніемъ...

— Однако согласитесь, господа, что это было адски безъисходное положеніе, серьезно и жѣстолько близкимъ горосомъ замѣтилъ смѣхъ Ивана Ивановича Лотукова, задвѣншій мѣсто Яковъ Васильевича, доглянувшійся лавочникъ до одной изъ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы. — Меня пре-

сто преслѣдуетъ иногда эта мысль, я слышу этотъ смѣхъ, когда сижу на креслѣ Якова Васильевича.

— Ну вотъ еще выдумали! Въ деревню могъ бы онъ уѣхать, тамъ и вообще въ провинціи могъ бы быть еще первымъ при своемъ богатствѣ...

— Ха ха ха! раздался звонкій молодой смѣхъ, собесѣдники вздрогнули и обернулись: ~~за ними~~ стоялъ уже знакомый намъ юноша съ розовенькими щечками и пухленькими губками, и звонко, звонко смѣялся... Онъ слылъ въ обществѣ подъ именемъ *нашего фаворита* и не боялся... просто ничего не боялся.

Тяжело мнѣ стало; посмотрѣлъ я на этихъ господъ, что разжаловали Якова Васильевича въ Якова Васильичи, и я пошелъ изъ собранія съ стѣсненнымъ сердцемъ... Чего они радовались? Ну, а какъ придется такъ самимъ?.. Да, такъ вотъ-съ, какъ обо всемъ объ этомъ подумаешь, пофилософствуешь, то, я вамъ скажу, это хуже, чѣмъ о свѣтопреставленіи думать. Умъ за разумъ заходить и невольно приходишь къ глубокому, полному горечи заключенію, что... Да нѣтъ! я рѣшительно хочу въ нѣкоторомъ родѣ, знаете, удалиться отъ тревоженій свѣта...

А. Михайловъ.

ПѢСНЯ.

Градомъ рожь подкошена:
Баба можетъ спать,
Ея бѣлымъ рученькамъ
Нечего и жать.

Всю избу пожаращемъ
Въ бурю разнесло:
Дровъ рубить не надобно—
И безъ нихъ тепло.

Коровенку отдали—
Гдѣ ее держать?—
Весело мнѣ, братики,
Просто—благодать!

Эти вѣтры буйные
Чай несутъ ко мнѣ
Корабли высокіе
По морской волнѣ.

Міръ вращенный золотомъ,
Жемчугомъ, парчей
Нагрузилъ ихъ до верху:
Тѣшья моль, родной!

Я зипунъ свой продранный
Въ кабакѣ продамъ:
Нынче шлятся въ рубищѣ
Непригоже намъ!

ГОДЪ ЖИЗНИ.

XXVIII.

- Эво, батенька, куда забились, въ преисподнюю никакъ?
— Кто тутъ? спросилъ голосъ снизу.
— Я, я, Калмычокъ.
— И здѣсь нашли наконецъ? спросилъ Раскатовъ отчаянно.
— И здѣсь нашель, отецъ!
— Напрасно! Теперь я не пойду къ вашимъ геніямъ-скотамъ, отвѣтилъ онъ рѣшительно.
— И хорошо сдѣлаете, батенька; чортъ съ ними, съ подлецами! Я тоже изъ-за нихъ потерялъ праздники ни за полушку.
— Какъ ни за полушку? Вы первый говорили «полтораستا...»
— Да, что же будете дѣлать съ ними, скотами? Я правду говорилъ, и было бы полтораستا, да не умѣли взять. Развѣ можно такъ играть, безъ репетиціи. Я говорилъ тогда—репетицію... Но сойдутся, напьются, разыграютъ увертюру въ потасовку.—Развѣ это репетиція, посудите?
— То-то и есть. Въмѣсто прибыли и мой-то деньги лопнули...
— Ну, нѣтъ, батенька, ваши не лопнутъ, пока я не лопну самъ. Вотъ вамъ пятнадцать—берите... Остальные на дняхъ.—Заложу и принесу.
— Это для меня не легче, Михайлъ Наумычъ. Я знаю ваше положеніе, заговорилъ Раскатовъ со слезами. А между тѣмъ

согласитесь: теперь мнѣ всякая копѣйка дорога. Знаете мою цѣль?

— Знаю, знаю, отецъ. Берите, пока даю, а то пропью!

— Они брали на васъ, они и отдать должны.

— Эй, лѣшій ихъ дери! отдадутъ, какъ не пропьютъ! Это ребята знатные, я ихъ знаю давно. Дешовка только больно дешева, вотъ что горе, отецъ!...

Послѣдовало тяжелое молчаніе.

— А я къ вамъ по пути; хотѣлъ къ Столицкому бѣжать.

— Это что за птица?

— Это, батенька, ~~птица~~ изъ Питеру прилетѣла. Вострень-
вій носокъ и должно быть есть голосокъ?

— Будто?

— Ей-ей! Сила-человѣкъ.

— Въ чемъ-же сила!

— Одно слово—племянникъ губернатора.

— Ого!

Раскатовъ вѣрно зналъ, что такое племянники и сынки гу-
бернаторовъ въ провинціи, и потому, выразивъ свое удивле-
ніе междометіемъ ~~во~~, не прибавилъ къ этому ничего.

Калмычовъ между тѣмъ осмотрѣлся, обогрѣлся и опять за-
говорилъ:

— Недѣлю, отецъ, васъ искалъ, и въ дядюнкѣ Егору за-
бѣжалъ.

— Что, не женился, свотина? спросилъ Раскатовъ злобно.

— Нѣтъ еще, а думаетъ какъись..

— Будто?

— Лопни моя гтробушка, — думаетъ. И невѣсту казали
ямщики. Воръ-дѣвка должно-быть, такая востроглазая. Забѣ-
дитъ она его совсѣмъ.

— Приська?

— Она, она, отецъ.

Раскатовъ разразился хохотомъ.

— Звалъ даже послѣ крещенья играть. — «Свадьбу, гово-
рить, будемъ съ тобой плясать.» — Скрипчонки только нѣтъ
своей—не знаю, какъ быть?

— Да вотъ вамъ скрипчонка. Пусть пляшетъ по моей. Даже
дарю, если хотите, за вашу простоту и доброту.

— Отецъ!.. крикнулъ Калмыкъ въ восторгѣ, и бросился

обнимать и дѣловать Раскатова и свиринку. — А сами-то какъ же, родной?

— А у меня вотъ тутъ другая.... Раскатовъ указаль на тюкъ съ книгами.

Калмычокъ оцупаль.

— Это, что вчера съ почты волокли?

— Да. Теперь я намѣренъ больше на этой играть...

— Умная музыка, батенька, дай вамъ Богъ!.. Иванъ что-ли?..

— Онъ.

— Ну, какъ онъ поживаетъ? Пишетъ что-ли что? Почитай-те-ка, родной, про университетъ-отъ. Ухъ, какъ славно отхва-таль онъ тогда столбы-то университетскіе!...

— Пишетъ кое-что. Зерцаловъ Грознаго громить... Слы-хали, чай, о немъ?

— Читаль кое-что въ Карамзинѣ-съ.

— Да-съ, Михаилъ Наумычъ! Мой Иванъ прямо пошелъ и далеко ушелъ, — мнѣ придется догонять!... — Раскатовъ глубоко вздохнулъ.

— Дай Богъ, отецъ! Только сыренько чай тутъ?...

Раскатовъ одернулъ одѣяло и показаль зеленую плѣсень.

— Ой, батенька!... Махнемъ по мѣръ...

Раскатовъ покачалъ головой.

— Что?

— Ничего. Сысоевну жалко: старуха короша. Она была другъ матери покойницы. Она-то и уходила ее своими добродѣтелями. Христомъ-Богомъ просиль: не давать той денегъ на вино... — Никакъ, говорить нельзя: Христа-ради просить, какъ не подашь? Теперь вотъ и каемся съ Сысоевной, да что будешь дѣлать? Не воротись!..

И Раскатовъ горько всцлакнулъ по матери.

— Захвораетъ, родной, заключилъ глухо Калмыкъ.

— Что дѣлать, другъ. И мрутъ люди отъ глудости Сысоевны, не только хворають,

— А квартиру надо другую, отецъ?

— Платить много не могу. Деньги дошло.

— Охъ, знаю все!

Калмычокъ горячо обнялъ труженнаго Раскатова. Оба заплакали. Потомъ онъ еще разъ поблагодарилъ Раскатова за

скрипку, но когда Раскатовъ рассказывалъ ему, что скрипку подарилъ Сомовъ, Калмыкъ нахмурилъ брови и кривнулъ злобно:

— Подлецъ!

— Это за что?

— Жену чуть не убилъ. Слыхали, чай: благодѣтельница наша капуть!—совсѣмъ уватила въ Парижъ.

— Зачѣмъ?

— Да тутъ и чортъ не разберетъ, что у нихъ творится. Самъ-отъ завелъ себѣ какую-то Митродорку, а какъ она попробовала завести француза, такъ онъ его—ой-ой!... Слыхали, чай?

— При мнѣ было назначено слѣдствіе отъ губернатора въ больницѣ... не знаю, кончилось какъ?

— Э, батенька, всѣ наши слѣдствія и послѣдствія тѣфу! вотъ что-съ. Три дня говорили: «Сомова подѣ судъ», а на четвертый перестали, замолчали, и теперь вышелъ просто—святъ-человѣкъ.

— Это какъ?

— Да такъ — сила, значитъ.

— Ну, противъ такой дикой силы у насъ есть законъ.

— Ну! — Калмычокъ махнулъ только рукой.

Правъ былъ квартальный Лихошерстовъ, когда говорилъ Раскатову: «вы молодой человѣкъ, такъ сказать, не искушены еще жизнию: не знаете, что такое полиція.» Раскатовъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, что такое наша провинціальная полиція.

— Въ томъ-то и сила-съ, что онъ его не дома-съ а въ квартирѣ Столицкаго доканалъ...

— Такъ что-жъ такое!... вскричалъ Раскатовъ, полный негодованія: — ну, обоихъ подѣ судъ, оба въ Сибирь пойдутъ.

— Не пойдутъ, вамъ говорятъ.

— Ну, потащутъ!

— И не потащутъ ихъ чертей, потому — сила!

— Это вздоръ.

— А вотъ поживете, узнаете.

И Калмычокъ, махнувъ рукой, ушелъ, а Раскатовъ вѣриво задумался надъ тѣмъ: что такое *сила-человѣкъ*?

XXIX.

Владиміръ Петровичъ Столицкій былъ натура гибкая, изворотливая и чрезвычайно подвижная. Смотря по нуждѣ, онъ могъ быть и сапожникомъ, и пирожникомъ, и надзирателемъ, и совѣтникомъ, и магнетизеромъ, и фразеромъ, и танцоромъ, и фланеромъ, и хлыщомъ, и свищемъ, и чѣмъ вамъ угодно. Столицкій недавно прибылъ изъ Петербурга съ дядей губернаторомъ. Дяденька и племянникъ составляли что-то цѣлое, недѣлимое.

Официально Столицкій не служилъ, онъ только прислуживалъ всѣмъ понемножку, но вліяніе его было всюду и очень замѣтно. Это было лицо таинственное по всей губерніи: онъ какъ будто ни съ кѣмъ не сходился и ничьего знакомства не искалъ, а съ нимъ всѣ сходились и всѣ искали его знакомства. Столицкій отлично былъ принятъ въ общества: его приглашали въ собраніе, хотя онъ не имѣлъ ни голоса, ни состоянія; его приглашали на балы, какъ отличнаго дансера, хотя онъ никогда почти не танцевалъ; его приглашали на обѣды, какъ отличнаго гастронома, хотя онъ также хорошо ѣлъ щи и кашу; его приглашали въ клубъ, какъ честнаго игрока, хотя онъ никогда не игралъ и не платилъ честно. Судилъ онъ всѣхъ безпощадно, рѣзко, неумолимо, и съ величайшимъ негодованіемъ отзывался о надзирателѣ Биттелѣ, который былъ извѣстенъ въ городѣ, какъ картежный мошенникъ и плутъ. — Кто ставить на ополченіе топоры? — Столицкій. Кто ставить на ополченіе телѣги? — опять Столицкій. Одному нельзя взять подрядъ, потому что не всѣ залоговъ внесъ; другому — потому что онъ членъ какой-то комисіи, назначенной для приѣма, и оцѣнки вещей; а Столицкому все можно — онъ все беретъ и вездѣ успѣваетъ. Это была какая-то широкая, загребистая лапа. Словомъ, не имѣя ничего, онъ все имѣлъ, если хотѣлъ, и не имѣя официального значенія и голоса, онъ всюду имѣлъ свой голосъ, значеніе и вѣсъ. Мужья, точно начальнику губерніи, спѣшили дѣлать ему первый визитъ; жены, зная, что онъ докторъ-магнетизеръ, спѣшили пригласить полечиться, а

старички, имѣющіе претензію читать всѣмъ натаціи или наставленія, ему не только не читали, а сами отъ него бѣжали.

Ближе всѣхъ сошелся Столицкій съ кавалеромъ Камеро, хотя, по правдѣ сказать, между ними ничего не было общаго.

Владиміръ Николаевичъ Камеро былъ номѣщикъ дунѣ въ пятьсотъ, имѣлъ капиталъ и совершенно независимое положеніе въ свѣтѣ. Какъ Столицкій, имѣлъ онъ знатнаго дядю въ Петербургѣ, но не имѣлъ привычки держаться за хвостъ родни, и не только не переписывался съ нимъ, а даже забылъ, какъ его зовутъ. Камеро былъ уменъ и образованъ, но изъ этого не вышло ничего. Умъ барина былъ крайне непрактиченъ, а образованіе до такой степени непримѣнимо въ дѣлу, что вмѣсто пользы приносило только вредъ. Такъ, наиримѣръ, онъ зналъ отлично, что дѣлается въ Парижѣ, и въ то же время не видалъ, что творилось у него подъ носомъ; зналъ въ совершенствѣ французскую литературу, и въ то же время не читалъ ни одной русской книги. Словомъ, жилъ тамъ гдѣ-то за тридевять земель, мечталъ объ Италіи, бредилъ туманной Германіей, мыслилъ, какъ парижанинъ, и скучалъ, какъ англичанинъ. Пробовалъ онъ отъ скуки читать барона Воде, заводилъ его шестипольное хозяйство, но изъ того не росло ничего, кромѣ чепухи. Пробовалъ онъ съ камѣ-то барономъ фонъ-Плюмъ пускаться и въ операціи, и въ спекуляціи, строилъ даже торговля бани и мыльный заводъ, но и это все лопнуло, какъ мыльный пузырь. Тотъ же Столицкій прибракъ къ рукамъ и мыло, и баню, и увѣрилъ друга искренно, что онъ на это дѣло гораздо способнѣе, потому что «самъ умѣетъ всѣхъ парить и всѣмъ поддавать.» Пробовалъ баринъ съ жаромъ читать и писать; грозилъ даже создать что-то серьезное, но это серьезное до сихъ поръ не содалось. Пробовалъ онъ какъ артистъ, погружаться и въ звуки музыки, грезились ему, говорить, какая-то дивная ораторія, но и ораторія до сихъ поръ не вышла въ свѣтъ. Наконецъ онъ сдѣлался крупнымъ меценатомъ и покровителемъ талантовъ, музыкантовъ, актеровъ и прожектеровъ, словомъ художниковъ всѣхъ сортовъ. На все же прочее онъ смотрѣлъ, какъ будто нехотѣ. Одинаково онъ былъ чуждъ и черни, и знати, и славѣ и безславно, одинаково его тяготило и дѣло, и фраза, и лѣнь, и дѣятельность, и горе и смѣхъ людской. Мысль его доходила

иной разъ до такого безобразія, что онъ одинаково проклиналъ и рабство, и барство, и свою бесполезную, чужедно-безплодную жизнь. — «Не зови ты меня бариномъ», говорилъ онъ серьезно старому своему слугѣ, Архипу: зови ходъ Бирономъ, барономъ, бараономъ навонецъ, но ради бога не браци меня этимъ позорнымъ именемъ «баринъ!» Словомъ, прекраснѣйшему и благороднѣйшему Владиміру Николаичу до крайности опротивѣло его барство и ждзнь. Все онъ куда-то рвался, куда-то желалъ. Но куда рвался, чего желалъ? — онъ и самъ не зналъ. Но внѣшности это былъ истинный джентльменъ; по манерамъ — изящный птн-метръ, и по достояму — самый щедрильный вавалье-гадзять. Нечего, значить, добавлять, какъ прилично держалъ онъ себя въ обществѣ. Изъ особенностей его было замѣтно одно: онъ любилъ щегольнуть верховой ѣздой и прозвалъ горячаго жеребца своего Неистовый Орландъ. Вотъ отъ чего вся аристократія города назвала его единодушно «кавалеръ Камеро».

Теперь прочтати читателю, что эти два составляли, такъ сказать, цвѣтъ дубернскон аристократіи, и Столицкій вырадался объ этомъ даже опредѣленно: — Не даромъ, братецъ, мы съ тобой оба Владиміры: чуть-чуть не владыки міра сего. Но, къ чести кавалера Камеро, я долженъ адѣсь сказать, что онъ и на этотъ вызовъ друга только позѣвалъ.

— Покой, мой снэг, покой дороже всего.

— Какой, чортъ, покой — ждзнь скачка теперь!

— Противна мнѣ эта скачка черезъ наши прыжня болота. Вѣрнмь-ли, другъ, не могу равнодушно сматрѣть на своихъ шрѣпостныхъ.

— Такъ продай ихъ мнѣ, и убирайся къ чорту нди въ Неаполь. Съ диваномъ, другъ, провожу. — Столицкій обнял друга.

— Да такъ я, кажется, и устроюсь. Передамъ родовое брату, махну въ Италію, женюсь на черноскоей, и закончу жизнь какимъ нибудь сладострастнымъ сонатомъ. Прелестъ!

— Э, нѣтъ! Я такъ дешево себя не продамъ. Я, если и отдамъ себя вамужъ, такъ за дочь откупщика съ мѣшкомъ, или за помѣщицу душъ въ пятьсотъ. Вотъ какъ, мы-съ!

— Подлость.

— Но все-таки милая подлость, согласишься? и Столицкій мило треплетъ друга по плечу.

— А совѣсть?

— А деньги?

— Мошенникъ ты, Столицкій. Это, другъ, гадко.

— Тюфякъ ты, mon cher. Это тоже неказисто.

Но это нисколько не мѣшало друзьямъ сходиться все ближе и ближе. Въ послѣднее время Камеро не только приглашалъ Столицкаго обѣдать, а просто предложилъ съ собою жить. Жизнь ихъ была веселая, музыкальная и артистическая. Они держали изящнаго повара француза и обѣдали, какъ настоящіе русскіе гастрономы. Передъ завтракомъ и обѣдомъ—кегли, рапиры и билліардъ, а послѣ завтрака и обѣда музыка и пѣніе, споръ о Фаустѣ и Шекспирѣ, или легкая болтовня о предстоящемъ балѣ, да нѣсколько бутылокъ редереру, которое ввелъ въ моду Столицкій, вмѣсто клико, называя вино это кавимъ-то «великолѣпнымъ искрометомъ».

По субботамъ ходилъ сюда Калмычокъ настраивать фортепіано. Столицкій его преобязательно благодарилъ, а Камеро щедро деньги платилъ, такъ что Калмычокъ, возвращаясь оттуда, непременно забѣгалъ къ Раскатову и говорилъ: —Что это вы, батенька, не познакомитесь съ ними?

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, отецъ, — просто великолѣпные господа! Манеру одну стоитъ посмотрѣть!

— Обезьяны, я думаю?

— Какъ возможно-съ? Какія это обезьяны? — первѣющія львы въ городѣ. А я къ тому теперича: что Владиміру Николаичу совѣстно, что онъ у предводителя васъ тогда такъ....

— Ну, я самъ былъ глупъ. Не лѣзь на неприятность.

— «Просите, говоритъ, господина Раскатова ко мнѣ: извиниться хочется передъ нимъ; неприятностей я тогда ему надѣлялъ: совѣсть, говоритъ, мучаетъ меня».

— А мучаетъ, такъ пусть прійдетъ самъ!

— Ого-го, куда хватилъ! Ну нѣтъ, братъ, самъ онъ не поѣдетъ, подумалъ Калмычокъ, однако сказалъ совѣмъ другое.— Вѣдь просить, отецъ! Христомъ-Богомъ молитъ всякій разъ: «приведи, говоритъ, только къ намъ, мы выдвинемъ его». — Съ Столицкимъ, значить, они теперь сообща живутъ.

— Ну пусть выдвигаютъ, кого хотятъ; я самъ выдвинусь какъ нибудъ.

— Пойдемте, родной! Ей-богу скажете мнѣ спасибо.

— За коимъ чортомъ я пойду, что вы?.. вскричалъ Раскатовъ сердито.

— Эхъ, вы гордые, Богъ васъ любил!

И Калмычокъ тутъ же ушелъ.

XXX.

На другой день, послѣ описаннаго разговора, была суббота. Калмычокъ пришелъ къ Владимиру Николаичу строить фортепьяно. Столицкій лежалъ на софѣ. Камеро отдѣлывалъ ногти.

— Что вашъ музыкантъ?

— Заплѣсневѣлъ, батюшка Владимиръ Николаичъ, совсѣмъ!

— Какъ заплѣсневѣлъ?

— Въ такую преисподнюю забился, страсть! Тамъ гдѣ-то за мостомъ на базарѣ, въ подвалѣ живетъ.

— Пьетъ?

— Ни, ни.

— Врете наконецъ! Онъ въ тотъ вечеръ пьянъ былъ.

— Въ тотъ вечеръ онъ дѣйствительно былъ подъ-шефе, но Владимиръ Николаичъ, есть обстоятельства... Вы ихъ не знаете!—И Калмычокъ тутъ же рассказалъ, какъ въ тотъ вечеръ дядя Егоръ хотѣлъ женить бѣднаго Раскатова.

Столицкій разразился хохотомъ.

— Да это герой, чортъ возьми!..

— Душа-человѣкъ-съ, заключилъ Калмычокъ со вздохомъ. Дѣла только плохи, Владимиръ Петровичъ.

— Дѣла вздоръ, мы ихъ поправимъ: вопросъ, стоитъ-ли?

— Да такъ-то стоитъ — на крестъ готовъ за него.

— Отчего-жъ вы его не приведете? вскричалъ вдругъ меценатъ, которому въ эту минуту сильно хотѣлось оказать Раскатову покровительство. — Я давно вамъ говорилъ.

— Да какъ приведешь его-съ — нейдетъ.

— Отчего?

— Одно слово: гордый человѣкъ-съ.

— Э, вздоръ какой!

Кавалеръ Камеро даже не хотѣлъ вѣрить. Всѣ въ городѣ искали его знакомства или покровительства, и вдругъ оказывается таковой-то мизерный Раскатовъ не только не ищетъ его покровительства, а предлагаютъ—да не хочетъ.

— Не можетъ этого быть! отвѣтилъ рѣшительно Камеро.

— Ейбогу-съ! утверждалъ Калмычокъ свое.

— Что это за звѣрь? спросилъ Столицкій, заинтересованный такимъ дивнымъ звѣрствомъ нашего героя.

— Гимназистъ одинъ, Раскатовъ.

— О! да какая звонкая свистулька.

Тѣмъ пова и кончился разговоръ о Раскатовѣ. Но Столицкаго герой нашъ занималъ. Какъ человѣкъ, вполне искушенный жизнью, онъ видѣлъ въ Раскатовѣ что-то упругое и твердое, словомъ готовое на борьбу, и потому при первомъ свиданіи съ Калмычкомъ, заговорилъ самъ:

— А снѣгоръ Раскатовъ опять нейдетъ?

— И слышать не хочетъ.

— Слышишь, Камеро? Вотъ братъ, до чего мы дожили. А не знаете, Михайлъ Наумычъ, отчего онъ не хочетъ?

— Да по правдѣ сказать: онъ, господа, терпѣть не можетъ дворянъ.

Львы разразились хохотомъ.

— Bravo, bravo! кричалъ Столицкій. Это въ самомъ дѣлѣ интересный господинъ! Ѣдемъ къ нему, Камеро, просить прощенья въ томъ, что мы дворяне!

— А въ самомъ дѣлѣ, скажите, Михайлъ Наумычъ, гдѣ онъ живетъ? Кромѣ шутокъ, мнѣ хочется предъ нимъ извиниться?

— И не доѣдете, отецъ родной. Тамъ и улицы нѣтъ никакой, просто трущоба-съ!

Опять хохоть.

— Прокучился, значитъ?

— Ну, нѣтъ, извините. Въ университетъ идетъ, деньги копить.

Лица собесѣдниковъ приняли серьезное выраженіе.

— И дѣйствительно работаетъ?

— День и ночь.

— Завтра ѣду самъ. Диктуйте адресъ?

Калмычокъ между тѣмъ сообщилъ Раскотову, что его ищетъ хвастеръ Камеро.

— Самъ, батенька, хочеть извиниться передъ вами, вотъ какъ! говорилъ онъ въ восторгѣ.

— Напрасно и безполезно, продолжилъ Раскотовъ сквозь зубы.

Однако его сильно занялъ визитъ кавалера Камбро. Въ немъ пробудилось даже что-то забытое, шевельное, тлуповатое. Чудилось, какъ неприятно будетъ ему въ ту минуту, когда этотъ левъ гостиныхъ найдетъ его въ такомъ подвемелъи. Раскотовъ видѣлъ Камеро у Сомова и представлялъ его себѣ теперь самымъ прихотливѣмъ и изнѣженнымъ бариномъ.

Цѣлую недѣлю спрашивалъ Раскотовъ у своей Сысоевны: не прѣзжалъ-ли кто? Оказалось — никто не прѣзжалъ! Раскотовъ прочиталъ все, что прислалъ въ послѣдній разъ Иванъ, и пошелъ въ публичную библиотечку взять книжку.

Въ первой комнатѣ, опершись трапцѣвно на прилавокъ, болтали съ библиотечкаремъ два господина. Одинъ изъ нихъ былъ Камеро. Раскотовъ поклонился библиотечкару.

— А, мосье Вискатовъ, здравствуйте. — Камеро подаль руку.

Раскотовъ покраснѣлъ. Дико и странно казалось ему это прѣзствіе, послѣ всего проплага. Онъ откланялся молча.

— Здѣсь берете?

— Здѣсь.

— И платите?

— Какъ видите.

— Дакъ; они вѣдѣ не члены-съ, почесалъ библиотечкарь и подставилъ горсть подъ двугривенный.

Раскотовъ выбралъ книжку.

— Вы что больше читаете?

— А все, что попадетъ.

Незнакомый господинъ возмотрилъ Раскотова съ нозъ до то-ловы ли такъ любопытно, важно и махально, что Раскотовъ осерчалъ.

— А мнѣ хотѣлось сказать вамъ пару словъ. Проходите въ залъ. Камеро взялъ Раскотова подъ руку.

— Ну, что вы въ университетъ?..

- Да, я говорилъ вамъ тогда — на хорахъ...
- Ахъ, извините, мосье Раскатовъ. Мнѣ право совѣстно, что это случилось такъ...
- Совѣстно, что я былъ дуракъ!
- Но я, кажется, тогда забылся противъ приличій?
- А не знаю, право не замѣтилъ. Мнѣ тогда вовсе было не до приличій!
- Да, да, Михайлъ Наумычъ мнѣ что-то говорилъ...
- Ну, я его не просилъ. Оселъ онъ, если говорилъ! отхватилъ Раскатовъ рѣзко. Эта выходка, какъ видно, не понравилась изящному кавалеру Камеро. Собесѣдники замолчали. Аристократъ не нашелся какъ продолжать, а плебей не умѣлъ разговору начать. Скучно стало Раскатову возлѣ такого изящнаго барина, которому хотѣлось что-то скорчить, но не удалось. Онъ вынулъ лувовицу — часы.
- Не задерживаю-ли я васъ?
- Да вамъ, я думаю, нѣтъ причинъ задерживать такого собесѣдника, какъ я. Привывши къ одиночеству, я вѣчно молчу. Прощайте, у меня урокъ.
- Кажется, ваши впереди?—Камеро вынулъ свой дорогой хронометръ.
- Ну, ваше время дороже, и потому вѣрнѣе идетъ, откланялся Раскатовъ съ улыбкой.
- Послушай, старшина, дай ему книгъ безъ взносу, — можно?
- Очень, *mon cher*, можно.—Выдайте имъ, за поручительствомъ моимъ, обратился старшина къ библиотекарю.
- Слушаю-съ, отвѣтилъ послѣдній, и тутъ же передалъ Раскатову двугривенный, залогъ, каталогъ и всю клубскую библиотеку къ услугамъ.
- Кому я обязанъ такимъ вниманіемъ? обратился Раскатовъ къ незнакомцу.
- Столицкій, мой другъ, отрекомендовалъ Камеро.
- Такъ вотъ онъ, человѣкъ-сила! заключилъ Раскатовъ, спускаясь съ лѣстницы, и тутъ же разбранилъ себя дикаремъ, зачѣмъ не познакомился покороче съ такими интересными личностями.
- А бестія долженъ быть этотъ господинъ? Впрочемъ мнѣ какое дѣло!
- И Раскатовъ завалился опять читать.

XXXI.

— Читать да читать, все зады повторять, скучно наконецъ! вскричалъ Раскатовъ, оцѣпенѣвшій отъ сидѣнья и лежанья. Швырнулъ книгу подъ кровать и ушелъ гулять.

Но кто изъ васъ, читатель, не знаетъ, что такое прогулка по какому-нибудь губернскому городу Сагарѣ? Аориванская пустыня все-таки имѣетъ преимущество передъ нашей, російской. Тамъ по крайней мѣрѣ тепло, свѣтло и просторно, здѣсь—темно, мрачно, безлюдно, да еще морозъ градусовъ въ тридцать! Тамъ хоть изрѣдка попадаются величественныя пальмы, роскошная зелень и живой родникъ, передъ которымъ смѣется самъ глупый верблюдъ, а здѣсь вѣчные ухабы да сугробы, заборы да дозоры, калитки да лазейки, цѣпи да собаки. Вдоль улицы тянется вѣчная скука и пустота, а по сторонамъ стоятъ чинные да темные, губернскіе фонари, счетомъ вѣчно тридцать-три, да и тѣ, вмѣсто яснаго постнаго масла, горятъ какимъ-то шандоромъ. Словомъ, самъ вообрази, читатель, какъ гулялъ Раскатовъ въ шинелкѣ, подбитой вѣтеркомъ, и въ шапочкѣ, о которой простой степной народъ выражался такъ: «Эй, ты, щеголь, веретенномъ хвостъ!»

Идетъ онъ мимо большого каменнаго дома, ярво освѣщеннаго внутри. Калмычовъ заливается на скрипкѣ; растилается на гладкомъ полу образованная съ ногъ губернская барышня, и хоть скучно имъ обоимъ, но тамъ по крайней мѣрѣ тепло, свѣтло и неголодно. Идетъ Раскатовъ дальше, все тоже и тожъ! Вотъ скромная, темная улица и скромный, темный домикъ въ углу. Сидитъ тамъ старичокъ Неплюевъ (у котораго Раскатовъ даетъ уроки), въ покойныхъ креслахъ; сидитъ перезъ нимъ его милая внучка, читая ему вѣчно одну и ту же Сѣверную-пчелку. Скучно имъ обоимъ, особенно ей, живой, молодой, а все отраднѣе, нежели ея учителю. У ней хоть есть работа, забота и желаніе *ему* угодить, а у него тупѣетъ и желаніе себѣ угождать! Вотъ и другой маленькій, чистенькій домикъ; на столѣ, какъ жаръ, самоваръ, а вокругъ, словно около дѣда, шумять, кричать и смѣются рѣзвыя дѣти съ от-

цомъ. «И тутъ живутъ!...» думаетъ досадно Раскатовъ, «а я?...» И еще прытче бѣжитъ и скрипитъ онъ по сердитому морозу.

А ночь все синѣе, гуще ложится надъ степью безлюдной. Мѣсяць и звѣзды стоятъ и горять въ вышинѣ. Раскатовъ остановился надъ широкой и бѣлой пустыней рѣки. — Экой просторъ! думаетъ онъ, а поди-во пройди! — Тутъ голыя ребра береговъ торчатъ точно изъ худой мужицкой влячи; тамъ, вдали, тянутся наши привезимыя и приплюснутыя горы, но въ туманѣ онъ кажутся Раскатову величественными и высокими. Тутъ лѣсъ разлилъ передъ нимъ свою широкую, черную пасть; а оттуда такъ и лѣзутъ въ голову, не спросясь ума, волшебныя сказки бабушки да тысячи лѣшихъ, видѣній, чертей. Отвернется — миллионы искръ, какъ алмазы, горять подъ волшебныхъ лучомъ. Задумается — точно шапка-мурмолка, насупилась щетинистая кровля надъ лачугой, а вверху череница-труба торчитъ, какъ черный человекъ, и тоже въ бѣлой, ярко-сверкающей шапкѣ снѣговой. Небо, точно пропасть бездонная, а звѣздъ-то, звѣздъ сколько!

Раскатовъ опять задумался надъ тѣмъ, что такое жизнь! Но теперь онъ начинаетъ уже вѣрить, что истинная жизнь и сила природы — человекъ — не пройдетъ безслѣдно по землѣ. И вѣрилось, но не плакалось ему въ эту святую минуту, ибо онъ презиралъ свою настоящую жизнь! Скучно ему теперь не оттого, что въ природѣ нѣтъ жизни: смотря вкругомъ, онъ видѣлъ страшно-выпучую жизнь! Но ему досадно было, что человекъ не живетъ съ ней согласно, какъ братъ съ сестрой! Такой безграничный просторъ надъ его головой, такая неисчерпаемая бездна богатствъ подъ его царственными ногами, а онъ, какъ червь, пресмыкается у какой-нибудь Сысоевны въ подвалѣ, и холодно, и голодно, и гадко, и скучно, и чортъ знаетъ что наконецъ на душѣ. А бѣдное, мягкое сердце человека вѣчно то кошки скребутъ, то мыши грызутъ!

Да, другъ-читатель, было горько Раскатову въ эту минуту, когда онъ презиралъ свою настоящую жизнь. Холодно ему, забкому въ шинеленкѣ, подбитой вѣтеркомъ; еще не совсѣмъ онъ оправился отъ своей осенней горячки, и потому не удивительно, если я скажу, что Раскатовъ что есть духу пустился домой.

Ничто, конечно, не влекло его въ дому, вромѣ истиннѣе свиранинъ свою жизнь. Да и что теплаго, вромѣ свиранинѣ чаю да нелужонаго самоваришка, могла предложить ему Сысоевна?

Сысоевна, какъ Волчиха, день и ночь проповѣдуетъ о томъ, какую когда молитву долженъ творить человекъ; бабушка Шутиха не шутя уверяетъ Раскатова, что двухперстнымъ знаменіемъ освѣняться гораздо важнѣе, потому что оно святѣе и древнѣе. Самъ Господь со святыми апостолами крестился двухперстнымъ, — такъ его, батюшку, и на иконахъ пишутъ всегда, и т. д. Въ сумерки придетъ въ Раскатову Парамонъ-кузнецъ посумерничать съ Шашей, котораго онъ еще маленькимъ гладилъ по головѣ; а вечеркомъ, смотришь, забрелъ ящичекъ-Коворъ выкурить трубку тютуну. Да и нельзя не забрести этимъ добрымъ людямъ къ Раскатову: жили они тутъ гдѣ-то по сосѣдству; мимо ходилъ въ день разъ по десятку; Раскатова (а пожалуй и Сысоевну) знали чуть не съ пеленокъ; а теперь у него еще горе — мать умерла, — какъ же не забрести вечеркомъ запросто? Такъ запросто и закуривали они Шашку мажоркой до тошноты; запросто заговаривали вздоромъ до одурѣнія и запросто же уводили у него даромъ дорогое для приготовленія время. Сіяли ихъ простодушныя лица лаской и улыбкой, особенно въ тѣ вечера, когда повѣствовалося о томъ: какой онъ былъ маленький удаленькій, да какъ онъ ловко впѣплялся въ бороду тятки-покойнику, да славно сворачивалъ пыль на сторону мамки-покойниці. И не думали эти добрые и простые люди, что ихъ пошловатая и глуповатая болтовня такъ наслужала Раскатову, какъ горькая рѣдьма. Выгнать ихъ у него не доставало ни духу, ни силъ; намековъ они никакихъ не понимали, — такъ и сидѣли, да вѣчно болтали, а въ праздникъ еще считали обязанностію явиться въ праздничномъ видѣ, и тогда пошлостями и фамиллярностямъ не было уже конца! «Эй, ты, Шашка, слыши!» начинается съ одной стороны Коворъ. А если Шашка сердитъ, ничего не говорить, такъ съ другой заканчиваетъ рѣчь обиженный Парамонъ: «Мм-ста, нонѣче ученые стали, намъ и Наумъ сталъ ужъ не кумъ! Забылъ, братъ, какъ я-те въ подпечекъ пряталъ отъ родительскаго благословенія?..»

Раскатовъ, конечно, и на это вромолчить, но больно коль-

нетъ его въ сердце укоръ старика, и тяжело затоскуеть его скрытая пучина — душа, зачуявъ близкій разрывъ со всѣмъ прошлымъ, завѣтно-роднымъ!

— Эхъ, дядя, дядя, еслибъ зналъ ты, какъ я люблю тебя, другъ! думаетъ про себя Раскатовъ, и пойдетъ куда-нибудь искать другой бесѣды, живой.

— Гдѣ же эта живая бесѣда? думаетъ разочарованный юноша, сидя въ кругу своихъ старыхъ знакомыхъ, артистовъ и художниковъ. Но, къ сожалѣнью, теперь онъ видитъ ясно, что тамъ и не могло быть никогда той живой бесѣды, которой онъ искалъ! Жизнь его пріятелей-музыкантовъ, странствующихъ изъ города въ городъ, путешествующихъ изъ трактира въ трактиръ, и недугующихъ вѣчнымъ пьянствомъ и нищетой, только тѣмъ и отличалась отъ грубой, глупой и пошлой жизни кузнеца Парамона, что эти были трезвѣе тогда, когда былъ пьянѣе тотъ, или наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ святки и въ масляницу, когда такъ широко и размахисто загуливаетъ русскій народъ, музыканты, какъ люди рабочіе, пили мало; но зато въ сочельники и чистые понедѣльники они такъ насочивались мастерски, что и самъ великій постъ не въ состоянн ихъ былъ пропустить: контръ-басъ допивался до чертей, а прима-скрипка, Марцевичъ, и того хуже. Жизнь художниковъ, которые не странствовали и не путешествовали, а сидѣли и пили дома или въ трактирѣ Сеньки Огорошина, представляла результаты еще плачевнѣе музыкальныхъ. Слабый Алексисъ схватилъ чахотку отъ разврата, и теперь, съ декабря, ожидаетъ только вскрытія водъ; крѣпкій Мишель-басъ такъ наконецъ пьетъ, что изъ части вонъ нейдетъ; Саша увѣщеваетъ Алексиса «чашу здравія» принять: «все равно, говоритъ, жизнь допивать»; а Мишка-маленькій постомъ удавился отъ любви. Даже самъ Лаврентій Иванычъ, накануне новаго года, прошелся по улицамъ Адамомъ и теперь посаженъ въ сумасшедшій домъ.

— Куда-жъ еще? спрашиваетъ себя тоскливо неудовлетворенный юноша, и какъ машина двигается въ старому себе-сѣднику Неплюеву, котораго въ насмѣшку звалъ «Развалина-старикъ».

Николай Федорычъ Неплюевъ былъ тотъ самый умный баринъ, который когда-то присовѣтовалъ шорнику Василью от

дать сына въ гимназію; Раскатовъ былъ признателенъ ему, какъ сынъ отцу. Конечно, мало было общаго между старикомъ и юношей: и лѣта и жизнь, и положеніе въ свѣтѣ, и самыя эпохи—все разграничивало рѣзко Раскатова отъ Неплюева. И не даромъ отжившаго и прокисшаго старика злой Раскатовъ прозвалъ «Развалиной». Но здѣсь я долженъ сказать, что это была такая развалина, которыхъ въ настоящее время не много. Точно монументъ своего славнаго прошедшаго, онъ прекрасно говорилъ о быломъ. Николай Федорычъ въ отечественную войну былъ молодымъ офицеромъ. Какъ пылкій юноша, онъ видѣлъ передъ собой ореолъ нашей славы и торжественный въѣздъ въ столицу міра, Парижъ. И въ шестьдесятъ лѣтъ онъ также живо, какъ прапорщикъ-юноша, рассказывалъ Раскатову свои милыя продѣлки въ Парижѣ, жизнь милыхъ парижанокъ и веселые нравы тогдашняго времени. Начиналъ-ли онъ расписывать Венецію, онъ такъ изображалъ ее съ своими лагунами и южными красавицами-ночами, что Раскатовъ видѣлъ ее передъ собой, какъ городъ живой. Описывалъ-ли онъ Монбланъ съ его ледяными душой глетчерами, старикъ былъ весь огонь. Рисовалъ-ли онъ картину Везувія и его сладострастныя неаполитанскія ночи, у него и теперь еще загорались глаза. Конечно, въ то время, какъ сошелся съ нимъ Раскатовъ, старикъ давно уже сошелъ со сцены, пересталъ ѣздить въ клубъ, живую могилу старцевъ, и сдѣлался домохозяиномъ и сиднемъ, которому и гулять хотѣлось больше въ креслахъ, нежели въ саду; но, несмотря на все, онъ былъ еще живъ, интересенъ, уменъ. Казалось, такой старикъ чистый кладъ для юноши, которому жизнь была загадкой. Какъ умѣлъ онъ воскресить передъ Раскатовымъ свое прошлое и заветное, какъ всякое его слово и живой анекдотъ говорили ясно: «вотъ какъ весело въ наше время жилось.» Но въ томъ-то и недостатокъ былъ стараго друга и совѣтника, что, живя въ прошломъ, онъ совершенно умеръ для настоящаго, а не зная настоящаго, онъ и совѣта не могъ подать.

— Лечите меня отъ хандры, жаловался Раскатовъ старому другу на свое невеселое настоящее.

— Вы, другъ, больны избыткомъ силъ. Это тяжелая болѣзнь юности, но не бойтесь, она пройдетъ! Въ наше время не тѣ были стремленія. Мы были юноши-гладіаторы; насъ

воспитывали больше физически, съ ломтемъ, вонемъ и кулачкомъ мы справлялись бойко и легко. А теперь время не то: теперь лѣтъ съ десяти начинаютъ вставать и громоздиться въ головѣ ребенка вопросы за вопросы, и къ двадцати ихъ такъ накопится много, что иной скорѣе съ живнiю порѣшнить, чѣмъ ихъ разрѣшить!

— Какъ-же быть? вскричалъ Раскатовъ, испуганный пророческимъ голосомъ старика.

— Какъ быть? Есть средство: мирить сомнѣнiе и жизнь.

— Помилуйте, Николай Федоровичъ, да я-ли еще не мирюсь съ живнiю? Доволенъ я и лачугой, и голодомъ, и холодомъ, и сырьемъ, и гарью, а все мнѣ не дерче. Говорятъ вамъ: мнѣ свучно и тяжело! вскричалъ юноша безотрадно.

— Въ томъ-то и сила, что вы мирите тѣло, но не мирите духъ.

— Да что вы мнѣ говорите: «мирите да мирите»; миръ хорошъ только за бутылкой шампанскаго, и прочень, когда собесѣдники сыты. Знаю я хорошо наше умерщвление плоти и смиренiе духа. По внѣшности мы смиренны всѣ, а посмотрѣ-ко внутри... Хорошо тому поститься, у кого кулебака съ сиромъ, хорошо и тому молиться, кто ладитъ съ попомъ, а навово тому говѣть, кому вѣчно нечего ѣсть?..

— Въ томъ-то, другъ, и умѣнье жить, что умѣй все мирить.

— Какъ?.. чѣмъ?.. Скажите мнѣ хоть ради жизни самой! вскричалъ умоляющiй юноша.

Но человекъ прошлаго ни далъ ему отвѣта въ настоящемъ. Какъ обильно и многословно ни говорилъ Николай Федоровичъ на эту тему, а все его прошлая теорiя расходилась съ практикой настоящей. Старикъ дѣ въ глазахъ юноши такъ и остался ружной безъ надписи.

Чѣмъ рѣшить Раскатовъ свою загадку жизни — это мы узнаемъ въ концѣ; а теперь пова его занимаетъ другой вопросъ: что такое: «сила-человѣкъ?»

XXXII.

Раскатовъ пришелъ въ библіотеку взять книгу,

— Странное дѣло, думалъ онъ, перебирая книги, какъ дома.

Кажется, одинъ и тотъ же человѣкъ библиотечарь, а теперь онъ гораздо вѣжливѣе и обязательнѣе ко мнѣ? Бывало: «пождите, говорить, вотъ кончу каталогъ». Ну и жди цѣлѣй часъ! А теперь вонъ какъ, шельма, юлитъ передо мной. А все обязанъ я Столицкому! Недаромъ вѣрно Калмычокъ связалъ: «сила-человѣкъ.» Отчего-жъ Неплюевъ зоветъ его: «бестія.» И мнѣ онъ показался бестіей съ перваго разу... А не дурно бы узнать: что это за птица?

— Не хотите-ли здѣсь почитать? До трехъ можно... Вы не были еще въ нашемъ кабинетѣ для чтенія? Барскій кабинетъ!

— Развѣ въ барскомъ умнѣ читается?

— Нѣтъ, я такъ въ слову.—Тихо тамъ сегодня, нѣтъ никого. Одинъ Владиміръ Николаичъ.

— Камеро? Что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Читають-съ. Они часто бываютъ здѣсь!

Раскатовъ прошелъ въ кабинетъ.

— Здравствуйте. Поближе ко мнѣ.

— Здѣсь освѣтлѣе. — Раскатовъ усѣлся въ окну.

— Вы говорите по французски?

— Нѣтъ.

— Но понимаете, конечно? Какъ, напримѣръ, вамъ нравится.

Это выраженіе: *l'amour est l'égoïsme à deux*? Неправда-ли, бѣдь прелесть и какая смѣлость!

— Это что такое? спросилъ удивленный Раскатовъ.

— Это моя любимица, Сталь. Та самая Сталь, которая сказала: «*C'est Robespierre à cheval*», о Наполеонѣ первомъ. Это знаменитое выраженіе; за него ее выгнали изъ Парижа. Это былъ чрезвычайно интересный европейскій скандалъ. Вы конечно слышали объ немъ.

— Нѣтъ не слыхалъ, отвѣтилъ Раскатовъ, которому вовсе было не до европейскихъ скандаловъ.

На швольной свамѣ ему не дали никакого понятія о томъ, кто была мадамъ Сталь, производящая европейскія скандалы, или госпожа Жоржъ-Зандъ, производящая европейскіе перевороты. Тамъ онъ едва успѣвалъ долбить послужные списки какихъ-нибудь Сумароковыхъ и Ломоносовыхъ, такъ много способствовавшихъ къ его искаженію. А къ послѣдовательному чтенію и настоящему знанію его и не думалъ никто пріучать.

Въ гимназіи изучали подробно важнаго генерала Хераскова и въ то же время не давали никакого понятія о Жоржъ-Зандъ. А уже о клубской бібліотекѣ, которую онъ теперь читалъ и изучалъ, и говорить нечего. Дворянская бібліотека была чистая аптека. Въ ней дѣйствительно можно было найти всѣ медикаменты но, зато попробуйте-ка ихъ всѣ принять, безъ врача, такъ будешь здоровъ! Въ нее, какъ въ старый архивъ, складывали все, что жертвовали члены клуба, и потому она была такъ разнообразна и разнохарактерна, или лучше сказать просто безхарактерна, какъ самъ дворянскій клубъ. Вотъ почему членъ его и призналъ Раскатова невѣждой. И такъ какъ вызовъ на разговоръ былъ неудаченъ—собесѣдники замолчали.

Съ полчаса продолжалось чтеніе. Владиміръ Николаичъ потянулся, взломилъ руки и преаппетитно звѣнулъ.

— Что?

— Страшно усталъ. Точно возъ провезъ.

— Что же: слогъ тяжелъ, или идея?

— Какъ-бы вамъ сказать: это то, что французъ зоветъ *casse-tête*. Это во всѣхъ отношеніяхъ головоломная барыня-умница. Вы коротко съ ней знакомы?

— Совершенно не знаю. Познакомьте, сдѣлайте милость?

Камеро вынулъ часы.

— О, скоро три. Поѣдемте ко мнѣ обѣдать?

— Благодарю. Не знаю, что сказать?.. Раскатовъ странно и обидно улыбнулся.

— На оригинальное приглашеніе, дайте оригинальный отвѣтъ.

— Слѣдуетъ рифма—нѣтъ.

— Я познакомлю васъ съ Столицкимъ. Это умный малый.

— Очень радъ.

— Такъ ѣдемъ?..

Квартира Камеро была вовсе не то, что квартира Биттеля, которому завидовали его товарищи, учителя гимназіи. Здѣсь не было ни этажерокъ, ни канареекъ, ни цвѣтовъ, ни собакъ, просто три-четыре комнаты, но чрезвычайно высокія, просторныя и свѣтлыя, словомъ самыя удобныя для жилья. Зато обои, портьеры и ковры замѣняли все. Ихъ улыбающіеся рисунки и цвѣты говорили ясно, что здѣсь живетъ не цестрый

надзиратель французъ, а баринъ-аристократъ, человѣкъ со вкусомъ. Мебель тоже была не вычурная и казалась простой, но обита бархатомъ, подбита пухомъ, и такъ повойна и мягка, что въ нее можно было лечь хоть на вѣчный покой. Одна софа Столицкаго была набита волосомъ и обтянута сафьяномъ. На ней лежалъ онъ, въ одной сорочкѣ, съ растегнутымъ воротомъ и засученными рукавами. Въ каждой бьющейся жилѣ и въ каждомъ натанутомъ мускулѣ видно было, что Столицкій молодець. Въ первыхъ двухъ комнатахъ не было даже никакихъ мелочей; особенно выдаются въ глаза только изящные столовые часы съ монументальной статуей бога времени, да большой рояль, который считался лучшимъ въ городѣ, потому что хозяинъ былъ дѣйствительно музыкантъ.

— Извините, началъ Столицкій, приподнимаясь.

— Сдѣлайте милость, не беспокойтесь. Пожалуйста со мной попроще... отвѣтилъ Раскатовъ.

— Очень радъ. — Столицкій пожалъ руку гостю и улегся опять.

Нѣсколько минутъ и хозяева и гость молчали.

— Это чортъ знаетъ что такое! вскричалъ вдругъ Столицкій, и вынулъ газету.

— Что бѣснуешься, топ шер?

— Женьсь, чортъ возьми, отъ скуки,—гадость жизнь! Ёсть не дають и въ газетахъ нѣтъ ничего новаго! Хотъ бы обьявили объдъ.

— У дворянъ денегъ нѣтъ, начиная съ меня.

— Пусть займутъ у меня.

Камеро ничего не отвѣтилъ.

Раскатовъ тоже счелъ себя лишнимъ при этой исповѣди и не нашелся, что прибавить.

— Что васъ не видать нигдѣ, господинъ Раскатовъ? Бывало, считались постояннымъ кавалеромъ Анны Петровны; въ маскерадѣ разъ отличались, кажется?

— Не знаю, что вамъ на это сказать.

— Байронизмъ, разочарованіе?

— Просто, кажется, времени мало.

— У васъ много уроковъ?

- Нѣтъ, у Неплюева, да еще тамъ... одинъ.
- А умный старикъ Николай Федорычъ, неправда-ли?
- Неудовлетворяетъ; развалина...
- Конечно умеръ вмѣстѣ съ своимъ временемъ. Это человѣкъ
прошлаго.
- Послушай, прошлый человѣкъ: вели, братецъ, дать ѣсть
человѣку настоящему. Что жъ это такое? Я умираю съ го-
лоду.
- Эй, человѣкъ!
- Вошелъ maitre d'hotel.
- Что, братецъ, скоро дадутъ ѣсть Столицкому?
- Готово-съ, пожалуйте.
- Вотъ новость, такъ новость! — Столицкій живо соско-
чилъ съ софы.

Maitre d'hotel торжественно распахнулъ дверь въ сосѣдную комнату. Богатая сервировка стола необыкновенно поправи- лась Раскатову. Тамъ были: цвѣты, плоды, и большія сере- бряныя вазы, изъ которыхъ торчали смоленыя головы буты- локъ. За столомъ подавались невиданные Раскатовымъ соусы, анчоусы, соя и еще что-то такое, отъ чего, по словамъ Сто- лицкаго, можно языкъ проглотить.

— И такъ ѣсть каждый день! Можно жить, рѣшилъ Ра- скатовъ, расправляясь съ соусами, анчоусами, и совсѣмъ, что ему попадало на зубъ.

Съ половины стола принялись за редерера; пили, какъ квасъ. Хозяинъ просилъ Столицкаго подлить сосѣду, а Столицкій увѣрялъ Раскатова, что редереръ женихъ вдовушки влико.

— Не правда-ли, великолѣпное вино?

— Да, недурно, отвѣтилъ новый знатокъ.

Камеро и Столицкій переглянулись.

XXXIII.

Такъ началось новое знакомство Раскатова съ первыми гу- бернскими львами. Любезный хозяинъ предложилъ ему чаще бывать, а Столицкій просилъ его любить и жаловать. Калмы- чокъ тотчасъ принесъ въ подвалъ утѣшительную вѣсть, что

Раскатовъ понравился кавалеру Камеро, какъ «сбромный малый», а Столицкому, какъ «умный господинъ».

— Этотъ откуда узналъ? Я почти ничего не говорилъ?

— Нужды нѣтъ, отецъ. Это ужъ такой человѣкъ: онъ по сбладоцкѣ штановъ видитъ человѣка насквозь! Ехидна-съ...

— Вотъ, съ такимъ-то и сойтись! думаетъ Раскатовъ въ восторгѣ. Вотъ она, та живая бесѣда, которой я искалъ! Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ удовлетворить меня какой-нибудь Калмычовъ? О чемъ я съ нимъ буду бесѣдовать?... И Раскатовъ тутъ же взглянулъ на добраго и простодушнаго старика какъ-то особенно.

Словомъ, это пустое знакомство, лстящее желудочному самолюбію мальчика, много надѣлало Раскату хлопотъ. Тутъ же рѣшено было завести новое и модное платье; иначе какъ же?—совѣстно такую шинель и въ прихожую тамъ повѣсить. Рѣшилъ онъ завести и манишки, и галстучки помоднѣе, потому что это еще виднѣе, нежели валюши и шинель. Но что всего важнѣе: надо квартиру перемѣнить. — «Это чортъ знаетъ что такое!»... Раскатовъ взглянулъ вокругъ и увидалъ въ самомъ дѣлѣ чортъ знаетъ что такое. Калмыкъ сидитъ, сапитъ и сосетъ вякую-то гадость изъ трубки, выдѣлывая уморительныя рожи; въ другомъ углу ямщикъ Коворъ въ полушубкѣ сидитъ, пытитъ, мечтаетъ и, для разнообразія, тоненькую струйку выпускаетъ. Вдали, словно въ облакахъ, съ прялкой и шпыкомъ на сторону Сысоевна, а кругомъ нея кадучки, лагушки, горшочки, черепочки и на самомъ видномъ мѣстѣ—лахань! Попробуй, шагни!... — «А ну, какъ удружить который-нибудь, зайдетъ, да въ этакую-то?»... Раскатовъ даже испугался такого вопроса. — «Тутъ просто осрамишься сразу!»

Раскатова все больше и больше стало манить въ свѣжую, свѣтлую и ароматную атмосферу барства. «Не часто-ли? Какъ-то совѣстно»... думалъ онъ иной разъ, и все-таки шелъ: передъ чарующей любезностью хозяина и умомъ Столицкаго ломилось его прежнее убѣжденіе.

Но теперь Раскатовъ не былъ захваченъ врасплохъ; съ утра до трехъ ему есть время обдумать: что и какъ?... Онъ даже подготовилъ нѣсколько шуточекъ и остротъ. А главное, у него составился планъ — срѣзать Столицкаго вопросомъ: что за исторія была съ Сомовымъ?

— Такъ, я думаю, и поперхнется своимъ редереромъ... Вотъ скорчитъ рожу! Нарочно спрошу въ ту минуту, какъ будетъ пить за здоровье Ляны Петровны.

Пошелъ. Камеро не было дома. Столицкій принялъ его въ своемъ кабинетѣ, заваленномъ бумагами и счетами.

— А гдѣ Владиміръ Николаичъ?

— Шатается гдѣ-то. Заводъ, кажется, сгорѣлъ или мельницу прорвало: поѣхалъ узнать — какъ?

— Ну, хозяйнѣ!... подумалъ Раскатовъ.

— Вы конечно дождетесь его?

— Да, если недолго.

— И отобѣдаете со мной?

— Не знаю. Какъ безъ хозяина?

— Вотъ вздоръ. Я хозяйнѣ, это все равно. Мы съ вами не съѣдимъ всѣхъ его заводовъ и мельницъ.

— Полагаю.

Тутъ же приѣхалъ Владиміръ Николаичъ и поблагодарилъ Столицкаго, что оставилъ гостя обѣдать.

— А я думалъ, вы забудете насъ?

— Это почему?

— Да хотъ потому, что мы невѣжи противъ васъ: тутъ идетъ болтовня, а гость сидитъ въ углу. Вы извините, мосеъ Раскатовъ, у насъ ужъ такое невѣжество заведено. По моему, человѣкъ, какъ человѣкъ, вездѣ долженъ быть свободенъ въ своихъ проявленіяхъ. Что за нелѣпный обычай насиловать себя, забавляя другихъ? Такъ, Столицкій?

— Такъ, такъ, mon cher! Истинный ты философъ невѣщества.

И такъ далѣе, пошла болтовня безъ конца.

Друзья говорили много, бѣгло и легко; безпрестанно мѣняли тему и выраженіе лицъ; даже часто переходили отъ смѣха къ зѣвкамъ; но сквозь все это слышалась только одна безконечно-пустая болтовня.

Раскатовъ отъ скуки заглянулъ въ книгу. Хозяинъ замѣтилъ, что гостю неловко.

— Это новость... Не хотите-ли?...

— Въ какомъ родѣ? — Раскатовъ опять заглянулъ въ книгу.

— Въ ученомъ. Это «Судьбы Италіи», диссертация молодого профессора Кудрявцева. Умница!

— Отчего же умица не разрѣзанъ? спросилъ неловко Раскатовъ, и кстати прихватилъ ножъ.

— Потрудитесь, сдѣлайте одолженіе. Мы-вѣдь невѣжи, не читаемъ серьезнаго.

— Нѣтъ, извини, я не невѣжа. Я очень серьезное читаю, слушай: «Вечеромъ позднимъ она у потока стояла, моя прозрачная ножка во влагѣ жемчужной; струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала...» — Parbleu! отчего я не струйка, чортъ возми! вскричалъ Столицкій, вскакивая съ дивана. — Ухъ, какъ обвилъ бы влагой жемчужной! — А вы какъ полагаете, Раскатовъ, хорошо быть струйкой?

— Недурно, отоввался юноша. Декламаторъ продолжалъ.

— А мастерски онъ изображаетъ голенькихъ. Прелестъ! Это дѣйствительно греческая нагота! — «Страстно, привольно, широко, прядали волны на грудь!...» — Фу, ты, бѣсъ! меня даже соблазнилъ, Столицкаго—это строгое цѣломудріе и непорочность. Вотъ поэтъ, такъ поэтъ! Это то, что зовется у насъ: классическій, пластическій, обаятельный, осязательный и т. д., что вамъ угодно. И какъ все у него выпукло, упруго, рельефно—прелестъ!

— Да кто это, наконецъ?

— Щербина, mon cher. И этого не знаешь. Ахъ, ты вандалъ! Столицкій еще что-то совралъ.

— Однако все это отзывается пустотой, заключилъ Раскатовъ тоскливо.

Обѣдъ, конечно, не отзывался пустотой. Столицкій, вмѣсто «Судебъ Италій», напустился на макароны, хозяйка серьезно занялась пуляркой, и пошла писать.

— Скажите, что васъ не видать у Сомова? началъ Камеро.

— Да признаться, я не совсѣмъ долюбиваю этихъ господъ, особенно *ее*. — Раскатовъ взглянулъ на Столицкаго.

— То есть, кого же это *ее*? Анну Петрову не любите? Вы, господинъ Раскатовъ? Какъ это возможно! Благодарительницу, покровительницу!... и еще что-то такое? Самъ Молчалинъ про нее сказалъ: «извѣстная-съ, притомъ чиновные и должностные всѣ ей друзья и всѣ родные!»

— Я не чиновный и не должностной, могу быть исключеніемъ.

— Да, теперь мы всё можем быть исключеніемъ: вы конечно знаете, что Анна Петровна уѣхала въ Парижъ.

— Интересно бы знать: зачѣмъ?

— Гулять-съ, гулять и себя показать! отвѣтилъ самымъ простодушнѣйшимъ образомъ гуляка.

— Не поддѣнешь, шельму, никакъ!

— А что вы думаете объ немъ? спросилъ вдругъ неожиданно Столицкій, выворачивая свои чарные глаза.

— До исторіи Эстюржонъ, я былъ о немъ хорошаго мнѣнія.

— А что это за исторія? спросилъ онъ съ непритворнымъ изумленіемъ.

— Да при мнѣ было слѣдствіе въ больницѣ. Французъ умеръ, который у него жилъ....

— Такъ что же-съ? спросилъ онъ еще непритворнѣе.

— Да рассказываютъ: онъ засѣкъ его....

— Кто, Сомовъ?

— Да.

Столицкій такъ простодушно захохоталъ, что Раскатову стало совѣстно за себя.

— Это вздоръ, заключилъ Камеро.

— Значитъ, вы очень плохо знаете Сомова. Это очень, очень порядочный человѣкъ.

— Молва, прибавилъ Раскатовъ, разбитый въ пухъ.

— Какая молва, помилюйте это бабьи слетни. Сказали даже, что это все было въ квартирѣ у меня, а я и квартиры не имѣлъ никогда! Я здѣсь стою, понимаете?...

— Что же это такое? думалъ озадаченный Раскатовъ.

— А съ Сомовымъ вы напрасно разошлись. У него вѣдь дочь пріѣхала изъ института. Можно этакъ тово...

— Некогда, отвѣтилъ Раскатовъ сурово.

— Не слушайте его, Раскатовъ, это демонъ-соблазнитель.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я просто думаю, что общество женщинъ щедра для молодыхъ людей.

— Ну, какая это женщина, —ребенокъ.

— Э, нѣтъ извини, топ шер. У этого ребеночка въ году тоже будетъ ребеночекъ. Хочешь пари?

— Фи!

— А я вамъ совѣтую приударить за ней. Отобью, влянусь честию благороднаго человѣка!

— Говорю, некогда—занять!

— Ахъ, виновать, забылъ! Вѣдь вы еще не доучились, кажется? Что мы надѣлали, mon cher, а?

— Не беспокойтесь, доучусь! отвѣтилъ Раскотовъ обидчиво.

XXXIV.

— Александръ Васильичъ, былъ у васъ Сомовъ? спросилъ Раскотова старикъ Неплюевъ.

— Нѣтъ не былъ. А что?

— Дѣло есть до васъ. И не присмалъ?

— Нѣтъ.

— Шебала человѣкъ, совсѣмъ смотался! Связался съ этимъ бестіей Столицкимъ: подряды да охота, карты да спекуляціи, и дѣтей бросилъ наконецъ!

— За что вы не любите Столицкаго; онъ, мнѣ кажется, порядочный человѣкъ.

— Да вотъ какой это порядочный человѣкъ: въ одной комнатѣ я сидѣть съ нимъ не могу — отравить! Это ядъ человѣкъ.

— Ну, у васъ къ нему предубѣжденіе.

— Какое предубѣжденіе противъ явнаго злодѣя. Слышали, я думаю, исторію съ французомъ Эстюржонъ. Сомовъ никогда не рѣшился бы на такое звѣрство. Это онъ его ухаживалъ, изъ ревности! Тутъ было кое что-съ...

— А онъ говоритъ, что это бабы сплетни, смѣется.

— Эхъ, посмотрю я на васъ, молодой человѣкъ, какъ мало вы знаете свѣтъ и людей! Да Столицкій вѣчно будетъ смѣяться надъ всѣмъ. Столицкаго я зналъ еще вотъ такимъ.... Столицкаго-кадета я за уши диралъ, когда онъ строилъ курмы моей женѣ-покойницѣ; Столицкаго я въ перину зашивалъ, когда въ Вологдѣ хотѣли ему пулю всадить; Столицкаго я изъ тюрьмы выкупалъ, когда хотѣли его правъ лишить: видѣлъ я и возвышеніе и паденіе этого человѣка. Въ Вологдѣ онъ цѣлой губерніей управлялъ, вмѣсто дядюшки-копака; въ Петербургѣ пирошками торговалъ на Сѣнной: и въ гиганта, и въ гадину превращался этотъ человѣкъ, и все ему ничего! И въ Литов-

ской, и на Сѣнной, и въ гостиной, и въ кабакѣ, вездѣ онъ будетъ также смѣяться, какъ съ вами вчера. Это человѣкъ-съ такой: на висѣлицу поведутъ — захохочеть!

— Да правда ли?

— Такъ, такъ, другъ, вѣрите мнѣ. Жаль того, опуталъ онъ его своими дьявольскими сѣтями. Камеро добрый малый, и благороднѣйшій, и деликатнѣйшій господинъ, да что вы съ ними будете дѣлать? безъ характера человѣкъ! А тотъ его и обираетъ кругомъ, да вѣдь какъ-съ — гуртомъ! Вообразите, до чего дошло: на дняхъ, прѣзжаетъ въ слезахъ—денегъ занять. Такъ, вѣрите-ли, плакалъ вотъ на этомъ стулѣ:—«Хочу, говоритъ, гнать наконецъ, потому — подлець! На мой, говоритъ, счетъ живеть, на мой счетъ ѣсть и пьетъ, на мой счетъ въ лавкахъ забираетъ, да мнѣ же мораль читаетъ и меня же ругаетъ — отчего не плачу долговъ.» — Вотъ онъ каковъ!

— Что жь это такое? Тотъ самый благороднѣйшій и прекраснѣйшій Владиміръ Николаичъ, у котораго такая величественная осанка, такія изящныя манеры, такой симпатичный голосъ и такая деликатная рѣчь; словомъ, тотъ, котораго весь городъ зоветъ «кавалеръ Камеро», плакалъ здѣсь отъ какого-то темнаго мошенника, — преступника наконецъ! Гдѣ жь жизнь послѣ того, у кого? — И Раскатовъ глубоко вздохнулъ.

... Имѣніе хочетъ продать и за-границу ѣхать, добавилъ старикъ сердито.

— Не слыхалъ.

— И не услышите отъ нихъ. До послѣдней минуты не увидите и не услышите ничего, все будетъ великолѣпный маскарадъ. Бился я не мало, цѣлую зиму съ нимъ бился, совѣтовалъ разойтись, и араву нанятую распустить, и повара француза къ чорту послать. Не слушаетъ ничего, мелеть свое: «безъ француза жить не могу!» Хотя въ долгу, какъ въ шелку, да поваръ французъ, все утѣха для брюха.

— Что за ченуха! Вотъ наша сумасбродная барская жизнь!

— Тому ничего-съ. Тотъ околотень нравственнаго міра. До смерти не забуду, какъ встрѣтилъ я его въ Петербургѣ, по выходѣ изъ долгового.—«Откуда, спрашиваю, другъ?»—«Да въ отель-де-Тарасовъ сидѣлъ, говоритъ, три мѣсяца». И смѣется, мерзавецъ, точно въ самомъ дѣлѣ позавтракалъ у

Бореля. Ну, а этого жалко: этого не снесетъ, не засмѣется его благородная душа!

— Да развѣ нѣтъ средствъ его остановить? спросилъ Раскатовъ, чуть не плача.

— Да какое средство остановить мотовство русскаго барина, когда оно въ нашей благородной крови? Тутъ результатъ одинъ: повадится кушнннъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить!

Раскатовъ тяжело вздохнулъ.

— А кто эта баронесса? спросилъ онъ, припоминая о какихъ-то отношеніяхъ между Столицкимъ, Камеро и баронессой.

— А что, не приглашали-ли васъ къ ней?

— Столицкій хотѣлъ представить.

— И въ клубъ приглашалъ?

— Приглашалъ.

— Бестія! И въ острогъ пригласить, погодите.

— Это зачѣмъ?

— Да такъ, какъ пригласили и посадили они Франца Францыча вашего. Съ мѣсяцъ сидитъ. Не знаю, какъ дѣло пойдетъ: пожалуй еще по владимирскѣ уйдетъ.

— Зачто же, спросилъ Раскатовъ, ничего не понимая.

— Предсѣдателя, мошенники, обиграли. Тотъ имъ казенныя деньги спустилъ, — губернаторъ и посадилъ.

— И баронессу?

— Ну, нѣтъ. Это не такъ легко. Ея сіятельство, баронесса, чуть не законная жена начальника губерніи: ее скоро нельзя посадить!

— Такъ какъ же жить? вскричалъ Раскатовъ въ недоумѣніи.

— Такъ и живите, какъ хотите, отвѣтилъ старикъ, ослабшій отъ волненія.

Раскатовъ сильно задумался надъ тѣмъ, что творилось вокругъ. Въ такія минуты гасли его благородныя и возвышенныя надежды, подкапывались самыя святыя и горячія вѣрованія въ жизнь, и не шутя задавался неотразимый вопросъ: какъ жить?

— Скажите, ради Бога, кто она?

— Да какъ бы вамъ сказать, не солгать: она почти то же, что онъ. Разницы между Столицкимъ и баронессой немного: онъ — жидовскій червонецъ, она — фальшивая депозитка.

Раскатовъ плюнулъ во всю мочь.

— Да, другъ, поживете — поплюете еще не мало! заключилъ старикъ глубокимъ вздохомъ.

— Юноша молчалъ.

— Что жъ это такое однако? думалъ Раскатовъ отчаянно. Вѣдь это люди, стоящіе передо мной въ недостижимой высотѣ; это идеалы, которымъ мы хотимъ подражать. Столицкій членъ лучшаго общества, называемаго у насъ благородными дворянами; баронессу весь городъ зоветъ «ваше сіятельство», — и что-жъ они? — картежники, мошенники, преступники наконецъ! А между тѣмъ вакой нибудь Калмыкъ зоветъ ихъ «сила-человѣкъ.» Да и я самъ, смотря на жизнь Столицкаго, вижу ясно, что это дѣйствительно — сила-человѣкъ! Какъ же жить послѣ того, какъ бороться со всѣми этими гадостями и мерзостями? Неужели же тамъ, ну выше, наконецъ — въ столицѣ, нѣтъ правды, нѣтъ истины, нѣтъ справедливости? Ничего я тутъ не понимаю—въ этомъ темномъ омутѣ, называемомъ наше общество, наша жизнь!..

— Тоска! заключилъ онъ неопредѣленно. И тутъ же ушелъ къ Владиміру Николаичу: спросить — какъ жить?

XXXV.

— Прощайте! встрѣтилъ Раскатова Владиміръ Николаичъ.

— Какъ прощайте? Здравствуйте.

— Ёду! отозвался Камеро таинственно.

— Куда?

— Въ Италію.

— И скоро?

— Завтра. Я вѣдь—птица: вспорхнулъ и улетѣлъ.

У Раскатова слезы навернулись на глазахъ. Жаль ему было разстаться съ Владиміромъ Николаичемъ. Онъ уже любилъ этого человѣка полно и горячо. Минуту разлуки ему хотѣлось опозитизировать:

— Счастливый путь. Пишите музыку на этотъ стихъ: «О, родина святая, тебѣ мой привѣтъ!»

— Дичь, мосье Раскатовъ: пора вамъ отличать стихи отъ прозы житейской. Родина тамъ, гдѣ намъ весело.

— А гдѣ намъ весело? Тамъ, гдѣ насъ нѣтъ?

— Э, полноте грибоѣдничать,—конечно—за-границей. Не сравнить же Палермо съ какимъ-нибудь гнилымъ болотомъ петербургскимъ. Кромѣ здоровья, тамъ жизнь и свѣтъ.

— За то на чужбинѣ, вдали отъ своихъ.

— А что такое *свой*? Отъ такихъ своихъ, какъ *этотъ*... онъ указалъ на дворъ Столицкаго надо глаза закрывать, уши заткнуть и бѣжать безъ оглядки!

Что?

Ничего — просто мошенникъ.

Раскатовъ понялъ все.

Прощанье было холодно, пусто, официально. Говорили о какихъ-то новостяхъ и пустякахъ. Но страшно тяжело было Раскатову, слушая Владимира Николаича въ послѣдній разъ.

— Опять я одинъ! думалъ онъ, готовый заплакать.—И что манить этого человѣка туда? Что нужно ему еще за-границей? Отъ кого, отъ чего бѣжить онъ наконецъ? И независимое состояніе, и счастливое положеніе, и совершенно барская, своевольная жизнь! Что-жъ послѣ того дѣлать намъ, рабамъ бѣдности и труда? Куда намъ бѣжать?... Неопытному Раскатову и въ голову не пришло, что та тѣснота, которая душила и тяготила его, все-таки возбуждала въ дѣятельной жизни, трудовой, между тѣмъ какъ та бездна, надъ которой стоялъ этотъ независимый человѣкъ, была та страшная пустота, отъ которой онъ и самъ не зналъ, куда бѣжалъ!

— Ахъ, какъ я радъ, что ѣду наконецъ! Вы представить не можете, какъ мнѣ надоѣла вся наша грязь. — Баринъ такую состроилъ гримасу, какъ будто лѣтъ двадцать пять служилъ становымъ, или частнымъ.

— Какая же грязь? спросилъ Раскатовъ.

— Какъ какаля, помилуйте. Или у Ивасъ еще глаза не открыты?.. Каждый мало-мальски порядочный человѣкъ, если имѣетъ возможность и средства, непременно бѣжитъ туда, и повѣрьте—сюда опять не вернется!

— Это почему?

— Фи, какой вопросъ! Вы, мосье Раскатовъ, кажется, идете въ университетъ?...

Раскатовъ покраснѣлъ, самъ не зная отчего.

— А мы точно ссоримся съ вами? Не похоже, что бесѣдуемъ въ послѣдній разъ.

— Не забывайте насъ, молясь Раскатовъ тоскливо.

— Не забудемъ-съ!—Кавалеръ зѣвнулъ.

Любовь и зло выпѣло въ душѣ Раскатова противъ этого холоднаго и бездушнаго господина. Хотѣлось ему и броситься, и обнять, хотѣлось хоть въ послѣдній разъ сказать: «Вѣдь я любилъ тебя горячо!» но этотъ идеалъ былъ такъ холодно-мраморенъ и строго-приличенъ, что у бѣднаго юноши охолодѣла душа.

— Дома Столицвй? спросилъ онъ съ горя, не зная, что спросить.

— Пройдите,—тамъ.

— Мы увидимся еще?

— Думаю, нѣтъ.

Раскатовъ бросилъ молящій взглядъ,—тотъ же холодно-небрежный отвѣтъ!

Оба раскланялись, молча.

XXXVI.

Столицвй принялъ гостя чрезвычайно вѣжливо. Это онъ всегда такъ дѣлалъ у себя въ кабинетѣ.

— Садитесь, какъ васъ звать: «господинъ съ растрепанными чувствами»?

— Именно.

— Что васъ мутить?

— Жизнь.

— Такъ рано?

— Какъ рано? Теперь-то и рѣшать вопросъ: какъ жить?

— Да чего его рѣшать? Онъ самъ разрѣшится со-временемъ. Идите въ университетъ, учитесь, женитесь, въ аферы пуститесь... Наживете дѣтей, капиталъ, вотъ и весь вопросъ рѣшенъ.

— На словахъ легко-съ, а на дѣлѣ: какъ, наприимѣръ, по-

ступить въ университетъ безъ денегъ, а на службу безъ протекціи?

— А вотъ какъ: есть у васъ хоть дѣлковыхъ двадцать-пять доѣхать до столицы?

— Есть.

— Вотъ вы и доѣхали до университета. А тамъ я вамъ дамъ рекомендательное письмо къ дядюшкѣ, вы поступите на казенный, и поздравляю васъ кандидатомъ.

— Не рано-ли-съ? Я вѣдь имѣю понятіе объ этихъ дядюшкахъ: они всегда много общаются, да мало выполняютъ.

— Чисто мой, точно вы видѣли его. Онъ еврей не еврей, а тоже изъ восточныхъ человѣковъ, онъ передъ вами будетъ и ручки потирать, и глаза прикрывать, и все на свѣтъ объщать: «извольте, извольте»—и все-таки не сдѣлаетъ ничего!

— Вотъ видите?

— Вижу-съ. Такъ мы и просить его не станемъ, потому—не нужно-съ.

— Ну, Владиміръ Петровичъ, я ничего не понимаю.

— А поживете, поймете. На такихъ господъ есть у насъ такіе же господа-съ. На дядюшку мы натравимъ племянника. Онъ человѣкъ маленькій, въ родѣ блохи, но кусается. Этотъ будетъ для дядюшки чисто злочестивый царь Манасія: онъ такъ его будетъ пилить за васъ сегодня и завтра, какъ не пилили въ древности и самого Исаію пророка деревянной пилой!

Раскатовъ расхохотался надъ такой чепухой.

— Увѣрю васъ! Тотъ все сдѣлаетъ для васъ. Вотъ вамъ моя правая рука—вы будете студентъ.

— Благодарю.

— А какъ потомъ на службу поступить—объ этомъ нечего и говорить. Законъ для всѣхъ ровень: попали вы въ тюрьму—въ Сибирь на казенныхъ свезутъ; попали въ университетъ—до мѣста прогони дадутъ. Кажется, логично и ясно.

— Еще-бы, прекрасно.

— Такъ и живите, смѣясь.

— Не смѣется.

— Вздоръ, шутя жить не умѣть? Почиталъ, пописалъ да въ картишки метнулъ; потрудился, да за Сомовой приударилъ, вотъ и только! Такъ и мѣшайте пріятное съ полезнымъ, какъ

монахъ иной,—земное съ небеснымъ. И въ пустыняхъ разрѣшается вино и елей, а для насъ, грѣшныхъ людей, и подавно все разрѣшено.—Не такъ-ли?

Раскатовъ не нашелся, что сказать, и только пристально глядѣлъ на Столицваго.

— Это сила-человѣкъ, теперь я вижу; но съ этой силой я еще сойдуся и поборюсь... Я не Камеро,—въ Италію мнѣ не бѣжать...

Здѣсь я долженъ сказать, что Столицкѣй съ Раскатовымъ дѣйствительно сошлись и помѣрялись. Когда—это мы расскажемъ послѣ, а теперь...

Дня черезъ два послѣ разговора съ Столицкимъ, Раскатовъ получилъ отъ Сомова приглашеніе пожаловать къ нему въ 12 часовъ. Записка была наполнена обыкновенными вѣжливостями барина-невѣжи. Сомовъ рассыпался въ извиненіяхъ, что, къ сожалѣнію, не могъ быть самъ—служба, дѣла и пр. Раскатовъ тоже не хотѣлъ было идти, но мгновенно мелькнувшій вопросъ: «а институтка?»—рѣшилъ все. Онъ одѣлся и пошелъ.

Г. Петаннъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЦИВИЛИЗАЦІЯ КИТАЯ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Представители европейской цивилизаціи, особенно Англія и Франція, смотрятъ съ гордымъ высокомѣріемъ на Поднебесную имперію и, желая преподать ей уроки политической мудрости, нисколько, какъ видно, не подозрѣваютъ, что во многомъ они сами нуждаются въ этихъ урокахъ. Всякій французскій авантюристъ и проходимецъ или англійскій пьяный матросъ, грабившій богдыханскій дворець и отнимавшій у бѣдняковъ послѣднее, что они имѣли, считалъ себя просвѣтителемъ, вносящимъ свѣтъ европейской мудрости въ страну вѣчнаго застоя и самого глубокаго консерватизма. Европейская образованная чернь полагала, что, раззоря Китай и опустошая его плантаціи, она разрушаетъ старый порядокъ и обновляетъ жизнь полусонной азіятской расы, неимѣющей ни умственныхъ силъ, ни достаточной энергіи, чтобы обновиться безъ посторонней помощи.

Люди, стоящіе во главѣ англійскаго и французскаго правительства, разсуждали нисколько не умнѣе европейской толпы, для которой обыкновенно несомнѣнный и несокрушимый признакъ китайскаго невѣжества заключается въ томъ, что китайцы не говорятъ по французски и не носятъ фраковъ. Дипломаты и политики, маскируясь высшими стремленіями и возвышенными политическими цѣлями, хотя и не выказали невѣжества европейской толпы, но зато во всемя, что они дѣлали, обнаружили ту же непослѣдовательность, какой они отличаются постоянно у себя дома. Европа го-

ворила, что нужно покончить съ старымъ Китаемъ и дать ему начала новой жизни; но въ то же время она шла войной противъ Тайпинговъ и поддерживала старое китайское правительство, явно неспособное устроить у себя лучшей порядокъ. Европа говорила, что китайцы не въ состояннн проснуться сами и обновиться изъ собственныхъ силъ, и въ то же время шла противъ тѣхъ же Тайпинговъ, представителей народныхъ стремленнй и интересовъ и, разоривъ половину Китая, пришла въ недоумѣнне отъ экономической предпрнмчивости и энергнн китайскаго населення. Замѣтивъ, что въ послѣднее двадцатилѣтне въ Китаѣ началось внутреннее движенне и разныхъ родовъ неурядицы, европейскне дипломаты вообразили, что это огромное политическое тѣло гннеть, и что нужно спасти его во что бы то ни стало. Но европейскне дипломаты не знали только того, что, втеченнн четырехъ тысячъ лѣтъ существовання Китая, въ немъ происходили постоянныя внутренння движення, что въ немъ перемѣнилось болѣе двадцати династнй и что въ послѣднихъ неурядицахъ выразилась новая жизненная струя, которая, если не теперь, то въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ указала бы странѣ истинный путь успѣшныхъ внутреннхъ преобразованнй, на который не выведутъ китайцевъ никогда ни лордъ Россель, ни маюръ Джеббъ, обучающнй солдатъ богдыхана маршировать и стрѣлять по европейски.

Европейское вмѣшательство не можетъ не принести огромнаго вреда Китаю. Поддерживая то, что поддерживать невозможно, Европа только тормознтъ его на пути его развитня и мѣшаетъ своему собственному прогрессу, потому что усиливаетъ представителей стараго порядка всѣми разрушительными средствами и пособнми, созданными и выработанными Европой въ послѣдння сто лѣтъ.

Являясь въ Китаѣ представителями прогресса и цивилизацнн, европейскне просвѣтители думаютъ достигнуть этого поддержаннемъ старой гнили и оправдываютъ себя тѣмъ, что китайское правительство въ сущности испорчено не болѣе всякаго другаго, поставленнаго въ тѣ же условня. Мнѣнне это принадлежитъ англичанамъ, которые, имѣя только купеческую точку зрѣння на всѣ общественныя отношення, хлопочутъ въ сущности о томъ, чтобы, водвореннемъ въ Китаѣ спокойствня, имѣть рынокъ для сбыта своихъ мануфактурныхъ произведеннй. Не поблагодарнтъ Китай Европу за ея теперешнне уроки политической мудрости, потому что у китайцевъ было довольно и своихъ наставниковъ въ томъ же родѣ. Было бы лучше, если бы тѣ же самые господа вмѣсто того, чтобы учить китайцевъ, воспользовались бы ихъ четырехъ-тысячнымъ

историческимъ опытомъ, чтобы не повторять болѣе у себя того, что и Китаю и Европѣ причиняло одинаковыя бѣдствія.

Если Европа можетъ принести несомнѣнную пользу цивилизаціи Китая, то несомнѣнно также и то, что Китай можетъ служить весьма поучительнымъ урокомъ для Европы.

II.

Исторія Европы не представляетъ и десятой доли того количества замѣчательныхъ правителей, какими былъ богатъ Китай.

Вполнѣ достоверная исторія Китая, основанная на официальныхъ источникахъ, начинается за 2698 лѣтъ до Р. Х.; слѣдовательно обнимаетъ періодъ въ 4563 года.

Первымъ императоромъ, или вѣрнѣе, княземъ историческаго періода является Хоангъ-ти. Китайская исторія приписываетъ ему множество изобрѣтеній и совершенно новыхъ установленій. Онъ ввелъ десятичную линейную мѣру, до которой Европа додумалась только въ концѣ прошедшаго столѣтія; онъ учредилъ особенное присутственное мѣсто для записыванія китайской исторіи, существующее до сихъ поръ; онъ назначилъ шесть астрономовъ для наблюденія за звѣздами и небесными явленіями, для установленія времени года и составленія календаря; въ это время было составлено еривнительное вычисленіе обращенія солнца и луны; открыты законы музыкальныхъ звуковъ и изобрѣтены различныя музыкальныя инструменты; устроены дороги, введена монета; жена императора научила народъ воспитывать шелковичныхъ червей и готовить шелковую ткань; тотъ же императоръ учредилъ школы для воспитанія молодыхъ людей и написалъ глубокоемысленное медицинское сочиненіе, отрывки котораго, какъ увѣряютъ китайцы, существуютъ до сихъ поръ. Вообще Хоангъ-ти считается основателемъ и законодателемъ новой имперіи.

Его правнукъ Ти-ко занимался по преимуществу организаціей нравовъ. Онъ ввѣрилъ особенному сословію докторовъ преподаваніе нравственности и установилъ правила для вокальной музыки. Но, женившись на четырехъ женахъ, онъ ввелъ полигамію, существующую и до сихъ поръ. Многоженство императоровъ было причиною часто повторявшагося придворнаго разврата, интригъ, введенія евнуховъ, которые, забирая нерѣдко въ свои руки управленіе, вели къ революціямъ и къ паденію династій. Печальныя послѣдствія многоженства обнаружались уже при наслѣдникѣ Ти-ко, Ти-чи-

Десять лѣтъ онъ развратничалъ, наконецъ былъ лишенъ вельможами престола и вмѣсто его возведенъ былъ его братъ Яо. Это былъ, между прочимъ, первый примѣръ сверженія императора подданными, примѣръ повторявшійся впослѣдствіи довольно часто и получившій санкцію китайскихъ философовъ.

Яо былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ китайскихъ императоровъ, память о которомъ сохранилась въ хроникахъ этой страны. Онъ царствовалъ за 2357 лѣтъ до Р. Х. Яо отличался великой любовью къ народу и слѣдовательно высокимъ, просвѣщеннымъ умомъ. Онъ говорилъ: «Холодно ли народу — я причиной этого; голоденъ ли онъ — это моя вина; случится ли съ нимъ какое несчастіе — я долженъ смотрѣть на себя, какъ на творца этого зла».

Въ первыя историческія времена императорство въ Китаѣ не было наследственнымъ, и хроника говоритъ, что Яо, обратившись разъ къ вельможамъ, сказалъ имъ: «Пусть найдутъ человѣка, способнаго управлять государствомъ сообразно обстоятельствамъ времени. Если найдутъ такого человѣка, я передамъ ему управление». Фангъ-тзи указалъ ему Ин-тзе-чу (сына императора Яо), отличавшагося большой проницательностію. «Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Яо, у Ин-тзе-чу не достаетъ справедливости; онъ любитъ спорить — развѣ такой человѣкъ годится? Пусть найдутъ человѣка, прибавилъ онъ, способнаго управлять дѣлами». — Хуанъ-теу, сказалъ тогда одинъ изъ министровъ, выказалъ въ дѣлахъ ловкость и способность. — «Вы заблуждаетесь, возразилъ Яо:» Хуанъ-теу говоритъ много бесполезнаго; а когда ему приходится исполнять дѣло, онъ небреженъ; онъ старается показать себя скромнымъ, внимательнымъ и справедливымъ, но гордость его не имѣетъ границъ». На этотъ разъ выборъ намѣстника не состоялся. Въ другой разъ Яо обратился къ своимъ министрамъ снова съ подобнымъ же предложеніемъ: «Я царствую уже давно, сказалъ онъ имъ, если между вами есть ктонибудь, способный управлять, я уступлю ему имперію». Вельможи отвѣчали, что нѣкто изъ нихъ не имѣетъ необходимыхъ для того способностей. — «Уважьте мнѣ, отвѣтилъ императоръ, когонибудь неимѣющаго официальной должности и ведущаго частную жизнь». Всѣ отвѣтили: — Ю-шунъ, хотя онъ и старъ, не имѣетъ семейства и темнаго происхожденія. — «Я о немъ слышалъ, отвѣтилъ императоръ: — что вы о немъ думаете?» — Ю-шунъ, отвѣтили вельможи, хотя сынъ слѣпнаго отца, неимѣющаго ни способностей, ни ума; хотя онъ родился отъ злой матери, обрацавшейся съ нимъ дурно; хотя онъ братъ Сянга, великаго гордеца: но сумѣлъ сохранить правила сыновьяго повиновенія и живетъ въ мирѣ, незамѣтно исправилъ онъ ошибки своей

семьи, и не допустилъ ее до роковыхъ заблужденій. Тогда императоръ сказалъ:— «Я дамъ ему въ замужество своихъ двухъ дочерей, чтобы увидѣть, какъ онъ поведетъ ихъ и какъ онъ будетъ управлять ими». Приготовивъ все, онъ отдалъ своихъ двухъ дочерей за Шуна; не смотря на то, что Шунъ былъ положенія низкаго. Яо, отдавая дочерей, велѣлъ имъ уважать своего мужа.

Яо показалъ первый великій примѣръ того, какъ истина должна доходить до трона. Онъ приказалъ повѣсить у воротъ своего дворца доску, на которой каждый витеецъ имѣлъ право писать свое мнѣніе, считаемое имъ полезнымъ для благосостоянія имперіи и ошибки управленія, въ которыхъ можно было упрекнуть императора. Рядомъ съ доской висѣлъ барабанъ; тотъ, кто писалъ или собирался писать, долженъ былъ ударить въ него, и императоръ, предупрежденный звукомъ, приказывалъ тотчасъ же принести доску.

Испытаніе, которому Яо подвергъ Шунъ было благопріятно для послѣдняго.— «Подойдите, Шунъ, сказалъ ему разъ Яо:— три года я наблюдаю за вашими словами и поступками; нужно вознаградить ваши заслуги: я хочу возвести васъ на престоль.» Но Шунъ говорилъ, что онъ недостаточно добродѣтеленъ и не хотѣлъ послѣдовать Яо. Тѣмъ не менѣе Яо уступилъ ему престоль.

Шунъ, какъ говоритъ хроника, отличался великими способностями и высокой нравственностію. Она прибавляетъ, что онъ наблюдалъ строго, чтобы въ народѣ исполнялись *пять правилъ* или обязанностей: между родителями и дѣтьми, между императоромъ и подданными, между супругами, между старцами и молодыми, и наконецъ между друзьями. Вотъ начало юридическаго или официальнаго закрѣпленія глубокой іерархической подчиненности, существующей и до сихъ поръ въ Китаѣ. Потѣе, которымъ я пользуюсь, говоритъ, что въ этой субординаціи заключается единственная причина, почему Китай втеченіе четырехъ тысячъ лѣтъ сохранился противъ нравственной и физической распущенности, отъ которыхъ пало такъ много государствъ. Но если съ одной стороны узаконенная патріархальность отношеній вела къ прочности общественнаго союза, съ другой стороны, возведенная въ государственныи принципъ, она создала ту неподвижность формъ и тотъ всеподавляющій и во всѣхъ сферахъ народной жизни развившійся деспотизмъ, который возбудилъ наконецъ опасеніе за существованіе Серединной имперіи сердобольныхъ французовъ и англичанъ.

Хроника перечисляетъ цѣлый рядъ трудовъ Шуна. Онъ преобразовалъ календарь и сообщилъ ему форму, какую онъ имѣетъ и до сихъ поръ. Онъ установилъ одноформенность въ музыкѣ, въ мѣрѣ

и вѣсахъ. Онъ обнародовалъ законы наказанія уголовныхъ преступниковъ и хотѣлъ, чтобы обыкновенные проступки наказывались судами только кнутомъ, а бамбуковыя розги употреблялись бы только въ школахъ; чтобы людей, сдѣлавшихъ вину безъ намѣренія и случайно прощали но зато наказывали бы, безъ всякаго послабленія, людей несправимыхъ и дѣлавшихъ преступленія злоупотребленіемъ силы или власти. Если эти реформы уголовного законодательства покажутся читателю не особенно поразительными, то пусть онъ обратитъ свое вниманіе на принципы, руководящія современными европейскими юристами, которые и до сихъ поръ разсуждаютъ также, какъ разсуждалъ Шунъ за 2285 лѣтъ до Р. Х.; а во вторыхъ, что до Шуна наказанія носили на себѣ печать полного варварства: виновныхъ клеймили каленымъ желѣзомъ въ лицо; рѣзали имъ носы, ноги, половыя части. вмѣсто этихъ наказаній, Шунъ ввелъ палки, конфискацію и ссылку, существующія въ Китаѣ и до настоящаго времени.

Когда Яо возвелъ Шуна въ должность перваго министра, то Шунъ, для уничтоженія опустошеній, производимыхъ наводненіями, призвалъ молодого Ю.—Юноша управлялъ работами съ такимъ искусствомъ, что китайцы до сихъ поръ восхищаются плотинами и каналами, устроенными будто бы имъ. Ю кончилъ свою работу въ 2278 г. до Р. Х. и этой системѣ устройства Китай до сихъ поръ обязанъ тѣмъ, что его двѣ огромныя рѣки не выходятъ ежегодно изъ береговъ и не причиняютъ опустошеній.

Священные книги китайцевъ приводятъ множество изрѣченій, приписываемыхъ Ю. При всей наивности этихъ изрѣченій, они нисколько не уступаютъ той политической мудрости, которую приписываютъ черезъ 4000 лѣтъ Фридрихамъ и Наполеонамъ великимъ. Такъ Ю, обращаясь къ своему государю, говорить: «Императоръ, подумайте: добродѣтель есть основаніе правленія, а правленіе заключается прежде всего въ доставленіи народу предметовъ, необходимыхъ для его существованія, т. е. воды, огня, металловъ, мяса и хлѣба. Нужно думать еще и о томъ, чтобы сдѣлать народъ добродѣтельнымъ, и затѣмъ доставить ему возможность и средства пользоваться выгодно всѣми этими предметами. Наконецъ его нужно защищать и предохранять отъ всего того, что можетъ вредить его здоровью и жизни.»

Императоръ Шунъ, тронутый этими превосходными правительственными принципами, предложилъ Ю наследовать ему въ управленіи имперіей. «Мои слабыя способности, отвѣтилъ Ю, недостаточны для управленія народами. Это не то, что у Као-Яо; его таланты выше, чѣмъ у другихъ; народъ знаетъ его и расположенъ

къ нему; императоръ долженъ подумать объ этомъ. Сколько бы я ни думалъ о вашемъ предложеніи, я возвращаюсь постоянно къ Као-Ю и скажу всегда, что выборъ долженъ пасть на него.»

Похваливъ добродѣтели Као-Ю, императоръ сказалъ: «Когда своими работами вы оказали отечеству огромныя услуги и выказали свои таланты, вы оставались скромны; а это не малая добродѣтель. Въ васъ нѣтъ гордости, и въ государствѣ нѣтъ челоуѣка, кто бы по своимъ качествамъ стоялъ выше васъ. Никто не сдѣлалъ большаго шага, чѣмъ вы, и между тѣмъ вы не даете дѣльнѣе тому, что вы сдѣлали. Само небо указываетъ на васъ, какъ на достойнаго званія государя... Будьте просты и чисты и держитесь всегда прямой дороги. Не слушайте ничего, не изслѣдовавъ, и не принимайте никакого рѣшенія, не разсудивъ хорошенько. Какъ государь долженъ быть любимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ бояться народа! Сколько предосторожностей нужно соблюдать на тронѣ! Нужно стараться сохранить любовь къ добродѣтели. Если съ народомъ обращаются дурно и онъ доведенъ до крайности, вы лишаетесь навсегда счастья, которое посылаетъ вамъ небо. Слова создаютъ иногда хорошія послѣдствія, но они ведутъ иногда и къ войнѣ. Я не хочу, чтобы вы отказывались далѣе отъ поста, который я вамъ назначаю.»—Въ первый день первой луны, Ю былъ введенъ въ новое званіе въ залѣ предковъ. Онъ былъ поставленъ во главѣ всѣхъ министровъ, и былъ исполненъ тотъ же церемоніалъ, который происходилъ при возведеніи въ императоры Шуна.»

Ю принадлежалъ къ числу великихъ императоровъ. Онъ, Ю и Шунъ сохранили по себѣ память въ народѣ и во всѣ времена служили для китайскихъ философовъ и государей образцомъ правительственной мудрости и любви къ своимъ подданнымъ. Та же наивная хроника рассказываетъ, что въ одинъ изъ своихъ объѣздовъ имперіи Ю встрѣтилъ уголовныхъ преступниковъ, которыхъ вели въ темницу; Ю всталъ изъ экипажа, подошелъ къ нимъ, распросилъ объ ихъ винахъ, съ кротостію сдѣлалъ имъ замѣчанія и простилъ всѣхъ. «Это я виноватъ во всѣхъ беспорядкахъ, сказалъ онъ. Въ царствованіе Ю и Шуна народъ ставилъ себѣ долгомъ слѣдовать примѣру ихъ добродѣтели. Нужно думать, что я дажево на нихъ непохожъ, потому что въ мое правленіе такъ много преступниковъ.»

Всѣ эти рассказы китайскихъ хроникъ, достовѣрность которыхъ впрочемъ совершенно несомнѣнна, могутъ показаться весьма благодушными. Но не надо забывать, что взгляды нашего времени дажеи отъ той патриархальной простоты, какою отличались люди

древняго міра. На императорскую власть китайцы смотрѣли, какъ на величайшую общественную обязанность, которая можетъ быть ввѣрена только самому способному и самому лучшему. Вотъ почему назначеніе императоровъ производилось у китайцевъ по выбору. Въ такомъ же видѣ оно сохранилось у нихъ и до сихъ поръ, только съ той разницей, что выборъ дѣлается изъ дѣтей царствующаго императора. Если съ одной стороны непризнание права первородства можетъ вести къ придворнымъ интригамъ, зато съ другой является возможность выбрать изъ нѣсколькихъ сыновей императора одного наиболѣе способнаго и слѣдовательно устранить случайность рожденія, во многихъ случаяхъ ведущую къ печальнымъ для народа послѣдствіямъ. Переходъ къ выбору наследника изъ царствующаго семейства начался еще при Ю. Онъ назначилъ своимъ наследникомъ министра И; но вельможи избрали въ императоры Ки, сына Ю. Такимъ образомъ началась фамильная наследственность императорской власти въ Китаѣ. Но эта наследственность нисколько однако не измѣнила теоретическаго взгляда китайцевъ на высокое значеніе верховной власти. Верховная власть, по ихъ мнѣнію, есть величайшая, религіозная и политическая обязанность, какую только можетъ наложить на себя человѣкъ. Она требуетъ полного отреченія отъ своихъ личныхъ цѣлей и интересовъ и посвященіе веѣхъ силъ благу народа. Этотъ взглядъ на верховную власть, какъ на величайшій священный долгъ, какъ на семейную обязанность, взятую въ самомъ широкомъ и высокомъ смыслѣ, выразился и въ титулѣ императора, называющагося «до сихъ поръ *отцемъ и матерью народа*, и въ той торжественной внѣшней обстановкѣ, которая, по мнѣнію китайцевъ, должна была соотвѣтствовать внутреннему значенію императорской власти. Ни одинъ народъ въ мірѣ не возвысился до такого высоко-религіознаго пониманія обязанностей представителя народа и ни одна исторія не представляетъ примѣровъ такого полного самоотрѣченія, какое представляетъ исторія китайскихъ правителей. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Венъ-ти началъ своимъ правленіемъ эпоху китайскаго возрожденія послѣ китайскаго Наполеона, Чинъ-ши-гоангъ-ти, о которомъ я скажу дальше. Венъ-ти выказалъ огромную любовь къ народу; онъ отмѣнилъ налогъ на соль и половину обыкновенныхъ податей; онъ приказалъ, чтобы бѣдныхъ стариковъ каждой провинціи содержали на общественный счетъ; онъ старался ввести простоту и экономію въ жизни, изгнанную блистательный Чинъ-ши-гоангъ-ти, и первый показалъ примѣръ, запретивъ дѣлать какія-бы то ни

было измѣненія въ меблировкѣ своего дворца, подавать кушанья на серебряныхъ и золотыхъ блюдахъ, а своимъ женамъ и даже императрицѣ носить платья изъ разноцвѣтныхъ матерій, украшенныя шитьемъ. Хотя китайцы и смотрятъ съ самымъ глубокимъ благоговѣніемъ на Яо, Шуна и Ю, но едва-ли эти императоры могутъ сравняться съ Венъ-ти. Высокія побужденія этого человѣка видишь всего изъ его замѣчательныхъ обращеній или манифестовъ къ народу. По случаю одного затмѣнія солнца, онъ объявилъ слѣдующее: «Я слышалъ всегда, что небо даетъ народамъ лучшихъ людей для управленія ими и для ихъ прокормленія. Когда эти люди, господа остальныхъ людей, не имѣютъ добродѣтелей и управляютъ дурно, небо, чтобы заставить ихъ исполнять свой долгъ, посылаетъ имъ бѣдствія или угрожаетъ ими.

«Еъ нынѣшнюю, одинадцатую луну, случилось затмѣніе солнца: какое для меня предостереженіе!.. Въ вышніе звѣзды теряютъ свой свѣтъ; внизу мой народъ страдаетъ отъ бѣдности. Во всемъ этомъ я признаю недостатокъ съ своей стороны добродѣтели.

«Какъ только воззваніе это будетъ обнародовано, пусть во всей имперіи изслѣдуютъ съ возможнымъ вниманіемъ мои ошибки, чтобы меня о нихъ увѣдомить. Пусть найдутъ и представляютъ мнѣ для исполненія этой обязанности людей наиболѣе просвѣщенныхъ, правдивыхъ и твердыхъ. Съ своей стороны я предлагаю всѣмъ, несущимъ общественныя обязанности, заняться лучше, чѣмъ когда либо, исполненіемъ своего долга и въ особенности прекратить для пользы народа всѣ бесполезные расходы. Я хочу дать тому примѣръ, и не имѣя возможности оставить границы имперіи совсѣмъ безъ войска, я приказываю удержать изъ нихъ только необходимое число.» Въ китайскомъ примѣчаніи къ хроникѣ, заключающей эту декларацію, сказано: «Это первый случай, что наши императоры, по случаю общественныхъ бѣдствій или чрезвычайныхъ феноменовъ, требовали, чтобы имъ сказали объ ихъ недостаткахъ. Современъ воззванія Венъ-ти являлось много подобныхъ.»

Въ другой деклараціи Венъ-ти говоритъ: «Во времена нашихъ древнихъ императоровъ на дворѣ дворца выставляли съ одной стороны флагъ, на которомъ всякій могъ писать свободно, какое по его мнѣнію добро нужно сдѣлать; съ другой таблицу, на которой всякій могъ обозначать ошибки правительсва и то, что онъ считалъ необходимымъ измѣнить. Нынче я нахожу между нашими законами одинъ, который объявляетъ преступленіемъ, если говорятъ дурно объ управленіи. Такимъ образомъ не только лишаютъ насъ свѣта, который мы можемъ получить отъ мудрыхъ, находящихся далеко отъ

насть, но и закрываютъ уста чиновникамъ нашего двора. Какимъ образомъ государь можетъ узнавать теперь о своихъ недостаткахъ и ошибкахъ? Законъ этотъ служить причиной еще и другого неудобства: подъ тѣмъ предлогомъ, что народъ даетъ торжественную клятву въ вѣрности, подчиненіи, и уваженіи государя, если кто-либо сдѣлаетъ хотя самое ничтожное нарушеніе, его обвиняютъ въ возмущеніи. Самые незначительные разговоры кажутся чиновникамъ, когда имъ вздумается, мятежнымъ ропотомъ противъ правительства. Такимъ образомъ народъ, простой и невѣжественный, не думая дѣлать ничего дурного, обвиняется въ преступленіи уголовномъ. Нѣтъ, я не могу сносить этого: пусть законъ этотъ будетъ отмѣненъ». Императоръ Хангъ-хи сдѣлалъ, [по поводу этого повелѣнія, слѣдующее замѣчаніе: «Чинъ-ши-гоангъ издалъ много подобныхъ законовъ. Као-цу отмѣнилъ большое ихъ число. Но тотъ, о которомъ здѣсь рѣчь, былъ отмѣненъ только Венъ-ти: пришлось уже слишкомъ долго ждать.»

Вотъ еще одна декларация Венъ-ти: «Тѣ, кто управляетъ народами, должны вложить въ нихъ всевозможную привязанность къ тому, что необходимо для государства. Сюда принадлежитъ безъ сомнѣнія земледѣліе; вотъ почему втеченіе десяти лѣтъ я указываю постоянно на этотъ важный предметъ. Между тѣмъ я не замѣчаю, чтобы расчищали новую землю, и не вижу, чтобы являлось изобиліе; напротивъ, я вижу съ огорченіемъ, что голодъ рисуется на лицѣ бѣднаго народа. Безъ сомнѣнія, чиновники и ихъ подчиненные не уважали моихъ повелѣній, какъ бы это слѣдовало, или же они неспособны исполнять свои обязанности. Ужь если чиновники, свидѣтели народной бѣдности, не обращаютъ на нее ни малѣйшаго вниманія, что остается дѣлать? же мнѣ-то? Вотъ о чемъ нужно подумать. Въ ожиданіи лучшаго, я отказываюсь на нынѣшній годъ отъ половины своего права на хлѣбъ, собираемый для меня».

«Вотъ уже четырнадцатый годъ моего царствованія (165 до Р. Х.), говоритъ Венъ-ти еще въ одномъ манифестѣ.—Чѣмъ долѣе ея управляю имперію, тѣмъ болѣе чувствую свою неспособность, и тѣмъ выпадаю въ сильнѣйшее смущеніе. Хотя я до сихъ поръ исполнялъ постоянно церемоніи, установленныя въ честь высшаго существа и въ честь моихъ предковъ, но знаю, что наши древніе мудрые императоры не имѣли въ этихъ церемоніяхъ никакихъ личныхъ расчетовъ и не просили о томъ, что называется личнымъ благоденствіемъ. Они были такъ далеки отъ всякаго личнаго интереса, что оставляли въ сторонѣ своихъ наиболѣе близкихъ родственниковъ,

чтобы возвысить человека, который не приходился имъ ничѣмъ, если только они находили въ немъ высшую мудрость и высшія добродѣтели. Они предпочитали мудрые совѣты другихъ своимъ собственнымъ мнѣніямъ! Нѣтъ ничего мудрѣе и выше безжорности великихъ государей.

«Нынче я узнаю, что большая часть моихъ чиновниковъ молятся, испрашивая счастье, и это счастье они просятъ для меня, а не для моего народа, чего я не могу одобрить. Если я буду терпѣть, что чиновники, невнимательные къ своимъ обязанностямъ и къ благоденствію народа, будутъ заниматься единственно личнымъ счастьемъ государя, такъ мало добродѣтельнаго, какъ я, это будетъ лишней съ моей стороны ошибкой и ошибкой значительной. Я приказываю, чтобы мои чиновники вмѣсто того, чтобы стараться дѣлать свои пышныя молитвы обо мнѣ, приложили бы лучше все свое вниманіе къ хорошему исполненію своихъ обязанностей».

Еще болѣе знаменитъ императоръ Ву-ти. Это былъ человекъ волевого характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко желавшій блага народу. Вступивъ на престолъ, онъ собралъ мудрецовъ и философовъ, чтобы посоветоваться съ ними о правительственной доктринѣ древности. По совѣту философовъ онъ старался побѣдить въ себѣ воинственность и, какъ бы въ вознагражденіе за жертву, отдался съ страстью охотѣ. Онъ окружилъ стѣной огромное пространство земли и велѣлъ запереть туда всевозможные сорта дичи. Однако размысливъ, что громадный охотничій паркъ лежитъ некультурованнымъ и слѣдовательно пропадаетъ безъ пользы для народа, онъ отдалъ его подъ земледѣліе. До Ву-ти существовалъ въ Китаѣ маіоратъ; но императоръ нашелъ несправедливымъ, чтобы всѣ почести и богатства доставались только старшему сыну, а остальные ставились въ положеніе близкое къ нищетѣ. Ву-ти уничтожилъ этотъ законъ. Царствованіе Ву-ти было особенно блистательно числомъ знаменитыхъ литераторовъ, историковъ и способныхъ правительственныхъ лицъ. Въ числѣ послѣднихъ особенно извѣстенъ Тунгъ-чунгъ-шу, отличавшійся глубокой ученостью и, какъ результатъ своихъ ученыхъ изслѣдованій, представившій императору три разсужденія объ искусствѣ управленія. Въ первомъ разсужденіи онъ говоритъ о миссіи управленія людьми, ввѣряемой небомъ. Когда династія, говоритъ между прочимъ Тунгъ, начинаетъ оставлять прямую дорогу, небо посылаетъ ей обыкновенно знаки своего неудовольствія, для ея исправленія. Если же царствующій государь не приходитъ въ себя, небо посылаетъ чудеса и ужасающіе феномены, чтобы внушить ему спасительный страхъ. Но если государь не поль-

зуются этими предостереженіями — паденіе его недалеко... Во второмъ разсужденіи онъ предлагаетъ Ву-ти возстановить коллегію *великаго знанія*, чтобы создать хорошихъ учителей, способныхъ воспитывать и наставлять въ добродѣтели. Далѣе онъ требуетъ, чтобы общественныя должности давались людямъ достойнымъ, а не сыновьямъ знатныхъ лицъ, какъ это водилось тогда въ Китаѣ и водится нынче повсюду. Наконецъ, въ третьемъ разсужденіи ученый министръ доказываетъ, что заботы правительства въ древности о воспитаніи народа вели къ тому, что иногда во всемъ государствѣ не было ни одного уголовного преступника.

Тай-цунгъ былъ не менѣе добродѣтельный государь. Хроника разсказываетъ о немъ, что разъ онъ отправился осматривать тюрьмы и нашелъ въ нихъ 390 уголовныхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти. Онъ послалъ ихъ въ деревни для жатвы хлѣба, приказавъ имъ отдаться въ руки правосудія по окончаніи работъ. Всѣ преступники явились въ назначенный срокъ, чтобы быть обезглавленными. Императоръ былъ такъ тронутъ этой вѣрностію слову, что простилъ ихъ всѣхъ. Этотъ случай былъ причиной, что Тай-цунгъ отдалъ замѣчательное повелѣніе, показывающее, какъ онъ понималъ широко нравственную отвѣтственность;—онъ повелѣлъ, чтобы отнынѣ китайскіе императоры, прежде чѣмъ они подпишутъ смертный приговоръ уголовнымъ преступникамъ, подвергали бы себя три дня воздержанію, т. е., чтобы не слушали музыки, не спали бы съ своими женами, ѣли бы только грубую пищу и молились.

Тай-цунгъ написалъ сочиненіе объ искусствѣ управленія; но онъ нивакъ не соглашался, чтобы оно было напечатано при его жизни. Сочиненіе это называется «Золотое зеркало». Авторъ говоритъ въ немъ между прочимъ: «Посвятивъ, каждое утро, необходимое число часовъ дѣламъ имперіи, я доставлялъ себѣ затѣмъ удовольствіе проникать мыслью въ исторію прошедшаго. Я обсуживалъ обычаи и нравы каждой династіи, хорошіе и дурные примѣры государей, революціи и ихъ причины, и размышленія эти приносили мнѣ всегда пользу. Когда я думаю о томъ, отчего государи желаютъ всегда царствовать спокойно и имѣть большое потомство, а между тѣмъ являются такія частыя волненія и революціи, я нахожу, что самой обыкновенной причиной этого — недостатокъ размышленія государей о самихъ себѣ и нежеланіе ихъ слышать то, что можетъ имъ не нравиться. Вслѣдствіе этого, они

живуть до конца въ ослѣпленіи относительно своихъ обязанностей и ошибокъ, и это ослѣпленіе приводитъ ихъ къ погибели.

«Чтобы избѣгнуть этого ослѣпленія, я, увидѣвъ изъ чтенія исторіи, въ чемъ заключаются принципы хорошаго управленія и источники сильныхъ народныхъ волненій, сдѣлалъ изъ всего этого для себя какъ бы зеркало, въ которомъ я могу видѣть свои ошибки и слѣдовательно трудиться для ихъ исправленія.

«Существенный характеръ хорошаго управленія въ томъ, что при немъ высокія обязанности ввѣряются только людямъ добродѣтельнымъ и достойнымъ. Императоръ, поднявшійся на высочайшую степень почета, которой только можетъ достигнуть человѣкъ, обязанъ въ то же время любить всѣ свои народы и трудиться, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Для этого необходимы двѣ вещи: добрый порядокъ и безопасность. Для поддержанія добраго порядка нужны правила, которыя слѣдуетъ поддерживать собственнымъ примѣромъ; для безопасности нужны войска, которыя бы могли отнять у непріятеля всякую охоту предпринять что нибудь на границѣ; ибо какъ несоотвѣтственно пользоваться страхомъ оружія, чтобы удерживать свой народъ въ его обязанностяхъ, такимъ же образомъ случается рѣдко, чтобы одна доброта и добродѣтели государя сдерживали бы варваровъ и обеспечивали внѣшнюю безопасность.

«Царствовать вещь трудная, говорятъ одни; вещь легкая, говорятъ другіе. Послѣдніе для доказательства приводятъ, что достоинство императора возвышаетъ человѣка выше всѣхъ остальныхъ людей; онъ имѣетъ власть абсолютную; награда и наказаніе въ его рукахъ; онъ владѣетъ не только богатствами всей имперіи, но ему служатъ, по его волѣ, силы и таланты всѣхъ его подданныхъ. Чего онъ не можетъ желать, чего онъ не достигнетъ? Чего онъ не можетъ предпринять, чего онъ не исполнитъ?

«Защитники другого мнѣнія разсуждаютъ иначе. Государь, имѣющій недостатокъ уваженія къ небесному владыкѣ (Тіань-ти), бываетъ причиной появленія знаменій и поражаетъ смерти и убійства. Оскорбитъ-ли онъ умы и за это нерѣдко наказываетъ его печальная смерть. Захочетъ-ли онъ удовлетворить себя въ чемъ нибудь, заставляя доставлять себѣ издалека рѣдкія вещи за высокую цѣну, устраивая обширные парки, пруды, огромныя зданія; для всего этого нужно обременить народъ налогами или работой, и земледѣліе страдаетъ: отсюда неурожаи и голодъ. Народъ страдаетъ, рошцетъ, изнемогаетъ. Если государь нечувствителенъ и не думаетъ помочь бѣдствію, на него смотрятъ, какъ на тирана, родившагося на несчастіе народовъ; онъ становится предметомъ народнаго проклятія.

Чего можно бояться еще болѣе? Всякій государь, заботящійся о своей репутаціи, долженъ слѣдовательно уменьшить, насколько возможно, налоги, избегать всего того, что можетъ обременить народы, и стремиться устроить общее счастье и спокойствіе. Но онъ можетъ достигнуть этого только отказываніемъ себѣ во многомъ и подавленіемъ своихъ болѣе естественныхъ наклонностей; и это вещь уже довольно трудная.

«Другая, еще большая трудность заключается въ выборѣ людей и употребленіи каждаго соотвѣтственно его способностямъ. Оттолкнуть людей съ талантомъ, значитъ лишитъ себя полезной помощи; звать людей за порочныхъ и не удалять ихъ, это значитъ порождать болѣе волненія. Даже люди непорочные не имѣютъ ровныхъ талантовъ, и потому ихъ нельзя употреблять безразлично для всего.

«Сдѣлать лучшій выборъ между множествомъ талантовъ, сдѣлать выборъ между людьми съ талантами одинаковыми—это вещи трудныя и между тѣмъ необходимыя для хорошаго управленія...»

Даже императоры изъ династіи Юань или монголы, тѣ самые монголы, которымъ приписывается такое вредное вліяніе на нравственность и развитіе внутренней жизни Россіи, выказали большую правительственную мудрость, конечно настолько, насколько эта мудрость находила себѣ оправданіе въ китайскомъ міросозерцаніи и въ китайской философіи. Напримѣръ, Кубилай-ханъ, внукъ Чингисъ-хана, извѣстный у китайцевъ подъ именемъ Ху-пи-ли, дѣйствовалъ, какъ ловкій политикъ и человекъ широкаго ума, понимавшій очень хорошо, что для подчиненія себѣ витайцевъ нужно встать на одинъ съ ними умственный уровень. Когда онъ владѣлъ только сѣверными провинціями и не имѣлъ еще титула императора, онъ увидѣлъ, что города пустѣютъ, сельскія мѣстности превращаются въ пустыни и огромныя толпы витайцевъ удаляются въ центральныя провинціи. Тогда Ху-пи-ли пригласилъ къ себѣ трехъ китайскихъ философовъ, чтобы они научили его мѣстнымъ обычаямъ и помогли своими совѣтами въ управленіи. Когда три мудреца Хю-хенгъ, Йо-чу и Теу-мо явились къ правителю, онъ сказалъ имъ: «Нужно, чтобы вы помогли мнѣ вразумить вашихъ соотечественниковъ; они смотрятъ на насъ, какъ на медвѣдей и тигровъ; они боятся насъ даже тогда, когда мы думаемъ дѣлать для нихъ добро. Между тѣмъ я хочу сдѣлать ихъ счастливыми; они повѣрятъ вамъ, когда вы объясните имъ это. Васъ, Йо-чу, я дѣлаю главнымъ надзирателемъ сельскихъ мѣстностей, объѣзжайте ихъ и

сдѣлайте, чтобы онѣ поступили въ ихъ прежнимъ владѣльцамъ и были бы обработаны; я даю вамъ полную для того власть.

«Вамъ, Хію-хенгъ и Теу-мо, я ввѣряю народъ; смотрите за его безопасностью и спокойствіемъ ремесленниковъ и рабочихъ; пусть они работаютъ, какъ работали прежде, и пользуются въ мирѣ плодами своего искусства и труда. Кромѣ того, я даю вамъ полную власть возстановить школы, гдѣ онѣ были прежде, и устроить новыя повсюду, гдѣ вы найдете это нужнымъ; однимъ словомъ, дѣлайте все, что вы признаете необходимымъ для общаго блага: я одобряю заранѣе все, что вы сдѣлаете.

Ху-пи-ли сдѣлалъ много полезныхъ преобразованій, онъ отличался любовью къ ученымъ и литераторамъ и приглашалъ ихъ отовсюду къ своему двору, изъ Индіи, Персіи и изъ разныхъ мѣстъ Европы. Извѣстный венеціанецъ Марко-Поло былъ при немъ три года губернаторомъ одной изъ южныхъ провинцій Китая.

Конечно факты высокаго пониманія своихъ нравственныхъ обязанностей и благородныхъ чувствъ, приведенныя выше, дѣлаютъ китайскихъ императоровъ рѣдкимъ, если не исключительнымъ явленіемъ въ исторіи человѣчества. Ни Данія, ни Греція, ни новая Европа не представляютъ ничего подобнаго, потому что только одинъ Китай развилъ послѣдовательно до крайнихъ предѣловъ семейное начало, возведя его въ государственный принципъ. Но въ семейномъ началѣ крайне-идеальнаго представленія родительскихъ обязанностей, къ осуществленію которыхъ стремились китайскіе императоры, есть еще и обратная сторона, изображаемая на практикѣ родителями дурными. Поэтому понятно, что и въ правительственной практикѣ Китая являлись случаи, когда китайская семья попадала въ родительскія руки слишкомъ далека отъ того идеала, какой въ наставленіе китайскимъ императорамъ рисовалъ Конфуцій, на основаніи народнаго міровоззрѣнія.

Уже съ перваго начала исторіи Китая попадаютъ въ немъ императоры, которыхъ не дѣлали чадолюбивыми никакія мудрыя правила и глубокомысленныя изрѣченія. Внукъ знаменитаго Ю рѣшительно не шелъ по пути добродѣтели своихъ предковъ, а развратничалъ и грабилъ своихъ подданныхъ. Наконецъ, вельможи, выведенные изъ терпѣнія безпутствомъ императора, лишили его трона и отправили въ ссылку. Этотъ императоръ отличался больше легкомысліемъ, чѣмъ испорченнымъ сердцемъ, но другіе являются настоящими злодѣями и тиранами. Напримѣръ Шеу-сингъ, изъ династїи Шангъ, отличавшійся наклонностью къ разврату, взялъ къ себѣ одну изъ красивѣйшихъ дѣвицъ имперїи, Та-ки, злую и же-

стокою до крайности. Она обнаружила огромное влияние на императора, и все должно было преклоняться предъ ея волей. Кто противился или силился удержать самостоятельность, были или изгнаны или казнены. Та-ки убѣдила императора, что онъ можетъ сдѣлаться полновластнымъ государемъ только при посредствѣ террора. Чтобы достигнуть этого, она изобрѣла особенный родъ наказанія, до того времени еще неизвѣстный. Она приказала сдѣлать мѣдный цилиндръ, который накачивали на сильномъ огнѣ, и затѣмъ несчастнаго, подвергаемаго казни, заставляли обнимать этотъ цилиндръ до тѣхъ поръ, пока тѣло его не сгорало. Одинъ изъ министровъ императора, желая заслужить его милости подвигами утонченной придворной преданности, предложилъ ему свою дочь. Противъ ожиданія, дѣвушка рѣшительно не согласилась удовлетворить желанію отца, и императоръ убилъ ее собственными руками, изрубилъ на множество мелкихъ кусковъ и приказалъ подать это новое блюдо къ обѣду ея отца. Другой министръ, возмущенный такимъ звѣрствомъ императора, высказалъ ему нѣсколько горькихъ истинъ, за что и заплатилъ тутъ же, на мѣстѣ, жизнью. Какъ увѣряютъ нѣкоторые китайскіе писатели, тиранъ Шеу-синъ отвѣтилъ Пи-кану, на его замѣчаніе, слѣдующей адской провѣй: «Твое разсужденіе—разсужденіе дѣйствительнаго мудреца и достойно той огромной славы, какою ты пользуешься. Но говорятъ, что сердце мудреца проткнуто семью дырами. Я не знаю, на чемъ основано такое преданіе, и хочу удостовѣриться въ вѣрности его лично.—Пусть вскроютъ ему животъ и принесутъ мнѣ его сердце, я хочу рассмотреть его!...» О томъ же Шеу-синѣ разказываютъ, что онъ велѣлъ вскрыть беременную женщину, чтобы посмотреть, какой плодъ она носила,—и что, увидѣвъ, какъ нѣсколько лицъ переходятъ въ бродъ ручеекъ въ одно холодное зимнее утро, тиранъ замѣтилъ, что они замѣчательнымъ образомъ переносили холодъ, и велѣлъ отрѣзать имъ бедра, чтобы посмотреть, въ какомъ положеніи находится мозгъ въ костяхъ.

Между китайскими императорами были и такіе, которые, угождая народу и желая имѣть поддержку въ немъ, удовлетворяли своему звѣрству на приближенныхъ и знатныхъ. Европейскіе историки приписываютъ обыкновенно такимъ правителямъ демократическія тенденціи. Но это ошибочно. Весь демокритизмъ тирановъ этого рода заключался въ томъ, что въ нихъ была большая злоба противъ лицъ, стоявшихъ къ нимъ ближе, и потому чаще попадавшихъ случайности возбуждать противъ себя неудовольствіе. Если бы къ нимъ стоялъ также близко народъ, они бы обруши-

вали все свое звѣрство на него. Но народъ стоялъ дальше, онъ былъ послушенъ и исправенъ: за что же было на него сердиться? Несмотря однако на это большее отдаленіе народа, и ему пришлось испытывать нерѣдко на себѣ тяжелую руку своего владыки и его звѣрскую изобрѣтательность. Лучшимъ прижѣргомъ этого рода служить Иванъ Грозный, травившій простой народъ медвѣдями и запрудившій Волховъ тѣлами новгородскихъ мужиковъ. Въ чемъ же тутъ демократическія стремленія, и что влигивалъ народъ оттого, что боярамъ рубили руки, ноги и головы? Учрежденія оставались тѣми же, права народа тѣ же, и жизнь его не улучшалась нисколько оттого, что въ государствѣ убывало нѣсколько старинныхъ знатныхъ родовъ, лично неправившихся безумному правителю, а въ замѣнъ ихъ создавалась новая молодая знать. Подобнымъ же тираномъ былъ у китайцевъ императоръ Вангъ-Мангъ. Случалось, что въ одинъ день онъ казнилъ нѣсколько сотъ чловѣкъ изъ людей средняго и высшаго сословія. Онъ ограбилъ гробницы членовъ императорской фамиліи, замѣтивъ при этомъ, что богатства, закопанныя съ мертвыми, были бы гораздо выгоднѣе живымъ. Нужно знать уваженіе китайцевъ къ памяти своихъ предковъ и особенно императоровъ, чтобы понять, какое оскорбленіе наносилъ этимъ Вангъ-Мангъ нравственному чувству народа. Вангъ-Мангъ дѣйствительно не рубилъ народу головы и старался быть съ нимъ добродушнымъ; но онъ усилилъ подати, учредилъ новые налоги на жизненные припасы и внутренніе таможенные сборы со всѣхъ предметовъ торговли. У народа наконецъ не достало силъ терпѣть—и начались внутреннія волненія. Съ обѣихъ сторонъ сошлись огромныя арміи; внутренняя война продолжалась долго; но наконецъ войско Манга было разбито; дворецъ его разграбленъ и сожженъ; сынъ Манга задушенъ, и тѣло его, разрубленное на части, было выставлено на площади. Побѣдившая сторона избрала императоромъ князя изъ династіи Ганъ, но новый государь черезъ два года былъ свергнутъ съ престола; наследнику его тоже не повезло, потому что ему отрубили голову, и наконецъ—власть досталась въ руки достойнаго.

Если, съ одной стороны, китайскіе императоры поражаютъ своимъ величіемъ и своими добродѣтелями, непредставляющими ничего подобнаго въ исторіи другихъ народовъ, зато и безуміе китайскихъ владыкъ доходило иногда до такого размѣра, какого не знаетъ Европа. Напримѣръ, одинъ изъ государей сѣвернаго Китая построилъ великолѣпнѣйшій дворецъ, въ которомъ жило болѣе десяти тысячъ лицъ обоаго пола и между ними огромнѣйшее число самыхъ кра-

сивыхъ молодыхъ женщинъ. Тѣлохранителей этого императора составлялъ полкъ, сформированный изъ молодыхъ, красивѣйшихъ женщинъ. Онѣ были одѣты въ изящныя платья, которыя обрисовывали самымъ плѣнительнымъ образомъ ихъ формы, и сидѣли на легкихъ скаунахъ. Содержаніе такого полка, роскошнаго дворца и императорскаго стола, стоило народу такъ дорого, что онъ былъ доведенъ буквально до нищенства. Огромное число простонародья умерло съ голоду или лишило себя жизни, чтобы избавиться отъ неизбежной, но продолжительной и мучительной голодной смерти.

Имѣя подобныхъ представителей, династія конно существовать не могла и должна была уступить свое мѣсто людямъ болѣе способнымъ. Въ такихъ случаяхъ, т. е. при переимѣнѣ династій, на престолѣ являлись всегда люди съ большими достоинствами, люди энергическіе и способные своими нравственными качествами прокладывать себѣ дорогу къ императорскому престолу. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей этого рода былъ Ву-вангъ, и къ числу же ихъ принадлежитъ императоръ Чинъ-ши-гоангъ-ти, китайскій Наполеонъ, человѣкъ дѣйствительно необыкновенный, безпредѣльно гордый, властолюбивый, воинственный. Ши-гоангъ-ти былъ собирателемъ китайской земли. При вступленіи его на престолъ, въ Китаѣ царствовала цѣлая толпа государей, и каждый изъ нихъ стремился къ первенству. Ши-гоангъ-ти оказался всѣхъ умнѣе и энергичнѣе, и подчинилъ всѣ провинціи или отдѣльныя государства своей власти. Тогда возникъ вопросъ объ устройствѣ управленія. Одинъ изъ совѣтниковъ предложилъ отдать большую часть провинцій, въ видѣ удѣловъ, князьямъ крови. Но императоръ высказалъ такое мнѣніе: «Всѣ хорошія правленія исключаютъ множество господъ. Если я сооружаю государство, чтобы отдать его въ удѣлъ моимъ роднымъ, друзьямъ или вѣрнымъ слугамъ, я буду работать навѣрное на погибель своего дома и на разрушеніе того, что я создаю.» Развѣ всѣ войны, опустошавшія имперію, происходили не оттого, что феодальные государи дѣлили между собой всю площадь страны и владѣли своими частями на правахъ верховной власти?... Поэтому государство было раздѣлено на провинціи и каждая изъ нихъ ввѣрена управленію губернатора. Эта система, съ небольшими измѣненіями, существуетъ до сихъ поръ въ Китаѣ.

На другой годъ послѣ покоренія провинцій, Чинъ-ши-гоангъ-ти отправился осматривать вновь созданное имъ государство. Онъ обращалъ вниманіе на свойства земли, на хозяйственную растительность, къ какой она способна, на положеніе и количество водъ, температуру воздуха; справлялся въ подробности о различныхъ

обычаяхъ и правахъ жителей; найдя въ одной мѣстности минеральныя воды, онъ велѣлъ построить для себя дворецъ и огромный домъ для приема больныхъ изъ народа. Чтобы понравиться императору, чиновники, знавшіе честолюбіе своего императора, устроили въ мѣстностяхъ, гдѣ проѣзжалъ Ши-гоангъ-ти, широкія, ровненныя дороги, усаженныя по бокамъ деревьями. Дороги эти обратили на себя особенное вниманіе императора и онъ сказалъ: «Дороги эти сдѣланы для меня, и я очень ими доволенъ. Но несправедливо, чтобы я одинъ пользовался удобствомъ, въ которомъ мои подданные нуждаются болѣе меня и которое я могу имъ доставить. Пусть на всемъ протяженіи государства сдѣлаютъ большія дороги между городами и чтобы дороги эти были совершенно похожи на тѣ, которыя дѣлали для меня.» Одна изъ этихъ большихъ дорогъ имѣла болѣе 800 верстъ, и чтобы устроить ее въ такомъ видѣ, какъ хотѣлъ императоръ, нужно было устраивать въ горахъ тоннели, засыпать лощины, сдѣлать множество мостовъ, осушать болота и посадить на каждой сторонѣ дороги деревья въ два ряда такъ, чтобы кромѣ середины—для проѣзда, по сторонамъ были бы аллеи для пѣшеходовъ. Въ то же время болѣе 800,000 чело-вѣкъ были употреблены въ одинъ годъ на постройку великолѣпныхъ дворцовъ подлѣ столицы, и подъ смертной казнью было запрещено говорить о томъ, что происходитъ въ этихъ дворцахъ. Онъ же построилъ и извѣстную *великую стѣну*.

Любя блескъ и во всемъ громадныя размѣры, Чинъ-ши-гоангъ-ти, упоенный своей славой, вздумалъ дать огромный праздникъ, на который собрали всѣхъ князей, вельможъ, губернаторовъ провинцій и высшихъ мандариновъ имперіи. Послѣ пира и обычныхъ церемоній, императоръ, сидя на тронѣ, пригласилъ всѣхъ присутствующихъ сказать ему свободно, что они думаютъ о его способѣ управленія и о новыхъ, изданныхъ имъ законахъ. Одинъ изъ мандариновъ всталъ и сказалъ блистательный панегирикъ императору, заключивъ его словами: «Вы, безъ противорѣчія, превосходите все самое великое, что когда либо существовало со времени самой глубокой древности и до нашихъ дней.» Всѣ присутствующіе аплодировали этой похвалѣ и только одинъ ученый Шунъ-ю возмутился ею, потому что унижалась и оскорблялась уважаемая древность. Онъ всталъ и сказалъ слѣдующее: «Человѣкъ, который хвалитъ васъ съ такимъ безстыдствомъ, не заслуживаетъ имени сановника имперіи, которымъ онъ украшенъ. Это больше ничего, какъ низкій и презрѣнный льстецъ, привязанный къ выгодамъ, которыхъ онъ не заслуживаетъ, желающій только понравиться вамъ, въ ущербъ

общему благу и вашей собственной славы. Я не буду подражать ему и, пользуясь вашим дозволеніемъ, скажу свободно, что я думаю. Династіи Инъ и Чеу издавали законы болѣе чѣмъ втеченіи тысячи четырехъ сотъ лѣтъ. Они создали государей, имена которыхъ не умрутъ никогда, потому что ихъ мудрость, ихъ добродѣтели и прекрасныя дѣла будутъ переходить изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, до самого отдаленнаго потомства. Вамъ не остается ничего лучшаго, какъ взять ихъ за образецъ для вашего поведенія. Только идя по ихъ стопамъ, ваше имя, внесенное въ исторію, можетъ сдѣлаться безсмертнымъ.

«Чингъ-тангъ и Ву-вангъ, основывая свои династіи, не думали, что они будутъ продолжаться вѣчно. Они не думали сдѣлать ихъ вѣчными, потому что это химера; но думали только продолжать свое царствованіе настолько, насколько человѣческая переменчивость могла позволить имъ надѣяться. Одной изъ первыхъ ихъ заботъ было устроить опоры трону, безъ которыхъ они смотрѣли на него, какъ на шаткій, и опоры эти они находили въ лицахъ одной съ ними крови. Они давали имъ удѣлы и возвышали ихъ на степень верховной власти; это были ихъ первые подданные, облеченные высшими почестями. Вотъ, государь, что мнѣ кажется вы должны сдѣлать, чтобы обезпечить имперію своимъ потомкамъ, чтобы...» Императоръ прервалъ рѣзко мандарина и сказалъ: «Объ этомъ вопросѣ уже разсуждали и не слѣдовало бы къ нему возвращаться. Но какъ вопросъ этотъ великой важности, то я хочу, чтобы его обсудили вновь и представили бы мнѣ причины за и противъ, чтобы я могъ принять рѣшеніе, которое найду лучшимъ. Говорите, Ли-се, заключилъ Ши-гоангъ-ти, обратившись къ своему первому министру.» Этотъ Ли-се былъ человѣкъ весьма способный и прогрессивнаго образа мыслей. Онъ точно также не любилъ идеологовъ и, воспользовавшись настоящимъ случаемъ, вмѣсто того, чтобы говорить противъ Шунъ-ю, обрушился всею силою противъ всѣхъ ученыхъ.

«Нужно сознаться, сказалъ онъ, что ученые вообще мало знаютъ то, что касается управленія, не того чисто-спекулятивнаго управленія, которое болѣе ничего, какъ призракъ, исчезающій, когда къ нему приближаются, но управленія практическаго, заключающагося въ умѣннн держать людей въ предѣлахъ ихъ обоюдныхъ обязанностей. Со всѣмъ своимъ воображаемымъ знаніемъ они, въ этомъ отношеніи, болѣе ничего, какъ невѣжи. Они знаютъ наизусть все, что дѣлалось во времена наиболѣе отдаленныя, и не знаютъ или дѣлаютъ видъ, что не знаютъ, что происходитъ въ ихъ время, что проходитъ мимо ихъ глазъ.

«Предубѣжденные въ пользу древности, которой они восхищаются до глупости, они полны презрѣнія ко всему, что не вполне устроено по моделямъ временъ, почти совершенно исчезнувшимъ изъ памяти людей; у нихъ постоянно на устахъ и на концахъ ихъ костей три Хоанга и пять Ти.

«Неспособные отличать того, что было хорошо нѣкогда, отъ того, что совершенно не соответствуетъ теперь; что было прежде полезно и, можетъ быть, необходимо—отъ того, что было бы очень не кстати во время, въ которое мы живемъ, они хотятъ, чтобы все дѣлалось такъ, какъ написано въ ихъ книгахъ. Но развѣ въ своихъ книгахъ они находятъ, что три Хоанга такъ держались одинъ другого, что второй не прибавилъ и не измѣнилъ ничего изъ того, что сдѣлалъ первый? Развѣ они читали, что пять Ти были больше ничего, какъ бесплодные подражатели первыхъ?... Наши ученые жестоко ошибаются, если они думаютъ такимъ образомъ. Обманувъ самихъ себя, они хотятъ обмануть и насъ, когда говорятъ, что три Хоанга сохраняли только одну форму управленія и слѣдовали однимъ и тѣмъ же обычаямъ.

«Что правда и внѣ всякаго сомнѣнія, это то, что каждый изъ нихъ, сохраняя древнѣе законы, которые находилъ хорошими и полезными для своего времени, отмѣнялъ тѣ, которые казались ему бесполезными, и въ этомъ случаѣ они дѣйствовали не какъ слѣпые подражатели, а какъ просвѣщенные законодатели, приравливающиеся къ потребностямъ времени... Чего думаютъ достигнуть эти дерзкіе литераторы, разрывая, какъ это они дѣлаютъ при всякомъ случаѣ, правительство, которому они должны удивляться и безъ сомнѣнія удивлялись бы, еслибы имѣли болѣе складныя званія? И для чего они стараются такъ хвалить древнихъ и осуждать, что дѣлаете вы? Развѣ это не для того, чтобы поселить недовольство въ умахъ, чтобы довести народъ до открытаго возстанія? Берегитесь, государь! людей этого сорта нужно бояться больше, чѣмъ вы думаете. Я наблюдаю уже давно за ихъ поведеніемъ и смотрю на нихъ, какъ на величайшихъ вашихъ враговъ... Ученые составляютъ въ имперіи совсѣмъ отдѣльный классъ. Довольные самъ собой и своими воображаемыми достоинствами, они смотрятъ хорошо только на то, что соответствуетъ ихъ идеямъ. Они находятъ дѣйствительную пользу только въ своемъ пустомъ знаніи, возвышающемъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и которое на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ ихъ совершенно бесполезными для всего остальнаго человечества... Мѣры кротости не повели съ ними ни къ чему; попробуемъ другія средства, или вѣрнѣе, изъ всѣхъ средствъ выберемъ одно, единственно способное подрѣзать съ корнемъ зло, которое

иначе сдѣлается скоро неизлечимымъ. Только книги внушаютъ нашимъ гордымъ ученымъ чувства, которыми они тщеславятся: лишите ихъ книгъ. Только лишивъ ихъ навсегда пищи, питающей ихъ гордость, мы иссушимъ источникъ ихъ необузданности. За исключеніемъ сочиненій медицинскихъ, сельско-хозяйственныхъ и историческихъ мемуаровъ вашей славной династіи, приважите, государь, сжечь всю эту вредную и бесполезную дрянь, которой мы завалены, и преимущественно тѣ сочиненія, въ которыхъ сообщаются подробно нравы, обычаи и дѣйствія древнихъ. Не имѣя предъ глазами книгъ, нравственныхъ и историческихъ, которыя представляютъ имъ людей древности въ преувеличенномъ свѣтѣ, они не будутъ, усиливаться стать ихъ подражателями, они не поставятъ намъ въ преступленіе, что мы не слѣдуемъ примѣру древнихъ во всемъ... Ваше величество, умъ котораго блещитъ наиболѣе яркимъ свѣтомъ мудрость котораго имѣетъ все предвидѣть, согласится безъ затрудненія на мѣру, требуемую обстоятельствами. Шу-кингъ (историческіе аналы) и другія книги, гдѣ отыскивали правила поведенія, сдѣлавшія уже бесполезными, должны быть забыты навсегда: пусть сдѣлаются они жертвою пламени!..» — «Во всемъ, что вы говорили, отвѣчалъ Чинь-ши-хоангъ-ти, нѣтъ ничего, что бы не было строго согласно съ разумомъ и съ тѣмъ, что я думалъ самъ нѣсколько разъ. Я возлагаю на васъ исполненіе. Пусть все сдѣлается такъ, какъ вы говорили и возможно скорѣе.» Все такъ и сдѣлалось, какъ желалъ императоръ, т. е. всѣ вредныя книги были отобраны и сожжены. Поступокъ императора возбудилъ общее негодованіе всѣхъ ученыхъ, и значительное число ихъ высказалось совсѣмъ громко противъ, не боясь опасности, которой они себя подвергали. Но дѣло не ограничилось однимъ сарказмами: явился самый рѣзкій памфлетъ, распространенный въ публикѣ во множествѣ копій. Императоръ разсердился, и хотя авторъ памфлета убѣждалъ, но Чинь-ши-гоангъ-ти, подозрѣвавшій, что въ этомъ дѣлѣ принимали болѣе или менѣе участіе всѣ литераторы столицы или, по крайней мѣрѣ, выражены ихъ чувства, приказалъ цензорамъ обойти весь городъ, входить въ дома и спрашивать жителей объ его управленіи. Всѣхъ, которые выскажутъ мнѣнія, подобныя тѣмъ, которыя заключались въ воззваніи или въ памфлетѣ, велѣно представлять въ судъ. Цензора, разумѣется, исполнили приказаніе, и въ одной столицѣ нашлось около четырехъ сотъ шестидесяти литераторовъ, у которыхъ нашлось довольно мужества, чтобы не скрыть своихъ мыслей. Ши-гоангъ-ти велѣлъ всѣхъ ихъ казнить, и казнь была исполнена съ такимъ варварствомъ, что возмутила даже сына императора. Все

это случилось въ 210 г. до Р. Х. Съ царствованіемъ Венъ-ти (отъ 194 до 188 г. до Р. Х.) явилась эпоха литературнаго возрожденія, уничтоженъ запретительный декретъ и возобновлены старыя книги, отчасти по сохранившимся кое-гдѣ отрывкамъ, а отчасти найдены вполне нѣкоторыя старыя книги.

III.

Въ приведенныхъ выше фактахъ выразилась вся сущность китайской исторіи, то есть того общаго міровоззрѣнія, которымъ обусловились общественныя и государственныя отношенія страны. Чтобы понять, почему ни въ одной странѣ въ мірѣ не было правителей такой высокой нравственности, но почему въ то же время нгдѣ народъ не доводился до такой нищеты и приниженности, нужно обратить вниманіе на складъ китайскихъ понятій, выразившихся теоретически—въ прекрасной нравственной философіи, и практически—въ никуда негодномъ управленіи. Отъ теоретической ошибки китайцевъ, то есть возведенія патріархальнаго начала въ государственный принципъ, явилось все то, что мѣшало до сихъ поръ благоденствію этого вообще очень способнаго и умнаго народа. Зло, отъ котораго страдаетъ Китай теперь, тянется съ самаго начала его исторіи, то есть 4500 лѣтъ, и никакія добродѣтели его мудрыхъ правителей не были въ состояніи своими личными дѣйствіями и примѣрами исправить того, что кроется въ самой сущности государственныхъ учреждений. Вотъ почему, послѣ первыхъ трехъ добродѣтельныхъ государей и ихъ ближайшихъ потомковъ, пошли государи совершенно несоотвѣтствующіе принципамъ патріархальной правительственной мудрости, и почему китайская исторія представляетъ постоянную смѣну хорошихъ правителей цѣлымъ рядомъ правителей неспособныхъ. Въ этомъ же злѣ лежитъ и начало китайской философіи.

Когда ошибки въ государственныхъ учрежденіяхъ, разшатывая правильность общественныхъ отношеній, порождаютъ народныя бѣдствія, страданія и нищету; когда народъ, доведенный до крайности, или гибнетъ голодной смертію и отъ произвола сильныхъ, или же заявляетъ крайній предѣлъ терпѣнія неудовольствіемъ, выражающимся въ волненіяхъ и возстаніяхъ; когда неправильность гражданскихъ отношеній создаетъ общій развратъ и нравственное паденіе, проявляющееся, съ одной стороны, въ злоупотребленіи силой,

сть другой—въ принижности, убивающей всякое человеческое достоинство,—въ такихъ печальныхъ эпохи историческаго существованія народовъ являются обыкновенно среди нихъ люди сильнаго ума и высокихъ душевныхъ качествъ, которые отдаются изслѣдованію народной жизни и причинъ общественныхъ золъ. Люди эти являются, обыкновенно, реформаторами, проводниками новыхъ началъ и увлекаютъ народы изъ той грязи мелочныхъ стремленій и узкихъ своекорыстныхъ взглядовъ, которые создавали ихъ несчастія. Къ числу людей этого сорта принадлежали два великихъ китайскихъ мыслителя Лао-цзи и Конфуцій.

Лао-цзи, по своимъ взглядамъ, былъ гораздо шире Конфуція, но онъ ушелъ въ слишкомъ отвлеченную крайность и въ аскетизмъ, нисколько несоотвѣтствующее практическому складу мыслей китайцевъ, и потому не достигъ того вліянія и значенія, какому пользуется Конфуцій. Конфуцій же, напротивъ, несоздавшій своей собственной философіи, а только приведшій въ систему то, что до него уже составляло мировоззрѣніе китайцевъ, явился закрѣпителемъ старинны и главой ученія, которое бы нынче назвали философіей буржуазіи.

О жизни Лао-цзи почти ничего неизвѣстно, потому что его послѣдователи, превративъ его философію въ религиозное ученіе, изукрашили жизнь Лао-цзи разными выдумками, баснями и чудесами, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Сектаторы выдаютъ Лао-цзи за божество; они говорили, что онъ никогда не рождался, а всегда существовалъ и только принялъ видъ человѣка, чтобы преподавать людямъ истину. По рассказамъ святой легенды, Лао-цзи существовалъ до рожденія неба и земли. Впрочемъ изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что Лао-цзи родился въ 604 году до Р. Х. и 54 г. ранѣе Конфуція. Въ ученіи объ основныхъ мировыхъ началахъ Лао-цзи проповѣдывалъ дуализмъ и вѣдшій мировой разумъ, къ которому все возвращается. Въ человѣкѣ Лао-цзи видитъ два начала: матеріальное и духовное или разумное. Матеріальное начало навлекаетъ на себя полное презрѣніе Лао-цзи; онъ видитъ въ немъ противодѣйствіе практическому осуществленію добродѣтели и выполненію задачи принципа не матеріальнаго. Все ученіе Лао-цзи отличается необыкновенной строгостью, и его суровая мораль напоминаетъ мораль стоиковъ. Сходство между этими двумя ученіями неизбежно, потому что и то и другое порождены бѣдствіями страдавшаго народа, и составляли во всѣ времена философію всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ. Отцы католической церкви и многіе новыя католическія писатели зовутъ ученіе Лао-цзи

первобытнымъ христіанизмомъ, и дѣйствительно, мораль китайскаго философа, стоитъ весьма близко къ христіанской морали.

Живя во время упадка династїи Чеу, Лао-ци былъ пораженъ общимъ развратомъ сильныхъ и бѣдностію и страданіями народа. Свое сочувствіе къ народу Лао-ци высказалъ слѣдующимъ образомъ:

Если народъ страдаетъ отъ голода,—это оттого, что слишкомъ большіе налоги лежатъ на немъ.

Вотъ причина его бѣдности.

Если народомъ управлять трудно, —

Это оттого, что онъ обремененъ слишкомъ большими работами.

Вотъ причина его неповиновенія.

Если народъ смотритъ равнодушно и беззаботно на приближеніе смерти, —

Это оттого, что ему слишкомъ трудно доставать себѣ жизнь.

Вотъ почему онъ умираетъ съ такимъ малымъ сожалѣніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лао-ци высказалъ полное презрѣніе къ разврату своей эпохи и къ той цивилизаціи, которая, удаляя людей отъ идеала добродѣтели, создавала всѣ бѣдствія того времени.

Въ своемъ негодованіи къ суетности и тщеславію, Лао-ци проповѣдывалъ постоянно презрѣніе къ почету и богатствамъ, возвращеніе къ первобытной жизни среди сельской природы, обращеніе къ первобытной простотѣ нравовъ, къ простой, некультивируемой, но добродѣтельной природѣ человѣка, добраго по своей натурѣ, но испорченнаго цивилизаціей и жизнью въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи Лао-ци имѣетъ огромное сходство съ Ж. Ж. Руссо. Считая, что все это скрывается въ той средѣ и ложной цивилизаціи, которую создали люди, Лао-ци пришелъ къ отрицанію, того и другого, къ углубленію человѣка въ самого себя, къ аскетизму и къ отрицанію знанія. На этихъ началахъ онъ и построилъ свое политическое ученіе. По его мнѣнію, цѣль хорошаго правительства заключается въ благосостояніи и спокойствіи народа. Одно изъ средствъ, которое мудрые государи должны употреблять, чтобы достигнуть этой цѣли, заключается въ томъ, чтобы они и всѣ тѣ, кто исполняетъ общественныя должности, показывали бы народу примѣръ презрѣнія къ почестямъ и богатству. Правители должны избѣгать всего того, что ведетъ къ роскоши, потому что этимъ они возбуждаютъ зависть въ народѣ, а роскошь ведетъ къ порчѣ нравовъ, разврату и къ глубокому паденію народа. Чтобы народъ сохранился въ первобытной нравственной чистотѣ, нужно, чтобы у него не было желаній, а для этого опять нужно, чтобы онъ не получилъ образованія. «Если бы я управлялъ небольшимъ государ-

ствомъ и небольшимъ народомъ, говоритъ Лао-ци, я бы устроилъ такъ, чтобы у народа было орудій войны не болѣе, какъ для 10 до 100 человекъ и чтобы онъ не дѣлалъ изъ нихъ употребленія. Я бы сдѣлалъ такъ, чтобы народъ боялся смерти и чтобы онъ не ходилъ далеко. Если бы у него были уже корабли и колесницы, онъ бы въ нихъ не садился; если бы онъ имѣлъ уже латы и копья, онъ не носилъ бы ихъ. Я бы сдѣлалъ такъ, чтобы онъ возвратился къ употребленію веревки.» Дальше онъ говоритъ: «Святой человекъ поступаетъ такъ, чтобы народъ оставался безъ образованія, безъ знанія, и слѣдовательно безъ желаній, чтобы тѣ, кто имѣетъ образованіе, не смѣли бы дѣлать изъ него дурного употребленія. Въ древности тѣ, кто слѣдовалъ доктринѣ высшаго мірового разума (Тао), не занимались просвѣщеніемъ народа; напротивъ, они старались дѣлать его невѣжественнымъ.»

Основавъ свое ученіе на высшемъ безусловномъ разумѣ, Лао-ци, разумѣется, не нуждался въ традиціи и разрывалъ связь съ прошлымъ; отъ этого онъ не ищетъ никогда примѣровъ добродѣтели между древними китайскими императорами или историческими лицами и не имѣетъ нисколько связи съ прошедшимъ своей страны. Въ своемъ практическомъ примѣненіи ученіе Лао-ци выразилось полнѣе всего въ правленіи Чинъ-ши-гоанъ-ти, бывшаго поклонникомъ и послѣдователемъ этого философа. Знаменитое сожженіе книгъ и вся рѣчь Ли-сзе больше ничего, какъ примѣненіе и развитіе началъ, высказанныхъ Лао-ци. Ши-гоанъ-ти разрывалъ совершенно связь съ прошлымъ и смотрѣлъ только въ будущее; для него исторія Китая начиналась съ его царствованія, а назади онъ не видѣлъ ничего, что бы годилось для него. Его сила прогрессивности заключалась именно въ полномъ разрывѣ со всѣми прошлыми нецѣлостями и въ созданіи новаго порядка, независимаго отъ мудрости предковъ, и имѣющаго все необходимое для развитія и процвѣтанія въ самомъ себѣ. Оттого рѣчь консерватора—мандарина показала ему нецѣлостью, но зато рѣчь Ли-сзе—вполнѣ согласной съ разумомъ. Въ уничтоженіи книгъ, только поддерживавшихъ старыя заблужденія, Ши-гоанъ-ти видѣлъ простое средство излѣчить людей отъ глупости, дать возможность выйти имъ на путь прогресса и заставить идти впередъ, не оглядываясь въ прошлое, въ которомъ искать нечего. Въ томъ, что его ученые мандарины видѣли науку и глубокомысленное знаніе, онъ не признавалъ ничего, кромѣ тупоумнаго невѣжества, мѣшающаго только развитію общественной жизни. Конечно Ши-гоанъ-ти былъ въ этомъ случаѣ правѣ своихъ ученыхъ мандариновъ, какъ былъ правъ отецъ

Фридриха II, смѣявшійся надъ учеными и считавшій ихъ великими дураками. Съ этой точки зрѣнія въ поступкѣ Ши-гоань-ти нѣтъ ничего ни ужаснаго, ни варварскаго, ни возмутительнаго для просвѣщеннаго чувства, какъ увѣряютъ историки-консерваторы. Если въ книгахъ не заключается дѣйствительно ничего полезнаго для развитія жизни и благосостоянія человѣчества, неужели книги эти нужно хранить, какъ религію, и изучать, какъ святыню?

Если въ старинѣ нѣтъ ничего полезнаго для нашего времени и, изучая ее, мы только сбиваемъ съ толку себя и другихъ и портимъ свое настоящее, неужели такой старинѣ нужно поклоняться и дѣлать изъ нея для себя законъ? Поэтому въ поступкѣ Ши-гоань-ти не было ни невѣжества, ни варварства; онъ разсуждалъ объ этомъ дѣлѣ гораздо умнѣе и послѣдовательнѣе тѣхъ, кто еще и нынче любитъ держаться за все отсталое; видя свое спасеніе только въ чужомъ умѣ и преимущественно въ умѣ тѣхъ, кто жилъ за тысячу лѣтъ назадъ. Если можно сдѣлать упрекъ Ши-гоань-ши или Ли-ссе, которому принадлежитъ мысль покончить сразу со всѣми старыми глупостями и нелѣпостями, такъ вовсе не за то, что они сожгли книги, а что они совсѣмъ напрасно прибѣгли къ мѣрѣ, возбудившей только общее неудовольствіе, стоившей многихъ жвзней, а между тѣмъ вовсе недостижной предположенной цѣли. Ошибка Ши-гоань-ти и его министра заключалась въ томъ, что они полагали, будто бы нелѣпости живутъ въ книгахъ, тогда какъ нелѣпости живутъ въ человѣческихъ головахъ; можно сжечь всѣ глупыя книги въ мірѣ и на-завтра глупые люди напишутъ ихъ еще больше. Такъ и случилось въ Китаѣ. Значитъ—этотъ историческій фактъ важенъ въ томъ отношеніи, что противъ человѣческой глупости подобныя средства оказываются недѣйствительными.

Конфуцій, или какъ называютъ его китайцы Кунгъ—фу—дзи, былъ человѣкъ иного сорта, чѣмъ Лао-ци. Онъ не былъ умозрительный философъ, а человѣкъ практическій. Несмотря однако на эту практичность и на то, что китайцы отличаются вообще разсудочностію и потому не симпатизируютъ чудеснымъ вымысламъ и сказкамъ, китайскіе историки все-таки придумали какія-то необычайныя событія, будто-бы сопровождавшія рожденіе Конфуція. Такъ, разсказываютъ, что передъ рожденіемъ Конфуція баснословное животное Ки-линъ, часто упоминаемое китайскими поэтами и являющееся на землѣ въ ознаменованіе счастливыхъ событій, показало въ саду дома, въ которомъ родился философъ, и выпустило изъ себя камень, на которомъ было написано: «ребенокъ чистый, какъ кристальная вода, родится, когда Чеу (китайская династія)

будутъ на склонѣ; онъ будетъ королемъ хотя и безъ владѣнiя.» Въ самый моментъ рожденiя, надъ домомъ, гдѣ родился философъ, были видны въ воздухѣ два дракона и пять старцевъ вошли въ комнаты матери. Въ то же время была слышна гармоническая небесная музыка и воздушный хоръ, пѣвшiй: «небеса содрагаются радостiю при рожденiи святого сына». О молодости и жизни Конфуцiя у китайцевъ имѣются чрезвычайно подробныя и обстоятельныя извѣстiя, которыхъ рѣшительно не достаетъ о жизни Лао-ци.

Въ первой молодости Конфуцiй обнаружилъ уже практическое, преимущественно экономическое направленiе и занявъ, по выходѣ изъ школы, скромную должность мандарина низшихъ степеней. Конфуцiй обратилъ все свое вниманiе на припасы, продававшiеся на рынкѣ. Каждое утро съ восходомъ солнца онъ отправлялся на мѣсто, гдѣ производилась покупка и продажа, и осматривалъ припасы съ самымъ строгимъ вниманiемъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ своими подначальными, онъ назначалъ цѣны, которыя по его мнѣнiю были выгодны и для продавцевъ и для покупателей (старинный китайскiй порядокъ, неисполнявшiйся однако добросовѣстно), и все то, что могло вредить здоровью, онъ приказывалъ уничтожать или увозить прочь. Строгимъ исполненiемъ своей обязанности Конфуцiй уничтожилъ злоупотребленiя, существовавшiя въ этой отрасли администрацiи, и всѣ монополии и обманы исчезли. Окончивъ свои служебныя обязанности, молодой мандаринъ сѣлся за чтенiе экономическихъ сочиненiй. Если же ему случалось выходить, то онъ отправлялся или за городъ, чтобы изучать земледѣлiе, или же посѣщалъ магазины, въ которыхъ хранился рисъ и разные сорта хлѣба.

У земледѣльцевъ онъ спрашивалъ и вникалъ въ разныя подробности сельскаго хозяйства, въ магазинахъ же знакомился съ способами сохраненiя зеренъ отъ проростанiя, сырости, настькомыхъ и т. д. И такую практичность и хозяйственное поправленiе Конфуцiй обнаружилъ, когда еще ему не было девятнадцати лѣтъ. Серьезность молодого человѣка обратила на него вниманiе людей власти, и двадцати лѣтъ онъ былъ сдѣланъ главнымъ инспекторомъ полей и стадъ, съ полномочiемъ установить или отмѣнить такiе обычай и порядки, какiе онъ найдетъ необходимыми для общей выгоды. Втеченiе четырехъ лѣтъ, которыя Конфуцiй посвятилъ своей новой должности, поля совсѣмъ измѣнили свой внѣшнiй видъ, стали плодородны, стада увеличились, и земледѣльцы стали жить въ изобилiи. Въ это время умерла у Конфуцiя мать и онъ заперся у себя на три года, посвятивъ это время ученiю и размышленiю. Мудрость, на которой остановился Конфуцiй, была чисто

практическая, традиціонная, неимѣвшая ничего общаго съ отвлеченной мудростью Лао-ци. Въ древнихъ Конфуцій видѣлъ своихъ предшественниковъ и авторитетовъ, на которыхъ онъ основывалъ свое ученіе; при своей экономической практичности, онъ устранилъ все, имѣющее мистическій и религіозный характеръ; онъ не занимался отвлеченностями, но изучалъ природу, жизнь и практику мудрости и добродѣтели, нисколько не разрывая съ преданіями и національностью своего народа. Понятно, что такое ученіе должно было найти большее сочувствіе, чѣмъ теорія отвлеченнаго мірового разума Лао-ци. По окончаніи траура, Конфуцій, вмѣсто того, чтобы по обычаю явиться къ государю, или къ министрамъ, для вступленія въ должность, сталъ продолжать свои ученые занятія и принялся за изученіе древностей. Между тѣмъ слава о молодомъ мудрецѣ распространилась далеко; но Конфуцій, не считая еще себя достаточно подготовленнымъ, отказывался отъ предлагаемыхъ ему общественныхъ должностей, и для окончательнаго своего образованія отправился путешествовать.

Окончивъ путешествіе, Конфуцій возвратился на родину, чтобы выбрать себѣ родъ занятій, которому хотѣлъ посвятить всю свою жизнь. Ему было тогда тридцать лѣтъ. Развратъ, бѣдность, общее соціальное разстройство внушили ему мысль взять на себя одну изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ миссій—призвать людей къ ихъ обязанностямъ и указать имъ пути, ведущіе къ добродѣтели. Напрасно родные и друзья старались отклонить его отъ этой мысли, совѣтуя избрать служебную карьеру, обещающую почетъ; Конфуцій отвѣтилъ имъ: «Вы напрасно стараетесь заставить меня измѣнить рѣшеніе: я останусь постоянно ему вѣренъ. Я преданъ безразлично всѣмъ людямъ, потому что смотрю на нихъ, какъ на составляющихъ одну семью, которую я призванъ устроить.» Съ этихъ поръ, не довольствуясь совѣтами мудрости, которые онъ давалъ прежде, Конфуцій устроилъ нѣчто въ родѣ лицей или академіи, гдѣ всякій принимался съ самымъ искреннимъ участіемъ и съ полнымъ желаніемъ принести ему пользу. Извѣстность Конфуція была уже такъ велика, что люди всѣхъ званій, состояній и возрастовъ шли къ нему поучиться и просить совѣтовъ, даже князья или короли отдѣльныхъ небольшихъ государствъ, изъ которыхъ состоялъ тогда Китай, искали наставленій молодого мудреца и приглашали его къ себѣ, чтобы научиться, какъ лучше управлять своими государствами. Первымъ, пригласившимъ Конфуція, былъ князь Ци. Конфуцій отправился, сопровождаемый множествомъ лицъ, сдѣлавшихся его учениками. Какъ только онъ оставилъ свой городъ, къ

нему присоединилась цѣлая толпа молодыхъ людей, которые, какъ они говорили, хотѣли разработывать мудрость. Никого изъ нихъ Конфуцій не оттолкнулъ, убѣжденный въ томъ, что они сами скоро оставятъ его, если ими управляетъ другое побужденіе.

Если Лао-ци своимъ ученіемъ объ абсолютномъ разумѣ и двойственности человѣческой природы пришелъ наконецъ къ отрицанію общественной жизни и къ аскетизму, т. е. къ такимъ основамъ, на которыхъ общество построено быть не можетъ, то и въ основахъ Конфуція и въ китайской традиціи нѣтъ также никакой прочности и залоговъ общественнаго порядка и прогресса, потому что самостоятельность лица совершенно подавлена авторитетомъ. При такомъ условіи развитіе совершенно общества невозможно. Между тѣмъ Конфуцій думалъ иначе. «Моя доктрина, говоритъ онъ, такого рода, что всѣ люди должны ей слѣдовать: это доктрина Яо и Шуна. Что же касается до моей методы ученья, то она очень проста: я указываю на примѣры поведенія древнихъ, я завѣщаю читать священныя книги и требую, чтобы привыкали думать о правилахъ, которыя въ нихъ находятся.» Короче и яснѣе нѣкто бы не опредѣлялъ ученія и методы Конфуція и той крѣпкой связи съ стариной, которую онъ считалъ единственно способной создать людямъ счастье и довольство. Его ученіе можно бы опредѣлить еще выраженіемъ: «никогда слишкомъ», или золотой серединой, и самъ Конфуцій, любившій научать притчами или примѣрами, объяснилъ свою теорію такимъ образомъ. Въ тронной залѣ княжества Чэу стояло, рядомъ съ трономъ, ведро, служившее для черпанія воды въ колодець. Конфуцій, знавшій очень хорошо, для чего употреблялось это ведро въ отдаленныя времена монархій, сомнѣвался, чтобы дѣлали изъ него и теперь то же употребленіе. Онъ обратился къ мандаринамъ, приставленнымъ для храненія всего, что находилось въ залѣ, и спросилъ ихъ, для чего это ведро поставлено рядомъ съ трономъ. Одинъ изъ чиновниковъ, полагавшій, что онъ знакомъ съ древностями короче другихъ, далъ объясненіе, заставившее философа улыбнуться. Затѣмъ, приблизившись къ колодецу, Конфуцій сказалъ тому, кто держалъ ведро, чтобы онъ опустилъ его осторожно въ колодезь; и какъ ведро было очень легко, то, не зачерпнувъ воды, оно плавало по ея поверхности. Ведро вытащили, и Конфуцій велѣлъ вылить изъ него воду. Присутствующіе съ удивленіемъ отвѣтили ему, что ведро пусто. Тогда философъ сказалъ, что нужно опустить ведро въ колодезь другимъ образомъ, и одинъ изъ присутствующихъ бросилъ его изо всей силы. Оно тотчасъ же наполнилось и пошло ко дну. Конфуцій, глядя въ колодець и ища

ведро глазами, сказалъ: «Гдѣ оно? я его не вижу.»—Вода глубока, и вы будете напрасно напрягать зрѣніе, чтобы увидѣть то, что находится на днѣ, отвѣтили ему. — «Вы говорите правду, возражь Конфуцій, теперь возьму ведро я самъ, и сдѣлаю самый важный опытъ.» Онъ взялъ ведро и, выливъ изъ него воду, опустил его въ колодець ни слабо, ни сильно; потомъ, покачавъ его, онъ наполнилъ его водой въ такомъ количествѣ, что ведро держалось въ равновѣсіи. «Вотъ, сказалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ, и ждавшимъ нетерпѣливо окончанія этой сцены, вотъ изображеніе хорошаго управленія и золотой середины, которой нужно держаться во всѣхъ вещахъ. Излишекъ слабости или силы вредитъ; нужно соединять твердость съ умѣренностію... Въ древности, въ началѣ каждаго царствованія, дѣлали тотъ же самый опытъ въ присутствіи государя, и этотъ полезный урокъ отпечатлѣвался въ его умѣ неизгладимыми чертами, потому что ведро, поставленное подлѣ трона, постоянно напоминало этотъ опытъ.» Употребляя нынѣшнее выраженіе, Конфуцій былъ либеральный консерваторъ, недопускавшій отнюдь нарушенія того, что называлось порядкомъ и имѣло традиціонныя основы; но въ то же время онъ горячо любилъ людей и былъ убѣжденъ, что возстановленіе добродѣтелей временъ Яо и Шуна совершенно достаточно, чтобы водворить счастье. Если считать Лао-ци мечтателемъ за то, что онъ, разрывая съ прошлымъ хотѣлъ построить новое ученіе на абсолютномъ, отвлеченномъ началѣ, то конечно не меньшій мечтатель былъ и Конфуцій, бравшій начало изъ умершаго прошедшаго, совершенно невозможнаго къ осуществленію въ настоящемъ. При всей мечтательности ученія обонхъ философовъ, доктрина Лао-ци стоитъ все-таки неизмѣримо выше доктрины Конфуція, потому что первый возбуждалъ стремленіе впередъ, тогда какъ второй училъ глядѣть только назадъ. Конечно это не отнимаетъ отъ Конфуція его высокихъ нравственныхъ качествъ, его неподкупной честности, и не лишаетъ его той послѣдовательности, съ какой онъ соглашалъ слово съ дѣломъ.

Ученіе о честности или мораль Конфуція, по его собственнымъ словамъ, «очень просто и легко понять: владѣй всегда неизмѣнной правотой и дѣйствуй относительно другихъ такъ, какъ ты желаешь, чтобы они дѣйствовали относительно тебя.» «Нѣтъ ничего естественнѣе и проще, говорилъ онъ своимъ ученикамъ, принциповъ той морали, спасительныя правила которой я стараюсь напечатлѣть въ вашей памяти. Все, что я вамъ говорю, наши древніе мудрецы исполняли уже до насъ, и эта практика, принятая въ древности повсюду, сводится къ соблюденію трехъ основныхъ законовъ

отношеній: между государемъ и подданными, между отцами и дѣтьми и между мужьями и женами,—и къ точному исполненію пяти основныхъ добродѣтелей, которыя достаточно назвать, чтобы вы поняли превосходство и необходимость ихъ исполненія:—*чужданность* т. е. всеобщая любовь между всеми людьми безъ различія; *справедливость*, дающая каждому лицу должное ему, не благопріятствуя одному передъ другимъ; *подчиненіе установленнымъ священнымъ обрядамъ и существующимъ обычаямъ*, для того, чтобы тѣ кто составляетъ общество, имѣли бы одну манеру жизни и подвергались бы одинаково всемъ выгодамъ и невыгодамъ; *прямотуше*, т. е. та прямота ума и сердца, которая заставляетъ искать во всемъ правды и желать ее; наконецъ *искренность*, т. е. та откровенность и открытость сердца, смѣшанная съ довѣрчивостью, которая исключаетъ всякое притворство, всякую утайку, какъ въ поведеніи, такъ и въ словахъ. Вотъ что сдѣлало первыхъ основателей нашего общества глубокоуважаемыми при жизни и обезсмертило ихъ имена. Примемъ ихъ за образцы и употребимъ все наши усилія, чтобы имъ подражать.»

Приглашеніе Конфуція въ министры показало хорошія и дурныя стороны его системы, при практическомъ ея примѣненіи.—Сначала о худой.—Вступивъ въ должность, онъ выказалъ прежде всего необыкновенную доброту ко всемъ, кто былъ ниже. Онъ бесѣдовалъ съ народомъ, поучая и наставляя его, и стараясь поселить въ немъ болѣе вѣрныя понятія и взглядъ на вещи. Подготовивъ народъ поученіями, онъ принялся за преобразованія. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на земледѣліе и, раздѣливъ почву, по степени ея плодородія и по составу, на пять классовъ, опредѣлилъ для каждого класса родъ удобренія; назначалъ время, когда нужно сѣять и сажать, и когда убирать хлѣбъ. Соблюденіе этихъ правилъ, какъ говорятъ, создало изобиліе и доставило выгоды бѣднымъ и богатымъ, собственникамъ и земледѣльцамъ.—А вотъ и хорошая.—Князь, совершенно удовлетворенный управленіемъ Конфуція, предложилъ ему должность Ссе-кеу, т. е. начальника гражданской и уголовной части всего государства. Конфуцій колебался нѣсколько времени, прежде чѣмъ дать отвѣтъ. «Я рассчитываю на васъ, сказалъ ему государь:—измѣните все, что вы найдете необходимымъ измѣнить,—я одобряю впередъ все, что вы сдѣлаете.»—Будьте увѣрены государь, отвѣтилъ Конфуцій, что я употребляю все свои старанія, чтобы сдѣлаться достойнымъ вашей доброты и знаковъ вашего довѣрія. Но я долженъ предупредить ваше высочество, что я начну исполненіе своей должности казнью наиболѣе блестящей, но я

болѣе всего необходимой, которой слѣдовало уже быть давно. Одинъ изъ вашихъ первыхъ чиновниковъ виноватъ во множествѣ преступленій, изъ которыхъ даже одного было бы достаточно, чтобы лишиться позорно жизни. Презрѣнный, о которомъ я говорю, есть наиболѣе богатый и пользующійся наибольшимъ вашимъ довѣріемъ Таифу (высшій чиновникъ)—Шао-ченгъ-мао. Нужно, чтобы онъ умеръ, и чтобы его казнь испугала злодѣевъ. Если вы оставите ему жизнь, то народъ будетъ продолжать страдать подъ тяжестью его тиранинн и поставитъ въ опасность вашу престоль.» Князь сначала поколебался, но потомъ согласился—и Ченгъ-мао былъ казненъ.

Читателю можетъ показаться страннымъ, почему заботы о земледѣліи и поученіе народа я назвалъ худой стороной практики Конфуція. Но именно въ этомъ-то и заключается все зло конфуціевой системы и вся ея поучительность для насъ. Зло это не въ томъ, что Конфуцій поучалъ народъ; а въ томъ, что онъ хотѣлъ быть его отцомъ и опекуномъ и простиралъ свою родительскую заботливость до того, что даже не позволялъ народу сѣять и жать хлѣбъ иначе, какъ по предписаніямъ правительства. Нравственные принципы Конфуція хороши сами по себѣ; но они худы въ ихъ приложеніи и въ томъ развитіи, какое имъ дали по отношенію къ общественной и государственной жизни. Китайцы считаютъ нравоученія Конфуція вѣчными, неизмѣнными, написанными самой природою въ сердцахъ людей, и говоря подобныя вещи, они, повидимому, совсѣмъ и не подозреваютъ, что только эти нравоученія и убили Китай, принеся дѣйствительную жизнь въ жертву формѣ, вѣщности, обрядности, церемоніямъ и деспотизму, въ самомъ широкомъ его примѣненіи. Вотъ эта вѣчная мудрость, начертанная, по мнѣнію китайцевъ, въ сердцахъ всѣхъ людей: «Человѣкъ, будучи существомъ разумнымъ, созданъ жить въ обществѣ; но никакое общество не можетъ быть безъ управленія, никакое управленіе безъ подчиненности, никакая подчиненность безъ власти. Законная власть есть власть внутренняя, заключающаяся въ установленіи условій, принадлежащихъ только рожденію и заслугамъ. Въ рожденіи ее даетъ разлика лѣтъ, въ заслугахъ — талантъ, т. е. искусство привлекать сердца». Такимъ образомъ естественно, что мать и отецъ управляютъ дѣтьми, старшіе младшими. «Тотъ, говоритъ Конфуцій, кто владѣетъ имперіей, долженъ наблюдать внимательно за собой, дѣлать хорошее и избѣгать дурного. Если онъ не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ принципахъ—паденіе его имперіи будетъ слѣдствіемъ того. Управлять своей страной добродѣтельно и съ тѣми спо-

обстоятjями, какія для того необходимы, значить походить на Полярную звѣзду, остающуюся вѣчно на своемъ мѣстѣ, тогда какъ другія обращаются вокругъ нея, принимая ее за своего путевода-теля.» Все это, разумѣется, очень хорошо; но если есть дурныя дѣла и дурные подданные, то отчего же не быть дурнымъ родителямъ и дурнымъ правительствамъ? Конфуцій только толкуетъ о томъ, что нужно сдѣлаться мудрымъ, честнымъ и добродѣтельнымъ, и предлагаетъ для того средства, которыя годятся только для такихъ людей, какъ онъ самъ, но вовсе не примѣнны вообще къ людямъ. Отъ этого мораль Конфуція, прекрасная сама по себѣ, осталась мертвой буквой и теоретическимъ ученіемъ, осуществлявшимся только въ видѣ исключенія, людьми слишкомъ рѣдкими по уму и сердцу. Отъ этого же онъ только изнывалъ, проповѣдуя высокую мораль народу и князьямъ, но ни народъ, ни князья не становились отъ этого лучше, потому что улучшеніе не зависѣло отъ нихъ лично. Отъ этого же, наконецъ, и всѣ дальнѣйшіе китайскіе философы, сбитые Конфуціемъ и традиціонными воззрѣніями, не умѣли придумать другого средства противъ соціальнаго зла, кромѣ вѣчной старой пѣсни о самоулучшеніи и воспитаніи себя въ добродѣтели. Потому что китайскіе философы становились всегда на невѣрное основаніе, они только убивали свои таланты на бесполезное, хотя и прекрасное словонизверженіе. Такимъ образомъ Менгъ-ци, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ китайскихъ нравственныхъ философовъ школы Конфуція, обладая огромнымъ талантомъ и неотразимой діалектикой, написалъ хотя вещи и очень пріятныя въ чтеніи, но которыя ни на волосъ не подвинули китайцевъ въ мудрости и не сообщили имъ ничего, что бы не было извѣстно еще во времена Яо и Шуна. Вотъ образецъ ироніи и искусства Менгъ-ци. Одно изъ своихъ сочиненій философъ этотъ начинаеть такъ:

«Менгъ-ци отправился посѣтить князя Вей, и князь сказалъ ему: «Уважаемый мудрецъ, такъ какъ вы не сочли, что разстояніе въ 1000 ли (440 верстъ) будетъ слишкомъ велико, чтобы идти къ моему двору, то, безъ сомнѣнія, вы надѣетесь пріобрѣсть въ моемъ королевствѣ какія нибудь выгоды?»

— Менгъ-ци отвѣтилъ: «О государь! что за необходимость говорить о выгодахъ? достаточно владѣть гуманностію или благорасположеніемъ ко всѣмъ людямъ и справедливостію...

«Не вмѣшивайтесь въ дѣла землевладѣльцевъ, отрывая ихъ барщиной отъ работъ,—и урожай превзойдетъ потребленіе. Если въ пруды и рѣки не будутъ закидываемы сѣти съ узкими петлями;

рыбъ и черепахъ будетъ у васъ за столомъ въ изобиліи. Рубите горный лѣсъ только въ придичное время, — и вы будете имѣть дровъ много. Имѣя рыбы и черепахъ больше, чѣмъ можно потребить, и лѣсу больше, чѣмъ нужно, народъ будетъ тѣмъ лучше пропитываться живыхъ и приносить жертвы мертвымъ, и не будетъ роптать. Вотъ основаніе хорошаго управленія.

«Устройте, чтобы семейство, имѣющее въ полѣ пять мѣръ земли, посадило тутовыхъ деревья, — и лица, имѣющія пятьдесятъ дѣтъ, будутъ въ состояніи носить шелковое платье. Пусть не пренебрегаютъ воспитаніемъ цыплятъ, поросятъ, собакъ, — и семидесятилѣтніе старики будутъ въ состояніи питаться говядиной. Во время, требующее непрерывнаго, усиленнаго труда, не отрывайте рукъ семейства, имѣющаго сто мѣръ земли, — и эти большія семейства не будутъ подвергаться голоду. Наблюдайте внимательно, чтобы въ школахъ провагандировался долгъ сыновней любви и уваженія молодыхъ людей къ старцамъ, — и тогда не увидятъ стариковъ съ сѣдыми волосами, носящихъ большія тяжести по большимъ дорогамъ. Если семидесятилѣтніе люди носятъ шелковыя одежды и ѣдятъ мясо, и если молодые люди не страдаютъ отъ голода и холода, все въ странѣ будетъ процвѣтать.

«Вмѣсто этого, ваши собаки и ваши свиньи поѣдаютъ нищу народа, и вы не знаете, какъ помочь злу. Народъ умираетъ съ голоду на большихъ дорогахъ, и вы не знаете, какъ открыть обществениныя магазины. Когда вы видите людей, умирающихъ съ голоду, вы говорите: «это не моя вина, это отъ безплодія почвы.» Развѣ это отличается чѣмъ нибудь отъ того, если бы человекъ, ударивъ другого мечомъ и видя его распростертымъ на землѣ, сказалъ бы: «это не я, это мой мечъ?»

— Князь отвѣчалъ: Я желаю искренно слѣдовать вашимъ совѣтамъ.

— Менгъ-ди возражалъ: Есть ли разница — убить человека палкой или шпагой?

— Князь отвѣчалъ: Нѣтъ разницы никакой.

— Есть ли разница — убить человека шпагой или безчеловѣчнымъ управленіемъ?

— Князь отвѣчалъ: Нѣтъ разницы никакой.

— Ваши кухни изобилуютъ мясомъ и ваши конюшни полны жирѣвшими лошадьми; но исхудалія лица народа выназываютъ бѣдствія голода, и поля покрыты трупами лицъ, умершихъ отъ

бѣдности. Дѣйствовать такимъ образомъ, значить возбуждать хищныхъ животныхъ и пожирать людей...»

Сюанъ-вангъ, князь Тзи, спрашивая философа, сказалъ ему: «Я слышалъ рассказы, что паркъ князя Венъ-ванга былъ въ тридцать верстъ въ окружности: правда-ли это?»

— Менгъ-ци отвѣчалъ: исторія выдаетъ этотъ фактъ за подлинный.

— Князь: Онъ былъ однако величины чрезвычайной.

— Философъ: Народъ однако находилъ его слишкомъ малымъ.

— Князь: Я имѣю паркъ всего въ двадцать верстъ въ окружности, и народъ считаетъ его слишкомъ большимъ: отчего эта разница?

— Философъ: Паркъ Венъ-ванга, хотя и имѣлъ тридцать верстъ въ окружности, но это было мѣсто, куда отправлялся всякій, кому нужно было набрать травы или нарубить лѣсу. Кому нужны были фазаны или зайцы, шли туда же. А какъ князь имѣлъ паркъ общій съ народомъ, то этотъ и не находилъ его большимъ, хотя онъ и имѣлъ тридцать верстъ въ окружности: не правда-ли, это справедливо?

«Я, вашъ слуга, когда переходилъ границу вашихъ владѣнй, прежде чѣмъ идти дальше, справился о томъ, что запрещено у васъ въ особенности. Вашъ слуга узналъ, что внутри вашихъ владѣнй есть паркъ въ двадцать верстъ въ окружности; что чело-вѣкъ изъ народа, который убьетъ въ немъ оленя, будетъ наказанъ смертію, какъ если бы онъ убилъ чело-вѣка. И поэтому паркъ въ двадцать верстъ въ окружности—настоящій ровъ смерти, вырытый въ серединѣ вашихъ владѣнй. Ошибается ли народъ, находя паркъ большимъ?»

«Князь не отвѣтилъ на слова и заговорилъ о другомъ.»

Въ другомъ мѣстѣ Менгъ-ци говоритъ: «Если государь смотритъ на своего министра, какъ на свою руку и ногу, то министръ смотритъ на государя, какъ на свою душу и на свое сердце; если государь смотритъ на своего министра, какъ на собаку или на лошадь, тогда министръ смотритъ на своего государя, какъ на чело-вѣка очень обыкновеннаго; если государь смотритъ на своего министра, какъ на жниво сжатого поля, тогда министръ смотритъ на своего государя, какъ на разбойника и на врага.»

Менгъ-ци владѣлъ конечно огромнымъ сатирическимъ талантомъ и большой наблюдательностію; онъ видѣлъ хорошо страданія народа, и никто сильнѣе его не умѣлъ обрисовать ихъ въ немногихъ

словахъ, точно также, какъ никто не умѣлъ показать рѣзче правителямъ ихъ ошибки. Но только что-же изъ этого? Положительная философія Китая все-таки не ушла дальше бесплодной морали Конфуція; и оплакивая народъ, умирающій голодной смертью, и утѣшенія и развратъ сильныхъ, китайскіе мудрецы въ то же время проповѣдывали, какъ основной принципъ общаго благополучія, какъ разъ то, что было причиною страданій страны; т. е. указывая одной рукой на зло и укоряя злыхъ, они, эти сами добродѣтельные и мудрые учителя, подавали нмъ другой рукой мечъ, разнесившій повсюду смерть и страданія. У нихъ нѣтъ другого средства для общаго благополучія, кромѣ сыновней любви и уваженія старшихъ. Между тѣмъ и въ тѣ отдаленныя времена, имѣлись у китайцевъ факты, которые могли бы служить превосходными данными для соображеній и выводовъ дѣйствительно полезныхъ, практическихъ и неотразимыхъ, если бы только общее китайское міровоззрѣніе, выставившее своихъ представителей въ лицѣ Лао-ци, Конфуція, Менгъ-ци и другихъ, не вращалось около такихъ предвзятыхъ идей, которыя были совершенно бессильны дать прочность и гармонію общественному порядку. Напримѣръ, въ 811 году, императоръ собралъ вельможъ для обсужденія бюджета государства, и одинъ изъ сановниковъ представилъ ему слѣдующій отчетъ:—Императоръ содержитъ болѣе 800,000 войска; купцы, бонзы Фо и Тао и другія лица, незанимающіяся земледѣліемъ, находятся во всему населенію въ пропорціи какъ 6 къ 10, т. е. что число ихъ гораздо больше земледѣльческаго населенія. Все же населеніе имперіи составляло около 25 милліоновъ. Только три части населенія, изъ десяти, добывали свой хлѣбъ въ потѣ лица, и трудами этихъ трехъ частей или 7,500,000 чел. живп, питались и одѣвались остальные семь частей, или 17,500,000 человекъ. Въ имперіи находилось 4,660 храмовъ и монастырей, разрѣшенныхъ императорами,—и 40,000—построенныхъ частными лицами. Земли бонзъ занимали огромное пространство и бонзы владѣли 150,000 рабовъ. Число мандариновъ, получавшихъ жалованье, было не менѣе десяти тысячъ. По древнему установленію, мандаринъ перваго класса получалъ въ мѣсяцъ тысячу мѣръ хлѣба или рису и три тысячи онсовъ серебра (5.500 р.). Разныя военныя событія и несчастія заставили увеличить число мандариновъ и ихъ жалованье, такъ что выдавалось вельможамъ перваго класса до 9,000 онсовъ серебра или 16,900 руб. въ мѣсяцъ. Мандарины меньшаго значенія получали по 1,000 онсовъ въ мѣсяцъ (1,900 р.). Что могла помочь, при такихъ неправильныхъ экономи-

ческих отношеніяхъ, философія сыновней любви, уваженія къ старшимъ и проповѣдываніе морали!

Эта философія морали—подчиненности и обязанностей, кромѣ общаго значенія безразлично для всѣхъ обитателей поднебесной имперіи, имѣла еще и частный специальный отдѣлъ, относившійся исключительно къ цѣлой половинѣ китайскаго человѣчества—къ женщинамъ. Разработкой этой специальной философіи долга занялась женщина, пользующаяся у китайцевъ громкой извѣстностью—Панъ-хой-панъ. Она написала семь главъ о главнѣйшихъ обязанностяхъ женщинъ. «Мы, говоритъ она, занимаемъ послѣднее мѣсто въ человѣческомъ родѣ; мы—слабая его часть: обязанности наименѣе возвышенныя должны быть и въ самомъ дѣлѣ составляютъ нашу удѣль. Это истина, которой мы должны быть проникнуты и которая должна вліять на все наше поведеніе и стать источникомъ нашего счастья, если мы будемъ дѣйствовать послѣдовательно... Если молодыя дѣвушки будутъ понимать себя такими, какими онѣ есть—онѣ не возгордятся; онѣ будутъ держать себя съ смиреніемъ на томъ мѣстѣ, какое указала имъ природа; онѣ будутъ знать, что ихъ состояніе есть состояніе слабости, и что онѣ не могутъ сдѣлать ничего безъ посторонней помощи. Получивъ такое убѣжденіе, онѣ исполнять точно свой долгъ и не найдутъ ничего труднаго въ томъ, чего отъ нихъ потребуютъ.

«Когда молодая дѣвушка достигнетъ извѣстнаго возраста, ее отдадутъ въ чужое семейство. Въ этомъ новомъ положеніи ей нужно исполнять новыя обязанности, и обязанности эти заключаются не столько въ томъ, чтобы дѣлать все, чего отъ нея потребуютъ, сколько предупреждать все, что отъ нея требовать имѣютъ право.

«У васъ родится мальчикъ, говоритъ пословица, и вы видите въ немъ волка, котораго ничто не въ состояніи испугать, хотя онъ будетъ, можетъ, не болѣе, какъ жалкое насѣкомое, которое позволить растоптать себя первому встрѣчному. У васъ родится дочь, и вы видите въ ней скромную мышку, хотя это можетъ быть ужасная тигрица, распространяющая повсюду ужасъ.

«Вы, на кого имѣютъ право смотрѣть, какъ на мышкетъ, хотители не сдѣлаться никогда тигрицами? Сохраняйте постоянно скромность, которая вамъ свойственна. Когда вы перейдете изъ родительскаго дома въ домъ мужа, что бы съ вами ни случилось, въ какомъ бы положеніи вы ни находились, не уклоняйтесь никогда отъ исполненія двухъ добродѣтелей, которыя служатъ основаніемъ всѣхъ прочихъ, и которыя должны служить вамъ самымъ блестящимъ

украшеніемъ. Эти двѣ основныя добродѣтели заключаются въ слѣдующемъ: безграничное уваженіе къ тому, чье имя вы носите, и постоянное наблюденіе за самой собой.

«Хотите-ли, чтобы вашъ мужъ васъ уважалъ? Имѣйте къ нему безграничное уваженіе. Хотите-ли, чтобы онъ васъ почтилъ своимъ уваженіемъ и чтобы онъ имѣлъ къ вамъ постоянную привязанность? Наблюдайте надъ собой постоянно, не давая ему возможности замѣтить ваши недостатки, и для того, чтобы исправить себя. Женщина, не обращающая вниманія на эти двѣ добродѣтели и недѣлающая изъ нихъ основанія, на которомъ должно опереться все ея существованіе, впадетъ скоро въ пороки противоположныя и будетъ самой несчастнѣйшей изъ женщинъ.

«Четыре качества дѣлаютъ женщину возбуждающею любовь: добродѣтель, слово, фигура и поступки.

«Добродѣтель женщины должна быть солидная, полная, постоянная и внѣ всякихъ подозрѣній. Слова ея должны быть всегда благородныя, нѣжныя, умѣренныя. Она не должна быть молчалива, но и не должна быть болтлива. Она не должна говорить ничего тривиальнаго и низкаго, но для этого она не должна стараться отискивать выраженій, ни употреблять мало-употребительныхъ, ни выказывать себя умной. Если она довольно сильна въ литературѣ, чтобы говорить дѣльно, она не должна дѣлать парада изъ своей учености. Вообще не любятъ, чтобы женщина цитировала безпрестанно исторію, священныя книги, поэтовъ и литературныя произведенія. Но будутъ проникнуты къ ней уваженіемъ, если зная, что она имѣетъ большія познанія, будутъ отъ нея слышать только обновленныя выраженія, а о наукахъ и литературѣ только очень важнаго и единственно изъ угожденія тѣмъ, которые будутъ ее объ этомъ просить.

«Къ пріятности въ словѣ нужно присоединить пріятность фигуры. Правильныя черты, нѣжный цвѣтъ, красота талии, пропорція частей и все то, что въ общемъ понятіи образуетъ красоту, сообщаетъ женщинѣ безъ сомнѣнія пріятность; но я разумѣю подъ пріятностію фигуры не это. Не отъ насъ зависитъ быть красивыми, и я требую отъ женщины качествъ, которыя она можетъ приобрести, и пріятности, которыя она можетъ сообщить себѣ сама, если ихъ не имѣетъ. Женщина всегда красива въ глазахъ своего мужа, если у нея видна постоянно кротость во взглядѣ и слышна доброта въ голосѣ; если она чистоплотна и одѣвается опрятно;

если она умѣетъ выбрать и сдѣлать себѣ хорошую прическу; если она скромна въ разговорѣ и во всѣхъ своихъ манерахъ.

«Что касается до поступковъ, то она не должна дѣлать ни одного, который бы выходилъ изъ предѣловъ благопристойности; ни одного, который бы не имѣлъ прямой цѣлю заботы о своемъ домѣ.

«Когда дѣвушка переходитъ изъ своего родительскаго дома въ домъ мужа, она теряетъ все, даже имя; она не имѣетъ ничего своего; все, что она носить, что имѣетъ, и сама она вся принадлежитъ тому, кого дають ей въ мужья. Отнынѣ только къ мужу должны стремиться всѣ ея намѣренія и виды; единственно своему мужу она должна желать нравиться; живая или мертвая—только мужу должна она отдать свое сердце.

«По священнымъ постановленіямъ нашего церемоніала, мужчина послѣ смерти своей жены можетъ жениться вновь; онъ имѣетъ то же право и при живой женѣ, по причинамъ разъясненнымъ превосходно еще въ древности. Но женщина ни при живомъ, ни при мертвомъ мужѣ, по причинамъ какимъ бы то ни было, не можетъ вступить во второй бракъ, не нарушая постановленій церемоніала и не безчестя себя. Мужъ—небо жены, говоритъ сентенція, противъ которой никогда не возражали. Есть ли гдѣ нибудь на землѣ мѣсто, гдѣ бы не было неба? Поэтому жена навсегда останется на землѣ, т. е. во всю свою жизнь находится подъ небомъ своего мужа. Вотъ почему «книга законовъ для женщинъ» выражается такъ: «Если женщина имѣетъ мужа по сердцу, она имѣетъ его на всю жизнь; если она имѣетъ мужа не по сердцу—она имѣетъ его на всю жизнь. Въ первомъ случаѣ женщина счастлива и счастлива навсегда; во второмъ случаѣ она несчастна и несчастіе ея не кончится, пока она жива... Пока женщина находится подъ авторитетомъ своего мужа, она не можетъ располагать своимъ сердцемъ, потому что принадлежитъ вполне тому, чье носить имя.»

«Жена, любящая своего мужа и имъ любимая, повинуется ему безъ труда. Но это только половина долга. Безусловное повиновеніе мужу, тестю и тещи—только одно можетъ предохранить женщину отъ упрековъ, если она даже исполняетъ всѣ свои остальные обязанности.—«Женщина, говоритъ Нию-хинъ-шу, должна быть въ домѣ, какъ настоящая тѣнь, какъ простое эхо.» Тѣнь не имѣетъ другой формы кромѣ той, какою ей даетъ предметъ; эхо не говоритъ ничего другого, кромѣ того, что хотять, чтобы оно сказало.»

Это ученіе о самоуниженіи, объ отрицаніи всякой личной самостоятельности ума и чувства и изображеніи изъ себя, вмѣсто чело-

вѣка, только тѣни его, соотвѣтствовало настолько китайскому мировоззрѣнію и было выведено съ такой послѣдовательностію изъ ученія Конфуція, что было принято дворомъ и всѣми мандаринами чуть не съ восторгомъ. Ученый Ма-юнгъ, предсѣдатель и начальникъ ученыхъ и литераторовъ, снялъ съ этого сочиненія копію собственной рукой и приказалъ своей женѣ выучить его наизусть, чтобы *совершенствовать женщинъ*.

Такимъ образомъ всѣ силы китайскаго ума, въ лицѣ его лучшихъ представителей, были направлены на возведеніе въ принципъ личной зависимости, на подавленіе всякой личной свободы, на поклоненіе авторитету. Философы и ученики, мужчины и женщины, всякій кто считалъ себя призваннымъ поучать, напрягали всѣ свои силы на то, чтобы внушить людямъ, что они своимъ собственнымъ умомъ не могутъ придумать ничего хорошаго, что ихъ теперяшняя нравственность нивкуда не годится, что только въ старину жили добродѣтельные и опытно мудрые люди, и что только подражаніемъ имъ и полнымъ отреченіемъ отъ себя можно достигнуть личнаго благополучія и общественнаго счастья. Китайскій умъ высказалъ рѣшительное безсиліе уйти дальше этой убійственной, подавляющей морали и подмѣтитъ въ жизни факты для построенія другой теоріи общественной жизни и общественныхъ отношеній. Немногіе проблески иного мировоззрѣнія, явившіеся въ видѣ отдѣльныхъ отрывочныхъ ученій, умерли, не достигнувъ широкаго развитія, не обнаруживъ вліянія на измѣненіе понятій большинства и не внеся новаго живительнаго элемента въ общенародное представленіе. Такъ Вангъ-анъ-ши, одинъ изъ китайскихъ новаторовъ, доказывалъ, что въ природѣ все имѣетъ свои точныя, опредѣленныя, неизмѣнныя причины; что землетрясеніе, засухи, наводненія и все то, что по мнѣнію китайцевъ имѣетъ связь съ человѣческими дѣлами и поступками, существуетъ и является совершенно независимо отъ того, добры или злы люди, умны они или глупы. «Не надѣетесь ли вы измѣнить обыкновенное теченіе вещей, говорить онъ, или вы хотите, чтобы природа издала для васъ другіе законы?» Такъ Янгъ доказывалъ, что *личная польза* должна служить принципомъ, управляющимъ всѣми человѣческими дѣйствіями. Ученіе это въ своемъ послѣдовательномъ развитіи могло бы явиться самымъ опаснымъ философіи Конфуція, какъ отрицающее всякій посторонній и виѣшній авторитетъ. Такъ наконецъ, Фо-чинъ училъ, что все являющееся въ мірѣ есть результатъ случая; что душа погибнетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и что не останется ничего послѣ этой жизни.

Но ученія эти не подошли подъ господствовавшее китайское міровозрѣніе, и человѣкъ, принесшій людямъ наибольшій вредъ, какой только можно принести своимъ ближнимъ, остался по прежнему ихъ идоломъ и пользуется божескими почестями. Скоро или нѣтъ наступить для Китая то время, но оно наступитъ непременно, когда поклоненіе Конфуцію, этому пророку застоитъ, неподвижности, угнетенія, всякой личной свободы и проявленія личнаго человеческого духа, смѣнится поклоненіемъ другому богу, котораго китайцы до сихъ поръ не признали, хотя у нихъ и являлись его предтечи.

И. Шелгуновъ.

СКОРБНАЯ ЭЛЕГИЯ.

(Посвящается друзьямъ моего отечества).

I.

ВотуПЛЕНІЕ.

Я всегда имѣлъ очень немного друзей и тѣмъ сильнѣе привязывался всѣмъ моимъ юношескимъ существомъ къ этимъ немногимъ избранникамъ моего любвеобильнаго сердца. Открывалъ я передъ ними и мои карманы, и сердце мое, и мои мысли; а друзья мои, какъ и слѣдовало хорошимъ друзьямъ, брали деньги мои, которыя чрезвычайно легко переходили въ руки трактирщиковъ и прелестныхъ дѣвицъ; брали мысли мои, которыя, правда, гораздо туже, чѣмъ деньги, но все-таки пускались въ оборотъ по всякимъ гостинымъ и кабинетамъ. О, добрые друзья мои, неоцѣнимые Оресты и Пилалы! Привѣтъ мой вамъ!.. Не были вы ни ангелами, ни демонами, а просто человѣками были, и поэтому, конечно, вы до совершенства никогда не достигали... Одни изъ васъ славно говорили, руководствуясь славными книгами, и даже горячо ратовали за возвышенныя мысли, но имѣли зато нѣкоторыя человѣческія слабости въ частной своей жизни. Другіе, хотя и были безукоризненны въ частной жизни, не пускали въ коммерческіе обороты украденныхъ гуманныхъ мыслей, не воровали, не тузили физиономій своихъ ближнихъ, но зато всегда были слабоваты духомъ и большею частью попадали въ рабство къ своимъ практическимъ собратьямъ. Одни изъ васъ были честны и прямы, спартански просты въ образѣ своей жизни и благодущны, но

зато отличались нечеловѣческимъ крѣпколюбіемъ и способностью переносить съ изумительнымъ смиреніемъ многочисленныя тычки и толчки, которыми угощала ихъ наша безпощадная жизнь...

— Братъ мой! восклицаю я, видя такого кроткаго человѣка, смиренно и покорно шествующаго по житейскому пути:— «братъ мой! ты ли это шествуешь въ такія мрачныя, сырыя и безмолвныя жизненныя страны? ты ли это подвергаешь такимъ нечеловѣческимъ истязаніямъ свою человѣческую природу?—«Ведутъ», отвѣчаетъ онъ глухо...

Другіе отличались и сильнымъ развитіемъ мыслительныхъ силъ, и здоровой энергіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличались и дьявольскимъ умѣнѣемъ закапывать въ землю свои таланты, разбрасывать свои крѣпкія силы по различнымъ увеселительныхъ занятіяхъ и загаживать свои умственные способности непотребными мыслями.

— И ты, Бруть! восклицаю я, видя такого художника, шествующаго въ блестящемъ костюмѣ и въ компаніи подозрительныхъ личностей, толкующихъ о жизненныхъ прелестяхъ.

— Для компаніи, милый человѣкъ, отвѣчаетъ мой дѣятель съ невыразимымъ спокойствіемъ, и безъ стыда смотря на меня черезъ стекла пенснэ его плутовскіе глаза. И точно, «ведутъ!» и точно, «для компаніи» идемъ! Видятся мнѣ въ этихъ процессіяхъ воспитатели, наставники, друзья, пріатели и вообще дорогіе вліятели, окружающіе друзей моего дѣтства.... Видятся мнѣ, какъ эти вліятели предъявляютъ свои права на шествующихъ съ ними *pour la compagnie* друзей моихъ и вопіютъ имъ: «И я влилъ въ кровь твою немалую долю моихъ соковъ, подбросилъ въ тебя частицу моихъ помышлений!...» И дѣйствительно, всѣ эти милые люди рылись своими грязными руками въ душѣ моихъ бѣдныхъ друзей, рылись еще въ то время, когда друзья только-что вылезали изъ колыбели и по невинности своей, смотрѣли на окружающихъ людей доврчиво и съ любовью. Теперь эти воспитатели испытываютъ неизрѣченное наслажденіе, замѣчая въ своихъ воспитанникахъ родныя имъ мысли и пополюновенія. Добились-таки своего...

Съ грустью вспоминаю я тебя, мой добрый Картузовъ, прозванный Головой, и тебя вспоминаю, Шемягинъ, бѣдный, погубленный малый, и невольно переношусь къ вашему рововому прошлому.

II.

ДѢТСТВО ГОЛОВЫ.

Здравствуй, Голова! Дай мнѣ твою руку, и пойдемъ мы, взглянемъ на тѣ мѣста, на которыхъ насъ нѣкогда выкармливали, гдѣ мы паслись, прыгали, играли, однимъ словомъ, гдѣ чувствовали себя нѣкогда счастливыми. Да, такъ вотъ они, эти милыя мѣста, въ которыхъ текла жизнь твоихъ предковъ и прошло твое дѣтство. Вотъ и дворъ, на которомъ ты нѣкогда запускалъ бумажнаго вѣтя, вотъ и садъ, на деревьяхъ котораго ты началъ укрѣплять свои молодые мускулы; вотъ и домъ, въ которомъ тебя усердно выкармливали, а надъ нимъ чернѣется слуховое окно подволоки, у котораго ты начитался всякихъ романовъ, путешествій и, смотря изъ него на сосѣдній огородъ съ капустой, картофелемъ, и на оврагъ, полузаваленный навозомъ, старался облетѣть мѣръ своими мечтами... Что? Дурно тебѣ, милый человѣкъ?... Разстегни свой мундиръ, сними галстухъ и выйдемъ на свѣжій воздухъ... Помнишь-ли ты этотъ колодезь и происходившую съ нимъ твою ребяческую, геройскую исторію? Хороша была эта маленькая исторія. Помнишь, ты читалъ какъ-то лѣтомъ въ саду чужую книгу, стало тебѣ жарко и отправился ты сюда напиться воды: вытащилъ ты своими дѣтскими, сильными ручонками бадью, поставилъ ее на срубъ, затѣмъ угораздился поскользнуться, и несчастная чужая книга, бывшая съ тобой, полетѣла въ колодезь, благополучно пролетѣла семисаженную глубину и затѣмъ звонко шлепнулась на дно колодца въ воду. Сильно забилося въ это время твое маленькое сердечко и невольно поднялись судорожно-сворчившіяся ручонки къ (поблѣднѣвшему) лицу. Помнишь-ли ты, какую удраля ты затѣмъ штуку? Смѣшно тебѣ стало вспомнить ее? Да, милый человѣкъ, другое было тогда время и не до смѣху было тебѣ тогда... Позвалъ ты кучерского смѣшину, самъ взлѣзъ въ бадью, велѣлъ спускать и, не помня себя, отправился въ холодную пропасть между выступами обледѣлаго сруба, въ погоню за чужой книгой... Поймалъ ты ее въ водѣ, крикнулъ не своимъ голосомъ и благополучно отправился назадъ, на свѣтъ божій, машинально отталкиваясь отъ льдистыхъ выступовъ. Жалко было взглянуть на тебя въ первый

моментъ твоего вступленія на твердую землю. Съ мокрой книгой въ рукахъ, съ мокрыми штанишками, съ разтрепанными волосами и поблѣднѣвшимъ лицомъ, представлялъ ты, конечно, очень жалкую фигуру; но сейчасъ же, преисполненный сознаниемъ своего геройскаго подвига, ты бодро полѣлъ на юршу, гдѣ и разложилъ на солнечномъ припекѣ спасенное твоимъ мужествомъ добро... Славное то было время, дружище Голова, время, когда не налегала еще на тебя ни одна грязная рука опытныхъ, искупавшихся въ житейскихъ болотахъ руководителей; славный ты былъ тогда ребенокъ: въ тебѣ ярко проглядывали всѣ свѣтлыя стороны прекрасной по своей натурѣ человѣческой личности. Помнишь-ли ты, бѣдный, изувѣченный Голова, то время, когда неотразимо тянуло тебя въ таинственный лѣсъ, въ широкую равнину, изрѣзанную холмами, на берегъ рѣки, освѣщенной солнцемъ; когда въ тебѣ точно плакало что-то при чтеніи описаній далекихъ тропическихъ странъ, и порывался ты къ ихъ чудеснымъ лѣсамъ и равнинамъ? Помнишь-ли ты, какъ весной, на сорванной съ петель двери плавалъ ты по наполненному снѣговой водой оврагу? Помнишь-ли, наконецъ, какъ человѣчно, добро и неумно было твое сердце и какъ часто, при видѣ человѣческаго горя и несчастія, глаза твои наполнялись слезами? Гдѣ все это? Куда дѣвалась эта свѣтлая, человѣческая природа, эта вѣчная пылкость и энергія ума? По задаткамъ твоихъ дѣтскихъ лѣтъ можно было предвидѣть въ тебѣ будущаго путешественника-натуралиста, публициста, практическаго бойца за права человѣческія и во всякомъ случаѣ *человѣка*: гдѣ-жъ эти задатки теперь? О, милѣйшій дружище, если бы не закружилась твоя голова отъ вѣчныхъ попоекъ, еслибъ могъ ты взглянуть на свое прошлое непомутившимися глазами, то ты вспыхнулъ бы глубокой, непримиримой ненавистью къ пройденной тобой юколѣ, и если бы не спасся самъ ты, то спаслся бы дѣти твои. Что? Опохмѣлиться захотѣлось? Понятно...

III.

ПРОГРАММА КЪ ДОСТИЖЕНІЮ ПОГРЕМУШЕКЪ.

Теперь, дружище, перейдемъ ко второму періоду твоей жизни, переходъ къ которому выразился въ твоей жизни тѣмъ,

что купили для тебя у старика маляра образокъ, подарили кошелекъ съ двумя серебряными рублями, объявили, что пора тебѣ готовить свою будущность, и затѣмъ повели въ приличное для этой дѣятельности помѣщеніе. Помнишь-ли ты большой жижный городъ съ голубымъ небомъ, тополями, вишнями и статуей великаго человѣка, смотрящей на комиссаріатскую комиссію и показывающей на острогъ? Вспоминаешь-ли ты иногда находящееся въ этомъ городѣ громадное, съ десяти-саженными стѣнами зданіе, въ которомъ прошло восемь годовъ твоей жизни? Всѣ эти восемь лѣтъ имѣли тотъ результатъ, что ты на остальные годы жизни обратился въ такого безпомощнаго и бесполезнаго джентльмена. Да, милый человѣкъ, для твоихъ задатковъ, силъ и способностей это была позволенная ловушка, приманкой въ которой служило приготовленіе для тебя блестящей будто бы будущности, съ вѣрными на всю жизнь кускомъ хлѣба и съ кое-какими блестящими погремушками. Насчетъ послѣдняго пункта нужно впрочемъ сказать по правдѣ, что если бы тебѣ тогда же подарили картонный киверъ, деревянную, позолоченную саблю и картонную лошадку, то ты съ большою радостью и благодарностью принялъ бы этотъ подарокъ, могущій на нѣсколько дней наполнить новыи чувствами твою маленькую жизнь; но еслибы представилъ тебѣ всю программу изтяганій и ломки, которую предстояло тебѣ пройти для достиженія подобныхъ блестящихъ погремушекъ, то навѣрно и неминуемо ты вамахалъ бы своими маленькими ручонками, широко и въ ужасѣ раскрылъ бы глаза и зацѣлся самымъ отчаяннымъ воплемъ; ты бессознательно смегнулъ бы, что этой программой намѣреваются превратить тебя въ машину и замѣнить твою выпучую, полную смысла жизнь — другою, бессмысленною жизнью. Поэтому все, чѣмъ недоволенъ ты теперь, ты смѣло можешь отнести къ чести тѣхъ милыхъ лицъ, которыя заботились о составленіи твоей будущности. Но ихъ-то заботливости ты и началъ свое воспитаніе, началъ его вмѣстѣ съ пріятелемъ твоимъ Шемягинымъ, этимъ бѣднымъ дитятей русской природы, которому міръ казался хорошимъ вѣроятно тогда только, когда онъ лежалъ еще въ колыбели, сосалъ кулачонокъ, сохлѣлъ, а солнце играло на полу и на стѣнахъ, жуужали и бились мухи, деревья качались въ окна, и пригрѣвало его, обвѣвало вѣтромъ и обдавало ароматомъ

цѣтовѣ. А затѣмъ, какъ вылѣзъ онъ изъ вышки, поднялся на ноги и сталъ таскаться по двору, выкапывать разные черепки, щепочки, бумажки и доскутья, такъ и преобразовалась жизнь его въ какую-то каторгу съ вѣчными щипками, колотушками, затрещинами, съ рыданьями за каждой воркой хлѣба, съ выдергиваніемъ волосъ и съ мучительнымъ дѣтскимъ стономъ за каждую прорѣху на платьѣ, вслѣдствіе чего голова его скоро превратилась въ затоптанную, изтрепанную рогожу, врядъ-ли способную къ умственнымъ упражненіямъ. Послѣ этого-то превращенія, во время котораго онъ втеченіи девяти лѣтъ втягивался въ побѣгушки за водой, за водкой и за булками, въ игру въ бабки, свывался съ побоями и т. д., — послѣ всего этого-то сообразили, что пора его посадить за науку.

— Жреть, какъ собака, замѣтилъ про тебя родитель. — Учи его, мать; да на будущій годъ въ школу его, дьявола. Черезъ годъ и выучили; а какъ это произошло, чего, при упомянутыхъ обстоятельствахъ, стоило, — рассказывать не буду, потому что и самъ жалкій Шемягинъ, повѣствуя о бѣдствіяхъ своей жизни, этого не рассказывалъ мнѣ, и при упоминаніи объ этомъ періодѣ и о родителяхъ, на его доведенномъ до идиотизма лицѣ скорчилось такое плачевное, укоряющее выраженіе, что мнѣ представляются слишкомъ уродливыя сцены... Происходило, я полагаю, нѣчто въ родѣ современнаго обученія собакъ различнымъ фокусамъ, сопровождаемаго свистомъ арапника съ одной стороны, и визгомъ съ другой.

Эти же отношенія повторились и въ стѣнахъ заупоренной школы. Арапникъ дѣйствовалъ неустанно.

— Шемягинъ! визжитъ напримѣръ плюгавый капитанъ Чинскій, на сонъ грядущій.

Шемягинъ выходитъ изъ шеренги мальчиковъ.

— Сегодня воскресенье? а? воскресенье?

— Воскресенье, чуть слышно отвѣчаетъ дитя природы.

— Ты въ отпускъ былъ отпущенъ, щенокъ?

Шемягинъ молчитъ.

— Ты въ отпускъ былъ, щенокъ, въ отпускъ у харчевника, у мужика, который постоянный дворъ держитъ? Ты кто такой?.. Ты съ мужикомъ лошадей ходилъ поить на рѣку? Ты кто та-

вой? Ты можешь носить это платье, мужланъ, и шляться съ ивнощиками на водопой? а?

Наглое презрѣніе слышится въ голосѣ плюгаваго аристократа, въ рядахъ товарищей слышно хихиканье, и хуже арапника хлещетъ все это бѣднаго Шемягина. Кипить въ немъ и злоба, и глупый стыдъ, и всякая ваторга, стискивающая грудь ребенка и выжимающая слезы.

— Подбери свои губы, уродъ... Тоже плачетъ, черномазая швабра!.. Смотри, рожу размоешь—грязи не оберешься.

Хихиканье въ рядахъ усиливается.

— Куда лапы, мужланъ? Смирно стоять! Прочь лапы.

Шемягинъ опускаетъ руки, и слезы беспрепятственно текутъ изъ глазъ по чернымъ щекамъ.

— Отецъ твой былъ прежде солдатомъ, лошадей чистилъ, такъ и ты, вѣрно, хочешь начинать не съ училища, а съ конюшни—навозъ загрывать? визгливо продолжаетъ Чкинскій.

Въ рядахъ прорывается громовый хохотъ и заглушаетъ всхлипыванья черномазаго дитяти природы.

Плюгавая личность злобно взглядываетъ на Шемягина, загребаетъ щепоть табаку, отвертывается въ уголь, вбираетъ носомъ табакъ и опять съ искоса впивается глазами въ всхлипающаго ребенка.

— Попель!

Шемягинъ точно сваливается съ мѣста и плетется прочь...

— Стой, поди сюда, кричить Чкинскій, вспомнивъ что-то.

Шемягинъ возвращается.

— Покажи-ко лапы...

По узаконенному для осмотра порядку, дрожащія руви поднимаются.

— Какой навозъ ты волупалъ ими? бѣшено спрашиваетъ на всю залу Чкинскій.

— Это руки, это руки! злобно повторяетъ онъ, отходя шага два назадъ; потомъ опять подступаетъ къ испуганному ребенку и... плюетъ на его растопыренные пальцы (*).

Отъ потрясающаго хохота товарищей вздрагиваютъ окна. А ватѣмъ оплеванный ребенокъ стыдится уже глаза поднять, говорить не своимъ голосомъ, начинаетъ заискивать, жметса, и день за

(*) Картинки съ натуры.

днемъ окончательно оподливается. Такъ-то и переливается воспитателями ихъ собственная нечисть въ воспитанниковъ и питомцевъ; такъ-то и воспитывается подлое презрѣніе ко всему, что «жалко, голодно и бѣдно, что ходить голову склоня», ко всему, что не облекается въ элегантныя платья и т. д. Это-то обученіе, дружище Голова, и зрѣлище подобныхъ сценъ, не только не встрѣчавшихъ отпора, но даже подхватываемыхъ всеобщимъ хохотомъ, если и не забило тебя, не обратило, какъ Шемягина, въ плевальницу, то не перенесло-ли тебя тихимъ и незамѣтнымъ манеромъ на сторону тѣхъ изящныхъ личностей, которыхъ деликатныя чувства могутъ глубоко возмущаться прикосновеніемъ челоуѣка, облаченного въ потертое платье?...

IV.

Въ классъ.

Теперь обратимся, дружище, въ свѣту, которымъ озаряла наши умы школьная наука. Ты, Голова, былъ умнѣ Шемягина. Это дитя природы перваго же урока не понялъ, что и простиительно было его избитой головѣ; втораго тоже не понялъ, а слѣдующихъ затѣмъ, натурально, и нельзя стало понимать. Попробовалъ было взять долбяжкой, да и на этомъ не вывезло, потому что при слабой памяти, отбитой колотушками, у него выходила такая страшная смѣсь заключавшихся въ учебникѣ словъ, что ужасъ бралъ за разсудокъ. Подобная умственная пытка, разнообразимая порками и голоданьями, могла бы окончиться съумасшествіемъ, если бы Шемягинъ, немного оглядѣвшись, не сообразилъ, что если «учи не учи—все-таки выдеруть», то ужъ гораздо удобнѣ обратиться къ занятіямъ болѣе интереснымъ, чѣмъ зубреніе учебниковъ; тѣмъ болѣе, что подъ-бокомъ же нѣкоторые патріархи, неосилившіе этой бездны премудрости и въ два года, превесело играютъ подъ столомъ въ картишки. А ты, Голова, дѣла другое... Видѣлъ я какъ-то, выѣзжая со станціи, молодую, горячую лошадь, которая съ перваго же шага съ полною добросовѣстностью, энергіей и изъ силъ выбиваясь, исполняла свою работу въ оглобляхъ

повозки. Весело было сначала смотрѣть на ея ревностиныя уси-
ля, но, «не соразмѣривъ силъ съ дорогой трудной», горячій
бонь остановился на половинѣ дороги, повѣсилъ голову и при
этомъ тяжко рушились на его усталое тѣло безчисленные по-
боя... Ты, Голова, съ перваго же дня съ полною добросо-
вѣстностью принялся за изученіе безчисленныхъ именъ и
цифръ, предлагавшихся въ умственную пищу, и дѣло пошло
бы очень хорошо, еслибъ эта пища предлагалась въ каче-
ствѣ и количествѣ удобномъ для дѣтскаго организма; но въ
настоящемъ случаѣ въ результатѣ вышло только истощеніе тво-
ихъ еще недоразвившихся силъ. Помнишь-ли ты тяжелую
сцену, происшедшую послѣ твоего возвращенія изъ лазарета,
гдѣ тебѣ волей-неволей пришлось отдохнуть? Помнишь-ли
ты удары, которые посыпались на тебя въ это время? Да, это
былъ грустный вечеръ для таковаго ребенка, какъ ты. Шемя-
гинъ однимъ глазомъ смотрѣлъ на учителя, а другимъ на со-
сѣдей, которые, прикрываясь столомъ, играли въ картишки;
одни питомцы дремали, другіе вовыряли отъ скуки въ носу;
жирный и самолюбивый учитель, рассказывая нѣчто о Маго-
метѣ, ѣздилъ по картѣ, отыскивая Мекку и Медину или Ят-
ребъ, а ты, исхудавшій и поблѣднѣвшій, прислушивался къ
пѣнію птицъ въ полисадникѣ, къ шелесту листьевъ, и тоска
тебя брала по волѣ и по вольной жизни.

— Шемягинъ! Вы куда смотрите? чѣмъ интересуетесь?
прерываетъ твои мечты вопросъ учителя.

Дитя природы, сильно заинтересовавшееся игрою сосѣдей,
порывисто переноситъ свои испуганные взоры на учителя.

— Повторите, Шемягинъ, что я сейчасъ рассказывалъ,
апатично спрашиваетъ учитель.

Шемягинъ поднимается и напряженно прислушивается къ
шопоту сосѣдей.

— Вы гозорили, что Магометъ...

— Магометъ, подтверждаетъ учитель, кивнувъ головой.

— Магометъ сѣлъ верхомъ на ястреба и поѣхалъ въ пе-
щеру Рамаданъ близъ Мекки.

Переднія скамьи разражаются хохотомъ; на заднихъ под-
нимается говоръ: «что сказалъ? что сдѣлалъ? Молодецъ Шва-
бра. Да, чортъ тебя побери, можетъ, Магометъ и въ самомъ
дѣлѣ ѣздилъ на ястребѣ!» А учитель медленно взшелъ на

кафедру, понюхалъ табакъ, приложилъ палецъ къ ноздрѣ, другимъ погрозилъ Шемягину, сморкнулся и уставился на питомцевъ.

— Весь классъ встать, заговорилъ онъ сдержанно.

Водарилась тишина.

— Весь классъ стоять, повторяетъ онъ, и его самолюбивая харя блѣднѣетъ отъ злости при соображеніи, что всѣ насмѣшки рябятишекъ направлены на его собственную персону.

— Шемягинъ, пошелъ въ инспектору и повтори то, что сказалъ мнѣ. Онъ переговорить съ тобой... Картузовъ, рассказывайте урокъ...

Ты, дружище, встань.

— Я былъ въ лазаретѣ, говоришь ты.

— Вы были больны? переспрашиваетъ учитель.

— Былъ болѣнь...

— А на моей послѣдней лекціи вы присутствовали? ядовито спрашиваетъ наставникъ.

— Былъ...

— Такъ не угодно-ли вамъ рассказывать урокъ...

Напрасно напрягается твоя память и напрасно стараешься ты припомнить хоть что нибудь изъ груди именъ и цифръ, слышанныхъ тобой на прошлой лекціи.

— Ты говоришь, что ты былъ болѣнь, сдержанно заговорилъ учитель.—А я тебѣ скажу вотъ что: ты второй ученикъ въ классѣ и сообразилъ, что если я спросилъ тебя въ прошлый разъ, то теперь не спрошу. По моему убѣжденію, ты лгунишка и ничего больше. Поди же, милый другъ, за Шемягинымъ и передай мои слова инспектору, а потомъ я справлюсь у него и переговорю насчетъ тебя... Пошелъ..

А вечеромъ ты, дружище Голова, встрѣтился съ Шемягинымъ...

— Что, братъ? спросилъ ты.

— Выпороли... А тебѣ что?...

— Въ воскресенье въ карцеръ...

Шемягинъ подтянулъ животъ, свистнулъ и засмѣялся...

— Принялись и за твое брюхо, сказалъ онъ съ добродушнѣйшимъ и глупѣйшимъ хохотомъ... Пойдемъ-ко съ нами въ карточки... Веселѣй, шапочка...

Чтожь, милый человекъ, ты и попробовалъ въ карточки, и точно, веселѣе вышло...

V.

ПОРЫВЫ КЪ ЛУЧШЕМУ.

Да, дружище, принялись наконецъ и за тебя. Въ ближайшее воскресенье, когда на дворѣ шелъ дождь и уныло журчалъ, стекая съ крышъ и со стѣнъ, лежалъ ты въ карцерѣ на непокрытой ничѣмъ деревянной скамейкѣ и, подложивъ подъ голову шинель, заложивъ за затылокъ руки, полудремалъ. Недавно перенесшій болѣзнь, незаслуженно выруганный и брошенный, несмотря на болѣзненную слабость, въ душную комнату, голодный и одинокій ребенокъ, представлялъ ты жалкую фигуру. Бралъ тебя ознобъ, по слабости твоей клонило тебя ко сну, а совершенно заснуть мѣшали тревожныя, грустныя и злобныя мысли, воплощавшіяся въ уродливыя образы суровыхъ педагоговъ, которые и пугали тебя, и притягивали къ себѣ. Хотѣлось бы тебѣ отъ всего сердца выплакать передъ ними свои ребяческія страданія, хотѣлось бы закричать съ горькими слезами: «я болѣнъ, голова у меня болитъ, холодно мнѣ,—выпустите меня, потому что я не заслужилъ такого наказанія»; и въ тоже время желалъ ты незамѣтно подкрасться къ нимъ, схватить камень и влѣпить его въ ихъ безучастныя лица. Въ этотъ-то день, дружище Голова, я полагаю, и залегло въ тебѣ первое зерно недоувѣрія и даже ненависти къ твоимъ руководителямъ и ко всему, что ими проповѣдывалось...

— Хлѣба—обѣдать! прерываетъ твои грезы какой-то деревянный, механическій голосъ. Ты вздрагиваешь.

— Хлѣба—обѣдать! повторяетъ тотъ же казенный голосъ, не усиливая тона.

Ты садишься и бессознательно смотришь на стараго, чорнаго и безъ кровинки въ лицѣ солдата, напоминающаго тебѣ стоящій въ классѣ скелеть, если только его плотно обтянуть солдатской сапожной кожей.

— Хлѣба—обѣдать...

— Не хочю...

Солдатъ кладетъ хлѣбъ, захватываетъ графинъ, повертывается и, понуривъ голову, быстро уходитъ, щелкнувъ за собой замкомъ. Ты опять ложишься, опять начинаетъ одолевать тебя дремота.

— Воды принесть, снова раздается крикъ солдата.

Ты открываешь глаза.

— Воды принесть, повторяетъ старикъ, вскинувъ глаза направо.

— Ладно...

— Не надо-ли на дворъ?

— Нѣтъ...

Замокъ щелкаетъ, и по каменному полу коридора раздаются мѣрные, удаляющіеся шаги...

Съ лихорадочною жаждой пьешь ты принесенную воду, взглядываешь, черезъ отворенныя ворота двора, на играющихъ въ саду въ лапту товарищей, и только грусть нагоняетъ на тебя просвѣтлѣвшее теперь голубое небо, влажныя, свѣжія деревья, пѣніе птицъ и смѣхъ играющихъ ребятишекъ. Да, дружнице, грустно. Грустно, когда уже въ ребячествѣ отнимаютъ у тебя и вольный воздухъ, и свѣтъ, и движеніе, отнимаютъ все, что есть хорошаго въ прекрасномъ, обширномъ мірѣ. Безсознательно чувствовалось тебѣ, что въ жизни много хорошаго и что все это у тебя отнято и отнимается. Уже отнято оно, дружнице Голова, и врядъ-ли вѣришь ты теперь, что въ жизни есть хоть что нибудь хорошее, хотя хорошаго и много есть.

Опять овладѣваетъ сонъ. Спи, дружнице, и пускай хоть во снѣ видятся тебѣ всякіе виданные и невиданные лѣса, рѣки, горы и деревни съ почернѣвшими пзбенками, жатвами, конскими табунами и овцами; пускай хоть во снѣ поддерживается въ тебѣ любовь и стремленіе ко всему живому и живущему!..

Проснешься ты—и кругомъ опять тоже изнуряющая и опопляющая человѣка мертвечина. Увидишь ты жалкій ночникъ на стѣнѣ, почувешь сырость и вонь, увидишь старика, шьющаго за пергородкой сапоги, и надъ всѣмъ этимъ, какъ будто ради контраста, видно изъ окна звѣздное небо, серебристые тополи, и доходить до тебя черезъ форточку струя теплаго, ароматическаго воздуха.

Поздно вечеромъ проснулся ты—и опять тѣ же картины.

— Хлѣбъ—ужинъ давно принеси, уведомиль старикъ, взглянувъ въ окошечко перегородки, за которой онъ шилъ сапоги.

— Не хочу.

— Не надо ли на дворъ?

— Нѣтъ...

Старикъ прячетъ голову.

Члены болятъ, голова болитъ, ознобъ тебя беретъ, и тяжело, точно со стономъ какимъ-то вздыхаешь.

Но и сонъ твой тяжелъ. Снятся тебѣ лѣса, рѣчки и горы, снятся привольныя мѣста. И пускай снятся, пускай хоть во снѣ вѣетъ на тебя воздухомъ живой жизни и поддерживаетъ въ твоей памяти мысль о существованіи жизни другой, непохожей на настоящую...

Да, мой милый, погубленный другъ, много было въ тебѣ хорошихъ задатковъ, свѣтлыхъ силъ, честныхъ стремленій, и не даромъ ты постоянно отгораживалъ свою жизнь разными мечтами отъ жизни и участія твоихъ наставниковъ, потому что по ихъ-то милости, я полагаю, отъ задатковъ этого свѣтлаго будущаго и слѣда теперь не осталось; по ихъ-то милости ты сталъ такимъ истощеннымъ и бессильнымъ джентльментомъ. И не въ одномъ тебѣ таились зачатки свѣтлыхъ силъ. Припомни ты своихъ задушевныхъ друзей и пріятелей: охотника Грѣшкова и неутомимаго натуралиста, истребителя бабочекъ, жуковъ и стрекозъ,—Стешкова; припомни ихъ рѣчи, мечтанія, подвиги, и ты въ состояніи будешь сообразить, что такія же силы и стремленія таились и въ нихъ. Да, всѣ вы сильно стремились изъ школьной ограды къ прекрасному міру, страстно о немъ мечтали и нерѣдко пытались приводить свои мечты въ исполненіе. Помнишь-ли ты, напримѣръ, лѣтнюю исторію о поискахъ за птичьими гнѣздами?... Я приведу ее здѣсь, потому что въ ней ярко изображается ваше стремленіе къ жизни, еще ярче обрисовываются тѣ цѣпи, которыми васъ спутывали, и не менѣе ярко сказывается дѣйствіе, которое производило на васъ это спутываніе.

Было это лѣтомъ, когда швола выселилась за городъ. Было раннимъ утромъ, когда еще только-что начинало восходить

солнце, когда надъ рѣвой клубился непроницаемый для глазъ туманъ; галки съ крикомъ летали изъ гнѣздъ на поля и огороды, а на поляхъ стояла и блестяла влажная отъ росы трава.

— Головушка! тихо произнесъ Грѣшковъ, останавливаясь надъ твоей кроватью и сжимая тебѣ плечо...

— Пора? весело спросилъ ты, одѣваясь.

— Пора, отвѣтилъ подошедшій натуралистъ Стешковъ и въ ту же минуту сильно выругался, споткнувшись своей неуклюжей ногой за кровать.

— Тише!

— Дрыхнуть, не замѣтять... лаконически отвѣтилъ натуралистъ.

— Ну, идемъ.

Ну, и пошли... И обдало васъ скоро свѣжестью, волей и жизнью лѣса. Хрустятъ вѣтви и брызжутъ съ высоты дождемъ, кричатъ ястреба, стречочутъ сороки, поютъ другія пернатые, и свѣжестью охватываетъ ваше тѣло, быстрѣе летитъ кровь, и быстрѣе перепрыгиваете вы черезъ сломанные деревья и ямы, наполненные стоячей водой.

— Стой, — нора!

— Гдѣ?

— Вотъ.

— Чья?

И всѣ трое, молча, останавливаетесь вы передъ вырытой чьи-то лапами норой.

— Чья? повторяешь ты тихо.

— Лисья, нерѣшительно замѣчаетъ натуралистъ, искоса поглядывая на товарищей.

— А развѣ здѣсь есть лисицы?

— А чортъ ихъ знаетъ!

— Гмъ.

— Волчья пожалуй? замѣчаешь ты сдержанно.

— А ну ее въ лѣшему!

Дальше. А дальше конецъ лѣсу и разстилается рѣка. Волнами клубится надъ ней туманъ, плещутъ на берегъ волны и, порой, какъ стая испуганныхъ воробьевъ, выскакиваютъ на поверхность воды десятки рыбы-мелюзги, спасающейся отъ щуки

или сома. За рѣкой надъ туманомъ возвышаются неровные сваты и вершины противоположнаго берега и, какъ густымъ синимъ ковромъ, покрыты они лѣсомъ; среди сватовъ, обрывовъ и лѣса, какъ въ ворота, вливаются рукава и притоки широкой рѣки, и чудесно блеститъ сквозь туманъ вся эта громадная масса воды съ камышами, островами, заливами, лѣсомъ и со-сѣдними залпными озерами. Какъ-то мощно и сильно дышется передъ этой картиной; даетъ она такую энергію, что, кажется, нѣтъ силы, которая сломила бы ее.

— Кабы да воля!... эхъ! говорить старѣйшій изъ васъ, ребятишекъ, натуралистъ Степковъ, почесывая затылокъ.

— Что-жь — кабы да воля? спрашиваешь ты жадно.

— Въ лодку бы, да и гайда на все лѣто... Такую бы тутъ коллекцію можно было составить, такую-бы, что на поди!... житье было бы.

— Житье бы, отвѣчалъ ты грустно:— лѣса-то какіе, птицъ-то должно быть сколько. Чучель бы я сколько надѣлалъ... Ты, Степковъ, умѣешь чучель набивать?

— Не по моей части, чучелы.

— Такъ я чучелы дѣлалъ бы, а ты насѣкомыхъ ловилъ.

— А я, вмѣшался охотникъ Грѣшковъ, я набивалъ бы на бѣду дичи, рыбу ловилъ бы.

— Важно! замѣтилъ натуралистъ, встряхнулъ волосами и пошелъ дальше.

Долго шли молча.

— Куда жъ? спросилъ натуралистъ.

— Дальше.

Опять молчаніе.

— Вотъ оно! закричалъ ты наконецъ.

— Что?

— Мѣсто-то какое...

Натуралистъ остановился и присмотрѣлся.

— Знатное мѣсто, сказалъ онъ. Съ одной стороны—рѣка, съ другой—озеро, съ остальныхъ—болото... Птица должна здѣсь гнѣздиться, ибо, въ противномъ случаѣ, она будетъ дура. Какого еще рожна ей безопаснѣе?

— Гнѣздъ-то! крикнулъ охотникъ:—разъ, два, три, цѣлыхъ

пять вижу. Будутъ и птицы, будутъ и чучелы.—Дерзай, братъ Головушка, полѣзай первый.

— Стой, идутъ... тихо всеривнулъ охотникъ, схвативъ его за руку.

— Гдѣ?

— Вонъ...

— Ну, братцы, утекай!...

— Куда?...

— Ахъ дьявольщина!

Съ одной стороны было топкое болото, съ другой озеро, съ третьей рѣка, съ четвертой шла погоня.

— Картузовъ! Стешковъ! кричалъ издали визгливый голосъ.

Неузнанный еще охотникъ Грѣшковъ закрылъ платкомъ лицо и отчаянными прыжками съ кочки на кочку бросился черезъ болото.

— Стой! кричалъ наставникъ.

Грѣшковъ на секунду остановился, сжался всѣми членами, сдѣлалъ послѣдній, невѣроятный прыжокъ черезъ трясину и во всю мочь побѣжалъ по полю.

— Держите, ловите! кричалъ наставникъ сторожамъ.

Но Грѣшкова рѣдко кто могъ словить.

— Кто былъ съ вами? спросилъ васъ Чинскій, задыхался отъ злости.

Мертвое молчаніе.

— Говорите-же...

Молчаніе...

— Не скажете? спросилъ наставникъ съ пѣной на губахъ. Ладно же... Посмотримъ...

VII.

НОВЫЯ ПОМЫШЛЕНІЯ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, казенная кляча, помахивая хвостомъ, тащила телѣгу, въ которой солдатъ везъ тебя, дружище, и дремавшего натуралиста Стешкова.

— Что-то будет? спросилъ ты уныло.

— Только, братъ, и будетъ, что запрутъ въ карцеръ, много-много, что выдерутъ, равнодушно отвѣтилъ Стешковъ. Да врядъ-ли и выдерутъ, потому что мы въ первый разъ попались въ этомъ дѣлѣ... Грѣшно.

Наступило молчаніе.

— Пристануть пожалуй съ допросомъ—кто былъ съ нами третій...

Натуралистъ выразительно указалъ на спину прислушивавшагося солдата.

— Это само по себѣ разумѣется, сказалъ онъ шопотомъ. Да насчетъ признанія-то дудки, выдавать товарища не приходится.

— Выдерутъ пожалуй...

— И пускай выдерутъ...

Поздно вечеромъ вѣхалъ вашъ поѣздъ въ городъ и направился въ угрюмому, громадному зданію опустѣвшей на лѣто пещеры. Загремѣли и защелкали ключи въ замкахъ, замыкавшихъ безмолвные коридоры и комнаты; сырѣемъ повѣяло изъ многихъ угловъ, и наконецъ распахнулся передъ тобой уже знакомый карцеръ, распахнулся и опять захлопнулся, при чемъ повернулся ключъ въ замкѣ и наступила мертвая тишина.

Прошелъ день, другой, третій, пятнадцатый — безмолвные, скучные дни, разнообразимые только появленіемъ завтрака, обѣда и ужина, да раздававшимся иногда меланхолическимъ пѣньемъ натуралиста Стешкова, пріютившагося въ такомъ же карцерѣ на противоположномъ концѣ громаднаго зданія. День шель за днемъ, и эти дни одуряющей скуки и расслабленія отъ недостатка движенія и безповойнаго сна на голыхъ доскахъ, въ душной комнатѣ, нагнали на тебя страшное уныніе. То лежалъ ты неподвижно, въ полусонномъ состояніи, на кровати или на окнѣ, то вспыхивала въ тебѣ отчаянная жажда жизни, свѣта, движенія и воздуха, и ради этихъ благъ ты отрешался отъ всего своего, широкого и прекраснаго, мечтательнаго міра.

— Буду учиться, клялся ты мысленно; буду кротокъ, послушенъ, услужливъ, не стану знаться съ Грѣшковымъ и Стеш-

вовымъ, постараюсь обучиться хорошимъ манерамъ и заслужу такимъ образомъ расположеніе Чвинскаго.

Да, дружище, глубоко падалъ ты нравственно и мельчалъ мыслями въ этомъ проклятомъ подпольѣ. Въмѣсто мечтаній и мыслей являлись гаденькія поползновенія и мизерныя мыслишки; сильнѣе и сильнѣе уродовались, извращались всѣ свѣтлые, человѣческіе задатки, таившіеся въ тебѣ съ дѣтства, и постепенно являлось въ твоёмъ характерѣ нѣчто трусливое, ползающее и дрожащее отъ своихъ собственныхъ, честныхъ мыслей... О, старый пріятель, еслибъ не совсѣмъ еще заглохли въ тебѣ эти человѣческіе задатки, то, полагаю, страшное, мстительное чувство выпнуло бы въ тебѣ при воспоминаніи объ этихъ педагогическихъ упражненіяхъ надъ твоимъ тѣломъ и духомъ.

Во время одного изъ такихъ грустныхъ раскаяній щелкнулъ замокъ, отворилась дверь и явился блѣдный Чвинскій въ сопровожденіи не менѣе блѣднаго натуралиста Стешкова и солдата.

Не обращая вниманія на твой поклонъ, понутивъ голову и заложивъ руки за спину, Чвинскій быстро прошелся раза два по комнатѣ. Стешковъ стоялъ въ дверяхъ и ободрительно вивалъ тебѣ головой. Наконецъ Чвинскій остановился передъ тобой.

— Кто былъ тогда съ вами еще? рѣзко спросилъ онъ.

Ты молча опустилъ голову.

— Кто былъ тогда, вромѣ тебя и Стешкова? повторилъ онъ.

Ты молчалъ.

— Говори же... Все равно ужь, потому что Стешковъ мнѣ выдалъ... Слышно было, какъ натуралистъ скрипнулъ зубами...

— Никого я не выдавалъ вамъ, сказалъ онъ громко. Чвинскій обернулся и отступилъ шага на два. У него задрожали и побѣлѣли губы.

— Розогъ! крикнулъ онъ обрывающимся голосомъ. Солдаты бросились вонъ, по коридору раздалась суетня, а ты, милый человѣкъ, взглянулъ на блѣдное, рѣшительное, съ широко раскрытыми горящими глазами, лицо натуралиста и грохнулся на полъ.

VIII.

НѢЧТО ОВЪ УНИЖЕНІИ.

Теперь, дружище, перенесемъ года на два, на три впередъ отъ только-что описанной сцены, и припомнимъ одинъ изъ множества проведенныхъ тобой въ школѣ длинныхъ, зимнихъ вечеровъ школьныхъ.

Ужинъ кончился. Одни легли спать, другіе бродятъ по коридорамъ, третьи подвизаются въ дальнихъ углахъ на карточномъ поприщѣ, а ты, не раздѣваясь, легъ на постель и отдался мечтамъ, часто посѣщавшимъ тебя въ послѣднее время.

Невесела была картина, окружавшая тебя. Говорили и дышали вокругъ тебя молодя личности, въ которыхъ замѣтно уже прокрадывалось расслабленіе и дряблость вслѣдствіе разныхъ стѣсненій,—личности невольно бросавшіяся на всякія неразумныя прелести, инстинктивно отыскивая выходъ своимъ сдавленнымъ со всѣхъ сторонъ потребностямъ. Невесело было окружавшее тебя, но не о немъ ты думалъ. Мечтались тебѣ лѣтнія ночи, дальняя родина, любовь и ласки близкихъ тебѣ людей и т. п. Хотѣлось бы мнѣ сказать тебѣ, что не мечтай ты о роскошныхъ блюдахъ, когда у тебя не имѣется куска хлѣба, не мечтай ты о радостяхъ жизни, когда тебѣ надѣваютъ петлю на шею; хотѣлось бы мнѣ сказать тебѣ это, но знаю я также, что ни близость смерти, ни голодъ и никакія лишенія не убьютъ ни въ комъ потребность и жажду жизни.

Вдругъ въ рекреационной залѣ послышался знакомый, визгливый крикъ. Тамъ разыгрывалась сцена такого рода. Дитя природы Шемягинъ и Чинскій стояли другъ противъ друга.

- Давай варты, кричалъ наставникъ.
- Я не игралъ, отвѣчалъ воспитанникъ...
- Ты игралъ...
- Нѣтъ...

— Говорятъ тебѣ—отдавай карты...

— Да нѣтъ же ихъ у меня, сказалъ выведенный наконецъ изъ терпѣнья Шемягинъ, у котораго дѣйствительно не было картъ.—Что вы пристааете ко мнѣ?...

— Что? завизжалъ Чкинскій...

— Что вы ко мнѣ пристааете?... у меня...

Но дитятѣ природы не суждено было окончить своего оправданья, потому что на серединѣ рѣчи онъ получилъ оплеуху, а вслѣдъ за ней раздалась на всю залу и другая, по другой щекѣ...

Въ залѣ наступило мертвое молчаніе. Шемягинъ растерялся, раскрылъ ротъ и точно замеръ на одномъ мѣстѣ. Чкинскій плюнулъ и ушелъ, а вслѣдъ затѣмъ зала потряслась отъ хохота надъ нимъ и надъ жалкой фигурой Шемягина. Однимъ онъ казался просто смѣшонъ, другихъ, болѣе сохранившихъ человѣческое достоинство, разбирала злость за его сносливость въ подобныхъ вещахъ, — и со всѣхъ сторонъ посыпалась на Шемягина брань, насмѣшки и толчки.

Блѣдный, дрожащій, злой и оплеванный, ушелъ Шемягинъ въ спальную. Долго не спалъ онъ, наконецъ заснулъ на полчаса. Ночью опять проснулся, всталъ, пошелъ зачѣмъ-то въ комодъ, залѣвъ мимоходомъ въ ящикъ сосѣда товарища и попалъ тамъ на альбомъ, только-что полученный товарищемъ. Вспомнилъ Шемягинъ, какъ радовался товарищъ этому подарку, вспомнилъ также, какъ онъ сегодня смѣялся въ классѣ надъ нимъ, и это воспоминаніе озлило Шемягина. Онъ взялъ альбомъ, унесъ его съ собой и изорвалъ... Съ этихъ поръ Шемягинъ нерѣдко мстилъ за свое униженіе подобными продѣлками.

IX.

ДОСТИЖЕНІЕ ПОГРЕМУШЕБЪ.

Зимній вечеръ. Изъ разбитыхъ оконъ дуетъ вѣтеръ въ залы питомника. Въ дежурной комнатѣ дремлетъ на диванѣ дежурный, а въ сосѣдней, рекреационной залѣ кипитъ школьная жизнь

въ полномъ разгарѣ: три отдаленнѣйшія отъ дежурной комнаты стола сплошь заняты играющими въ карты; затѣмъ читается вслухъ школьный рукописный журналъ съ карриатурами; еще ближе читаются романы и повѣсти; еще ближе ведется горячая бесѣда о внѣ-школьныхъ похожденияхъ, и только на послѣднихъ столахъ человѣкъ десять изо всей залы, наполненной сотней головъ, мрачно погружены въ учебники. Звенять мѣдники, слышится брань, смѣхъ надъ удачной карриатурой, вздохи услаждающихся романами и угрюмое ворчанье или усталые вопросы труждающихся надъ школьными учебниками. А въ темномъ корридорѣ сидитъ на окнѣ, обнявъ колѣнки руками, Шемягинъ и переговаривается съ стоящимъ противъ него пріятелемъ.

— Не даетъ отыгратъ? спрашиваетъ пріятель.

— Не даетъ, отвѣчаетъ Шемягинъ.

— Что говорить?

— «Хоть меня зарѣжьте, въ землю закопайте,» напѣваетъ Шемягинъ, «а ужъ денежки подайте...»

— Къ родителямъ развѣ прибѣгнуть?

Шемягинъ фыркнулъ...

— А то книги, пожалуй, продать?..

— Какія?..

— Какія?! казенныя, чортъ!...

— У меня проданы...

— И у меня тоже...

— Плохо! жалобно протягиваетъ пріятель...

— Занять развѣ?..

— У кого?..

Молчаніе.

— Картузовъ вчера много выигралъ, нерѣшительно замѣчаетъ Шемягинъ...

— Вчера же и проигралъ. Вчера они цѣлую ночь играли...

— Цѣлую ночь? жадно спрашиваетъ Шемягинъ.

— Да. Бутылку вина распили, да чуть не попались.

— Картузову на это плевать. Весной самъ натянетъ мундиръ... Ишь рѣжется-то, замѣчаетъ Шемягинъ, заглядывая въ стеклянную дверь на дѣянія послѣднихъ столовъ.

Наступаетъ молчаніе...

— А денежки будутъ, денежки будутъ, напѣваетъ вдругъ Шемягинъ подъ завыванье на улицѣ въюги и покачивается на овнѣ, охвативъ колѣнки руками.

— Откуда?...

— А денежки будутъ, денежки будутъ, напѣваетъ Шемягинъ и отправляется справиться съ часами насчетъ ужина.

Этою ночью въ одномъ углу спальни вдругъ поднялся шумъ, крикъ и драка. Поймали ворышку. Шемягинъ своровалъ. На слѣдующей недѣлѣ разыгрался послѣдній актъ его школьной жизни и съ этихъ поръ онъ путешествуетъ въ сѣрой шинели по трактирамъ и кабачкамъ.

Ш. Холодовъ.

К Я Х Т А.

(ЗАПИСКИ МОЕГО ЗНАКОМАГО *).

I.

Съ того времени, какъ я поселился въ Кяхтѣ, прошло уже много, много лѣтъ, и многое втеченіе этого времени измѣнилось. Таможню перевели въ Иркутскъ и громадное зданіе, оживленное прежде, въ мое время, постояннымъ привозомъ русскихъ и вывозомъ китайскихъ товаровъ, теперь совершенно опустѣло.

Много видовъ видалъ на своемъ вѣку этотъ угрюмый старецъ — таможня! Сколько, бывало, наводилъ онъ страху на контрабандистовъ, пробирающихся темной ночью по глубокой «Воровской Пади», долинь, извивающейся между горъ, позади таможеннаго зданія. Сколько тутъ нажилось директоровъ, давно окончившихъ уже свое земное странствіе; сколько наконецъ перемѣнъ въ ходѣ торговли пережилъ этотъ мрачный, высокій замокъ, и остался онъ теперь одинъ, забытый, брошенный, какъ памятникъ прошлаго беззаконія, который до сихъ поръ еще рѣжетъ многимъ глаза. Теперь мимо него тянутся обозы, поскрипывая своими колесами, — и бурять, въ воронкообразной шапкѣ, спокойно смотритъ на него, припоминая съ усмѣшкой о томъ, какъ когда-то дрожалъ онъ, пробираясь съ контрабанднымъ чаемъ позади этого зданія.

*) Одинъ изъ близкихъ моихъ знакомыхъ, уѣзжая въ Америку надолго, а можетъ быть и навсегда, передалъ мнѣ свои записки о кяхтянской жизни для впечатанія въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

Исполняя желаніе моего знакомаго, я передаю пока нѣкоторую часть этихъ записокъ публикѣ въ томъ самомъ видѣ, какъ получилъ ихъ отъ автора.

Д. Стальевъ.

Съ начала основанія торговли, позволялось только промѣннвать чай на товары, по извѣстной, установленной обѣими сторонами цѣнѣ, и нарушить эти правила не смѣли ни русскіе, ни китайцы. Такое постановленіе не могло, конечно, долго удержаться въ своей силѣ, потому что запрещеніе на драгоцѣнные металлы возвысило ихъ цѣнность и развило промыслы контрабандистовъ, получавшихъ огромныя выгоды. Въ то время цѣна русскому полуимперіалу доходила до 9 рублей и, конечно, никакія строгости, никакія наказанія не могли противостоять хитрости контрабандистовъ, которые, въ надеждѣ на большой барышъ, доводили свою спеціальность до возможнаго совершенства. Экипажи дѣлались съ двумя днамп, съ потаенными ящичками въ оглобляхъ, осяхъ, колесахъ, хомутахъ, дугахъ, сѣдлахъ, и во всемъ, гдѣ-бъ только была возможность устроить помѣщеніе для золота и серебра. Бывали случаи, что контрабандисты грабили контрабандистовъ, и ограбленные не имѣли права жаловаться, такъ какъ сами могли попасть подъ судъ. Часто, напримѣръ, богатые купцы, въ ожиданіи будущей выгоды, рисковали довѣрить контрабандистамъ свое золото и потомъ уже, конечно, не могли дожидаться его.

Мѣновая торговля не могла удержаться при такомъ положеніи дѣлъ и, по просьбѣ купечества, скоро было разрѣшено ввозить при товарахъ третью часть иностранной монеты, русскаго золота въ полумперіалахъ или серебра въ издѣляхъ. Это правило тоже, конечно, нарушалось, такъ какъ многіе провозили тайно гораздо болѣе третьей части; но зато цѣнность на золото въ Кяхтѣ значительно уменьшилась.

Кромѣ ввоза помимо таможи золота и серебра существовала въ большомъ количествѣ контрабанда чаемъ, такъ какъ пошлина съ него была очень велика, а именно: съ чернаго 40 коп., съ цвѣточнаго 60.

Въ послѣднее время, передъ переводомъ таможи въ Иркутскъ, открылась полная свобода торговли всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ корня ревеня, покупаемаго отъ казны. Пошлина съ чая сбавлена и назначена съ чернаго 15, а съ цвѣточнаго 40 копѣекъ.

Но въ то же время дозволенъ ввозъ чая черезъ Европу, подкопившій кяхтинское дѣло весьма сильно. Почему купечество не могло удержать въ своихъ рукахъ чайной торговли—это увидитъ читатель изъ моихъ записокъ о кяхтинской жизни въ послѣдніе годы ея богатой торговли.

— Ну, государь мой, говоритъ высокій, крѣпкій мужичина, хо-

зянятъ гостиницы, когда я въ первый разъ прїѣхалъ въ городъ Троицко-савскъ, отстоящій на три вѣсты отъ Кяхты: — когда же вы поѣдете на плотину?

— На какую плотину? спрашивалъ я съ удивленіемъ.

— А въ Кяхту-то? Мы ее, по старой привычѣ, зовемъ плстиной, а вупцовъ—плотинскими.

— Почему же Кяхта зовется плотинной?

— А потому-съ, что, въ ірежніе годы, около самой слободы былъ устроенъ прудъ, и отъ этого-то пруда и стали звать слободу плотинной. Теперь ужъ ничего этого и слѣда не осталось, по рѣчоньѣ буры ходятъ, а вмѣсто лѣсочку остался одинъ песокъ. Вотъ и живемъ мы на этихъ пескахъ по милости Саввы Владиславича.

— Какого это Саввы Владиславича? спрашивалъ я опять, сильно хромая тамъ, гдѣ дѣло касалось исторіи.

— Какъ же это вы, государь мой, не знаете? Савва Владиславичъ Рагузинскій былъ основателемъ нашего города и по его имени онъ получилъ названіе Троицко-савска. Этотъ Рагузинскій, когда выбиралъ мѣсто для торговли съ Китаемъ, то хотѣлъ непременно найдти такую рѣку, которая бѣжала бы не изъ китайскихъ предѣловъ, а отъ насъ. Побавался онъ, видите-ли, чтобъ китайцы не напустили въ воду какого-нибудь зѣлья и не отравили бы народъ, — а такой рѣки не нашлось, кромѣ нашей куроходной. Подумалъ, подумалъ Савва Владиславичъ, да и порѣшилъ построить здѣсь городъ.

— Вотъ какая исторія! удивлялся я: — да неужели въ самомъ дѣлѣ онъ боялся, что по рѣкѣ могутъ пустить отраву?

— Повѣрьте Господу Богу... А то бы зачѣмъ при такой рѣчоньѣ городъ строить? Теперь отсюда всего 30 верстъ до рѣки Чикоя — чудная, широкая рѣка, и суда небольшія могутъ ходить по ней; тамъ и песковъ нѣтъ, и лѣса хорошіе. Отличное бы мѣсто, да вотъ не захотѣлъ: опасно, говоритъ, отравить могутъ. А какъ тутъ на широкой рѣкѣ отравить? подумайте... Ну, да ужъ время такое было, говорилъ хозяинъ, разводя руками.

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, какъ будто вспоминая прошедшее, потомъ торопливо спросилъ:

— Когда же поѣдете-то?

— Да что вы пристааете? Я пѣшкомъ пойду.

— Нѣтъ, ужъ пѣшкомъ-то не тово... отмахаете ноги.

— Да развѣ очень далеко?

— Далско не далеко, а версты три добрыхъ будетъ. Лучше я велю лошади для васъ запечь въ сидѣйку.

— Это что за сидѣйка?

— Ну, кабриолетигъ что-ли по вашему, телько простенькій. Я потому, видите ли, въ вамъ пристаю съ вопросомъ, что у меня лошади идутъ въ Кяхту за вывозкой.

— Тѣфу ты, Господи! У васъ здѣсь на каждомъ шагу все новыя слова! Какъя такая вывозка?

— Эхъ, государь мой! Побываете на плотины — не то скажете. Тамъ съ китайцами по русски такъ говорятъ, что русскій ничего не пойметъ. Ну, да это увидите и услышите сами. А вывозка-сь, сударь мой, вотъ что: изъ гостинаго двора мы возимъ чай въ таможеню, такъ этотъ провозъ и называется вывозкой.

— Да, вѣдь это только лишняя перекладка. Извозчики бы могли завезти въ таможеню и потомъ дальше въ Иркутскъ везти...

— Нѣтъ, позвольте, тутъ дѣло не въ томъ; вѣдь изъ гостинаго двора, съ плотины то есть, чай отправляется только въ камышѣ, какъ значить купецъ отъ китайцевъ. Мы его привеземъ въ таможеню и сложимъ въ пакгаузъ; хозяинъ на него еще не имѣетъ права, потому пошлина не взята; а тамъ начальство засвидѣтельствуеть, взвѣситъ ящичковъ пятокъ и сообразуясь съ ихъ вѣсомъ, назначить пошл у со всей партіи, если только она одной фамиліи.

— Какъ же фамиліи таможеня узнаеть? Вѣдь купецъ можетъ обмануть?

— Да такъ и узнаеть: на бокахъ ящичковъ она написана китайскими буквами; для этого въ таможи и переводчикъ есть. Вотъ если разныхъ фамилій чай, тогда изъ каждой фамиліи и берутъ для привѣски ящичка три-четыре и назначаютъ пошлину съ каждой фамиліи. Если, примѣрно, вышло 88 ф. чистаго чая, берутъ пошлину за 85; если 82 ф. тоже за 85 ф.; ну, а если 88 хоть съ четвертью, тогда берутъ за полный вѣсъ. Вотъ оно какъ!

— Ну, а потомъ-то что дѣлають съ чаемъ?

— Потомъ томбу привѣсятъ и въ кожу зашиваютъ позволяють. *Ширить* по н. ему называется. А потомъ надрѣзку дѣлать.

— Какую онъ надрѣзку?

— А эти самыя слова Т. Н. Ф. значить: торговый, неквадратный, фамильный; или Т. К. Ц. торговый, квадратный, цвѣточный. А то еще есть Т. Н. Ф. Х. торговый, неквадратный, фамильный, хунны. Ну, поставятъ нумера, литеры—кому чай принадлежить, хоть

вашъ на примѣръ: «Матвѣй Захарычъ Бурановъ» поставятъ М. З. Б. Вотъ какъ все это сдѣлають, купецъ пошлину заплатитъ—и съ Богомъ! А на это, мало-мало, надо два дни.

— Кто-же это зашиваетъ чай въ кожи и надрѣвываетъ: таможня что-ли?

— Нѣтъ, на этотъ разъ у насъ есть своя артель городская, изъ мѣщанства, человѣкъ во сто. Это ужъ все въ ея рукахъ. Она одна только и ширить.

— Ну, спасибо вамъ; немного вы меня познакомили съ дѣломъ. А то я точно слѣпой или съ завязанными глазами.

— А вотъ поживете, государь мой, еще много кое чего узнаете.

— А что же еще такое?

— Узнаете послѣ, таинственно сказалъ хозяинъ, уходя отдать приказаніе запречь лошадей.

II.

Я поѣхалъ въ Кяхту. Начиная отъ таможни, по большой улицѣ Троицко-савска, до торговой слободы Кяхты, дорога илетъ по шоссе, сооруженномъ на капиталы кяхтинскаго общества. Съ правой стороны, при выѣздѣ изъ города, видны горы поросшія чахлымъ кустарникомъ и отчасти хвойнымъ лѣсомъ, налѣво—песчаная мѣстность, по которой пробирается едва замѣтная рѣчонка Кяхта; далѣе за ней видны голыя остроконечныя сопки, длинной цѣпью вытянувшіяся на границѣ Монголіи.

У шлагбаума, при выѣздѣ въ торговую слободу, таможенныя надсмотрщики осмотрѣли мой экипажъ и несовсѣмъ деликатно ошупали мои карманы. Получивъ отъ меня билетикъ, данный изъ канцеляріи градоначальника, на право проѣзда въ торговую слободу и удостовѣрившись, что со мной нѣтъ запрещеннаго золота и серебра, досмотрщики подняли шлагбаумъ, и я въѣхалъ въ торговую слободу. Первое что поразило меня тамъ—это необыкновенная чистота и какъ будто новизна постройки. Дома, крыши, заборы казались только-что выкрашенными. Высокая каменная церковь красовалась на возвышенномъ мѣстѣ; вызолоченные кресты на ея пяти главахъ, скромная и въ то же время грандіозная архитектура останавливали

взглядъ каждаго въ первый разъ прїѣзжающаго въ Кяхту. Удивительная чистота, въ которой вообще содержится маленькая, трех-уличная Кахта, располагаетъ къ ней заѣзжаго. Саженья въ сто отъ заставы стали показываться китайскія фигурныя крыши сосѣдняго города Май-мачина. Высокая башня съ раскрашенными драконами, сидящими на ней, высокіе столбы съ золотыми вверху шарами, все это производило новое впечатлѣніе, увеличивавшееся сильнѣе при встрѣчѣ съ Китайцами, расхаживавшими по улицамъ торговой слободы.

Они ходили толпами въ своихъ длиннополыхъ халатахъ, сверху которыхъ надѣты были курмы, (родъ дамской кофты), на головѣ кругловатая шляпа, съ высоко круто-загнутыми кверху полями, и красная, полковая кисточка покрывала всю верхушку на ней. Китайцы всѣ были въ одинаковомъ костюмѣ. По длиннымъ косамъ я сначала принялъ ихъ за женщинъ, и убѣдился въ своей ошибкѣ только тогда, когда увидѣлъ у нѣкоторыхъ изъ обладателей косъ большіе, черные, опущенные книзу усы.

— Здравствуй, пліагеръ! Нова люди, здравствуй! кричали они мнѣ вслѣдъ.

Я прїѣхалъ къ одному изъ старшинъ торгующаго въ Кяхтѣ купечества и, входя въ комнату, увидѣлъ опять китайцевъ, сидѣвшихъ въ залѣ съ коротенькими трубками въ зубахъ. Въ комнатѣ было дымно, такъ что глаза щипало, и запахъ китайскаго табаку производилъ тошноту.

— Здравствуй, пліагеръ! Нова люди. Куда пліапола? приставали любопытные китайцы, обдавая меня запахомъ чеснока.

— Вчера прїѣхалъ, отвѣчалъ я, едва понимая ихъ вопросъ.

— Какой люди? Какова города? Кака имя? Батюшка еси? спрашивали опять китайцы.—Матушка еси? Жениха была? Ребязи еси, братциза еси, какой товаръ повози?

На-половину понимая ихъ вопросы, обступленный со всѣхъ сторонъ, я едва могъ удовлетворить ихъ любопытству.

— Пліагеръ буду за нама, фамплярно говорилъ одинъ, похлопывая меня по плечу.

— Иоторгова буду? Тибн сама серебро хозяйнъ, или пыркашики? приставали другіе.

— Не понимаю говорю.

— Дулаки! Я спрашива тибн: сама серебро хозяйнъ? Я подума тибн руски слова знаша. Чорта! Тибн хомоза люди што-ли? (Татаринъ что-ли?) Сердито говорилъ одинъ.

— Не понимаю, повторяю я, съ досадой.

— Шлітеръ, сердиза не надо. Чево напрасно! Нама только спрашива.... ласково говорилъ другой китаецъ.—Тоби умна люди халышанки.... Послѣ поторгова буду....

Вошелъ хозяинъ дома и увелъ меня въ другую комнату, говоря, что зала у нихъ всегда въ грязи, отъ частыхъ посѣщеній китайцевъ.

Послѣ непродолжительныхъ разговоровъ съ хозяиномъ, я отправился къ другому старшинѣ, гдѣ встрѣтилъ точно-также китайцевъ, представившихъ съ вопросами: «откуда, какъ зовутъ, есть-ли отецъ, самъ-ли хозяинъ, или прикащикъ?» Такъ точно и у остальныхъ двухъ старшинъ я встрѣтилъ то же самое.

Въ торговой слободѣ, ежегодно выбирается изъ купчества по четыре старшины, для наблюденія за ходомъ торговли, и призжающей по дѣламъ въ Кяхту, по принятому обычаю, долженъ дѣлать визиты старшинамъ, какъ, въ нѣкоторомъ родѣ, мѣстному начальству.

Утромъ слѣдующаго дня я получилъ пригласительный билетъ на обѣдъ, даваемый торгующимъ въ Кяхтѣ купчествомъ, въ честь какого-то пріѣхавшаго изъ Верхнеудинска купца, и опять въ той-же трисучей, двухъ-колесной таратайкѣ поѣхалъ я въ купческое собрание. При входѣ въ домъ, меня поразила богатѣйшая обстановка. Въ дверяхъ стоялъ швейцаръ съ булавою, въ боковой комнатѣ виднѣлись музыканты, на всю залу былъ раскинутъ роскошно сервированный столъ съ цвѣтами и серебряными холодильниками для шампанскаго. Публики было не болѣе тридцати человекъ.

— У насъ здѣсь все свои купцы только, говорилъ старшина, представляя меня нѣкоторымъ.

— По какому же случаю у васъ сегодня такой пышный праздникъ? спрашивалъ я.

— Да такъ, кстати пришлось. Тутъ какъ-то по зпмѣ, наши купцы были въ Верхнеудинскѣ и гостили нѣсколько времени у знакомаго купца; теперь этотъ самый купецъ пріѣхалъ сюда, ну такъ надо же и его угостить — порядокъ требуетъ.

— Вотъ они какъ, подумалъ я, — не по нашему живутъ.

Обѣдъ сначала шелъ своимъ порядкомъ. Одинъ изъ кяхтинцевъ, толстенькій, приземистый господинъ, съ азіятскимъ типомъ лица, долго держалъ какую-то рѣчь о хлѣбосольствѣ, стоя съ бокаломъ въ рукѣ и жестикулируя другой рукой. Виновникъ торжества тоже всталъ на ноги и, во время спича, нѣсколько разъ кланялся на всѣ стороны. Какъ только ораторъ кончилъ, онъ тоже поднялъ бокалъ

кверху и хотѣлъ что-то сказать, но только началъ: — Господа, торгующее на Кяхтѣ купечество! Я, я, не... не... не могу ничего сказать! и совершенно растерявшись, опустился на стулъ.

— Далекоему до нашихъ, шепнулъ мнѣ сосѣдъ.

— Ну-во, братцы, закричалъ старшина:— за Царя и Русь святую!... Эй, музыканты; играйте за Царя и Русь святую, кричалъ онъ, обращиваясь къ музыкантамъ,—и обѣдъ окончился пѣніемъ и пристукиваніемъ ножами о тарелки и ставаны.

Я хотя и рѣдко бывалъ на официальныхъ обѣдахъ, но окончаніе этого обѣда показалось мнѣ страннымъ.

Ш.

Черезъ нѣсколько времени я переселился изъ города въ торговую слободу и, познакомившись покороче съ однимъ изъ купеческихъ дѣтей, услышалъ отъ него много рассказовъ о купеческихъ кутежахъ и разныхъ продѣлкахъ здѣшняго купечества.

— У насъ прежде не то еще бывало, говорилъ онъ, улыбаясь. Въ праздникъ, бывало, ходятъ всѣ толпой изъ дома въ домъ, музыку съ собой таскаютъ, ящики шампанскаго возятъ на телегѣ и, заходя въ дома, забираютъ съ собой хозяевъ и дальше идутъ. Выпьютъ полбутылки, а другую бросаютъ недопитой: потому, говорятъ, газъ выходитъ, — не годится, скусу твою нѣтъ... Такъ цѣлый день пьютъ, къ вечеру едва, едва найдутъ дорогу.. Теперь ужь не то; хоть въ клубѣ другой разъ и отплясываютъ трепака, да это не часто.

— На какия же это суммы у васъ дѣлается?

— На добровольную складку—акциденцію по здѣшнему. Здѣсь собирается съ каждаго вывозимаго съ китайцевъ ящика по 40 к. теперь, а прежде 60 коп. брали, въ кассу торговой слободы, для улучшенія торговли. Вотъ на эту-то акциденцію и кутимъ.

— А много-ли здѣсь вывозится чаю?

— Среднимъ числомъ можно считать до сто-пятидесяти тысячъ ящиковъ собирается, слѣдовательно, до 60 т. руб. теперь добровольной складки.... А спросите-ка, сколько ее остается отъ годового счета?

— Сколько же?

— Ничего! Такъ вотъ, за все время торговли, ничего и не остается... Соборъ вотъ выстроили, но при постройкѣ тутъ были особые вклады отъ доброхотныхъ дателей; ну, шоссе до таможни сдѣлали, пона съ причтомъ содержатъ, пѣвчихъ, музыку, пожарную команду...

— Да вѣдь это не 60 т. стоитъ? спрашивалъ я, пораженный такой значительной суммой.

— Ну остатки идутъ—вотъ на обѣды, на угощеніе начальства. вотъ недавно 200 руб. пожертвовали бѣднымъ, говорилъ, смѣясь мой знакомый.

— Кому же отчетъ отдается въ добровольной складѣ?

— Какъ кому? Сами себя и отдаемъ отчетъ.

— Да вѣдь чай, большая часть, вымѣниваются комисіонерами на капиталы московскихъ и другихъ купцовъ?

— Ну да что за важность; сорокъ-то копѣекъ бросить можно,—вѣдь это мелочь, говорилъ мой знакомый, а самъ едва сдерживалъ смѣхъ. Онъ хорошо понималъ все злоупотребленіе добровольной складки и всегда смѣялся надъ ней.

— Вотъ называютъ «добровольная,» а ну, попробуйте-ка, продолжалъ онъ, не отдать ее, такъ и чай изъ гостинаго, двора не выпустятъ: вотъ вамъ и добровольная!

— Значить, и съ меня тоже потянуть, если буду покупать чай?

— Конечно; исключеніе что-ли для васъ дѣлать: вѣдь вы на обѣдѣ были?

— Ну такъ что-же? удивленно спросилъ я.

— То-то и есть: даромъ что-ли васъ кормить-то будутъ. Это только въ Иркутскѣ одинъ купецъ-чиновникъ даромъ кормить по понедѣльникамъ начальство, да и то, я думаю, помышляетъ, какъ-бы что нибудь получить за кормежку-то.

— А что, здѣсь у васъ много, я думаю, богатыхъ купцовъ?

— Всякого добра благодать. Овому Господь даде талантъ, а овому два, овому же ни единого, такъ себя на кредитъ пробивается и ведетъ дѣло. Со стороны пожалуй подумаешь и невѣсть что: ты сячу ящиковъ чаю преть на ярмарку,—а все чужое: чай взялъ у китайцевъ въ кредитъ, за кожу и ширку заплатилъ чаемъ же, пошлину перевелъ по поручительству, а за провозъ—по доставкѣ на ярмарку отдасть.

— По какому же поручительству?

— Да здѣсь круговая порука. Я за васъ ручаюсь: хорошей, молъ, человекъ одно слово, а вы за меня—славной молъ парень,—вотъ и

поручаемся—поняли? По закону, 1-я гильдія может переводить пошлину по векселямъ на 15 т. руб., вторая на 6 т. руб., а третью пзъ Кяхты въ шею гонять, по пословицѣ: гусь свинѣ не товарищъ! Вотъ какъ-сь, мой почтеннѣйшій! Тутъ еще другіе грѣшки есть, да ужь только сказывать ли?

— Ну нельзя—такъ не надо.

— Нѣтъ ужь ничего, скажу—такъ и быть. Вотъ видите ли, какая штука. Кромѣ 15 т., вамъ еще нужно перевести пошлины на какуюнибудь сумму; вы и дѣлаете подписку, за поручительствомъ купцовъ, что, дескать, вотъ такъ и такъ, у меня въ гостиномъ дворѣ лежатъ чай, которые я оставлю въ обезпеченіе: такъ нельзя-ли, дескать, перевести еще пошлины? А чай-то лежатъ гуртомъ; съ виду-то будто и дѣйствительно 100 или 150 ясу, а ихъ всего 40 или 50, въ среднѣ-то пусто, и выходитъ, что другъ друга и любятъ, и поручаются, и надуваютъ...

— Ну, Егоръ Ивановичъ, штукъ у васъ здѣсь, я посмотрю много.

— Э! Это еще что, то-ли узнаете послѣ, какъ поживете, говорилъ Егоръ Ивановичъ, хитро подмигивая.

Началъ я торговое дѣло въ Кяхтѣ и, конечно, такъ же, какъ и другіе, платилъ акциденцію; такъ же, какъ и другіе, провозилъ тайнымъ путемъ серебро и золото; обманывалъ таможеню отчетами и иногда, грѣшнымъ дѣломъ, безъ пошлины чаншку отправлялъ, такъ же какъ и другіе. Всему этому добру научилъ меня мой хорошій знакомый Егоръ Ивановичъ Сынковъ.

— Вотъ завтра, говорилъ онъ, поѣдете въ таможеню предъявлять полученные сукна: заѣзжайте сначала къ старшинамъ, какъ требуетъ порядокъ, и попросите подороже оцѣнить ваши сукна. Они вѣдь оцѣниваютъ въ таможенѣ товаръ-то.

— Ну, а если они не захотятъ кривить душой?

— Вотъ выдумали тамъ! Вѣдь рука руку моетъ: Богъ дастъ, на будущій годъ вы будете служить и вы также помирволите другому.

— Ну, а потомъ что же будетъ?

— Начего не будетъ. Оцѣнятъ ваши сукна, откроютъ вамъ въ таможенѣ счетъ ввоза товаровъ, и вы можете производить мѣновую торговлю съ китайцами, какъ слѣдуетъ, съ третьей части отпуска къ нимъ золога, пятифранковаго серебра или русскаго серебра въ издѣліяхъ.

— Въ какихъ же издѣліяхъ русское серебро; въ ложкахъ, въ подносахъ, что-ли?

— Ну да, въ ложкахъ, изъ которыхъ каждая по фунту почти вѣсомъ, а подносы по десяти или двадцати фунтовъ — другому и не поднять, говорилъ, смѣясь, Егоръ Ивановичъ и показывалъ руками, какъ тяжелы бывають подносы.

— Да скажите же, ради Бога, для чего такія тяжелыя издѣлія отправляютъ сюда?

— Хе-хе-хе! простота вы, я посмотрю; жили бы ужъ тамъ, въ своемъ Алабовѣ, ничего-то не можете сообразить. Хе-хе-хе! да какъ же иначе-то? Гдѣ наберешь издѣлій-то для китайцевъ? Вѣдь сюда прудятъ горы серебра, ну и нужно на хитрости подниматься. Вотъ и везуть ложку разливальную, изъ которой можно коня напоятъ.—Ха-ха-ха! хохоталъ Егоръ Ивановичъ.

Черезъ нѣсколько времени промѣнялъ я сукна китайцамъ на чай и опять иду совѣтоваться къ другу моему милому: какъ и что мнѣ дѣлать съ отчетомъ таможи. Дружокъ залѣзъ на письменный столъ и, упершись въ бока руками, съ хитрой улыбкой посматривалъ на меня, какъ будто хотѣлъ сказать: «что, братъ-простота, ничего-то ты, видно, не смыслишь.»

— Что мнѣ теперь дѣлать, Егоръ Иванычъ, съ чаемъ? спрашивать я.

— Что дѣлать съ чаемъ? переспросилъ опъ, а вотъ что: чай пить надо, для того его и покунають.

— Нѣтъ, пожалуйста, голубчикъ, поучите, какъ таможи отчетъ составить?

— А вотъ какъ: у васъ промѣняно пять-сотъ штукъ мизерицаго сукна, на пять-сотъ ящичковъ чаю,—такъ что-ли?

— Ну, да.

— Ну, вотъ и пишите таможи, что промѣнялъ моль я за-границу товаровъ, ввезенныхъ моль черезъ таможию тогда-то, подъ № такимъ-то. Изъ нихъ вымѣнялъ на 200 штукъ пятьсотъ ящичковъ чаю... Жаль, что у васъ серебра не было ввезено, а то бы еще лучше: серебра присчитали бы тутъ же одну треть, какъ слѣдуетъ по закону, — сукна еще больше сбереглось бы.

— Да скажите пожалуйста, на что-же это сукно годится послѣ? Вѣдь его нѣтъ, оно только на бумагѣ, какъ у Павла Иваноича Чичикова мертвыя души?

— Что-жь, здѣсь и на бумагѣ имѣть ихъ очень не мѣшаетъ, потому что за вами, конечно, грѣхи будутъ послѣ?

— Какіе грѣхи? удивлялся я.

— А серебро-то контрабандишкой, полагать надо, тоже того?..

говорилъ Егоръ Ивановичъ, прищуривая глазъ: — вѣдь не святой человѣкъ, а?

— Ну, конечно, — примѣръ, г-ворю, заразитслепь.

— Вотъ тогда-то эти мервыя души и ожигутъ: сукно-то и пригорится. Мѣняйте чай на серебро, гровезенное контрабандой, а пишите таможи-матушкѣ, что вотъ молъ, такъ и такъ, промѣняль на сукна оставшіяся отъ ввоза тогда-то, за № такимъ-то, — триста штукъ сукна, а получилъ, дескать, шестьсотъ ящиковъ чаю. Вотъ какъ. Поняли?

— Поняль, говорю.

— То-то поняль. Вотъ какъ у насъ мертвыя-то души оживаютъ, повторилъ онъ и снова захохоталъ на всю комнату.

IV.

Наука мнѣ далась скоро, и я подумывалъ уже о томъ, какъ-бы это побольше понакопить товаровъ *несуществующихъ*, говоря словами Чичикова, потому что дѣйствительныхъ товаровъ у меня уже не доставало. Иду къ своему другу за совѣтомъ.

— Эхъ ты, простота моя уѣздная, говоритъ Сынковъ, залѣзая на письменный столъ, любимое мѣсто его сидѣнья, и упирая руки въ бока, — а еще говоришь, что науку поняль, — гдѣ тебѣ всю-то произойдти. Тутъ, батенька мой, премудрость созда себѣ домъ, вотъ что! Слушай, что я тебѣ повѣдаю: поѣзжай завтра въ Троицко-савскъ и купи ты, братецъ мой, соболей у бурятъ или въ лавкѣ, гдѣ придется, этакъ примѣрно хоть штукъ сто или полтора ста...

Я приходилъ снова въ удивленіе и спрашивалъ: зачѣмъ же это опять дѣлается, что за исторія такая? — Вѣдь китайцамъ соболей теперъ не требуется?

— Купи, братецъ мой, купи — хорошо будетъ. Отвези ты ихъ въ таможию, больше какъ полтора ста штукъ и не нужно... А старшину не забудь попросить хорошенько, говорилъ онъ возвышая голосъ и грозя пальцемъ: «властемъ предержажимъ да повинуются». Поклонись ему: ну, глядишь, онъ и подороже тебѣ оцѣнитъ ихъ — дѣло будетъ въ шляпѣ. Поняль-ли теперъ?

— Ни чорта рогатого не понимаю, говорю.

— Слушай дадыше. Таможня впишетъ ихъ на приходъ къ тво-

ему счету и поставить на каждой шкуркѣ клеймо: предъявлены, дескать, таможиѣ, и больше дескать, ихъ предъявлять не полагается....

— Ну?... говорилъ я въ нетерпѣніи, ожидая, что выйдетъ изъ этого.

— Ну вотъ, привезешь ты этихъ самыхъ клейменныхъ соболей и клеймы сейчасъ—фють! онъ свистнулъ и показалъ руками какъ счищать клеймы. — У насъ ужъ есть такая спеція... потому что здѣсь ужъ такіе законы...

— Да Богъ съ тобой, съ твоими законами, а что дальше-то дѣлать?

— А потомъ поѣзжай съ соболями на Чикой, изъ нихъ матрацъ или подушку состряпай, говорилъ онъ, стараясь казаться серьезнымъ. Понялъ?

— Хе, хе! засмѣялся я: понялъ теперь. Это значитъ отсюда опять въ городъ, соболей опять въ таможию: такъ, значитъ, и кружи ихъ хоть двадцать разъ. Такъ что-ли?

— Такъ, умница, такъ, догадался-таки.

— Спасибо, говорю, товарищъ, спасибо.

Однажды съ тремя мѣшками пяти-франковаго серебра попался маленькій жидокъ.

— Какъ это вы могли серебро везти, не предъявивъ его таможиѣ? сердито спрашивалъ надзиратель.

— Я хотѣлъ въ церковь позертвовать... бормоталъ растерявшійся жидокъ.

— Какая тутъ вамъ церковь! Вы знаете, что нужно сначала въ таможию завезти.

— Забылъ, совершенно забылъ, повѣрите цести—растерявшись и незная что дѣлать, лепеталъ маленький жидокъ, служившій прикащикомъ у одного толстаго купца.

Лошадь, экипажъ и серебро отобрали. Жидокъ нѣкоторое время находился подъ арестомъ въ таможиѣ, но потомъ дѣло какъ-то уладили: сказали, что жидокъ забылся и ошибкой проѣхалъ мимо таможни.—Это, дескать, съ нимъ бываетъ.

Эта исторія меня испугала порядкомъ.—Чортъ возьми, совсѣмъ, думалъ я; скверно, если попадешься. На церковь сваливать не приходится, не вѣрятъ они въ христіанское милосердіе. Иду опять къ дружкѣ.—Вотъ говорю, товарищъ, какъ теперь горе избыть? Слышалъ я, жидъ попался! Скверная штука! А ко мнѣ отецъ, какъ на

грѣхъ, претъ серебра видимо-невидимо, — точно дровъ поленицы лежать въ городѣ. Таможню-то миновали, а какъ теперь сюда, въ слободу-то перевозить?

— Да какъ перевозилъ раньше, такъ и вози, говорилъ Сынковъ, огрызая себѣ ногти.

— Да мало-ли что было раньше? Теперь боюсь.

Сынковъ опять полѣзъ на письменный столъ и началъ постукивать нога объ ногу каблуками.—Ну, братъ, если ужъ боишься, такъ и пускаться нечего. А вотъ что: чѣмъ по мелочи-то возить да мучиться съ нимъ, лучше Ивану Васильевичу на доставку отдай: онъ за-разъ перемахнетъ тысячь двадцать.

— Кто такой этотъ Иванъ Васильевичъ?

— Да тутъ есть чиновникъ одинъ, занка. Онъ возьметъ съ тебя копѣйки по двѣ со штуки и завтра же доставитъ. Человѣкъ вѣрный настолько, насколько можно вѣрить такому человѣку.

— То есть, какъ? я не понимаю...

— Да такъ-же... Другимъ возить—не обманываешь, и тебѣ конечно привезетъ.

Пригласили мы Ивана Васильевича.

— Я... я... теперь не могу двѣ копѣйки взять. Тр-три можно.

— Почему же, Иванъ Васильевичъ?

— Т-тѣ пути испорчены.

— Какіе же тѣ пути?

— Ст-старый, едва выговорилъ Иванъ Васильевичъ.

Отдалъ я Ивану Васильевичу, по совѣту Сынкова, десять тысячь штукъ серебра на доставку изъ города въ торговую слободу, и въ ожиданіи его привоза, измучился Богъ знаетъ какъ; просто просмотрѣлъ глаза на дорогу. Нѣтъ Ивана Васильевича. Наступила ночь—нѣтъ, полночь на дворѣ — нѣтъ! Сжалось мое сердце. Десять тысячь штукъ серебра! думалъ я. Денегъ-то, денегъ-то — страсть кака! Что, если да онъ ихъ ухнетъ себѣ? И просить вѣдь не смѣешь. Десять тысячь штукъ! пропадай моя голова!..

Но голова моя не пропала. Раннимъ утромъ, только-что начало свѣтать, Иванъ Васильевичъ, одѣтый деревенскимъ мужикомъ, явился ко мнѣ въ комнату и, осторожно осматриваясь кругомъ, прошепталъ, что серебро здѣсь, на дворѣ.

— Да гдѣ же оно, гдѣ? почти кричалъ я отъ радости, готовый раздѣловать Ивана Васильевича.

— Въ др-дровахъ привезли, едва выговорилъ Иванъ Василье-

вечь, опять посматривая во всё углы, боясь, чтобы кто не подслушалъ.

— Не бойтесь, здѣсь ужъ никто не выдастъ, да никого и нѣтъ здѣсь, успокоивалъ я, готовый пуститься въ плясъ.

Во дворѣ стояло возовъ десять съ дровами. Другіе контрабандисты, товарищи Ивана Васильевича, укладывали дрова въ поленицу, а онъ, какъ только возъ докладываютъ,—мѣшокъ подъ полу и тащить ко мнѣ въ комнату, а я прячу подъ половицу, которая нарочно была устроена такъ, чтобы можно было ее при случаѣ вынуть. Иванъ Васильевичъ, ночью перевезъ серебро въ лѣсъ, и раннимъ утромъ выѣхалъ изъ лѣсу съ лѣвой стороны отъ города, отстраняя, конечно, этимъ всякое подозрѣніе со стороны надзирательей у заставы.

Такимъ-то порядкомъ и велись наши торговля дѣла. Къ ужасу моему, чрезъ недѣлю Иванъ Васильевичъ, взявши также доставить серебро одному изъ купцовъ, перевезъ его въ лѣсъ, но другіе контрабандисты слѣдили за нимъ и отняли у него это серебро. Вышло значить то, что воръ у вора дубинку укралъ. Вотъ, думалъ я, Богъ меня спасъ-то. Ахъ ты напасть какая!

Но прошло нѣсколько времени, прошелъ первый страхъ, и я снова принимался за опасное *рукодело*, или самъ лично, или отдавалъ серебро на доставку Иванамъ Васильевичамъ, которыхъ въ Кяхтѣ оказалось немало.

Были въ Кяхтѣ и невольные контрабандисты, которые не знали, что, проѣзжая чрезъ заставу, везуть контрабанду. Рассказывалъ мнѣ дружокъ, что былъ у нихъ когда-то одинъ изъ членовъ таможи, большой поклонникъ Бахуса. Пригласилъ его однажды купецъ къ себѣ въ гости и съ полдня отпивалъ его виномъ до полночи. Членъ заснулъ сномъ крѣчайшимъ; купецъ велѣлъ запретъ экипажъ, нагрузилъ его изюбевымъ рогами и на нихъ уложилъ члена. На заставѣ спрашиваютъ:—кто ѣдетъ?

— Такой-то членъ таможи, важно кричить кучеръ. Шлагбаумъ подняли, и спящій членъ провезъ подъ собой контрабанду — рога изюбрей, нескромно торчавшіе изъ экипажа.

Про серебро-же существуетъ нѣсколько разсказовъ, повторяютъ которые неловко какъ-то—«чтобы гусей не раздражить». Бывали не разъ такіе случаи, что купецъ, отправляя въ городъ экипажъ для пріѣхавшаго важнаго лица, приказывалъ кучеру нагрузить его въ городѣ серебромъ, и важное лицо, никогда конечно не осматриваемое на заставѣ, провозило подъ собой въ ящикѣ тысячу де-

сать или двадцать. Важное лицо только удивляется, отчего это такъ кони устали.

— Здѣсь ужъ ваше высокородіе, климатъ такой, что лошади, приблизительно, всегда устаютъ, серьезно замѣтилъ вучеръ, придерживаясь рукой за шляпу.

— Однако это очень странно, промычить себѣ подъ носъ важное лицо.

— Да-съ оченно это странно значить, поддакиваетъ шельмоватый вучеръ.

V.

Наступало время ревизіи гостинаго двора, каждагодно производимое таможней. Работа по купеческимъ конторамъ шла горячая. Купцы торопливо ходили изъ дома въ домъ, по конторамъ, и сводили свои счета.

— Послушай, что у тебя, по книгамъ, лишнихъ товаровъ нѣтъ ли, а? заботливо спрашиваетъ одинъ.

— Есть, миѣ нужно ихъ сбыть куда нибудь: возьми братъ, уступлю, неменѣе заботливо отвѣчаетъ другой.

— Ладно, ладно, давай... Ей, парень! бѣги ко миѣ въ контору, скажи, чтобы принесли сюда книги: узнать, сколько тамъ недочету по товарамъ.

Свѣрили свои счета, купили одинъ у другого товаръ, существующій на бумагѣ и послали таможиѣ офиціальное увѣдомленіе чрезъ контору старшинъ о совершившейся продажѣ, съ прошеніемъ перевести товары по книгамъ таможни, отъ одного лица къ другому.

— Ну слава тебѣ Господи! вздыхая, говоритъ купецъ товарищу:— теперь, братъ, у насъ съ тобой чисто... а вонъ Чернозеровъ-то чево надѣлалъ, запуталъ контору-то, совсѣмъ запустилъ,—не знаю теперя, какъ у него и выйдетъ. Съ китайцами, дуракъ, все ссорится да дерется, теперь вотъ и надо-бы положить для ревизіи-то чаю въ пакхаузы, а китайцы недаютъ: «хо—куй (чортъ), говорятъ они, не дадимъ.»

— Не бѣда: у кого нибудь изъ нашихъ перехватить; свои люди, какъ нибудь сочтемся, успокоиваетъ товарищъ купца.

Мы съ Сынковымъ тоже свели свои счета.

— Ну-съ, господинъ Алабовскій купча, говорилъ Сынковъ, залѣзая по обыкновенію на письменный столъ и постукивая каблуклами:— одинъ годъ еще прошелъ. Попечительница наша мать-таможня еще за одинъ годъ накопила въ своихъ архивахъ кучу и большущую кучу гербовой исписанной вздоромъ бумаги...

— Скажи пожалуйста, спрашивалъ я, вѣдь таможня, я полагаю, знаетъ, что ее обманываютъ?

— Какъ поди не знать, говорилъ Сышковъ тоненькимъ голоскомъ, приложивъ руку къ щекѣ, какъ это дѣлають деревенскія бабы.

— Для чего-же все это дѣлается?

— А кто ихъ знаетъ! пищаль онъ, не отнимая руки.

Седьмого декабря утромъ таможня, со всемъ своимъ штатомъ, явилась въ торговой слободѣ у воротъ гостинаго двора. Прикащики и хозяева, каждый у своего пакхауза, дожидались ревизіи. Директоръ, члены таможни, секретарь, бухгалтеръ, надзиратели, закутанные въ шубы и шали и прозябшіе до костей, двигались отъ пакхауза къ пакхаузу, отмѣчая въ своихъ книгахъ крестиками знаетъ, что повѣрено и оказалось вѣрно. У чиновниковъ въ посинѣвшихъ отъ холода рукахъ едва держались карандаши; замѣтно было, что они частенько вздрагивали, пробираемые декабрьскимъ морозомъ. Конечно, все оказалось вѣрно, такъ какъ купцы заранѣе были приготовлены къ этому. Экстреннаго же свидѣтельства таможня назначить не можетъ, потому что, по закону купцы, могутъ просить трехдневный срокъ для окончанія расчетовъ съ китайцами. По окончаніи ревизіи, прозябшихъ таможенныхъ чиновниковъ купцы конечно не упускаютъ случай угостить пышнымъ обѣдомъ съ цвѣтами, фруктами, съ шампанскимъ, съ рѣчками, тостами и глупо-важною рожей стараго солдата, одѣтаго швейцаромъ съ неменѣе глупой булавою въ рукѣ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ окончанія ревизіи, начинаются выборы въ старшины. Съ утра разсылный Осиповъ, вѣчно пьяный, съ красной рожей и посинѣлымъ носомъ, бѣгаетъ по домамъ съ бумагой отъ старшинъ, приглашающихъ на собраніе.

Купечество начинаетъ понемногу собираться въ домъ старшинъ и молча усаживается въ залѣ. Кто побогаче, тотъ всегда приходитъ попозже, встрѣчаемый общимъ поклономъ. Втеченіи пяти лѣтъ, которыя я жилъ въ Кяхтѣ, одинъ изъ тузовъ кяхтинской слободы постыянно приходилъ послѣднимъ; прикащика, бывало, даже поплеть узнать, всѣ-ли собрались и, какъ говорятъ злые языки, очень ужъ ему нравился общій поклонъ, которымъ его встрѣчали при входѣ въ залу.

Въ угольной комнатѣ уже приготовлены выпивка и закуска. Публика, въ ожиданіи выбора старшинъ, пока еще не вся собралась и изрѣдка показиваетъ въ угольную комнату.

— Пойдемъ, парень, шепчетъ сосѣдъ сосѣду:—выпьемъ по рюмочкѣ.

— По одной развѣ. Такъ и быть, пойдемъ выпьемъ.

— Скоро-ли кончится все? Страхъ скучно! говорить выпившій.

— Что ты, голова! Еще ничего не начиналось, а ты ужъ и соскучился.

— Мы сегодня хотѣли у Шишукина собраться....

— Да вѣдь вы каждый день у Шишукина?

— Нѣтъ, вчера у Ришяева.... я двѣ тысячи зашибъ. Шишукинъ, чортъ, напился, ореть.... музыкантовъ все требоваль, а деньги мнѣ не отдалъ.

— Господа, господа, пожалуйста, всѣ ^Fсобрались... слышится изъ залы.

Наскоро обтирая рты, публика чинно идетъ въ залу обдергивая полы сюртуковъ и поправляя галстуки; пришли и тихо усѣлись на стулья. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Вотъ теперь, господа, несмѣло начинаетъ одинъ изъ старшинъ; вставая на ноги и упираясь рукой о столъ — надо-бы вы-брать новыхъ старшинъ, какъ слѣдуетъ по закону....

Общество посиживаетъ и помалчиваетъ.

— За нынѣшній истекающій годъ, изъ добровольной складки, продолжаетъ старшина, остатокъ, видно, будетъ небольшой....

Публика молчитъ.

— Потому, раздается снова въ тишинѣ его гóлосъ, нынче, какъ вамъ извѣстно, посѣщаль Кяхту его высокопревосходительство, поэтому значить случаю были лишніе расходы, какъ того требовало приличіе... Впрочемъ это все будетъ показано въ отчетѣ....

Публика продолжаетъ молчать. Кто-то тихонько сказалъ:—ну да, конечно, въ отчетѣ будетъ видно.

— Отчетъ, какъ и прежде водилось, продолжаетъ старшина, мы приготовимъ въ конторѣ къ январю, либо къ февралю мѣсяцу, потому, какъ вамъ извѣстно, въ это время, передъ свидѣтельствомъ гостинаго двора, дѣла всегда бываетъ много....

— Дѣло извѣстное. Ну, конечно, понятно. Еще бы! Знаемъ, слышится изрѣдка со стульевъ.

— Теперь, господа, нужно-бы приступить къ выбору старшинъ, говоритъ прежній старшина.

Публика опять молчитъ. Другой старшина тихонько прошепталъ:

— Однако надо-бы Петра Федоровича...

— Конечно, надо Петра Федоровича, поддержаль кто-то.

— Петра Федоровича, ясно слышится третій голосъ.

— Ну да, ну да, Петра Федоровича, заголосили всѣ разомъ.

— Помилуйте, господа, я въ третьемъ году служилъ — кричитьъ сильнѣе всѣхъ Петръ Федоровичъ, помилуйте, какъ можно!

— Нѣтъ ужъ, Петръ Федоровичъ, послужите.

— Я нынче, если Богъ дастъ, собираюсь съѣздить въ Москву, тоже дѣла есть—нужно, упирается Петръ Федоровичъ.

— Нѣтъ ужъ Петръ Федоровичъ, ужъ пожалуйста послужите, раздается со всѣхъ сторонъ и публика начинаетъ напирать на Петра Федоровича.

— Я не могу, я служилъ въ третьемъ году...

— Да кто не служилъ? Всѣ служили.... Нѣтъ ужъ, Петръ Федоровичъ, какъ хотите....

Публика кланяется и обступаетъ Петра Федоровича—онъ пятится.

— Господа, кричитьъ кто-то:—просите горячѣе Петра Федоровича.

— Батюшка Петръ Федоровичъ... раздается громче со всѣхъ сторонъ.

Поломается Петръ Федоровичъ еще нѣсколько времени и согласится.

— Ну, теперь кого же? спрашиваетъ одинъ другого.

— Да теперь васъ, Иванъ Кузьмичъ, надо...

— Что вы? что вы? дивится Иванъ Кузьмичъ, да я не полагаюсь...

— Послужите, Иванъ Кузьмичъ, что за важность—свое дѣло семейное, упрашиваютъ купцы Ивана Кузьмича.

Поломается и Иванъ Кузьмичъ, слѣдуя примѣру Петра Федоровича, и прижатый въ углу согласится. Однажды во время выбора старшинъ, одинъ осаждаемый почему-то не желалъ занять почетной должности и убѣжалъ. Съ тѣхъ поръ купцы стали запирають дверь: дескать, крѣпче будетъ, не убѣгутъ.

Вслѣдъ за выборомъ Ивана Кузьмича, тѣмъ же порядкомъ выбрали еще двухъ старшинъ. Скрѣпили всѣ подписомъ, что вотъ такъ и такъ, торгующее на Кяхтѣ купечество, въ общемъ своемъ собраніи, большинствомъ голосовъ выбрали и проч....

— Ну, теперь господа, поздравляемъ васъ. Ей, парень, давай-ко сюда шампанскаго! Кричатъ старые отслужившіе старшины.

Выпили и поѣхали всѣ къ отслужившимъ старшинамъ, тамъ выпили и дустились къ новымъ, только-что выбраннымъ старшинамъ,

у нихъ тоже попили и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, разѣхались по домамъ.

На утро герон праздника съ большими головами поѣхали принимать присягу на вѣрность и честность службы... «*Даже не щадя живота своего*», повторяли они за священникомъ, держа правую руку кверху и разогнувъ два пальца. Послѣ присяги представились директору таможни и градоначальнику съ покорнѣйшей просьбой не отказаться откушать хлѣба-соли, какъ водилось и въ старые, дескать, годы тѣмъ же порядкомъ.

Опять обѣдъ торжественный съ шампанскимъ, спичами, цвѣтами и проч., и проч.

Черезъ нѣсколько дней новые старшины назначаютъ собраніе. Опять Осиповъ бѣгаетъ по домамъ купцовъ. Собрались купцы.

— Вотъ теперь, господа, говорить новый старшина Петръ Федоровичъ, понюхивая табачокъ, нужно назначить цифру, какую брать съ вывозимыхъ ящичковъ... и насчетъ добровольной складки, говорю...

Публика молчитъ.

— То есть, видите-ли, оно конечно, какъ и прежде, и въ старые годы водилось, тоже значить каждый разъ составляли, при мѣрно, заранѣе подписку, что вотъ такъ и такъ, на текущій расходъ обязываемся въ добровольную складку вносить по такой-то суммѣ съ cadaго ящика.

Публика по прежнему молчитъ. Петръ Федоровичъ еще понюхалъ и опять началъ говорить, какъ прежде, въ старые годы, какъ недавно и проч... Онъ былъ большой говорунъ, только бы слушатели были. Долго онъ толковалъ, понюхивая, пока не перебилъ его Андрей Яковлевичъ, самый набольшій тузъ въ кяхтинской слободѣ.

— Такъ что же, значить, актъ, гг. старшины, приготовьте, сказалъ онъ.—Я согласенъ прошлогоднюю цифру платить... Полагаю, что общество не откажется.

Публика все помалчиваетъ.

— Такъ значить такъ же, какъ и въ прошломъ году, говорить старшина:—актъ слѣдовательно приготовить... Господа! какъ вы думаете? Вы согласны по старой цифрѣ назначить складку?...

Молчаніе продолжается.

— Да вы, Петръ Федоровичъ, обойдите cadaго поочередно и спросите, говоритъ Андрей Яковлевичъ, некоса поглядывая на общество.

— Вы согласны? Спрашиваетъ Петръ Федоровичъ, подходит къ одному изъ собравшихся.

- Согласенъ, шюпотомъ говорить тотъ, вставая на ноги.
- Вы согласны? Продолжаетъ Петръ Федоровичъ, подходя къ другому.
- Какъ будетъ Господу угодно, со вздохомъ говорить другой, ничего не понимая, что кругомъ дѣлается.
- Вы согласны? Спрашиваетъ старшина далѣе.
- Какъ общество, отдѣливается другой.
- Да общество согласно; говоритъ Петръ Федоровичъ, щелкая пальцемъ по табатеркѣ.
- Куда, значить, люди—туда и мы. Только я первый къ акту подписываться ни за что не буду.

VI.

Переспросилъ Петръ Федоровичъ всѣхъ поочередно и снова сѣлъ на стулъ. Начался споръ, кому подписывать бумагу, и никто не рѣшился подписаться первымъ; снова пришлось старшинѣ ходить и поочередно упрашивать подписаться. Поднялся шумъ и споръ страшный: каждый точно оробѣлъ чего-то и уперся.

— Да на что ее, эту складку дѣлать-то? закричалъ вдругъ одинъ изъ купцовъ.

- На что въ самомъ дѣлѣ складку, братцы? подхватили другіе.
- Нѣтъ, какже, господа. Вѣдь безъ сбора тоже нельзя.
- Кто говоритъ! Безъ складки оно тоже какже можно—никакъ нельзя.

— Теперь хоть не служи старшиной, такъ внору... говоритъ Петръ Федоровичъ, набивая носъ табаконъ.

- Оно конечно...
- Какже можно?...
- Господи помилуй! вздыхаетъ бѣлобрысый купчикъ.
- Нѣтъ, позвольте. Вотъ тоже начальство бываетъ... никакъ не возможно.

Шумъ поднялся большой. Никто никого не слушалъ и каждый говорилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите. Вотъ теперь бабка... зачѣмъ на общественный счетъ бабка живетъ? Развѣ торговля когда родить кого? кричалъ старикъ Макаръевъ.

— Торговля родить денгу.

— Нѣтъ, господа, шутки въ сторону, кричалъ толстый Ришаевъ. Вонъ изъ Москвы пишутъ, зачѣмъ, говорить, пошъ на общественныя суммы...

— Мало-ли чево пишутъ. Мы не татары, безъ пона тоже нельзя...

— Заводите, говорить, на свои деньги; у насъ, говорить, въ Москвѣ свои поны есть, для своего обиходу и потому на свои деньги держимъ.

— Да не въ пошѣ дѣло... Про музыкантовъ тоже жалуются.

— Развѣ теперь, къ слову сказать, музыканты большой счетъ составляютъ?..

— Мало-ли на что не жалуются. Безъ расхода нельзя, пусть сами ѣдутъ жить сюда...

— Теперь вотъ тоже про аптеку пишутъ: мы, говорить, здоровы, слава Богу, на наши деньги, говорить, въ Кяхтѣ аптеку содержать; мы, говорить, за комиссію платимъ...

— Оно точно. За комиссію мы получаемъ, а безъ аптеки тоже невозможно, потому не ровенъ часъ...

— Вѣдь этотъ нѣмецъ, говорить, понакопилъ деньжищевъ—страсть! А ему еще жалованье платятъ...

— Чего и говорить,—тутъ-то онъ и лупитъ деньги... Народъ нѣмецкій...

— Перестаньте, господа! что это вы какъ разшумѣлись... Эй, на-рень, шампанскаго! кричалъ, бѣгая по комнатѣ, Петръ Федоровичъ и торопливо набивалъ носъ табакомъ.

— Ну, господа, подписывайте — вѣдь ужъ безъ этого никакъ нельзя — вѣдь и въ прошломъ году такъ было...

— Ей, господа, въ самомъ дѣлѣ давай подписывать; что тутъ толковать, домой пора...

— Кто же начнетъ-то?

— Ну да все равно, надоѣло, по домамъ пора...

— Господи благослови... говорить бѣлобрысый купчичъ и выводить на бумагѣ: «Кяхтинскій второй купецъ».

— Оно точно-съ, говорить онъ, подписавшись:—наше дѣло маленькое, какъ общество рѣшить, такъ и будетъ. Мы, по милости Господа и Царицы Небесной, много довольны—вотъ что-съ!

Подписи окончили и всѣ отправились въ другую комнату ужинать.

За ужиномъ еще выпили. Макаръевъ нѣсколько разъ принимался доказывать, что бабку на общественныя деньги нельзя держать что торговля не родитъ дѣтей.

— Да, Степанъ Михайлычъ, вы вѣдь въ Троице-савскѣ живете такъ и говорите, что ненужно бабку, а намъ, бяхтинскимъ, она нужна.

— Да вы разсудите, ребята, тутъ дѣло нечисто, кричить Макаръевъ.

— Ну да теперь вѣдь ужь! актъ подписали, чего спорить-то? говорилъ довольный Петръ Федоровичъ, похлопывая пальцами по своей берестовой табатеркѣ.

Купцы сами смекнули, что теперь спорить ужь нечего, потому что споры эти ни въ чему не приведуть... Выпили они еще и молча разошлись по домамъ.

ПѢСНЯ.

Какъ-сы жить—не тужить,
День денской пировать,
Всѣхъ поить и кормить,
Съ міра подать собирать,

Не ходѣть за сохой,
Бѣлыхъ ногъ не трепать,
Отъ жены молодой
До зари не вставать?

Иль съ утра до утра
Не покладывать рукъ,
Слышать звонъ топора
Или молота стукъ.

То избежку чинить,
То лѣса вырубать,
За сохою ходить,
Въ копны сѣно сгребать.

Чтобы шапки своей
Ни предъ кѣмъ не ломать,
И враговъ и друзей
Отъ себя провожать.

Въ свѣтѣ жить бобылемъ,
Чтобы понялъ и онъ,
Что въ тебѣ-то самоъ
Цѣлый міръ заключенъ.

Что идешь ты ^{тѣ}-поешь,
Богатырь и въ груди
Всѣ богатства несешь,
Какъ и пѣсни свои.

А. Михайловъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОСМОТРИМЪ!

I.

Постоянные читатели моихъ статей вѣроятно замѣтили, что при всѣхъ столкновеніяхъ моихъ съ нашими литературными противниками я обыкновенно нападаю и почти никогда не защищаюсь. Я не люблю вести оборонительную войну, потому что защищаться — значитъ въ большей части случаевъ повторять то, что уже было сказано прежде, и при этомъ повтореніи соскабливать съ своихъ мыслей ту грязь, которая навалена на нихъ тупоуміемъ или недобросовѣстностью журнальныхъ оппонентовъ. Это занятіе скучное, кропотливое и безплодное. Надо возиться съ запутанною аргументаціею противника, надо, какъ мошенника, ловить его съ полчинымъ на каждомъ софизмѣ, надо свѣрять его лживыя показанія съ подлинными документами, надо разсматривать въ микроскопъ такую дрянь, къ которой гадко прикоснуться, и, наконецъ, цѣною всѣхъ этихъ трудовъ, располагающихъ къ морской болѣзни, приходится покупать тотъ тощій результатъ, что какойнибудь N или M глупъ, какъ пробка, или вретъ хуже всякаго барона Мюнхгаузена. Покупать такой мизерный результатъ дорогою цѣною тошнотворной работы особенно непріятно въ томъ случаѣ, когда льстишь себя надеждою, что этотъ результатъ достанется читателю даромъ, при первомъ взглядѣ на труды глупаго или недобросовѣстнаго писателя. Къ сожалѣнію, эта надежда часто оказывается слишкомъ розовою. Читая самую паразитическую дрянь, публика все-таки не умѣетъ распо-

знать ея спеціалістическихъ достоинствъ, и обыкновенно нуждается въ томъ, чтобы ей объяснили, что данное прозвѣденіе—дѣйствительно ли что иное, какъ жалкая помѣсь безсильной клеветы и самодовольнаго слабоумія. Умственная беззащитность нашей публики обнаруживается, какъ нельзя пагляднѣе, наприимѣръ, въ томъ крупномъ и яркомъ фактѣ, что посредственность, подобная г. Каткову, можетъ пользоваться сильнымъ вліяніемъ и репутаціею умнаго человѣка, съѣвшаго собаку въ области государственной мудрости. Другой примѣръ, гораздо болѣе мелкій, но, быть можетъ, еще болѣе выразительный, состоитъ въ томъ, что такой невѣроятно-слабоумный субъектъ, какъ г. Николай Соловьевъ, имѣетъ возможность печатать свои сочиненія въ журналахъ, которые даже, по всей вѣроятности, платятъ ему за эти сокровища нѣкоторое количество денегъ. Не изъ милосердія же, въ самомъ дѣлѣ, держала его покойная «Эпоха», и не изъ состраданія же унаслѣдовали его отъ «Эпохи» «Отечественныя Записки». Значитъ, есть даже и такіе читатели, которые могутъ удовлетворяться г. Николаемъ Соловьевымъ, и къ числу этихъ читателей принадлежать очевидно, во первыхъ, редакціи «Эпохи» и «Отечественныхъ Записокъ»; а во вторыхъ, тѣ люди, которые, по своимъ умственнымъ способностямъ, стоятъ еще ниже этихъ двухъ редакцій. Хотя этому трудно повѣрить, однако нѣтъ сомнѣній, что такіе люди дѣйствительно существуютъ, потому что, если бы они не существовали, тогда обѣимъ названнымъ редакціямъ не было бы ни повода, ни возможности оставаться редакціями. Такъ какъ редакція «Эпохи» перестала быть редакціею, то надо полагать, что она опустилась ниже возможнаго minimum'a человѣческихъ способностей; а такъ какъ редакція «Отечественныхъ Записокъ» еще продолжаетъ быть редакціею, то остается предположить, что она держится еще выше этого minimum'a, и еще не коснулась той роковой точки, на которой человѣкъ превращается въ микроцефала. Стало быть, когда г. Н. Соловьевъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» разбираетъ мои статьи, или, точнѣе, по поводу моихъ статей обнаруживаетъ звонкую пустоту своего черепа и иждный составъ своего лба, тогда находятъ читатели, которые вѣрятъ г. Н. Соловьеву на-слово, во первыхъ въ томъ, что онъ раскритиковалъ меня въ пухъ, а во вторыхъ въ томъ, что онъ самъ высказалъ или провелъ кое-какія идеи. Хотя мнѣ, какъ человѣку и гражданину, очень грустно имѣть такихъ ограниченныхъ ближнихъ

и соотечественниковъ, однако я все-таки, даже изъ чловѣколюбія и изъ любви къ согражданамъ, не унижу себя до того, чтобы защищаться противъ г. Н. Соловьева. Не унижу себя потому, что это униженіе было бы совершенно бесполезно. Любители г. Н. Соловьева очевидно должны быть людьми настолько безнадежными въ умственномъ отношеніи, что имъ нельзя ничего растолковать и что ихъ ни въ чемъ нельзя ни убѣдить, ни разубѣдить, потому что они говорятъ для процесса говоренія, слушаютъ для процесса слушанія, и вообще живутъ для превращенія пищи въ животное удобреніе. Я вовсе не желаю прибрѣтать себѣ благосклонность или уваженіе этихъ ходячихъ химическихъ лабораторій, потому что ихъ уваженіе и благосклонность никому ни на что не могутъ пригодиться. Поэтому-то я и не намѣренъ отступать, въ отношеніи къ г. Н. Соловьеву, отъ моей обыкновенной тактики презрительнаго молчанія, несмотря на всѣ плоскія выдумки, которыя онъ распространялъ, распространяетъ и будетъ распространять насчетъ моей литературной дѣятельности.

Но въ послѣднее время у меня явился другой противникъ, въ отношеніи къ которому молчаніе неудобно и даже можетъ сдѣлаться опаснымъ. Этотъ противникъ обращается къ такой публикѣ, которой мнѣнїе имѣетъ для меня значительную цѣну. Онъ пишетъ въ такомъ журналѣ, который, несмотря на множество странныхъ и безтактныхъ выходовъ, по общему составу своихъ сотрудниковъ и по общему своему направленію, имѣетъ полное право считаться честнымъ и умнымъ журналомъ. Читатель конечно догадался, что журналъ этотъ «Современникъ» и что противникомъ моимъ является г. Антоновичъ. Въ теченіе прошлаго года я не разъ предлагалъ «Современнику» выяснить тотъ типъ, который называется новымъ типомъ и который теперь пробиваетъ себѣ дорогу, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Мое желаніе возбудить дѣльную и плодотворную полемику завлекло меня слишкомъ далеко; я позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ выраженій (между прочимъ знаменитое *мукошко*), которыя дѣйствительно возбудили желанную полемику, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали ей тотчасъ же самое ложное направленіе. Читатель конечно помнитъ, какая тутъ произошла печальная оргія личныхъ перебранокъ и клеветливыхъ импровизацій. Клеветалъ г. Посторонній Сатирикъ, но бранились, разумѣется, обѣ стороны, потому что, когда чловѣкъ жметъ, тогда собесѣдникъ

этого человѣка поневолѣ долженъ называть его лгуномъ или по меньшей мѣрѣ, *сочинителемъ*. Я не отказываюсь взять на себя пѣ-которую долю отвѣтственности за происходившее безобразіе; я сознаюсь, что рѣзкія выраженія были неумѣстны; *лукошко* могло быть выброшено изъ моей статьи, безъ всякаго для нея ущерба; однако, принимая въ соображеніе качества того писателя, который принялъ псевдонимъ *Посторонняго Сатирика*, качества, обозначившіяся очень ярко въ разгарѣ нашей полемики, я полагаю, что съ этимъ писателемъ добросовѣстная и дѣлая полемика, клонящаяся къ выясненію и всестороннему разсмотрѣнію идей, вообще совершенно невозможна, и была бы невозможна даже въ томъ случаѣ, если бы я не позволилъ себѣ никакой рѣзкой выходки. Какъ бы то ни было, я уклонился отъ полемики и сталъ желать ея прекращенія, какъ только обозначился ея неблаговидный и совершенно безплодный характеръ. Я рѣшился молчать, когда г. Антоновичъ въ своей статьѣ «Промяхи» разобралъ *по своему* мой «Нерѣшенный Вопросъ». Не желая защищаться и поддерживать такимъ образомъ лич-ный характеръ полемики, я однако съ свойственною мнѣ рѣзкостью разобралъ и осмѣялъ тѣ жалкія несообразности, которыя были высказаны г. Антоновичемъ по поводу «Эстетическихъ Отношеній». Мои насмѣшки заставили г. Антоновича направить противъ «Русскаго Слова», и преимущественно противъ меня статью «Лже-реалисты», помѣщенную въ июльской книжкѣ «Современника». Эта статья налагаетъ на меня обязанность защищаться, и защищаться очень серьезно.

II.

Въ самомъ началѣ своей статьи, г. Антоновичъ отзывается о «Русскомъ Словѣ» слѣдующимъ образомъ: «До сихъ поръ оно только пробавлялось чужими, подслушанными или напрокатъ взятыми фразами, не пускаясь въ объясненіе смысла ихъ, и всё были увѣрены, что оно понимаетъ эти фразы и понимаетъ ихъ, какъ слѣдуетъ»... «Теперь же «Русское Слово» вызвали на объясненіе, заставили его опредѣленно высказаться, какъ оно понимаетъ реализмъ и какъ прилагаетъ его къ различнымъ частнымъ вопросамъ.» (Стр. 54). *До сихъ поръ и теперь!* До какихъ это поръ? и что значить это *теперь?* Когда именно «Русское Слово» пробавлялось чужими фразами, у кого были взяты напрокатъ эти фразы, съ какихъ поръ начи-

нается разоблаченіе «Русскаго Слова», и кто заставилъ его опредѣленно высказаться? Если для разрѣшенія этихъ вопросовъ мы обратимся къ печатнымъ фактамъ, то тотчасъ увидимъ, что вся теорія г. Антоновича о двухъ фазахъ въ существованіи «Русскаго Слова» есть ни что иное, какъ плодъ игриваго воображенія. Если «Русское Слово» брало напрокатъ реалистическія фразы, то, разумѣется, оно могло брать ихъ только у «Современника». На самомъ же дѣлѣ этого не было. «Русское Слово» уже въ 1861 году не разъ высказывало, по поводу различныхъ статей «Современника» свои критическія замѣчанія. Въ майской книжкѣ 1861 года, въ статьѣ «Схоластика XIX вѣка», я доказывалъ неумѣстность тѣхъ приемовъ, съ которыми г. Антоновичъ приступаетъ къ разбору лекцій г. Лаврова. Въ сентябрьской книжкѣ того же года, въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, я опровергалъ нѣкоторыя мысли г. Чернышевскаго о паденіи римской имперіи. Вѣрны или ошибочны были мои идеи, объ этомъ я, какъ авторъ, судить не могу, но во всякомъ случаѣ, если даже я ошибался, то я ошибался самостоятельно, то есть, размышляя самъ, а не бралъ напрокатъ чужихъ фразъ. Въ томъ же 1861 году нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ сильно пападали на меня за «Схоластику» и за статью о физиологическихъ эскизахъ Молешота. Они тогда же пугали мною «Современникъ» и говорили ему, что я довожу его идеи до абсурдовъ, которые однако составляютъ логическое слѣдствіе этихъ самыхъ идей. Слѣдовательно, если я вообще компрометирую реализмъ моею литературною дѣятельностью, то, во всякомъ случаѣ, я занимаюсь этимъ компрометированіемъ очень давно и постоянно, съ перваго моего появленія на литературномъ поприщѣ. Такого періода, когда я повторялъ чужія фразы, въ моей литературной дѣятельности не было. Все, что я знаю, то конечно я не самъ открывалъ, а вычиталъ въ различныхъ книгахъ, русскихъ и иностранныхъ. Но я полагаю, что точно такимъ же путемъ приобрѣтали себѣ свои знанія и Бѣлинскій, и Добролюбовъ, и г. Чернышевскій, и всѣ остальные представители нашего реализма. Всѣ они не изобрѣтали науку, а принимали ее въ готовомъ видѣ отъ западныхъ учителей, и потомъ старались приспособлять ее къ пониманію своихъ россійскихъ учениковъ. Я всегда поступалъ и поступаю до сихъ поръ точно также; въ какомъ отношеніи находятся мои личныя силы къ силамъ названныхъ мною писателей, объ этомъ я судить не могу, но я говорю только, что въ своей дѣятель-

ности, постоянно работалъ и работаю мыслью такъ же самостоятельно, какъ работали они. Итакъ, повторенія чужихъ фразъ въ «Русскомъ Словѣ» никогда не было. Точно также не было и тѣхъ вызываній на объясненія, которыя, будто бы, по словамъ г. Антоновича, заставили «Русское Слово» опредѣленно высказаться. «Русское Слово» высказывалось постоянно по собственному желанію, высказывалось тогда, когда не было никакихъ полемическихъ столкновеній, вызывающихъ на объясненія. Г. Антоновичъ самъ признаетъ этотъ фактъ, и такимъ образомъ, самъ того не замѣчая, собственноручно опрокидываетъ свое показаніе, будто бы «Русское Слово» сначала драпировалось въ чужія фразы, а потомъ явилось въ своей позорной наготѣ, когда посторонніе люди сорвали съ него эту драпировку. Въ числѣ главныхъ преступленій «Русскаго Слова» противъ реализма, г. Антоновичъ ~~отмѣчаетъ~~ отмѣчаетъ мою статью о Базаровѣ, напечатанную въ 1862 году, и мои статьи: «Мотивы русской драмы» и «Нерѣшенный вопросъ», напечатанныя въ 1864 году. Всѣ эти статьи напечатаны до нашего столкновенія съ «Современникомъ»; въ самомъ столкновеніи инициатива принадлежала намъ, а не «Современнику». Стало быть, ясно, что мы совершали наши преступленія сознательно, по собственному желанію, помимо всякихъ постороннихъ побужденій и вызываній на объясненіе. Если бы мы брали папротать чужія фразы и если бы, вслѣдствіе этого, мы нуждались въ снисходительности и долготерпѣннн того магазина, который снабжалъ насъ этими фразами, то мы, конечно, тщательно уклонялись бы отъ всякихъ столкновеній съ «Современникомъ». Видя наше смиреніе, «Современникъ», съ своей стороны, постоянно молчалъ бы объ насъ, и при такомъ положеніи дѣлъ мы могли бы совершенно безопасно украшать себя чужими фразами до конца нашей жизни. Мы поступали какъ разъ наоборотъ, и поэтому слова г. Антоновича о повтореніи чужихъ фразъ и о вызываніи на объясненіе оказываются совершенно произвольною выдумкою, въ которой нѣтъ даже отдаленнаго сходства съ дѣйствительными фактами. Это—*первое* изобрѣтеніе, заключающееся въ статьѣ г. Антоновича, и притомъ это одно изъ самыхъ невинныхъ. На той же страницѣ, г. Антоновичъ говоритъ, что нѣкоторые изъ противниковъ реализма «забрасываютъ «Русскому Слову» весьма нехитрую удочку, на которую оно однако попадаетъ: они иногда прихваливаютъ «Русское Слово», говорятъ, что оно не останавливается на полдорогѣ, а искренно и смѣло высказываетъ послѣдніе выводы ре-

леша... *М* Подстрекаемые этими похвалами, гг. Писаревъ и Зайцевъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются отличиться какой нибудь оригинальной нелѣпостью» и т. д. — Вотъ это *второе* изобрѣтеніе, пеняющее за себя даже виѣшняго вида правдоподобія. Если мы съ г. Зайцевымъ такіе тщеславные и пустоголовые люди, что похвалы, достигающія насъ отъ враговъ нашей идеи, не только радуютъ насъ, но даже обнаруживаютъ видоизмѣняющее вліяніе на нашу дѣятельность, то, очевидно, порицанія, достигающія насъ отъ тѣхъ же самыхъ враговъ, должны дѣйствовать на насъ такъ же сильно, но только въ противоположномъ направленіи. Если мы, какъ глупые ребятишки, выслушивая похвалу, охорашиваемся, куражнися и повышаемъ голосъ, то, разумѣется, выслушивая порицаніе, мы должны опускать крылья, погружаться въ уныніе и понижать тонъ. Теперь я попрошу читателя подумать: что приходится намъ чаще встрѣчать себѣ въ печати — похвалу или порицаніе? — Читатель, сколько нибудь знакомый съ нашею журналистскою, скажетъ, конечно, что порицаніе составляетъ общее правило, а похвала совершенно незамѣтное исключеніе. Каждая изъ нашихъ статей возбуждаетъ противъ себя негодованіе во всей нашей прессѣ; мы постоянно идемъ навстрѣчу этому негодованію, не обращая на него никакого вниманія, а г. Антоновичъ умозаключаетъ, что мы поступаемъ такимъ образомъ изъ тщеславія, и что насъ подстрекаютъ похвалы, которыхъ мы почти никогда не получаемъ. Это послѣднее замѣчаніе особенно вѣрно въ отношеніи къ г. Зайцеву; съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ писать, о немъ говорятъ постоянно, и до сихъ поръ о немъ не было сказано печатно *ни одного добраго слова*; а между тѣмъ г. Антоновичъ, наперекоръ всѣмъ существующимъ фактамъ, осмѣливается утверждать, что г. Зайцева подстрекаютъ похвалы. Цѣль г. Антоновича понять не трудно: ему хочется доказать, что мы *пишемъ безъ убѣжденія*. Но какъ прикажете назвать тѣ средства, которыя ~~употребляетъ~~ нашъ противникъ, и ту логику, которою онъ старается обморочить своихъ читателей?

На стр. 55 начинается бѣглое перечисленіе нашихъ преступленій. На первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, Базаровъ; вина моя заключается въ томъ, что я принялъ и принимаю до сихъ поръ Базарова не за карикатуру, а за превосходнаго представителя нашего поколѣнія. Я уже давно приглашалъ г. Антоновича объяснить, посредствомъ подробнаго и точнаго анализа, что именно онъ нахо-

дять предосудительнымъ въ характерѣ и въ убѣжденіяхъ Базарова; г. Антоновичъ до сихъ поръ ровно ничего не объяснилъ, и вслѣдствіе этого вопросъ о томъ, вѣрнѣе или невѣрнѣе мой взглядъ на Базарова, и чей взглядъ вѣрнѣе — мой или г. Антоновича — остается по прежнему спорнымъ или нерѣшеннымъ вопросомъ. Но я теперь начинаю уже думать, что этотъ вопросъ рѣшенъ въ мою пользу, потому что г. Антоновичъ въ своей статьѣ «Промахи», написанной имъ послѣ полугодовыхъ сборовъ и угрозъ, не представилъ противъ моего взгляда на характеръ Базарова ни одного состоятельнаго возраженія. Г. Антоновичъ говоритъ, что враги реализма, защищая романъ Тургенева, ссылаются на меня; г. Антоновичъ вспоминаетъ здѣсь времена давнопрошедшія. Враги реализма любили говорить о романѣ Тургенева три года тому назадъ; они надѣялись тогда, что этотъ романъ принесетъ имъ пользу, что онъ испугаетъ молодыхъ людей рѣзкостью изображенія и отброситъ ихъ назадъ къ сантиментальному идеализму и къ благо- нравному чинопочитанію. Враги реализма скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ; когда «Русское Слово» объяснило молодымъ людямъ, что въ рѣзкихъ чертахъ базаровской фізіономіи нѣтъ ничего страшнаго, порочнаго или предосудительнаго, тогда романъ Тургенева потерялъ для враговъ реализма всю свою привлекательность. Тогда началось шумное, но краткое пированіе систематической клеветы. Дѣло кончилось тѣмъ, что гг. Ключниковъ и Стеблицкій, своею тупостью и недобросовѣстностью, окончательно уронили и втоптали въ грязь тѣ античныя драгоценности, которыя имъ желательно или приказано было охранять и расхваливать. О романѣ Тургенева враги реализма вспоминаютъ теперь рѣдко и неохотно, и то обстоятельство, что онъ до сихъ поръ ссылаются на меня, существуетъ только въ воображеніи г. Антоновича.

«Или вдругъ, — говорится далѣе на той же страницѣ, — г. Зайцевъ провозгласитъ, что философъ за ихъ философскія ошибки нужно подвергать тѣлеснымъ и другимъ исправительнымъ наказаніямъ, что рабство негровъ неизбежно и благотворно». Читатель, незнакомый съ статьями г. Зайцева, можетъ подумать, на основаніи этихъ словъ, что г. Зайцевъ дѣйствительно серьезно доказывалъ необходимость съѣхъ заблуждающихся философъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что слова г. Зайцева о наказаніяхъ брошены въ

видъ восклицанія (*), выражающаго просто глубокое презрѣнiе автора къ шарлатанству нѣмецкихъ метафизиковъ. Такая риторическая фигура можетъ казаться г. Антоновичу неуиѣстной и неизящною въ стилистическомъ отношенiи; но навязывать г. Зайцеву на основанiи этой фигуры мысль о необходимости тѣлесныхъ наказанiй — это все равно, что придирается въ книгѣ къ шрифту и къ опечаткамъ, вмѣсто того чтобы слѣдить за идеями автора. Что риторическiя фигуры, подобныя той, которую употребилъ г. Зайцевъ, дѣйствительно могутъ приходить въ голову честному и умному человеку, желающему выразить какъ можно сильнѣе свое негодованiе, это я могу доказать слѣдующею выпискою изъ книги Лассалля: «Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch». Прусскiй либераль, депутатъ Фаукеръ, сказалъ въ собранiи берлинскихъ работниковъ, что барышгъ капиталиста есть *награда за воздержанiе* (Entbehrungslohn). «Работникамъ, восклицаетъ по этому поводу Лассалль, бѣднымъ работникамъ, голодающимъ работникамъ они имѣютъ дерзость публично бросать въ лицо эту безвѣчную насмѣшку, эту язвительную иронию?! Развѣ не существуетъ болѣе совѣсти, и развѣ же стыдъ убѣждалъ къ звѣрямъ?—И притупленiе и оскотненiе народа уже теперь доведены съ успѣхомъ до такихъ размѣровъ, что сами работники вмѣсто того, чтобы разразиться бурною негодованiя, терпѣливо выслушиваютъ это открытое глумленiе? *Зачѣмъ въ законъ не положено наказанiй за подобныя продѣлки?* развѣ систематическое притупленiе народнаго ума не есть преступленiе?» (стр. 111). А на слѣдующей страницѣ Лассалль говоритъ Шульце-Деличу слѣдующiя любезности: «Но, господинъ Шульце, всему свое время, все наказывается еще въ этомъ мiрѣ, и наступитъ тотъ день, когда общественная совѣсть заклепнитъ васъ и ваше лицезрѣнiе, и вашихъ клеветовъ такъ, какъ вы того достойны. *Вамъ выжгутъ каменьямъ желѣзомъ на лбу слово Entbehrungslohn!*» Теперь г. Антоновичъ

(*) Поднявныя слова г. Зайцева: „Если найдется упрямецъ, который, хотя и готовъ согласиться съ тѣмъ, что мiръ есть силлогизмъ, но которому совершенно, откуда философъ почерпнулъ свои познанiя о такихъ вещахъ, то философъ укажетъ ему на непосредственное усмотрѣнiе, какъ на общiй источникъ познанiя истины, и на свой личный генiй, какъ на специальный источникъ. Собственно бы слѣдовало ожидать, что, за подобный отвѣтъ, философъ прогоняетъ съ пьедестала методой, посадятъ въ водолечебницу или подвергнутъ исправительному наказанiю; но, къ стыду человечества и XIX вѣка, это не только сходитъ имъ съ рукъ, но даже заслуживаетъ всяческое поощренiе.“

очевидно может и даже долженъ записать Лассалья въ число свирѣпѣйшихъ деспотовъ и тупоумнѣйшихъ обскурантовъ, потому что Лассаль, какъ видите, желаетъ обогатить уголовный законъ особою статью, направленною противъ заблуждающихся экономистовъ, и кромѣ того стремится при содѣйствіи каменнаго желѣза обучать Шульце-Делича элементарнымъ истинамъ соціальной науки. Если г. Зайцевъ согрѣшилъ противъ заповѣдей истиннаго реализма, то Лассаль согрѣшилъ еще сильнѣе. Г. Антоновичъ возразить мнѣ, быть можетъ, что экономисты, подобные Шульце-Деличу и Фаухеру, морочатъ работниковъ *умышленно*. Но на это я отвѣчу, что, анализируя ошибочную доктрину, мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности установить ту пограничную черту, до которой простираются тупоуміе и невѣжество и съ которой начинается сознательная ложь. Шульце-Деличи и Фаухеры вѣруютъ въ неприкосновенную святость лихонимства также искренно или также неискренно, какъ Шеллингъ и Гегель вѣруютъ въ свои абсолюты. Въ общемъ итогѣ, какъ абсолюты, такъ и доктрины о святости лихонимства производятъ притупленіе общественнаго сознанія. Значитъ, негодованіе г. Зайцева въ своей исходной точкѣ также законно, какъ негодованіе Лассалья. Что же касается до той внѣшней формы, въ которой выразилось это негодованіе, то мы ея нисколько не дорожимъ и охотно отдаемъ ее на сѣденіе тѣмъ критикамъ, которымъ угодно тратить время на мелкія стилистическія замѣчанія по неспособности къ болѣе серьезной работѣ.

Теперь о неграхъ. Г. Зайцевъ никогда не думалъ доказывать, что американскимъ колонистамъ непременно слѣдовало отправлять корабли къ берегамъ Африки, воровать или покупать тамъ негровъ, привозить ихъ въ Америку, и превращать ихъ на тамошнихъ плантаціяхъ въ рабочую машину. Г. Зайцевъ говорилъ только (*) по новоду вниги Катрофажа «Единство рода человѣческаго», что, когда

(*) Подлинныя слова г. Зайцева: «Несомнѣнно и признано всѣми, что невольничество есть самый лучший исходъ, котораго можетъ желать цвѣтной человѣкъ, прійди въ сопркосновеніе съ бѣлой расой, потому что онъ достается въ удалъ только наиболѣе развитымъ и сильнымъ расамъ; большая же часть ихъ не могутъ вовсе существовать рядомъ съ кавказскимъ племенемъ и вскорѣ совершенно вымираютъ.»—«Сантиментальные враги невольничества умѣютъ только цитировать тексты и пѣть псалмы, но не могутъ указать ни одного факта, который бы показывалъ, что образованіе и свобода могутъ превратить въ умственнымъ отношеніи негра въ благаго.»

бѣлые и негры живутъ вмѣстѣ въ одной странѣ, тогда нишей расѣ, то есть черной, предстоить неизбежно или вымирание, или порабощеніе. Будетъ ли порабощеніе черной расы освящено закономъ, или же оно будетъ только заключаться въ безвыходной и безнадежной экономической зависимости — это въ сущности все равно для тѣхъ людей, которые способны понимать смыслъ общественныхъ явленій, не останавливаясь на ихъ внѣшней формѣ и не прельщаясь буквою либеральныхъ узаконеній.

Г. Зайцевъ высказалъ ту, вовсе не эксцентрическую мысль, что законъ Дарвина прилагается также и къ человѣческимъ расамъ. Если г. Антоновичъ думаетъ, что къ человѣчеству этотъ законъ не прилагается, то г. Антоновичъ долженъ объяснить, на чемъ онъ основываетъ свое предположеніе. Спрашивается, какое свойство или какая сила человѣческаго организма обуславливаетъ собою это изъятіе изъ общаго закона, распространяющагося на весь органическій міръ? Всѣ извѣстные историческіе факты говорятъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ въ пользу мнѣнія г. Зайцева. Бѣлая раса вездѣ и всегда играла роль жолтаго таракана и пасюка: португальцы истребили гуанховъ, жителей Канарскихъ острововъ; испанцы истребили краснокожихъ обитателей Вестъ-Индіи; англичане истребили или поработили индусовъ, австралійцевъ, новозеландцевъ и сѣверо-американскихъ индѣйцевъ; русскіе истребили алеутовъ и многое множество разныхъ сибирскихъ инородцевъ. Всякій желающій можетъ проливать потоки слезъ надъ могилами этихъ истребленныхъ разновидностей, но называть человѣка *лжереалистомъ* за то, что онъ спокойно констатируетъ существующій фактъ, значитъ превращать науку въ ребяческое и приторное прославленіе либеральныхъ симпатій и сантиментальныхъ иллюзій. Если г. Антоновичъ гонится не за истинною, а за утѣшительностью, то ему слѣдуетъ сдѣлаться не только идеалистомъ, а даже супранатуралистомъ. Супранатурализмъ гораздо утѣшительнѣе реализма—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но если негры — низшая раса, обреченная на гибель самою природою, то, стало быть, рабство — явленіе неизбежное, законное и благотворное? Ничуть не бывало. Рабство все-таки остается явленіемъ отвратительнымъ и вреднымъ. Дѣло въ томъ, что рабство разслабляетъ умъ и уродуетъ характеръ *тѣхъ бѣлыхъ людей*, которые владѣютъ рабами и которые живутъ въ рабовладѣльческомъ государствѣ. Такъ наприимѣръ, рабовладѣльцы, по самому своему по-

ложенію, принуждены быть систематическими обкурантами, потому что распространеніе знаній въ низшемъ классѣ народа подкапываетъ рабство въ самомъ его основаніи. Далѣе, въ рабовладѣльческомъ государствѣ не можетъ быть равенства гражданъ передъ закономъ; отправленіе правосудія должно постоянно извращаться политическими соображеніями; далѣе, каждый рабовладѣлецъ окружаетъ себя цѣлымъ гаремомъ невольницъ и, привыкнувъ обращаться по султански съ своими безответными одалисками, относится также грубо къ своей женѣ, искажая такимъ образомъ основной характеръ европейской семейственности. Далѣе, привыкнувъ къ безпрекословному повиновенію со стороны окружающахъ рабовъ, рабовладѣлецъ вноситъ во всѣ свои общественныя отношенія ту необузданность, которую воспитала въ немъ плантаторская жизнь. Достаточно напомнить читателю, съ одной стороны, подвиги глуповцевъ, плюющихъ другъ другу въ лохань, то есть, въ физиономію, а съ другой стороны, племенные приемы американскихъ плантаторовъ, пускающихъ въ ходъ гуттаперчевыя палки въ засѣданіяхъ конгресса и сената. Всѣ эти аргументы противъ рабства остаются совершенно неприкосновенными во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ нашъ взглядъ на отношенія между бѣлыми и цвѣтными расами. Если, какъ говоритъ г. Антоновичъ, противники реализма, пользуясь словами г. Зайцева, приходятъ въ восторгъ и кричатъ, что реализмъ освящаетъ рабство, то эти восторженные крики доказываютъ только тупоуміе или недобросовѣстность этихъ противниковъ, на крики которыхъ ни одинъ порядочный реалистъ не будетъ обращать никакого вниманія; тѣмъ болѣе, что къ этому упражненію легкихъ и голосовыхъ хрипѣй давно пора привыкнуть,

Und ihres Bellens lauter Schall
Beweist nur, dass wir reiten.

Съ этими лающими противниками реализма г. Антоновичъ, неизвѣстно для чего, вступаетъ въ разговоръ, стараясь имъ доказать, «что истинный реализмъ требуетъ во всемъ свободы и устраненія всякихъ наказаній.» *Во всемъ свободы* — это неправда, потому что такимъ путемъ мы придемъ къ принципу буржуазныхъ экономистовъ: *laissez faire, laissez passer*, — къ тому самому принципу, противъ котораго неутомимо боролись всѣ лучшіе наши представители русскаго

реализма. Н. Г. Чернышевскій. Что же касается до *устраненія всякихъ наказаній*, то эту идею «Русское Слово» постоянно выражало съ такою твердостью и опредѣленностью, съ какою врядъ ли когда нибудь выражалъ ее «Современникъ». Читатель можетъ справиться, по этому вопросу съ статью г. Забцева: «Естествознаніе и юстиція», напечатанною въ 1863 году, съ статью г. Т. З. объ уголовныхъ законахъ европейскихъ государствъ, напечатанною въ майской книжкѣ 1864 года, и съ другою статью того же Т. З. о книгѣ Моро-Крестова: «*Zes monde des coquins*», напечатанною въ январской книжкѣ 1865 года. Тогда читатель увидитъ, имѣетъ ли г. Антоновичъ какое нибудь право монополизировать въ пользу «Современника» идею невинности.

III.

На стр. 56, г. Антоновичъ ставитъ мнѣ въ вину то, что я заявилъ печатно мое несогласіе съ Добролюбовымъ почти на всѣхъ пунктахъ. По своему обыкновенію, г. Антоновичъ стращаетъ насъ врагами реализма: «Указывая на г. Писарева, говоритъ онъ, эти враги могли бы сказать: такъ вотъ каковъ Добролюбовъ: Не прошло и пяти лѣтъ послѣ его смерти, какъ въ его писаніяхъ самыя горячіе приверженцы его не могутъ найти уже ни одного почти пункта, съ которымъ бы они могли согласиться.» Эти слова, если бы они дѣйствительно были къ нибудь произнесены, оказались бы чистѣйшею нелѣпностью по той простой причинѣ, что я никогда не былъ ни *самымъ горячимъ*, ни даже просто *горячимъ* приверженцемъ Добролюбова.

Я давно разошелся съ Добролюбовымъ на многихъ пунктахъ. Добролюбовъ восхищался характеромъ Писарева въ романѣ г. *Тургенева* «Накануцѣ». Я, напротивъ того, утверждалъ печатно въ 1861 г., что Писаровъ—цѣлая и безжизненная картонная кукла. Добролюбовъ постоянно относился къ г. Писемскому съ полнѣйшимъ и отчасти даже аффектированнымъ пренебреженіемъ. Я, напротивъ того, въ томъ же 1861 году отнесся къ г. Писемскому съ величайшимъ уваженіемъ и поставилъ его, въ моихъ критическихъ статьяхъ выше гг. *Тургенева* и *Голцарова*. По этому случаю, г. Антоновичъ конечно непремѣнно возликуетъ и уважетъ мнѣ на «Взбаломученное море». Но гнусность «Взбаломученнаго моря» нисколько не уничтожаетъ

себою достоинствъ «Тюфяка», «Богатаго жениха», «Боярщины», «Тысячи душъ», «Брака по страсти», «Комика» и «Горькой судьбины». Если надо безусловно осуждать всё произведенія писателя за то, что этотъ писатель на старости лѣтъ начинаетъ писать глупости, то придется бранить «Ревизора» и «Мертвыя души» за то, что Гоголь подъ конецъ своей жизни, съѣхалъ на «Переписку съ друзьями». «Взбаломученное море» составляетъ только одно изъ многочисленныхъ подтвержденій той извѣстной истины, что наши знаменитости не умѣютъ забастовать во—время и продолжаютъ писать когда имъ слѣдовало бы отдыхать на лаврахъ. Къ числу такихъ же, хотя и не столь ярко-позорныхъ явленій, принадлежать и «Призраки» г. Тургенева.—Далѣе, Добролюбовъ относился крайне-снисходительно и даже любовно къ стихотворнымъ шалостямъ гг. Фета и Полонскаго; я, напротивъ того, осмѣялъ эти шалости въ томъ же 1861 году. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, которые читатель можетъ найти въ статьяхъ: «Стоячая вода», «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» и «Женскіе типы въ повѣстяхъ и романахъ [Писемскаго, Тургенева и Гончарова],—изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ то неотразимое заключеніе, что ни враги, ни друзья реализма не имѣютъ никакого права ни называть меня *самымъ горячимъ приверженцемъ* Добролюбова, ни радоваться, удивляться, печалиться или негодовать по случаю моего теперешняго отпаденія отъ Добролюбова: никакого отпаденія не было и быть не могло, потому что не было никогда никакой приверженности. Я всегда считалъ и до сихъ поръ считаю Добролюбова за очень умнаго и за очень честнаго человѣка; но съ очень многими изъ его мнѣній я все-таки совершенно несогласенъ. Если г. Антоновичъ не понимаетъ что можно глубоко уважать человѣка и въ то же время расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ, если онъ думаетъ, что уважать человѣка и писателя значить *jugare in verba magistri* (вляться словами учителя) и относиться къ нему съ наивно-инстинктивнымъ благоговѣніемъ, то мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что роль перваго критика въ «Современникѣ» досталась такому человѣку, который не въ силахъ возвыситься до понятія объ умственной самостоятельности и о свободной оцѣнѣ чужихъ мнѣній.

«Мы уже не говоримъ, продолжаетъ г. Антоновичъ, какъ это ограниченное самообольщеніе «Русскаго Слова» (т. е. разногласіе съ Добролюбовымъ) вредно дѣйствуетъ на тѣхъ обижен-

ныхъ натурою читателей, которые вѣрятъ ему и, вслѣдствіе этой вѣры, вдохновеннымъ и поучительнымъ статьямъ Добролюбова предпочитаютъ еразистую, но несмысленную болтовню гг. Писарева и Зайцева».—Это хорошо, что вы этого *не говорите*, потому что, если бы вы это сказали, то слова ваши оказались бы или совершенно бессмыслицею, или одною изъ многихъ вашихъ выдумокъ. Если вы этою фразою хотите выразить ту мысль, что многіе читатели, прочитавъ Добролюбова, послѣ того читаютъ съ удовольствіемъ статьи гг. Писарева и Зайцева, то тогда невозможно понять, что именно огорчаетъ въ этомъ фактѣ васъ, какъ *горячаго приверженца* Добролюбова? Развѣ вы полагаете, что послѣ смерти Добролюбова, во всѣхъ русскихъ читателяхъ должно навсегда замереть желаніе слѣдить за современнымъ движеніемъ жизни, науки и литературы? Если вы такъ думаете, то вамъ самимъ не слѣдуетъ писать, а слѣдуетъ только перепечатывать въ критическомъ отдѣлѣ «Современника» всѣ статьи Добролюбова, съ первой до послѣдней; окончивъ эту перепечатку одинъ разъ, слѣдуетъ начать ее во второй разъ, потомъ въ третій, и т. д. безъ конца. Если же въ вашей фразѣ, которую вы *не говорите*, заключается тотъ смыслъ, что, довѣряясь указаніямъ «Русскаго Слова», простодушные читатели смотрятъ съ пренебреженіемъ на Добролюбова, какъ на отсталаго писателя и, вслѣдствіе этого, совсѣмъ не читаютъ его сочиненій, то тогда ваша фраза заключаетъ въ себѣ чистѣйшую ложь. Г. Зайцевъ, въ своей статьѣ «Бѣлинскій и Добролюбовъ» (1864. Январь), очень горячо и убѣдительно рекомендуетъ своимъ читателямъ чтеніе статей Добролюбова. Я говорю точно тоже самое въ моей статьѣ «Кукольная трагедія» (1864. Августъ). Вотъ мои подлинные слова: «Грибоѣдовъ, Крыловъ въ нѣкоторыхъ изъ его лучшихъ басенъ, Пушкинъ въ Онѣгинѣ, Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ первой части Мертвыхъ душъ, въ Ревизорѣ и во многихъ мелкихъ повѣстяхъ, Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Островскій и особенно Бѣлинскій и Добролюбовъ, и въ заключеніе, какъ фактъ вчерашняго дня, романъ «Что дѣлать»—это все сырые матеріалы, которые *каждый изъ нашихъ образованныхъ соотечественниковъ долженъ непременно переработать въ своемъ умѣ*, чтобы знать, чего мы хотимъ, о чемъ мы думаемъ, и съ какихъ различныхъ точекъ зрѣнія мы рассматриваемъ наше собственное положеніе». (55.) Изъ этихъ словъ вы видите, что, если даже —чего Боже сохрани—

у меня есть читатели, припимающіе каждое мое слово на вѣру безъ критики, то и эти читатели не будутъ относиться къ Добролюбову съ пренебреженіемъ, а напротивъ того, основываясь на моихъ словахъ, проникнутся тѣмъ убѣжденіемъ, что чтеніе Добролюбова составляетъ необходимую и особенно важную часть въ общемъ образованіи каждаго русскаго человѣка. Если же читатели, прочитавъ Добролюбова, согласятся не съ нимъ, а со мною, то въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, весьма прискорбномъ для г. Антоновича, я съ своей стороны, при всемъ моемъ сочувствіи къ трогательной горести г. Антоновича, не могу видѣть ничего предосудительнаго, потому что, если бы я считалъ Добролюбовскія мнѣнія болѣе вѣрными, чѣмъ мои собственныя, тогда я, разумѣется, давно отказался бы отъ своихъ мнѣній и примкнулъ безусловно къ Добролюбову. — Меня вообще очень изумляетъ одно обстоятельство: какъ это г. Антоновичъ не видитъ и не понимаетъ, что, жалуясь на тѣхъ перебѣжчиковъ, которые, покидая Добролюбова, присоединяются къ гг. Зайцеву и Писареву, — онъ, г. Антоновичъ, дѣлаетъ со слезами на глазахъ и въ голосъ публичное признаніе собственнаго безсилія. Г. Антоновичъ самъ — безусловный послѣдователь Добролюбова; бывшіе обожатели Добролюбова, по словамъ самого г. Антоновича, перебѣжали или перебѣгаютъ къ другимъ писателямъ. Кто же виноватъ въ этомъ, какъ не преемникъ и послѣдователь Добролюбова? Зачѣмъ же этотъ преемникъ и послѣдователь не умѣетъ удержать этихъ перебѣжчиковъ въ своей школѣ? Зачѣмъ онъ не умѣетъ приковать къ себѣ умы и сердца бывшихъ обожателей Добролюбова? И если у него на такой подвигъ не хватаетъ силъ, то какое же право онъ имѣетъ хныкать, брюзжать и ворчать на тѣхъ людей, которые работаютъ сильнѣе, икуснѣе и успѣшнѣе его? Одно изъ двухъ: или эти перебѣжчики умны, или они глупы; въ первомъ случаѣ ихъ приговоръ рѣшается дѣло: кто привлекаетъ ихъ къ себѣ, тотъ и правъ; во второмъ же случаѣ, я не понимаю, изъ-за чего хлопотеть г. Антоновичъ, и какая ему выгода будетъ отъ того, что глупые люди будутъ глупѣйшимъ образомъ поклоняться Добролюбову и его преемнику. Я съ своей стороны очень охотно готовъ уступать всѣхъ російскихъ идіотовъ въ вѣчное потомственное владѣніе гг. Каткову и Николаю Соловьеву.

Перечисливъ такимъ образомъ наши преступленія (Базаровъ, тѣлесныя наказанія философовъ, неуваженіе къ неграмъ, разногласіе

съ Добролюбовымъ), г. Антоновичъ на стр. 57 объявляетъ, что поэтому необходимо разграничить и послѣдователей реализма, отдѣлить между ними овецъ отъ козловъ, и рѣзко установить тотъ фактъ, что кромѣ дѣйствительныхъ реалистовъ есть еще мнимые реалисты или же-реалисты, которые считаютъ г. Тургенева своимъ учителемъ, а Базарова своимъ идеаломъ, и органомъ или оракуломъ которыхъ служить «Русское Слово», т. е. собственно гг. Писаревъ и Зайцевъ, занимающіеся извращеніемъ и обезображиваніемъ реализма».

Называть себя овцами или даже баранами вы можете безпрепятственно, сколько вашей душѣ или вашимъ душамъ будетъ угодно, этого названія мы у васъ осларивать не будемъ. Но имени *реалистовъ* мы вамъ, при нашемъ полюбовномъ размежеваніи, не уступимъ по той весьма основательной причинѣ, что не вы это имя выдумали, то есть, не вы первые примѣнили его къ той партіи, которая прежде называлась свистунами, а потомъ нигилистами. Потрудитесь припомнить, съ какого именно времени это названіе стало употребляться постоянно? Оно получило право гражданства въ концѣ прошлаго года; оно досталось вамъ по милости того самаго «Нерѣшеннаго вопроса», противъ котораго вы такъ долго, такъ упорно, такъ горячо и — увы такъ безуспѣшно воюете. Если вы осмѣлитесь отрицать вѣрность этого показанія, то я приведу вамъ такихъ свидѣтелей, которыхъ вы не можете отвести, потому что они совершенно безпристрастно и одинаково сильно ненавидятъ насъ обоихъ, то есть, какъ «Русское Слово», такъ и «Современникъ». Я сошлюсь на филистерскую журналистику, которая въ концѣ прошлаго года и въ началѣ нынѣшняго обсуживала съ разныхъ сторонъ терминъ *реалисты*, какъ новое явленіе, и старалась рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признать за нами это новое названіе, или не слѣдуетъ. Этому занятію предавался г. Николай Соловьевъ въ статьѣ «Теорія пользы и выгоды», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Эпохи». О томъ же предметѣ толковалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нынѣшняго года г. Incognito, въ первой изъ своихъ критическихъ статей. Наконецъ «Библиотека для чтенія», во 2-ой февральской книжкѣ нынѣшняго года, въ статьѣ «Послѣдніе цвѣты», прямо объявляетъ, что г. Писаревъ подѣмняетъ или уже подѣмнилъ старѣвшійся нигилизмъ — новымъ реализмомъ. Такимъ образомъ, мои авторскія права не подлежатъ въ этомъ случаѣ ни малѣйшему сомнѣнію. Но этого мало, что я первый примѣнилъ этотъ терминъ

я еще, кромѣ того, понимаю гораздо лучше васъ его неопѣванныя достоинства и выгоды именно для обозначенія нашей литературной партіи. Вы, то есть именно вы, г. Антоновичъ, а не «Современникъ» вообще, даже до сихъ поръ не знаете, почему имя *реалистовъ* особенно удобно для насъ, и почему оно такъ быстро пустило корни, что вы теперь, забывъ даже его мѣсторожденіе, стараетесь его у насъ оттигать. Я объясню вамъ достоинства и выгоды этого термина. Видите-ли: сущность нашего направленія заключаетъ въ себѣ двѣ главныя стороны, которыя тѣсно связаны между собою, но которыя однако могутъ быть разсматриваемы отдѣльно и обозначаемы различными терминами. Первая сторона состоитъ изъ нашихъ взглядовъ на природу: тутъ мы принимаемъ въ соображеніе только дѣйствительно-существующія, *реальныя*, видимыя и осязаемыя явленія или свойства предметовъ. Вторая сторона состоитъ изъ нашихъ взглядовъ на общественную жизнь: тутъ мы принимаемъ въ соображеніе только дѣйствительно-существующія, *реальныя*, видимыя и осязаемыя потребности человѣческаго организма. Слово *реальность* выражаетъ превосходно сліяніе этихъ двухъ сторонъ, и никакое, другое слово не выражаетъ этого сліянія вполне удовлетворительно потому что каждое изъ многихъ другихъ словъ направляется исключительно или на первую, или на вторую сторону. *Реальность* напротивъ того, исчерпываетъ весь смыслъ нашего направленія до самого дна, и въ то же время онъ никого не пугаетъ и не раздражаетъ; il ne casse pas les vitres. Это слово — тихое, вроткое и глубокое: einfach, nett und dauerhaft, (просто, мило и прочно), какъ говорить Новалисъ о сочиненіяхъ Гете. Вотъ почему оно вамъ понравилось, вотъ почему вы тянете его къ себѣ, и вотъ почему мы вамъ его не уступимъ тѣмъ болѣе, что вы рѣшительно не умѣете прикладывать его къ оцѣнкѣ явленій общественной жизни. Подумайте, г. Антоновичъ, какой же вы *реалистъ*, когда вы рѣшаетесь хвалить *политическую экономію* Милля, которая вся построена на такъ называемомъ законѣ Мальтуса и которая все разрѣшеніе общественной задачи видитъ только въ *благоразумномъ* воздержаніи работниковъ отъ наслажденій супружеской жизни? Говоря о политической экономіи Милля, вы даже не упомянули о его мальтузианствѣ, и вы, кромѣ того, нечаянно или умыленно, изъ желанія побраниться съ «Отечественными Записками», оклеветали г. Чернышев-

скаго, о сказавъ мнѣ, что онъ во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ соглашается съ Миллемъ. «Русское Слово», на которое вы стараетесь смотрѣть съ высокоуміемъ, далеко несоотвѣтствующимъ вашимъ личнымъ силамъ и знаніямъ, «Русское Слово», говорю я, могло бы предохранить васъ отъ этихъ двухъ печальныхъ ошибокъ. Въ «Русскомъ Словѣ», за 1862 годъ вы могли найти статью г. Соколова по поводу книги Рошера: «Начала народнаго хозяйства», а въ «Русскомъ Словѣ» за 1863 годъ—мои статьи: «Очерки изъ исторіи труда». Эти статьи объяснили бы вамъ съ ясностью, вразумительно даже для васъ: во первыхъ, что такое мальтузіанство, а во вторыхъ (это вы найдете у меня), какъ смотреть на Мальтуса г. Чернышевскій. — Далѣе, вы не можете быть реалистомъ потому, что, говоря о явленіяхъ общественной жизни, и о потребностяхъ человѣческаго организма, вы не умѣете расположить эти потребности въ той необходимой постепенности, которая вытекаетъ сама собою изъ ихъ сравнительной важности. Вы, напримѣръ, не понимаете, что, когда въ обществѣ есть не только голодные люди, но даже голодные классы, тог обществу рано, нелѣпо, отвратительно, неприлично и вредно заботиться объ удовлетвореніи другихъ потребностей второстепенной важности, развившихся у крошечнаго меньшинства сытыхъ и разжирѣвшихъ людей. Если бы вы прочитали внимательно и были способны понять комментаріи г. Чернышевскаго въ политической экономіи Милля, то вы увидѣли бы, что онъ сравниваетъ перазумное общество, имѣющее мало хлѣба и въ то же время заботящееся о музыкальныхъ консерваторіяхъ, объ операхъ, балетахъ, картинахъ и статуяхъ, съ глупымъ дикаремъ, который ходитъ нагишомъ и босикомъ и въ то же время украшаетъ себя золотыми браслетами и жемчужными ожерельями. Поэтому совѣтую вамъ совершенно искренно, бросьте названіе реалиста, которое вамъ совершенно не къ лицу; вы можете называть себя *овцою* или *бараномъ*, а еще того лучше назовите себя *либераломъ*, и раздѣлите это почетное и комфортабельное названіе съ «Московскими Вѣдомостями», съ «Сыномъ Отечества», съ «Голосомъ», съ «Отечественными Записками», словомъ, со всею русскою журналистикою, кромѣ «Домашней Бесѣды»—съ одной стороны, и «Русскаго Слова» — съ другой.

IV.

Г. Антоновичъ, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ, что мы считаемъ г. Тургенева своимъ учителемъ, а Базарова своимъ идеаломъ. Далѣе, онъ на пяти страницахъ (63—67) развиваетъ ту же мысль очень подробно и говоритъ, что «въ видѣ Базарова они (г. Зайцевъ и я) получаютъ желанный реалистическій талисманъ и ключъ къ скорому, почти механическому рѣшенію всѣхъ вопросовъ» (63). По соображеніямъ г. Антоновича оказывается, что до самого появленія тургеневскаго романа я «оставался въ невѣдѣніи относительно реализма.»—«Сколькихъ реалистовъ ни читалъ г. Писаревъ, ни одного изъ нихъ не могъ понять и узнать, что такое реализмъ.»—Увлекаясь своимъ желаніемъ выставить мое незнаніе и непониманіе какъ можно ярче, г. Антоновичъ, самъ того не замѣчая, опрокидываетъ одну изъ своихъ собственныхъ мыслей, высказанныхъ имъ немного выше. Онъ говоритъ на той же 63 стр., что, познакомившись съ сочиненіями Добролюбова, я его не понималъ и заключилъ, «что Добролюбовъ отсталъ, что у него нѣтъ почти ни одного реалистическаго пункта. Въ такомъ положеніи оставался г. Писаревъ въ концѣ 1861 года и въ началѣ 1862 года до той незабвенной минуты, когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появился романъ «Отцы и дѣти».—А на стр. 56 говорилось, что враги реализма причисляютъ меня къ самымъ горячимъ приверженцамъ Добролюбова. Спрашивается, какимъ же образомъ я могъ приобрести репутацію *самого горячаго приверженца*, если я съ 1861 года, то есть, съ перваго года моей литературной дѣятельности, заключилъ, что у Добролюбова *нѣтъ почти ни одного реалистическаго пункта*? Предлагаю г. Антоновичу выпутываться изъ этого противорѣчія всѣми выдумками и софизмами, какіе только имѣются въ его распоряженіи.—«Прочитавши одинокъ этотъ романъ, продолжаетъ г. Антоновичъ, г. Писаревъ въ нѣсколько часовъ узналъ, что такое реализмъ, и самъ сдѣлался реалистомъ, чего не случилось съ нимъ даже послѣ продолжительнаго чтенія многихъ статей Добролюбова и другихъ реалистовъ.»—«Такимъ образомъ, подобно тому, какъ первымъ своимъ превращеніемъ г. Писаревъ обязанъ былъ г. Благо-свѣтлову, второе его превращеніе совершилось; благодаря г. Турге-

нау, который сдѣлался учителемъ и руководителемъ г. Писарева, а г. Благосвѣтловъ отступилъ на задній планъ, въ роль простого совѣтника.»—Эти разсужденія г. Антоновича выставляютъ конечно мою личность въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ свѣтѣ, но разсужденія эти очевидно могутъ подействовать только на тѣхъ простодушныхъ читателей, которые привыкли принимать печатныя слова на вѣру безъ малѣйшей критики. Читатели мѣже простодушные требуютъ доказательствъ, увидятъ, что доказательствъ никакихъ не представлено, и сообразятъ, что если бы слова г. Антоновича скольконибудь соответствовали истинѣ, то найти доказательства было бы въ высшей степени легко. Въ самомъ дѣлѣ, до появленія тургеневскаго романа я работалъ въ «Русскомъ Словѣ» слишкомъ годъ и написалъ, по меньшей мѣрѣ, листовъ сорокъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ: тутъ есть и двѣ статьи о Меттернихѣ, и моя кандидатская диссертация объ Аполоніи Тианскомъ, и три статьи по естественнымъ наукамъ, по поводу сочиненій нѣмецкихъ реалистовъ, Молешета, Карла Фохта и Бюхнера, и наконецъ нѣсколько статей о современной русской литературѣ. Если я втеченіе этого перваго года не понималъ реализма, и если потомъ чтеніе тургеневскаго романа произвело во мнѣ *превращеніе*, то кто же ишалъ г. Антоновичу показать въ моихъ первыхъ статьяхъ образчики моего непониманія, и потомъ, сравнивая первыя мои статьи съ позднѣйшими, представить доказательства совершившагося во мнѣ превращенія? Г. Антоновичъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, и потому я полагаю, что онъ имѣетъ очень невыгодное мнѣніе о понятливости и требовательности тѣхъ читателей, въ глазахъ которыхъ онъ старается сдѣлать меня смѣшнымъ. Въ послѣдніе три года совершилось надъ нами и вокругъ насъ множество такихъ крупныхъ и важныхъ событій, которыя каждого человѣка, способнаго мыслить, заставляютъ вглядываться, какъ можно пристальнѣе, и вдумываться, какъ можно глубже, во все, что составляетъ совокупность его убѣжденій, надеждъ, желаній и плановъ. Поэтому нѣкоторыя частности дѣйствительно измѣнились въ моихъ понятіяхъ; такъ наприимѣръ мой взглядъ на отношенія искусства къ общественной жизни сдѣлался гораздо строже прежняго; нѣкоторыя черты моего образа мыслей выступили теперь рѣзче и обозначились яснѣе; но *превращенія* все-таки никакого не произошло, получи-

лось только постепенное, органическое развитие. Но въѣд г. Антоновичъ утверждаетъ совсѣмъ не то: онъ говоритъ, что превращеніе произошло со мною въ тѣ *нѣсколько часовъ*, которые я употребилъ на чтеніе тургеневскаго романа. Въ такомъ случаѣ, если г. Антоновичу не угодно прослыть за неискуснаго мистификатора довѣрчивой публики, то пусть онъ докажетъ, что мои статьи, написанныя въ январѣ и въ февралѣ 1862 года, отличаются существеннымъ образомъ отъ моихъ статей, написанныхъ въ апрѣлѣ и въ маѣ того же года. Кстати о превращеніяхъ: г. Антоновичъ приписываетъ мнѣ два превращенія: первое—произведенное г. Благосвѣтловымъ, и второе—произведенное романомъ г. Тургенева. Мы видѣли уже, что второе превращеніе выдуманно г. Антоновичемъ. Первое—не выдуманно, но понято совершенно невѣрно. Говоря объ этомъ первомъ превращеніи, г. Антоновичъ основывается на письмѣ моей матери, помѣщенномъ въ мартовской книжкѣ «Современника» за нѣмнѣшній годъ. Всѣ показанія этого письма совершенно вѣрны, но только надо ихъ понимать, а на это у г. Антоновича не хватаетъ остроумія, или добросовѣстности. Въ письмѣ моей матери сказано, что въ апрѣлѣ 1861 года я входилъ въ сношенія съ редакціею «Странника», желая помѣстить въ этотъ журналъ переводъ одной пѣсни «Мессіады». Изъ этого совершенно вѣрнаго показанія г. Антоновичъ заключаетъ совершенно ошибочно, что я въ апрѣлѣ 1861 года смотрѣлъ на весь міръ глазами «Странника», который, по справедливому замѣчанію того же г. Антоновича, есть ни что иное, какъ родной братецъ «Домашней Бесѣды». Только на основаніи этого ошибочнаго заключенія, г. Антоновичъ получаетъ поводъ говорить обо мнѣ, что «г. Писаревъ есть лучший цвѣтокъ въ саду реализма, посаженный и выращенный г. Благосвѣтловымъ.»—Я дѣйствительно многимъ обязанъ г. Благосвѣтлову въ моемъ развитіи, но я никогда не говорилъ что г. Благосвѣтловъ *первый* познакомилъ меня съ тѣми идеями, которыя я теперь провожу и защищаю въ «Русскомъ Словѣ». Г. Антоновичъ долженъ былъ бы сообразить, что редактору журнала нѣкогда заниматься *насаживаніемъ лучшихъ цвѣтковъ*, нѣкогда возиться съ совершенно необразованными и неразвитыми юношами, хотя бы эти юноши были даже очень умны отъ природы. Редакторъ обыкновенно беретъ себѣ въ сотрудники такихъ людей, въ которыхъ уже зашевелилась работа мысли, и въ которыхъ эта ра-

бота представляетъ хоть что нибудь родственное, хоть какую нибудь точку соприкосновенія съ главными идеями редактируемаго журнала. Именно такъ случилось и со мною. Первый трудъ, которымъ я зарекомендовалъ себя въ глазахъ г. Благосвѣтлова, былъ переводъ поэмы Гейне «Атта Троль». Г. Благосвѣтловъ увидалъ изъ этого перевода, что я люблю и понимаю Гейне. Этотъ симптомъ былъ уже достаточно выразителенъ, чтобы подать поводъ къ нашему ближайшему знакомству. За этимъ знакомствомъ послѣдовали работы, и если г. Антоновичъ потрудится просмотрѣть мои статьи, помѣщенные въ февральской, въ мартовской и въ апрѣльской книжкахъ «Русскаго Слова» за 1861 годъ, то увидитъ, что въ моихъ тогдашнихъ идеяхъ не было ничего похожего на идеи «Странника». — Но почему же я ходилъ въ редакцію «Странника» въ апрѣль? И что же сдѣлалъ для меня г. Благосвѣтловъ, если я уже до знакомства съ нимъ не сходилъ въ идеяхъ съ «Странникомъ»? Ходилъ я въ редакцію «Странника» потому, что не имѣлъ понятія о серьезныхъ обязанностяхъ честнаго литератора. А сдѣлалъ для меня г. Благосвѣтловъ именно то, что своимъ вліяніемъ заставилъ меня понять, въ чемъ состоятъ эти серьезныя обязанности. Дѣло въ томъ, что наши пишущіе люди до сихъ поръ не могутъ понять, что честный писатель отнюдь не долженъ уподобляться ласковому теленку, сосущему въ одно время, и съ одинаковымъ успѣхомъ двухъ или даже многихъ болѣе или менѣе разношерстныхъ матокъ. Русскій писатель обыкновенно смотритъ на литературу, какъ на свое хлѣбное ремесло, и поступаетъ съ своими произведеніями, какъ сапожникъ съ сапогами, то есть продаетъ ихъ первому встрѣчному покупателю, не обращая никакого вниманія на самыя характерныя особенности этого покупателя. Примѣровъ можно привести сколько угодно, выбирая притомъ только очень извѣстныя и несколько неопозоренныя имена. Было бы очень несправедливо назвать покойнаго Дружинина безчестнымъ или тупоумнымъ писателемъ, а между тѣмъ извѣстно, что Дружининъ въ 1861 году помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью о Карлейлевой исторіи Фридриха II, потомъ въ 1862 году помѣстилъ въ «Современникѣ» переводъ «Ричарда III,» и наконецъ въ 1863 году — опять въ «Рус. Вѣстникѣ» — продолженіе статей о книгѣ Карлейля. Такимъ образомъ Дружининъ ухитрялся

мирить «Современникъ» съ «Рус. Вѣстникомъ».—Г. Костомаровъ *) также не можетъ быть названъ ни безчестнымъ, ни тупоумнымъ писателемъ, а между тѣмъ онъ помѣщалъ свои статьи въ «Библиотеку для чтенія» рядомъ съ романомъ г. Стебницкаго.—Г. Вейберга я также не имѣю повода заподозрить ни въ тупоуміи, ни въ безчестности, а между тѣмъ онъ помѣстилъ переводъ «Беатриче Ченчи», въ «Рус. Словѣ», а переводъ «Отелло» въ «Библиотеку для чтенія», совершенно опозоренной романомъ «Некуда». Такимъ образомъ производилось непостижимое прииращеніе «Рус. Слова» съ «Библиотекою». Такое же прииращеніе устраивалъ и г. Глѣбъ Усвятскій, который, печатавъ обыкновенно свои рассказы въ «Рус. Словѣ», помѣстилъ однако одинъ очеркъ въ январской книгѣ «Библиотеки» за нынѣшній годъ. Помяловскій конечно былъ достаточно уменъ и честенъ, чтобы не сочувствовать философіи гг. Страхова и Косицы, а между тѣмъ отдалъ «Зимній вечеръ въ бурѣ» во «Время», и отдалъ его тогда, когда «Современникъ» еще не былъ приостановленъ. Пониманіе настоящихъ отношеній литературы къ обществу развито до сихъ поръ такъ слабо въ нашей публикѣ, что большинство читателей, прочитавъ то, что я говорю о г. Вейбергѣ, навѣрное возразятъ мнѣ съ престодушнымъ удивленіемъ: да вѣдь это переводы, стало быть все равно, куда ихъ ни помѣстить. Совсѣмъ не все равно, отвѣчу я. Писатель долженъ рассуждать слѣдующимъ образомъ: если я считаю позволительнымъ вынустить мою работу въ свѣтъ, то, значить, я нахожу, что она исполнена добросовѣстно и что, вслѣдствіе этого, она можетъ хоть немного усилить успѣхъ того журнала, въ который я ее отдаю. Если же я своею работою усиливаю успѣхъ такого журнала, который проповѣдуетъ нечѣлости или гнусности, то я становлюсь до нѣкоторой степени сообщникомъ этихъ гнусностей или нечѣлостей. Стало быть, даже и переводы слѣдуетъ помѣщать съ величайшею разборчивостью. Если бы у насъ не было въ литературѣ людей безразличныхъ и равнодушныхъ, то большая часть нечѣльныхъ или гнусныхъ журналовъ поте-

*) Само собою разумѣется, что, называя г. Костомарова не безчестнымъ и не тупоумнымъ писателемъ, я говорю о профессорѣ Н. И. Костомаровѣ, а не о г. Всеволодѣ Костомаровѣ.

рля бы возможность существовать, потому что люди чисто-нелѣпые или чисто-гнусные, дающіе колоритъ гнуснымъ или нелѣпымъ журналамъ, составляютъ у насъ, ~~какъ~~ и вездѣ, очень незначительное меньшинство, которое только при содѣйствіи равнодушныхъ и безразличныхъ людей можетъ обдѣлывать свои дѣлшци и вынуждать въ свѣтъ разнообразныя книжки, пропитанныя ароматомъ гнусности или нелѣпости. Безразличіе и равнодушіе, составляющія до сихъ поръ преобладающія особенности нашихъ литературныхъ дѣятелей, происходятъ не отъ испорченности, не отъ систематической продажности, а просто отъ непониманія той истины, что литература—великая общественная сила, которая начинаетъ развращать общество съ той самой минуты, какъ только она перестаетъ двигать его впередъ и разрывать передъ нимъ его острыя и хрѣстическія болѣзни. Непониманіе это очень понятно: до 1855 года у насъ не было и быть не могло ясно обозначенныхъ и неуклонно-выдержанныхъ направлений: если бы кто въбуду потрудился перебрать старыя книжки «Отечественныхъ Записокъ», то навѣрное нашелъ бы тамъ, рядомъ съ статьями Бѣлинскаго, множество такихъ вещей, которыя показались бы дикими даже теперешнимъ «Отечественнымъ Запискамъ». Потомъ, послѣ 1855 года, всѣ русскіе писатели сдѣлались либералами, а либеральный кодексъ извѣстенъ: отрицая рога и зуботычины, люби Росселя и Кавура, обижайся, когда евреевъ называютъ жидами, и затѣмъ, заручившись этими добродѣтельными чувствами, говори, пиши и дѣлай все, что тебѣ угодно. На почвѣ этого либерального кодекса выросли, какъ теорія «Голоса» о томъ, что честному писателю незачѣмъ быть честнымъ человѣкомъ, такъ и теорія г. Альбертини о систематической несолидарности сотрудниковъ журнала между собою. Каждый либераль готовъ безъ дальнѣйшихъ распросовъ писать въ одномъ журналѣ съ другими либералами, съ которыми онъ не сходится ни на одномъ пунктѣ, кромѣ вышеисчисленныхъ статей либерального кодекса. Привыкнувъ игнорировать своихъ сотрудниковъ и кочевать по домашнимъ обстоятельствамъ изъ одного либерального журнала въ другой, либералы не слишкомъ строго смотрятъ на переходы даже и въ такіе журналы, которые съ либерализмомъ не имѣютъ ничего общаго. Извѣстно, напримѣръ, какъ пламенно ненавидятъ и усердно бранятъ «Русское Слово» всѣ наши либералы; и всѣхъ этихъ пламенно-ненавидящихъ и усердно-бранящихъ либераловъ можно завтра же пригнать въ «Русское

Слово», посуливъ имъ лишнихъ пять рублей полистной платы. Жаль только, что приманивать не стоитъ. И опять-таки повторяю вамъ, что это дѣлается не столько вслѣдствіе развращенности и продажности, сколько вслѣдствіе литературнаго дилетантизма, вытекающаго изъ нашей общественной неразвитости. Предложите тому же либералу, котораго вы переманили за пять рублей, поцѣловать у васъ руку не за пять, а за пятьсотъ рублей, и вы увидите, что онъ не только не поцѣлуетъ, а даже, чего добраго—обидится. Значить, чувство чести въ немъ есть, но только нѣтъ умѣнья понять отношенія писателя къ обществу. Г. Благосвѣтловъ своимъ вліяніемъ навсегда застраховалъ меня отъ безцвѣтнаго либерализма, приводящаго къ теоріямъ «Голоса» и г. Альбертини. Когда я ходилъ въ редакцію «Странника», я стоялъ на той низкой ступени пониманія, на которой остановились, напримѣръ, гг. Дружининъ и Костомаровъ. Г. Благосвѣтловъ помогъ мнѣ подняться на высшую ступеньку, и теперь я смотрю на дѣло писателя, какъ на серьезную общественную обязанность. Такимъ образомъ г. Благосвѣтловъ сдѣлалъ для меня очень много. Но мое реалистическое міросозерцаніе сложилось независимо отъ г. Благосвѣтлова и до моего знакомства съ нимъ. *Лучшій цвѣтокъ въ саду реализма, насажденный и выросшій самимъ г. Благосвѣтловымъ, оказывается такимъ образомъ безвредною шуткою, которая ко мнѣ нисколько не относится.*

V.

Г. Антоновичъ старается доказать, что я будто бы не понялъ статьи Добролюбова «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». — «Читая эту статью, говоритъ онъ, онъ (г. Писаревъ) остановился на той миллионной долѣ статьи, гдѣ Добролюбовъ хвалитъ Катерину; эта похвала точно гвоздемъ засѣла въ голову критика, и онъ остановился на ней собственно потому, что наслушался фразъ объ отрицаніи и обличеніи, и его обличительное рвеніе обидѣлось похвалою.» (Стр. 60). Итакъ похвала Катеринѣ составляетъ *одну миллионную* долю статьи «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Справляясь съ сочиненіями Добролюбова, я усматриваю, что хвалебный анализъ характера Катерины занимаетъ въ третьемъ томѣ ровно *тридцать* стра-

ницъ (488—517); слѣдовательно, по счету г. Антоновича, вся статья должна заключать въ себѣ *тридцать миллионъ* страницъ; на самомъ же дѣлѣ она не такъ велика: въ ней всего *семьдесятъ семь* страницъ. Стало быть, похвала Катеринѣ, даже по одному объему, составляетъ почти половину статьи (выражаясь точнѣе—болѣе $\frac{3}{8}$ статьи.) Но этого мало. Не трудно доказать, что эта часть статьи составляетъ настоящую ея сущность. Въ самомъ дѣлѣ, первыя *двадцать семь* страницъ составляютъ вступленіе, въ которомъ Добролюбовъ объясняется «*относительно основаній своей критики*» и полемизируетъ съ разными приверженцами школьной пинтики. Оканчивая это вступленіе, Добролюбовъ самъ признается, что его «*можно было изложить на двухъ-трехъ страницахъ*», по что тогда бы этимъ страницамъ долго не пришлось увидѣть свѣта». Вступленіе вышло длинно, потому что «*приходится поневолѣ перевертываться всячески съ фразой, чтобы ввести какъ нибудь читателя въ сущность излагаемой мысли.*» Ясное дѣло, что извороты фразъ, необходимые только вслѣдствіе стѣсненнаго положенія нашей печати, не могутъ составлять существеннаго содержанія статьи. Если Добролюбовъ самъ говоритъ, что вступленіе могло умѣститься на двухъ-трехъ страницахъ, то мы и должны считать первыя *двадцать семь* страницъ за двѣ или за три страницы, непомерно раздушіяся вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, отъ автора независящихъ. Наконецъ Добролюбовъ говоритъ: «*Но обратимся же къ настоящему предмету нашему—къ автору «Грозы.»*» Ясно, кажется, что первыя *двадцать семь* страницъ къ *настоящему предмету* не относятся. Далѣе, съ 468 страницы Добролюбовъ начинаетъ рисовать жизнь города Калинова и самодурство Дикого и Кабановой, то есть, онъ описываетъ ту сцену, на которой Катеринѣ приходится дѣйствовать, и знакомитъ насъ съ тѣми людьми, отъ которыхъ Катерина находится въ зависимости. Затѣмъ, съ 488 страницы, начинается анализъ характера Катерины. Спрашиваю я васъ теперь, господа читатели, которая изъ трехъ частей статьи можетъ быть названа главною: первая ли, заключающая въ себѣ прелиминаріи, которыя, по сознанію самого автора, могли бы умѣститься на двухъ-трехъ страницахъ; вторая-ли, заключающая въ себѣ описаніе фона картины; или же третья, заключающая въ себѣ анализъ характера главнаго дѣйствующаго лица? Но можетъ быть, въ этомъ анализѣ характера хвалебный элементъ занимаетъ дѣйствительно самое скромное мѣсто? Нѣтъ, господа, мой

увертливый противник не укроется даже и въ этой послѣдней ла-
зейкѣ. Чтобы возвеличить Катерину, Добролюбовъ повергаетъ въ
прахъ всѣ сильные характеры, изображавшіеся въ нашей совре-
менной литературѣ, и эту грудю поверженныхъ фигуръ превращаетъ
въ пьедесталъ для своей любимой героини. Къ цогажъ Катерины по-
вергается даже Инсаровъ, тотъ самый Инсаровъ, къ которому Да-
бролюбовъ отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ въ своей статьѣ:

«Когда же придетъ настоящій день?» — «Русская жизнь, говоритъ
Добролюбовъ, дошла наконецъ до того, что добродѣтельныя и по-
чтенныя, но слабыя и безличныя существа не удовлетворяютъ обще-
ственного сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась
неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ,
но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно: какъ
скоро сознаніе правды и права, здравый смыслъ проснулись въ лю-
дяхъ, они непремѣнно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними
согласія, (которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои пре-
жняго времени), но и внесенія ихъ въ жизнь, въ дѣятельность. Но
чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много препятствій, под-
ставляемыхъ дикими, Кабановыми, и т. п.; для преодоленія пре-
пятствій нужны характеры предприимчивые, рѣшительные, настой-
чивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось то
общее требованіе правды и права, которое наконецъ прорывается въ
людяхъ съвозъ всѣхъ преграды, поставленныя дикими самодурами. Те-
перь большая задача представлялась въ томъ, какъ же долженъ об-
разоваться и проявиться характеръ, требуемый у насъ новымъ по-
воротомъ общественной жизни. Задачу эту пытались разрѣшать наши
писатели, но всегда болѣе или менѣе неудачно.» (Стр. 488).

Катерина, по мнѣнію Добролюбова, оказывается желаннымъ разрѣше-
ніемъ этой задачи. «Такимъ образомъ, говоритъ Добролюбовъ, пе-
ребирая разнообразныя типы, являвшіеся въ нашей жизни и вос-
произведенные литературою, мы постоянно приходили къ убѣжденію,
что они не могутъ служить представителями того общественного дви-
женія, которое чувствуется у насъ теперь, и о которомъ мы, по
возможности подробно, говорили выше. Видя это, мы спрашивали
себя: какъ же однако опредѣлится новыя стремленія въ отдельной
личности? Какими чертами долженъ отличаться характеръ, которымъ
совершится рѣшительный разрывъ съ старыми, нелѣпыми и насиль-
ственными отношеніями жизни? Въ дѣйствительной жизни пробуж-

дѣющагося общества мы видѣли лишь намеки на рѣшеніе нашихъ вопросовъ, въ литературѣ слабое повтореніе этихъ намековъ; но въ «Грохѣ» составлено изъ нихъ цѣлое, уже съ довольно-ясными очертаніями; здѣсь является передъ нами лицо, взятое прямо изъ жизни, но выясненное въ сознаніи художника и поставленное въ такія положенія, которыя даютъ ему обнаружиться полнѣе и рѣшительнѣе, нежели какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенной жизни... «Рѣшительный, цѣльный русскій характеръ, дѣйствующій въ средѣ Дикихъ и Кабановыхъ, является у Островскаго въ жепскомъ типѣ, и это не лишено своего серьезнаго значенія». (Стр. 492). Далѣе начинается уже просто хвалебный гимнъ Катеринѣ, который и не прерывается до самого конца статьи. Чтобы показать читателю, до какого нафоса доходить Добролюбовъ, и какія непохвальные вещи онъ везвозноситъ въ разгарѣ своего увлеченія, я приведу изъ его хвалебнаго гимна два отрывка. «Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда недовольнымъ, любящимъ разрушать, во что бы то ни стало. (А неужели Добролюбовъ видѣлъ въ русскомъ обществѣ такихъ неугомонныхъ разрушителей, и неужели онъ вѣритъ въ ихъ существованіе? Я, признаюсь, думалъ и продолжаю думать до сихъ поръ, что такіе беспардонные буяны — не что иное, какъ баба-яга, выдуманная катковскими и скарятинскими журналами для того, чтобы пугать маленькихъ дѣтей и такихъ читателей, которые по своимъ умственнымъ способностямъ отъ маленькихъ дѣтей очень недалеко уѣхали). Напротивъ, это характеръ по преимуществу созидающій, любящій, идеальный. (Что такое *идеальный* характеръ? И если *идеальный* характеръ противопоставляется разрушителю, то стало быть, разрушитель окажется *материальнымъ* характеромъ?). Вотъ почему она старается все осмыслить и облагородить въ своемъ воображеніи; то настроеніе, при которомъ, по выраженію поэта, «весь міръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и омытъ,» это настроеніе до послѣдней крайности не покидаетъ Катерину. (Не правда ли, какъ приспособленъ такой характеръ къ суровымъ подвигамъ общественной дѣятельности? Какъ полезно мыть и чистить окружающихъ самодуровъ благородною мечтою для того, чтобы потомъ вступить съ ними въ борьбу!) Всякій внѣшній диссонансъ она старается согласить съ гармоніей своей души, всякій недостатокъ покрываетъ изъ полноты своихъ внутреннихъ силъ. (Если выразаться менѣе поэтиче-

скимъ языкомъ, то надо будетъ сказать очень просто, что Катерина, какъ всѣ обиженные богомъ и воспитаніемъ мечтатели, видятъ вещи въ розовомъ свѣтѣ. Но спрашивается, въ чемъ же состоитъ задача общественнаго дѣятеля: въ томъ ли, чтобы игнорировать недостатки, или же въ томъ, чтобы видѣть, понимать и устранять ихъ?) Грубые, суевѣрные рассказы и бессмысленныя бредни странницъ превращаются у ней въ золотыя, поэтическія сны воображенія, не утрачивающіе, а ясные, добрые.» (Стр. 496, 497). Далѣе Добролюбовъ начинаетъ наслаждаться описаніемъ ясныхъ, добрыхъ, золотыхъ и поэтическихъ сновъ. Дальше выписывать не стоитъ, потому что основное направленіе хвалебнаго гимна достаточно обозначено. Вы видите, что художественное чувство завлекаетъ Добролюбова очень далеко, даже изъ рукъ вопъ какъ далеко. Онъ ставитъ Катеринѣ въ заслугу то, что она чистила и мыла благородною мечтою *грубые, суевѣрные рассказы и бессмысленныя бредни странницъ*. Порывъ художественнаго чувства миритъ Добролюбова со всѣмъ, даже съ мистицизмомъ, если только онъ облекается въ красивую форму золотыхъ, поэтическихъ, ясныхъ и добрыхъ сновъ. Имѣйте при этомъ въ виду, что Добролюбовъ на стр. 492 обѣщаетъ показать намъ въ Катеринѣ «характеръ, которымъ совершится рѣшительный разрывъ съ старыми, нелѣпыми и насильственными отношеніями жизни.» Неправда-ли, какіе богатые задатки *рѣшительнаго разрыва* скрываются въ такой личности, которая сама заражена до мозга костей всѣми нелѣпостями понятій, господствующахъ въ обществѣ самодуровъ? — Этого мало, что Катерина вѣритъ странницамъ; она еще кромѣ того влюбилась въ ихъ рассказы именно потому, что постоянно мыла и чистила ихъ благородною мечтою. И отъ такой-то безнадежно-зачумленной личности Добролюбовъ ждетъ *рѣшительнаго разрыва!*— Вотъ второй отрывокъ изъ хвалебнаго гимна, посвященнаго полудоумной мечтательницѣ и визионеркѣ. «Претендованные въ другихъ твореніяхъ нашей литературы сильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, по зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма, подведеннаго къ нимъ. (Дисаровъ тоже попадаетъ въ фонтанчики). Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена большой, многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, по теченіе не останавливается; ровное дно, хорошее — она течетъ

спокойно, камни большіе встрѣчаются—она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ—лется каскадомъ, запружаютъ ее—она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ. Не потому бурлитъ она, чтобы водѣ вдругъ захотѣлось пошумѣть или рассердиться на препятствія, а просто потому, что это ей необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій, для дальнѣйшаго теченія,» (Стр. 506). Моя страстная и упорная любовь къ Базарову вошла въ поговорку и давно сдѣлалась посмѣшищемъ всей близорукой нашей журналистики, а между тѣмъ я никогда не воспѣвалъ его такъ восторженно, вежливѣе и метафорично, какъ Добролюбовъ поетъ Катерину. Такъ напримѣръ, я никогда не разсуждалъ о томъ, что предпринялъ бы Базаровъ, если бы его *запрудили* или если бы ему пришлось *течь черезъ обрывъ*. — А теперь, господа читатели, я васъ спрашиваю: что вы думаете о правдивости г. Антоновича, имѣющаго дерзость утверждать печатно, что похвала Катеринѣ составляетъ одну *миллионную долю* въ статьѣ Добролюбова? Поставивъ передъ вами этотъ вопросъ, я на время презрительно устранию мелкаго литературнаго фокусника, г. Антоновича, и до конца этой главы веду разговоръ съ ушнымъ и честнымъ, но, по моему крайнему разумѣнію, заблуждающимся писателемъ Добролюбовымъ. Предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, кто изъ нашихъ любимцевъ, добролюбовскій или мой, Катерина или Базаровъ, заключаютъ въ себѣ элементы, необходимые для рѣшенія общественной задачи, поставленной русскому народу всѣмъ теченіемъ нашей исторической жизни? Добролюбовъ говоритъ, что намъ нуженъ въ настоящее время *«русскій сильный характеръ»*. Я полагаю, что это мнѣніе совершенно ошибочно. Сильныхъ характеровъ у насъ всегда было много, и они до сихъ поръ существуютъ у насъ въ большомъ изобиліи. Чтобы поддержать эту мысль, которая многимъ, если не всѣмъ, читателямъ покажется paradoxомъ, я не буду ссылаться на отдѣльные историческіе примѣры; я просто разверну передъ вами карту европейской и азіатской Россіи и укажу вамъ на *всю нату исторію*, какъ на самое краснорѣчивое выраженіе нашего колоссальнаго, желѣзнаго характера. Существенный смыслъ всей нашей исторіи заключается въ постоянной, хронической, исполняющей колонизаціи, расчисткѣ и разработкѣ земель отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Энергія и терпѣніе теперешнихъ американскихъ пионеровъ совершенно ничтожны въ сравненіи съ терпѣніемъ и энергіею нашихъ колонизаторовъ, ничтожны

именно потому, что американецъ идетъ на борьбу съ природою, вооруженный всѣми пособіями науки и техники, а нашъ мужикъ шлеть и даже идетъ до сихъ поръ только-что не съ голыми руками. Чего не достаетъ со стороны знанія и технической сноровки, то очевидно можетъ и должно быть дополнено только упорствомъ, мозолистыми трудомъ и сносливостью, т. е. именно силою и энергіею характера. Чего другого, а желѣзной воли и ультра-ослиного терпѣнія у насъ во всякое время было довольно. Въ каждомъ учебномъ заведеніи, въ каждомъ казенномъ присутственномъ мѣстѣ, въ каждой рабочей артели, въ каждомъ полку, въ каждомъ острогѣ — вы найдете десятки, если не сотни, желѣзныхъ характеровъ, которыхъ упорство въ принятомъ рѣшеніи не побѣдите ни лаской, ни палкой. Всякій согласится, что Молчалинъ есть типъ; но неужели же вы не видите, что Молчалинъ — желѣзный характеръ? Молчалинъ сказалъ себѣ: «я хочу составить карьеру» — и пошелъ по той дорогѣ, которая ведетъ къ степенямъ извѣстнымъ; пошелъ, и ужъ не своротитъ, ни вправо, ни влево; умирай его мать въ сторонѣ отъ дороги, зови его любимая женщина въ сосѣднюю рощу, плюй ему весь свѣтъ въ глаза, чтобы остановить его движеніе — онъ все будетъ идти и дойдетъ — одинокій, оплеванный, измученный, — но дойдетъ. И это, по вашему, не сила характера? Да если бы каждый изъ нашихъ прогрессистовъ былъ Молчалинымъ по силѣ характера, то... то... то лучшаго ничего и желать было бы невозможно. — Вы скажите, что у Молчалина мелкая, низкая и даже глупая цѣль. Да вѣдь это ужъ совсѣмъ другой вопросъ. Цѣль жизни выбирается не характеромъ, а умомъ; и выборъ, удачный или неудачный, обуславливается тѣмъ умственнымъ развитіемъ и тѣми знаніями, которыми обладаетъ человѣкъ въ то время, когда ему приходится выбирать. Если бы юноша Молчалинъ имѣлъ понятіе о болѣе высокихъ разумныхъ и привлекательныхъ цѣляхъ, если бы образованіе поставило его на ту точку зрѣнія, съ которой становится замѣтною привлекательность этихъ другихъ цѣлей, то онъ бы и выбралъ одну изъ этихъ другихъ, потому что человѣкъ никогда не довольствуется кускомъ чорствого хлѣба, если имѣетъ возможность получить кусокъ пирога. А выбравъ разъ хорошую цѣль, Молчалинъ пошелъ бы къ пей такъ же неуклонно, какъ идетъ къ степенямъ извѣстнымъ. Вотъ мы, стало быть, и договорились. Наша общественная или народная жизнь нуждается совсѣмъ не въ силь-

ныхъ характерахъ, ~~которые у нея за глаза довольны~~, а только и исключительно въ одной сознательности. Какъ только наши неутомимые и неустрашимые труженники узнаютъ и поймутъ совершенно ясно, что — ложь и что — правда, что — вредъ и что — польза, кто — врагъ и кто — другъ, такъ они и пойдутъ твердыми шагами къ разумной и счастливой жизни, не останавливаясь передъ трудностями, не пугаясь опасностей, не слушая живыхъ обѣщаній, и спокойно устранивъ всѣ рогатки и шлагбаумы. Думать, что русскіе люди нуждаются не въ знаніи, а въ энергіи, значить считать Обломова типическимъ представителемъ русскаго народнаго характера, а такая грубая ошибка понятна только со стороны поверхностнаго писателя. И знаніе составляетъ ключъ въ рѣшенію общественной задачи не въ одной Россіи, а во всея мѣрѣ. Нѣтъ ни одного народа, у котораго замѣчался бы недостатокъ характера, и нѣтъ также ни одного народа, который былъ бы достаточно надѣленъ знаніемъ. Каждое важное событіе въ исторической жизни каждаго народа вызываетъ наружу тысячи проявленій самого чистаго и высокаго героизма, и каждое событіе оканчивается самою негѣлою и печальною развязкою, если у даннаго народа не оказывается въ наличности тѣхъ умственныхъ способностей, тѣхъ знаній и той опытности, которыя могли бы поворотить, куда слѣдуетъ, дальнѣйшее теченіе исторической жизни. Посмотрите, на примѣръ, на первую французскую революцію: энергіи, героизма, любви къ отечеству и всякихъ другихъ добродѣтелей было истрачено столько, что ихъ хватило бы на освобожденіе всѣхъ народовъ земнаго шара; а между тѣмъ движеніе завершилось военнымъ деспотизмомъ и позорнѣйшею реставраціею именно оттого, что не нашлось въ запасъ положительныхъ знаній, безъ которыхъ и самый гениальный организаторъ всегда потерпитъ полнѣйшую неудачу. Итакъ намъ необходимы исключительно люди знанія, т. е., знанія должны быть усвоены тѣми желѣзными характерами, которыми переполнена наша народная жизнь.

Но читатель помнитъ конечно, что, говоря о Молчаливѣ, я съ нѣкоторою укоризною пожелалъ нашимъ прогрессистамъ молчаливской силы характера. Выражая это желаніе, я, стало быть, признавалъ тотъ фактъ, что нашимъ прогрессистамъ дѣйствительно не достаетъ характера. Да, я признаю этотъ фактъ и считаю его непоправимымъ относительно тѣхъ прогрессистовъ, которые сдѣлали себѣ исполницкаго ищутъ, благо наслѣдство бо-

гатых отцов их избавляет съ тяжкимъ трудомъ. Характеръ закаляется трудомъ, и кто некогда не добывалъ себя собственнымъ трудомъ насущнаго прожитанія, тотъ въ большей части случаевъ остается навсегда слабымъ, вялымъ и безхарактернымъ человекомъ. Это значить, что вся наша надежда копоится на нашихъ пролетаріяхъ, на тѣхъ людяхъ, которые сами себя помнятъ и изъ которыхъ дѣйствительно сформировались первые и постоянно формируются новые представители базаровскаго типа. Представивъ эти размышленія на судъ читателя, я замѣчу наконецъ, что съ основнымъ смысломъ моихъ вѣдъ согласился даже и «Современникъ», заклятый врагъ г. Тургенева, Базарова и «Русскаго Слова». Типъ, рѣшающій общественную задачу, воплощешь самымъ блестящимъ и самымъ глубокимъ мыслителемъ «Современника», (*) г. Чернышевелемъ, въ личности Рахметова. Рахметовъ признаетъ и всѣми остальными сотрудниками «Современника»; а на кого же Рахметовъ больше похожъ — на Базарова, или на Катерину? Я полагаю, что смѣшно даже и задавать читателю подобный вопросъ. Характеръ Катерины промелькнулъ и теперь уже навсегда забытъ, а базаровскій типъ растетъ постоянно, не по днямъ, а по часамъ, и въ жизни, и въ литературѣ. Стало быть, незачѣмъ было и восхвалять Катерину, какъ многоводную рѣку.

VI.

На стр. 67 своей статьи Антоновичъ объявляетъ, что г. Писаревъ «съ свойственнымъ ему умѣньемъ уничтожаетъ искусство и производитъ разрушеніе эстетики». — Изъ этихъ словъ г. Антоновича я вижу, что онъ самымъ забавнымъ образомъ ошибается въ пониманіи того заглавія, которое я далъ моей критической статьѣ, помѣщенной въ майской книжкѣ «Русскаго Слова» за 1865 годъ. Прочитавъ заглавіе «Разрушеніе эстетики», г. Антоновичъ вообразилъ себѣ, что я самъ принимаю на себя роль разрушителя, и что *разрушеніемъ эстетики* я называю именно мою собственную статью. Если понимать по такому остроумному способу заглавія статей, то придется утверждать, что я самому себѣ приписываю *педагогическіе*

*) Недавно базаровскій типъ получилъ новое оправданіе и призваніе отъ «Современника», въ повѣсти г. Салтыкова «Трудное Время», о которой стоить поговорить въ особой статьѣ. Ред.

сознаны, что я самого себя обвиняю въ *сердитыхъ безсиліи*, что г. Соколовъ самого себя уличаетъ въ *экономическія иллюзіи*, и что г. Антоновичъ самого себя считаетъ творцомъ *современной эстетической теории*. Когда надъ статью написано крупными буквами: «*такой-то предметъ*», то люди, привыкшіе къ общепотребительному литературному языку, понимаютъ обыкновенно эту надпись такъ, какъ будто бы было написано: «*статья о таком-то предмете*». Такъ наприѣръ, когда надъ статьей писано: «*Маколей*» или «*Милль*», то читатели не ожидаютъ найти въ книгѣ этихъ двухъ англичанъ en chair et os; они ожидаютъ найти только разсужденіе о Маколей или Милль. Точно также, когда надъ статью написано «*Разрушеніе эстетики*», то читатели ожидаютъ найти въ книгѣ статью о томъ сочиненіи, которое разрушило эстетику. Это они дѣйствительно и находятъ, потому что во всей моей статьѣ я доказываю очень подробно, что эстетику разрушилъ г. Чернышевскій своею книгою «*Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности*».

Чтобы навязать мнѣ небывалыя претензіи на разрушеніе эстетики, г. Антоновичъ принужденъ прибѣгнуть къ самому печальному изъ полемическихъ пріемовъ, именно къ искаженію, даже не мысли, противника, а его словъ; онъ принужденъ пуститься на такой отчаянный маневръ, какъ фальсификація печатныхъ документовъ. Г. Антоновичъ слѣдующимъ образомъ цитируетъ мои слова: «Надо совершенно уничтожить эстетику, провозглашаетъ г. Нисаренъ, надо отправить ее туда, куда отправлены алхимія и астрологія». — Для большей убѣдительности, г. Антоновичъ ставитъ эти слова къ новычки, такъ что читатель принужденъ видѣть въ этой фразѣ именно мои собственные, *подминныя* слова. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что цитата приведена невѣрно. Вотъ мои слова: «Авторъ видѣлъ, что эстетика, порожденная умственной неподвижностью нашего общества, въ свою очередь поддерживала эту неподвижность. Чтобы двинуться съ мѣста, чтобы сказать обществу разумное слово, чтобы пробудить въ разслабленной литературѣ сознаніе ея высокихъ и серьезныхъ гражданскихъ обязанностей, надо было совершенно уничтожить эстетику, надо было отправить ее туда, куда отправлены алхимія и астрологія». — («Р. Сл.» 1865. Мая. Стр. 2). Во первыхъ, г. Антоновичъ оторвалъ конецъ фразы отъ ея начала, а во вторыхъ, онъ изъ этого оторваннаго конца выкинулъ слово *было*,

повторенное два раза. Через это весь смысл совершенно измѣняется, и читатель, имѣющій неосторожность полагаться на г. Антоновича, убѣждается въ томъ, что я дѣйствительно ставлю себѣ самому задачу разрушить эстетику, между тѣмъ какъ я, напротивъ того, говорю, что эту задачу поставилъ себѣ и рѣшилъ десять лѣтъ тому назадъ другой писатель. — Потомъ, придравшись къ словамъ: *алхимія* и *астрологія*, г. Антоновичъ на цѣлой страницѣ читаетъ мнѣ правоученія, имѣющія цѣлью доказать, что объекты этихъ наукъ не уничтожились, а перешли въ вѣдѣніе химіи и астрономіи. «Ахъ, восклицаетъ г. Антоновичъ, какъ было бы хорошо, если бы вы, г. Писаревъ, побольше знали и побольше размышляли собственнымъ умомъ»... Это было бы хорошо преимущественно потому, что тогда «намъ бы не было необходимости толковать вамъ, т. е. вашимъ несчастнымъ читателямъ и почитателямъ азбучныя истины.» — Вы, г. Антоновичъ, находите, что было бы *ахъ, какъ хорошо?* Въ такомъ случаѣ я могу порадовать васъ тѣмъ извѣстіемъ, что ваше желаніе уже давно осуществилось, что все обстоятъ благополучно и *ахъ, какъ хорошо*, и что вамъ нѣтъ ни малѣйшей необходимости толковать моимъ несчастнымъ читателямъ азбучныя истины. Я скажу вамъ даже, что вы съ вашими толкованіями разыгрываете очень комическую роль той мухи, которая, «какъ откупщикъ на ярмаркѣ, хлопочетъ» или же той мухи, которая говоритъ: «мы пахали». — Представьте себѣ, что отношенія алхиміи и астрологіи къ химіи и къ астрономіи были объяснены моимъ несчастнымъ читателямъ почти годъ тому назадъ въ моей статьѣ: «Историческое развитіе европейской мысли», напечатанной въ ноябрѣ и декабрѣ 1864 года. Вотъ, на примѣръ, что было сказано объ алхиміи: «Философскаго камня они не нашли, жизненнаго элексира не добыли, но ихъ многолѣтнія изслѣдованія положили прочное основаніе новѣйшей химіи... Еслибы не было фантазій о философскомъ камнѣ и о жизненномъ элексирѣ, то не было бы и тѣхъ неутомимыхъ работъ, которыя познакомили насъ съ химическими свойствами многихъ тѣлъ и проложили дорогу къ болѣе рациональнымъ изслѣдованіямъ». (1864. ноябрь. Стр. 382). Вы видите, г. Антоновичъ, что вы съ полнымъ удобствомъ можете приберечь ваши толкованія азбучныхъ истинъ для *счастливыхъ читателей и почитателей* г. Антоновича. — Но теперь вы конечно возликуете и закричите, что, стало быть, говоря объ уничтоженіи

эстетики, я, ни къ селу, ни къ городу, сравнилъ ее съ алхимією и астрологією, которыя не уничтожились, а только преобразовались. Ликованіе ваше будетъ очень непродолжительно, потому что я тотчасъ укажу вамъ на слѣдующее мѣсто въ *Разрушеніи эстетики*: «При томъ опредѣленіи прекраснаго, которое даетъ намъ авторъ, эстетика, къ нашему величайшему удовольствію, *изчезаетъ въ физиологіи и гигиенѣ*» (Стр. 7). Такимъ образомъ оказывается, что мое сравненіе отличается самою строгою точностью. Эстетика преобразовывается въ часть физиологіи и гигиены такъ точно, какъ алхимія преобразовалась въ химию, а астрологія въ астрономію. При этомъ превращеніи, разумѣется, многія части эстетики совершенно уничтожаются такъ точно, какъ уничтожились безъ остатка фантастическія стремленія и магическія формулы алхимиковъ и астрологовъ. Когда это превращеніе эстетики сдѣлается уже общеизвѣстною и общепризнанною истиною, тогда мы будемъ изучать и анализировать только тѣ пріятныя ощущенія, которыя могутъ сдѣлаться полезными или вредными для нашего здоровья и для нормальнаго развитія нашей рабочей силы. Напримѣръ, солнечный свѣтъ производитъ на меня пріятное впечатлѣніе; я обращаюсь къ физиологіи и къ гигиенѣ и требую отъ нихъ отвѣта на вопросъ: въ какой связи это пріятное ощущеніе находится съ общимъ процессомъ моей жизни, и въ какой мѣрѣ я могу предаваться этому ощущенію, не вредя своему здоровью? Физиологія и гигиена отвѣчаютъ мнѣ, что солнечный свѣтъ въ высшей степени полезенъ для органической жизни, но что излишняя яркость солнечнаго свѣта, при слишкомъ продолжительномъ дѣйствіи солнечныхъ лучей на организмъ, раздражаетъ, утомляетъ и наконецъ расслабляетъ зрѣніе и кромѣ того ведетъ за собою приливы крови къ головѣ. Опредѣлить точными измѣреніями то напряженіе свѣта, которое человѣческой организмъ можетъ выносить безъ дурныхъ послѣдствій, и то время, продолженіе котораго онъ можетъ подвергаться дѣйствію солнечныхъ лучей безъ вреда для здоровья—это, конечно, задача довольно важная, и эту задачу, разумѣется, рѣшаетъ и будетъ рѣшать физиологія, а не эстетика, несмотря на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ пріятнымъ ощущеніемъ. Положимъ далѣе, что два цвѣта, сѣроватыи и пунцовый, производятъ на меня пріятное впечатлѣніе. Поддаваясь моему влеченію къ этимъ цвѣтамъ, я хочу обить мой кабинетъ сѣроватыми или пунцовыми обоями; чтобы рѣшить, которому изъ

двух любимых мною цвѣтовъ и долженъ отдать предпочтеніе, я опять обращаюсь къ гигиенѣ, и узнаю изъ нея, что пурпуровый цвѣтъ рѣшительно не годится, потому что слишкомъ сильно дѣйствуетъ на зрѣніе. Положимъ далѣе, что мнѣ хочется оставить мой кабинетъ растениями и цвѣтами, которые производятъ на меня пріятное впечатлѣніе, какъ своимъ видомъ, такъ и своимъ запахомъ. Гигиена одобряетъ мое намѣреніе, объясняя мнѣ, что растенія очищаютъ воздухъ, разлагая углекислоту, то есть, поглощая углеродъ, и освобождая кислородъ, необходимый для дыханія животныхъ; въ то же время гигиена предупреждаетъ меня однако, что пріятный запахъ очень многихъ цвѣтовъ дѣйствуетъ такъ сильно на нервы, что ведетъ за собою головокруженія и головныя боли. Положимъ, наконецъ, что мнѣ приходится въ комнату фантазіи утѣшать стѣны моего кабинета картинами, и я нахожусь въ нѣпріятности, чѣмъ бы мнѣ пріобрѣсти пейзажи — Калама, Клода Моррена, Айвазовскаго или Рюсдаля. Если я за рѣшеніемъ этого вопроса задумаю также обратиться къ гигиенѣ, то, разумеется, она не отвѣтитъ мнѣ ровно ничего. Вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ пейзажистовъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ войти ни въ физиологію, ни въ гигиену, и если только вы дадите себѣ трудъ взглянуть и вдуматься въ этотъ вопросъ, имѣющій конечно очень важное значеніе для эстетики, то вы, разумеется, увидите, что этотъ вопросъ въ высокой степени бесплоденъ. Все, что гигиена можетъ сказать о картинахъ или о статуяхъ, ограничится тѣмъ, что эротическія изображенія могутъ разстроить здоровье и что, слѣдовательно, повѣсить въ кабинетѣ пейзажи благогоразумнѣе, чѣмъ разукрасить его мифологическими картинами или статуями. Если вы послушаетесь этого послѣдняго совѣта, то затѣмъ какъ для васъ, такъ и для всего свѣта рѣшительно все равно, кого бы вы ни предпочли, знаменитѣйшаго ли пейзажиста во всей Европѣ, или же такого живописца, который пишетъ вьвьсли. Такимъ образомъ, на вопросъ г. Антоновича: «что же дѣлать, по разрушеніи эстетики, съ тѣми сюжетами, которыми она занимается?» — я отвѣчаю очень просто: большую часть этихъ сюжетовъ надо оставить безъ всякаго вниманія. Мы собственно только затѣмъ и стараемся донануть эстетику, чтобы сосредоточить вниманіе и умственныя силы общества на самомъ незначительномъ числѣ живыхъ и неотразимыхъ вопросовъ первостепенной важности.

VII.

Одинъ изъ аргументовъ, выставленныхъ мною противъ востетива у г. Нерншпавацаго, состоитъ въ томъ, что личные вкусы въ дѣлѣ красоты бесконечно разнообразны, что всё они одинаково законны, и что нѣтъ невозможно и не слѣдуетъ приводить къ обязательному единству. Г. Антоновичъ находитъ въ этомъ мнѣніи три недѣльности.

Первою немощью г. Антоновичъ видитъ въ той мысли, будто общая востетива невозможна на томъ основаніи, что у каждаго человѣка свой личный вкусъ и своя эстетика. Г. Антоновичъ разбираетъ эту *первою* немощь слѣдующими аргументами: физиологія возможна, хотя у каждаго человѣка свои особенныя органы; логика возможна, хотя у каждаго человѣка свои особенныя приемы мышленія; общеобязательная правда существуетъ, хотя для одного правда или ложь одно, для другого — другое, и т. д. Постараюсь опровергнуть аргументацію г. Антоновича. Во первыхъ, насчетъ физиологіи замѣчу моему противнику, что она возможна потому, что между отдельными субъектами существуетъ въ физиологическомъ отношеніи только количественное, а не качественное различіе. Одинъ человѣкъ поглощаетъ больше кислорода, другой меньше, но всё безъ исключенія дышитъ кислородомъ, а не углекислотою и не водородомъ; у одного человѣка въ крови больше желѣза, у другого меньше но у всѣхъ безъ исключенія въ крови содержится именно желѣзо, а не зѣдь и не свинець; такимъ образомъ и всё остальные физиологическія различія сводятся на количественныя различія; а при количественныхъ различіяхъ конечно возможны среднія цифры, которыми и выражаются въ глазахъ анатома отправления нормальнаго человѣка. Въ томъ случаѣ, гдѣ являются качественныя различія, именно, при разсмотрѣніи половыхъ особенностей, физиологія принуждена раздвигаться; отправления женскихъ органовъ разсматриваются отдѣльно отъ отравленій мужскихъ органовъ, хотя конечно пищевареніе, дыханіе и кровообращеніе, представляя у обоихъ половъ только количественныя различія, разсматриваются вѣсть. Если бы всё физиологическія отправления всѣхъ отдѣльныхъ личностей отличались другъ отъ друга качественнымъ образомъ, то, разумѣется, общая физиологія человѣка была бы невозможна, по той простей

причинѣ, что эти отдѣльныя личности вовсе не принадлежали бы тогда не только къ одной и той же породѣ, но даже къ одному и тому же органическому царству. Кроме того, физиологія имѣетъ превосходный критерій для различенія нормальныхъ особенностей отъ уродствъ или *тератологическихъ* особенностей. Такая особенность, которая содѣйствуетъ отравленіямъ, необходимымъ для поддержанія жизни — нормальна; такая, которая ослабляетъ эти отравленія, уродлива. Этого критерія эстетика не имѣетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не могутъ никогда поступить въ вѣдѣніе физиологіи и гігіены. Общеобязательная правда и общая логика существуютъ только до тѣхъ поръ, пока мы разсуждаемъ о видимыхъ или осязаемыхъ, вообще вещественныхъ предметахъ, явленіяхъ и свойствахъ, — и существуютъ только потому, что всѣ люди одарены одними и тѣми же чувствами и что, вслѣдствіе этого, всегда возможна повѣрка, посредствомъ которой обнаруживается невѣрность утвержденія или неправильность умозаключенія. Вы говорите, наприимѣръ, что нашъ общій знакомый Ивановъ хромаетъ на лѣвую ногу; я говорю, что на правую; каждый изъ насъ твердо убѣжденъ, что его ибнѣе истинно, но, разумѣется, это убѣжденіе можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ Иванова; тогда произойдетъ повѣрка, и одинъ изъ насъ увидитъ свое заблужденіе. Почти такая же повѣрка возможна и относительно разсужденій: представьте себѣ наприимѣръ, что вы пріѣхали въ какой нибудь городъ и что васъ въ этомъ городѣ тотчасъ же обокрали. Вы говорите, что этотъ городъ населенъ сплошь разбойниками и мошенниками. Всякій здравомыслящій человѣкъ скажетъ вамъ, что нельзя заключать отъ частнаго къ общему, и представитъ вамъ образчикъ такого разсужденія: мой пріятель раненъ въ ногу; мой пріятель — человѣкъ; слѣдовательно, всѣ люди ранены въ ногу. Вы увидите тотчасъ, во первыхъ, что въ результатѣ получилась нелѣпость, а во вторыхъ, что эта нелѣпость добыта тѣмъ самымъ способомъ разсужденія, который привелъ васъ къ поголовному обвиненію всѣхъ жителей города. Но въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ повѣрка невозможна, тамъ нѣтъ ни общеобязательной правды, ни общей логики. Представьте себѣ наприимѣръ, что католикъ Дюпанлу, деистъ Шлейденъ и матеріалистъ Бюхнеръ бесѣдуютъ между собою о томъ, что съ ними произойдетъ, когда они скончаются. Всѣ трое приходятъ къ совершенно различнымъ результатамъ, и ни одинъ изъ троихъ не можетъ убѣдить

своихъ противнѣностей; общая логика теряетъ свою силу и общеобязательная правда перестаетъ существовать, потому что повѣрка становится невозможною. Общеобязательная правда и общая логика возможны, во первыхъ потому, что мы всё живемъ въ одномъ и томъ же мѣрѣ; а во вторыхъ потому, что мы всё одарены одними и тѣми же чувствами, приводящими насъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ міромъ. Когда соблюдены эти два условія — одинъ мѣръ и одни чувства, тогда общеобязательная правда и общая логика становятся не только возможными, но даже и необходимыми. Въ отношеніи къ общеобязательной правдѣ вся разница между отдѣльными личностями можетъ состоять только въ томъ, что одинъ дойдетъ до этой правды собственными силами, другому помочь къ ней придти, а третьяго привести къ ней насильно, то есть, ему покажутъ правду, несмотря на его нежеланіе видѣть ее. Но эти два условія — одинъ мѣръ и одни чувства, — достаточныя для существованія общеобязательной истины и общей логики, далеко недостаточны для основанія общей эстетики, то есть, для приведенія личныхъ вкусовъ къ обязательному единству. Вкусъ есть сложный продуктъ темперамента, воспитанія, общественнаго положенія, образа жизни, общихъ историческихъ и климатическихъ условій, и многихъ другихъ элементовъ, степень участія которыхъ въ общемъ результатѣ указать и опредѣлить не только трудно, но даже невозможно. На основаніи этихъ соображеній, я полагаю, что общая эстетика вовсе не можетъ быть поставлена на одну доску съ общею физиологіею, общею логикою и общеобязательною истинною, и что возможность послѣднихъ ровно ничего не доказываетъ въ пользу возможности первой. Общая эстетика не только не можетъ существовать въ будущемъ, но она даже никогда не существовала въ прошедшемъ. То, что выдается или выдавалось за эстетику, относится къ общему вкусу, то есть, къ безконечному разнообразію личныхъ вкусовъ, такъ точно, какъ относится къ этому же разнообразію господствующая мода. Можно сказать навѣрное, что изъ десяти человѣкъ, надѣвающихся въ первый разъ новомодный костюмъ, девять равнодушны къ особенностямъ его цвѣта и покрою, а десятый находитъ этотъ цвѣтъ и покрой смѣшными или неудобными. И между тѣмъ всё носятъ, и каждый, нося новое платье, становится частицею того громаднаго прессы, который насильно втискиваетъ въ новую моду отдѣльныя личности, въ томъ числѣ и его

самого. Точно тоже самое можно сказать и обо всякомъ, такъ называемомъ господствующемъ звуцѣ, а слѣдствительно и обо всякой эстетикѣ, излагающей общія формулы этого вкуса.

Вторую мысль г. Антоновичъ видитъ въ мысли, что прекрасное не имѣетъ самостоятельнаго значенія, независимаго отъ личныхъ вкусовъ. Разбиваетъ онъ эту дилемму тѣмъ аргументомъ, что есть звуки, пріятные или непріятные для всякаго слуха. Я могу представить противъ этого аргумента два возраженія. *Первое.* Физика и физиологія доказываютъ, конечно, что нѣкоторые звуки или сочетанія звуковъ производятъ непременно въ каждомъ человѣческомъ ухѣ рѣзкое и раздражающее потрясеніе, которое всего лучше можно выразить французскимъ словомъ *tirailllement*. Но физика и физиологія поступила бы черезчуръ смѣло, если бы рѣшились сказать, что эти *tirailllements* абсолютно-непріятны для всѣхъ людей, или, другими словами, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ извлекать себѣ изъ этихъ *tirailllements* никакого наслажденія. Если бы физика и физиологія отваживались на такія спороспѣлыя заключенія, то существующіе человѣческіе вкусы очень часто уличали бы ихъ въ ошибкахъ. Такъ напримѣръ, физиологія, основываясь на многихъ наблюденіяхъ, могла бы сказать, что горечь антипатична человѣческому организму; но если бы физиологія вздумала вывести изъ этихъ наблюденій общій законъ, то законъ этотъ оказался бы несостоятельнымъ, потому что многіе люди съ большимъ удовольствіемъ пьютъ очень горькій напитокъ, именно портеръ. Зная хорошо устройство и отправление человѣческихъ легкихъ, физиологъ, повидимому, имѣлъ бы полное право утверждать, что вдыхать дымъ горячей травы совершенно несвойственно человѣку, и что такое вдыханіе должно составлять для человѣка настоящую пытку; а между тѣмъ очень многіе люди подвергаютъ себя этой пыткѣ не только добровольно, но даже съ особенною страстью, потому что вдыхаемый дымъ дѣйствуетъ особеннымъ образомъ на нервную систему. Рѣзкіе и нестройные звуки, быстро слѣдующіе одинъ за другимъ, сливаясь и сдѣшиваясь между собою, могутъ также привести нервную систему въ особенное, возбужденное состояніе, которое многимъ людямъ можетъ казаться пріятнымъ. Почти у всѣхъ дикахъ народовъ есть своя музыка, невыносимая для европейскаго слуха, но доставляющая этимъ дикарямъ очень много удовольствія. По всей вѣроятности, рѣзкіе и нестройные звуки пріятны дикарямъ именно потому,

что эти звуки ошанемляют, ошаняютъ ихъ и помогаютъ имъ такимъ образомъ предаваться бѣшену полюсю и оргіастической пырѣ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, ивнѣе г. Антоновича, что нѣкоторые диссонансы отираются для всякаго слуха, въ высшей степени произвольно и донамываетъ только прайве слабое знакомство г. Антоновича съ хорошими характеристиками дивныхъ народовъ.

Вопрос въраженіе еще серьезнѣе перваго. Г. Антоновичъ самъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что различіе между аккордомъ и диссонансомъ ивнѣтъ онивисесное и физиологическое основаніе; онивна изучаетъ законы происхожденія и распространенія звука; онивіологія изучаетъ устройство нашего слухового аппарата; онивна и онивіологія общими силами рѣшаютъ вопросъ о томъ, какіе звуки и какія сочетанія звуковъ должны казаться намъ стройными или нестройными. Но если этотъ вопросъ рѣшенъ онивікою и онивіологією, то съ какой же стати его должна перерѣшать эстетика? Если бы эстетика вздумала противорѣчить онивнѣ и онивіологіи, то кто же бы ей повѣрилъ? А если она подтвердитъ рѣшеніе онивники и онивіологіи, то кто же нуждается въ ея подтвержденіи? На самомъ же дѣлѣ эстетика не думаетъ ни опровергать, ни подтверждать рѣшенія онивники и онивіологіи; она просто беретъ эти рѣшенія, какъ готовый фундаментъ, на которомъ и старается утвердить свои дальнѣйшія построенія. Такимъ образомъ, г. Антоновичъ, желая доказать возможность и необходимость эстетики, приводитъ въ прижѣръ такіа истины, которыа относятся къ области онивники и онивіологіи, точно будто бы у насъ шла рѣчь о томъ, чтобы выкинуть изъ онивники ученіе о звукахъ, а изъ онивіологіи—ученіе о слухѣ. Я говорю, что прекрасное не ивнѣтъ самостоятельнаго значенія, независимаго отъ личныхъ вкусовъ. Г. Антоновичъ ссылается на различіе, существующее между аккордомъ и диссонансомъ; но вѣдь эстетика старается не о томъ, чтобы установить это различіе, которое уже давно установлено положительными науками; эстетика старается установить твердыа правила, на основаніи которыхъ можно было бы производить оцѣнку художественныхъ произведеній, въ томъ яслѣ и музыкальныхъ. Эстетика ивнѣтъ дѣло не съ аккордами и съ диссонансами, а съ музыкальными произведеніями, которыа всѣ составляются изъ аккордовъ, и которыа, невмотря на то, въ глазахъ музыкальнаго критика ивнѣтъ безконечно различное достоинство. *Ванна-Танка* составляется изъ аккордовъ, и самата Бетко-

вена также составлена изъ аккордовъ, а между тѣмъ музыкальные критики находятъ, что соната лучше *Ваньки-Таньки*. Чтобы опровергнуть мой тезисъ объ относительномъ значеніи прекраснаго, г. Антоновичъ долженъ былъ доказать, напримѣръ, что этотъ приговоръ музыкальныхъ критиковъ совершенно независимъ отъ личныхъ вкусовъ. Но этого онъ не доказалъ и никогда не докажетъ, потому что этого и доказать невозможно. Очень многіе люди наслаждаются *Ванькой-Танькой* и вовсе не наслаждаются сонатами Бетховена; вы скажете имъ, что у нихъ неразвита музыкальный вкусъ, — многіе согласятся съ вами, но многіе согласятся и съ нами, и вопросъ останется неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ, такъ точно, какъ напримѣръ вопросъ о томъ, какое вино вкуснѣе — сладкій мускатъ-люнель или старый хересъ. Цѣль всякаго наслажденія состоитъ въ томъ, чтобы освѣжить и обновить рабочую силу человѣка; всѣ наслажденія, которыя ведутъ къ этой цѣли, не вреда ни самому наслаждающемуся субъекту, ни окружающимъ людямъ, одинаково законны и совершенно равны между собою. Если же вы мнѣ станете говорить о томъ, что сонаты Бетховена облагораживаютъ, возвышаютъ, развиваютъ человѣка, и проч., и проч., то я вамъ посоветую рассказывать эти сказки комунибудь другому, а не мнѣ, потому что я этимъ сказкамъ ни въ какомъ случаѣ не повѣрю: каждый изъ моихъ читателей знаетъ навѣрное многихъ искреннихъ меломановъ и глубокихъ знатоковъ музыки, которые, не смотря на свою любовь къ великому искусству и не смотря на свои глубокія знанія, остаются все-таки людьми пустыми, дрянными и совершенно ничтожными.

Третью нелѣпность г. Антоновичъ самъ выдумываетъ и приписываетъ мнѣ. «Г. Писаревъ, вслѣдъ за Базаровымъ, говоритъ г. Антоновичъ, представляетъ себѣ, будто-бы отношеніе человѣка къ искусству и къ прекраснымъ предметамъ природы ограничивается только непосредственными чувственными ощущеніями, будто и все остальное нравится намъ также и въ такой же формѣ, какъ нравятся, напр. яблоки. Это третья нелѣпность» (Стр. 71.) Г. Антоновичъ дѣлаетъ тутъ двѣ ошибки: во первыхъ, онъ, употребляя общее выраженіе *искусство*, ставитъ поэзію на одну доску съ остальными искусствами, которыя должны стоять безконечно ниже поэзіи; во вторыхъ, онъ ставитъ *прекрасные предметы природы*, въ томъ числѣ и прекрасныхъ людей, — прекрасныхъ не только по наружности, но и

по умственнымъ качествамъ, — рядомъ съ картинами, статуями и музыкальными пьесами. Этихъ двухъ ошибокъ я никогда не дѣлалъ. Поэтому я никогда и не говорилъ, что люди или замѣчательныя поэтическія произведенія нравятся намъ *такъ же и въ такой же формѣ*, какъ нравятся яблоки. Но между наслажденіемъ живописью, скульптурою и музыкою, и наслажденіемъ яблоками я дѣйствительно не вижу никакого существеннаго различія, кромѣ того только, что наслажденіе тремя вышеназванными искусствами требуетъ большихъ издержекъ и большихъ хлопотъ. Теперь вы, стало быть, г. Антоновичъ, видите, какъ разлетѣлась въ прахъ вся ваша аргументація, и до какой высокой степени она была нелѣпа.

VIII.

Окончивъ свое неудачное изслѣдованіе о *трехъ нелѣпостяхъ*, г. Антоновичъ начинаетъ разбирать тѣ мѣста «Разрушенія эстетики», которыя направлены собственно противъ него. Г. Антоновичъ выписываетъ ту фразу, въ которой говорится о его умственной нищетѣ и нравственной мелкости. При словѣ *нравственной*, которое встрѣчается въ моей фразѣ два раза, г. Антоновичъ дѣлаетъ въ скобкахъ два замѣчанія; первое: «*даже за нравственность ухватимся*», и второе: «*опять нравственность!*» — Я рѣшительно не понимаю, на какомъ основаніи г. Антоновичъ считаетъ разговоръ о *нравственности* неумѣстнымъ; г. Антоновичъ, мнѣ чѣмъ кто либо другой; имѣеть право требовать, чтобы литература не касалась вопроса о нравственныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ писателя; въ той же самой книгѣ, гдѣ помѣщена статья г. Антоновича, постоянный сотрудникъ «Современника», г. Посторонній Сатирикъ, разбираетъ вопросъ о томъ, «*можетъ ли безчестный человекъ быть честнымъ публицистомъ и фельетонистомъ?*» Развѣ, ~~разсуждая о честности~~, г. Посторонній Сатирикъ не *ухватывается за нравственность*? А когда г. Посторонній Сатирикъ, въ июньской книгѣ «Современника», разсуждалъ о *морали г. Краевскаго*, развѣ эти разсужденія не были разговоромъ о *нравственности*? А когда г. Посторонній Сатирикъ вторгался въ частную жизнь г. Благосвѣтлова и на основаніи слуховъ и сплетенъ анализировалъ отношенія г. Благосвѣтлова къ графу Кущелеву-Безбородко, отношенія, до которыхъ литературѣ и

публикѣ конечно нѣтъ никакого дѣла, развѣ г. Посторонній Сатирикъ имѣлъ тогда въ виду не *нравственность* г. Благосвѣтлова, а его умственные способности и литературныя дарованія? И вдругъ теперь г. Антоновичъ обнаруживаетъ истеричное и выражаетъ неудовольствіе по тому случаю, что я завожу рѣчь о его *нравственныхъ* убѣжденіяхъ, о которыхъ я почерпнулъ свѣдѣнія не изъ какихъ-нибудь слуховъ, а изъ его же собственныя печатныя статей, написанныхъ его полнымъ именемъ. Какъ бы вы, г. Антоновичъ, ни пожимали плечами и какія бы саркастическія замѣчанія вы ни вставляли въ мою рѣчь, это все-таки не уничтожить и не ослабитъ того факта, что въ вашихъ разсужденіяхъ объ аскетизмѣ и о *нѣкоторыхъ* отрицателяхъ искусства выражается, какъ я уже замѣтилъ въ «Разрушеніи эстетики» (стр. 27), «школьническій взглядъ на долъ и на трудъ» и что этотъ взглядъ долженъ навлечь на васъ со стороны всякаго мыслящаго человѣка, совершенно справедливый упрекъ въ умственной нищетѣ и въ *нравственной* мелкости. Этотъ справедливый упрекъ вы, г. Антоновичъ, врядъ-ли успѣете отразить тѣми игривыми эпитетами, которые вы мнѣ подносите на стр. 74. Встрѣчая въ вашей статьѣ выраженія: «недоносокъ благосвѣтловскій недоразвившееся дитя г. Тургенева, скудоумный г. Писаревъ» — ваши читатели найдутъ, конечно, что вы далеко превосходите меня въ искусствѣ браниться и что вы съ лихвою заплатили мнѣ за *любопытство* *любокомыслія*; по упреку въ умственной нищетѣ и *нравственной* мелкости все-таки останется во всей своей силѣ, ктому что можно быть величайшимъ виртуозомъ по части крѣпкихъ выраженій и въ то же время имѣть самый школьническій взглядъ на долъ и на трудъ.

«Разбранивши насъ, продолжаетъ г. Антоновичъ, г. Писаревъ сталъ разхваливать себя и г. Зайцева, причислявши себя къ тѣмъ *нѣкоторымъ* разрушителямъ искусства, о которыхъ мы говорили». — Знаете-ли вы, г. Антоновичъ, что ваше пламенное желаніе унижить меня, какъ можно слышнѣе, доводитъ васъ до самыхъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ крайностей. Вы говорите, что я самовольно причислилъ себя къ тѣмъ *нѣкоторымъ*; этими словами вы хотите выразить, что вы совѣтъ обо мнѣ и не думали, что вы совѣтъ не меня имѣли въ виду, говоря о *нѣкоторыхъ*, что вамъ до меня и дѣла никакого нѣтъ; и въ то же время вы направляете противъ «Русскаго Слова» третью большую критическую статью, не говоря уже о множествѣ

мелких статей и многократных нападеній. Если я действительно самъ причислялъ себя къ нѣкоторымъ, если, говоря о нѣкоторыхъ, вы имѣли въ виду не меня и не моихъ сотрудниковъ, то, спрашивается, о комъ же вы говорили? Въдъ вамъ даже и называть, промѣ насъ будетъ не много. Если же вы говорили именно о г. Зайцевѣ и обо мнѣ, то зачѣмъ же вы употребляете теперь бессмысленныя выраженія, зачѣмъ вы говорите, что я *причислялъ себя*, когда я просто понавѣ вамъ намекъ въ томъ единственномъ смыслѣ, въ которомъ только и можно было его понять? Искусство полемизировать составляетъ, конечно, самую легкую и ничтожную часть литературной дѣятельности, а между тѣмъ вы даже и въ этомъ искусствѣ до вѣрности слабы; въ неимѣніи солидныхъ аргументовъ вы ежеминутно прибѣгаете къ натяжкамъ, которыя для всѣхъ очевидны, и къ изобрѣтеніямъ, которыхъ несостоятельность тотчасъ можетъ быть доведена. Читая ваши полемическія статьи, я обыкновенно нахожусь въ недоумѣніи насчетъ того, чему мнѣ болѣе изумляться: той-ли отважности, съ которою вы называете одну лодку на другую, или же той наивности, съ которою вы сами занутиваете, ловите и выдаете себя. Такимъ образомъ, ваша *умственная нищета* на каждомъ шагу состязается съ вашею *нравственною мелкостью*, и читателю вашему остается только рѣшить затруднительный вопросъ: которому изъ этихъ двухъ нравственныхъ качествъ г. Антоновича слѣдуетъ присудить пальму первенства? — Когда читатель уже достаточно ознакомился съ этими достоинствами г. Антоновича, то его, разумѣется, вовсе не изумляетъ то обстоятельство, что г. Антоновичъ умышленно принимаетъ ироническія слова противника за серьезное выраженіе мнѣній, и что, вслѣдствіе таковаго ребяческаго приема, онъ напримѣръ утверждаетъ, будто бы я назвалъ себя и своихъ сотрудниковъ людьми помѣшанными, а въ другомъ мѣстѣ даже просто-глупыми людьми. Конечно, если смотрѣть на сотрудниковъ «Русскаго Слова» съ фамусовской или молчалинской точки зрѣнія, то они окажутся или помѣшанными, или глупыми людьми; но фамусовская или молчалинская точка зрѣнія, немислимая для честнаго литератора, нисколько не пугаетъ г. Антоновича; онъ готовъ стать на какую угодно точку зрѣнія и забраться въ какое угодно болото, лишь бы только доставить себѣ ребяческое удовольствіе назвать своихъ противниковъ идіотами или съумашедшими. Чтобы потѣшить себя этою мелкою забавою, г. Антоновичъ.

совершаетъ подвиги истиннаго самоотверженія: онъ утрируетъ свою собственную непонятливость и, доводя ее до самыхъ неправдоподобныхъ размѣровъ, завоевываетъ себѣ такимъ образомъ право не понимать моихъ словъ или понимать ихъ навыворотъ, и, вслѣдствіе этого, давиться печатно моему тупоумію. Такъ напримѣръ, на стр. 75 онъ прикидывается, будто не понимаетъ, зачѣмъ и въ какомъ отношеніи я сравниваю *нѣкоторыхъ* съ Архимедомъ, съ горькими пьяницами и игроками; онъ очень подробно объясняетъ мнѣ, что Архимеда сравнивать съ пьяницами и игроками нельзя, потому что заниматься математикою похвально, а заниматься виномъ и картами предосудительно. Непониманіе г. Антоновича, разумѣется, притворно; какую бы крайнюю тупость я ни предполагалъ въ г. Антоновичѣ, все-таки я никакъ не могу допустить, что онъ дѣйствительно не понялъ моей мысли. Не понять ее было невозможно, потому что моя мысль выражена подробно, ясно и выразительно даже для ребенка, если только этотъ ребенокъ имѣетъ понятіе о томъ, что такое страсть. Ходъ моей аргументаціи («Разр. вст.» стр. 24), клонившейся къ тому, чтобы отразить нѣкоторые упреки въ аскетизмъ, располагается слѣдующимъ образомъ. Можно-ли назвать аскетомъ горькаго пьяницу или игрока?—Нѣтъ, нельзя.—Почему?—Потому что они вовсе не борются съ своими страстями, а, напротивъ того, отдаются имъ совершенно безраздѣльно. — Значитъ, людей, которые отдаются своимъ страстямъ, нельзя назвать аскетами?—Значитъ, нельзя.—Подходятъ ли Архимедъ и Ньютонъ подъ разрядъ такихъ людей, которыхъ нельзя назвать аскетами?—Подходятъ.—Почему?—Потому, что они занимаются своимъ дѣломъ по страсти, а не по обязанности.—Можно-ли исключить изъ этого же разряда *нѣкоторыхъ* отрицателей искусства? — Можно.—Почему?—Потому что они отрицаютъ по страсти, а не по обязанности.—Въ какомъ же отношеніи похожи другъ на друга пьяница, Архимедъ и *нѣкоторые*?—Мы въ нихъ замѣтили только тотъ общій отрицательный признакъ, что всѣ они—*не аскеты*, точно такъ какъ вы, напримѣръ, въ золотой монетѣ, въ черной доскѣ, въ красномъ винѣ и въ буланой лошади можете замѣтить тотъ общій отрицательный признакъ, что всѣ они—*не бѣлые предметы*. И вдругъ противникъ вашъ начинаетъ вамъ доказывать печатно, что буланую лошадь нельзя влить въ стаканъ, что на красномъ винѣ нельзя писать мѣломъ, что черную доску нельзя кормить овсомъ, что зо-

лотую монету нельзя запрягать въ дрожки, и что на основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ нѣтъ ни малѣйшей возможности включить въ одну категорію монету, доску, вино и лошадь. Конечно, такія возраженія противника должны показаться вамъ совершенно безмысленными и нисколько неотнѣсяющимися къ вашему разсужденію. Возраженія г. Антоновича, доказывающаго мнѣ, что математика и пьянство—двѣ вещи разныя, и что Архимедъ былъ гораздо умнѣе меня, совершенно такъ же умѣстны и основательны, какъ приведенныя возраженія о различныхъ свойствахъ вина, лошади, доски и монеты. Что г. Антоновичъ *притворяется*, непонимающимъ—это очевидно. Но спрашивается, какая цѣль, какая выгода, какой расчетъ притворяться такъ неискусно и неправдоподобно? Въ чемъ г. Антоновичу хочется убѣдить *счастливыхъ читателей* «Современника»? Въ томъ-ли, что я не понимаю различія между математикою и пьянствомъ, или же въ томъ, что я приписываю себѣ гениальный умъ Архимеда? Если г. Антоновичъ дѣйствительно надѣется внушить своимъ читателямъ такія мысли, то желательно было бы знать, что должны мы думать объ умѣ г. Антоновича?—А если г. Антоновичъ не питаетъ такихъ несбыточныхъ надеждъ, то ради чего же онъ притворяется? Остается предположить, что г. Антоновичъ притворяется совершенно безкорыстно, по той же самой причинѣ, по которой люди, привыкшіе лгать, лгутъ на каждомъ шагу, даже тогда, когда ложь не можетъ доставить имъ ни малѣйшей выгоды, и даже тогда, когда ихъ тотчасъ же могутъ уличить и осмѣять. Такая ложь становится уже совершенно невинною, но въ печати она все-таки неудобна, потому что печать существуетъ совѣмъ не для того, чтобы давать намъ возможность предаваться публично нашимъ страннымъ, хотя бы даже и безвреднымъ, привычкамъ. Впрочемъ, всмотрѣвшись внимательно въ 74 и 75 страницы «*Лже-реалистовъ*», я наконецъ нашелъ настоящую загадку той странной полемической тактики, которой придерживается г. Антоновичъ. Въ своей полемикѣ г. Антоновичъ стремится только къ тому, чтобы поговорить противнику какъ можно больше такихъ словъ, которыя г. Антоновичъ считаетъ колкими. Заботясь исключительно о томъ, чтобы колкостей набралось какъ можно больше, г. Антоновичъ не обращает никакого вниманія на то, что его колкости взаимно истребляютъ другъ друга. Онъ становится на одну точку зрѣнія—и называетъ

противника дуракомъ; (*) потомъ тотчасъ переходить на другую, діаметрально противоположную точку, и называетъ противника—мошеникомъ; затѣмъ онъ радуется, и полагаетъ, что его противникъ теперь и дуракъ, и мошеникъ; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что вторая колюность уничтожила первую, и что противникъ очищенъ отъ всякаго обвиненія, благодаря излишнему усердію г. Антоновича. Г. Антоновичъ думаетъ, что если написать сто разъ—*дуракъ*, и сто разъ—*дуракъ*, и сложить все это вмѣстѣ, то получится *двѣсти дураковъ*; на самомъ же дѣлѣ получается чистый нуль, потому что $+дураки$ и $-дураки$ взаимно уничтожаются. Предаваясь своему неосторожному усердію, г. Антоновичъ на стр. 74 объявляетъ, что я называю себя и своихъ сотрудниковъ глупыми и помѣшанными, а на стр. 75 г. Антоновичъ уже даетъ мнѣ совѣты на тотъ случай, если мнѣ еще разъ придетъ искушеніе похвастаться печатно добродѣтелями. Какими же добродѣтелями? Вѣдь я хвастался глупостью и помѣшательствомъ: развѣ это добродѣтели?—До этихъ вопросовъ г. Антоновичу нѣтъ никакого дѣла, его цѣль достигнута. На одной страницѣ онъ сказалъ: видите, самъ признается, что глупъ и помѣшанъ! А на другой страницѣ онъ говоритъ: видите, хвастаетъ своими добродѣтелями! Оказывается такія образомъ, что я и глупъ, и помѣшанъ, и хвастунъ. На самомъ дѣлѣ оказывается конечно нуль, но г. Антоновичъ очевидно не знаетъ того алгебраическаго правила, по которому $+дуракъ$ и $-дуракъ$ взаимно уничтожаются. Теперь понятно, для чего г. Антоновичъ сначала притворяется, а потомъ тотчасъ самъ же и выдаетъ себя: притворяется онъ для того, чтобы обругать противника съ одной стороны, а выдаетъ себя для того, чтобы тотчасъ же обругать его и съ другой стороны; въ результатѣ получается тотъ комическій эффектъ, что клинъ выгоняется клиномъ, идъ убивается ядомъ—и противникъ, въ собственному своему удивленію, остается необруганнымъ.

IX.

На стр. 76 надъ головой моею собираются мрачныя тучи.—
«Если бы вы были умны, говорить г. Антоновичъ, понимали ре-

(*) Это у г. Антоновича считается колюкостью.

лизмъ и искусство, если бы ваша преданность реализму! была разумна, вы бы не уничтожали искусства, а напротивъ поддерживали бы его, но только обращали бы его въ свою пользу, старались бы обратить его на служеніе тѣмъ разумнымъ идеямъ, которыя вы неразумно понимаете; вы бы потребовали, чтобы искусство помогало реализму, чтобы и оно съ своей стороны и своими путями стремилось къ той же цѣли, какую преслѣдуетъ реализмъ.» — Бѣдный г. Антоновичъ! Какъ мнѣ васъ жалко! Если бы вы только достигнуть могли, какъ мнѣ васъ жалко, и почему мнѣ васъ жалко! Вы-ли не старались, вы-ли не потѣли, вы-ли не рылись въ моихъ статьяхъ за три, за четыре года, вы-ли не городили дурака на дурака и слабоумнаго на скудоумномъ, и вдругъ — что-же? и вдругъ одинъ почеркъ вашего собственнаго пера опроверживаетъ все это гордое, все это величественное званіе дураковъ, слабоумныхъ и скудоумныхъ, и вдругъ вы сами, ни съ того, ни съ другого, совершенно добровольно признаетесь печатно въ томъ, что я *уменъ*, что я *понимаю реализмъ и искусство* и что моя *преданность реализму разумна*. Г. Антоновичъ! Развѣ вы Пенелопа? Развѣ вы ждете къ себѣ супруга, странствующаго по невѣдомымъ землямъ? Развѣ васъ беспокоятъ своими неумѣстными предложеніями доучливые женихи? Объясните же мнѣ пожалуйста, съ какой стати вы теперь вдругъ распустили тотъ холстъ, который вы ткали такъ долго, такъ усердно и такъ старательно, то прикидываясь идиотомъ, то сочиняя очевидныя небылицы? Посмотримъ еще разъ, какія требованія я долженъ выполнить, чтобы оказаться умнымъ человекомъ, понимающимъ реализмъ и искусство и питающимъ разумную преданность къ реализму: я долженъ не уничтожать искусство, а напротивъ поддерживать его, но только обращать его въ свою пользу, на служеніе разумнымъ идеямъ; я долженъ требовать, чтобы искусство помогало реализму, чтобы оно съ своей стороны и своими путями стремилось къ той же цѣли, какую преслѣдуетъ реализмъ. Короче и яснѣе: я долженъ всеми силами превращать искусство въ орудіе той идеи, которой я служу. Ну, и прекрасно: я всегда поступалъ именно такимъ образомъ. Слѣдовательно... слѣдовательно, новая Пенелопа распустила свой холстъ. Дѣйствительно, я постоянно старался и стараюсь до сихъ поръ превратить искусство въ орудіе реализма, но только: при этомъ я задавалъ и задаю себѣ такой вопросъ, который, повидимому, ни разу не приходилъ въ

годову г. Антоновичу. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ, какія отрасли искусства могутъ и какія не могутъ превратиться въ орудіе реализма. Пока мы будемъ говорить объ искусствѣ вообще, до тѣхъ поръ этотъ существенно-важный вопросъ будетъ оставаться неразрѣшимымъ. Надо брать каждое искусство отдѣльно, и тогда нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что ни скульптура, ни живопись, ни музыка, ни сценическое искусство не могутъ сдѣлаться орудіями реализма.—Почему не могутъ?—Да потому, что издержки и хлопоты, которыхъ требуетъ существованіе этихъ искусствъ, ни при какихъ условіяхъ и ни при какомъ направленіи художественной дѣятельности не окупаются тѣмъ количествомъ пользы, которое можетъ быть принесено этими искусствами. *Во первыхъ*, всѣ эти искусства требуютъ такого спеціальнаго, техническаго приготовленія и такихъ постоянныхъ упражненій, которыя поглощаютъ всю жизнь и всѣ силы человѣка, желающаго быть художникомъ. Чтобы быть хорошимъ скульпторомъ, хорошимъ живописцемъ, хорошимъ музыкантомъ или хорошимъ актеромъ, человѣкъ продолжительнымъ трудомъ долженъ приобрести себѣ и поддерживать въ себѣ такую снаровку, которая въ области его художественной дѣятельности рѣшительно необходима, а внѣ этой области также рѣшительно ни на что не годится. *Во вторыхъ*, всѣ эти искусства возможны только при существованіи многихъ вспомогательныхъ отраслей промышленности, которыя существуютъ именно только для этихъ искусствъ и которыя, нисколько не содѣйствуя возвышенію общаго экономическаго благосостоянія, совершенно справедливо должны быть отнесены къ категоріи убыточнаго производства. Скульптору нуженъ мраморъ, который кромѣ скульптора не нуженъ никому; ему нужны особенные инструменты, которые также дѣлаются для него одного. Живописцу нужны краски и кисти; музыканту нужны музыкальные инструменты: Приготовленіемъ этихъ инструментовъ занимаются цѣлыя огромныя фабрики, которыя могли бы производить разныя земледѣльческія и мануфактурныя машины. Актеру нужны декорации костюмы, парики, румяна, бѣлила. Кромѣ того, скульптору и живописцу нужны натурщики и манекены; актеру нужны суфлеры и хористы, режиссеры и антрепренеры, и наконецъ огромныя зданія, устроенныя и поддерживаемыя спеціально для служенія его искусству. Сочинителю музыкальныхъ пьесъ нужны люди, занимающіеся фабрикаціею инструментовъ, игрою на нихъ, пѣніемъ и проч. Эти два обстоятельства показываютъ намъ, какъ великъ расходъ, необ-

ходный для того, чтобы всё эти искусства могли поддерживать свое существованіе. Третье обстоятельство покажетъ намъ, какъ малъ доходъ, который можетъ доставаться на долю реализма, даже при самомъ разумномъ направленіи всѣхъ этихъ искусствъ. Самый существенный недостатокъ живописи и скульптуры состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онѣ могутъ изображать только *одинъ моментъ*; слѣдить за развитіемъ дѣйствія, показывать, какимъ образомъ послѣдствія вытекаютъ изъ причинъ — это превышаетъ ихъ силы. Этотъ недостатокъ отнимаетъ у скульптуры и у живописи всякую возможность дѣйствовать живительнымъ образомъ на общественное сознаніе. Представьте себѣ, напримѣръ, что скульпторъ, проникнутый гуманными стремленіями современнаго реализма, хочетъ показать обществу, каковое пагубное искаженіе и вырожденіе человѣческой породы происходитъ постоянно въ тѣхъ мастерскихъ, въ тѣхъ фабрикахъ, въ тѣхъ темныхъ, душныхъ и сырыхъ квартирахъ, въ которыхъ истощаютъ свои силы, голодаютъ и забнуть европейскіе работники. Онъ представляетъ на выставку нѣсколько тощихъ, безобразныхъ фигуръ, съ впадою грудью, съ мускулатурою неестественно развитою въ однихъ членахъ и неестественно слабою въ другихъ, съ тупымъ и замученнымъ выраженіемъ лица, съ искривленнымъ позвоночнымъ столбомъ и съ согнутыми ногами. Подъ каждую изъ этихъ фигуръ, вывѣсленныхъ съ природы, онъ подписываетъ названіе того ремесла, которому данный субъектъ обязанъ своимъ уродствомъ. Сдѣлавъ это, скульпторъ сдѣлалъ рѣшительно все, что только могъ сдѣлать, какъ искренній приверженецъ реализма, понимающій глубоко и вѣрно, какъ задачи вѣка, такъ и спеціальныя средства скульптуры. Но какъ вы думаете, произведутъ ли выставленныя фигуры на публику то глубокое и потрясающее впечатлѣніе, которое желалъ произвести честный и умный художникъ? Можно сказать навѣрное, что не произведутъ. Почему? Потому что публика, смотрящей на эти статуи, предоставляется угадывать слишкомъ многое; публика видитъ только одинъ результатъ; и этотъ результатъ, этотъ единственный моментъ, схваченный художникомъ, останется для публики непонятнымъ до тѣхъ поръ, пока она не воспроизведетъ своимъ воображеніемъ весь тотъ длинный рядъ трудовыхъ и голодныхъ годовъ, весь тотъ безконечный рядъ неестественныхъ усилій и лишеній, который наложилъ свою печать на тѣлосложеніе и на физиономію изображенныхъ субъектовъ. Цѣль скульптора была бы достигнута до нѣкоторой стѣ-

пени только въ томъ случаѣ, если бы при выставленныхъ статуяхъ находился умный, свѣдущій и краснорѣчивый человѣкъ, который, во все продолженіе выставки, по нѣскольку разъ въ день, читалъ бы публикѣ лекцію, подробно объясняющую происхождение и развитіе всѣхъ изображенныхъ искаженій человѣческаго тѣла. Такія лекціи, конечно, могли бы произвести сильное и благотворное впечатлѣніе. Но нетрудно понять, что это впечатлѣніе было бы произведено лекціями, а не статуями. Разумѣется, статуи, придавая словамъ лектора большую ясность и наглядность, могли бы *немного* увеличить успѣхъ лекцій и усилить производимое ими впечатлѣніе; но если мы сообразимъ, что это *немногое* покупается цѣною такихъ трудовъ, на которые уходитъ вся жизнь очень умнаго, очень честнаго и очень даровитаго человѣка, глубоко вдумавшагося въ причины общественныхъ бѣдствій, то мы, конечно, придѣмъ къ тому убѣжденію, что игра не стоитъ свѣчъ, и что для реализма было бы несравненно выгоднѣе, если бы этотъ умный, честный и даровитый человѣкъ служилъ ему не въ качествѣ превосходнаго скульптора, а Папиршѣръ, въ скромной должности хорошаго преподавателя или добросовѣстнаго переводчика полезныхъ иностранныхъ книгъ. Статуи, о которыхъ я говорилъ выше, могутъ произвести потрясающее впечатлѣніе на такого человѣка, который самъ изучалъ бытъ рабочихъ классовъ и посвятилъ всѣ свои силы улучшенію ихъ участи. Поставьте передъ такими статуями Луи Блана, Лассаля или Прудона, и, разумѣется, они оцѣнятъ ихъ по достоинству и прочувствуютъ, глядя на нихъ, до глубины души все величіе того дѣла, которому они себя посвятили. Но въ томъ-то и бѣда, что статуи и картины поражаютъ и волнуютъ только тѣхъ людей, которые уже не нуждаются въ этихъ сильныхъ ощущеніяхъ, потому что они и безъ этихъ ощущеній твердо знаютъ, понимаютъ и помнятъ все, что честный и умный гражданинъ долженъ помнить, знать и понимать. Человѣкъ, еще не затронутый серьезными мыслями и глубокими чувствами, отойдетъ отъ картины или отъ статуи съ тѣмъ же бѣднымъ и ложнымъ взглядомъ на жизнь, съ которымъ онъ и подошелъ къ нимъ. Инициаторомъ или вербовщикомъ новыхъ адептовъ не можетъ сдѣлаться ни при какихъ условіяхъ ни скульптура, ни живопись. Кто способенъ понимать статуи и картины, носящія на себѣ печать глубокой мысли, тому эти картины и статуи не говорятъ ничего новаго; а кому ихъ основная мысль еще неизвѣстна,

тому языкъ картинъ и статуй остается непонятнымъ. Музыка точно также, хотя и по другой причинѣ, не можетъ превратиться въ орудіе реализма. Существенный недостатокъ музыки заключается въ ея неопредѣленности; музыка выражаетъ различныя психическія настроенія, различные оттѣнки чувства, различные переходы отъ одного настроенія къ другому, различные переливы одного чувства въ другое; но выразить опредѣленный взглядъ на природу, на человѣка и на общество, выразить его такъ, чтобы его основныя мысли оказались понятными и убѣдительными даже для такого человѣка, который никогда не слышалъ о нихъ прежде — этого, разумѣется, никогда не сдѣлаетъ никакая музыка. Правда, что нѣкоторые мелодіи, слившись навсегда съ словами пѣсни, сдѣлались самою яркою вывѣскою тѣхъ или другихъ политическихъ идей и тенденцій. Такъ, напримѣръ, напѣвъ марсельезы или са іга до такой степени живо напоминаетъ каждому образованному человѣку историческія сцены изъ первой французской революціи, что невольно можно составить себѣ совершенно ошибочное мнѣніе, будто бы въ самомъ дѣлѣ звуки этихъ мелодій имѣютъ дѣйствительное средство съ тогдашними идеями. Но ошибочность этого мнѣнія замѣтить не трудно: звуки выражаютъ здѣсь только бравурное и восторженное настроеніе; а такъ какъ это настроеніе способны испытывать и рыцари легитимизма, и защитники папскаго престола, и національные гвардейцы Кавеньяка, истреблявшіе въ іюнѣ 1848 года работниковъ во имя священныхъ правъ капитала, то, очевидно, на музыку марсельезы можно положить какія угодно слова, лишь бы только они выражали собою воинственный азартъ и готовность положить жизнь за какое ни на есть, правое или неправое, дѣло. Музыка можетъ растрогать, взволновать, опечалить или развеселить человѣка, но убѣдить или переубѣдить его она даже и не пробуетъ. Такъ какъ реализму нужны исключительно люди, проникнутые извѣстными убѣжденіями, то само собою разумѣется, что музыка не можетъ сдѣлать для реализма ровно ничего.

Наконецъ, сценическое искусство не имѣетъ низкаго самостоятельнаго значенія. Оно зависитъ безусловно отъ поэзіи, которая съ величайшимъ удобствомъ можетъ обойтись безъ его содѣйствія: не драма, а романъ составляетъ важнѣйшую отрасль современной поэзіи. Итакъ изъ всѣхъ искусствъ только одну поэзію стоитъ и можно превратить въ могущественное орудіе реализма. Всѣ тѣ соображенія, ко-

торыя говорили противъ остальныхъ искусствъ, говорятъ сильно и убѣдительно въ пользу поэзіи. *Во первыхъ*, поэту совсѣмъ не нужна специальная техническая подготовка. Его подготовка сливается совершенно съ тѣмъ общимъ образованіемъ, въ которомъ нуждается каждый человѣкъ, желающій приняться за какой бы то ни было общепользительный умственный трудъ. Поэту нужно знаніе отечественнаго языка, знаніе отечественной и главныхъ европейскихъ литературъ, знаніе окружающей жизни и широкаго умственное развитіе. Всѣ эти знанія необходимы каждому работнику мысли, такъ что поэту не приходится тратить ни одной минуты времени и ни одной копейки денегъ собственно на то, чтобы воспитать въ себѣ поэта. *Во вторыхъ*, поэтъ своею дѣятельностью не поддерживаетъ ни одной отрасли убыточнаго производства. Поэту необходимы бумага, перья, чернила, типографія, переплетныя и книжныя лавки. Все это существуетъ не для однихъ поэтовъ, а для всѣхъ грамотныхъ людей, и все это совершенно необходимо для поддержанія и распространенія грамотности. Значить, *расходъ* на поэзію ничтоженъ. Нетрудно доказать, что, *въ третьихъ*, *доходъ* съ поэзіи можетъ быть очень значителенъ. Нѣтъ того міросозерцанія, нѣтъ того взгляда на общественныя отношенія, котораго нельзя было бы выразить самымъ убѣдительнымъ и увлекательнымъ образомъ въ поэтическомъ произведеніи. Итакъ, стараясь превращать поэзію въ орудіе реализма, я исполнилъ всѣ требованія г. Антоновича, и заслужилъ вполне тѣ военныя похвалы, которыми такъ неожиданно осыпаетъ меня мой любезный противникъ. Къ сожалѣнію, мой противникъ, при всей своей любезности, не желаетъ или не умѣетъ выразиться ясно: онъ говоритъ постоянно объ искусствѣ вообще, но всякій разъ, какъ ему приходится приводить примѣръ, чтобы доказать вліяніе искусства на развитіе общества, онъ беретъ этотъ примѣръ изъ исторіи поэзіи; такимъ образомъ нѣтъ возможности понять, за что именно онъ сражается, за всѣ ли отрасли искусства, или же за одну поэзію. Въ первомъ случаѣ ему слѣдовало бы брать свои примѣры изъ исторіи живописи, скульптуры и музыки, то есть, тѣхъ искусствъ, которыя особенно сильно заподозрѣны въ бесполезности. Во второмъ случаѣ, защищать искусство очень не трудно, тѣмъ болѣе, что на него съ этой стороны никто и не нападаетъ. Чтобы развернуть свою храбрость и полемическую бойкость въ такой легкой и бесполезной борьбѣ, г. Антоновичъ, по своему обыкновенію,

сочинялъ будто я старался уничтожить новизну, и потому необходимо доказываетъ мнѣ, что уничтожать ее не годится. «Но на васъ, говоритъ мнѣ г. Антоновичъ, не дѣйствуютъ никакія сѣббразженія здраваго смысла, никакія историческія и философскія доказательства; вы затвердили фразу Базарова: мы признаемъ только пользу, мы отрицаемъ искусство,—и вслѣдствіе этого твердите постоянно, что искусство бесполезно, что его нужно уничтожить, что всѣ художники, начиная отъ Рафаэля и Шекспира и оканчивая Брюловымъ, Гёте и Гейне, также ничтожны и безпомощны для человѣчества, какъ повара Дюссо и трактирные маркеры» (стр. 77). Любезность и добродушіе моего противника приводятъ меня въ восхищеніе. Представьте себѣ, что, упоминая о поварахъ Дюссо и о трактирныхъ маркерахъ, онъ указываетъ на мой «Нерѣшенный вопросъ», въ которомъ было дѣйствительно употреблено сравненіе нѣкоторыхъ художниковъ съ маркеромъ Тюрей и съ поваромъ Дюссо; представьте себѣ далѣе, что онъ называетъ трехъ повтовъ, о которыхъ тоже говорилось въ «Нерѣшенномъ вопросѣ»; и представьте себѣ наконецъ, что именно объ этихъ трехъ поэтахъ я говорилъ съ величайшимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ, всю тираду моего противника я могу опровергнуть одною короткою выпискою изъ «Нерѣшеннаго вопроса». Согласитесь, что мой противникъ, доставляющій мнѣ надъ собою такія легкія побѣды, долженъ быть человѣкомъ въ высшей степени любезнымъ и добродушнымъ. Вотъ что я говорю о Гейне, Гёте и Шекспирѣ: «Мы твердо убѣждены въ томъ, что каждому человѣку, желающему сдѣлаться полезнымъ работникомъ мысли, необходимо широкое и всестороннее образованіе, въ которомъ Гейне, Гёте, Шекспиръ должны занять свое мѣсто, наряду съ Либихомъ, Дарвиномъ и Лайеллемъ.» («Русское Слово», 1864. Ноябрь, стр. 23). Неправда ли, господа читатели, что Либихъ, Дарвинъ и Лайелль очень похожи на поваровъ Дюссо и на трактирныхъ маркеровъ? Но вамъ, конечно, угодно знать теперь, чьи же имена были поставлены рядомъ съ именами Дюссо и Тюрей? Извольте: «Вслѣдствіе этого, могутъ появиться на свѣтъ великіе люди самыхъ различныхъ сортовъ: великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря.» (Стр. 35). Тутъ взяты представители музыки, живописи и скульптуры, то есть, тѣхъ самыхъ искусствъ, которыхъ неизлечимую бесполезность я подробно доказывалъ въ на-

стоящей статьѣ на предыдущихъ страницахъ. О повѣи же, какъ о пригодномъ и полезномъ орудіи, я говорилъ съ полнымъ уваженіемъ, какъ въ прошломъ году, такъ и сегодня. А мой любезный противникъ, не умѣя замѣчать живонныя, скульптуру и музыку, заблагоросудилъ взываловать на меня ложное обвиненіе въ поруганіи Шекспира, Гёте и Гейне. Этимъ маневромъ мой противникъ онять, — не помню уже, въ который это разъ, — обнаружилъ, съ одной стороны свою незначительную любовь къ истинѣ, а съ другой стороны свое замѣчательное умѣніе полемизировать.

X.

Наконецъ, г. Антоновичу удастся найти въ моихъ сочиненіяхъ настоящую бессмыслицу, которая впрочемъ годъ тому назадъ была уже замѣчена пронизательнымъ критикомъ «Эпохи», г. Николаемъ Соловьевымъ, и которой происхожденіе я могу теперь объяснить самымъ удовлетворительнымъ образомъ, какъ гг. Николаю Соловьеву и Антоновичу, такъ и всей читающей публикѣ. Въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Слова» за 1864 годъ, въ статьѣ «Нерѣшенный вопросъ» на стр. 6 напечатаны слѣдующія строки: «У реалиста вта потребность (отдохнуть) возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то есть, можетъ втеченіи своей жизни сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрять умственные силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. Чловѣкъ исполнитъ реальный можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью жепщины или хорошею музыкою, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него можетъ быть развѣ только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполне успѣшно размышлять.» — Нелѣпость вопіющая! Сигара получила какое-то общее, догматическое значеніе. Сигара превращена въ единственную слабость, возможную или позволительную для всѣхъ реалистовъ. Но потрудитесь обратить вниманіе на тѣ слова, которыя написаны курсивомъ: въ нихъ заключается настоящая причина всей бессмыслицы; если вы, вмѣсто *реалиста*, поставите *Рах-*

— *жизнь*, *вѣсто* *человѣкъ* *вполнѣ* *реальный*—*Рахметова*, *и* *вѣсто* *ми* *можетъ* *быть* *разъ*—*естъ*, то вся нелѣпость совершенно уничтожится, и вы увидите, что я просто говорю о личныхъ особенностяхъ Рахметова, а совсѣмъ не объ общихъ признакахъ *реалиста* или какого-то *человѣка* *вполнѣ* *реального*. Почему *Рахметова* превратился такъ нестать въ *реалиста* и въ *человѣка* *вполнѣ* *реального*—это, я надѣюсь, г. Антоновичъ постигнетъ безъ моихъ объясненій. Чтобы помочь его догадливости, я напомню ему только, что *вѣсто* *романа* «*Что дѣлать?*» намъ часто приходилось говорить *эпопея* о *бѣлой* *Арабии*; когда надо было произнести имя автора—мы говорили *одно* *лицо*; когда самому г. Антоновичу надо было сказать *Рахметова*, опъ на стр. 79 своей статьи говоритъ *Никитушка* *Домовъ*. Если г. Антоновичъ понимаетъ причину всѣхъ этихъ случайныхъ явленій, то онъ понимаетъ также причину превращенія *Рахметова* въ *реалиста* и въ *человѣка* *вполнѣ* *реального*. Но г. Антоновичъ спроситъ меня, быть можетъ, почему же я не называю Рахметова Никитушкой Домовымъ, или почему я не выкинулъ изъ моей статьи всей главы, обезображенной и обезсмысленной неожиданнымъ превращеніемъ? Потому, отвѣчу я, что я не читаю третьихъ корректуръ или такъ называемыхъ подписныхъ листовъ. Такая небрежность съ моей стороны, конечно, очень предосудительна, но о причинахъ такой преступной небрежности г. Антоновичъ можетъ навести справки въ редакціи «Русскаго Слова», а также и у г. Некрасова, которому было объяснено, почему письмо, помещенное въ мартовской книжкѣ «Современника», написано моею матерью, а не мною. Когда г. Антоновичъ наведетъ эти справки, то, по всей вѣроятности, сочтетъ себя удовлетвореннымъ. А чтобы показать моимъ читателямъ, что первая часть «Нерѣшеннаго вопроса» дѣйствительно испытала на себѣ нѣчто въ родѣ геологическаго переворота, объясняющаго совершенно удовлетворительно всевозможныя превращенія и уничтоженія смысла, я приведу изъ той же статьи еще одну фразу, въ которой слѣды геологическаго переворота совершенно очевидны, «А, кажется, Тургеневу въ этомъ отношеніи можно повѣрить, во первыхъ потому, что онъ зналъ вполнѣ всѣ душевныя стремленія московскихъ кружковъ; а во вторыхъ потому, что его можно заподозрить скорѣе въ пристрастіи къ симпатичному Грановскому, чѣмъ въ преувеличенной лѣзости къ угловатымъ реалистамъ нашего времени, что на его поприщѣ цвѣто»

бы не могъ дѣйствовать лучше и плодотворнѣе (стр. 30)». Какъ вамъ это нравится? Къ чему тутъ очутились слова: «что на его поприщѣ никто не могъ дѣйствовать лучше и плодотворнѣе»? А вотъ { видите ли: послѣ словъ — «реалистамъ нашего времени» — стояла точка. Послѣ точки слѣдовала дѣлая отдѣльная и самостоятельная фраза. Эта фраза погибла въ геологическомъ переворотѣ, и отъ нея уцѣлѣлъ только одинъ несчастный кончикъ: «что на его поприщѣ»... который, чувствуя свою сиротскую безпомощность, нашелъ удобнымъ прислониться къ предыдущему періоду. Выписавъ то мѣсто, гдѣ *Рахметовъ* превратился въ *человѣка воплоти реальнаго*, г. Антоновичъ старается изобличить все мое тупоуміе, и при этомъ увлекается такъ сильно, что, самъ того не замѣчая, направляетъ потокъ своихъ извѣстныхъ *колкостей* не на меня, а на Рахметова, и слѣдовательно, на г. Чернышевскаго. Какъ прикажете въ самомъ дѣлѣ понимать слѣдующія изліянія? «Если бы этотъ аскетъ-реалистъ не былъ до крайности глупъ, онъ бы тянулъ по рюмочкѣ очищенной, потому что она еще болѣе возбуждаетъ, чѣмъ хорошая сигара; также точно, если бы у этого аскета-реалиста была хоть капля здраваго смысла, онъ бы зналъ, что шекспировскія драмы возбуждаютъ мозговую дѣятельность гораздо лучше и живѣе, чѣмъ сигара, что бесѣды съ друзьями и любовь къ женщинамъ могутъ быть до такой степени полезны и могутъ наводить человѣка на такія полезныя и дѣльныя мысли, какъ ни одна самая лучшая гаванская сигара въ мірѣ. Потому аскетъ-реалистъ, значить, просто глупъ, если онъ для своего умственнаго возбужденія сигару предпочитаетъ женской любви, шекспировскимъ драмамъ, обѣду съ пріятелями и музыкѣ.» Но тутъ г. Антоновичъ, повидимому, спохватился, что онъ бранится и унижаетъ совсѣмъ не меня; стараясь поправиться, онъ напуталъ еще больше. «А вы небось воображали, обращается онъ во мнѣ, что вы нарисовали копію съ Никитушки Ломова. Но вотъ видите теперь сами, что вы поняли въ немъ только одну случайную сигару и возвели ее въ принципъ, и тѣмъ только даете всякому поводъ смѣяться надъ Ломовымъ, сущность котораго по обыкновенію осталась для васъ темною.» Эпитетъ *случайная*, приравненный къ слову *сигара*, несколько не поправляетъ дѣла. Случайно или не случайно, Рахметовъ предпочитаетъ сигару рюмочкѣ очищенной, музыкѣ, шекспировскимъ драмамъ, женской любви и обѣду съ пріятелями, все-таки онъ за это случайное или неслу-

чайное предпочтеніе принужденъ принять на свой счетъ всё любезности г. Антоновича, объясняющаго ему очень подробно, что онъ до крайности глупъ, что у него нѣтъ ни одной капли здраваго смысла, и что онъ, значитъ, просто глупъ. Я увѣренъ въ томъ, что г. Антоновичъ вовсе не имѣлъ въ виду пронавести такое поруганіе Рахметова, любимаго созданія г. Чернышевскаго; но г. Антоновичъ такъ непомерно искусенъ въ полемическомъ дѣлѣ, и при своемъ искусствѣ такъ безгранично усерденъ въ этомъ дѣлѣ, что всевозможныя, ошеломляющія неожиданности будутъ фонтаномъ изъ-подъ его быстрого пера, совершенно независимо отъ его собственнаго желанія. Если г. Антоновичъ полагаетъ, что сигара приписана Рахметову совершенно случайно, то г. Антоновичъ очень плохо понимаетъ мысли г. Чернышевскаго. Конечно, вмѣсто любви къ сигарѣ, могла быть приписана Рахметову любовь къ хорошему чаю или къ хорошему кофе, но во всякомъ случаѣ для полной обрисовки этого характера было необходимо приписать ему пристрастіе къ какому нибудь чисто-физическому, а не умственному наслажденію. Когда Рахметовъ совершенно здоровъ, тогда умъ его всегда работаетъ сильно и усильно, и мысли его постоянно направлены къ тому дѣлу, которое составляетъ цѣль его жизни. Для того, чтобы его умственная работа шла какъ слѣдуетъ, онъ не нуждается ни въ какихъ вспомогательныхъ средствахъ; ему нужно только одно условіе: полное физическое здоровье; но для того, чтобы быть постоянно совершенно здоровымъ, свѣжимъ и бодрымъ, каждому человѣку необходимо соблюдать извѣстный régime, то есть, вести извѣстный образъ жизни, соответствующій всѣмъ врожденнымъ и благопріобрѣтеннымъ особенностямъ его организма. Одною изъ составныхъ частей этого régime, необходимаго Рахметову для сохраненія полной свѣжести и бодрости, оказывается хорошая сигара, и эту особенность своего темперамента Рахметовъ называетъ слабостью, единственно только потому, что хорошія сигары дорого стоятъ, и что ему не хочется тратить на свою собственную особу ни одной лишней копѣйки. Но для обыкновенныхъ людей, необладающихъ силами рахметовскаго ума и характера, простое соблюденіе извѣстнаго régime оказывается недостаточнымъ. Эти люди, находясь въ самомъ нормальномъ и веселомъ настроеніи, все-таки часто или даже постоянно нуждаются въ томъ, чтобы другіе человѣческіе умы помогали имъ думать, помогали имъ стремиться къ извѣстной цѣли,

помогали лишь любить известный труд. Когда мы без особенной деловой надобности чувствуем потребность поговорить съ друзьями, то мы именно ищемъ въ ихъ сочувствіи и въ ихъ разсужденіяхъ поддержки на томъ пути, по которому идемъ, и который мы давно уже признали хорошимъ и разумнымъ путемъ. Мы хотимъ, чтобы друзья укрѣпили нашу рѣшимость и отогнали отъ насъ тяжелое раздумье и мучительныя сомнѣнія. Когда мы беремъ въ руки умную книгу не для того, чтобы справиться о какомъ нибудь фактѣ, а просто для того, чтобы насладиться пріятнымъ чтеніемъ, то мы именно обращаемся къ автору этой книги съ просьбою помочь намъ въ процессѣ нашего мышленія, обогатить насъ новыми идеями, усилить въ насъ любовь къ истинѣ и къ общественной пользѣ, вооружить насъ новыми доводами противъ заблужденія и эксплуатаціи, словомъ, подкрѣпить, освѣжить и улучшить насъ вліяніемъ своей умной, честной и развитой личности. Въ такихъ подкрѣпленіяхъ Рахметовъ вовсе не нуждается; когда онъ здоровъ, онъ всегда, одинаковъ, то есть, всегда одинаково сильно любить свою идею и всегда одинаково ясно видитъ тѣ препятствія, которые мѣшаютъ этой идеѣ осуществиться, тѣ пособия, которыми можно воспользоваться для ея осуществленія, и ту дорогу, по которой слѣдуетъ идти къ этому осуществленію. Вслѣдствіе своей постоянной одинаковости, онъ можетъ отдавать все свое время серьезной работѣ, не отдѣляя ни одного часа ни на пріятное чтеніе, ни на оживленную бесѣду съ друзьями. Онъ не зависитъ ни отъ окружающихъ людей, ни отъ умныхъ книгъ; онъ зависитъ только отъ своего собственнаго организма, и эта неизбежная зависимость обозначена очень рельефно въ томъ фактѣ, что онъ, при всей своей ненависти ко всякой роскоши, принужденъ курить дорогія сигары для того, чтобы поддерживать въ себѣ хорошее настроеніе, необходимое для успѣшной умственной работы.—*Ну вотъ видите теперь сами*, г. Антоновичъ, что вы въ Никитушкѣ Ломовѣ не поняли даже и сигары; а что касается до его сущности, то она и подавно осталась для васъ темпою; это совершенно очевидно, потому что, если бы она была для васъ ясна, вы бы немедленно сообразили, что упрекать противника въ ея непониманіи—въ высшей степени недобросовѣстно, такъ какъ противникъ на эти упреки не можетъ отвѣтить ровне ничего, и ни при какихъ условіяхъ, не можетъ представить печатныхъ доказательствъ своего по-

ниманія. Я вѣдь сказала, что Рахметовъ занимается общепользованою работою. Чего же вы отъ меня еще хотите? Если вамъ угодно, чтобы я охарактеризовала яснѣе и обстоятельнѣе эту работу, то ваше ребяческое требованіе доказываетъ, какъ нельзя убѣдительно, что вы сами грѣшите тѣмъ непониманіемъ, въ которомъ стараетесь заподозрить вашего противника. Я на вашемъ мѣстѣ воздержался бы отъ подобныхъ требованій.

XI.

Въ своей статьѣ «*Современная эстетическая теорія*», г. Антоновичъ утверждалъ, что «эстетическое наслажденіе есть нормальная потребность человѣческой природы», и что «невозможно придумать никакого основанія, которое могло бы дать право воспрещать или даже порицать удовлетвореніе этой потребности». Я возразилъ на это въ «*Разрушеніи эстетики*», что такое основаніе придумать трудно, и указалъ на тотъ общезвѣстный фактъ, что у огромнаго большинства людей очень нормальная и законная потребность утолять свой голодъ здоровою пищею удовлетворяется до сихъ поръ очень плохо. Дѣлая это указаніе, я полагаю, что каждый сотрудникъ «*Современника*», даже и такой недалководный, какъ г. Антоновичъ, пойметъ мой намекъ безъ дальнѣйшихъ поясненій. Оказывается теперь, что я слишкомъ сильно понадѣялся на сообразительность моего противника. Выписавъ мое возраженіе, г. Антоновичъ спрашиваетъ у меня, въ своемъ ли я умѣ и помню ли я начало фразы, когда пишу ея конецъ. Чтобы доказать мнѣ мое умственное банкротство, онъ пускается въ слѣдующія разсужденія: «Мы говоримъ, что эта потребность нормальна и естественна, и доказали это на основаніи физики и физиологіи. (Можно ли вводить такую напраслицу на физиологію?) Вы же говорите, что эта потребность неестественна и позорна, и ее нужно разрушить (что такое *разрушить потребность?* это бессмыслица! я говорю только, что это потребность вздорная, — прихоть). Почему? Потому, отвѣчаете вы, что производится мало хлѣба или пищи, вслѣдствіе занятія многихъ рукъ производствомъ предметовъ искусства. Что же въ этого слѣдуетъ? (Я надѣялся, что, вы это поймете). Если это

дѣйствительно правда (а вы въ этомъ, кажется, сомнѣваетесь?), то изъ этого по здравому смыслу слѣдуетъ только то, что нужно увеличить производство хлѣба, обративъ на него часть рукъ, прежде занимавшихся производствомъ искусства, а никакъ не слѣдуетъ, что искусство нужно уничтожить, и еще меньше слѣдуетъ, что эстетическая потребность неестественна и поворна» (Стр. 80). Какимъ прекраснымъ *здравымъ смысломъ* обладаетъ г. Антоновичъ, и какъ блистательна его аргументація! Видите ли, по *здравому смыслу* г. Антоновича слѣдуетъ, что нужно обратить на производство хлѣба *часть рукъ, прежде занимавшихся производствомъ искусства*. Прекрасно! А если окажется, что, и послѣ этого обращенія, хлѣба производится слишкомъ мало, тогда что нужно сдѣлать по тому же *здравому смыслу*?—Обратить еще часть рукъ? А если и тогда количество хлѣба окажется недостаточнымъ, и если оно будетъ оставаться недостаточнымъ до тѣхъ поръ, пока вы не обратите на полезное производство всѣ руки, занимавшіяся изготовленіемъ изящныхъ предметовъ, тогда что дѣлать?—Обратить всѣ руки? Такъ или нѣтъ? Если *такъ*, то больше намъ ничего и не нужно; вы можете доказывать законность эстетическихъ наслажденій и величіе искусства, сколько вамъ будетъ угодно; мы не намѣрены ни мѣшать, ни возражать вамъ, лишь бы только на производство изящныхъ предметовъ не отвлекались тѣ руки, которыя необходимы для изготовленія предметовъ первой необходимости. Если же вы скажете *нѣтъ*, то потрудитесь произнести это *нѣтъ* сознательно, отчетливо и твердо; скажите прямо и откровенно: пускай эта сволочь голодаетъ и вябнетъ; моя потребность наслаждаться искусствомъ нормальна и законна, и я вовсе не хочу допускать, чтобы люди, удовлетворяющіе этой законной и нормальной потребности, отвлекались отъ своей тѣперешней работы къ изготовленія пицци и платья для разныяx manants и misérables.—Въ сущности, все пишущее филистерство во всемъ образованномъ мѣрѣ разсуждаетъ именно такимъ образомъ, но только никто не осмѣливается высказать свою мысль откровенно и ясно. Если вы не можете отдѣлаться отъ филистеровъ по вашимъ идеямъ, то счумѣйте же, по крайней мѣрѣ, презвондти и удивить ихъ вашею храбростію. «Вы могли бы сказать, говоритъ г. Антоновичъ, что голодному человѣку искусство и эстетическое наслажденіе не пойдеть на умъ (но сытымъ до этого обстоятельства, конечно, нѣтъ и не должно быть никакого дѣла!); это со-

вершено вѣрно, это мы сами высказывали множество разъ (на-
прасно! вѣдь ваши читатели сыты?) Но изъ этого не слѣдовало бы,
что искусство и эстетика подлежатъ уничтоженію, а слѣдовало бы
только (о, торжество здраваго смысла!), что голодныхъ людей нужно
кормить (чѣмъ?) и всѣхъ вообще обезпечить такъ (чѣмъ и какъ?),
чтобы всѣ могли пользоваться удовольствіемъ, даваемымъ произве-
деніями искусства». Если бы мнѣ ктонибудь сказалъ, что такая
пошлость напечатана не въ «Эпохѣ» и не въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,
а въ «Современникѣ», то я бы такому неправдоподобному извѣ-
стію не повѣрилъ; но теперь я читаю эту пошлѣйшую изъ пошло-
стей собственными глазами и поневолѣ вѣрю, что она напечатана
дѣйствительно въ «Современникѣ». Итакъ, изъ того факта, что
есть на свѣтѣ голодные люди слѣдуетъ *только*—это *только* очаро-
вательно — что голодныхъ людей нужно кормить и всѣхъ вообще
обезпечить, а потомъ, устроивъ наскоро это легкое и мычточное
дѣло, тотчасъ вести всѣхъ накормленныхъ и обезпеченныхъ людей
въ театръ и на выставку картинъ и статуй. Объясните мнѣ вы, по-
срамленіе «Современника», что скрывается въ вашихъ неслыханно-
глупыхъ словахъ: плоское-ли, филистерское лицемеріе, или же круг-
лое невѣжество и самое безнадежное тупоуміе? Дѣйствительно-ли вы
думаете, что накормить всѣхъ голодныхъ и обезпечить всѣхъ вообще
самая простая и легкая штука, или жѣ вы только пытаетесь отве-
сти глаза вашимъ читателямъ? Впрочемъ это въ сущности все равно.
Кто надѣется одурачить другихъ такимъ топорнымъ враньемъ, тотъ
совершенно также глупъ, какъ и тотъ, кто произноситъ подобныя
нелѣпости, принимая ихъ за основательныя разсужденія. Теперь,
г. Антоновичъ, мнѣ придется толковать вашимъ *счастливымъ* чи-
тателямъ азбучныя истины соціальной науки, несмотря на то, что
вамъ досталась незаслуженная честь быть сотрудникомъ того жур-
нала, который первый пропнелъ въ Россіи разумное слово о со-
ціальныхъ вопросахъ. *Количество* производимаго хлѣба, мяса, по-
лотна, сукна, платья, мебели и всѣхъ другихъ предметовъ первой
необходимости составляетъ, конечно, очень важный элементъ народ-
наго богатства; но одинъ этотъ элементъ, самъ по себѣ, какъ бы
онъ ни былъ силенъ, все-таки не можетъ упрочить благосостояніе
народа. Производство можетъ быть достаточно сильно, и, несмотря
на то, большинство можетъ все-таки терпѣть нужду, если произво-
димые продукты будутъ распределяться въ обществѣ неравно-

нѣрно. Неравнонѣрное распредѣленіе продуктовъ неизбѣжно ведетъ за собою, изъ года въ годъ, ослабленіе производства; вслѣдствіе этого, положеніе большинства съ каждымъ годомъ становится хуже, и это прогрессивное ухудшеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока положеніе большинства становится наконецъ невыносимымъ. Тогда начинаются обширныя эмиграціи, заразительныя болѣзни и періодическія конвульсіи общественнаго организма, вызываемыя невыносимыми страданіями большинства. Западная Европа дошла именно до такого положенія, и лучшіе ея мыслители съ начала нынѣшняго вѣка сосредоточили всѣ свои умственныя силы на рѣшеніи того вопроса: *какимъ образомъ голодныхъ людей кормить и всѣхъ вообще обезпечить*. Одни говорили, что надо устроить такой общественный порядокъ, при которомъ каждый производилъ бы столько, сколько можетъ, а получалъ бы столько, сколько ему нужно; другіе говорили, что каждый долженъ получать вознагражденіе, соразмѣрное съ количествомъ и качествомъ сдѣланной работы; третьи говорили, что надо составить разумную ассоціацію труда, капитала и таланта; четвертые говорили, что только трудъ и талантъ имѣютъ право на вознагражденіе; пятые говорили, что въ деньгахъ заключается корень всего общественнаго зла. Всѣ эти мыслители со всѣми своими послѣдователями никакъ не могли до сихъ поръ согласиться между собою въ томъ, какое *положительное* средство надо пустить въ ходъ для рѣшенія общественной задачи. Но радикально расходясь между собою въ *положительной* сторонѣ своихъ доктринъ, всѣ они утверждали совершенно единогласно, что существующій экономическій порядокъ никуда не годится и не заключаетъ въ себѣ даже никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія. Единогласно отрицаніе передовыхъ мыслителей, несогласныхъ между собою во всѣхъ остальныхъ пунктахъ, показываетъ ясно, что существующее положеніе дѣйствительно изъ рукъ вонъ плохо. А крайнее разногласіе *положительныхъ* проэктвъ показываетъ также ясно, что рѣшить общественную задачу чрезвычайно трудно. До сихъ поръ никто еще не можетъ утверждать навѣрно, что *теоретическое* рѣшеніе задачи дѣйствительно найдено. Когда это *теоретическое* рѣшеніе наконецъ найдется, тогда всотакъ еще нельзя будетъ приступить тотчасъ къ кормленію голодныхъ людей, къ обезпеченію всѣхъ вообще и къ размѣщенію всѣхъ накормленныхъ и обезпеченныхъ людей по театрамъ и раз-

нымъ другимъ увеселительно-художественнымъ заведеніямъ. Когда теоретическое рѣшеніе будетъ найдено, то надо будетъ еще втеченіе многихъ лѣтъ, можетъ быть, даже десятковъ лѣтъ, долбить общественное мнѣніе и тревожить общественную совѣсть до тѣхъ поръ, пока образованные классы, держащіе въ своихъ рукахъ общественный и умственный капиталъ націи, не будутъ перевоспитаны новыми идеями и не посвящать всѣ свои силы на то, чтобы осуществить теоретическое рѣшеніе въ дѣйствительной жизни. Это перевоспитаніе пойдетъ, конечно, чрезвычайно медленно, потому что образованные и достаточные классы, наслаждаясь сытостью и искусствомъ, не только не питаютъ ни малѣйшей нѣжности къ рѣшенію общественной задачи, но даже, напротивъ того, видятъ въ каждой изъ подобныхъ новыхъ идей явное и дерзкое посягательство на ихъ благосостояніе, то есть, на ихъ сытость и на ихъ законныя и нормальныя эстетическія наслажденія. Но успѣхъ новыхъ идей въ значительной степени ускорится тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ряды образованнаго общества постоянно прибываютъ изъ низшихъ слоевъ такіе люди, которые, проводя свою молодость безъ сытости и безъ нормальныхъ и законныхъ эстетическихъ наслажденій, встрѣчаютъ новыя идеи съ пылкимъ, дѣятельнымъ и совершенно сознательнымъ сочувствіемъ. Спрашивается теперь: что же должны дѣлать тѣ люди, которые берутся быть руководителями общественного самосознанія? Этотъ вопросъ распадается на три вопроса:

- 1) Что должны они дѣлать, пока теоретическое рѣшеніе еще не найдено?
- 2) Что должны они дѣлать, если теоретическое рѣшеніе уже найдено?
- 3) Что должны они будутъ дѣлать, когда теоретическое рѣшеніе будетъ осуществлено?

Отвѣтъ на первый вопросъ.—Всѣми силами искать теоретическаго рѣшенія и всѣми силами побуждать другихъ людей къ тому же самому исканію, то есть, изображать яркими красками страданія голоднаго большинства, вдумываться въ причины этихъ страданій, постоянно обращать вниманіе общества на экономическіе и общественные вопросы и систематически отрицать, заплевать и осмѣивать все, что отвлекаетъ умственные силы образованныхъ людей отъ главной задачи. Если въ числѣ отвлекающихъ предметовъ ока-

зывается все искусство вообще или въкоторыя его отрасли, то, разумѣется, и оно подлежитъ этому систематическому отрицанію, оплевыванію и осмѣиванію. Если же умные и честные поэты своими трудами сосредоточиваютъ вниманіе общества на главной задачѣ, то, разумѣется, такихъ поэтовъ надо встрѣчать съ распростертыми объятіями, какъ драгоценныхъ и полезнѣйшихъ союзниковъ. Но читателямъ своимъ подобные поэты не доставятъ ничего, кромѣ неотразимо-мучительныхъ ощущеній, которыя окажутся очень плодотворными, но которыя не совсѣмъ справедливо называть эстетическими наслажденіями. Неужели мы дѣйствительно наслаждаемся, когда чувствуемъ у себя на лбу капли холоднаго мота, когда у насъ на щекахъ горитъ яркій румянецъ стыда, или когда мы съ бессильнымъ сжрежомъ зубовъ оплакиваемъ кровавыми слезами нашу собственную дрянность, глупость и безхарактерность?

Отвѣтъ на второй вопросъ. — Постоянно разъяснять обществу съ разныхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ основныя начала разумной экономической и общественной доктрины, знакомишь его такими образомъ съ найденнымъ теоретическимъ рѣшеніемъ и при этомъ всѣми возможными средствами усиливать притокъ новыхъ людей изъ низшихъ классовъ въ образованное общество; другими словами, надо вербовать агентовъ найденнаго разумнаго ученія, и надо увеличивать массу мыслящаго пролетариата. Роль поэзіи должна въ это время состоять, съ одной стороны, въ яркомъ изображеніи невыносимыхъ неудобствъ существующаго экономического хаоса, а съ другой стороны, въ такомъ же яркомъ рисованіи того блестящаго будущаго, которое приведетъ за собою найденная разумная организація. Остальныя отрасли искусства, продолжающія развлекать общество пустыми забавами, подлежатъ по вѣрному само-
Dmf
M

Отвѣтъ на третій вопросъ въ наше время невозможенъ и не имѣетъ для насъ ни малѣйшаго интереса, потому что этотъ третій вопросъ получить практическое значеніе не для насъ, а развѣ только для нашихъ внуковъ и правнуковъ, которые, конечно, будутъ гораздо умнѣ насъ и, слѣдовательно, не побѣдутъ искать себѣ совѣтовъ въ нашихъ забытыхъ и негнѣваемыхъ статьяхъ, романахъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Теперь вы вѣроятно видите, въ чемъ состоитъ канитальная глуп-

ность г. Антоновича. Онъ перескакиваетъ черезъ первый и черезъ второй вопросъ, которые одни только могутъ имѣть для насъ практическое значеніе, — прямо къ третьему вопросу, который будетъ рѣшаться жить черезъ полтора года послѣ нашей смерти. Онъ съ пріятною улыбкою разсуждаетъ о томъ, что надо будетъ предпринять *послѣ того*, какъ голодные люди будутъ накормлены и все вообще обезпечены. Подобныя разсужденія, разумѣется, позволительны только десятилѣтней, сердобольной дѣвочкѣ, которая знаетъ, что ея маманя очень богата, а папаша еще богаче, и что, если только папаша съ маманей захотятъ, то сію минуту могутъ всехъ вообще голодныхъ и неголодныхъ накормить конфетами, обезпечить изюмомъ и взять съ собою въ театръ, гдѣ дается прелестнѣйшая волшебная оперетта. Если бы г. Антоновичъ въ своемъ пониманіи общественныхъ вопросовъ стоялъ хоть немного выше десятилѣтней невинности, то для него была бы ясна, какъ донь, та простѣйшая истина, что для публициста, имѣющаго въ виду интересы большинства, возможно въ настоящее время только одинъ вопросъ, поглощающій все остальные: *какъ накормить голодныхъ людей? какъ обезпечить всехъ вообще?*—А г. Антоновичъ эти вопросы почислилъ рѣшенными, [всѣхъ накормилъ, всѣхъ обезпечилъ, и боится только того, что мои грубыя, анти-эстетическія статьи помѣшаютъ облагодѣтельствованному человечеству наслаждаться чудесами искусства. Я не буду спрашивать у г. Антоновича, былъ ли онъ въ своемъ умѣ, когда писалъ свое уморительное разсужденіе? Это видно, что онъ былъ въ *своемъ* умѣ; оттого-то именно онъ и произвелъ на свѣтъ такую неправдоподобную пошлость. Il n'en fait jamais d'autres.

XII.

— Вашъ отвѣтъ, говоритъ мнѣ г. Антоновичъ (на стр. 81.), не имѣетъ опредѣленнаго смысла, а просто есть фраза, сказанная наобумъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ отъ того мало производится хлѣба, что много рукъ занято производствомъ предметовъ искусства?—Такъ какъ я въ своемъ возраженіи упомянулъ только о *рабочихъ рукахъ*, то г. Антоновичу все дѣло представляется въ томъ видѣ, что я желаю всевозможныхъ художниковъ пригнать къ сохѣ. Если

мы предположимъ, что въ Россіи тысячь двадцать различныхъ художниковъ, и если мы всѣхъ этихъ художниковъ превратимъ въ хлѣбонашцевъ, то, разумѣется, приращеніе въ общемъ итогѣ добываемаго хлѣба будетъ совершенно нечувствительно. Г. Антоновичъ силами собственнаго своего ума никакъ не можетъ сообразить, что, кромѣ *рабочихъ рукъ*, на развитіе производства имѣютъ еще самое значительное вліяніе *рабочіе мозги*. Присоедините къ общей массѣ производителей въ такой обширной странѣ, какъ Россія, сорокъ тысячь рабочихъ рукъ, и вы не получите никакого замѣтнаго улучшенія въ матеріальномъ и умственномъ существованіи большинства; постройте къ полезному дѣлу двадцать тысячь мозговъ, — и улучшеніе получится очень значительное. Кто-жъ вамъ велитъ превращать художниковъ и любителей искусства въ простыхъ земледѣльцевъ? Во первыхъ, это превращеніе невозможно, потому что люди, привыкшіе къ нѣкоторымъ удобствамъ жизни и совершенно незнакомые съ чисто-физическимъ трудомъ, ни за что не пойдутъ въ хлѣбонашцы. Во вторыхъ, это превращеніе вовсе не желательно, потому что отъ своихъ образованныхъ членовъ общество должно требовать не механическаго, а умственнаго труда. Общество нуждается въ машинистахъ, въ химикахъ, въ учителяхъ, въ профессорахъ, въ публицистахъ, въ переводчикахъ. Замѣчательный профессоръ, никогда въ жизни неприкоснувшійся къ сохѣ, обогащаетъ однако свое отечество цѣлыми тысячами четвертей хлѣба, потому что своимъ вліяніемъ возбуждаетъ и поддерживаетъ любовь къ честному и полезному труду во многихъ сотняхъ своихъ молодыхъ слушателей. Безполезныя отрасли искусства подрываютъ не чисто-физическій трудъ, обращенный на добываніе пищи, а тотъ умственный трудъ, который могъ бы и долженъ былъ бы дѣйствовать оплодотворяющимъ образомъ на развитіе производства. Кромѣ того, безполезныя отрасли искусства вредны тѣмъ, что они дѣлаютъ праздность сносною и пріятною для такихъ людей, для которыхъ голая праздность и грубая роскошь, необлагороженная печатью изящества, превратились бы очень скоро въ невыносимое мученіе. «Вообразите себѣ, говоритъ г. Антоновичъ на той же страницѣ, что человѣкъ, наслаждающійся произведеніемъ искусства, самъ для себя производитъ искусство и самъ же для себя производитъ хлѣбъ и такимъ образомъ не заѣдаетъ чужого хлѣба; земледѣлецъ въ свободное время сдѣлалъ себѣ сопѣлку, балалайку или скрипку

и извлекаетъ изъ нихъ эстетическія наслажденія для себя и для своихъ знакомыхъ. Позорно или нѣтъ это наслажденіе? слѣдуетъ-ли уничтожить это искусство или нѣтъ? и наконецъ, примѣняется-ли къ этому случаю ваше разсужденіе и не сильно-ли оно компрометируетъ вашу мыслительную способность?» — Охота вамъ, г. Антоновичъ, говорить такія бесполезности! Мы съ вами для кого пишемъ: для земледѣльцевъ, сдѣлавшихъ себѣ сопѣлку, или для джентльменовъ, аборированныхъ въ итальянской оперѣ и выписывающихъ себѣ на чужія деньги тысячные рояля? Если вы признаете законность сопѣлки, сдѣланной въ свободное время самимъ меломаномъ, то вы и должны стараться о томъ, чтобы привести вашихъ читателей къ этой сопѣлкѣ, которая, конечно, безобиднѣе тысячныхъ роялей, купленныхъ на чужія деньги. Но такъ какъ съ эстетической точки зрѣнія сопѣлка стоитъ ниже рояля и оперы, то есть, убажываетъ слухъ меломана менѣе пріятными и разнообразными звуками и аккордами, то вы должны непремѣнно замѣнить эстетическую точку зрѣнія — экономической, если только желаете дѣйствительно поворотить вашихъ читателей къ той сопѣлкѣ, которой неприкосновенность вы стараетесь отстаивать. Кромѣ того, я вамъ замѣчу, что вы совершенно напрасно считаете вашу сопѣлку вполне неприкосновенною. Вы говорите, что земледѣлецъ сдѣлалъ ее *въ свободное время* и извлекаетъ изъ нея эстетическія наслажденія *также въ свободное время*. Употребляя свое свободное время на сопѣлку, земледѣлецъ, конечно, не заѣдаетъ чужого хлѣба, но зато онъ несомнѣнно отнимаетъ у самого себя нѣкоторыя матеріальныя удобства и нѣкоторыя высшія и особенно плодотворныя умственныя наслажденія. Предположите, что одинъ земледѣлецъ гудитъ въ свою сопѣлку, а другой въ это самое время учится грамотѣ, а третій, выучившись грамотѣ, учить ей своихъ дѣтей, а четвертый, также выучившись грамотѣ, читаетъ популярный трактатъ о болѣзняхъ лошадей и рогатаго скота, а пятый, также выучившись грамотѣ, читаетъ газеты. Кто изъ этихъ земледѣльцевъ употребляетъ свое свободное время болѣе разумнымъ и полезнымъ для себя образомъ: первый-ли, предающійся своей сопѣлкѣ, или остальные четверо, превращающіе понемногу себя и своихъ дѣтей въ мыслящихъ членовъ цивилизованнаго общества? И о чемъ долженъ заботиться настоящій другъ народа: о томъ-ли, чтобы распространять между земледѣльцами вкусъ къ сопѣлкамъ, или о томъ, чтобы распро-

странять между ними охоту къ чтенію книгъ и газетъ? Вы мнѣ скажете, что лучше софѣла, чѣмъ «Московскія Вѣдомости». О, разумѣется! Но я говорю вамъ не о дурныхъ книгахъ и газетахъ, а о хорошихъ. Вы мнѣ скажете далѣе, что лучше софѣла, чѣмъ кабакъ. Я опять таки скажу вамъ: разумѣется! но я доказываю вамъ совсѣмъ не то, что нѣтъ на свѣтѣ ничего хуже софѣлки, а только то, что есть очень много вещей лучше ея, и что, если она отвлекаетъ человѣка отъ этихъ лучшихъ вещей, то становится очевиднымъ вломъ. Вы мнѣ скажете наконецъ, что чтеніе—не отдыхъ, потому что все-таки требуетъ нѣкотораго напряженія умственныхъ способностей. Для насъ съ вами, отвѣчу я, чтеніе дѣйствительно не отдыхъ, потому что мы съ вами чувствуемъ потребность отдохнуть именно отъ слишкомъ продолжительнаго чтенія или писанія. Но для того, что утомленъ паханіемъ или молотьбою, чтеніе составляетъ превосходный отдыхъ точно такъ, какъ для насъ съ вами можетъ служить превосходнымъ отдыхомъ копаніе грядокъ или пиленіе дровъ. Если вы имѣете хоть слабое понятіе объ идеяхъ Фурье, то вы должны знать, что человѣка утомляетъ не работа сама по себѣ, а только продолжительность и однообразіе работы, и что вслѣдствіе этого, переходя во время отъ одного занятія къ другому, человѣкъ можетъ работать непрерывно, съ утра до ночи, не только безъ утомленія, но даже съ величайшимъ удовольствіемъ и увлеченіемъ.—Вы спрашиваете у меня: позорно или нѣтъ наслажденіе софѣлкомъ?—Я скажу вамъ, что вашъ вопросъ не имѣетъ опредѣленнаго смысла. Что такое *позорно*? Зачѣмъ употреблять такіа звонкія, напыщенные и неясныя выраженія, въ которыхъ высказывается только субъективное мнѣніе говорящаго лица, а не объективное свойство разсматриваемаго предмета? Если бы вы у меня спросили, полезно-ли разумно-ли, выгодно-ли это наслажденіе, то я вамъ отвѣтилъ бы, что можно найти много наслажденій выгоднѣе, полезнѣе и разумнѣе. Если земледѣлецъ будетъ употреблять все свое свободное время на софѣлку, то это будетъ очень печально какъ для земледѣльца, такъ и для общества; если онъ будетъ употреблять на софѣлку значительную часть своего свободнаго времени, то и это будетъ вовсе нехорошо; чѣмъ меньшую долю времени онъ отдастъ софѣлкѣ и чѣмъ большую долю онъ посвятитъ какой нибудь ручной работѣ или чтенію, тѣмъ прочнѣе будетъ его матеріальное благосостояніе, тѣмъ шире умственное развитіе и тѣмъ полезнѣе онъ будетъ для обще-

ства, какъ работникъ, какъ гражданинъ и какъ отецъ семейства. Вы видите такимъ образомъ, что противъ вашей софьлки новаторяются въ малыхъ размѣрахъ всѣ тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ оперы и ролей.

Вы спрашиваете далѣе: «слѣдуетъ-ли уничтожить его искусство?» То есть, какъ же это *уничтожить*? Вырывать у него софьлку изъ рукъ или запрещать ему статью закона эстетическя наслажденя — конечно не слѣдуетъ. Но знакомить, какъ земледѣльца, тая и образованное общество, съ такими наслажденями, которыя выше, разумнѣе и плодотворнѣе чистаго искусства во всѣхъ его проявленяхъ, начиная отъ софьлки и кончая операми Рихарда Вагнера, — конечно слѣдуетъ. И если эти высшя, разумныя и плодотворныя наслажденя совершенно вытѣснятъ всѣ проявленя чистаго искусства, то, разумнѣе, этому можно будетъ только радоваться. «Есть множество эстетическихъ предметовъ», говоритъ далѣе г. Антоновичъ, «производство которыхъ ничего не стоитъ; такова напр. вся природа — высшее и прекраснѣйшее изъ всѣхъ искусствъ; ею можно любоваться даромъ и въ свободное время, безъ всякаго малѣйшаго ущерба для производства хлѣба». Что за наслажденя красотами природы мы никому не платимъ денегъ — это великая истина; но что на созерцаня этихъ красотъ тратится время — это также не можетъ подлежать сомнѣню; стало быть, говорить, что эти наслажденя достаются намъ даромъ, значитъ упускать изъ виду тотъ общезвѣстный фактъ, что для рабочаго человѣка время — деньги. Выраженя *свободное время* до такой степени властично, что ему нельзя придать никакого опредѣленнаго смысла. У неаполитанскаго лаццарони весь день состоитъ изъ *свободнаго времени*, а у американскаго фермера нѣтъ ни одной минуты *свободнаго времени*; первый ничѣмъ не умѣетъ наполнить свои безконечныя досуги; второй извлекаетъ себѣ пользу изъ каждой минуты; лаццарони конечно больше американца наслаждается красотами природы, потому что dolce far niente есть не что иное, какъ созерцательная жизнь на лонѣ прекрасной природы. Спрашивается теперь, къ которому изъ этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ мы должны, по мѣрѣ нашихъ силъ, направлять живыя силы нашего народа? Чего должны мы желать: чтобы нашъ народъ фантазировалъ, какъ лаццарони, или же чтобы онъ работалъ, какъ американецъ? Я полагаю, что отвѣчать нетрудно. Чѣмъ меньше наши соотечественники будутъ любоваться

природою, тѣмъ выгоднѣе это будетъ для каждаго изъ нихъ порознь и для всѣхъ насъ вѣстѣ. Какъ-бы ни былъ малъ тотъ minimum времени, которое будетъ тратиться на созерцаніе, оно все-таки будетъ достаточно велико, потому что если бы оно даже превратилось въ чистый нуль, то и тогда ни отдѣльныя личности, ни общество не потеряли бы ровно ничего. Впрочемъ, г. Антоновичъ можетъ быть словоентъ; въ нуль оно не превратится никогда, и всѣ наши усилія направлены только къ тому, чтобы защитить отъ его неумѣренныхъ притязаній ту часть времени, которая непремѣнно должна посвящаться производительному труду. Напоминайте людямъ только о томъ, что для нихъ полезно, и будьте твердо увѣрены, что они сами не забудутъ того, что для нихъ пріятно. Я обращаю вниманіе г. Антоновича на слѣдующія слова Кольки Люлюшина изъ превосходнаго романа г. А. Михайлова «Жизнь Шупова: — «Безъ воображенія нельзя существовать, но отстаивать его, воевать и заступаться за него, возвышать его насчетъ простаго здраваго смысла — нелѣпость: сѣйте хлѣбъ, а васильки будутъ; мало-ли ихъ будетъ, много-ли, — это не важно, безъ нихъ съ голоду не умремъ». — Все, что г. Антоновичъ говоритъ противъ меня по вопросу объ искусствѣ, есть ни что иное, какъ отстаиваніе васильковъ противъ хлѣба, который однако до сихъ поръ совершенно заглушенъ васильками. Аргументъ о созерцаніи природы не составляетъ для меня ничего новаго; въ началѣ 1862 года, разбирая романъ Тургенева «Отцы и дѣти», я самъ рѣшилъ вопросъ о созерцаніи природы точно такъ, какъ рѣшаетъ его теперь г. Антоновичъ. По поводу словъ Базарова: «природа не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ», я говорилъ тогда вотъ что: «Работнику надо отдыхать, и отдыхъ не можетъ ограничиваться однимъ тяжелымъ своимъ послѣ утомительнаго труда... Если бы работникъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы въ свободные часы лежать на спинѣ и глазѣть на стѣны и потолокъ своей мастерской, то тѣмъ болѣе всякій здравомыслящій человекъ сказалъ бы ему: глазѣй, любезный другъ, глазѣй, сколько душѣ угодно; здоровью твоему это не повредитъ, а въ рабочее время ты глазѣть не будешь, чтобы не надѣлать промаховъ». («Р. Сл.» 1862. Мартъ. Стр. 25.) Теперь я считаю это мнѣніе ошибочнымъ и нахожу ошибку въ томъ, что трудъ противоплагается наслажденію. Разумѣется, когда трудъ *утомителенъ*, то необходимо наслажденіе, *отдѣльное* отъ труда. Но утомитель-

ность труда поддерживается такими ненормальными условиями жизни, съ которыми мы вовсе и не должны мириться. Мы сами должны устроить нашу личную жизнь такъ, чтобы трудъ и наслажденіе сдѣлались синонимами. И кромѣ того, мы всѣми силами должны стараться о томъ, чтобы въ тому же нормальному типу направлялась также и жизнь трудящагося большинства. Какъ бы то ни было, хотя три года тому назадъ я и говорилъ тѣ глупости, которыя теперь проповѣдуетъ г. Антоновичъ, однако того замѣчательнаго открытія, что *природа* есть *искусство*, мнѣ сдѣлать не удалось. Такія открытія способны дѣлать только гг. Варнекъ, Николай Соловьевъ и Антоновичъ. — «Наконецъ, продолжаетъ г. Антоновичъ (стр. 82), любовь между двумя полами есть тоже эстетическое наслажденіе, мѣшающее производству хлѣба; этому наслажденію всякій посвящаетъ лучшіе годы своей жизни и тратитъ на него много времени: свиданія, разговоры, пѣсни, объятія, переписка, разныя услуги возлюбленной — все это поглощаетъ время, которое съ большою пользою можно было бы употребить на производство пищи. По вашему, это наслажденіе тоже дозорно, неестественно и подлежитъ уничтоженію, какъ мѣшающее производству пищи.» — Вы это на какомъ основаніи утверждаете, г. Антоновичъ, что, по моему мнѣнію, любовь между двумя полами подлежитъ уничтоженію? Въ статьяхъ моихъ нѣтъ ни одного такого слова, которое можно было бы истолковать въ этомъ смыслѣ. Если же вы навязываете мнѣ такую мысль, основываясь на томъ, что я отношусь не совсѣмъ благосклонно къ эстетическимъ наслажденіямъ, то я васъ попрошу объяснить мнѣ: признаете-ли вы существованіе какихъ нибудь наслажденій, кромѣ эстетическихъ? — Если признаете, то я вамъ объясню съ своей стороны, что я причисляю любовь между двумя полами къ не-эстетическимъ наслажденіямъ, потому что ставлю эту любовь неизмѣримо выше тѣхъ мелкихъ забавъ, которыя называю эстетическими наслажденіями. Если же не признаете, то споръ нашъ становится бесполезнымъ и смѣшнымъ, потому что превращается въ преніе о стилистическихъ тонкостяхъ. Я употребляю слова *искусство* и *эстетика* въ обыкновенномъ, общепринятомъ смыслѣ; вы же, напротивъ того, упрятали всю *природу* въ *искусство* и хотите теперь наводнить *эстетикой* всю человѣческую жизнь. Вы дѣлаете съ словами *искусство* и *эстетика* точь-вточь то же самое, что сдѣлалъ г. Шавровъ съ словами *классицизмъ* и *реализмъ*.

Если васъ забавляютъ эти стилистическіе кунштштюки, то не мое дѣло мѣшать вашимъ невиннымъ забавамъ. Если же вы серьезно думаете обвинить меня въ аскетическомъ взглядѣ на любовь, то во первыхъ, я напомину вамъ, что не на мнѣ, а на *васъ* лежать еще до сихъ поръ упрекъ именно въ аскетическомъ взглядѣ на любовь, и что этотъ упрекъ направленъ противъ васъ именно *мною*, въ первой части «Нерѣшеннаго вопроса», за ваши безтолковыя разсужденія о сценѣ между умирающимъ Базаровымъ и Одинцовой. Могъ-ли бы я упрекать васъ въ аскетизмѣ, если бы я самъ былъ аскетомъ по убѣжденіямъ? Во вторыхъ, я укажу вамъ на вторую часть «Нерѣшеннаго вопроса», въ которой подробно разбираются отношенія Базарова къ Одинцовой. Попробуйте пайдти въ этой части хоть одинъ проблескъ аскетизма. Въ третьихъ, я сошлюсь на голосъ нашихъ солистеровъ, которые печатно упрекаютъ меня въ диаметрально противоположной крайности. Вотъ напримѣръ, съ какой стороны перспелируютъ меня «Отечественныя Записки», въ статейкѣ, которую они называютъ *подражаніемъ г. Писареву*: «Засиживаться въ вдовахъ, и особенно женщинамъ еще нестарымъ, я рѣшительно не совѣтую. Въ наше время людьми нужно дорожить; рабочія силы на каждомъ шагу нужны; даже много такихъ силъ нужно; потому, уклоняться отъ чего бы то ни было, что можетъ восполнить этотъ недостатокъ, значить, по моему, зарывать таланты въ землю. Я даже молодымъ людямъ не совѣтую пренебрегать вдовами, какъ въ статьѣ о Помяловскомъ не совѣтовалъ пренебрегать кисейными барышнями.» («От. Зап». 1865. Сентябрь. Книжка I. стр. 67.) Какъ это правдоподобно, что аскета стануть перспелировать такимъ образомъ! — Наконецъ, въ четвертыхъ, можно-ли говорить такую нецѣльность, что любовь мѣшаетъ производству хлѣба? Безъ сближенія двухъ половъ не было бы дѣтей; а если-бы не было дѣтей, то людямъ пришлось бы на старости дѣтъ умирать съ голоду; а если бы сближеніе половъ производилось не по взаимному согласію, безъ любви, такъ, какъ оно производится въ Азіи, то зависимое и униженное положеніе женщины повело бы за собою общій застой умственной жизни, который непремѣнно отразился бы самымъ невыгоднымъ образомъ на всей экономической дѣятельности. Весь мой аскетизмъ сводится къ тому, что я говорилъ и говорю до сихъ поръ, что ни мужчина, ни женщина не должны видѣть въ любви главную цѣль и единственный смыслъ своего

существованія. Это говорилъ до меня Вѣлинскій; это повторялъ г. Чернышевскій, и противъ этого не спорить уже теперь можно, промѣ отъявленныхъ пошляковъ.

Встати о напльяхахъ: чтобы попончить съ моимъ остроумнымъ и добросовѣстнымъ противникомъ, я отвѣчу еще на два его обвиненія. *Первое.* Онъ говоритъ, что я ложно обвиняю его въ наклонности къ теоріи искусства для искусства. Чтобы доказать ложность моего обвиненія, онъ выписываетъ изъ своей статьи «Современная эстетическая теорія» цѣлыя три страницы разныхъ либерально-добродѣтельныхъ лоскутковъ. На всѣ эти выписки я отвѣчу слѣдующею цитатою, взятою изъ той же статьи: «Итакъ первая задача искусства есть воспроизведеніе дѣйствительности съ цѣлью эстетическаго наслажденія ею, а вторая—уясненіе воспроизводимой дѣйствительности; съ этой второй задачей тѣсно связана и третья, по которой искусство можетъ возвышаться до роли критика и судьи воспроизводимыхъ имъ явленій» (Стр. 74). Всеъ вопросъ въ томъ, признаеть-ли г. Антоновичъ самостоятельное существованіе первой задачи законнымъ и похвальнымъ, или нѣтъ? Если признаеть—онъ сходится вполне съ филистерами; если не признаеть—онъ сходится съ *нѣкоторыми горячими и неразсудительными* отрицателями искусства. Но такъ какъ, съ одной стороны, онъ самъ громко и рѣшительно заявилъ *нѣкоторымъ* свое неодобреніе; и такъ какъ, съ другой стороны, филистерство, въ лицѣ г. Н. Соловьева и другихъ уже печатно выразило ему свою признательность, то ему уже не помогутъ никакія выписки.—*Второе.* Г. Антоновичъ говоритъ, что я навязалъ ему противурѣчіе съ составителемъ «Внутр. Обзоръ» въ «Современникѣ», и что составитель смѣется не надъ искусствомъ, а надъ какими-то неразумными господами. Это неправда. Г. составитель прямо противопологаетъ *высокимъ наслажденіямъ души*, надъ которыми онъ смѣется, радости нигилиста, мечтающаго объ устройствѣ общества женскаго труда, радости, которымъ г. составитель вполне сочувствуетъ.

Теперь пора кончать. Я опровергнулъ, съ перваго до послѣдняго, всѣ аргументы г. Антоновича, и доказалъ ложность всѣхъ фактовъ, на которыхъ онъ основываетъ свои обвиненія противъ *козловъ реализма*. Г. Антоновичъ, по всей вѣроятности, не уймется и въ слѣдующихъ книжкахъ «Современника» пустить въ ходъ по-

выя выдумки и новыя нелѣпости, за которыя «Петербургскія Вѣдомости», привѣтствовавшія его по поводу «Лжереалистовъ», снова провозгласяють его побѣдителемъ надъ софизмами г. Писарева. Какъ бы то ни было, раскается-ли г. Антоновичъ въ своихъ импровизацияхъ или же окончательно упрочить въ «Современникѣ» господство систематической лжи и филистерской тупости, во всякомъ случаѣ читатели нашего журнала могутъ быть спокойны. Я ненамѣренъ превращать критическій отдѣлъ «Р. Слова» въ изслѣдованіе о печальныхъ порокахъ г. Антоновича. Отвѣтить ему *одинъ разъ* было необходимо, чтобы показать публикѣ размѣры его недобросовѣстности и непонятливости. Но отвѣчать *всякій разъ* было бы недобросовѣстно въ отношеніи къ читателямъ. Поэтому я обещаю имъ неговорить печатно съ г. Антоновичемъ ни одного слова втеченіе цѣлаго года. По прошествіи же года, я снова опровергну всѣ клеветы, которыя успѣетъ въ это время сочинять противъ меня мой противникъ.

Д. Писаревъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Критическіе этюды П. А. Бибикова. Спб. 1865. — Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ. П. Л. Лаврова. 1865. — Парижъ въ Америкѣ. Соч. доктора Рене Лефевра. Переводъ съ французскаго XII изданія. Спб. Изданіе Червякова. 1865. — Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ. Разказы о путевыхъ приключеніяхъ автора и нравахъ животныхъ, очерки жизни бразильцевъ и индѣйцевъ и картины природы подъ экваторомъ изъ одиннадцатилѣтняго путешествія Генриха Вальтера Бэтса. Изданіе переводчицы Спб. 1865. — Чарльзъ Дарвинъ. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Билль. Переводъ подъ редакціей А. Бекетова. Т. II. Спб. Изданіе книжнаго магазина Яковлева. 1865.

«Критическіе этюды» г. Бибикова есть сборникъ статей по разнымъ вопросамъ, писанныхъ въ 1859—65 гг. и небывшихъ доселѣ по разнымъ причинамъ напечатанными. Изъ нихъ нѣкоторыя относятся къ различнымъ временнымъ обстоятельствамъ, какъ напримѣръ къ ломоносовскому празднику, къ нелѣпнымъ статьямъ фельетониста «Голоса» и публициста «Времени»; другія имѣютъ болѣе общій интересъ. Я не буду входить въ подробный разборъ всѣхъ этюдовъ г. Бибикова, но остановлюсь на нѣкоторыхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ имъ, такъ какъ они могутъ вызвать на поучительныя соображенія и въ наше время, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Въ 1862 году случилось происшествіе такого рода: въ Россію проникъ слухъ о книгѣ Дарвина и съ тѣмъ вмѣстѣ о выводахъ, какія могутъ быть изъ нея сдѣланы и уже дѣлаются французской переводчицей ея, г-жею Ройе. Книга и выводы были, какъ слѣдуетъ, непоняты россійскими мыслителями, услыхавшими о нихъ; но по свойствен-

ной этимъ мыслителямъ склонности видѣть во всемъ ужасы и знаменія разныхъ грядущихъ бѣдъ, они не преминули поднять изъ-за нихъ шумъ. Теорія Дарвина и выводы Ройе переполошили между прочимъ и добродушныхъ публицистовъ «Времени», которые писали въ то время еще не «о простыхъ тѣлахъ», а о предметахъ, вызывающихъ на размышленія, и, какъ выражается г. Бибииковъ, «Время» выронило изъ своихъ рукъ свѣточъ науки.» Ну, свѣточа-то науки «Время», положимъ, и не роняло, по той простой причинѣ, что никогда и не носило его съ собой; но тѣмъ не менѣе оно переполошилось. Для читателя, который этой исторіи не помнитъ, вѣроятно покажется страннымъ, съ чего было «Времени» тревожиться изъ-за того, какіе выводы дѣлаются г-жей Ройе изъ теоріи Дарвина? Вѣдь тутъ кажется дѣло шло не о «роковыхъ вопросахъ», не о поведеніи Дмитрія Донского и не объ отрицаніи искусства нигилистами, а просто о томъ, что законы происхожденія видовъ и разновидностей, борьбы за существованія и подбора родичей, открытые Дарвиномъ, могутъ относиться и къ человѣческому роду, такъ какъ онъ составляетъ часть всего органическаго міра, подлежащаго этимъ законамъ, и такъ какъ природа не имѣетъ для него особыхъ условій, которыя позволяли бы ему развиваться совершенно независимо отъ общихъ законовъ ея. Кто, забывъ тревогу, поднятую по этому случаю «Временемъ», удивится несообразности публицистовъ этого журнала, тому я могу указать на болѣе современное происшествіе, которое въ его глазахъ до нѣкоторой степени оправдаетъ этихъ публицистовъ, показавъ ему, что не у нихъ однихъ такіе слабые нервы и головы. Это приснопаматное происшествіе случилось съ годъ тому назадъ во всей нашей журналистикѣ по поводу моего мнѣнія о положеніи негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Пусть однако не подумаетъ читатель, что я намѣренъ вносить въ мой библиографическій отчетъ возобновленную полемику по этому вопросу. Я не сдѣлаю этого уже потому, что мнѣ не съ кѣмъ и не съ чѣмъ полемизировать, такъ какъ мнѣ не было еще сдѣлано ни одного серьезнаго возраженія, и все кончалось возгласами, плохими островами и ругательствами. Но статья г. Бибиикова, по поводу подобнаго же поведенія «Времени», вызываетъ меня на нѣкоторыя замѣчанія касательно того отношенія, въ которомъ сантиментальный либерализмъ стоитъ къ положеніямъ строгой науки и опыта.

Теорія и практика либераловъ давно доказали, что это самое непослѣдовательное животное. Можно даже сказать, что либерализмъ и непослѣдовательность—синонимы, до того все существованіе, всѣ принципы и вся дѣятельность либераловъ пропитаны разногласіемъ и противорѣчіями. Куда вы не загляните, въ теоріи-ли ихъ, или въ ихъ исторіи, вездѣ найдете одно и тоже: противорѣчіе, гермафродитство, двуличіе, уничтоженіе одного другимъ, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, совершенную пустоту, бессодержательность, круглый нуль. Въ религіи они рационалисты, т. е. упорно стремятся примирить вѣру съ знаніемъ, какъ тѣ другъ отъ друга не отмахиваются; въ философіи они электики, мирятъ всѣ системы, сближаютъ всѣ точки зрѣнія и хотятъ согласить научныя данныя и научныя рѣшенія съ плодами воображенія и измышленіями чистаго разума; въ общественной экономіи они проповѣдуютъ полную свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ запретительную систему для половыхъ отправленій; въ политикѣ защищаютъ *ограниченную свободу* и *ограниченную монархію* — двѣ логическія бессмыслицы; въ юридической наукѣ отрицаютъ права общества казнить преступника и признаютъ право сводить его съ ума въ одиночномъ заключеніи. Какова теорія, такова и практика. Либералы до этого всегда вопіяли о свободѣ и были сами самыми жестокими деспотами: отрицали насиліе и первые къ нему прибѣгали, хлопотали объ уничтоженіи торго неграми и поступали съ своими рабочими хуже всякихъ плантаторовъ, заботились о правосудіи и создавали паразитный классъ адвокатовъ, уничтожали монополии и получили Ротшильда, дѣлали революціи и устраивали осадное положеніе; словомъ, противорѣчили себѣ и своимъ противорѣчивымъ принципамъ постоянно и на каждомъ шагу. Само собою разумѣется, что все, основанное на опытѣ, все реальное, все невымышленное, не склееное изъ софизмовъ, а являвшееся въ своей естественной наготѣ и правдѣ, постоянно обличало и разрушало жалкія ухищренія либераловъ, и естественно также, что либерализмъ всегда чувствовалъ непримиримую антипатію ко всему жизненно-правдивому и научно-реальному. Поэтому либерализмъ всегда склоненъ къ сантиментальности, съ которой разстается только въ крайнемъ случаѣ, когда дѣло идетъ уже о спасеніи какого нибудь драгоценнаго теоретическаго или практическаго произведенія его. Онъ не любитъ ничего безпощадно истиннаго, будь то научный фактъ, опытъ жизни или строго-логичный выводъ разума; поэтому ему равно ненавистны и Дарвинъ, и Прудонъ, и народ-

ная жизнь. Онъ предпочитаетъ сентиментальную размазю, которая не вламывается въ его измышленія, не обличаетъ и не рушитъ ихъ; онъ охотникъ мечтать о томъ, какъ чудесно подѣйствуетъ на нравственность преступника уединеніе, какъ пріятно быть повѣшеннымъ ради соблюденія законности, какъ смягчатся дикія страсти людей подъ вліяніемъ искусства, какой миръ водворится на землѣ, если устроится международный трибуналъ, какое равенство будетъ всюду, если неграмъ, готтентотамъ, индусамъ и алеутамъ дадутъ гражданскія права, и какъ хорошо и безопасно будетъ всѣмъ жить, когда съ одной стороны теорія уголовныхъ уликъ, а съ другой стороны теорія адвокатской защиты разовьются до послѣдней степени совершенства, такъ что подсудимый успеетъ десять разъ умереть, прежде чѣмъ прокуроръ истощитъ всѣ свои аргументы, а адвокатъ свое оружіе. Когда что вѣбудъ изъ міра реального вторгается въ эти розовыя мечтанія и показываетъ всю несбыточность ихъ, тогда положеніе либераловъ становится поистиннѣ печально, и они свирѣпѣютъ. Свирѣпство ихъ выражается различно: отъ самыхъ трагическихкихъ сценъ, какъ іюньскіе дни 1848 года, до самыхъ шутовскихкихъ и комическихкихъ, какъ памфлеты Мирекура, испугъ мыслителей «Времени» и полемика Антоновича. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ расправляются сентиментальные либералы съ неудобными для нихъ явленіями народной жизни. Разбираемый случай покажетъ намъ, какъ относятся они къ неудобнымъ фактамъ науки и логическимъ выводамъ изъ этихъ фактовъ.

Либераль зарубилъ себѣ на носу и твердо помнить, что въ число обязанностей его входитъ между прочимъ то, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ распинаться за свободу, такъ какъ онъ ее понимаетъ, и вопіять противъ рабства. Порядочный человекъ не будетъ сочувствовать въ этомъ либералу, какъ бы ни уважалъ свободу и какъ бы ни ненавидѣлъ рабство: не будетъ потому, что знаетъ, что у либерала эти понятія имѣютъ ехидный смыслъ, что либералы способны говорить о свободѣ человека, котораго ведутъ на казнь; притомъ онъ знаетъ, что либераль разсуждаетъ такимъ образомъ не вслѣдствіе глубоко сознанныго и утвержденного на реальныхъ основахъ убѣжденія, а по особымъ соображеніямъ и по чувствительности характера. Въ этомъ порядочный человекъ убѣждается, присутствуя при комической сценѣ встрѣчи либерала съ фактомъ, наносящимъ ударъ его чувствительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и разрушающимъ его мечтаніа. Такую сцену можно было видѣть при столкновеніи «Времени» съ теоріей Дарвина и выводами Роше. Если законъ Дарвина справедливъ, то несомнѣнно, что онъ долженъ въ частности примѣняться и къ человѣческому роду. Но притомъ возникаютъ слѣдующія затрудненія. Различныя племена, на которыя раздѣляется человѣческій родъ, являются видами или разновидностями, изъ столкновенія которыхъ вытекаютъ всѣ тѣ послѣдствія, какія вытекаютъ изъ столкновенія между собою видовъ и разновидностей другихъ классовъ животнаго царства, т. е. является борьба, въ которой слабѣйшее племя или видъ вытѣсняется сильнѣйшимъ. Исторія является на помощь этому выводу и показываетъ свой списокъ племенъ и народовъ, погибшихъ отъ столкновенія съ другимъ, высшимъ племенемъ или народомъ. Такимъ образомъ возникаетъ очень сильное сомнѣніе въ осуществленіи мечты о томъ, какъ пауасы будутъ наслаждаться гражданскими правами на ряду съ бѣлыми. Мечта эта оказывается даже совершенно нелѣпою, и всѣ гимны и псалмы Бичеръ-Стоу, очевидно, не стоятъ одной строчки научныхъ выводовъ. Что же тутъ дѣлать либералу; который не хочетъ, чтобы пауасы погибали, не хочетъ, чтобы они были въ рабствѣ, а непременно желаетъ, чтобы она, на ряду съ бѣлыми, наслаждалась законами и учрежденіями, придуманными либералами же? Отрицать научныя положенія? Но для этого нужно имѣть знанія, на основаніи которыхъ можетъ быть сдѣлано опроверженіе; если же этихъ знаній нѣтъ, то такое отрицаніе выйдетъ просто смѣхотворно и никого не убѣдитъ. Поэтому либералы прибѣгаютъ къ такой продѣлкѣ: смотрите, говорятъ они, вотъ до чего доводитъ реализмъ; вотъ каковы плоды его, вотъ къ чему пришла наука — къ отрицанію человечества, къ защитѣ рабства. Впрочемъ такъ поступаютъ только умнѣйшіе либералы; менѣе остроумные отдѣляются просто воплями противъ тѣхъ, которые осмѣлятся громко усумниться въ состоятельности сантиментальныхъ мечтаній.

Во всякомъ случаѣ, поведеніе либераловъ при такихъ обстоятельствахъ должно показать порядочнымъ людямъ, наблюдающимъ ихъ со стороны, чего стоятъ всѣ ихъ разглагольствованія о свободѣ и противъ рабства. Если разглагольствованія эти таковы, что не могутъ устоять противъ данныхъ науки, и либераламъ, защищающимъ свободу, приходится прибѣгать противъ науки къ риторическимъ упражненіямъ, то — такъ какъ наука есть истина — остается пред-

положить одно изъ двухъ: что свобода — понятіе химерическое, невыдерживающее строгой критики, что истина убиваетъ его, что, другими словами, свобода — ложь; или же, что та свобода, о которой толковали либералы, вовсе не свобода, а просто вадорный софизмъ, измышленный либералами и подставленный ими вмѣсто настоящаго, истиннаго понятія о свободѣ, разумѣется, съ ехидной иѣлюю. Нечего и говорить, что всякій благоразумный человѣкъ склонится въ пользу второго предположенія и будетъ очень благодаренъ наукѣ за то, что она разрушила фальшивое понятіе о свободѣ. Кромѣ всякихъ другихъ соображеній, его расположить въ пользу второго предположенія взглядъ на тѣ практическіе выводы, которые вытекаютъ изъ либеральнаго воззрѣнія на свободу. Онъ увидитъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ отношеніяхъ расъ между собою, что люди, декламирующіе о заатлантическихъ правахъ негровъ, у себя дома и по сосѣдству относились совершенно иначе къ правамъ, несравненно болѣе очевиднымъ; для этого стоитъ только сравнить негодованіе мыслителей «Времени» противъ Ройе съ писаніями тѣхъ же мыслителей, преобразившихся въ публицистовъ «Эпохи».

Нельзя однако отрицать и того, что недобросовѣстность или тупоуміе могутъ избрать и первое предположеніе. Плохо понятые или ложно истолкованные выводы опытныхъ наукъ могутъ представить опасное и сильное оружіе для обскурантовъ и враговъ истинной свободы. Законы, открытые Дарвиномъ, могутъ, надо сознаться, дать поводъ къ такимъ перетолкованіямъ, и только непроходимое тупоуміе публицистовъ «Московскихъ вѣдомостей» и «Вѣсти» объясняетъ, почему они до сихъ поръ не попытались воспользоваться этимъ оружіемъ.

Извѣстно, что Дарвинъ принимаетъ и подтверждаетъ законъ Мальтуса. Законы борьбы за существованія и естественнаго подбора родичей, въ связи съ этимъ закономъ, могутъ послужить къ оправданію всѣхъ сторонъ нынѣшняго общественнаго устройства, которое мы считаемъ и называемъ зломъ. При помощи этихъ научныхъ фактовъ, злонамѣренные софисты или люди ограниченныя могутъ не только доказывать необходимость этихъ сторонъ, но и полезность ихъ. Они могутъ рассуждать слѣдующимъ образомъ: каждый организмъ необходимо долженъ бороться за существованіе съ другими; человѣкъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія; онъ отли-

чается отъ прочихъ организмовъ только тѣмъ, что средства его вести борьбу многочисленнѣе; но это даетъ ему преимущество только въ борьбѣ съ пищими организмами; въ борьбѣ же между собою люди находятся точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и прочіе члены органическаго міра, съ тою только, впрочемъ несущественною разницею; что у нихъ борьба за существованіе представляется гораздо сложнѣе, разнообразнѣе и грандіознѣе. Въ борьбѣ этой опять-таки неизбѣжно дѣйствуютъ законы естественной конкуренціи, вслѣдствіе чего болѣе сильные и счастливѣе одаренные субъекты вытѣсняють слабѣйшихъ. Съ видовой, т. е. общечеловѣческой точки зрѣнія въ этомъ нѣтъ не только ничего печальнаго, но напротивъ много отраднаго, потому что борьба за существованіе и естественная конкуренція приводятъ въ результатѣ къ торжеству естественно-избранныхъ, т. е. лучшихъ членовъ, и путемъ естественнаго подбора получается, въ концѣ концовъ, улучшеніе цѣлаго племени, т. е. самый дѣйствительный и важный прогрессъ. Отсюда совершенно логически вытекають слѣдующія положенія: что возставать противъ самаго факта борьбы за существованіе въ человѣческихъ обществахъ нелѣпо, потому что это неизмѣнный законъ природы, единый для всего органическаго міра, отрицать который можетъ только невѣжество или предрасудокъ, ставящій человѣка внѣ законовъ этого міра; признавъ же этотъ законъ, вопіять противъ послѣдствій его — ни съ чѣмъ несообразно; поэтому сантиментальная философія поступаетъ гораздо послѣдовательнѣе, когда не хочетъ знать науки, отрекается отъ нея и твердитъ свое, не обращая на нее вниманія, чѣмъ тѣ; которые, признавая значеніе научныхъ положеній, тѣмъ не менѣе относятся къ естественнымъ явленіямъ съ нравственной точки зрѣнія. Слѣдовательно, человѣкъ, признающій науку, не имѣетъ права вносить нравственныя воззрѣнія въ междуличовѣческія отношенія. Войны, нашествія, борьба сословій, племенъ, народовъ, государственные и общественные перевороты, какими ужасными явленіями не сопровождались бы они, не должны вызывать въ немъ ни сожалѣнія, ни негодованія, ни, менѣе всего, противодѣйствія подобнымъ явленіямъ. Такое страстное отношеніе ко всѣмъ этимъ естественнымъ, неизмѣннымъ и неизбѣжнымъ явленіямъ показало бы только, что онъ находится на той низкой степени научнаго пониманія, на которой стоятъ диваги и дурно воспитанныя дѣти, съкущие море за бурю и плюющие на неодушевленный предметъ, о ко-

торый ушиблись. Негодовать на войны, оплакивать бѣдствія угнетенныхъ и порабощенныхъ, желать совершеннаго прекращенія антропофагіи—непростительно для человѣка, признающаго значеніе науки. Пусть онъ лучше проклинаетъ молнію, которая убиваетъ людей; градъ, опустошающій поля; землетрясеніе, рушащее города; вулканы, сожигающіе цвѣтуція мѣстности. Но съ этими явленіями, космичность которыхъ очевидна, человѣкъ давно примирился, давно отдѣлался отъ страстнаго къ нимъ отношенія. Бушменъ бьетъ своего фетиша, если охота не удалась ему; но образованный европеецъ уже не обвиняетъ никого за бурю или землетрясеніе, хотя бы оно было источникомъ величайшаго для него бѣдствія. Только человѣка и образованные люди не научились еще считать членомъ космоса, подлежащимъ космическимъ законамъ. Большинство еще счтаетъ человѣка и человѣческія общества стоящими выше законовъ природы, и полагаетъ, что они управляются особыми нравственными законами, зависящими отъ нихъ же самихъ, отъ ихъ личной воли и произвола. Наука постоянно доказываетъ ошибочность этого мнѣнія, и должно настать время, когда страстное отношеніе къ явленіямъ, представляемымъ человѣческими обществами, будетъ казаться также забавно, какъ забавенъ теперь фетишизмъ дикарей. Тогда вмѣсто того, чтобы ужасаться и негодовать при видѣ бѣдствій, поражающихъ теперь большую часть человѣчества, вмѣсто того, чтобы придумывать несбыточные, утопическіе планы преобразованія общества, поймутъ и необходимость этихъ бѣдствій, и невозможность прекратить ихъ, и даже пользу, которую борьба и конкуренція, гибельныя для единицъ, хотя бы многочисленнѣйшихъ, приносятъ *виду* т. е. всему человѣчеству.

Такимъ образомъ можно было бы, входя въ большія подробности, оправдать всевозможныя безобразія, защитить не только современный порядокъ, но и самую голую антропофагію, оправдать кастовое устройство, и доказать, что все эксплуатирующее, гнетущее, тиранизирующее имѣетъ неоспоримое, естественное право эксплуатировать, угнѣтать и мучить. Понятно, что, если бы подобныя разсужденія имѣли успѣхъ и получили бы распространеніе, то мы попали бы въ огонь въ полямя, потому что какъ ни плохъ, какъ ни тупъ, какъ ни невѣжественъ сантиментальный либерализмъ, но онъ все-таки лучше подобнаго міросозерцанія. Между тѣмъ негѣпости сантиментальной философіи могутъ доставить нѣкоторый кредитъ такой

противоположной крайности, и эта реакція противъ невѣжественнаго отношенія ея къ наукѣ отозвалась между прочимъ и въ статьѣ г. Бибикова о «сентиментальной философіи.» У него мы встрѣчаемъ напримѣръ разсужденіе такого рода:

«Когда въ семействѣ много дѣтей, а ѣсть нечего, Мальтусъ *протодушно* (?) принималъ это за несчастіе. Теперь же мы видимъ, что чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше, *тѣмъ сильнѣе можетъ дѣйствовать законъ конкуренціи. Слабые поибнутъ* (тѣмъ лучше!), и выдержать борьбу только естественно-избранные, лучшіе, *приослабленные* (sic!) члены, такъ что въ результатѣ получится прогрессъ—улучшеніе всего племени» (118). За нѣсколько страницъ раньше авторъ также говоритъ: «Теорія Дарвина подрываетъ законъ Мальтуса (почему же подрываетъ? напротивъ того, объясняетъ и по вашему, оправдываетъ), ибо останавливать распложеніе вида значитъ ставить препятствіе его прогрессу, такъ какъ усовершенствовавіе вида зависитъ отъ его обильнаго распложенія (больше простору для борьбы и конкуренціи—не такъ ли?). Законъ грубый, скупой, роковой, уличавшій природу въ скаредности, является мудрымъ закономъ экономіи и изобилія, гарантіей благостоянія и прогресса всей органической твари». (Хороша экономія въ томъ, что больше существъ вымереть и погибнуть, чтобы лучше откорнить остальныхъ! (стр. 112).

Печальный смыслъ этихъ разсужденій нимаго не выиграетъ отъ того, что далѣе г. Бибиковъ доказываетъ ненормальность и неудобство нынѣшняго общественнаго порядка тѣмъ, что порядокъ этотъ мѣшаетъ естественной конкуренціи, насильственными мѣрами поддерживая слабѣйшихъ противъ сильныхъ, другими словами, поддерживая искусственно-избранныхъ и тѣмъ самымъ препятствуя естественному подбору. Онъ говорилъ, что искусственный подборъ никогда не можетъ замѣнить естественнаго, что по этому искусственно избранные все-таки, въ концѣ концовъ; погибаютъ, но что поощреніе, оказываемое имъ современнымъ общественнымъ порядкомъ, мѣшаетъ развиваться естественно-избраннымъ и занимать принадлежащее имъ по естественному праву мѣсто, а черезъ это устраняетъ и благодѣтельные результаты борьбы за существованіе—усовершенствованіе вида. Но г. Бибиковъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что этотъ доводъ можетъ имѣть силу только противъ замнутыхъ частей, противъ общественнаго устройства древне-азіатскаго и феодалнаго, про-

тивъ Клавдіевъ, Меровинговъ и Тюдоровъ, а никакъ не противъ современнаго порядка. Поэтому нельзя согласиться съ этими словами его: «Возвращаясь изъ исторіи къ современному порядку вещей, мы встрѣчаемъ тѣ же явленія и тотъ же законъ для естественно-избранныхъ, или кажущихся избранными по искусственной обстановкѣ. Мало-ли на свѣтѣ этихъ существъ, которыя неспособны жить своими силами, которыя всею тяжестью висятъ на здоровыхъ рукахъ, сохраняютъ бытіе свое насчетъ снѣдь общества, гдѣ проходитъ ихъ чахлае существованіе, и которыя занимаютъ на солнцѣ больше мѣста, чѣмъ три индивидуума хорошей комплекціи, тогда какъ послѣдніе не только жили бы съ полною силою для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, но могли бы произвести сумму наслажденія, превышающую то, что они сами потребили бы... Искусственными способами поддерживали до сихъ поръ чахлая, вялая, бесполезная существованія въ ущербъ существованіямъ сильнымъ, полезнымъ, плодотворнымъ... Чахлае, дряблое существованіе потребляетъ въ три раза больше, чѣмъ сколько нужно сильному, здоровому, отнимая у него необходимое и безспорно ему принадлежащее. Предоставьте свободу для развитія и для естественнаго избранія: безсилныя организмы уступятъ мѣсто здоровымъ или разовьютъ въ себѣ реакцію, которая возбудитъ ихъ силы на отпоръ, на борьбу и, быть можетъ, вызоветъ не одну побѣду... Природа не знаетъ и не пѣшетъ любимцевъ, ей неизвѣстны ни состраданіе, ни предпочтительность: живи всѣ, кому можется, влачи свое существованіе до тѣхъ поръ, пока есть возможность на борьбу съ условіями, его стѣсняющими.» (стр. 123 — 125).

Если таково желаніе г. Бибикова, то ему жаловаться не на что: желанія сбылись почти во всѣхъ европейскихъ обществахъ, а гдѣ не сбылись, такъ сбудутся вскорѣ. Нынѣшнія общественныя условія не поддерживаютъ искусственно-избранныхъ: въ европейскихъ обществахъ время Меровинговъ прошло и наступило время полного раздолья для борьбы за существованіе, естественной конкуренціи и торжества естественно-избранныхъ. Свобода, которой г. Бибиковъ желаетъ для естественнаго подбора, наступила теперь полная съ царствомъ буржуаціи. Теперь-то и предстоитъ испытать европейскимъ обществамъ всѣ благодѣтельныя послѣдствія экономнаго, мудраго и прогрессивнаго закона естественной конкуренціи, ничѣмъ нестѣсняемой въ силу буржуазнаго девиза: *laissez faire, laissez passer.*

Теперь настала масляница для этихъ *естественно избранныхъ* они себя покажутъ! Монморанси вымерли, и законъ естественной конкуренціи при полной свободѣ выдвигаетъ впередъ разныхъ Шульце и Мюллеровъ, Перейръ и Миресовъ. Природа не знаетъ любимцевъ, говоритъ г. Бибиновъ. Это невѣрно: одному она даетъ изворотливый умъ, другому — терпѣніе и выносливость; третьему — здоровье или силу, и всѣ, кто простодушнѣе или слабѣе, идутъ на откармливаніе этихъ любимцевъ природы.

Статья г. Бибикова даетъ такимъ образомъ понятіе о томъ, въ какую печальную крайность можно попасть изъ одного желанія защитить науку отъ нелѣпыхъ возгласовъ сантиментализма. Я приписываю ошибки г. Бибикова именно этому чувству, потому что литературная дѣятельность его и даже прочія статьи, помѣщенныя въ той же книжкѣ, не позволяютъ мнѣ приписать ихъ желанію защитить наукой буржуазный порядокъ. Но если честный человѣкъ можетъ въ увлеченіи дойти до такого прискорбнаго истолкованія научныхъ данныхъ, то чего же можно ожидать отъ злонамѣренной софистики?! Выводы могутъ быть здѣсь, какъ я показалъ, таковы; что если бы не существовало иного выхода, какъ принять ихъ или прослыть за невѣжду и идіота, то каждый порядочный человѣкъ съ гордостью надѣлъ бы дурацкій колпакъ.

По счастію, наука совершенно невпиховата въ софистической эксплуатациіи ея въ пользу какихъ бы то ни было общественныхъ уродствъ, и, чтобы не мириться съ этими уродствами, нѣтъ надобности затыкать уши и зажимать глаза на науку, какъ дѣлаютъ сантиментальные либералы. Напротивъ того, наука ведетъ къ правильному пониманію жизненныхъ условій, а тѣмъ самымъ научаешь сообразоваться съ ними, принимать нужныя мѣры, чтобы защититься отъ дурныхъ вліяній и, словомъ, даетъ возможность исправить общественный порядокъ. Въ этомъ отношеніи результаты, полученные Дарвиномъ, также важны, какъ и всѣ другія великія открытія науки. Не признавать ихъ нельзя, если не имѣть на то равносильнаго научнаго основанія, да и надобности нѣтъ, потому что логическіе выводы изъ нихъ не имѣютъ въ себѣ ничего ужаснаго. Человѣчество съ перваго дня своего существованія и до пышнѣшаго было поставлено въ необходимость бороться съ законами и явленіями природы. Въ исторіи этой борьбы — вся исторія цивилизацій, и въ ней теперь почти никому въ голову не приходитъ видѣть что ни-

будь печальное. Въ древности, когда борьба эта представляла больше препятствій, а умственное развитіе слабѣе, люди вздыхали о золотомъ вѣкѣ, когда они жили въ совершенно иныхъ естественныхъ условіяхъ, когда жаренные голуби сами въ ротъ летали, а волки и львы паслись вмѣстѣ съ баранами и питались травой. Но въ наше время подобныя представленія и сожалѣнія исчезли, и никто уже не скорбитъ серьезно о томъ, отчего нѣтъ медовыхъ рѣкъ и золотыхъ горъ. Народы, которые могли побѣдить природу и такимъ образомъ вступить на путь цивилизаціи, выработали вмѣстѣ съ тѣмъ и науку, и наука давала имъ въ послѣдствіи средства продолжать эту борьбу успѣшно, объясняя съ одной стороны природу и ея законы, а съ другой научая, какъ побѣждать ее и какъ пользоваться ею. Чѣмъ дальше подвигалось объясненіе наукою естественныхъ законовъ, тѣмъ успѣшнѣе шла борьба съ ними, потому что, только понимая явленіе, можно побѣдить, или обойти его, или воспользоваться имъ. Оттого каждое новое открытіе въ наукѣ давало образованнымъ народамъ новыя силы на борьбу съ природою. Точно также и законы, открытые Дарвиномъ. Открытіе ихъ чрезвычайно важно для человѣчества, потому что оно объяснило ему тѣ естественные законы, которые дѣйствуютъ въ немъ непосредственно на него самого. Законъ борьбы за существованіе всегда дѣйствовалъ въ человѣчествѣ; но, не зная его, люди не могли бороться противъ него, какъ боролись съ другими естественными законами, извѣстными имъ. Тотъ фактъ слѣдовательно, что они узнали его, не имѣетъ въ себѣ ничего печальнаго, а напротивъ, благодѣтеленъ. Точно также люди всегда подвергались бѣдствіямъ отъ неизвѣстныхъ имъ законовъ электричества. Открытіе этихъ законовъ и объясненіе явленій электричества не только не принесло вреда, но, напротивъ того, прямую пользу, потому что немедленно дало средства предохранять себя отъ пагубнаго дѣйствія этихъ явленій и воспользоваться ими для полезныхъ цѣлей. Такъ надо смотрѣть и на законъ Дарвина. Узнавъ его, люди не подчинятся безропотно всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ его, какъ было до сихъ поръ, а вступаютъ съ нимъ въ разумную борьбу и, безъ сомнѣнія, останутся побѣдителями. Открывъ причины удручавшихъ ихъ войнъ, неравенства, общественныхъ неурядицъ, эксплуатаціи, они не помирятся съ ними, а зная причины, найдутъ и вѣрныя средства для устраненія ихъ. Слѣдовательно, неслѣдуетъ утверждать, что, узнавъ причины социаль-

ныхъ бѣдствій, должно относиться къ этимъ бѣдствіямъ пассивно; что это знаніе только оправдаетъ эти бѣдствія и докажетъ ихъ неизбежность. Нисколько. Знаніе причинъ явленій электричества повело къ изобрѣтенію громоотводовъ и телеграфовъ, а не къ пассивной покорности этимъ явленіямъ; тотъ же результатъ должно дать знаніе причинъ социальныхъ явленій. Конечно, люди уже не будутъ проливать войны и негодовать на эксплуатацію, они сдѣлаютъ лучше: они устранять ихъ. Проклинали и негодовали они очень долго, но изъ этого ничего не вышло; теперь наступаетъ пора разумной дѣятельности, а не безплодной декламации.

Ясно, стало бытъ, что научныя данныя могутъ смущать только sentimentalный либерализмъ, но не могутъ противорѣчить утилитарной нравственности и требованіямъ общественной пользы. Прямой выводъ, который можно сдѣлать изъ знанія естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ человѣческихъ обществахъ, будетъ однако съ этой точки зрѣнія діаметрально противоположенъ желанію г. Библикова. Если въ человѣческихъ обществахъ дѣйствуетъ законъ естественной конкуренціи, который выдвигаетъ однихъ, болѣе счастливыхъ, и кормитъ и холитъ ихъ насчетъ другихъ, слабѣйшихъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы на это должно было смотрѣть сложа руки. Такое равнодушіе простительно и понятно въ звѣряхъ, которые ѣдятъ-себѣ друдъ друга, не предаваясь никакимъ философскимъ размышленіямъ. Оно понятно въ антропофагахъ, которые завтракаютъ и ужинаютъ своими плѣнными, не задавая себѣ никакихъ научныхъ вопросовъ, а просто находя, что человѣческое мясо очень вкусно. Но съ какой же стати продолжать заниматься людоедствомъ членамъ образованнаго общества, которое порицаетъ это явленіе, знаетъ его, и слѣдовательно можетъ найти средства устранить его? Видя, что при нынѣшнихъ порядкахъ естественная конкуренція приводитъ къ тому, что сильнѣйшіе поѣдаютъ слабѣйшихъ, люди необходимо придутъ къ тому, чтобы, во первыхъ, дать этимъ слабѣйшимъ помощь, чтобы поддержать ихъ противъ сильнѣйшихъ и предупредить пораженіе ихъ. Это дѣло первой необходимости, и откладывать его нельзя. Какъ скоро узнали законъ, производящій ежедневно страшныя бѣдствія, такъ медленно надо принять противъ него мѣры и предохранить отъ гибели тѣхъ, кому онъ грозитъ. А во вторыхъ, необходимо въ самомъ устройствѣ общества произвести такія перемѣны, которыя навсегда парализовали бы губительное вліяніе этого

закона и обезпечили бы общество отъ его печальныхъ явленій. Въ этомъ и состоитъ задача темерешняго времени, рѣшенію которой стало тѣмъ необходимѣе и неотлагательнѣе, что сущность и причины вредныхъ явленій, удручающихъ общества, поняты и объяснены наукою.

Все это противники мои должны были возразить мнѣ по поводу моего мнѣнія о положеніи негровъ. Это было бы во всякомъ случаѣ основательнѣе, чѣмъ говорить общія мѣста о рабствѣ и острить на счетъ безвѣстныхъ актеровъ. Впрочемъ мнѣ не пришлось бы отказываться отъ своего мнѣнія даже въ виду этого возраженія, такъ какъ я никогда не думалъ говорить, что негровъ слѣдуетъ обращать въ рабство. Что же касается до того, что, живя вмѣстѣ, въ одной странѣ, въ одинакихъ условіяхъ, низшая раса, по силѣ вещей, по естественной необходимости, неизбежно попадетъ въ рабство, то противъ этого невозможно привести ничего. Несомнѣнно, что это такъ есть и такъ будетъ, и что никакого исхода нельзя придумать. Противопоставивъ этому мнѣнію тѣ же аргументы, какія я противопоставилъ мнѣнію г. Бибикова о необходимости и даже полезности естественнаго владычества буржуазіи, найдемъ, что они нисколько не относятся. Дѣйствительно, въ обществѣ, составленномъ изъ членовъ, болѣе или менѣе равносильныхъ, всегда можетъ существовать возможность оградиться отъ вредныхъ для него послѣдствій закона естественной конкуренціи; для этого нужны лишь такія учрежденія, которыя направляли бы эгоистическія стремленія людей къ общепольнымъ цѣлямъ, или, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, налагали бы узду на плотоядныя склонности самыхъ бодливыхъ и счастливо одаренныхъ. Современныя общественныя нужды достаточно уже выяснили эту цѣль, равно какъ и средства, которыми она можетъ быть достигнута, т. е. тѣ социальныя реформы, которыя помогутъ ей осуществиться, и теперь только плотоядные буржуа могутъ возставать противъ этой цѣли и называть эти средства несбыточными и химерическими. Съ ихъ стороны это очень понятнѣе, потому что все это клонится именно къ ихъ обузданію. Но буржуазная оппозиція въ теоріи очень слаба, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выясняется, съ одной стороны, естественные законы жизни человѣческихъ обществъ, а съ другой стороны — средства, которыми можно побѣдить эти законы и устранить ихъ вредное вліяніе.

Что же касается до такого общества, которое, какъ Северо-Американское, составлено изъ двухъ или трехъ совершенно различныхъ расъ, въ коихъ одна имѣетъ такое естественное превосходство надъ другими, что всюду, куда проникла, уничтожила остальныхъ, то всѣ эти соображенія оказываются въ нему неприимными. Для того, чтобы уравновѣсить естественныя условія негровъ и бѣлыхъ, пришлось бы создать такія искусственныя, которыя предоставили бы высшей расѣ всѣ тѣ преимущества въ социальномъ положеніи, какія высшая имѣетъ надъ нею въ естественномъ. Другими словами, пришлось бы обратить бѣлыхъ въ рабовъ негровъ, и тогда только, быть можетъ, послѣ длиннаго ряда поколѣній, возможно бы стало между ними настоящее равенство. Однако это средство такого рода, что сама плаксивая Бичеръ-Стоу и добродушный г. Антоновичъ призадумаются, должно полагать, прежде, чѣмъ согласиться на него. Невольничество было вредно самимъ бѣлымъ обитателямъ Соединенныхъ Штатовъ; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что тѣ матеріальныя выгоды, какія оно доставляло плантаторамъ, далеко не вознаграждаютъ за ущербъ, наносимый имъ нравственному уровню общества. Однако самому горячему приверженцу эмансипаціи негровъ не пришло бы въ голову убѣждать жителей Южныхъ Штатовъ или требовать отъ нихъ, чтобы они создали социальныя учрежденія, благопріятныя для негровъ и неблагопріятныя для бѣлыхъ, тогда какъ въ Европѣ, наоборотъ, принципъ буржуазной свободы и невмѣшательства общественныхъ учреждений въ попытки угнетенныхъ улучшить свое положеніе имѣетъ за себя только самыхъ отпѣтыхъ либераловъ, въ родѣ Шульце-Делича. Разумные люди весьма основательно доказываютъ, что угнетенные классы имѣютъ право на помощь и содѣйствіе общественныхъ учреждений, имѣютъ право требовать, чтобы эти учрежденія имѣли въ виду прежде всего тѣхъ, кто нуждается въ посторонней поддержкѣ и были бы устроены сообразно интересамъ этихъ обиженныхъ. Но отношенія, какія могутъ существовать между бѣлою расою и цвѣтными, такъ далеки отъ отношеній, существующихъ между различными классами одноплеменнаго общества, что такихъ требованій никто никогда не рѣшился предъявить американскому обществу. Требования, какія предъявлялись этому обществу, касались только нѣкоторыхъ временныхъ и внѣшнихъ формъ рабства, и на это люди безпристрастные и несантиментальные всегда возражали, что это

ни въ чему не поведетъ, потому что дѣло не въ той или другой ви́шней формѣ, а въ сущности, которую измѣнить нельзя. Это возраженіе не можетъ быть ни обойдено, ни побѣждено ничѣмъ, и нельзя не согласиться съ г. Бибиковымъ, когда онъ говоритъ въ этомъ смыслѣ такъ: «Взгляните, что происходитъ въ настоящую минуту на всемъ пространствѣ русскихъ владѣній, что происходило при столкновеніи русской крови и русской культуры съ дикими племенами Сибири, Камчатки, Алеутскихъ острововъ. При полноправности, при совершенномъ юридическомъ и гражданскомъ равенствѣ тѣхъ и другихъ (это впрочемъ далеко не совсѣмъ вѣрно), русская кровь нашла средства вытѣснить, одолѣть, смѣшаться въ свою пользу съ кровью инородческою, такъ что погибли самобытности и самостоятельности племень чуждскихъ, монгольскихъ, тюркскихъ удержатъ не можетъ никакая юридическая полноправность» (132).

Послѣ этого чрезвычайно странно услышать отъ г. Бибикова разсужденія о томъ, что круглоголовость, косозубость, лицевой уголъ и строеніе пятки не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія юридическихъ, гражданскихъ и политическихъ правъ людей. Такимъ образомъ, онъ, который, увлекшись негодованіемъ къ сантиментальному взгляду на науку, доходилъ до странныхъ крайностей въ противоположномъ направленіи, вдругъ самъ объявляетъ себя противъ науки, какъ скоро рѣчь коснулась отношеній различныхъ видовъ человѣческаго рода! Здѣсь ужъ онъ находитъ, что наука не можетъ служить къ опредѣленію человѣческихъ отношеній. «Когда же, говоритъ онъ, и какое законодательство основывалось на результатахъ анатоміи, физиологіи, краниологіи, френологіи для опредѣленія правъ человѣка?» Конечно, никогда. Но вѣдь г. Бибиковъ только-что упрекалъ людей за пренебреженіе къ наукѣ, а теперь находитъ, что на нее и въ правду смотрѣть нечего. Такъ изъ-за чего же было хлопотать и вооружаться противъ «Времени»? Послѣ этого г. Бибиковъ принимается разсуждать уже совершенно вопреки всякому смыслу: «Люди неравны по природѣ, по организаціи, по способностямъ — это правда, говоритъ онъ; но это различіе даетъ имъ такія средства, такую силу въ борьбѣ другъ съ другомъ, къ эксплуатаціи другъ друга, отъ которыхъ не можетъ спасти никакая юридическая, гражданская, политическая равноправность, что посягнуть на послѣднюю теоретически можетъ только безумный...» (133). Вотъ вы тутъ и посудите: безумно посягать на равноправность оттого, что она

не можетъ спасти людей отъ борьбы и эксплуатация, вызываемыхъ неравенствомъ организаціи! Этого просто нестичь нельзя! Если равноправность ни къ чему не ведетъ, то почему же безумство посягать на нее? Напротивъ, казалось бы, тогда какъ вещь ненужная и бесполезная, она можетъ быть уничтожена безъ особеннаго безумія. Г. Антоновичъ или кто-то другой доказывалъ недавно, что мой взглядъ на негровъ былъ гибеленъ не для негровъ, а для меня. Что взглядъ мой, каковъ бы онъ ни былъ, не могъ нанести ни малѣйшаго вреда не только всему черному племени Эѳіопія, Австраліи и Америки, но даже самому послѣднему негритенку—это ясно безъ всякихъ доказательствъ. Насколько этотъ взглядъ былъ гибеленъ для меня — предоставляю судить другимъ. Но что заботы о благополучіи негровъ сбиваютъ съ толку нашихъ публицистовъ, расположенныхъ къ нимъ, это несомнѣнно. Одного онѣ довели до того, что онѣ думаютъ уколоть меня указаніемъ на безвредность для существованія негровъ моего взгляда на положеніе ихъ, а другого до того необычнаго силлогизма, который мы только-что видѣли. Впрочемъ, въ несообразности этого силлогизма виновать не столько здравый смыслъ г. Бибикова, сколько та неблагожданная точка зрѣнія, на которую онъ всталъ. Онъ и понимаетъ бесполезность равноправныхъ политическихъ условій для бѣлыхъ и негровъ, и въ то же время не рѣшается выговорить, что, слѣдовательно, весь вопросъ касательно рабства негровъ поставленъ ложно, такъ какъ онъ заключается единственно въ требованіи этой равноправности.

Повторяя вкратцѣ все сказанное выше, вмѣстѣ съ выводами отсюда истекающими, придется сказать слѣдующее: равноправное общество можетъ существовать только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы между членами его не существовало коренной разницы, существующей между различными расами человѣчества. При соблюденіи этого условія, знаніе естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ человѣчествѣ, приводитъ къ необходимости создать такіа отношенія, которыя бы парализировали невыгодныя вліянія естественной конкуренціи. До сихъ поръ подобныя отношенія не были установлены нигдѣ, но идеалъ ихъ уже существуетъ и все болѣе и болѣе опредѣляется, хотя достигнуть можетъ быть лишь при радикальномъ измѣненіи всѣхъ главныхъ принциповъ, принимаемыхъ нынѣшними обществами. Что же касается до такихъ обществъ, гдѣ коренное условіе это не соблюдено, то они не могутъ достигнуть равноправ-

ности. Здѣсь не могутъ помочь никакія хартіи, прокламаціи и конституціи, потому что неравенство лежитъ не въ законахъ и учрежденіяхъ, а въ самой организаціи расъ. Искоренить его можно лишь однимъ путемъ, — путемъ продолжительнаго, систематическаго, искусственнаго возвышенія низшей расы и униженія высшей. Всякія отвлеченія отъ этого рокового вывода могутъ привести только къ нелѣпости и противорѣчію — отличительнымъ чертамъ сантиментальнаго либерализма.

Изъ остальныхъ статей можно указать на разборъ комедіи Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», который, безспорно, лучше всего, что было писано объ этой комедіи. Статья же по поводу романа «Что дѣлать?» представляетъ лишь опроверженія на нѣкоторыя тогдашнія идиотскія выходки противъ этого романа. До сихъ поръ судьба этого произведенія была такова, какой не выпадало, я думаю, еще на долю ни одному сочиненію, какъ свѣтъ стоитъ. Тотчасъ по выходѣ его, явился противъ него во всѣхъ этихъ «Занозахъ» и «Сынахъ Отечества» выходки, въ которыхъ сыны отечества рѣшились, повидимому, истощить весь запасъ глупости, пошлости и безстыдства, существующій въ обширной Россіи. Стоитъ только вспомнить, начто нападали, особенно эти сыны отечества, чтобы почувствовать припадокъ тошноты. Такъ, напримѣръ, ничто во всемъ романѣ не возмутило ихъ до такой степени, какъ «нейтральная комната». Надо вспомнить, что сыны отечества ходили въ то время въ халатахъ на-распашку и даже не старались, подобно Плюшкину, прикрыть свое бѣлье сомнительнаго вида, или даже появлялись просто въ натурѣ, какъ Иванъ Никифоровичъ. Рѣчь у нихъ была бойкая, пичѣмъ-то они не стѣснялись, чувствовали себя передъ публикой, какъ дома, и не было такой грязной мыслишки, такой поворочной страстишки, которую бы они не песли на-показъ своимъ согражданамъ на восторгъ и удивленіе, точно перлъ какой нибудь драгоценный. Какая бы пакость не пришла кому въ голову, въ эту эпоху Расплюевыхъ, онъ ее сейчасъ тащилъ на свѣтъ божій, точно боясь, что ее у него предвосхитятъ. И этимъ-то Расплюевымъ пришлось судить о «Что дѣлать?» А потомъ, когда они досыта натѣшились и увлеклись другими вопросами, наступило молчаніе, какъ будто романъ этотъ — такое временное явленіе, что десятка расплюевскихъ фельетоновъ было за-глаза для его опѣнки, между тѣмъ какъ онъ до нынѣшняго дня у всѣхъ въ памяти, до нынѣшняго дня занимаетъ

мыслящее общество и водить перомъ писателей, у которыхъ онъ передъ глазами даже тогда, когда они пишутъ, повидимому, совсѣмъ о другомъ. Теперь, быть можетъ, наступило время, болѣе благоприятное для разумной и серьезной критики этого произведенія, и если такъ, то наша литература должна посѣднать выполнить, хотя поздно, этотъ долгъ въ отношеніи его.

«Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ» г. Лаврова, печатающійся въ «Морскомъ Сборникѣ», выходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и особо, выпусками. До сихъ поръ вышелъ 1 выпускъ, доводящій исторію науки до Аристотеля и его непосредственныхъ учениковъ, включительно. Сколько можно судить по первому выпуску, трудъ г. Лаврова составитъ немаловажное приобрѣтеніе для нашей литературы, какъ извѣстно, чрезвычайно бѣдной хорошими оригинальными сочиненіями серьезнаго содержанія. «Исторія физико-математическихъ наукъ», быть можетъ, и представляетъ пропуски и недостатки, замѣтные для компетентнаго судьи; но во первыхъ, эти недостатки были бы извинительны, такъ какъ, по словамъ г. Лаврова, «и въ Европѣ нѣтъ сочиненія, вполне удовлетворяющаго задачѣ такого труда»; а во вторыхъ, сочиненіе г. Лаврова представляетъ достоинства, которыя должны быть очевидны для самого взыскательнаго критика, а для большинства читателей дѣлаютъ его весьма интереснымъ и полезнымъ. Дѣйствительно, при большомъ богатствѣ фактовъ, книга эта отличается прекраснымъ изложеніемъ, читается очень легко и доступна почти всякому мало-мальски образованному человѣку. Напр. очеркъ дѣятельности Аристотеля написанъ блистательно и прочтется каждымъ съ удовольствіемъ. Читатели не будутъ на меня, я увѣренъ, пенять за то, что я приведу нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся черты этой характеристики.

«Аристотель, говоритъ Льюисъ, можетъ по справедливости быть названъ отцемъ индуктивной философіи, потому что онъ первый провозгласилъ ея руководящія начала.»

«Наблюденіе, опытъ и наведеніе, продолжаетъ г. Лавровъ, — вотъ источники, изъ которыхъ человѣкъ черпаетъ, по ученію Аристотеля, свои сужденія о вещахъ. Безъ чувственнаго воспріятія нѣтъ мысли; чувственное воспріятіе доставляетъ намъ единичные факты, которые, накопляясь, образуютъ общее сужденіе, одинъ изъ элементовъ понятія, и это совершается путемъ наведенія. Тѣ, которые полагаютъ, что наши чувства насъ обманываютъ, сами ошибаются: каждое чувство говоритъ правду, насколько оно говоритъ; но невѣрны бывають истолкованія данныхъ, ими сообщаемыхъ. «Естествоиспытатель (говоритъ Аристотель) долженъ прежде разсматривать отдѣльныя явленія, а потомъ переходить къ отысканію ихъ причинъ. Очевидно, если намъ не достаетъ чувственнаго воспріятія, то не достаетъ и соответственнаго ему знанія, котораго нельзя имѣть безъ перваго. Мы узнаемъ или по наведенію, или по доказательству. Доказательство исходитъ изъ общаго, наведеніе изъ частнаго. Но общее нельзя узнать иначе, какъ путемъ наведенія. Наведеніе безъ чувственнаго воспріятія невозможно. Чувственному воспріятію принадлежитъ все единичное. Единичное нельзя непосредственно знать. Но и общее нельзя знать безъ наведенія, а наведеніе нельзя сдѣлать безъ чувственнаго воспріятія»... Онъ предупреждаетъ противъ *кажущихся* доказательствъ, неопирающихся на то, каковы вещи въ самомъ дѣлѣ, и потому, сами по себѣ, ничего невыражающихъ. Онъ воздерживается отъ заключеній, когда находитъ, что у него нѣтъ достаточныхъ наблюденій, и прибавляетъ: «наблюденіямъ должно болѣе довѣрять, чѣмъ теоріи, и послѣдней лишь тогда, когда результаты ея совпадаютъ съ наблюденіями.» Въ другомъ мѣстѣ онъ порицаетъ тѣхъ, которые «высказываютъ о фактическихъ явленіяхъ положенія, несовпадающія съ самыми явленіями, придерживаясь нѣкоторыхъ началъ, которыя имъ кажутся истинными началами, между тѣмъ какъ объ истинности началъ должно судить по результатамъ, а въ естествознаніи по тому, что оказывается дѣйствительнымъ въ чувственномъ воспріятіи». Въ недостаткѣ опытности Аристотель видитъ главную причину недостаточнаго знанія: «Тѣ, которые привыкли къ физическимъ изслѣдованіямъ, болѣе способны ставить далеко захватывающія начала; тѣ же, которые въ своихъ многочисленныхъ доказательствахъ не опираются на фактически-существующее, обращая вниманіе лишь на немногое, гораздо легче утверждаютъ положенія; но изъ этого видно,

какъ различаются между собою тѣ, которые обсуждаютъ дѣло физически, отъ тѣхъ, которые обсуждаютъ его на основаніи (предвзятыхъ) понятий.» Поэтому прежде всего мы должны собирать факты, разсматривать предметы, къ которымъ они относятся, и обогатить нашъ умъ представленіями. Въ этихъ фактахъ мы должны разсматривать не всю массу за-разъ, а сначала отдѣльныя, небольшія, опредѣленныя ея части. Собравъ факты, должно заботиться о выводахъ изъ нихъ, и только этимъ путемъ можно узпуть, что мы можемъ доказать и чего не можемъ. Не менѣе опредѣлительно говоритъ Аристотель и объ исходномъ пунктѣ знанія: «Для того, кто хочетъ подвигаться впередъ въ знаніи, весьма цѣлесообразенъ надлежащій разборъ представляющихся сомнѣній, потому что позднѣйшій результатъ есть разрѣшеніе предшествовавшихъ сомнѣній». Затѣмъ Аристотель излагаетъ и дальнѣйшія цѣли знанія, тѣсно связанныя съ предшествовавшими розысканіями. Знать и понять фактъ, это значитъ опредѣлить его мѣсто въ процессѣ развитія, т. е. опредѣлить возможности, обуславливающія его дѣйствительное происхожденіе, или узпуть его причины. Изъ этихъ причинъ фактъ слѣдуетъ *необходимо*, и только то, что такимъ образомъ необходимо связано съ предъидущимъ, *доказано*. Понятіе предмета или явленія, заключая въ себѣ то, что необходимо для этого предмета или явленія, обнимаетъ его доказанную сущность... Но необходимому, въ природѣ, противопоставляется случайное. Наука ищетъ лишь то въ вещахъ, что неизмѣнно, потому что это неизмѣнное есть *разумъ* вещей (быть можетъ, переводя на языкъ, намъ привычный, мы могли бы передать, не отступая отъ мысли Аристотеля, его выраженія «неизмѣнное» и «разумъ вещей» словами *законы* явленій и предметовъ). Къ изученію этого общаго (закона) должны быть направлены всѣ наши старанія, и отъ общаго должно переходить къ частному. Доказано лишь то, что такимъ образомъ получено. Но въ рядѣ доказательствъ, переходя отъ одного положенія къ другому, изъ котораго оно выводится, мы опираемся первоначально на истины, недоказываемыя, но предполагаемыя при каждомъ довазательствѣ. Такія истины — *аксіомы*. Къ нимъ восходитъ всякое доказательство во всякой наукѣ, и каждая изъ научныхъ областей имѣетъ свои аксіомы, которыхъ она не доказываетъ, потому что онѣ составляютъ ея первоначальныя посылки. Различіе аксіомъ представляетъ различіе областей знанія, изъ

дних выводныхъ, и весьма важно, чтобы мы не смѣшивали равныя области знанія, чтобы не заимствовали изъ одной изъ нихъ доказательства для приложенія къ другой... Такимъ образомъ научный методъ Аристотеля, охватывая всю область знанія, опирается на два противоположные полюса: на чувственное воспріятіе, собирающее факты, и на общія начала (законы), въ которыхъ выражается разумность природы. Помощью строгаго разбора, тщательнаго построенія понятій, послѣдовательнаго мышленія, опирающагося на основное начало тождества и противорѣчія, сознающаго истинность аксіомъ и отъ нихъ послѣдовательно заключающаго о необходимыхъ положеніяхъ, которыя должны повѣряться фактами, строится для Аристотеля зданіе науки. Чувственные воспріятія ближе для насъ, но общія начала (законы) ближе къ истинѣ, и потому мы должны всѣми силами стараться перейти къ этому послѣднему *знанію*. Вѣда ли и современная наука, обогащенная всѣми средствами, которыя доставило упражненіе ума и чувствъ, можетъ начертать себѣ новый планъ? и она вся опирается на чувственные воспріятія, и она стремится перейти къ общимъ законамъ явленій въ каждой сферѣ, или заключающая о нихъ по наведенію отъ воспріятій, планъ вывода ихъ изъ заранѣе пріобрѣтенныхъ аксіомъ» (стр. 140—144).

Далѣе въ характеристикѣ своей Аристотеля г. Лавровъ очень удачно избираетъ среднюю точку зрѣнія на него, столь же далекую отъ неблагоприятнаго взгляда англійскихъ ученыхъ, обвиняющихъ Аристотеля въ пренебреженіи наблюденіемъ, какъ и отъ совершенно противоположнаго мнѣнія континентальныхъ писателей, которые видятъ въ немъ исключительнаго эмпирика, неспособнаго къ философскимъ выводамъ и обобщеніямъ. Приведенныя мною страницы свидѣтельствуютъ, что въ характеристикѣ своей г. Лавровъ представилъ и выяснилъ крупными чертами всѣ стороны этого необыкновеннаго генія, столь же великаго наблюдателя, какъ и мыслителя, великаго какъ въ сближеніи дальнаго—въ обобщеніи, такъ и въ различеніи схожаго—анализѣ. Исторіи научной дѣятельности Аристотеля г. Лавровъ посвятилъ болѣе 50 страницъ, на которыхъ собраны много фактовъ, и эти страницы прочтутся съ увлеченіемъ каждымъ, кто уважаетъ науку. Здѣсь г. Лавровъ, послѣ характеристики генія и научныхъ пріемовъ Аристотеля, обращается къ фактамъ его ученой и философской дѣятельности. Онъ показываетъ его угадывающимъ законы органическаго метаморфоза и неуничтожаемости матеріи, за-

жоны таготѣнія и притяженія; различающимъ газы отъ паровъ; знающимъ сложный составъ и тяжесть воздуха; понимающимъ причины и условія геологическихъ измѣненій, образованія водъ и материковъ и объясняющимъ эти явленія такъ, какъ новая наука стала лишь въ недавнее время снова объяснять, послѣ многихъ вѣдъ заблужденій и ошибокъ; сознающимъ ничтожное мѣсто, занимаемое нашею планетою во вселенной; знающимъ съ законами преломленія лучей свѣта; объясняющимъ на основаніи этого знакомства оптическія явленія: радуго, солнечные и лунные круги и т. д.; знающимъ, что звукъ происходитъ отъ движенія воздуха, и что быстрота его значительно меньше быстроты свѣта; доказывающимъ округлую форму земли; вѣрряющимъ ея округлость; предчувствующимъ открытіе Васко-де-Гамы (онъ говоритъ, что Красное море сообщается съ Атлантическимъ океаномъ); понимающимъ единство души и тѣла, силы и матеріи; видящимъ единство органическаго міра, подмѣчающее имъ въ переходѣ отъ растеній къ животнымъ, гдѣ онъ не видитъ рѣзкой границы; смѣло разсѣкающимъ чадовѣскіе трупы и глладущимъ начало сравнительной анатоміи — единственному плодотворному пути въ области научныхъ анатомическихъ изысканій; замѣчающимъ различіе между венозною кровью и артеріальною; узнающимъ происхожденіе вѣнъ изъ сердца, и такимъ образомъ глладущимъ начало одному изъ величайшихъ открытій въ естествознаніи — открытію Гарвея, совершившемуся 2000 лѣтъ послѣ него; указывающимъ на аналогію между легкими и жабрами; характеризующимъ значеніе скелета и роль въ немъ позвоночнаго столба, — быть можетъ даже, предсказывающимъ новое открытіе Гете и Оуэна — происхожденіе скелета изъ позвонковъ; подмѣчающимъ аналогію между скелетомъ высшихъ животныхъ, хрящами рыбъ и наружными твердыми частями низшихъ животныхъ; знающимъ законы размноженія почками и партеногенезиса и даже говорящимъ о самопроизвольномъ зарожденіи; сходящимся въ эмбриологіи съ самыми передовыми взглядами нашего времени; дѣлающимъ множество частныхъ открытій, подтвердившихся лишь недавно; создающимъ систему классификаціи, основанная чарты которой, за немногими исключеніями, удержались доселѣ, и гдѣ нитовня отдѣлены отъ рыбъ, ракообразныя отъ насѣкомыхъ, къ чему возвратились послѣ долгихъ заблужденій, и наконецъ гдѣ указано звѣно, соединяющее чадовѣа съ органическимъ міромъ; полагающимъ основаніе эволюціонной географіи и только что еще фор-

мирующейсѣ наукѣ реальной психологiи; наконецъ, прилагающимъ методъ естествознанiя къ наукамъ историческимъ и политическимъ и дающимъ такимъ образомъ начало статистикѣ. Нельзя читать безъ увлеченiя этотъ очеркъ дѣятельности гения, котораго самыя разнообразныя науки: логика и зоологiя, психологiя и геологiя, статистика и сравнительная анатомiя, астрономiя и эмбриологiя, со множествомъ побочныхъ и вспомогательныхъ своихъ знанiй, признаютъ своимъ творцомъ; который въ одно и то же время является предшественникомъ Галилея и Гарвея, Канта и Ляйбеля, Келлигера, Пуше и новѣйшей психологической школы; который въ классификацiи рыбъ признанъ выше Линнея, въ объясненiи нѣкоторыхъ задачъ механики выше Канта, и на котораго ссылался Галилей, какъ на источникъ своего славнаго открытiя. Такой изумительный, единственный гений возбуждаетъ къ себѣ энтузиазмъ въ человѣкѣ, созерцающемъ его гигантскую дѣятельность, и энтузиазмъ этотъ овладѣваетъ неволью даже тѣмъ, кто отрицаетъ значенiе гениевъ въ исторiи человечества, и кто смотритъ съ неудовольствiемъ на поклоненiе имъ. Но именно Аристотель, гений котораго поражаетъ особенно сильно и дѣйствуетъ особенно ослѣпительно на зрителя, можетъ служить поэтому самому лучшимъ подтвержденiемъ такого мнѣнiя. Дѣйствительно, онъ сдѣлалъ гениемъ своимъ больше, чѣмъ кто либо изъ смертныхъ; онъ кажется людямъ какимъ-то чудомъ, полубогомъ; они готовы обожать его. Въ среднiе вѣка его ставили выше величайшихъ представителей христіанства, и арабы раздѣлили съ христіанскимъ миромъ это поклоненiе величайшему уму всѣхъ вѣковъ. Въ новѣйшее время знаменитый ученый, Ж. Кювье, превозносилъ его, какъ бога, и называлъ отцомъ человѣческой мудрости, творцомъ науки. И несмотря на это, если обратимся къ результатамъ дѣятельности этого гения, то не найдемъ ничего. Всѣ отрасли человѣческаго знанiя, въ которыхъ онъ высказалъ первое слово, умерли вмѣстѣ съ нимъ и проснулись только черезъ восемнадцать столѣтiй, втеченiе которыхъ плодомъ его дѣятельности являлась лишь схоластика, мертвящее поклоненiе буквѣ, бесплодное препирательство о словахъ, царство предрассудковъ, невѣжества, суевѣрiя и тупоумiя, гдѣ не могло быть ни науки, ни умственного движенiя, вызывающаго науку. Только послѣ восемнадцати столѣтiй снова возродилась наука въ томъ видѣ, какъ ее оставилъ Аристотель, и потребовались новыя усилiя, новые гении, чтобы снова начать начатое

нмъ. Такимъ образомъ его дѣятельность, которая, если взглянемъ на силу его генія, должна была бы, казалось, перевернуть міръ и сразу передѣлать человѣчество, на дѣлѣ оказалась совершенно бесплодною. За исключеніемъ весьма темнаго, и именно такого, что всего менѣе заслуживало вниманіе, что сдѣлало его кумиромъ схоластики, затормозившей прогрессъ, о дѣятельности Аристотеля можно сказать, что для человѣчества все равно—существовалъ онъ, или нѣтъ. Это доказываетъ, какъ ничтожно единичное вліяніе любого генія на успѣхи человѣчества; это доказываетъ, что геній можетъ что нибудь сдѣлать лишь при содѣйствіи всего общества, и что если общество не можетъ оказать ему этого содѣйствія, если онъ слишкомъ ушелъ впередъ отъ него—то вся дѣятельность его пропадаетъ даромъ. Преемники Аристотеля на двухъ-тысячелѣтнемъ пространствѣ, Галилей, Васко-де-Гама, Гарвей, Ф. Кювье, Лавуазье были, каждый, менѣе всеобъемлющіе геніи, чѣмъ онъ; но каждый изъ нихъ имѣлъ несравненно болѣе значенія, принесъ неизмѣримо больше пользы, чѣмъ онъ, потому что они стояли наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, были не уродствомъ, а нормальнымъ продуктомъ своего времени и получали содѣйствіе отъ общества. Только въ обществахъ, прогрессирующемъ и развивающемъ, могутъ являться личности, двигающія его впередъ и развивающія, и то только такія личности, которыя имѣютъ нормальное отношеніе къ своему обществу, а не такія, которыя представляютъ уродливое, ненормальное отношеніе по объему, глубинѣ и силѣ своего ума. Этотъ фактъ, подтверждаемый исторіею каждого поколѣнія и каждого генія, и всего лучше исторіею Аристотеля, чрезвычайно утѣшительнъ, потому что напавъ убиваетъ буржуазныя разсужденія о выгодахъ естественной конкуренціи. Если послушать этихъ разсужденій, то окажется, что роскошное развитіе однихъ, избранныхъ самою природою, насчетъ прочихъ, обиженныхъ, выгодно всѣмъ, потому что оно создаетъ тѣхъ удивительныхъ гениевъ, которые ведутъ человѣчество впередъ. Теперь намъ ясно, какъ это разсужденіе ложно. Примѣръ Аристотеля показалъ намъ, что если и выкормится, цѣною угнѣтенія массы, такой необычайный геній, то это не послужитъ ни къ чему. Уродство, купленное столь дорогою цѣною, не послужитъ въ пользу никому: самому уроду оно будетъ служить источникомъ несчастія, потому что ему придется играть въ своемъ обществѣ роль Квазижодо и уподобиться Робинзону на необитаемомъ островѣ — что

очень тяжело и грустно. Онъ не можетъ даже утѣшаться надеждою на загробную славу, если слишкомъ выдвинется впередъ, такъ какъ чтобы догнать его, человечеству нужно столько времени, что слава отодвигается за такой длинный рядъ поколѣній, за который онъ не можетъ прослѣдить ее. Непосредственно же за гробомъ его ждетъ долгое забвеніе и пренебреженіе, во время котораго большая часть совершеннаго имъ погибаетъ на вѣя для людской памяти и знанія, и не доходитъ до того поколѣнія, которое наконецъ воскреситъ его имя и поклонится ему. Поэтому, чтобы въ обществѣ могъ существовать истинный прогрессъ, надо, чтобы оно развивалось всею своею массою; тогда въ немъ не будетъ, правда, такихъ ослѣпительныхъ гениевъ, но зато сильные умы будутъ многочисленнѣе и дѣятельность каждаго изъ нихъ плодотворнѣе, чѣмъ дѣятельность цѣлаго десятка Аристотелей, если бы ихъ могло существовать столько. Поэтому когда буржуазные либералы встаютъ противъ необходимости обуздать стремленіе счастливейшихъ членовъ общества развиваться и совершенствоваться насчетъ менѣе счастливо одаренныхъ, и при этомъ ссылаются на выгоду, доставляемую обществу этими счастливыми, то они говорятъ жалкій софизмъ, уличаемый исторіею.

Книжка «Парижъ въ Америкѣ» вышла, кажется, въ прошломъ году во Франціи, произвела большой эффектъ, выдержала много изданій, и о ней, въ свое время, г-жа Е. Туръ повѣствовала подробно въ «Голосѣ» или «Библіотекѣ для чтенія» — не помню. Книжка эта есть мѣстами довольно остроумная сатира на современный порядокъ Франціи. Приемъ этой сатиры не новъ: французскимъ учрежденіямъ, общественнымъ нравамъ, понятіямъ и обычіямъ противопоставляются американскіе, которые изображаются въ возмозно розовомъ цвѣтѣ для вящаго контраста. Это исполнено довольно удачно, остроумно, и книжка читается публикой, быть можетъ, даже нашей, которой до этого меньше дѣла, чѣмъ французской — не безъ интереса. Централизація, шовинизмъ, нелѣпое общественное мнѣніе и другія прелести современной Франціи осмѣиваются довольно мѣтло, а подъ видомъ американскихъ учрежденій изображается цѣлая кар-

тина лучшаго общественнаго устройства, признаваемая и выдаваемая авторомъ (известный либераль Лабур) за идеалъ. Но нельзя не сказать, что взглядъ его не отличается особенной глубиной: онъ оплакиваетъ несчастія нынѣшняго французскаго буржуа и выхваляетъ блаженство буржуа американскаго. Можно возразить, что человѣку, имѣющему нѣсколько тысячъ годового дохода, свой домъ, экипажъ, лакеевъ и разныя другія удобства, и въ старости свѣтъ живется недурно. Съ другой стороны, можно сказать, что восхваленіе американскихъ учрежденій переходитъ всякую мѣру дозволимой политической вольности и уже черезъ чуръ, бѣзъмѣрности пантеирикомъ. Читатель, несимпатизирующій французской буржуазіи, прочтетъ поэтому эту книгу холодно; онъ знаетъ, что всѣ неудобства, которыя терпятъ буржуазія при нынѣшнемъ порядкѣ во Франціи, созданы ею самою, приняты, одобрены и поддерживаются ею во избѣжаніе опасности, грозившей правамъ капитала. Если американской буржуазіи живется еще лучше, чѣмъ французской, то тѣмъ хуже для американцевъ. Въ описаніи блаженства американскаго буржуа сравнительно съ французскимъ, авторъ доходитъ до забавной наивности; напримѣръ, онъ причисляетъ къ числу этихъ благополучій то, что американскій буржуа можетъ во всякое время дня и ночи жить ванну! Бѣдные въ самомъ дѣлѣ французскіе gentlemen! И выкупаться — то имъ въ волю нельзя! Вотъ несчастные-то, подумаешь! Недурно также сравненіе карьеръ двухъ юныхъ буржуа, французскаго и американскаго: первый поступаетъ въ чиновники, тяпаетъ ляжку и добивается милости начальства; второй же съ юныхъ лѣтъ возмечталъ о приобрѣтеніи барышей и достигъ того, что въ 24 года сдѣлался обладателемъ 10—12 тыс. ежегоднаго дохода. Конечно, порядочному человѣку не можетъ быть особенно утѣшительно видѣть своего сына гнущимъ спину передъ начальникомъ и упражняющимся въ тупоумной и бесполезной работѣ, по, какъ ни жалокъ такой субъектъ, едва ли можно предпочесть ему юнаго спекулятора, у котораго въ 20 лѣтъ любовь къ дѣвушкамъ не вызвала ничего, кромѣ страстнаго желанія наживы и обогащенія, и который пустился во всѣ тяжкія. Оба хороши! Вообще было бы очень печально, еслибы публика увидѣла въ книжкѣ «Парижъ въ Америкѣ» что нибудь иное, какъ политическій памфлетъ, написанный человѣкомъ, весьма невысоко стоящимъ по своему умственному

развитію, и гдѣ вѣрнаго изображенія американской жизни можно искать менѣе, чѣмъ всего другого.

Читатели «Русскаго Слова» отчасти знакомы съ книгой Бэтса по компиляція ея, помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году, насколько конечно компиляція можетъ познакомить съ книгой, гдѣ каждая страница представляетъ необыкновенный интересъ и гдѣ собрана такая масса любопытнѣйшихъ наблюденій. Бэтсъ описываетъ страну, которую уже посѣщали многіе путешественники (Гумбольдъ, Азара, пр. Видъ и др.); но до сихъ поръ не было еще такого хорошаго и интереснаго для большинства публики описанія ея. Страна эта, полуевропейская, полудикая, въ которой есть и дѣвственные лѣса, и индѣйцы, и ягуары, и боа, и тутъ же имперія на европейскую ногу, съ браганцинымъ императоромъ, войскомъ и флотомъ, дворемъ, министрами и дипломатическимъ корпусомъ. Все это представляетъ странный хаосъ, и нелѣпое социальное положеніе этой страны отвлекаетъ отъ нея вниманіе европейцевъ, хотя, по географическимъ и климатическимъ условіямъ, она, болѣе всякой другой, заслуживаетъ его и можетъ назваться счастливою. Уже одно то, что ее перерѣзываетъ въ длину рѣка, судоходная на протяженіи почти 4,000 верстъ, предсказываетъ ей великолѣпную будущность, которую естественныя богатства, превосходный климатъ и дѣвственная почва сдѣлаютъ еще болѣе завидною. А между тѣмъ теперъ эта страна населена жалкимъ племенемъ метисовъ и выродившихся португальскихъ поселенцевъ, поражающихъ путешественника, по разсказу Дарвина, своимъ невообразимымъ невѣжествомъ, апатією и беспомощностью. Впрочемъ Бэтсъ отзывается объ обитателяхъ Южной Америки гораздо благосклоннѣе, чѣмъ Дарвинъ, и это, какъ кажется, происходитъ не отъ различія мѣстности (Бэтсъ былъ во внутренней странѣ, а Дарвинъ на береговой полосѣ), а скорѣе отъ личнаго взгляда путешественниковъ. Бэтсъ такъ очарованъ роскошью страны, что невзыскателенъ къ жителямъ, добродушенъ и гостепріимство которыхъ испыталъ. Притомъ онъ обращалъ несравненно больше вниманія на нравы животныхъ, чѣмъ людей. Хотя читатель не найдетъ въ его книгѣ тѣхъ гениальныхъ соображеній и взглядовъ, которые сопровождаютъ разсказъ Дарвина,

но тѣмъ не менѣе прочтеть ее съ истиннымъ наслажденіемъ. Замѣчу кстати, что эта книга издава едва-ли не лучше всѣхъ переводныхъ сочиненій, выходявшихъ у насъ, какъ относительно перевода, такъ и типографскаго выполненія; къ ней приложено нѣсколько весьма тщательно сдѣланныхъ гравюръ, представляющихъ точную копію съ рисунковъ англійскаго изданія. Жаль только, что цѣна слишкомъ высока (3 р. сер.). Безъ рисунковъ книга такого объема обыкновенно продается за 1 р. 50 коп. Неужели 6 гравюръ, приложенныхъ къ книгѣ, могутъ стоять столько же?

Сочиненіе Дарвина, о которомъ я упоминалъ, окончено въ русскомъ переводѣ. Вышелъ недавно 2-й томъ, заключающій въ себѣ описаніе путешествія по Южной Америкѣ — въ Чилоэ, Пампасахъ, Перу, Галапагосскихъ островахъ, по Австраліи и по островамъ Атлантическаго океана. Томъ этотъ не менѣе, если не болѣе, интересенъ, чѣмъ первый, напр. глава о фаунѣ Галапагосскихъ острововъ, подтверждающей его теорію происхожденія видовъ.

Вышла нелѣпая и подлая книжонка Абу — «Прогрессъ» — изданіе Генкеля; разборъ ея я отлагаю до слѣдующей книжки, а пока замѣчу только, что очень странно видѣть переводимыми на русскій языкъ такіа отпѣтыя и опозоренныя произведенія заграничной печати въ то время, какъ у насъ нѣтъ еще переводовъ самыхъ важныхъ иностранныхъ сочиненій, таковыхъ, знакомство съ которыми необходимо для каждаго образованнаго человѣка. Неужели такіа книжонки, какъ «Прогрессъ» Абу, нравятся публикѣ, такъ что спекуляторы находятъ выгоду въ изданіи ихъ?

В. Зайцевъ.

МАСКУ ДОЛОЙ!

(ВЫЗОВЪ РЕДАКЦІИ «СОВРЕМЕННОГО»).

Herr „Nobody“ ist ein Schuft.

Гг. Некрасовъ и Пыпинъ, почтенные хозяева «Современника», заставьте вашихъ молодцовъ подписываться подъ своими скандальными статейками. Если ваши сидѣльцы—люди, непомнящіе родства, безъ имени и фамиліи, то дайте имъ какія нибудь ключки. Если же они только носятъ маску, то сорвите ее, сорвите непременно, изъ уваженія къ публикѣ. Или вашъ журналъ хочетъ походить на «Отечественныя Записки», гдѣ безчинствуютъ разные Incognito?! Если такъ, то на «Современникъ» придется показывать пальцемъ и кричать—ессо, ессо il vero pulcinello!

Пора, однако, прекратить ту игру въ жмурки и пятпашки, которую ведутъ ваши безподписные, безстыжіе гаеры. Кто изъ нихъ, спрашиваю я васъ, настроилъ на меня шельмецкій пасквиль, подъ предлогомъ оправдать Милля? Этотъ пасквилянтъ долженъ теперь объявить свое имя. Чего онъ боится? Гласнаго со мною объясненія? Да, я вызываю его на это объясненіе и, прежде всего, прошу васъ, гг. редакторы, сообщить его имя. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ. Въ противномъ случаѣ, я поступлю съ анонимомъ, какъ слѣдуетъ.

Н. Соколовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Заговоръ ирландскихъ феніевъ. — Что такое феніи и чего они хотятъ? — Ихъ желаніе — желаніе всей Ирландіи. — Національная и политическія антипатіи между кельтскимъ и саксонскимъ племенемъ. — Преступленія Англій противъ Ирландіи. — Причины нищеты и голода Ирландцевъ. — Раздробленіе поземельной собственности и истощеніе почвы поземельной арендой. — Новая программа Чартистовъ. — Положеніе рабочихъ дѣтей въ Англій. — Участіе редакторовъ Times'a въ займъ рабовладѣльцевъ. — Протестъ англійскаго и французскаго министровъ противъ Гастейнской конвенціи. — Смерть лорда Пальмерстона. — Краткая его характеристика. — Вліяніе Cour d'état 2 декабря на нравственное состояніе французской провинціи.

Нигдѣ такъ ярко не выказывала всей своей прелести англійская конституція и правительственная олигархія Лондона, какъ въ отношеніи Ирландіи. Все, что можетъ позволить себѣ австрійское министерство или папская власть, все это считается дозволеннымъ и законнымъ и для англійской конституціи. Не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, по доносу шпіона, весь городъ Дублинъ былъ поднятъ на ноги и жители его очутились въ осадномъ положеніи. 15 сентября вечеромъ толпа полисменовъ ворвалась въ контору журнала «Irisch People», органа феніанизма, и захватила въ плѣнъ человѣкъ пятнадцать, которыхъ повела въ тюрьму, напутствуемая страшною суматохою и громкими возгласами, конечно, далеко неслестными для полиціи. Впрочемъ, не было сдѣлано никакой попытки къ освобожденію плѣнныхъ. Въ конторѣ было захвачено множество бумагъ, въ числѣ которыхъ находился

отд. III. 1

и списокъ подписчиковъ «Irish People»: этотъ списокъ долженъ былъ служить, для полиціи, руководствомъ при розыскахъ и новыхъ арестахъ. Впродолженіи всей ночи и слѣдующаго утра, телеграфъ былъ занятъ правительствомъ, которое сохраняло такимъ образомъ тайну, разсылая въ то же время свои депеши во всѣ стороны. Г. Буателль, префектъ полиціи въ Парижѣ, остался бы доволенъ такою предусмотрительностію. Жителямъ графства Коркъ было запрещено держать у себя оружіе, и все населеніе этой провинціи было подчинено такому порядку, который очень напоминалъ собою осадное положеніе. Между тѣмъ всѣ корабли, приходившіе изъ Соединенныхъ Штатовъ, подвергались тщательному обыску, а всѣ ирландцы, которые не нравились лицомъ полицейскимъ агентамъ, немедленно были заключаемы въ тюрьму. Никакихъ поручительствъ не допускали. Были назначены награды въ 5,000 франковъ за поимку неизвѣстныхъ личностей, которыхъ описывали умными и красивыми молодыми людьми. Въ то же время «Morning Post» и «Times» громили феніевъ своими обвиненіями и объясняли, что это республиканцы, или, иначе, измѣнники и безумцы; они прибавляли, что Соединенные Штаты вообще, и гг. Сьюардъ и Джонстонъ въ особенности, ненавидятъ феніанизмъ и были бы очень недовольны, если бы Ирландія превратилась въ республику.

А въ сущности что такое фені? Чего они хотятъ?

Существуетъ непосредственная связь между теперешнимъ обществомъ феніевъ и многочисленными прежними обществами: риббонистовъ, караватовъ, блэкъ-генсовъ, соединенныхъ ирландцевъ, White-Boys, Boys of Oak, Steel-boys, White или Black Teet. Заговоры существовали съ незапамятныхъ временъ и существуютъ еще до сихъ поръ. Чисто-кровный ирландецъ принадлежалъ на своемъ вѣку ко многимъ заговорамъ; въ случаѣ нужды онъ одинъ составляетъ заговоръ. Заговоръ ненависти — это заговоръ постоянный, возрождающійся ежеминутно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Пусть читатели припомнятъ то состояніе, въ которомъ находилась Ирландія годъ тому назадъ, и они увидятъ, что теперешнія событія являются его логическимъ слѣдствіемъ *). Феніанизмъ не завезенъ изъ Америки, онъ — явленіе совершенно національное, а между тѣмъ, по нашему мнѣнію, это фактъ совершенно новый.

Мѣсяцевъ пять тому назадъ New-York-Herald сообщалъ уже объ обширномъ заговорѣ, который, по словамъ его, угрожалъ Ан-

*) См. Политика. 1864 г. авг. кн. „Рус. Слово.“

глин; онъ разсказывалъ даже нѣкоторыя подробности, которыя въ Лондонѣ показались очень забавными, а «Times» назвалъ бессмысленными бреднями и осмѣялъ своимъ обычнымъ грубымъ тономъ. Американскій журналъ говорилъ, что, въ то время, когда во Франціи существовали тайныя общества, одинъ ирландецъ, полковникъ О'Майони, былъ вынужденъ искать убѣжища во Франціи, гдѣ онъ и научился дѣлу заговоровъ. Изучивши организацію тайныхъ обществъ, онъ учредилъ въ Ирландіи братство, которое называлъ: Emmet Monument Association. Имя казалось страннымъ: общество для воздвиженія памятника Роберту Эммету. Но вскорѣ оказалось, что Эмметъ былъ ирландскій патріотъ, повѣшенный лордомъ Кларомъ. Идя на казнь, онъ выразилъ желаніе, чтобы соотечественники только тогда воздвигли памятникъ въ честь его, когда свергнутъ съ себя иго саксонскаго племени. Послѣ этого понятна игра словъ О'Майони.

Заговоръ мало-по-малу росъ и усиливался. Къ нему приставали избранные умы, а уличныя схватки счастливо сходили съ рукъ. Общество быстро распространилось въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ въ каждомъ округѣ союза у него были свои представители, гдѣ во главѣ его находились граждане, очень высоко стоящіе по своему положенію; изъ числа этихъ гражданъ мы назовемъ только бригаднаго генерала Томаса Смита и генерала Матвея Мурфи, которые были убиты, и тотъ и другой, въ борьбѣ противъ невольничества. Мурфи погибъ въ послѣдній день войны, наканунѣ капитуляціи Ли.

Не боясь никакихъ доносовъ, не подвергаясь никакимъ опасностямъ, члены общества, находившіеся въ Соединенныхъ Штатахъ, разумѣется, не были поставлены въ необходимость окружать себя таинственностью. Имъ не было необходимости прибѣгать ни къ тайнымъ совѣщаніямъ, ни къ условнымъ знакамъ, ни къ сокровеннымъ клятвамъ. Они нашли возможность замѣнить имя «Ассоціаціи памятника Эммета», — имя, которое отличалось слишкомъ большою таинственностью, — и окрестить себя именемъ *Феніевъ*. На ирландскомъ языкѣ феніями называются финикіане, которымъ преданіе приписываетъ первоначальную колонизацію Ирландіи, происходившую за нѣсколько вѣковъ до переселенія нѣсколькихъ испанскихъ семействъ. Какое дѣло до того, что легенда была чистою выдумкою; въ глазахъ тѣхъ, которые принимали ее, она имѣла то достоинство, что и по времени, и по происхожденію увеличивала различіе между ирландскимъ населеніемъ Ирландіи и англійскимъ населеніемъ Англій; феніи гордо подняли голову; число ихъ быстро возрастало, если только правда, что, во время

войны Сѣвера съ Югомъ, они поставили правительству Соединенныхъ Штатовъ до 28,000 солдатъ. Замѣьте впрочемъ, что въ Нью-Йоркѣ рабовладѣльцы привлекли подъ свое гнусное знамя множество ирландцевъ, самыхъ бѣдныхъ и невѣжественныхъ изъ всѣхъ переселенцевъ, ирландцевъ, ненавидѣвшихъ негра, который составлялъ имъ конкуренцію въ отношеніи къ труду. Часто случалось, что работа, которой они добивались, находилась въ рукахъ подрядчика, поручавшаго ее рабамъ. Стоя, по нищетѣ и забитости, на одной ступени съ неграми, они, съ полнѣйшимъ эгоизмомъ и тупоуміемъ, хотѣли имѣть надъ ними хотя одно преимущество — преимущество свободы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ феніи могли дѣйствовать совершенно открыто, но въ Канадѣ, гдѣ господство британскаго скипетра еще не превратилось въ пустое слово и гдѣ цѣлая могущественная партія стоитъ еще на сторонѣ верховныхъ правъ метрополіи, — въ Канадѣ приходилось дѣйствовать осторожнѣе. Въ Ирландіи феніи оставались при той организаціи, которую далъ имъ О'Майони, и которая упрочила за собою въ Европѣ классическую извѣстность со времени знаменитыхъ карбонаріевъ. Временное правительство, составленное изъ 4 членовъ, было представителемъ четырехъ ирландскихъ провинцій Ульстера, Мюнстера, Лейнстера и Канната. Эти четыре верховные предводителя избрали 20 полковниковъ; каждый изъ нихъ, въ свою очередь, завербовалъ извѣстное число капитановъ, которые, съ своей стороны, рискуя собственною личностью, набирали солдатъ, на патріотизмъ которыхъ можно было положиться. Дѣло велось такъ, что главнаго начальника знали только назначенные имъ полковники, полковника — капитаны, а капитана его солдаты. Вотъ какъ въ прошломъ маѣ New-York Herald описывалъ устройство феніевъ въ Ирландіи.

Прибавимъ, что во многихъ пунктахъ Англій: въ Манчестерѣ, Лондонѣ, Бермингамѣ, Ливерпулѣ, они учредили особыя агентства. Въ этихъ городахъ, какъ и во многихъ мѣстахъ за-границею, ирландцы учреждаютъ общества, корпораціи, дѣлаютъ религіозныя процессіи, всякаго рода демонстраціи; во всѣхъ общественныхъ событіяхъ, на выборахъ и во время возмущеній они всегда являются первыми защитниками, крикунами и безумцами. Ирландецъ — существо въ высшей степени общительное; онъ съ большимъ трудомъ рѣшается отказать отъ общества людей; а всѣмъ другимъ людямъ онъ предпочитаетъ ирландцевъ же, такихъ же веселыхъ, умныхъ, драчливыхъ, хвастливыхъ, неосторожныхъ и безразсудныхъ, какъ и онъ самъ. Вотъ почему онъ такъ упорно сопротивляется

въ Соединенныхъ Штатахъ поглощающему американскому вліянію; а происходитъ это оттого, что у ирландцевъ личный элементъ очень живучъ и оригиналенъ; кромѣ того они составляютъ весьма плотную коллективную единицу, которую невозможно пошатнуть, не коснувшись предварительно ихъ католицизма. Въ томъ-то и заключается разница между нѣмцами и ирландцами, этими двумя главными источниками американской колонизаціи. Почти всѣ прибывающіе нѣмцы отправляются на западъ, гдѣ они по большей части превращаются въ земледѣльцевъ; только немногіе становятся портными, сапожниками, дровосѣками. Они любятъ пить, но и поѣсть не прочь, и это уравниваетъ одно другое; курятъ они еще больше, чѣмъ на родинѣ; въ Соединенныхъ Штатахъ они одни только смыслятъ кое-что въ музыкѣ. Мало по малу они разучиваются говорить на родномъ языкѣ, дѣти ихъ совсѣмъ его забываютъ, и въ третьемъ, если не во второмъ поколѣніи они окончательно американизируются. Едва добравшись до мѣста, они тотчасъ начинаютъ помышлять о томъ, чтобы перетащить къ себѣ самыхъ близкихъ родныхъ и лучшихъ друзей; но они весьма мало заботятся о германской политикѣ, на которую они начинаютъ смотреть съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и имъ и въ умъ не приходитъ превратить въ республику ландграфство Гессенъ-Кассельское или Палатинатъ. Ирландцы же поступаютъ совсѣмъ не такъ. Только меньшинство отправляется на пустыя земли и въ обширныя лѣса; если же они и отправляются туда, то только въ артеляхъ плотниковъ и землекоповъ, которыя вербуются частными лицами или компаніями, и удаляются тотчасъ по окончаніи работы. Большинство селится въ городахъ и группируется въ извѣстныхъ кварталахъ, гдѣ, смотря по времени, они работаютъ, пьютъ, танцуютъ, дерутся или между собою или съ другими, и въ заключеніе отправляются къ обѣднѣ или къ исповѣди. При такомъ образѣ жизни обогатиться нельзя; и дѣйствительно, несмотря на свою смѣтливость, на свою трезвость, ирландцы остаются бѣдняками и ирландцами долше всѣхъ другихъ переселенцевъ. А оставаясь ирландцами, они помнятъ своихъ соотечественниковъ, которымъ ежегодно высылаютъ значительныя суммы денегъ; они помнятъ свою родину — мать, и любятъ ее съ тою горячею страстностью, которая лежитъ въ основѣ ихъ характера. Кромѣ того, они ненавидятъ саксонца съ тою же страстью, съ какою любятъ Ирландію. Республика Соединенныхъ Штатовъ принимаетъ къ себѣ голодныхъ, измученныхъ, оборванныхъ Paddies; она кормитъ, одѣваетъ ихъ, кладетъ имъ деньги въ карманъ, а потомъ снова от-

правляетъ ихъ на родину въ видѣ феніевъ, придавая силу хроническому неудовольствію противъ Англіи и составляя имъ значительную поддержку.

Впрочемъ, большинство американскихъ журналовъ, насчитывающихъ до 500,000 феніевъ, впадаетъ вѣроятно въ грубое преувеличеніе. Мы смѣло можемъ отнять отъ этой цифры $\frac{1}{5}$.

Что же касается состава этой арміи, одни говорятъ, что это цвѣтъ всей Ирландіи, что это сама Ирландія; по словамъ другихъ, это «сбродъ всякихъ проходимцевъ, людей безъ рода и племени». Такимъ слогомъ выражаются обличители и сторонники, но историкъ онъ не къ лицу. Посмотримъ прежде, каковы тѣ, которые не принадлежатъ къ феніямъ. Прежде всего это протестанты, особенно сѣверныхъ провинцій, которые составляютъ $\frac{1}{3}$ населенія. Фермеры, которые составляютъ главное населеніе, остались чужды этому движенію: меньшинство не пристало къ нему, потому что оно сыто и почти довольно, а большинство потому, что, несмотря на свои страданія и ненависть къ саксонцамъ земледѣльцы составляютъ такой классъ, который только въ крайнемъ случаѣ вступаетъ въ революцію, какъ дѣятельная сила. Наконецъ можно сказать утвердительно, что $\frac{9}{10}$ ирландской націи не принимали въ этомъ движеніи никакого участія. Ряды феніевъ пополнялись фабричными рабочими, которые очень рѣдки въ Ирландіи, ремесленниками, лодочниками, приказчиками магазиновъ, писцами; словомъ, дѣятельною и живою частью средняго сословія, потому что чернь, аристократія, католичество и протестантство заботливо выгородили себя и остались въ сторонѣ.

Насколько такое поведеніе кажется законнымъ со стороны протестантовъ, принадлежащихъ къ религіи господствующаго народа, настолько же оно удивляетъ со стороны вождей католической церкви, церкви угнетенной. Этого никогда еще не бывало до нашего времени. По нашему мнѣнію, это характеристичный признакъ; это показываетъ оригинальность феніанизма; показываетъ, насколько Ирландія 1865 года отличается отъ Ирландіи, которую мы знали 30 лѣтъ назадъ; это показываетъ, что въ исторіи ирландскихъ возстаній совершился переворотъ. Мы поговоримъ послѣ объ этой чертѣ, которая кажется намъ весьма знаменательною.

Чѣмъ же недовольны феніи и каковы ихъ надежды?

Ихъ недовольство, ихъ надежды принадлежатъ всей Ирландіи. Мы уже говорили о нихъ въ этомъ обзорѣ, но журнальныя статьи недолговѣчны.

Ирландцы прежде всего хотятъ быть ирландцами. Саксонское

господство возбуждаетъ въ кельтскомъ племени глубочайшее отвращеніе. Неловкая, грубая и эгоистическая политпка Англіи постоянно растравляла это отвращеніе до ненависти и, рядомъ произвольныхъ и безумныхъ мѣръ, обратила завоеванную страну въ своего непримиримаго врага. Впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ привилегированная раса управляла побѣжденнымъ народомъ, какъ рабами и преступниками. Земли у ирландцевъ были отняты, права ихъ уничтожены, религія поправа и всякое покушеніе къ независимости признавалось возмущеніемъ... По видимому, Ирландія управлялась своимъ парламентомъ, но на самомъ дѣлѣ это была отвратительная комедія лицемѣрія и лжи. Право голоса было отнято у пяти изъ шести частей ирландскаго народонаселенія. Всякая нелѣпость, привитая лордами къ своей доморощенной конституціи, въ Ирландіи получала двойную силу. Не болѣе, какъ двадцать пять землевладѣльцовъ, связанныхъ интересами съ господствующимъ сословіемъ Англіи, управляли ирландцами, на всей волѣ казачкоі; они были и законодателями, и администраторами страны. Парламентъ былъ въ ихъ рукахъ чистой игрушкой, гдѣ ихъ сыновья, племянники и внуки составляли преобладающее большинство. Отличія, пенсіи и подкупы развратили этихъ людей до такой степени, что они продавали свои офціальные мѣста почти съ аукціоннаго торга. Лордъ-лейтенантъ, избираемый обыкновенно изъ самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ Англіи, былъ всегда на сторонѣ угнетающей партіи и смотрѣлъ на свои обязанности, какъ на почетное и доходное мѣсто. Большинство католическаго населенія, хотя и было допущено до участія въ законодательной власти, но оно не могло занимать ни одной общественной должности, ни въ арміи, ни въ судахъ, ни въ гражданскомъ управленіи. Экономическая эксплуатація шла еще дальше. Англія, запретивъ ввозъ въ свои порты мануфактурныхъ произведеній Ирландіи и стѣснивъ промышленную дѣятельность, довела страну до ужасающей нищеты, которая вошла въ пословицу: «бѣденъ, какъ ирландецъ». Послѣ этого понятно, что духъ возстанія постоянно вѣялъ въ Ирландіи. Мы не станемъ вспоминать о смутахъ временъ Кромвелля и объ ихъ отвратительномъ подавленіи, произведенномъ лейтенантами этого капитана; мы не будемъ говорить о кровавыхъ междоусобицахъ, приведшихъ къ пораженію при Бойнѣ; мы умолчимъ объ отвратительныхъ и жестокихъ дѣйствіяхъ вигговъ.—Въ концѣ прошлаго вѣка Ирландію терзали вооруженныя крестьянскія ассоціаціи, извѣстныя подъ именемъ Defenders и Peep of day Boys, которыя рѣзались съ Orangemen'ами. Потомъ наступилъ *Великій мятежъ*

1798 г., усложнявшійся постоянною рѣзней между католиками и протестантами, протестантами и католиками, протестантами и протестантами. Эти преданія крови и мести унесены изгнанниками и выходцами за Атлантическій океанъ; они обладаютъ страшною живучестью и не замерли въ третьемъ поколѣннн. Геніальный чело- вѣкъ О'Коннель понялъ, что Ирландія безсильна для воору- женной борьбы противъ Англнн, и перенесъ эту борьбу на почву за- конности. Возстаніе Мигера и О'Бріана, которое въ 1848 году сѣло на мель въ огородѣ, обнаружило самымъ печальнымъ образомъ это совершенное безсиліе, — и вотъ являются феннн, которые имѣютъ смѣлость снова поднимать столько разъ сбитое знамя вооруженнаго возстанія.

Возобновленіе союза между Ирландіею и Англіею, то *возобнов- леніе*, которое требуетъ совершеннаго отдѣленія, а не только пар- ламента, засѣдающаго въ Дублинѣ подъ президентствомъ вице-ко- роля, назначаемаго англійскимъ министромъ; таково основаніе ир- ландскихъ волненій. Уже въ 1843 году О'Коннель говорилъ: Ир- ландцы, *упростите* свое политическое вѣрованіе. Оно должно со- стоять изъ двухъ пунктовъ: 1) Бѣдствія Ирландіи могутъ быть излечены только *возобновленіемъ*; 2) а добиться этого возобнове- нія зависить отъ васъ. И прошелъ только годъ съ тѣхъ поръ, какъ членъ парламента г. О'Доногъ возбуждалъ бѣшенный вос- торгъ, воспевающая: «Цѣлью нашихъ стремленій должна быть неза- висимость страны — ни болѣе, ни менѣе». Истинное мученіе ир- ландца заключается не въ нищетѣ, не въ невѣжествѣ, — оно за- ключается въ томъ, что ему не даютъ быть ирландцемъ.

О'Коннель ошибался, говоря, что отдѣленіе отъ Англнн есть един- ственное средство излечить ирландскія бѣдствія. Мы убѣждены, что независимость есть первое изъ всѣхъ благъ, что безъ нея да- же всякое благо превращается въ зло; мы любимъ Ирландію, по тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ ея громадныя недостатки и утверж- даемъ, что не Англія величайшій врагъ Ирландіи, а сама же Ир- ландія, которая, благодаря своему хвостовству, своему невѣжеству и своему печальному суевѣрню, обращается въ игрушку католиче- ской церкви, враждебной всякой свободѣ, по самой своей сущно- сти. Нѣтъ сомнѣннн, что Англія систематически развращала Ир- ландію, исподоволь приготовила ей невѣжество и нищету; но что же дѣлали и сами ирландцы, когда представлялась возможность вступить въ борьбу съ своимъ деспотомъ? Они начинали религіоз- ными диспутами и парламентскими компромиссами тамъ, гдѣ нужна была сила и сознаніе этой силы. Ея вожди и ораторы были люди

благородные, одушевленные высокимъ патріотизмомъ, но, какъ политическія дѣятели, они не понимали ни своего положенія, ни условій своей страны. Они погибали рыцарски, съ полнымъ самоотверженіемъ, но ихъ страданія и смерть были романтическимъ мученичествомъ, неимѣвшимъ практическихъ результатовъ. Все это, конечно, ни сколько не оправдываетъ и Англію, которая никогда и ничѣмъ не сотретъ съ себя двухъ чудовищныхъ преступленій передъ Ирландіей.

Первое изъ этихъ преступленій—англиканская церковь, которая выжимаетъ золото у нищихъ ирландцевъ. Она составляетъ религію только для половины ирландскихъ протестантовъ, она ненавистна для католиковъ, а между тѣмъ она выжимаетъ милліоны франковъ у милліоновъ бѣдняковъ, которымъ, за эти деньги, она проповѣдуетъ милосердіе; правда, что эти бѣдняки оставляютъ ее проповѣдовать въ пустыхъ храмахъ, но все-таки они платятъ деньги, которыхъ недостаетъ и на хлѣбъ насущный. Пока будетъ существовать эта чудовищная аномалія, пока будутъ стоять другъ противъ друга церковь побѣдителя и церковь побѣжденнаго, до тѣхъ поръ будутъ существовать два враждебные народа. Пока церковь и государство не будутъ раздѣлены, пока сборъ десятины и церковныхъ налоговъ не будетъ переданъ въ руки народа, которому должно быть предоставлено право исповѣдовать какую угодно вѣру, до тѣхъ поръ въ Ирландіи не перестанутъ существовать риббонисты и феніи. Если бъ люди молчали, то заговорили бы самые камни соборовъ!

Вторымъ преступленіемъ Англіи противъ Ирландіи является то законодательство, которое она ей навязывала и продолжаетъ навязывать относительно аренды. Въ Ирландіи, какъ и во всей Великобританіи, олигархи хотѣли сохранить, во что бы то ни стало, крупную собственность и всѣми силами стремились помѣшать возникновенію средняго класса, и въ особенности, класса мелкихъ землевладѣльцевъ. Они не только не допустили раздѣла земель съ крупными собственниками, т. е. съ ними самими, но еще, кромѣ того, оспаривали всѣ права своихъ фермеровъ. Вотъ что изъ этого вышло:

Зеленая Ирландія — страна пастбищная по преимуществу, лѣто обыкновенно сырое, зима мягкая, почва влажная. Простыя и кошовыя травы растутъ въ изобиліи и фуражъ бываетъ всегда превосходный. Поэтому скотоводство составляетъ естественную и самую выгодную промышленность Ирландіи. Руководствуясь такими соображеніями, крупные собственники, разумѣется, запускаютъ подъ

луга большую часть своих земель, потому что воздѣлываніе льна и хлѣба обходится гораздо дороже и требуетъ гораздо больше рабочихъ рукъ. И такъ, крупный собственникъ запускаетъ подъ луга свои обширныя земли и населяетъ ихъ сотнями быковъ, коровъ и барановъ. Вся эта скотина не требуетъ большого штата пастуховъ, скотниковъ, молочницъ, мясниковъ. Земля отнята у человѣка и отдана животному. Богатый англичанинъ, какъ самъ онъ выражается, воздѣлываетъ говядину, каждый гектаръ земли приноситъ ему столько-то килограммовъ мяса. При теперешнихъ цѣнахъ, гектаръ, на которомъ воздѣлывается мясо, принесетъ гораздо больше чистаго дохода, чѣмъ гектаръ, засѣянный хлѣбомъ; 500 гектаровъ луговой земли могутъ дать большой доходъ, а 500 гектаровъ хлѣба могутъ принести чистый убытокъ. Это подтверждается всѣми статьями о сельскомъ хозяйствѣ и изъ содержанія и откармливанія скотины извлекаются шиллинги и гинеи. И прекрасно! Но съ другой стороны, статистикъ доказываетъ, что быкъ долго и много долженъ сѣсть травы, прежде чѣмъ его мясо сдѣлается съѣдомымъ, и что много убыли въ этомъ длинномъ рядѣ превращеній травы въ мясо быка, мяса быка въ говядину, поступающую въ продажу, и этой говядины въ мясо человѣка. Убыль даже такъ значительна, что гектаръ, на которомъ воздѣлывается говядина, даетъ, кажется, въ одиннадцать разъ меньше пищи, годной для человѣка, чѣмъ гектаръ земли, засѣянный хлѣбомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Ирландія, въ которой воздѣлываются быки и телята, можетъ прокормить въ одиннадцать разъ меньше жителей, чѣмъ Ирландія, засѣянная хлѣбомъ и овощами.

Это размышленіе можетъ показаться весьма отвлеченнымъ; но, къ несчастью, эта отвлеченность имѣла практическія послѣдствія. Страшный голодъ 1847—1848 годовъ, голодъ, стоившій жизни 600,000 бѣдныхъ ирландцевъ, [послужилъ печальнымъ доказательствомъ этой теоремы пищи, которая сливетъ и будетъ слѣть научною ересью до тѣхъ поръ, пока не прекратится господство грубыхъ доктринъ англійской экономіи. Альфа и омега нашихъ официальныхъ, патентованныхъ ученыхъ, нашихъ прославленныхъ либераловъ, остается неизмѣнною вотъ уже 20 лѣтъ: Навозу для нашихъ луговъ; бифштексу для нашихъ тѣлъ; гинеи для нашего кошелька; конституцію на подобіе: Money-Safe, thief, water and fire proof. Пусть одолеваетъ сильнѣйшій, пусть всплываетъ наверхъ самый ловкій: не давайте ходу остальнымъ. Продавайте какъ можно дороже, покупайте дешевле. Всякій для себя, всякій за себя, Богъ за всѣхъ. Богачу—лазей, вору—

жандармъ, а бѣдняку—полисменъ, который отведеть его въ work-house или въ пріютъ для нищихъ.

Мы сказали, что Ирландія лучшей экземпляръ образцовой страны правобѣрныхъ экономистовъ, для которыхъ Аллахъ есть Аллахъ, а Мальтусъ его пророкъ, для которыхъ собственность есть чистое и простое право пользоваться и злоупотреблять, для которыхъ доходъ съ земли имѣеть значеніе только съ точки зрѣнія чистого барыша. Собственники водворили въ Ирландіи порядокъ чистой прибыли. Какъ можно больше луговъ, какъ можно меньше полей. Единственные клочки пахатной земли, которая осталась отъ луговъ у крупныхъ собственниковъ, были отданы нищимъ арендаторамъ, отнимавшимъ ихъ другъ у друга чуть не съ боя, чтобы развести хоть немного картофеля, потому что говядина доставалась на долю богатей и ихъ лакеевъ. Эти клочки земли были раздроблены до такой степени, что въ странѣ въ 8,000,000 гектаровъ земли, возникло 400,000 фермъ меньше гектара. Всѣ руки были заняты или воздѣлываніемъ драгоцѣннаго и единственнаго картофеля, или же бездѣльемъ. По мѣрѣ того, какъ возросло населеніе — а одному Богу извѣстно, какъ плодятся нищія и ирландцы! — луга округлялись и расширялись, картофельныя поля становились все меньше, превращаясь въ маленькіе четырехугольники, а запросъ на нихъ становился сильнѣе и сильнѣе. Бѣдняки, со слезами и мольбами, приходили просить о раздѣленіи фермъ на клочки еще меньшіе и о назначеніи еще большей платы. Каждая кочка земли, на которой можно было выростить картофель, цѣнилась неизмѣнно дорого. Бѣднякъ, которому удавалось получить хоть клочекъ пахатной земли, считалъ себя спокойнымъ, по крайней мѣрѣ, на годъ; если же ему отказывали, онъ считалъ себя и свое семейство осужденнымъ на голодную смерть. Управляющій nobleman'а, который всегда проживалъ внѣ Ирландіи, въ Лондонѣ, въ богатыхъ кварталахъ Белгравіи, Гросвеноръ - Стрита или Гановеръ - Сквера, управляющій или middleman склонялся на просьбы, особенно если эти просьбы высказывались хорошенькою дѣвушкой съ заплаканными глазами: клочекъ земли, кормившій 4 семьи, дѣлился на 5 участковъ; онъ приносилъ прежде 400 франковъ, а теперь долженъ былъ приносить 500. Фермы новыхъ фермеровъ становились не только дороже и дороже, меньше и меньше, но кромѣ того нанимались ими безъ контрактовъ. Нанимая безъ контракта, арендаторъ, конечно, не имѣлъ никакой выгоды заботиться о ввѣренной ему землѣ, онъ напротивъ того билъ на то, чтобы истощить ее. Нашлись дураки, которые принялись удобрять, но они окончательно раззорились.

Удобрять, трудиться, терять время и деньги, и все это безъ контракта—какая глупость! Но зачѣмъ же безъ контракта? А зачѣмъ, чтобы собственникъ постоянно имѣлъ право вытѣснить ихъ, не соблюдая никакихъ формальностей; имѣ, правда, предоставлялось право обрабатывать и оплачивать свой клочекъ земли, только они совершенно зависѣли отъ произвола собственника, at will, какъ говорить формула. Это обыкновеніе было основано не на одномъ только капризѣ деспота. Арендная плата была слишкомъ высока, и несчастный фермеръ, собравшій съ клочка земли нѣсколько картофелинъ для себя и своего семейства, не былъ въ состояніи внести ее, такъ что собственнику оставалось сдѣлать только одно — вышвырнуть несправнаго плательщика на улицу.

Вытѣсненія становились все чаще и чаще. Нищета возростала, ненависть усиливалась, страсть къ мщенію разгоралась все ярче и ярче. Если nobleman'у приходило на умъ оставить свою благородную Белгравію и пріѣхать поохотиться въ свое благородное ирландское помѣстье, случалось вдругъ, что откуда нибудь изъ куста вылетала пуля, которая сваливала его замертво на землю; господина управляющаго убивали дубинками и задушали г. Middleman'a. И вотъ какъ Ирландія, эта плодородная, благословенная Богомъ страна, страна, въ которой система Мальтуса нашла себѣ полное примѣненіе, страна, которая производила такъ много говядины,— а говядина, говорятъ, самая драгоценная и необходимая изъ всѣхъ провизій, — вотъ какъ, вопреки Макъ-Коллоху, вопреки барону фонъ-Либиху и словарю экономической науки, Ирландія превратилась въ страну нищеты, гдѣ постоянно господствуютъ зараза, кароста, невѣжество, суевѣріе, католицизмъ и голодъ. Спросите во всякую данную минуту: — что дѣлается въ Ирландіи? и вы получите въ отвѣтъ: «Ирландія, по обыкновенію, умираетъ съ голоду!»

Конечно, виноваты ирландцы, но виноваты такъ же и англичане, которые до сихъ поръ не хотятъ дать правъ арендаторамъ (tenant right) и которые не хотятъ измѣнить законную систему собственности, — а эта система и есть основная причина всѣхъ экономическихъ бѣдствій Ирландіи, которыя происходятъ оттого, что на маленькомъ пространствѣ сталкиваются всѣ неудобства крупнаго и мелкаго земледѣлія. Кто болѣе виноватъ: побѣжденные или побѣдители — этого я не знаю, но преступленіе таково, что стыдъ его падаетъ на всю Европу, даже на насъ, потому что мы не можемъ считать себя лучше своей эпохи, и потомство осудитъ насъ по ней.

Таково положеніе Ирландіи, таковъ феііанизмъ, насколько мы

можемъ судить о немъ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ англійскими и американскими журналами. Но какая же будущность предстоить этому движенію?

Что теперешнее предпріятіе не удастся — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — если только была сдѣлана попытка выполнить его или если существовало только хотѣ намѣреніе приступить къ его исполненію. Все это намъ откроетъ начавшійся теперь процессъ. Times, который, сообразуясь съ минутною необходимостью, то безмѣрно преувеличиваетъ заговоръ, то, на другой же день, говоритъ объ немъ, какъ о совершенномъ вздорѣ, писалъ нѣсколько дней назадъ, что заговоръ имѣетъ два центра: одинъ въ Америкѣ, другой въ Ирландіи. По его словамъ американскіе заговорщики увѣрили своихъ ирландскихъ сообщниковъ, что ихъ 200,000 человекъ, что у нихъ есть оружіе, офицеры, военная опытность, что ихъ поддерживаютъ Соединенные Штаты, и что ихъ армія выйдетъ въ море на броненосныхъ судахъ. Заатлантическіе, ирландскіе Феніи будто бы тоже писали, что ихъ 200,000, что они рѣшились на все и ждутъ только офицеровъ, чтобы сбросить саксонское иго. Весь заговоръ, утверждаетъ Times, только и держался на этомъ двойномъ языкѣ: повтореніе исторіи проходимца, увѣряющаго потаскушку, что онъ важный баринъ, и потаскушки, увѣряющей проходимца, что она племянница милліонера, и свадьба обоихъ вышеименованныхъ субъектовъ. По словамъ той же газеты, обманутые ирландцы привѣтствовали восторженными возгласами появленіе англійской эскадры въ заливѣ Бентра: одни принимали ее за французскій флотъ, присланный имъ на помощь, другіе думали, что это обѣщанный столько разъ американскій флотъ. Мы не знаемъ, было ли довѣріе такъ сильно, но знаемъ, что ирландецъ влюбленъ въ чудеса и обожаетъ все необычайное; мы знаемъ, что онъ, по натурѣ своей, неспособенъ задумываться надъ препятствіями и броситься въ самое отчаянное предпріятіе, лишь бы оно соотвѣтствовало его минутному влеченію, его минутной вспышкѣ. Правда, что онъ быстро бросается въ дѣло, но и оставляетъ его также быстро; но мы знаемъ и то, что за нѣсколько дней до тревоги, на праздничномъ обѣдѣ, лордъ лейтенантъ поздравлялъ Ирландію съ водвореніемъ спокойствія, съ увеличеніемъ благосостоянія, со всеобщемъ согласіемъ и съ концомъ всевозможныхъ бѣдствій.

Феніанизмъ въ своемъ настоящемъ видѣ не только долженъ потерпѣть пораженіе, но было бы даже печально, еслибъ онъ удался. Въковыя стремленія къ національности еще не сдѣлали ирландца достойнымъ этого преимущества, которое, надо признаться, выпадаетъ

дать на долю не самых лучших из людей. Оставляя в стороне этот вопрос о достоинствѣ, надо признаться, что ирландцы еще не въ состояніи завоевать себѣ независимость отъ Англій. Они довели до крайности духъ децентрализаціи; они совершенно лишены дисциплины, необходимой для того, чтобы бороться съ арміями; они окончательно лишены того духа единства, который даетъ народу силу существовать на зло всему. Всякій знаетъ, что Англія завоевала Ирландію съ помощью самой же Ирландіи, что завоевателей призвали, что имъ помогали, что ихъ руководили мелкие короли, властители и предводители клановъ, которымъ всегда было за что отомстить и насолить какому нибудь брату или родственнику; всякій знаетъ, что во время сраженія въ рядахъ побѣдителей было столько ирландцевъ, сколько имъ было угодно. Если-бы дѣло феніевъ удалось, еслибы, проникнувшись справедливостью или великодушіемъ, Англія дала бы Ирландіи вольную, какъ дала ее Іонійцамъ, — можно сказать почти навѣрное, что, послѣ полугодовой междуусобицы восточныхъ и сѣверныхъ протестантовъ съ южными и западными католиками, послѣ раздоровъ между разными религиозными сектами, между собственниками, мидльменами, арендаторами и неимущими, а въ особенности послѣ полугодовой борьбы между прогрессистами и обскурантами, — измученная и истощенная Ирландія сама призвала бы англичанъ, какъ призываютъ полицейскихъ солдатъ.

По нашему мнѣнію, современное намъ поколѣніе не въ состояніи отдѣлаться отъ сумятицы и принять какое-нибудь благоразумное рѣшеніе то есть, или слиться съ Англією или окончательно отложиться отъ нея. Къ несчастью, она и хочетъ и не хочетъ, хочетъ того, чего не надо хотѣть, и не хочетъ того, чего слѣдуетъ хотѣть, — да иначе оно и не можетъ быть, потому что въ этой благословенной странѣ всѣ вопросы такъ запутаны, потому что они были поставлены наперекоръ всякому здравому смыслу. И чтожь прикажете дѣлать въ странѣ, гдѣ иезуиты проповѣдуютъ свободу, гдѣ католическая церковь стоитъ во главѣ революціонной партіи? Что прикажете дѣлать въ странѣ, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, угнетатели либеральнѣе революціонеровъ, и стоятъ во главѣ прогресса во всѣхъ вопросахъ промышленности, земледѣлія, финансовъ, словомъ во всѣхъ вопросахъ цивилизованной жизни?

Но вотъ она роковая сила-то! Если Ирландія не можетъ принять въ отношеніи къ Англій никакого благоразумнаго рѣшенія, то съ своей стороны и Англія не можетъ ни истребить ирландцевъ, ни рѣшиться полюбить ихъ. Превративъ своимъ гнетомъ этотъ

народъ въ илотовъ, она теперь дѣлаетъ ему добро, съ тѣхъ поръ какъ ужасы голода пробудили ея фарисейскую совѣсть, — но въ то же время продолжаетъ презирать, оскорблять, ненавидѣть его. Такъ какъ она дѣлаетъ это добро не по сознанию строгаго долга, а преимущественно изъ собственной и личной выгоды, то Ирландія не чувствуетъ ни малѣйшей привнательности за ея труды, и дѣти, которыхъ она обучаетъ въ школахъ, любятъ ее такъ же, какъ и ихъ отцы, и становятся для нея гораздо болѣе опасными врагами. Англія перемѣнила свой образъ дѣйствій, но она не раскаялась въ своихъ вѣковыхъ преступленіяхъ: такъ за что же ей прощать? Она это высказала, и мы ей охотно вѣримъ: ей хотѣлось бы *снять съ жоря* Ирландію и снова поймать ее на удочку, со вѣзмъ ея населеніемъ, въ южномъ полушаріи, и прикрѣпить ее къ землѣ далеко, очень далеко, около Вандименовой земли или Новой Зеландіи. Если истолковать это желаніе какъ слѣдуетъ, то выйдетъ, что она очень желаетъ освободиться отъ извѣстныхъ воспоминаній и отъ нѣкоторыхъ опасеній.

Times полагаетъ, что тревога феніевъ есть первая и послѣдняя тревога. Но мы въ этомъ сильно сомнѣваемся, именно въ силу того аргумента, который всего больше выставляютъ на видъ, чтобы доказать непрочность и недолговѣчность современнаго движенія; мы говоримъ о враждебныхъ отношеніяхъ, въ которыя стало католическое духовенство къ феніямъ и въ Ирландіи, и въ Америкѣ. Архіепископы громилъ ихъ съ своихъ кафедръ, они старались запутывать ихъ въ сѣти на исковѣди, и, въ минуту смерти, собирались отказать имъ въ причастіи и погребеніи. «Потому что, говорятъ очень вѣрно эти набожные господа, феніи—республиканцы, а республиканцы—революціонеры, а революціонеры—враги католической церкви». Вы превосходио разсуждаете, монсиньеры Колленъ и Фенрикъ, вы выражаете истинную правду. Хорошо было бы, еслибъ феніи могли васъ понять,—но вѣроятно они не всѣ еще доросли до вашей мудрости. На этотъ счетъ самые отчаянные враги согласны между собою, объ этомъ судятъ одинаково и папа и Гарибальди, гг. Люи Велье и Едгаръ Кинэ; одни только жалкіе либералы упрямятся, упрямятся, и всегда будутъ упрямятся и будутъ стараться отыскать въ своемъ изобрѣтательномъ мозгу средства приладить *права человека*, какъ комментаріи, къ энцикликѣ Григорія XVI и къ Sullabus Пія IX.

Мы, съ своей стороны, прекрасно понимаемъ соглашенія между различными интересами, но ненавидимъ компромиссы между противоположными принципами, и потому отъ души поздравляемъ и

архієпископовъ и феніевъ, что они разорвали живыи союзъ, противный здоровой логикѣ, союзъ гнусный до пошлости. Мы идеалисты въ политикѣ, мы любимъ честные поступки и рѣзко обозначенныя положенія; на этомъ основаніи мы рады заявить, что національная нелѣпость готова погибнуть.

Успѣхъ движенія, направленного противъ Англіи въ видѣ феніанизма, возможенъ только въ очень отдаленномъ будущемъ, и потому намъ нечего имъ заппматься. Мы можемъ предположить только одно, а именно, что ирландское движеніе приметъ теперь одну форму съ обще-европейскою революціею, которая, по духу своему, враждебна папѣ, враждебна католицизму. Революціонеры распадаются на партіи очень различныя и часто враждебныя между собою, на социалистовъ и политиковъ, либераловъ и приверженцевъ власти, централизаторовъ и децентрализаторовъ,—но всѣ одинаково ненавидятъ Іезуита, а Іезуитъ—это фокусъ католицизма.

Впрочемъ несогласія между республиканскимъ феніанизмомъ Ирландіи и республиканскимъ чартизмомъ Англіи не могутъ оставаться непримиримыми; съ этой стороны можно даже ожидать примиренія между Англіею и будущею Ирландіею. Но что же мы говоримъ?

Дебаты открылись; допросовъ ожидаютъ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Представитель короны обвинитъ этихъ несчастныхъ феніевъ въ возмущеніи, — до сихъ поръ все справедливо—потомъ онъ назоветъ ихъ идиотами и безумцами, а вслѣдъ за этимъ призоветъ всю строгость законовъ противъ этихъ преступниковъ, виновныхъ въ государственной измѣнѣ, въ социализмъ и коммунизмъ, противъ этихъ разбойниковъ, которые собирались грабить, жечь и безчинствовать; онъ чуть не назоветъ ихъ людоедами. Намъ кажется, что мы перенеслись во Францію и что мы выслушиваемъ обвиненія императорскаго прокурора; намъ кажется, что говоритъ какой нибудь господинъ Сюень, или господинъ Мольеръ, или господинъ Гаттонъ де-ла-Гупильеръ.

Между тѣмъ, какъ вожди ирландскаго движенія стоятъ передъ *неподкупнымъ* судомъ англійскихъ джюри, внутри самой Англіи готовится громаднй саціальный кризисъ. Какъ правительство не

старається закрити глаза на старую исторію *Чартистовъ*, но эта исторія съ каждымъ годомъ становится болѣе и болѣе дѣйствительнымъ фактомъ. Ни лицемѣрная филантропія, ни благонамѣренная конституція, ни сила войска, разогнавшаго въ 1848 году знаменитый Кеннингтонскій митингъ О'Конора, не могутъ залечить раны, которая все глубже и глубже просачивается въ общественномъ организмѣ Англій. Вопросъ самого многочисленнаго и бѣднаго населенія работниковъ дѣлается вопросомъ жизни и смерти не только для тори и виговъ, но и вообще для спокойствія всей страны. Правда, что нѣтъ партіи менѣе популярной, какъ партія чартистовъ, но она опирается на огромную массу рабочаго класса и находитъ себѣ сочувствіе въ безземельномъ пролетаріатѣ Англій. Въ прошломъ августѣ нѣкто Джемсъ, старый товарищъ и другъ О'Конора, собралъ митингъ въ окрестностяхъ Лаверпуля, съ тѣмъ, чтобы предложить новую программу дѣйствій партіи чартистовъ, и на этотъ митингъ явилось болѣе 50,000 человекъ. Собраніе вело себя спокойно и торжественно. Молодой ораторъ изложилъ причины прежнихъ неудачъ чартистскаго движенія, упрекнулъ его предводителей въ непониманіи соціальной задачи, которую они хотѣли разрѣшить законодательными мѣрами, рѣзко отнесся къ апатіи самаго рабочаго класса и напомнилъ ему старыя ребяческія демонстраціи, жалкое и простоватое довѣріе вигамъ и въ заключеніе пригласилъ потребовать реформъ не у правительства, а у самого общества. «Правительство, сказалъ Джемсъ, по самому положенію не можетъ поддерживать насъ; его консервативный характеръ не соотвѣтствуетъ тому будущему, котораго мы добиваемся; оно и невиновато во многомъ, что терпитъ бѣдный работникъ Англій. Его несчастное положеніе было приготовлено меньшинствомъ того общества, которое разорило Индію и Ирландію, которое создало экономическое рабство въ странѣ свободной, и которое теперь управляетъ нашимъ правительствомъ. Отъ него-то, отъ этого общества мы должны потребовать отчета въ его преступленіяхъ и заставить его принять мѣры для искорененія зла, имъ же самимъ созданнаго». Все это прекрасно; но спрашивается, какой же планъ дѣйствій избираетъ молодой ораторъ, какими средствами, силой или убѣжденіями, онъ хочотъ заставить общество принять программу чартистовъ и вступить на дорогу соціальныхъ реформъ? Если чартисты будутъ дѣйствовать, подобно Кобдену и Брайту, путемъ убѣжденія и общественного голоса, то правительство имъ необходимо, какъ орудіе; если же они примутъ революціонное направленіе, то правительство и общество будутъ противъ нихъ. А борются

противъ двухъ силъ трудѣе, чѣмъ противъ одной, и исторія Англїи подтверждаетъ многочисленными примѣрами тотъ фактъ, что только тѣ реформы удавались исполнѣнн англїйскому народу, которыя совершались, благодаря удачному разьединенію общества и правительства...

Англїйская комиссія, наблюдающая за работами дѣтей на мануфактурахъ, представила свой отчетъ. По этому отчету оказывается, что болѣе 70,000 дѣтей, моложе 18 лѣтъ, работаютъ на фабрикахъ цѣлый день и даже часть ночи, и что они лишены всякой возможности прїобрѣсти первыя основанія элементарныхъ знаній. Отчетъ утверждаетъ, что эти подвиги совершаются совершенно гласно, безъ малѣйшаго лицемѣрія и подъ прикрытіемъ обычая.

Замѣтите, что если существуетъ обычай заставлять работать дѣтей на фабрикахъ въ продолженіи 12, 14, даже 16 часовъ, то существуетъ и законъ, который положительно запрещаетъ это; существуютъ и правительственные надзиратели, которые должны были бы заботиться о соблюденіи этого закона,—но у нихъ, вѣроятно, есть другія дѣла.

По крайней мѣрѣ, въ Англїи все-таки есть законъ, безъ котораго число дѣтей, замученныхъ на мануфактурахъ, быть можетъ, утроилось или учетверилось бы, есть по крайней мѣрѣ надзиратели, которые иногда дѣлаютъ свое дѣло; потому что журналы часто приводятъ имена надсмотрщиковъ, наказанныхъ за несоблюденіе закона; иногда даже попадались и подвергались осужденію богатые фабриканты; по крайней мѣрѣ процессы такого рода не рѣдкость, по крайней мѣрѣ для слѣдствій наряжаются комиссіи, по крайней мѣрѣ обращаютъ вниманіе на то дѣло, отъ котораго зависятъ жизнь, здоровье, образованіе и развитіе цѣлыхъ тысячъ дѣтей и будущихъ гражданъ. Правда, и во Франціи существуетъ законъ, преслѣдующій самыя вопіющіе случаи эксплуатаціи дѣтей на фабрикахъ; но такъ какъ въ этой странѣ централизаціи правительство побоялось стѣснить промышленную и личную свободу, то оно и не нашло нужнымъ назначить надзирателей, которые слѣдили бы за приложеніемъ этого закона; а по-

тому этотъ законъ, по большей части, считается мертвою буквою, и фабриканты поступаютъ съ нимъ по своему благоусмотрѣнiю.

Times продолжаетъ призывать общественное негодованiе противъ корсара Шенандоа, который продолжаетъ грабить и жечь китолововъ Тихаго океана подъ тѣмъ предлогомъ, что не получалъ никакого официальнаго извѣщенiя о томъ, что правительство Южныхъ Штатовъ перестало существовать. Шенандоа вѣроятно желалъ бы, чтобы Ричмондское правительство написало ему посмертное письмо слѣдующаго содержанiя: Храбрый и честный капитанъ Ваделль, имѣю честь извѣстить васъ, что я, правительство рабовладѣльцевъ, было убито генераломъ Грантомъ въ сраженiи при Фай-Форестъ, и что, по этому случаю, меня и похоронили уже нѣсколько времени назадъ тому, именно такого-то числа...

Но всего забавнѣе въ этомъ дѣлѣ то, что Шенандоа, какъ извѣстно, англійское судно, и что оно было вооружено людьми самого Times, которые были одними изъ первыхъ подписчиковъ федералистскаго займа; достовѣренъ-ли этотъ заемъ или нѣтъ—это намъ неизвѣстно. Въ Нью-Йоркѣ напечатали списокъ англійскихъ подписчиковъ. На первомъ мѣстѣ красовалось имя главнаго редактора Times и противъ его имени стояла цифра: 250,000 франковъ. За нимъ слѣдовалъ управляющiй конторою Times и цифра 375,000 фр. Далѣе Ливерпульскiй корреспондентъ, который былъ въ то же время финансовымъ агентомъ федералистовъ въ Европѣ и ссужалъ свое имя многимъ высокимъ особамъ; противъ его имени была выставлена круглая сумма въ 1.250,000 фр. Теперь всякому понятны тѣ статьи, которыя Times печаталъ во время войны. Онъ сражался pro domo suo.

Въ спискѣ встрѣчаются имена собственниковъ Morning Post'a и частнаго секретаря лорда Пальмерстона. Но всего больше скандалу произвело имя нашего друга, Уильяма Гландстона, канцлера казначейства, самого либеральнаго изъ политическихъ дѣятелей Англiи, англійскаго социалиста и кандидата на славу и власть *министра народа*. На этотъ разъ господинъ Уильямъ Гладстонъ измѣнилъ тому такту и той скромности, съ которыми онъ поступалъ обыкновенно; онъ не былъ на этотъ разъ человекомъ инстинкта и не-

сбумѣлъ сохранить свое имя отъ пятна, которое мнѣ очень жалко видѣть на такомъ честномъ дѣятелѣ, какъ Гладстонъ.

А что заговорила бы Англія, если бы Соединенные Штаты собрали по одиночкѣ всѣ ея официальные и полу-официальные заявленія въ пользу плантаторовъ и выноесли бы ихъ съ буквальной точностью въ отношеніи къ ирландскимъ неграмъ? Что заговорила бы Англія, если бы открылось, что въ числѣ подписчиковъ на заемъ, сдѣланный феніями, находятся главные редакторы самыхъ вліятельныхъ журналовъ Соединенныхъ Штатовъ, и кромя того, министръ Сьюардъ, и частный секретарь президента Андру Джонстона?

Сейчасъ получена въ Парижѣ телеграмма о смерти лорда Пальмерстона, этаго стараго грѣшника, на долю котораго не досталось ни одного мало-мальски значительнаго дѣла, такъ что на мраморномъ монументѣ его только и можно изобразить такую похвальную надпись: «Сей великій государственный мужъ прожилъ восемьдесятъ лѣтъ.» Какъ полнѣйшее олицетвореніе англійской буржуазіи, какъ созданіе ея самодовольной посредственности, лордъ Пальмерстонъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій, никакихъ руководящихъ идей; вся его политическая карьера состояла изъ постоянного ухаживанія за вліятельными государственнымъ лицами и за благосклоннымъ расположеніемъ господствующаго сословія въ Англіи. Въ молодости онъ вкрался въ довѣренность принцессы валлійской, Каролины Брауншвейской, которую часто посѣщаль, игралъ съ нею въ шахматы и узнавалъ отъ нея закулисныя тайны двора и аристократіи. Въ перепискѣ того времени говорится о благородномъ виконтѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Лордъ Пальмерстонъ усердно ухаживаетъ за принцессой: онъ не изъ числа тѣхъ людей, которые пренебрегаютъ каковыми бы то не было средствами для достиженія власти.» Но власть долго не давалась терпѣливому и настойчивому лорду; лѣтъ двадцать онъ подчинялъ себя волѣ другихъ, и, многихъ презирая въ душѣ, *официально* гнулъ передъ ними шею. Положительно можно сказать, что до сорока лѣтъ, когда Пальмерстонъ занялъ уже высшее государственное мѣсто, никто не зналъ ни его образа мыслей, ни его политическаго направленія. Со всѣми онъ

былъ въ полномъ согласіи, всѣми партіями одинаково доволенъ и всегда поддерживалъ мнѣнія сильнаго большинства. Воспитавшись въ этой школѣ, онъ былъ, какъ нельзя больше, на вкусъ буржуазіи и ея невозмутимой рутинѣ. Какъ она, лордъ Пальмерстонъ ненавидѣлъ всякое уклоненіе отъ общепринятаго порядка, и всякое демократическое стремленіе давилъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Духъ времени и движенія XIX вѣка были ему совершенно чужды. Рассказываютъ, что когда чартисты сдѣлали угрожающую демонстрацію, 10 апрѣля, въ Лондонѣ, Людовикъ Наполеонъ, въ это время постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, исправлялъ должность чрезвычайнаго полицейскаго агента для сохраненія въ столицѣ тишины и спокойствія, и лордъ Пальмерстонъ былъ его товарищемъ по этой должности. Зато онъ же первый и призналъ *coup d'etat* 2 декабря, выразивъ приэтомъ величайшую радость, что наконецъ время анархіи и социалізма кончилось для Франціи. Съ тѣхъ поръ эта дружба постоянно возрастала, и только одинъ разъ благороднѣйшій виконтъ и баронетъ спотыкнулся о ней очень неосторожно. Это было именно въ 1858 году, по случаю покушенія Орсини на жизнь императора французовъ. Въ этомъ покушеніи, какъ извѣстно, были замѣшаны нѣкоторые изъ французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Лондонѣ и составлявшихъ главный фокусъ политическихъ антипатій къ виновнику переворота 2 декабря. По прояскамъ французскаго министерства и тайныхъ агентовъ парижской префектуры, наводнившихъ Лондонъ по этому случаю, лордъ Пальмерстонъ предложилъ въ парламентѣ билль о надзорѣ за эмигрантами, живущими въ Англіи. Кромѣ того, онъ принялъ участіе въ знаменитомъ процессѣ Вернара и, пустивъ въ ходъ систему доносовъ и шпионства, дозволилъ нѣкоторые аресты, возмутившіе общественное мнѣніе. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что во всемъ этомъ французское правительство руководило первымъ министромъ Англіи, національная гордость ея была задѣта за-живое, поднялся всеобщій ропотъ, и лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ со стыдомъ удалиться съ своего поприща. По видимому, это пораженіе было самое рѣшительное, потому что ни одинъ министръ еще не былъ уличенъ такъ явно въ желаніи жертвовать правами своей страны въ пользу интригъ иностранной державы, но всемогущая буржуазія и на этотъ разъ не оставила своего любимца, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова усадила его на мѣсто перваго лорда казначейства. Затѣмъ началась итальянская война, въ которой Пальмерстонъ былъ всегда готовымъ къ услугамъ своего союзника Наполеона III, и когда императоръ отмежевалъ себѣ Савойю и Ниццу, первый министръ Англіи от-

малчивался или отдѣлывался шутками на тревожные вопросы парламента. Съ этого времени лордъ Пальмерстонъ и Наполеонъ III шли рука объ руку, утверждая реакцію нашей эпохи и помогая другъ другу тормозить современное движеніе Европы. Поэтому мы нисколько не жалѣемъ о смерти этого человѣка, который если не могъ быть, по своему умственному безсилію, особенно вреднымъ европейскому прогрессу, то ни въ какомъ случаѣ не могъ быть ему и полезнымъ.

Бѣдный Джонъ или его сіятельство графъ Россель, одурачившись самымъ смѣшнымъ для дипломата образомъ, счелъ нужнымъ сказать свое слово въ дѣлѣ княжествъ. То, что говоритъ его сіятельство, кажется намъ совершенно справедливымъ; какъ жаль, что благородный графъ такъ поздно взялся за умъ.

Начинаетъ онъ съ того, что выражаетъ сожалѣніе, которое возбуждаетъ въ его правительствѣ Гастейская конвенція:

«Трактаты 1815 года дали датскому королю, въ качествѣ герцога гольштинскаго, голосъ въ германскомъ сеймѣ.

«Трактатъ 1852 года призналъ право наслѣдства всей датской монархіи, право, которое покойный король перенесъ на личность теперешняго короля.

«Несмотря на увѣренія, которыми были наполнены депеши 31 января 1864 г., этотъ трактатъ былъ оставленъ въ сторонѣ Австрією и Пруссією, двумя державами, которыя подписали его.

«Можно было ожидать, что, когда трактаты уничтожаются такъ безцеремонно, то, по крайней мѣрѣ, должны быть признаны народное чувство Германіи, желаніе населенія самихъ герцогствъ, и мнѣніе большинства сейма, мнѣніе, которое такъ подробно было изложено Австрією и Пруссією въ засѣданіяхъ лондонской конференціи. Такимъ образомъ, если уничтожалось одно право, на его мѣсто становилось другое право, основанное на желаніи народа, и это право могло бы быть принято въ уваженіе и поддержано съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ.

«Но всѣ права, старыя и новыя, основанныя на торжественныхъ условіяхъ государей и на ясномъ заявленіи народной воли, были обращены въ ничто Ганстейнскою конвенцією, и авторитетъ силы одинъ только признается и уважается.

«Насиліе и завоеваніе—вотъ что служитъ основаніемъ соглашенія, обѣихъ дѣлящихъ державъ.

«Правительство ея величества глубоко опечалено презрѣніемъ, которое выказываютъ такимъ образомъ къ принципамъ общественнаго права и къ законнымъ правамъ народа заявлять свои желанія, когда дѣло идетъ о рѣшеніи его собственной участи.» »

Пока лордъ Джонъ Россель разсылалъ свою ноту всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Англии, запрещая притомъ своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ сообщать ее гг. Менсдорфу и Бисмарку, которые, казалось бы, больше всѣхъ должны быть заинтересованы ею, —его превосходительство г. Друэнъ-де-Люисъ разсылалъ, съ своей стороны, свою собственную ноту во всѣ концы, но только не къ тѣмъ, къ кому дѣло относилось. Всякому извѣстно, что г. Друэнъ-де-Люисъ былъ въ свое время однимъ изъ первыхъ въ школѣ; онъ получалъ награды за риторичку и латинскіе стихи, и потому его нота написана гораздо изыщнѣе, чѣмъ нота Джона; она могла бы со славою красоваться въ видѣ передовой статьи въ Temps или Journal des Debats и быть подписанной Нефтцеръ или Лемуанъ. Вотъ эта нота:

«Хотѣли-ли договаривавшіяся державы подтвердить право прежнихъ трактатовъ? Конечно нѣтъ. Вѣнскіе трактаты опредѣляли условія существованія датской монархіи. Эти условія уничтожены. Лондонскій трактатъ былъ новымъ доказательствомъ заботливости Европы о неприкосновенности этой монархіи: онъ разорванъ двумя подписавшими его державами.

«Но быть можетъ, Пруссія и Австрія согласились ради защиты неизвѣстнаго наслѣдственнаго права? вмѣсто того, чтобы вручить спорное наслѣдство самому полноправному претенденту, онѣ дѣлятъ это наслѣдство между собою.

«Быть можетъ онѣ дѣйствуютъ ради интересовъ Германіи?... Но члены союза узнали о Гастейнскихъ условіяхъ только черезъ газеты. Германія желала нераздѣльнаго государства Шлезвигъ-Гольштиніи, отдѣленнаго отъ Дании и управляемаго принцемъ, права котораго она отстаивала. Теперь этотъ популярный кандидатъ оставленъ всторонѣ и герцогства, раздѣленные, вмѣсто того, чтобы быть соединенными, переходятъ въ руки двухъ различныхъ владѣтелей.

«Быть можетъ, обѣ державы явились защитницами выгодъ самихъ герцогствъ? Но вѣдь говорилось, что неразрывное соединеніе территорій было главнымъ условіемъ ихъ благосостоянія.

«Быть можетъ, раздѣлъ имѣеть цѣлью хоть раздѣленіе двухъ враж-

дебныхъ національностей и прекращеніе внутреннихъ несогласій, посредствомъ независимости каждой изъ этихъ національностей? Но дѣло вовсе не въ томъ, потому что мы видимъ, что при раздѣлѣ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на племенное различіе и оставляютъ смѣшанными датчанъ и нѣмцевъ.

«Быть можетъ, руководствовались волею населенія? Но объ этой волѣ и не спрашивали, и даже рѣчи нѣтъ о томъ, чтобы созвать шлезвигъ-гольштинскій сеймъ.

«На какомъ же принципѣ основано австрійско-прусское соглашеніе? Къ сожалѣнію, мы не можемъ найти ему другого основанія, кромѣ силы, другого оправданія, кромѣ взаимной выгоды обѣихъ державъ.

«Современная намъ Европа отвыкла отъ такихъ поступковъ, которые встрѣчаются только въ самыя печальныя эпохи нашей исторіи.

«Насиліе и завоеваніе развращаютъ народную совѣсть и извращаютъ понятіе о правѣ. Поставленные на мѣсто принциповъ, руководящихъ жизнью современныхъ обществъ, они являются элементомъ волненія и разложенія и могутъ только разстрѣлять порядковъ, не создавъ ничего новаго и прочнаго».

Мы не скупимся на комплименты въ пользу г. Друэна-де-Люиса, тогда, благодаря неожиданному капризу его измѣнчивой политики, наши мнѣнія становятся сходными; поэтому мы скажемъ, что его нота безуворизненна во всѣхъ отношеніяхъ, но что мы жалѣемъ только объ одномъ — что онъ не позаботился послать эту ноту г. Бисмарку, который, быть можетъ, воспользовался бы ею.

И дѣйствительно, въ то время, когда Европа обезумѣла эту двойную ноту и спрашивала себя съ нѣкоторою тревогою, какое впечатлѣніе она произведетъ на дворы вѣнскій и берлинскій, — въ Вѣнѣ и Берлинѣ отвѣчали, что она не произвела никакого впечатлѣнія и что это случилось по той простой причинѣ, что объ ней не могли и знать, такъ какъ она не была сообщена. Таковъ былъ официальный отвѣтъ. Но вѣнскіе дипломаты говорили не то: они сообщали по секрету, что, по мнѣнію партіи Менсдорфъ Белькреди, двойная нота вовсе не относилась къ Австріи, потому что, какъ извѣстно, во всемъ этомъ дѣлѣ, съ самаго объявленія войны Даніи и Гогенштейнскою конвенціи, Австрія дѣйствовала по принужденію Пруссіи. А берлинскіе дипломаты объясняли съ таинственнымъ видомъ, что Джонн написалъ свою ноту подъ диктантъ Друэна-де-Люиса, и что все неудовольствіе тюльерійскаго кабинета произошло отъ того, что Австрія сдѣлала Пруссіи слишкомъ много

уступить, чтобы цѣною ихъ купить себѣ вѣрную союзницу и потому воссоздать что нибудь въ родѣ Священнаго Союза.

Справедливы ли эти толкованія или нѣтъ, — только въ Лондонѣ они нашли внимательныхъ и даже вѣрующихъ слушателей. Очень понятно, что въ ту минуту, когда снова завязывается англо-французскій союзъ, объ бывшія и будущія пріятельницы не могутъ слишкомъ-то довѣрять другъ другу. Мы, съ своей стороны, ничего не думаемъ объ этихъ случаяхъ: еслибъ они даже были основательны, они все-таки были бы ложны. Когда г. Бисмаркъ отсутствуетъ отъ своей подписи, не держитъ самыхъ торжественныхъ обѣщаній, послѣ этого вѣрить слѣтнямъ его собратій могутъ только самые простодушные люди.

Гг. Друэнъ-де-Люисъ и Россель успокоили такимъ образомъ свою совѣсть, а Австрія положила въ карманъ деньги, которыми прусскій король заплатилъ ей изъ своихъ частныхъ суммъ за пріобрѣтеніе Лауэнбурга со всѣми его движимыми и недвижимыми угодіями, съ людьми и скотомъ. Только, въ минуту уплаты денегъ, вышло небольшое недоразумѣніе. Было условлено внести сумму датскими рейхсталерами, но ничего не было оговорено о переводѣ курса. Что стоилъ рейхсталеръ? «22 гроша 6 пфениговъ», отвѣчалъ пруссакъ, которому приходилось платить. «Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ австріецъ, которому приходилось влечь деньги въ сундукъ: 22 гроша 9 пфениговъ». Это повело въ спору; австріецъ утверждалъ, что Лауэнбургъ стоитъ дороже 4 сантимами на рейхсталеръ; пруссакъ утверждалъ, что онъ далеко не стоитъ этихъ денегъ. Но тотъ, кто держалъ въ рукахъ деньги, имѣлъ то преимущество, что могъ ждать, въ то время какъ австрія была въ стѣсненномъ положеніи и нуждалась даже въ нѣсколькихъ наличныхъ пфенигахъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ, австріецъ, свѣривъ сердце, рѣшился спустить 3 или 4 франка съ каждаго лауэнбургца.

Когда торгъ былъ заключенъ, король, въ знакъ своего полного удовольствія, возвелъ своего счастливаго министра въ графское достоинство.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы показали нашимъ читателямъ тотъ внутренний, наглухо запертый міръ Франціи, который живетъ паразитною жизнью столицы и въ отличіе отъ нея называется провинціей. Мы видѣли, что, съ одной стороны, надъ провинціальнымъ обществомъ тяготѣетъ болѣзнь всякой пережвѣны вещи, а съ другой —

пассивное подчинение правительственной опеке, за всеми надзирающей и во все вмешивающейся. Поэтому демократическая партия, у которой, после десятилетнего изнеможения, осталась одна жолчная риторика, напрасно возлагает свои надежды на провинцию. Мой друг Апри совершенно правъ, когда говоритъ, что лучшаго желать нечего, если 10% мексиканскаго займа будутъ выплачиваться исправно. И не одинъ Апри такъ думаетъ; съ нимъ думаютъ семь милліоновъ самого богатаго и вліятельнаго сословія во Франціи. Чтобы понимать это омертвление французскаго общества, надо изучать его после *coup d'état*, который логически развиваетъ свои послѣдствія до настоящей минуты. Посмотримъ, въ какомъ положеніи находилась провинція после декабрьскаго террора. «Провинціи, говоритъ историкъ этого времени, подверглись участи столицы. Когда еще было темно утромъ 2 декабря, Морни, прокравшись въ министерство внутреннихъ дѣлъ, разослалъ префектамъ приказанія, которыя должны были обезпечить ему немедленную и непрекословную поддержку. Онъ приказалъ тотчасъ лишать мѣста всякаго мера, всякаго мирнаго судью, всякаго другаго чиновника, который бы хоть на минуту задумался дать письменное согласіе на распоряженія президента.

«Во Франціи государственная машина устроена такъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, силою своей власти, можетъ неотразимо дѣйствовать на провинціи. Кроме того, эти средства административной власти были усилены распространеннымъ ужасомъ анархическаго разрушенія, будто бы приготовленнаго сектою социалистовъ. Сорокъ тысячъ общинъ были немедленно извѣщены, что имъ безъ всякаго отлагательства надо избирать между социализмомъ, анархіей и разбоемъ съ одной стороны, а съ другой—добродѣтельнымъ диктаторомъ и законодателемъ, рекомендуемымъ господиномъ Морни. Краснорѣчивый Монталамберъ, въ числѣ первыхъ, попался на эту удочку и публично говорилъ о неизбѣжности дилеммы, недопускавшей другаго рѣшенія, какъ выборъ Людовика Бонапарта или гибели Франціи. Въ провинціяхъ, какъ и въ Парижѣ, были люди, у которыхъ чувство справедливости преобладало надъ страхомъ исполнительной власти; но такъ какъ департаменты находились въ полномъ невѣдѣніи вслѣдствіе распоряженій, сдѣланныхъ г. Морни, то имъ трудно было понять, что переворотъ 2 декабря произведенъ небольшою кучкой людей, безъ всякаго участія политическихъ дѣятелей, друзей свободы и закона. Хотя прокламаціи сначала и были приняты съ изумленіемъ, но скоро породили надежду, что вѣроятно президентъ, вмѣстѣ съ лучшими государ-

ственными людьми, рѣшился измѣнить конституцію и возвратитъ Франціи спокойствіе и свободу, которою она пользовалась подъ управленіемъ послѣдняго короля. Были отдѣльныя вспышки, но каждый департаментъ, гдѣ возстаніе дѣлалось вѣроятнымъ, былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Затѣмъ наступили кровопролитіе, ссылки, заключенія и конфискація имущества; и всѣмъ этимъ распоряжались произвольно нѣсколько генераловъ, одушевленныхъ ненавистію къ народу и алчностью къ будущимъ наградамъ... Слѣпое изступленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ перешло границы самой жестокой политики. Напримѣръ, въ департаментѣ Алье было объявлено, что не только всѣ лица, извѣстныя за враговъ правительства, будутъ отданы подъ военный судъ, но и всѣ тѣ, кого подозрѣваютъ въ социалистическихъ мнѣніяхъ, будутъ сосланы по одному административному распоряженію, а имущество ихъ конфисковано. Такимъ образомъ, извѣстный образъ мыслей былъ включенъ въ категорію самыхъ тяжкихъ преступленій; заключеннаго вовсе не судили или, лучше сказать, онъ былъ судимъ самимъ же палачомъ высшаго разряда. Этотъ декретъ былъ произведеніемъ генерала Эйнара, и исполнительная власть утвердила и обнародовала его 28 декабря.

«Жестокость, съ которою дѣйствовали братцы Елисейскаго общества, объясняется ихъ собственнымъ страхомъ. Но когда они вздохнули свободно, другое побужденіе овладѣло ими и толкнуло ихъ на тотъ же самый путь. Теперь они могли придать своимъ поступкамъ благовидный предлогъ, чтобы опереться на сочувствіе множества людей, боявшихся краснаго спектра демократической партіи... Елисейское общество воспользовалось этимъ случаемъ и внушило народу, что переворотъ 2 декабря есть война противъ социализма».

Такимъ образомъ, дѣйствуя на провинцію всевозможными ужасами, представляя дѣло въ самомъ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, новая диктатура успѣла завербовать на свою сторону почти всю невѣжественную массу и множество тѣхъ людей, которые, подобно арабамъ, изгоняютъ изъ своихъ бурнусомъ однихъ насѣкомыхъ другими. По мѣрѣ того, какъ упрочивалась побѣда, на сторону диктатора переходили толпы людей, которые обыкновенно, присоединяются къ болѣе сильному и счастливому. Успѣхъ былъ полный, но Елисейское общество сознавало, что за внѣшнимъ торжествомъ можетъ скрываться еще внутренняя оппозиція, которую не могли уничтожить ни солдаты, ни тюрьмы, ни ссылки. Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ семействѣ еще могли, незамѣтно для диктаторской власти, находиться люди,

способные ненавидѣть и сопротивляться кровавому перевороту. «Поэтому, продолжаетъ тотъ же историкъ, Морни разослалъ по провинціямъ людей ужасной репутаціи, вооруживъ ихъ чрезвычайной властью. Онъ назвалъ ихъ «коммисарами. Повсюду, куда они являлись, народъ трепеталъ. Онъ зналъ, по опыту 1814 года, что такіе уполномоченные могутъ быть, подъ прикрытіемъ полиціи, величайшими злодѣями, и что у людей этого рода дорого покупается личная безопасность». Тогда наступило время страшныхъ преслѣдованій, какихъ не испытала Франція ни прежде, ни послѣ. Достаточно было одного подозрѣнія, доноса шпіона и личнаго нерасположенія префекта, чтобы разлучить отца съ дѣтьми, сына съ матерью, и приговорить подозрѣваемаго къ изгнанію или къ ссылкѣ. Такимъ образомъ въ продолженіе одного мѣсяца около тридцати тысячъ самыхъ честныхъ и благородныхъ гражданъ были сосланы въ африканскія колоніи, въ Каену или были замучены въ сырыхъ и душныхъ казематахъ. Понятно, какою панической страхъ долженъ былъ овладѣть Франціею и какое продолжительное омертвѣніе послѣдовало за этимъ ужаснымъ терроромъ. Послѣдующія событія были строгимъ выводомъ изъ этого *ночного* переворота.

Въ томъ же состояніи находится французская провинція и до настоящей минуты. Страхъ потерялъ свою прежнюю силу и перешелъ въ апатію; большинство населенія, доселѣ не понимая смысла совершившихся событій, видитъ передъ собой одни ужасы революціи и терроръ 2 декабря. Поэтому, при всемъ моемъ оптимизмѣ, я не жду отъ провинцій нисколько движенія къ лучшему порядку вещей, пока политическіе дѣятели не выведутъ ее изъ этого нарастающаго состоянія и не поймутъ своей собственной задачи лучше, чѣмъ они понимали ее въ 1848 году. Мы удивляемся этимъ старымъ ветеранамъ республики, которые, несмотря на сѣдые волосы и на прожитые ими горькіе опыты, все еще мечтаютъ о побѣдѣ, проигранной ими 2 декабря. Обстоятельства измѣнились, время сдѣлало свое дѣло, и возрожденіе Франціи теперь не въ ихъ рукахъ. Пусть каждый изъ насъ, забывъ старыя обиды и неудачи, великодушно уступитъ свое мѣсто тому поколѣнію, которое работаетъ надъ будущимъ великаго народа. Это поколѣніе не станетъ слушать пустозвонныхъ фразъ Ламартина о свободѣ, не станетъ защищать конституцію противъ ружей и штыковъ воззваніемъ къ праву, а противоставитъ силу силъ и логику разума логикѣ событій.—Далекое будущее, если измѣрять его по теоріи политическихъ вѣроятностей, но близкое, если смотрѣть на него со стороны фактовъ, ускоряющихъ развязку!

Жанъ-Леопольдъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ

Количество пожаровъ, опустошающихъ Россію.—Общій приближительный итогъ потери отъ огня.—20,000 пожаровъ случается ежегодно.—Причины опустошенія Россіи пожарами: мѣсть, неосторожность, неряшливость домашней жизни и удобовозраемость нашихъ строительныхъ матеріаловъ.—Всѣ эти причины сводятся къ недостатку развитія.—Теорія взаимнаго страхованія.—Возраженія противъ этой теоріи.—Значеніе ассоціаціи для нашего времени.

Одно изъ обыкновеннѣйшихъ домашнихъ бѣдствій *деревяной* Руси, какъ называлъ ее г. С. Соловьевъ, — пожары. Прозвище, данное Россіи г. Соловьевымъ, въ отличіе ея отъ *каменной* Европы, весьма мѣтко въ томъ отношеніи, что указываетъ, почему Россія страдаетъ такъ отъ огня. Только одна Турція стоитъ въ этомъ отношеніи впереди насъ; но вѣдь тамъ другой климатъ, тамъ дома строятся изъ камыша; наконецъ, тамъ живутъ турки, которыхъ мы привыкли обзывать разными бранными словами, желая высказать тѣмъ свое презрѣніе къ этому отсталому, фанатическому и дикому народу.

Любопытный фактъ быстроты нашего общественнаго развитія въ томъ, что, съ самого начала Руси, пожары жгли ее постоянно изъ конца въ конецъ, и только черезъ 1,000 лѣтъ мы привыкли размышлять о томъ, какъ бы помочь злу. Каждый годъ случается у насъ около 20.000 пожаровъ, о причинахъ которыхъ производятся

официальные дознания, следовательно пожаровъ большихъ, истребительныхъ. А какъ въ Россіи считается 300.000 городо́въ и селеній, то значить, что Россія выгораетъ до-тла и выстроивается вновь каждые пятнадцать лѣтъ. Это выгораніе до-тла повторилось, втеченіи нашего тысячелѣтняго существованія, 66 разъ; изъ чего и слѣдуетъ, во-первыхъ, что намъ потребовалось потерять ровно шестдѣсять шесть разъ все свое движимое имущество, чтобы мы наконецъ догадались, что дѣло это убыточное и что противъ него нужно наконецъ принять какія нибудь мѣры; и во-вторыхъ, что, несмотря на то, что каждый городъ, каждая деревня, выгорѣла 66 разъ, мы строимся все по старому и по прежнему остаемся *деревянной* Россіей. Наши ежегодные убытки или пожары составляютъ до 24 милліоновъ, следовательно втеченіе столѣтія у насъ сгорѣло добра на два слишкомъ милліарда.

И несмотря на эти громадные потери, несмотря на то, что каждый плачетъ, охаетъ и мечется, какъ угорѣлый, когда горять его дома, какъ только пожаръ миновалъ, погорѣлецъ строить себѣ домъ по старому и, поселившись въ немъ, принимаетъ снова всѣ мѣры, чтобы поскорѣе сжечь свое новое жилье. Такъ какъ такое скромное желаніе легко осуществимо, то съ наступленіемъ весны и сухой погоды начинаются извѣщенія провинціальныхъ корреспондентовъ, изъ всѣхъ концовъ Россіи, о болѣе или менѣе грандіозныхъ истребленіяхъ огнемъ губернскихъ и уѣздныхъ городо́въ, и трогательныя описанія скорби и бѣдственнаго положенія погорѣльцевъ, оставшихся безъ крова и хлѣба. Затѣмъ сердобольные люди предлагаютъ въ пользу погорѣльцевъ подписки, собираются жалкіе гроши и копѣйки, потому что прославленная повсюду русская общинность выработала извѣстное ученіе: «всякій самъ о себѣ, одинъ Богъ обо всѣхъ»; лѣтъ черезъ пять городъ выстраивается, а черезъ десять опять сгорить.

Въ прошедшемъ году произвели особенный шумъ пожары Симбирска. Но шумъ этотъ нужно объяснять не столько размѣромъ Симбирскаго пожара, сколько событіями другого рода, представлявшими очень обыкновенныя вещи въ преувеличенномъ размѣрѣ. Да и что можетъ быть удивительнаго для насъ въ томъ, что выгорѣлъ весь городъ или до-тла вся деревня? Какъ будто-бы это случается не каждый годъ и какъ будто-бы каждый нашъ городъ не горѣлъ сто разъ? Шумъ, очевидно, былъ неосновательный и пожарные факты ны-

нѣшняго года убѣждаютъ вполне въ правильности этого заключенія. Трудно сказать, какому городу, сгорѣвшему въ нынѣшнемъ году, принадлежитъ пальма первенства, потому что отличились очень многіе города, въ особенности тѣмъ, что горѣли по нѣскольку разъ, какъ напр. Орелъ. Вотъ главнѣйшіе пожары: въ апрѣлѣ сгорѣло въ Диснѣ 200 домовъ; въ томъ же мѣсяцѣ сдѣлался пожаръ, въ 7 часовъ утра, въ г. Воложинѣ, истребившій 100 домовъ; тогда же выгорѣло почти все мѣстечко Эйшишки, 1.000 человекъ лишились всего имущества и «остались безъ крова». Въ Ковно, въ ночь на 22 мая, сдѣлался пожаръ, причинившій убытку на 150.000 р. и болѣе 70 семействъ лишилось всего состоянія; 19-го іюня случился опять пожаръ, отъ котораго сгорѣло болѣе 70 домовъ. Въ то же время (18 іюня) выгорѣло двѣ трети гор. Россіентъ, лучшей и самой населенной части города, и около 8.000 жителей «остались безъ крова и имущества». «Въ эту роковую ночь, пишетъ корреспондентъ «Пет. Вѣд.», весь городъ, отъ мала до велика, переночевалъ со всѣмъ своимъ имуществомъ на полѣ; нѣсколько женщинъ разрѣшились тутъ же отъ бремени. Убытокъ составляетъ болѣе 500,000 руб.; чего не успѣлъ истребить огонь, то растаскали, такъ что многіе чувствительно пострадали». Въ Водиславлѣ «пожаръ въ очень короткое время охватилъ весь городъ, такъ что спасеніе его, несмотря на дѣятельную помощь жителей, было сначала очень трудно, а впоследствии совершенно невозможно. Нѣкоторые изъ жителей едва успѣли спасти жизнь, нѣкоторые же подверглись увѣчью. Пожаръ уничтожилъ почти весь городъ, (кромѣ нѣсколькихъ домовъ и костела, до половины сгорѣвшаго); жители потеряли все свое имущество». Въ Моршанскѣ, въ пригородной Барашевской слободѣ, 20 марта, сгорѣли 21 домъ, на другой день еще 93 двора; 10 апрѣля 15 домовъ. 9 мая, не болѣе какъ въ три часа времени, выгорѣло въ Козловѣ ¹²/₁₅ города (1.000 домовъ).

«Лучшія зданія, магазины, лавки съ хлѣбными, рыбными, желѣзными, красными, бакалейными и другими товарами были обращены моремъ разрушительнаго пламени въ развалины, въ кучи пепла и мусора!... Козлова буквально не стало!... Пожаръ былъ такъ моменталенъ, ужаснѣйшая буря такъ гнала распространившееся пламя, что несчастные жители едва только успѣвали спастись сами.» Въ Витебскѣ, въ маѣ, сгорѣло болѣе 300 домовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ выгорѣли совсѣмъ Лубны. Минскъ горѣлъ четыре раза; во-

кругъ него горять села и деревни, и страховыя общества не принимаютъ имущества къ застрахованію въ Минскѣ. Въ маѣ горѣлъ Невель. «Около 200 домовъ, почти всѣ деревянные, шлали, какъ одинъ костеръ. Жители почти ничего не успѣли спасти; въ 6,000 жителей 500 человекъ находятся безъ крова и безъ куска хлѣба!» Въ Карачевѣ сгорѣло болѣе 300 домовъ, т. е. также почти весь городъ. Въ Гродно сгорѣла лучшая часть предмѣстья за Неманомъ и истреблено огнемъ болѣе 80 домовъ, болѣею частію со всѣмъ имуществомъ погорѣльцевъ. Спаскъ горѣлъ два раза; въ первый разъ, 11 мая, сгорѣло 80 домовъ и потомъ 16 числа—430 домовъ и соборъ. «Въ оба пожара въ Спаскѣ погибло шесть человекъ; одинъ помѣшался. Убытку понесено жителями болѣе чѣмъ на 600.000 р. Грустно при этомъ упомянуть, продолжаетъ корреспондентъ «Бирж. Вѣдом.», что во время пожара у несчастныхъ погорѣвшихъ воровали послѣдніе, спасенные ими пожитки. Въ Спасскомъ уѣздѣ почти ежедневно горѣли по нѣскольку селъ. Въ Тамбовской губерніи въ апрѣлѣ было 33 пожара и въ маѣ—78, домовъ сгорѣло болѣе 2.000, перегорѣло множество народу. Въ Гомелѣ пожары повторялись сряду дней пять, и Гомель выгорѣлъ почти на-чисто. Уцѣлѣли только дворецъ князя Паскевича и домъ губернскаго предводителя, да можетъ быть домовъ съ сотню. Въ Воронежской губерніи было въ маѣ мѣсяцѣ 112 пожаровъ и убытка причинено ими болѣе чѣмъ на 400,000 руб. Въ Московской губерніи, въ одинъ день, 9 мая, было семь большихъ пожаровъ; убытокъ отдѣльнаго пожара 50 т. р.; сгорѣло 500 домовъ и 300 лавокъ. Всѣ пожары еще неизвѣстны, потому что официальные о нихъ свѣдѣнія еще не опубликованы; но, судя по примѣру прошлыхъ лѣтъ, нужно полагать, что, втеченіе лѣта нынѣшняго года, въ городахъ и селеніяхъ было не менѣе 10.000 пожарныхъ случаевъ, а пожарные убытки составляютъ не менѣе 12 милліоновъ рублей.

Но кромѣ того, что горять дома, горитъ имущество, горять еще и живые люди; среднимъ числомъ погибаетъ во время пожаровъ до 700 человекъ въ годъ.

Однимъ словомъ, если бы то, что гибнетъ у насъ отъ пожаровъ, шло на устройство шоссеиныхъ дорогъ, о которыхъ мы совершенно забыли, принявшись за дороги желѣзныя, то каждый годъ строилось бы у насъ 2,400 верстъ шоссе, и въ 30 лѣтъ у насъ были бы повсюду тавія же дороги, какъ въ Англіи.

Отчего же намъ нравится больше сжигать свое имущество и трудиться только для того, чтобы плоды нашихъ трудовъ сгорали, чѣмъ употреблять свои силы выгоднымъ образомъ?

II.

Самая обыкновенная причина нашихъ пожаровъ, на техническомъ языкѣ нашихъ слѣдователей и юристовъ, называется *неизвѣстной*. Въ прежнія времена почти всѣ пожары происходили по неизвѣстной причинѣ; нынче этотъ порядокъ начинается какъ будто измѣняться, потому что даже крестьянамъ и мѣщанамъ надоѣло наконецъ погорать каждый годъ. Несмотря на то, неизвѣстная причина все еще довольно сильна и много еще сгоритъ отъ нея городовъ и деревень, прежде чѣмъ новый порядокъ суда и земское самоуправленіе научатъ насъ понимать свои выгоды лучше, чѣмъ мы ихъ понимали до сихъ поръ.

Но юридическая неизвѣстность причины не служить еще доказательствомъ отсутствія причины въ дѣйствительности; не придетъ же огонь самъ; нужно, чтобы кто нибудь подложилъ его, намѣренно или ненамѣренно—это все равно. Слѣдовательно очевидно, что жжемъ себя мы сами. Но и для того, чтобы возвести въ систему самоожженіе, подобно тому, какъ это дѣлаютъ надъ собой индійскія вдовы, нужно имѣть тоже весьма сильную побудительную причину. Эта-то причина и есть корень всего нашего зла; изъ нея, какъ изъ центра, расходятся лучами всѣ тѣ явленія, которыя человѣку недостаточно внимательному или проницательному представляются какъ бы причинами самостоятельными.

Какая изъ этихъ подчиненныхъ причинъ стоитъ на первомъ планѣ и въ какомъ порядкѣ располагаются затѣмъ остальные, сказать трудно, потому что еще не существуетъ статистики пожаровъ; несомнѣнно только то, что поджоги играютъ въ этомъ дѣлѣ весьма видную роль. Я говорю здѣсь о поджогахъ намѣренныхъ, о которыхъ говоритъ народъ и которыхъ онъ такъ боится. Разумѣется, во многихъ случаяхъ, «стоустая молва», облетѣвъ огромное пространство, разнесетъ сказаніе о какомъ нибудь одномъ фактѣ этого рода, и всякій пожаръ подводить тогда подъ намѣренное поджигатель-

ство. Но если иногда и является преувеличенный слухъ, то тѣмъ не менѣ поводы къ нему все-таки настолько убѣдительно, что подозрѣнія и толки народа получаютъ всю силу доказательности. Минскъ, напримѣръ, горѣлъ нынче четыре раза и всѣ пожары случались въ большіе праздники: первый въ Николинъ день (9 мая); второй въ Троицынъ день, третій въ Духовъ день и четвертый въ канунъ праздника тѣла Господня. Народъ спрашиваетъ, отчего же пожары случаются въ праздники? Этого нельзя объяснить большою беспечностью или большою неосторожностью: наша осторожность и въ праздники и въ будни одинакова; но во-первыхъ, въ праздники набирается въ города больше всякаго народа; а во-вторыхъ, отъ этого является болѣе выгодная для мошенниковъ и воровъ сумятица. Потому; пожары бывають обыкновенно днемъ и преимущественно отъ 11 до 2 часовъ: народъ объясняетъ это тѣмъ, что поджигатели жалѣють младенцевъ.

Что народное мнѣніе весьма близко къ истинѣ, подтверждаютъ и официальные дознанія. Вотъ нѣсколько фактовъ. Въ послѣднюю треть 1864 года было, въ разныхъ губерніяхъ, слѣдующее число пожаровъ: въ селеніяхъ Московской губерніи—154, и изъ нихъ отъ подозрѣваемыхъ поджоговъ—19. 11 декабря, въ Колоднѣ у одного забора былъ найденъ тлѣвшій хлопокъ, подложенный явно съ цѣлю поджога, и подозрѣніе пало на одного мѣстнаго мѣщанина. Того же числа, къ дому священника с. Никольскаго подкинули письмо, которымъ требовались 70 р. съ угрозою, что въ противномъ случаѣ домъ священника будетъ подожженъ. Въ селеніяхъ Владимірской губерніи изъ 94 пожаровъ—17 подозрѣваемыхъ поджоговъ. Въ Казанской изъ 89 пожаровъ—10 подозрѣваемыхъ поджоговъ. Столько же и въ губерніи Симбирской на 131 пожаръ; въ Самарской на 107 пожаровъ—17 подозрѣваемыхъ поджоговъ. Въ Кіевской изъ 151 пожара—подозрѣваемыхъ поджоговъ 13. И то же самое повторяется въ большей или меньшей пропорціи во всѣхъ рѣшительно губерніяхъ. Конечно, подозрѣваемые поджоги не суть еще поджоги настоящіе; но вѣдь и подозрѣнія основываются тоже на фактахъ. Напримѣръ, если въ г. Звенигородѣ, въ соломенныхъ крышахъ двухъ домовладѣльцевъ находятъ заложенными старыя зажонныя тряпки, то есть полное основаніе считать это поджогомъ, хотя виноватый и не пойманъ; если въ Кіевѣ, въ крышѣ одного сарая находятъ обожженную хлопчатую бумагу и нѣсколько воробочекъ спичекъ, то и это можно счи-

тать тоже поджогомъ; если крестьянка, бросивъ въ своей избѣ въ двухъ мѣстахъ щепы и лучину съ огнемъ, сама тотчасъ же ушла, и изба загорѣлась, какъ это было въ одномъ селеніи Пермской губерніи, то это конечно поджогъ; если наконецъ въ одну деревню, Ирбитскаго уѣзда, подбрасываютъ такую записку: «Не прогнѣвайтесь, крестьяне, поберегитесь отъ пожара: васъ подожгутъ съ обѣихъ сторонъ», и затѣмъ случился бы пожаръ, чего въ счастію не было, то и это былъ бы поджогъ.

И въ нынѣшнемъ году поджоги и слухи о поджогахъ играютъ такую же роль. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было нѣсколько пожаровъ, испуганный народъ останавливаетъ прохожихъ и всѣхъ, кто кажется ему подозрительнымъ; а у кого нѣтъ видовъ, представляютъ въ полицію. Распускаемые заранѣе слухи о замышленномъ поджогѣ пугаютъ еще болѣе народъ, и любопытно, что угрозы обыкновенно исполняются. Такъ утромъ, 17 мая, кто-то изъ прислуги помѣщицы с. Засѣчья, Рязанской губерніи, слышалъ на базарѣ, что Засѣчье должно горѣть въ то утро, — и дѣйствительно, пожаръ начался въ полдень. О пожарѣ Кирицкаго стекляннаго завода молва ходила за нѣсколько дней прежде. Жители заранѣе переселились со всѣмъ своимъ имуществомъ на воза, и работа на заводѣ остановилась. 20 мая точно сдѣлался пожаръ, и заводъ сгорѣлъ до-тла. Въ Орловской губерніи было найдено нѣсколько подметныхъ писемъ, въ которыхъ грозили домохозяевамъ, что дома ихъ будутъ горѣть, если они въ назначенномъ мѣстѣ не положить извѣстной суммы денегъ. Одного же хозяина предупреждали, чтобы отъ лицъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ прекращеніи пожаровъ, онъ не ожидалъ помощи, потому что ихъ убьютъ. Одному крестьянину подгородной Подмонастырской слободы было подкинуто письмо съ угрозой сжечь его домъ и всю слободу, если онъ не положитъ въ извѣстномъ мѣстѣ требуемой суммы денегъ. Крестьяне испуганные выбрались со всѣмъ своимъ имуществомъ въ поле, устроили караулы, но ничто не помогло: 3 августа слободу подожгли. На слѣдующій день было найдено подметное письмо возлѣ почтовой конторы (все это въ Орлѣ); въ письмѣ грозили нѣкоторымъ лицамъ и предупреждали, что будутъ горѣть присутственные мѣста. На пожарѣ Базьевской слободы, Тамбовской губерніи, поймана въ кражѣ одна мѣщанка и при ней оказались фосфорныя спички, трутъ и тряпки. «Подпустить красного пѣтуха», чтобы, пользуясь сумятицей, грабить и воровать, это—ста-

ринный русский обычай; онъ распространенъ у насъ повсюду. Въ Томскѣ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году происходили грабежи и убійства «давнымъ-давно не бывалые, доходившіе до того, что они начали совершаться днемъ; наконецъ пошли слухи, что городъ будетъ сожженъ.» Ни въ одной христіанской землѣ не встрѣчается ничего подобнаго этому деревянному равнодушію и спокойной безчувственности, съ какой дѣлаются у насъ самыя ужасныя злодѣйства; погрозить «краснымъ шѣтухомъ», затѣмъ точно поджечь и испепелить до-тла цѣлый городъ или село и пустить по міру тысячи людей—считается у русскаго человѣка такой же простою вещью, какъ выпить въ трактирѣ чаю. Ужъ если тебѣ понадобились деньги и не знаешь ты другого способа добыть ихъ, какъ вытянуть ихъ силой, ну, выходи на большую дорогу съ ножомъ, или прямо забрайся въ домъ того, у кого ты увѣреешь найти деньги; по зачѣмъ ты прибѣгаешь къ такому малодушному, трусливому, подлому средству? зачѣмъ выдаешь подметныя письма, требуя, чтобы тебѣ положили деньги въ извѣстное мѣсто, и грозить пожаромъ? Тебѣ отказалъ—и ты жжешь цѣлые города и селенія. У тебя, по трусости и малодушію, не поднялась рука ограбить человѣка; по въ то же время ты губишь тысячи людей и не понимаешь, что ты дѣлаешь,—деревянный ты человѣкъ! Тупость людей, поджигающихъ и непонимающихъ, какое злодѣйство совершаютъ они, раззоряя десятки тысячъ людей, можно объяснить только или полной готентотской дикостью или кретинизмомъ. Пожары отъ поджоговъ, или по подозрѣнію въ поджогъ, составляютъ у насъ 15% (это самый крайній минимумъ, потому что кто же знаетъ, сколько въ пожарахъ по неизвѣстной причинѣ заключается поджоговъ?); слѣдовательно изъ 20,000 пожаровъ—3,000 бывають ежегодно отъ поджоговъ, и изъ 24,000,000 руб. гибнущаго ежегодно отъ огня имущества—3,600,000 р. пропадаютъ по милости поджигателей. Что же достанется имъ? Можетъ быть тысячная доля. Не выгодиѣ ли воровать прямо, безъ поджигательства!

Вообще недостатокъ сообразительности, расчета, дальнозоркости и необузданная страстность отличаютъ нашего простаго человѣка. Многое онъ дѣлаетъ, какъ дитя, только потому, что онъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, увлекаясь минутнымъ сердечнымъ порывомъ. Напримѣръ, въ Алексинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановскомъ случился пожаръ; сгорѣло три дома и въ одномъ изъ нихъ—женщина

съ маленькой дочкой. Такъ какъ пожаръ начался съ задняго сарая, то всѣ были убѣждены, что это поджоги. Подозрѣніе пало на одну крестьянку, только-что выпущенную изъ острога, гдѣ она содержалась за воровство. Когда подозрѣваемая созналась и слѣдователь предложилъ ей рассказать, какъ было дѣло, она замѣтно смѣнилась: лицо покрылось мгновенно краскою, которая тотчасъ смѣнилась блѣдностію; глаза заискрились, какъ будто бы отыскивая предметъ, на которомъ можно было бы покойнѣе остановиться; голова безъ нужды поворачивалась изъ одной стороны въ другую; ноги замѣтно подкашивались. Но двѣ-три минуты и она оправилась. Подозрѣваемая рассказала, что когда ее выпустили изъ острога, то вся деревня смотрѣла на нее враждебно, какъ на воровку, на острожницу; но больше всего ее огорчало то, что и ея свекровь смотрѣла на нее точно также, не позволила ей помогать себѣ въ полевыхъ работахъ и даже сказала ей, чтобы она оставила ея домъ. И женщина рѣшилась отмстить. «Рано утромъ отправилась я изъ дома свекрови, заключила обвиняемая свой рассказъ, взяла съ собою пѣсколько спичекъ и подожгла сарай своего врага. Болѣе этого я не хотѣла ничего...» Конечно, она не хотѣла ни сжигать людей, ни деревню; ей хотѣлось только отмстить, но она не съумѣла сообразить, что отъ подожженного сарая можетъ произойти большой пожаръ и даже могутъ сгорѣть люди,—совершенно какъ тотъ тринадцатилѣтній мальчикъ, который за то, что его родители были арестованы при волостномъ правленіи, за ссору его матери съ женою старшины, поджоги домъ этого старшины. Мальчика нитя не научалъ, и онъ хотѣлъ только наказать того злодѣя, по милости котораго заперли его отца и мать. Поджоги изъ мщенія—вещь у насъ самая обыкновенная, это называется «пустить краснаго пѣтуха.» Такъ сгорѣла отъ мщенія Елецкая слобода Тамбовской губерніи; такъ сгорѣло село Александровка; такъ одна крестьянка сдѣлала пожаръ въ своей деревнѣ, потому что ея мужъ и его родня не любили ее; такъ мужъ поджигаетъ домъ своей жены, потому что она развратничаетъ и ссорится съ нимъ, и т. д. Но конечно, любопытнѣйшій фактъ того, насколько угроза «краснымъ пѣтухомъ» составляетъ нѣчто въ родѣ народнаго обычая, служить слѣдующій случай, сообщенный корреспондентомъ «Русскихъ вѣдомостей». Во вторникъ, 11 мая, въ базарный день, случился въ Давидовѣ пожаръ, начавшійся съ деревяннаго надворнаго строенія

купца Жукова. Сынь Жукова, за нѣсколько времени до пожара явился домой въ нетрезвомъ видѣ, началъ шумѣть и грозилъ, что выжжетъ строеніе. Чтобы унять пьянаго, домашніе рѣшили запереть его въ сѣнной сарай. Между тѣмъ отецъ пошелъ къ исправнику, чтобы просить его укротить буяна. Въ это время загорѣлся изнутри сѣноваль, въ которомъ былъ запертъ сынъ. Что онъ тамъ сдѣлалъ, точно неизвѣстно: курилъ ли онъ неосторожно папиросу или, что еще вѣроятнѣе, въ озлобленіи, отуманенный винными парами, онъ, желая отмстить отцу, поджоги сѣно, но сѣноваль вспыхнулъ, въ немъ сгорѣлъ и самъ поджигатель.

Хотя поджоги составляютъ у насъ одну изъ обыкновеннѣйшихъ причинъ пожаровъ, но народное воображеніе видитъ иногда поджоги тамъ, гдѣ ихъ вовсе и не существуетъ. Наемные патріоты, пользуясь этимъ случаемъ, выдумываютъ поджигателей, какихъ-то стороннихъ лиходѣевъ, замышляющихъ будто бы погубить Россію и выжечь ее изъ конца въ конецъ. Отличаясь въ подобныхъ случаяхъ остроуміемъ, русскій человѣкъ не выставляетъ однако въ выгодномъ свѣтѣ свою сообразительность. Когда въ 1846 году случился сильный пожаръ въ Костромѣ, то голосъ мѣстнаго народа обвинилъ въ поджоги поляковъ, и мѣстная власть, внявъ общественному мнѣнію, заключила въ острогъ цѣлое польское семейство, пользовавшееся въ городѣ общимъ уваженіемъ—почтеннаго отца и его молоденькихъ, прекрасно образованныхъ дочерей. Конечно, ихъ выпустили скоро, губернатора отозвали въ Петербургъ и такимъ образомъ гласъ народа не оправдался. Въ прежнія времена обвиняли обыкновенно въ поджогахъ пѣмцевъ; времена эти миновали давно и наступила очередь поляковъ; чья очередь наступитъ теперь—неизвѣстно. Корреспондентъ «Виржевыхъ Вѣдомостей» сообщаетъ, что «въ прошломъ году въ Оренбургѣ, послѣ уничтоженія пожаромъ одного изъ городскихъ предмѣстій, явились толки о заговорѣ сосланныхъ туда поляковъ, и разыгравшееся воображеніе рисовало подземныя мины къ пороховымъ погребамъ, оставшимся внутри города въ наслѣдіе отъ упраздненной крѣпости. Стоящее во главѣ городского общества купечество домогалось обыска католической церкви, увѣряя, что оттуда ведутся мины къ пороховымъ погребамъ. Домогательство совершенно неосновательное, такъ какъ разстояніе между костеломъ и пороховыми погребами не менѣе версты; очевидно, нельзя было бы сложныя работы по устройству минъ сохранить въ тайнѣ; за всѣмъ

тѣмъ обыскъ сдѣланъ и, разумѣется, ничего не найдено. Другіе приписывали поджоги заговору татаръ и башкиръ, будто бы изъ мести, что принадлежавшіе имъ когда-то города находятся во владѣніи русскихъ. Въ нынѣшнемъ году повторялись подобныя же толки, и пожаръ Козлова приписывался въ Оренбургѣ полягамъ въ то время, когда еще ничего не было извѣстно о его причинѣ. Между тѣмъ «Сѣверная почта», на авторитетъ которой въ этомъ случаѣ положиться можно, говоритъ, что причина пожара неизвѣстна,—это говорилось до слѣдствія, — и надо полагать, что онъ произошелъ отъ неосторожности: по крайней мѣрѣ въ продолженіи четырехъ, послѣдовавшихъ за пожаромъ дней, «никакія подозрѣнія въ зломъ умыслѣ не подтвердились». Конечно, не только очень можетъ быть, но даже и весьма вѣроятно, что поджигатели есть и между поляками, какъ есть между ними и всякіе другіе уголовные преступники: убійцы, разбойники, воры. Отчего же не быть и поджигателямъ; когда, по всемъ условіямъ своего развитія и по характеру, западно-русское простонародье не отличается почти ничѣмъ отъ коренныхъ русскихъ? Но здѣсь я говорю не объ единичныхъ случаяхъ, а обобщаю явленія; а въ такомъ случаѣ выраженію «поджигаютъ поляки» нельзя давать того широкаго смысла, какой ему придается. Вѣдь точно также можетъ сдѣлать поджогъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ; но мы не станемъ же говорить, что поджигаютъ насъ нѣмцы, французы или англичане. Россія горитъ тысячу лѣтъ безустанно, каждый годъ бываетъ 20,000 пожаровъ: неужели все это дѣлалось и дѣлается поляками или вѣмъ бы то ни было изъ ненависти къ Россіи или изъ зависти къ ея величинѣ?

Причина этихъ пожаровъ объясняется гораздо проще: собственной нашей неосторожностью, беспечностью, невѣжествомъ, пьянствомъ. Мы обвиняемъ или подозрѣваемъ какихъ-то фиктивныхъ поджигателей только потому, что не любимъ обвинять себя ни въ чемъ. Тотъ же оффиціальныи источникъ, которымъ я пользовался при перечисленіи подозрѣваемыхъ поджоговъ, сообщаетъ, что за послѣднюю треть прошедшаго года происходило, въ селеніяхъ, пожаровъ:

ГУБЕРНІИ.	Всего.	Отъ неосторожнаго обращенія.	Отъ вѣтхости отъ худого устройства печей.	Отъ подозрѣваемыхъ поджоговъ.
Пермской	115	16	4	24.
Вологодской	49	7	2	4.

Вятской	157	23	6	16.
Костромской	89	24	3	4.
Новгородской	52	2	—	4.
С. Петербургской	53	11	2	2.
Архангельской	29	20	1	1.
Олонцкой	55	7	5	—
Московской	154	21	7	19.
Владимирской	94	14	8	17.
Саратовской	164	6	3	10.
Оренбургской	179	11	2	21.
Казанской	89	—	1	8.
Симбирской	131	30	13	10.
Самарской	107	16	3	17.
	1517	208	60	157.

Такимъ образомъ, изъ 1517 пожаровъ извѣстна причина только 425, а причина 1092 неизвѣстна. Изъ числа извѣстныхъ, 268 произошли отъ неосторожности и отъ вѣтхости или дурного устройства печей, что относится также къ категоріи русскаго «авось» и «какънибудь», слѣдовательно къ тому же, къ чему принадлежитъ и неосторожность обращенія съ огнемъ. Какая же причина остальныхъ 1092 пожаровъ? Говорятъ, причина неизвѣстна; но какъ эта неизвѣстность вовсе не доказываетъ, чтобы причины не было, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя предполагать, чтобы всѣ эти пожары произошли отъ лиходѣевъ и враговъ Россіи, потому что иначе въ народѣ ходили бы подозрѣнія, а подозрѣній нѣтъ, то девять десятыхъ неизвѣстныхъ причинъ, безъ всякой натяжки, нужно считать неосторожностью и небрежностью обращенія съ огнемъ въ пьяномъ и въ трезвомъ видѣ. Поэтому и оказывается, что изъ 1517 пожаровъ, 1249 или 82% происходятъ отъ собственной нашей неосторожности; слѣдовательно, изъ 20,000 ежегодныхъ пожаровъ, мы сами, съ самымъ невиннымъ и добродушнымъ видомъ вѣчныхъ младенцевъ, производимъ 16,400 пожаровъ, нисколько даже не подозрѣвая, что мы дѣлаемъ поджоги, и затѣмъ—плп ссылаемся на божью волю или сочиняемъ несуществующихъ виновныхъ. Въ Рязанской губерніи, гдѣ ходили сильные слухи о поджогахъ, былъ командированъ губернаторомъ, для разъясненія дѣла, старшій чиновникъ рязанскаго губернскаго правленія, вмѣстѣ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ. «Признаюсь, ни-

шесть чиновникъ, что я уѣзжалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что поджоги существуютъ, и хотя не надѣялся на возможность открыть виновныхъ въ этомъ, покрайней мѣрѣ думалъ напасть на слѣды преступленія и такимъ образомъ облегчить судебнымъ слѣдователямъ возможность раскрыть это преступленіе съ большою подробностію. Въ самомъ тщательномъ и подробномъ изслѣдованіи, на мѣстѣ, причинѣ пожаровъ, оказалось слѣдующее:

Въ с. Засечьѣ, одна женщина положила въ печь холсты, чтобы выпарить ихъ; на другой день, захотѣлось ей сварить кортофель; но когда огонь уже былъ разведенъ, она вспомнила о парившемся холстѣ, вынула его, но увидѣла, что онъ уже затлѣлся; она выбѣжала съ нимъ на дворъ, начала среди двора тушить огонь, насыпая навозомъ; къ ней прибѣжалъ на помощь сосѣдъ, но всѣ усилія ихъ остались напрасны: непрерывно загорался сухой навозъ, которымъ женщина усиливалась затоптать холсты; сильнымъ вѣтромъ огонь переброшенъ былъ къ недалеко-стоявшему сараю; сарай вспыхнулъ и, при сплошной постройкѣ крестьянскихъ избъ, крытыхъ соломой, не было уже возможности остановить быстро-распространившагося пожара.

Въ с. Кирицахъ, пожаръ начался въ сараѣ, гдѣ было сложено сѣно. По собраннымъ свѣденіямъ оказалось, что хозяинъ дома, мастеровой зеркальнаго завода, напившись пьянъ и подрвавшись съ женою, отправился спать въ сѣнникъ. По всей вѣроятности, насыпая, онъ безсознательно выронилъ закуренную трубку или папиросу, потому что сначала загорѣлось сѣно, на которомъ онъ спалъ, а потомъ и сарай, такъ что самъ хозяинъ едва успѣлъ высочиться съ обгорѣвшимъ платьемъ.

Въ с. Городцѣ, одна женщина тайкомъ выгребла у сосѣдки своей изъ печи горячую золу для бѣленія холста, и чтобы не поймали ее съ поличнымъ, признала за лучшее насыпать золу подъ свою постель; чрезъ нѣсколько времени затлѣлась и вспыхнула постель, отъ которой огонь распространился по всей избѣ и затѣмъ—по всей деревнѣ.

Въ с. Санскомъ, хозяйка дома также парила въ печи холсты и, вѣроятно, забыла о нихъ, потому что холсты затлѣлись, прогорѣвъ въ печи подъ, и когда замѣтили огонь, то уже не было возможности потушить его.

Въ с. Юштѣ, загорѣлась первоначально рига; въ ней работали

крестьяне и, изъ опасенія сильной бури, разложили огонь для варенія пицци въ самой ригѣ.

Въ с. Гавриловскомъ, пожаръ начался въ 2 или 3 часа утра, въ сараѣ, въ которомъ сложены были обручи и приготовленная для бочекъ и кадокъ трость. Подозрѣнія въ поджогъ крестьяне положительо не заявили, но проговорились, что въ загорѣвшемся сараѣ было въ эту ночь нѣжное свиданье хозяйки дома съ какимъ-то отставнымъ солдатомъ, курящимъ трубку.

Подобныя же обстоятельства были причиной пожаровъ и въ другихъ мѣстахъ. Причину одного изъ мицскихъ пожаровъ объясняютъ тѣмъ, что онъ начался въ сараѣ при конюшнѣ, гдѣ служивый вздумалъ ночью чистить лошадей. «Онъ зажегъ свѣчу, а самъ отлучился изъ сарая. Въ это время будто бы находившійся въ конюшнѣ при лошадяхъ баранъ, повалилъ свѣчу на близъ-лежащее сѣно, которое, загорѣвшись, произвело пожаръ.»

Въ Касимовѣ, виновникомъ пожара былъ сельскій писарь: пьяный съ трубкою или съ папиросою онъ пошелъ спать въ сарай на солому, гдѣ самъ первый и сгорѣлъ. Къ трубкѣ присоединяется еще—слава и гордость Россіи—самоваръ. Самовары ставятъ у насъ обыкновенно въ сѣняхъ, подъ щелявымъ поломъ которыхъ валяется всегда сѣно и солома; каленую золу изъ самоваровъ выкидываютъ просто на дворъ. Осенью и зимой начинается хожденіе съ лучиной; искры и раскаленные уголья летятъ и отскакиваютъ отъ нея во всѣ стороны и, несмотря на неудобство этого освѣтительнаго снаряда, съ нимъ ходятъ и на дворъ, и на чердакъ, и въ подполицу, и въ чуланъ, и повсюду, съ такой же спокойной самоувѣренностью, какъ будто бы въ рукахъ была предохранительная лампа или что нибудь еще болѣе безопасное. Любопытно знать, сколько, въ числѣ неизвѣстныхъ причинъ, приходится процентовъ на пожары отъ лучины, на пожары отъ самоваровъ и на пожары отъ куренья трубокъ и папиросъ на сѣновалахъ? Въ настоящее время на этотъ вопросъ отвѣтить нѣтъ никакой возможности, да едва-ли и черезъ пятьдесятъ лѣтъ наша статистика пожаровъ, нынче вовсе несуществующая, дастъ на него удовлетворительный отвѣтъ. Между тѣмъ знаніе это было бы важно въ томъ отношеніи, что уменьшеніе числа пожаровъ отъ небрежнаго обращенія съ огнемъ служило бы между прочимъ доказательствомъ ослабленія того несчастнаго чисто-азіятскаго фатализма, съ которымъ крестьяне смотрятъ на пожары. Они толкуютъ, что если человѣку

на роду не написано сгорѣть, то не сгоритъ, потому что Господь Богъ не попуститъ; и ужь если сгорѣть назначено, то не спасетъ никакая предосторожность. Это освященіе неосторожности и небрежности религіознымъ вѣрованіемъ сложило между народомъ особенное воззрѣніе на причины пожаровъ: оно видитъ въ нихъ какое-то предопредѣленіе свыше, наказаніе или испытаніе; а на лучину и на самоваръ смотритъ только, какъ на послушныя орудія этого испытанія. Афоризмъ, которымъ народъ доказываетъ справедливость своего заключенія, довольно убѣдителенъ: «вѣдь съ лучиной и съ самоваромъ мы обращаемся всегда одинаково, отчего же не всегда бываютъ пожары?» Своеобразное экономическое убѣжденіе поддерживаетъ еще болѣе неосторожное обращеніе съ огнемъ. Въ городѣ живетъ повѣрье, что послѣ пожара люди богатѣютъ.

Къ исчисленнымъ причинамъ пожаровъ остается прибавить очень немного. Но эти причины будутъ совершенно случайныя, неимѣющія почти никакого вліянія на увеличеніе или уменьшеніе той громадной массы пожаровъ, какая происходитъ у насъ отъ неосторожности и поджоговъ, изъ мести или съ цѣлью воровства. Такъ въ с. Архангельскомъ, Борисоглѣбскаго уѣзда, жена дьячка, войдя во дворъ волостного правленія со спичками и лучиной, зажгла солому, сложенную на дворѣ подъ навѣсомъ, и когда ее поймали, то просила, для избѣжанія повторенія подобнаго поджога, взять ее подъ стражу. Что это — пожароманія, что-ли? Или, въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, ученикъ Лебяжскаго сельскаго училища, не желая учиться, поджогъ солому, бывшую внизу училищнаго строенія. Или, у одного помѣщика, Симбирской губерніи, былъ сдѣланъ иѣсколько разъ поджогъ и наконецъ поймали 15-ти-лѣтнюю дѣвушку, которая сказала, что она поджигала по приказанію своей матери. Подобныя причины, какъ и пожары отъ молніи, составляютъ исключительное явленіе.

Будетъ слишкомъ дешево и поверхностно, если мы станемъ смотрѣть на наши пожары только съ точки зрѣнія тѣхъ сердечныхъ страданій и единичныхъ потерь, которыя испытываютъ погорѣльцы. Пожары — зло общенародное, государственное, отъ котораго страдаетъ вся страна, во всей ея совокупности. Пожары — такой же широкій вопросъ, какъ вопросъ о нашемъ земледѣліи, о нашей промышленности, о нашихъ коммерческихъ и финансовыхъ кризисахъ. Пожары — это вопросъ нашего матеріальнаго благосостоянія, нашей прав-

ственности. Если бы погибало отъ пожара ежегодно только одно село да одинъ городъ, то и это зло было бы зло большое, уже только потому, что оно существуетъ съ регулярностью перемежающейся лихорадки; но что слѣдуетъ сказать о такомъ злѣ, отъ котораго гибнутъ ежегодно болѣе 120,000 домовъ и до 500,000 человѣкъ обращаются ежегодно въ нищихъ? Есть господа, утверждающіе, что для нашего крестьянина пожаръ не составляетъ большой потери, потому что, будто бы, крестьянское имущество малоцѣнно; но господа эти не обращаютъ вниманія на то, что по отношенію къ обстоятельствамъ, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ нашъ крестьянинъ, и по отношенію къ его производительнымъ силамъ и способностямъ, его малоцѣнное имущество также ему дорого, какъ Рошмилду его имущество многоцѣнное. Дѣйствительно, нашъ крестьянинъ переноситъ легко потери отъ пожаровъ; но вѣдь онъ переноситъ легко и всякія потери и лишенія потому, что никогда еще не стоялъ на высокомъ уровнѣ потребностей. Поэтому ему не представить особеннаго затрудненія спать послѣ пожара гдѣ нибудь на возу, въ полѣ, или просто на голой землѣ, потому что онъ спитъ зачастую въ такомъ положеніи и безъ всякаго пожара. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы пожаръ не былъ огромнымъ зломъ и чтобы полмилліона народа, находящагося постоянно безъ крова и куска хлѣба, увеличивали благосостояніе той страны, въ которой существуетъ такой порядокъ. Значитъ, прежде всего пожары дѣйствуютъ на ослабленіе народной экономической производительности и на отвлеченіе рабочихъ рукъ отъ обыкновенной, нормальной, экономической дѣятельности на выполненіе понесенныхъ отъ пожара потерь. Экономисты скажутъ, что потери эти вовсе не такъ велики, какъ это кажется, потому что каждая утрата заставляетъ усиливать энергію труда и слѣдовательно быстро вознаграждаетъ потери. Экономисты сошлутся на раззоренія, производимыя войнами, послѣ которыхъ, уже черезъ годъ, невидно и слѣдовъ того, что въ странѣ была война. Я привожу это мнѣніе потому, что мнѣ случалось слышать его не разъ; но на это можно отвѣтить экономистамъ тѣмъ, что Германія до второй четверти XIX столѣтія не могла поправиться отъ тридцатилѣтней войны; что Смоленская губернія до сихъ поръ еще чувствуетъ послѣдствія двѣнадцатаго года, и что наконецъ 24,000,000, теряемые нами ежегодно отъ пожаровъ, не щепки, а рубли. Чтобы возвращать ихъ, нужно трудиться; слѣдовательно, люди трудятся

только для возвращенія потеряннаго, а не для созданія новаго, болѣе высокаго, матеріальнаго благосостоянія. Выгода это, или убытокъ? А если это убытокъ и 24 милліона каждый годъ вынимаются изъ кармана народа только на возстановленіе его погибшаго добра, то развѣ это не должно отражаться на всемъ его бытѣ, на его хозяйствѣ, на уровнѣ его потребностей, на промышленности и торговлѣ страны, наконецъ на государственныхъ финансахъ?

Разсматривая отдѣльныя причины пожаровъ, какъ самостоятельныя явленія, пожалуй можно ими возмущаться. И дѣйствительно, жалка нравственность того народа и тупы понятія того, кто изъ пожара дѣлаетъ средство личной мести и не понимаетъ того, что онъ вредитъ многимъ. Между тѣмъ эта черта изстари отличала русскихъ. Еще и теперь очень обыкновенное явленіе, что два человѣка, сдѣлавъ вмѣстѣ какое нибудь преступленіе, сохраняютъ секретъ, пока они не разсорятся. Но только стоитъ имъ побрачиться, — и изъ желанія отомстить, одинъ изъ поссорившихся пойдетъ и донесетъ на другого. Дѣлается это конечно въ припадкѣ минутной страстности; человѣкъ потомъ рассказываетъ, что поступилъ такимъ образомъ, особенно когда ему самому приходится подвергнуться отвѣтственности; но это-то самое и доказываетъ слабость разсудочности, неспособности глядѣть дальше минутнаго порыва и соображать послѣдствія. Только по этой причинѣ наши зажигатели изъ мести, когда сгоритъ цѣлая деревня, говорятъ, что они не хотѣли этого, а желали лишь спалить домъ того, кому думали отомстить. Противъ этой черноземной порывистости, какъ признака сырой, некультивированной природы, лишившейся уже нравственныхъ началъ патріархальнаго быта, одно средство: возстановленіе этихъ началъ устраненіемъ изъ общественной жизни и учрежденій всего того, что способствовало появленію нравственной порчи.

Тотъ же недостатокъ развитія, разсудочности и дальнорзости проявляется и во всѣхъ дѣйствіяхъ, которыя называются общимъ именемъ *неосторожнаго* обращенія съ огнемъ. Въ сущности это слабоуміе. Баба, укравшая изъ печки сосѣдки горячую золу и высыпавшая ее подъ кровать, на деревянный полъ, имѣетъ ровно столько умственныхъ силъ, чтобы сообразить лишь первую половину своего дѣла; предвидѣть, или вывести изъ своихъ дѣйствій слѣдствія она уже не въ состояніи. Мужики, раскладывающіе въ ригѣ огонь, чтобы сварить себѣ пищу, — потому

что на дворѣ сильный вѣтеръ, — точно также былъ въ состояніи сообразить только первую половину дѣла, то, что удовлетворяло ихъ ближайшей потребности; но никто изъ нихъ не былъ въ состояніи сообразить, что можетъ загорѣться рига. Кучеръ, оставляющій въ конюшнѣ зажженную свѣчу, точно также не былъ въ состояніи предвидѣть, что свѣча можетъ упасть, что отъ свѣтильни можетъ отскочить искра. Люди, вытряхающіе горячую золу изъ самовара на дворъ, или ходящіе съ лучиной на сѣновалы, въ сараи и т. д., точно также не въ состояніи предвидѣть того, что можетъ произойти отъ этого пожаръ. Конечно, суевѣріе играетъ приэтомъ тоже не послѣднюю роль; но суевѣріе не причина слабоумія, а напротивъ, его слѣдствіе. Значитъ, главная сущность остается все-таки въ недостаткѣ умственного развитія и знаній и вообще въ слабой мыслительной способности. Такое заключеніе объ умѣ русскаго простонародья покажется разнымъ славянофильствующимъ господамъ невѣрнымъ; въ такомъ случаѣ пусть они докажутъ, что неспособность выводить заключенія и построить связь причины и ихъ послѣдствій есть признакъ умственной силы. Когда наши сантиментальные патріоты восхищаются острою ума простонародья, они не замѣчаютъ только одного, что образчики, взятые ими для восхищенія, составляютъ представителей русскаго ума. Это единичные мужики, выхваченные изъ всей массы сѣраго народа, мужики подмосковные или другіе, бывалые и видалые. Мужики эти, точно, понимаютъ быстро и отличаются здравымъ практическимъ смысломъ и вѣрностію сужденія. Къ сожалѣнію, такихъ мужиковъ у насъ можетъ быть сто тысячъ, а остальные милліоны, особенно въ непромышленныхъ или въ сѣверныхъ и лѣсныхъ мѣстахъ, поражаютъ именно своей неразвитостію, пассивностію, вяlostію. Взгляните на населеніе хотя бы Вологодской губерніи и, разумѣется, вы усумнитесь, чтобы этотъ народъ былъ сдѣланъ изъ одного матеріала съ ярославцами, рязанцами, москвичами. Но народное развитіе не такая вещь, которую бы можно создать въ годъ, въ два, въ три; это не такая вещь, которую можно вычитать въ изданіяхъ «Общества распространенія полезныхъ книгъ», или изъ сочиненій, печатаемыхъ «Комитетомъ грамотности». Книжки этихъ почтенныхъ обществъ могутъ расходиться въ какомъ имъ угодно числѣ экземпляровъ, но народъ отъ чтенія ихъ не сдѣлается ни на волосъ мудрѣе, пока не создадутъ ему мудрость экономическая обстановка и новыя условія его общественнаго положенія.

Только практика воспитываетъ народъ и создаетъ его понятія, а книжки остаются для него только забавой, немнѣющей никакого серьезнаго, житейскаго значенія.

По отношенію къ пожарамъ, экономическій бытъ играетъ самую важную роль; онъ-то и служитъ той коренной сущностію, изъ которой вытекаютъ всѣ, повидимому, разностороннія причины нашихъ пожарныхъ бѣдствій. Наша неразвитость, наши пожары — это наша бѣдность; сдѣлаемся мы богаче — будемъ мы и развиты, и перестанемъ обращаться съ огнемъ неосторожно, и перестанемъ дѣлать поджоги, изъ мести или для воровства. Что такое наша лучина, этотъ общепотребительный освѣтительный снарядъ, какъ не наша бѣдность? Богатые люди жгутъ свѣчи, и оттого отъ лучины у нихъ пожаровъ не бываетъ. Чтобы исчезли случаи пожаровъ отъ лучины, нужно, чтобы исчезла сама лучина; но она не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока не явится у народа средства освѣщать свои помѣщенія свѣчами. Что такое наши деревянные постройки, крытыя соломой и вспыхивающія въ жаркую пору отъ искры, какъ порохъ, какъ не наша бѣдность? Богатые кроютъ дома тесомъ, черепицей, желѣзомъ; значитъ, народу нужно разбогатѣть, чтобы солома вытѣснилась изъ числа его главныхъ строительныхъ матеріаловъ; вытѣснится солома — уменьшится и число пожаровъ. Но пока солома идетъ на крыши, пока даже и эти крыши разбираются весной на кормъ скота, и исхудалый скотъ бродитъ, какъ тѣни, погибая отъ безкормицы, пока и самъ мужикъ ѣстъ изъ нужды всякую дрянъ, и всѣ его постройки будутъ имѣть видъ соломенныхъ кучъ и прутяныхъ шалашей, до тѣхъ поръ будутъ и будутъ повторяться случаи тѣхъ истребительныхъ пожаровъ, когда огонь не удовлетворяется одними домами, а палитъ непремѣнно всю деревню. Что такое наше неряшество и беспорядочность, какъ не наша бѣдность? Опрятность не дѣлается сама собой, ее нужно создать трудомъ; трудъ же уходитъ на другое болѣе нужное — на произведеніе того сырья и тѣхъ грубыхъ предметовъ пищи и одежды, которыми удовлетворяетъ свои потребности нашъ простолюдинъ. Низкій уровень экономическихъ средствъ не позволяетъ подняться и уровню потребностей; а низкій уровень потребностей не нуждается ни въ порядочности, ни въ опрятности: безъ нихъ не можетъ обходиться только матеріальное благосостояніе. Пусть оно явится — исчезнетъ неряшество, беспорядочность, «авось» и «какъ нибудь», а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ пожары, которые приходится на ихъ долю.

Что такое наше суевѣріе, наша грубость чувствъ, наше слабозначіе, какъ не наша бѣдность? Только бѣдность мѣшала нашему гражданскому развитію, а при отсутствіи гражданскаго развитія нечего требовать отъ людей пониманія той солидарности, которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое, преслѣдующее одни общіе хозяйственные интересы. Одна бѣдность развила въ насъ сепаратизмъ, выразившійся теоретически въ поговоркѣ: «всякій самъ о себѣ, одинъ Богъ обо всѣхъ.» Поэтому пожары — наше органическое зло; они слѣдствіе нашей хронической бѣдности и исчезнутъ окончательно только съ нею. Болѣзнь эта тянется давно и пройдетъ она не скоро.

III.

Когда наши образованные люди, которыми особенно богата провинція, вздумаютъ разсуждать о несовершенствахъ нашего общественнаго быта, то виноватыми оказываются всегда или власть, или сѣрый народъ. Власть обвиняется въ недостаткѣ бдительности, заботливости, попеченіи; а сермяжный людъ въ невѣжествѣ, грубости, беспорядочности, безпечности, пьяцствѣ. Подъ именемъ власти въ провинціи понимается собственно полиція. Полиція обвиняется обыкновенно во всемъ: ходятъ ли коровы и свиньи по улицамъ — виновата полиція, валяется ли на улицѣ мертвая кошка, распространяющая заразу — виновата полиція, тротуары ли такіе, что они напоминаютъ частью фортепіано, а частью капканъ — виновата полиція, случится ли пожаръ, превышающій силы провинціальной пожарной команды — виновата опять полиція. Положимъ, что полиція виновата; но зачѣмъ же вы-то сами выпускали своихъ коровъ и свиней шлѣться по улицамъ, зачѣмъ у васъ нѣтъ для нихъ хлѣбовъ и бѣдныхъ животныя живутъ у васъ прямо на дворѣ подъ открытымъ небомъ? Зачѣмъ вы сами выбрасывали всякую гадость и нечистоту на улицу, и нисколько не смущаясь ароматами, думаете, что русскому человѣку безъ нечистоты жить невозможно? Зачѣмъ вы-то сами устраиваете такіе мостики, которые, какъ ловушка или капканъ, грозятъ переломать ноги каждому не совсѣмъ осторожному пѣшеходу? Зачѣмъ наконецъ вы сами устраиваете пожары и сами же не дадите лишняго гроша, чтобы

имѣть исправные пожарные инструменты? Привычка нашихъ образованныхъ людей къ руководительству и опеку такъ велика, что они желаютъ непременно получать даже и свое общественное образование изъ рукъ полиціи. Мало этого; мы отъ полиціи ждемъ своего прогресса и считаемъ себя безъ нея людьми погибшими. Полиція изображаетъ у насъ цивилизованное народное представительство, стремящееся сообщать нашей высшей городской жизни европейскій характеръ; а то, что считаетъ себя обществомъ, напротивъ, и во всѣхъ силъ старается надѣть лапти и полушубокъ и водворить у себя киргизскіе обычаи. Отъ этого то, что называется городскимъ обществомъ, есть нѣчто боящееся дневного свѣта и всякой публичности; оно сидитъ гдѣ-то въ своихъ уголкахъ и является въ міръ только по полицейскимъ повѣсткамъ; въ главѣ же городского общества, какъ цвѣтъ аристократіи, какъ голосъ и сила, являются различные правительственные исполнительные органы. Это наши проводники провинціального прогресса, безъ которыхъ, кажется, все заснуло бы непробуднымъ сномъ. Мы такъ сжались съ прежней безполезной, стоячей, какъ болото, жизнью, что насъ можно поднять съ мѣста только рычагами. Наша балтовня о прогрессѣ — пустяки слова и, за исключеніемъ немногихъ передовыхъ личностей, отличающихся активностью характера и податливостію мысли, все остальное — европейцы только потому, что носятъ платья нѣмецкаго фасона. Обвиняя народъ, мы сами нисколько не лучше его, и если мы не производимъ пожаровъ отъ лучины, то только потому, что средства позволяютъ намъ жечь свѣчи; если мы не поджигаемъ нашихъ домовъ самоварами, то только потому, что не ставимъ собственноручно; если мы не содѣйствуемъ усилению пожаровъ соломенными крышами, то только потому, что въ городахъ соломенные крыши запрещены. Однимъ словомъ, не сознаніе ставить насъ выше народа, а лишь особенныя условія быта, являющіяся вълѣдствіе нашего лучшаго экономическаго положенія. Еще въ 1860 году начался у насъ толкъ объ устройствѣ въ городахъ лучшей пожарной команды, но и до сихъ поръ мы не сдѣлали ничего, потому что тѣ немногія улучшения, которыя приняты въ очень немногихъ городахъ, составляютъ самый ничтожный процентъ въ долѣ всего остального неустройства. Если въ послѣдніе два года наше общество какъ будто бы пошевелилось, то и это случилось только потому, что грянулъ громъ въ видѣ сибирскаго пожара и сильныхъ пожаровъ пылѣвшаго года.

Когда, послѣ минскихъ пожаровъ, нѣкоторыя петербургскія газеты укоряли минскихъ жителей въ безпечности, то въ «Минскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», въ видѣ оправданія, было сказано: «Кто же могъ предвидѣть такія бѣдствія и [опустошенія?]... Ну, конечно, никто не могъ предвидѣть, подумавши, что пожары въ Россіи такая же рѣдкость, какъ чума. Однако теперь Минскъ принялся предвидѣть послѣ того, какъ погорѣлъ четыре раза, и домовладѣльцы собрали 3.000 р. для улучшения пожарной команды. Займись они предвидѣніемъ раньше, Минскъ, можетъ быть, и не погорѣлъ бы. Такимъ образомъ, минское непредвидѣніе обошлось городу въ 500 т. руб. пожарныхъ убытковъ; а собери домовладѣльцы свои 3.000 до пожаровъ, вѣроятно, не было бы и четверти убытка. Въ сущности тутъ даже и не непредвидѣніе, а просто несообразительность: люди просто не умѣли рассчитать, что гораздо лучше заплатить 3 т. и сберечь 500 т., чѣмъ къ пятистамъ тысячамъ приложить еще три тысячи и потерять 503 т. Такимъ же непредвидѣніемъ отличаются и всѣ наши остальные городскія общества; застрахованіе у насъ вещь еще рѣдкая и въ городахъ застраховано у насъ не болѣе десятой части домовъ. Положимъ, что наши городскіе жители такая же голь, какъ и деревенскіе; но помимо этой причины, «савось не сгорить» имѣетъ еще огромное значеніе; у насъ даже рѣдкость застраховываніе огнедѣйствующихъ фабрикъ и заводовъ. Образчикомъ того, какъ наши провинціальныя олимпійскіе, юпитеры отличающіеся такимъ достоинствомъ за карточными столами и за закусками, понимаютъ свое гражданское достоинство, можетъ служить характеристическій разсказъ корреспондента «Бирж. Вѣдом.» опензенскомъ городскомъ обществѣ:

«Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, начальникъ пензенской губерніи циркулярно предложилъ городскимъ главамъ пригласить всѣхъ домовладѣльцевъ заняться устройствомъ уличныхъ карауловъ и озаботиться принятіемъ общепользныхъ мѣръ къ тушенію пожаровъ. Предложеніе заканчивалось просьбою «употребить все стараніе, чтобы предложенныя мѣры приведены были къ желаемому успѣху, а не остались бы мертвою буквою».

«Дѣйствительно, недостатокъ водяныхъ бассейновъ, кое-какъ устроенный ночной караулъ были въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ болячками, которыя мы только, отъ нечего дѣлать, разчесывали, но не залечивали. Болячки намъ указаны. Принялись мы за нихъ слѣ-

дующимъ образомъ: Градской голова, особыми повѣствами, пригласилъ насъ, домовладѣльцевъ (дворянъ, купечество и мѣщанъ), въ залу дворянскаго собранія, для общаго совѣщанія. На повѣствахъ кое-кто написалъ: *читаль* такой-то. Большинство, по старому обычаю, говорило полиціанту: *хорошо, ступай!* Въ залу пришли, (скажу, я много)—сотая часть приглашенныхъ. Собравшееся малочисленное общество постановило составить комиссію и предложить ей въ сокращенный срокъ (въ три дня) разработать вопросы, предложенные господиномъ начальникомъ губерніи. На другой день (17 апрѣля) начались работы комисіи, организованной изъ одиннадцати членовъ, вромѣ градскаго головы и полиціймейстера. Первое засѣданіе началось, какъ водится, мнѣніями. Одинъ членъ прочиталъ свою записку, и она большинствомъ была одобрена. Другой членъ вынулъ исписанный листъ бумаги и началъ читать громко и настойчиво слѣдующія положенія: 1) уничтоженіе нищенства; 2) изгнаніе изъ города безпаспортныхъ; 3) изгнаніе изъ города собирающихъ милостыню богомольцевъ, и 4) чтобы въ каждой полицейской части была заведена книга, въ которую всякій недовольный и обиженный гражданинъ могъ бы записывать свои претензіи. Этому господину замѣтили, что его положенія не подходятъ подъ *суть* дѣла, разбираемаго комиссіей,—онъ прикинулся обиженнымъ. Когда комиссія редактировала правила выбора старостъ и найма караульщиковъ, когда составлены были тѣмъ и другимъ инструкціи, градской голова предложилъ вопросъ о запасныхъ водоемахъ. Важный этотъ вопросъ былъ оставленъ до слѣдующаго засѣданія. Въ слѣдующее засѣданіе онъ былъ занятъ возраженіями, расцѣпывать которыя мнѣ, право, не хочется. Мнѣ за нихъ совѣстно. Я не ожидалъ встрѣтить здѣсь образцовой апатіи къ близкому намъ дѣлу, быстро переходившей въ несдержанное раздраженіе. 22 апрѣля, въ той же залѣ, при такомъ же скудномъ собраніи домовладѣльцевъ, были прочитаны положенія, выработанныя комиссіей, ограничивавшіяся только: раздѣленіемъ города на участки, порядкомъ выбора старостъ и найма караульщиковъ, и инструкцій тѣмъ и другимъ. Городъ разбить на 50 участковъ, старостъ назначено 99, караульщиковъ 192. Каждому участку предоставлено свободное право выбирать старостъ и производить раскладку денежнаго сбора, идущаго на плату караульщикамъ. Если участокъ, почему либо, не можетъ или не захочетъ нанимать карауль, то онъ обязывается выставлять караульщиковъ изъ очередныхъ домохозяевъ,

подчинивъ ихъ по общему порядку старостъ. Эта, такъ называемая натуральная повинность адресована комиссіей къ слободамъ, окружающимъ городъ и населеннымъ больше бѣдняками». Затѣмъ были составлены инструкции старостамъ и караульщикамъ довольно курьезныя по той полицейской власти, которою облекли этихъ людей. Напримеръ, караульщикъ, при возбужденномъ подозрѣніи, можетъ входить во внутрь каждаго двора, руководствуясь однимъ добрымъ цѣлямъ; онъ слѣдитъ за каждымъ входящимъ и выходящимъ изъ него; если кто вышелъ не съ пустыми руками, то караульщикъ можетъ остановить его, осмотрѣть; караульщикъ прислушивается ко всякому слову и звуку, возбуждающему подозрѣніе; караульщикъ останавливается и усмиряетъ всякую брань, всякій крикъ, нарушающій благочиніе и т. д. Но сдѣлавъ изъ своихъ мѣщанъ городскихъ сержантовъ, пензенцы не порѣшили главныхъ вопросовъ: о наливныхъ водоемахъ, о водопроводахъ и о сдачѣ пожарнаго депо обществу. «Всѣ эти вопросы, говоритъ корреспондентъ, были переданы собравшемуся обществу. Общество не все отвѣчало на нихъ. Отвѣчали избранные, люди если не передовые, то всегда, въ подобныхъ случаяхъ, впереди стоящіе. Вотъ отвѣты нѣкоторыхъ изъ нихъ: *Одинъ* на вопросъ о наливныхъ водоемахъ отвѣчалъ такъ: — Помилуйте! это будетъ стоячая, вонючая вода, которая произведетъ заразу! — *Другой*. Я могу сказать одно, господа, что Петербургъ стоитъ на водѣ, а Апраксинъ дворъ сгорѣлъ! — *Третій*. Это совершенно зависитъ отъ общества, господа. Я, на лѣто, всегда уѣзжаю въ деревню. — *Четвертый*. Какъ хотите! мой домъ застрахованъ. — *Пятый*. А гдѣ взять денегъ! — *Шестой* въ другой комнатѣ курить папиросу и только поддакивается. — *Седьмой*, вмѣсто отвѣта, проситъ сдѣлать то старостой надъ старостами и караульщиками. Я буду ѣздить верхомъ, говоритъ онъ — и хохочетъ... Разговоръ о водопроводахъ, о сдачѣ пожарнаго депо не начинался. Почти всѣ почтенные домовладѣльцы взяли шапки и скрылись за косякомъ двери. Конецъ концовъ тотъ, что нагорная часть нашего города осталась безъ воды. Ударить трещеткой тревогу караульщикъ, выслочимъ мы полусонные, потерянныя, испуганныя, взглянемъ на только-что загорѣвшійся уголъ нашего дема, будемъ кричать: *воды!* намъ могутъ отвѣчать: *есть вода, сударь, да воточая!* Между тѣмъ водоемъ въ 3000 ведеръ стоитъ только 430 рублей!...»

Если бы читателю не было объяснено, что это пишется о

Денѣ, то въ какомъ бы городѣ Россіи онъ ни проживалъ, онъ могъ бы подумать, что это говорится о его городѣ. Во всѣхъ нашихъ провинціальныхъ собраніяхъ, если въ нихъ не председательствуетъ или неучаствуетъ власть, дающая собранію строгій характеръ дисциплины и внушающая членамъ нѣкоторый страхъ, является поистинно милая шаловливость, облекаемая въ форму наивнаго, дѣтскаго остроумія. Люди собираются для обсужденія серьезнаго дѣла; положимъ, что серьезно и основательно обсудить его они не въ состояніи—винить ихъ въ этомъ конечно нельзя, не дасть Богъ способностей — ничего не надѣлаешь: но зачѣмъ же шалить? Зачѣмъ не имѣть настоядно чувства достоинства, чтобы не выставять себя неразумнымъ дитятей? Но опять, гдѣ же взять чувство достоинства, когда его нѣтъ? И вотъ отъ какихъ людей зависитъ иногда судьба вопроса коренной государственной важности, вопроса объ имуществѣ и жизни людей. Шалунамъ говорить: «господа, ваше имущество въ опасности, подумайте, какъ бы его спасти, а они отвѣчаютъ: сдѣлайте насъ начальниками, мы будемъ ѣдить верхомъ». Пусть сѣмяный народъ беспеченъ и неразумителенъ; говорить, это отъ его невѣжества и необразованія; но отчего же шалить образованные, относящиеся къ сѣмянамъ свысока? Ужъ не оттого ли, что они образованы, т. е. ходятъ въ пальто и ѣдятъ котлеты? Къ сожалѣнію, шалуновъ ничему другому и не учили.

Между тѣмъ пожары не стануть ждать, когда шалуны остепенятся и стануть разсудительными; къ тому времени можетъ выгорѣть Россія десять разъ изъ конца въ конецъ. Что же дѣлать?

IV.

Есть люди, имѣющие весьма своеобразное понятіе о свободѣ, и такими людьми особенно богата Россія. У насъ свободой называютъ возможность самодурничать, дѣлать все, что взбредетъ на умъ, и «не препятствуй моему здраву» составляетъ сущность русскаго философскаго ученія о свободѣ. Вообразите общество, состоящее изъ людей самого тонкаго, всесторонняго ума, страну, гдѣ что ни человекъ, то Бѣдинскій или Добролюбовъ; для такихъ людей конечно нецужны предупредительныя мѣры и можно смѣ-

ло не препятствовать ихъ нраву, потому что никто изъ нихъ не сдѣлаеть никакой глупости и сдѣлаетъ согласить свои личные интересы съ интересами общими. Но если составъ общества другой, если въ людяхъ не существуетъ рѣшительно ни малѣйшаго понятія о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ, если не существуетъ въ людяхъ сознанія экономической солидарности, то благосостояніе общества возможно только при такихъ мѣрахъ, которыя обуздывали бы проявленіе личнаго самодурства, наносящаго вредъ большинству. Если бы наше общество —сермяжное и образованное—обращалось бы съ огнемъ осторожно; если бы оно понимало само, что ему нужно дѣлать, чтобы не было жаровъ, и дѣлало бы это въ дѣйствительности, то конечно Россія была бы страной счастливой, потому что ея граждане были бы, можетъ быть, самыми разумными. Разумѣется, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы мы со-временемъ не достигли такой разумности; но пока ее нужно еще достигнуть, а для этого—пережить многое, многое число лѣтъ, и до того времени пожары будутъ разорять насъ ежегодно, напося намъ такой же убытокъ, какъ если бы мы вели настоящую войну: то остается только одно средство—употребить для предупрежденія пожаровъ нѣкоторыя обязательныя для всѣхъ мѣры. Другого средства нѣтъ, потому что общаго сознанія намъ скоро не дождаться. Слѣдовательно, на обязательныя мѣры для предупрежденія пожаровъ и для сохраненія народа отъ постоянного его раззоренія огнемъ, нужно смотрѣть, какъ на государственную, экономическую мѣру, безъ которой вся страна должна непремѣнно страдать; безъ которой матеріальное благосостояніе народа будетъ возвышаться или очень медленно или даже стоять на одномъ уровнѣ; безъ которой и ежегодныя экономическія потери будутъ отражаться на промышленности, на торговлѣ страны и на государственныхъ финансахъ; безъ которой, наконецъ, будутъ истощаться усиленнымъ образомъ и естественныя наши богатства. На послѣднее обстоятельство у насъ еще мало обращали вниманія. Извѣстно, что каждый годъ сгораетъ у насъ до 60,000 крестьянскихъ дворовъ. По закону, на дворъ полагается 100 корней; слѣдовательно для выстройки вновь всѣхъ погорѣвшихъ домовъ нужно въ годъ 6,000,000 строевыхъ деревьевъ. Этотъ усиленный, чрезвычайный расходъ идетъ странѣ чисто въ убытокъ, потому что на этотъ лѣсъ, идущій на возобновленіе погорѣвшихъ домовъ, можно смотрѣть, какъ на сгорающій на корнѣ. А какъ на десятипѣ считается среднимъ числомъ сто строевыхъ

деревь, слѣдовательно ежегодно истребляется у насъ, по случаю пожаровъ, до 60,000 десятинъ строевого лѣсу. При нашей бѣдности въ лѣсѣ такое истребленіе очень чувствительно; а при отсутствіи у насъ лѣсного хозяйства зло это совершенно вознаградимо. Придерживаясь приведеннаго расчета, мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если скажемъ, что въ нынѣшнемъ столѣтіи, для возобновленія истребленныхъ огнемъ крестьянскихъ построекъ, у насъ было вырублено 3,900,000 десятинъ строевого лѣса. Послѣ всего сказаннаго, думаю, что читатель согласится, что на пожарное дѣло въ Россіи нельзя смотрѣть легко, и что противъ пожаровъ нужно наконецъ принять весьма дѣятельныя и энергическія мѣры, придавать имъ не частный, мѣстный характеръ, а общій, государственный.

Противопожарныя средства, по существу своему, распадаются на мѣры предупредительныя и на средства, возстановляющія потери. Къ первымъ принадлежатъ: осторожное обращеніе съ огнемъ, соотвѣтственная архитектура домовъ и устройство пожарной части. Ко вторымъ: страхованіе. Въ томъ и другомъ отношеніи ни одна страна въ мірѣ не находится въ такихъ невыгодныхъ условіяхъ, какъ Россія, и вотъ почему нигдѣ нѣтъ такихъ пожаровъ, какъ у насъ, и нигдѣ страхованіе не подвергается такимъ рискамъ.

Хотя лучшимъ средствомъ для развитія въ народѣ осторожности съ огнемъ было бы возвышеніе его матеріальнаго благосостоянія, такъ чтобы лучина-зажигательница смѣнилась бы свѣчами, чтобы соломенные крыши замѣнились деревянными и черепичными; но какъ подобная перемѣна экономическаго быта совершенно невозможна въ ближайшемъ будущемъ, то остается обратиться къ такимъ средствамъ, которыя были бы возможны при настоящемъ уровнѣ хозяйственныхъ средствъ нашего народа. Единственное средство пока: постройка деревень съ большими промежутками между домами; устройство въ деревняхъ пожарной части; а самое главное—страхованіе. Все это очень хорошо у насъ извѣстно всѣмъ и не только извѣстно, но казенныя управленія принимали даже мѣры, чтобы дома строились съ промежутками; чтобы въ каждой деревнѣ были пожарныя трубы и инструменты, и чтобы у крестьянъ было устроено взаимное застрахованіе. Если все это извѣстно, то отчего же пожары и убытки? Да только потому, что наши деревни и до сихъ поръ строятся безъ всякаго толку и порядку; что пожарныхъ инструментовъ въ деревняхъ или вовсе нѣтъ, или же имѣется нигуда негодная дрянь: разохнувшіяся бочки

и недействующие насосы; а взаимное застрахованіе только еще начинается.

Въ городахъ дѣйствуютъ тѣ же причины и нѣкоторыя изъ нихъ даже въ болѣе усиленной степени. Хотя наши города и стоятъ обыкновенно при рѣкахъ, но во время пожаровъ отъ рѣкъ нѣтъ почти никакого толку. Города приклоняются къ рѣкамъ обыкновенно только одной стороною; нагорныя же части бывають расположены далеко, такъ что за водой приходится скакать версты двѣ или три. Это бы все еще ничего, если бы имѣлись у рѣкъ устроенные берега и спуски; но этого нѣтъ ни въ одномъ городѣ, такъ что бочка, прискакавшая къ берегу, можетъ спуститься къ рѣкѣ или съ большимъ трудомъ и еще съ большимъ трудомъ должна, налившись, извлекаться изъ береговой грязи, или же остановиться на яру и налиться водой какъ богъ положить на разумъ пожарнымъ. Такое скаканье взадъ и впередъ мучитъ только людей, отнимаетъ руки отъ прямого тушенія пожара, и обыкновенно вода доставляется на мѣсто такъ медленно, что въ ней всегда бываетъ недостатокъ; на мѣстѣ пожара кричатъ: воды, воды, воды! а между тѣмъ бочки раскачались по всѣмъ сторонамъ и воды нѣтъ. Смѣхъ и горе! Чѣмъ городъ больше, чѣмъ онъ дальше лежитъ отъ рѣки, тѣмъ больше затрудненій съ водой. Кромѣ того, есть у насъ еще и такіе города, которые лежатъ на нагорныхъ берегахъ; спусковъ къ водѣ нѣтъ никакихъ и мѣстные жители, незнающіе употребленія бочекъ, носятъ воду долгою ведрами и для добыванія ея карабкаются къ рѣкѣ и назадъ на берегъ, какъ кошки. Какимъ образомъ добывать въ такихъ городахъ воду во время пожара, чтобы въ ней не было недостатка? Наши городскія власти, заботящіяся объ устройствѣ пожарной части, меньше всего думаютъ о водѣ. Каждый, желающій отличиться, считаетъ себя спасителемъ отечества, если онъ разставитъ бочки и трубы въ порядкѣ въ пожарномъ сараѣ; и если ему удастся уговорить городское общество и купить новый пожарный насосъ, то онъ считаетъ себя достойнымъ даже національной награды, въ рядѣ мѣста председателя казенной палаты. Но спасители отечества не соображаютъ обыкновенно того, что можно имѣть превосходное пожарное депо и паровые насосы, выкачивающіе въ минуту тысячу ведеръ воды, а если выкачивать нечего, то отъ всѣхъ этихъ драгоценныхъ инструментовъ столько же толку, какъ если бы ихъ и совсѣмъ не было. Поэтому у насъ вопросъ первой важности не въ

томъ, чтобы завести цегольские, дорого стоящие инструменты, а чтобы устроить во всѣхъ городахъ бассейны воды, изъ которыхъ во время пожара было бы удобно и скоро доставлять воду для тушения въ количествахъ для этого необходимомъ. Конечно сильно-дѣйствующія трубы лучше слабыхъ; но пусть сильными трубами оборудуются Петербургъ и Москва; а для нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ хороши и насосы обыкновенные, лишь бы ихъ было много и лишь бы не было недостатка въ водѣ. Будутъ-ли для этого удобны резервуары наливные, или пруды, или водопроводы — зависитъ отъ характера мѣстности и средствъ городовъ; но главная сущность все-таки въ томъ, чтобы каждый городъ устроилъ у себя водохранилища, и съ этого должно начаться устройство пожарной части нашихъ городовъ.

Послѣ ведомствъ, главный вопросъ въ устройствѣ пожарной команды. У насъ обыкновенно пожарную команду изображаютъ человѣкъ 6 — 10 жалостныхъ, крѣпкихъ инвалидовъ, усиливающихся придать себѣ бодрый, военный видъ. На пожарахъ отъ этихъ молодцовъ не бываетъ обыкновенно никакого толку, потому что тушениемъ занимаются дилетанты, или въ видѣ солдатъ стоящаго въ городѣ полка, или мѣстные ремесленники, если городъ фабричный, или же просто мѣстная мѣщанская удалая молодежь. Не являясь на пожары дилетанты, пожарная команда только бы посрамилась, не принося никакой существенной пользы. Слѣдовательно очевидно, что постоянной пожарной командой, особенно въ большомъ размахѣ, нѣтъ не зачѣтъ. Потому что если вмѣстѣ теперешнихъ калекъ-инвалидовъ завести молодцовъ дѣйствительныхъ, сильныхъ, смѣлыхъ, энергическихъ, и въ числѣ таковыхъ, чтобы ненужно было прибѣгать къ дилетантамъ, то для этого потребуются слишкомъ большія средства. Правда, что имъ бы можно было найти занятія; но сомнительно, чтобы традиція общества, особенно небогатая и бѣдная, согласилась держать команду въ 50 — 100 человѣкъ и платить каждому рублей 5 — 6 въ мѣсяцъ. Поэтому было бы выгоднѣе всего жить при пожарномъ дѣлѣ постоянныхъ служащихъ только въ такомъ числѣ, какое необходимо для содержанія въ порядкѣ трубъ и инструментовъ и для ухода за лошадьми, а пожарную команду сформировать изъ любителей. Но вѣдь и это извѣстно уже всѣмъ, а въ Останковѣ уже и существуетъ подобная команда.

Въ городскихъ пожарныхъ нужно бы также побольше разумно-

сти и сообразительности, чѣмъ ихъ имѣется у насъ въ наличности теперь. Даже въ Петербургѣ и въ Москвѣ встрѣчаются дома, строенныя безъ всякой мысли о возможности пожара; а въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ всѣ постройки такого рода, какъ будто-бы архитекторы и домохозяева именно того и желаютъ, чтобы облегчить каменнымъ домамъ возможность сгорѣть до тла. У громадныхъ каменныхъ домовъ, раздѣляемыхъ брандмауерами и потому съ уличнаго фасада представляющихся обезпеченными на случай пожара, на дворѣ, во всю заднюю стѣну и по всѣмъ этажамъ, идутъ деревянныя галлерей и деревянныя лѣстницы. Внутреннія лѣстницы тоже деревянныя. Отъ этого происходитъ то, что если такой домъ загорится, то брандмауеры оказываются вещь совершенно бесполезной, и огонь проходитъ свободно изъ одного этажа въ другой, и изъ одного отдѣленія дома въ другое. Эти деревянныя галлерей и лѣстницы въ большихъ каменныхъ домахъ ужасны тѣмъ, что если онѣ загораются, то жильцамъ четвертаго этажа одно средство спастись отъ огня — выскочить въ окно, что называется: изъ огня да въ полымя. Кромѣ того, всѣ надворныя строенія у каменныхъ, домовъ всегда деревянныя, также какъ и заборы, отдѣляющіе дома отъ сосѣднихъ зданій. Такъ что, въ отношеніи безопасности отъ пожаровъ, каменные провинціальныя дома ничѣмъ не лучше деревянныхъ. Въ уѣздныхъ же городахъ есть своя особенность, очень благопріятная для пожаровъ; впрочемъ эта особенность не архитектурная, а хозяйственная: домовитые жильцы или даже домохозяева становятся у себя, на дворѣ, цѣлые стога сѣна, что хотя сообщаетъ домамъ пріятный, сельскій характеръ, но зато увеличиваетъ опасность отъ огня. Чтобы самый способъ постройки застраховывалъ дома по возможности отъ пожаровъ, , нужно, чтобы каменные дома имѣли непременно каменныя лѣстницы; чтобы у нихъ не было никакихъ наружныхъ деревянныхъ пристроекъ; чтобы заборы, отдѣляющіе каменные дома, были бы тоже каменные, и вообще, чтобы наши губернскія и уѣздныя постройки приближались по возможности къ столичнымъ. Но для осуществленія такого похвальнаго желанія не достаетъ только одной вещи—денегъ. Имѣй наша провинція такія же средства, какъ Петербургъ или Москва, то нынѣшніе жалостные, губернскіе и уѣздные города уподобились бы столицамъ. А какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, то очевидно, что и всѣ пожарныя средства должны быть принаровлены къ условіямъ быта и свойствамъ обитателей той

страпы, гдѣ они должны дѣйствовать. Русскую жизнь вообще заѣдает бѣдность; отъ бѣдности страдаютъ у насъ сельскія мѣстности, отъ нея же страдаютъ и города. Поэтому у насъ прежде всего должны быть выдвинуты впередъ общественныя предупредительныя мѣры, будутъ ли онѣ приняты самими городскими и сельскими обществами или полицейской, казенной властью — все равно. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ сильно убѣжденіе, что чему быть, того не миновать, необходимо, чтобы духовенство искореняло въ народѣ фатализмъ; чтобы оно объясняло ему, что ни въ какой книгѣ судебъ не написано, что Россія должна выгорать вся втеченіи пятнадцати лѣтъ; что если бросите горящую лучину въ сѣно, то, назначено ему сгорѣть или нѣтъ, но оно сгоритъ непремѣнно. Нужно наконецъ, чтобы то же духовенство знакомило народъ съ явленіями природы и съ основными физическими законами. Другихъ средствъ для воспитанія народа у насъ нѣтъ и другимъ народнымъ наставникамъ явиться у насъ не откуда. Если бы общество распространенія полезныхъ книгъ или общество грамотности сочинило одну только книгу, но книгу, въ которой бы, безъ всякихъ глупыхъ прибаутокъ и поддѣльванія подъ мужицкій языкъ, рассказывались народу простыя вещи и явленія природы, имѣющія прямое отношеніе къ его быту, и если бы подобная книжка читалась и объяснялась священниками своимъ прихожанамъ, то такая одна книжца принесла бы народу во сто разъ больше пользы, чѣмъ сотни изданій, отпечатанныхъ обществомъ въ несмѣтномъ числѣ экземпляровъ. Такъ какъ отъ пожаровъ страдаютъ у насъ по преимуществу сельскія мѣстности, гдѣ помимо матеріальныхъ причинъ, зависящихъ отъ бѣдности, играютъ важную роль суевѣріе и незнаніе, то противъ нравственнаго зла нужно принимать и нравственныя средства. Единственное, что возможно сдѣлать теперь въ этомъ отношеніи, заключается въ распространеніи знаній черезъ сельское духовенство, потому что другимъ способомъ воспитаніе народа у насъ невозможно. Но какъ въ народѣ воспитаніе осторожности не можетъ совершаться скоро, такъ какъ матеріальныя условія быта, помогающія пожарамъ, тоже скоро не измѣнятся, то Россія еще долго суждено страдать отъ пожаровъ, и слѣдовательно нужно искать спасенія по преимуществу въ вознагражденіи потерь, представляемыхъ застрахованіемъ.

Судя по тѣмъ потерямъ, которыя испытываетъ Россія отъ пожа-

ровъ, можно было бы полагать, что страхованіе должно у насъ сильно развиваться и приносить значительныя выгоды страховымъ обществамъ. На дѣлѣ же оказывается совсѣмъ прохвально. Страхованіе прививалось у насъ чрезвычайно медленно, такъ что для существованія страховыхъ компаній потребовались привилегіи, предохраняющія ихъ отъ конкурренціи. Въ то время, какъ въ Англіи существуютъ 31 лондонскія страховыя компаніи и 32 провинціальныя, въ Россіи, страдающей въ десять разъ болѣе отъ пожаровъ, существуетъ только пять обществъ, да и то только съ 1858 года; до этого же времени было у насъ всего лишь три страховыхъ общества; въ то время, какъ англійскія компаніи заплатили въ 1863 году одной полиціи за полицы 11,000,000 руб. сер., у нашихъ компаній общій ихъ складочный и запасной капиталы составляютъ лишь 12,616,085 р. Въ 1864 году наши пять обществъ получили отъ страхованій, премій и интересовъ всего 4,288,730 р. 85 к., а истратили на пожарныя убытки и другіе расходы 4,038,467 р. 45 к.; слѣдовательно чистая прибыль всѣхъ компаній составила 250,263 р. 40 к., или только 2 $\frac{1}{2}$ % на ихъ складочный капиталъ. Дивиденды были выданы только тремя обществами: Первымъ, Вторымъ и Саламандрой, а Петербургское и Московское общества дивиденда не выдавали. При этомъ, 1-е страховое общество, для выдачи дивиденда въ 4% или по 16 р. на акцію, вынуждено мѣ запаснаго капитала 100,520 р. 33 к. Если къ этому присоединить еще упадокъ курса всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыя помѣщены капиталы Обществъ и упадокъ курса на акціи, который пѣнится въ 1 $\frac{1}{2}$ милліона противъ ихъ номинальной цѣны, то нужно будетъ согласиться, что страховое дѣло въ Россіи находится въ очень печальномъ положеніи. Только одинъ свѣтлый лучъ даетъ еще надежду, что, несмотря на печальное состояніе дѣлъ страховыхъ компаній, страховое дѣло, хотя и медленно, но все-таки подвигается у насъ впередъ. Этотъ свѣтлый лучъ — постепенно увеличивающаяся сумма страхованій:

въ 1857 году было застраховано на	376	млрд. р.
» 1858 » » »	472	»
» 1859 » » »	587	»
» 1860 » » »	627	»
» 1861 » » »	680	»

1862 » » » 758 » » »
 1863 » » » 782 » » »

Но этот свѣтлый луч надежды горитъ не для страховыхъ компаний; онъ служитъ имъ только фанеломъ, освѣщающимъ ихъ будущую потѣлу; лучъ надежды горитъ для обществъ взаимнаго страхования, которыя стали появляться у насъ въ послѣднее время.

Чтобы опредѣлить читателю двумя словами разницу между частными акціонерными компаниями и обществами взаимнаго страхования, я скажу, что первыя служатъ представителями буржуазнаго начала — капитала; а вторыя представителями народнаго — труда. Изъ этого читатель пойметъ, что вопросъ о страхованіи долженъ принадлежать у насъ въ вопросамъ спорнымъ, раздѣляющимъ мнѣнія общества и литературы. Литература, какъ и слѣдовало ожидать отъ русской литературы, частью совсѣмъ не касалась этого вопроса (какъ это сдѣлала въ лучшіе органы), или же высказалась въ пользу частныхъ страховыхъ обществъ (какъ это сдѣлали наши промышленныя, торговыя и разныя другія ежедневныя газеты). Такимъ образомъ наша публика въ настоящій моментъ находится въ недоумѣніи, рѣзительно не зная, на которой сторонѣ правда и куда ей пристать.

Въ частныхъ или акціонерныхъ обществахъ, имѣющихъ исключительно промышленный характеръ, все дѣло основано на расчетѣ барыша. Люди, имѣющіе свободные капиталы и желающіе получить на нихъ приличныя проценты, складываютъ деньги въ одинъ общій капиталъ; берутъ на страхъ имущество, за что страхователь платитъ имъ премію; въ случаѣ пожара застрахованнаго имущества выплачиваютъ страхователю сумму, въ которую его имущество было астраховано, и затѣмъ въ концѣ года, подведя итогъ приходу и расходу, распределяютъ между акціонерами барышъ. Весь расчетъ акціонерныхъ страховыхъ компаний основанъ на томъ, чтобы держать страховыя преміи на возможной высотѣ; т. е. брать отъ страхователей самую большую сумму, какую они платятъ согласятся.

Теорія взаимнаго страхования пѣсколько иная. Это общая складчина лицъ, равноправныхъ, взаимно-обезпечивающихъ убытки, понесенные другъ другомъ отъ пожара. Здѣсь не только нѣтъ рѣчи о барышахъ, а напротивъ, имѣется въ расчетѣ образовать изъ страховыхъ премій капиталъ такого размѣра, который бы одними своими процентами могъ впоследствии покрывать пожарныя убытки,

такъ чтобы взносы наконецъ прекратились. Обезпечивъ себя такимъ капиталомъ, общество уже не платитъ ни копѣйки страховыхъ премій; а между тѣмъ, въ случаѣ пожара, убытки его возмѣщены.

Изъ этого изложенія основной сущности взаимнаго и акціонернаго страхованій видно, что одно изображаетъ прогрессивное, общественное начало, съ несомнѣнно успѣшнымъ будущимъ; а другое — ошибочное экономическое основаніе, отживающее свое время.

Противники взаимнаго страхованія, обыкновенно, соглашаются съ теоретическою правильностію основной его мысли; но они указываютъ на цѣлый рядъ практическихъ неудобствъ, мѣшающихъ ея осуществленію въ настоящее время. Они говорятъ, что для успѣха взаимнаго страхованія необходима болѣе развитая общественная совѣсть, чѣмъ какая существуетъ у насъ, лучшее пониманіе своихъ гражданскихъ обязанностей и болѣе правильныя правительственныя отправленія. За-границей, гдѣ всѣ эти условія гораздо благоприятнѣе, чѣмъ у насъ, и тамъ взаимное страхованіе не могло установиться, такъ что всѣ основавшіяся общества взаимнаго страхованія или прекратили свое существованіе или превратились въ акціонерныя компаніи, и изъ всѣхъ обществъ, основанныхъ на взаимности, осталось только одно—Готское. Если же подобныя общества не могли удержаться за-границей, то какъ же удержаться имъ у насъ?

Но и Готское общество не можетъ служить намъ примѣромъ, потому что кругъ его дѣйствій ограниченъ цѣлымъ германскимъ союзомъ, тогда какъ у насъ кругъ дѣйствій ограничивается только предѣлами того города, въ которомъ учреждено общество. Успѣшность существованія страховыхъ обществъ возможно только тогда, когда страховые риски распределяются надлежащимъ образомъ. Но если риски сосредоточиваются на одномъ пунктѣ, то никакое страхованіе невозможно, потому что, кромѣ убытковъ, оно не обѣщаетъ ничего. Наши страховыя компаніи, не обращавшія на этотъ вопросъ надлежащаго вниманія и не установившія крайнихъ предѣловъ риска, каковымъ онѣ могли бы подвергаться, нѣсколько разъ несли чувствительныя потери, когда имъ приходилось выплачивать преміи за огромные, повальные пожары. Если такимъ образомъ могутъ колебаться въ своемъ основаніи общества, имѣющія большой кругъ дѣйствій и распределяющія свои риски на значительное число мѣстностей, то каковымъ образомъ существовать взаимному страхованію, когда оно ограничивается предѣлами одного города или одной небольшою

лѣтности? Къ чему бы повело взаимное страхованіе въ Симбирскѣ, когда погорѣлъ весь городъ и у жителей не осталось ни копейки? Какъ будутъ помогать въ такомъ случаѣ другъ другу бѣдняки, когда ни у кого изъ нихъ нѣтъ никакихъ средствъ? Представьте себѣ, что устроила взаимное страхованіе какая нибудь деревня, собрала съ души по 25 до 50 коп. или даже до рубля, и затѣмъ погорѣла: промѣ собранныхъ четвертаковъ нѣтъ у жителей другихъ запасныхъ средствъ; но развѣ на четвертакъ можно выстроить домъ? Пожаръ, даже такого огромнаго и богатаго города, какъ Гамбургъ, показалъ, что взаимное страхованіе вещь невозможная. Даже въ Петербургѣ, гдѣ все каменные зданія, гдѣ существуютъ водопроводы, гдѣ превосходная пожарная команда, взаимное страхованіе не можетъ существовать, потому что одинъ подобный пожаръ, какъ пожаръ 1862 г.—и страховыя средства изсякнутъ, и нужно начинать дѣло сначала. Что же сказать о нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ постройки все деревянные, воды нѣтъ, а пожарная часть нигде не годится? И для чего это новое взаимное страхованіе? Развѣ прежнія пять страховыхъ обществъ не удовлетворяютъ своей цѣли или не удовлетворяютъ возрастающей потребности страхованія? Ничего этого нѣтъ. Страховыя общества существуютъ, цѣли своей они удовлетворяютъ, и страхованіе ежегодно увеличивается. А если это такъ, то какая выгода странѣ отъ того, что общества взаимнаго застрахованія, подорвавъ общества акціонерныя, лопнуть наконецъ и сами? Кто же тогда будетъ вознаграждать пожарныя убытки, и есть-ли возможность предполагать, чтобы могли устроиться новыя общества? Способъ взаимнаго застрахованія вовсе не возникаетъ изъ народныхъ потребностей, а потому и общества взаимнаго застрахованія явятся у насъ чѣмъ-то чуждымъ и несовременнымъ: они не будутъ имѣть никакихъ корней въ обществѣ.—И въ нравственномъ отношеніи они принесутъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу; потому что увѣренность въ вознагражденіи убытковъ породитъ еще большую безпечность и большую неосторожность обращенія съ огнемъ, чѣмъ нынче.—Ожидаемыя денежныя выгоды соображены тоже невѣрно. Предполагаютъ, что взаимное застрахованіе дастъ возможность страховать дешевле, потому что, при этомъ способѣ, прибыли не входятъ въ расчетъ. Если дешевизна и точно явится, то конечно не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, потому что нужно будетъ сначала составить запасной капиталъ; что же касается до воображаемой возможности не пла-

тять со-временемъ вовсе страховыхъ премій и, несмотря на то, все-таки пользоваться правомъ на вознагражденіе, то это больше ничего, какъ иллюзія, ибо на составленіе таковаго капитала, проценты котораго достали бы на возмѣщеніе пожарныхъ убытковъ, нужно по-крайней мѣрѣ пятьдесятъ лѣтъ. Однимъ словомъ, противники взаимнаго застрахованія смотрятъ на него, какъ на нѣчто мечтательное, какъ на кабинетную теорію, которая можетъ сбить насъ съ толку и не поведетъ ни къ чему, кромѣ убытковъ, тѣмъ болѣе тяжелыхъ для общества, что и акціонерныя общества должны будутъ прекратить свое существованіе, и тогда мы остаемся не при чемъ.

Но проповѣдуя такія вещи, люди, заинтересованные въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, не обратили вниманія на то, что всё ихъ доводы рѣшительно ничего не доказываютъ, а если у нихъ и являюся замѣчанія справедливыя, то они справедливы только относительно.

Совершенно справедливо, что въ гражданскомъ, да и во всякомъ другомъ отношеніи, мы стоимъ далеко позади нашихъ западныхъ сосѣдей, и что правительственныя управленія у насъ не такъ правильны, какъ у нихъ; но только что же изъ этого? и почему это должно мѣшать взаимному страхованію, если оно не мѣшало страхованію акціонерному? Нужно, напротивъ, думать, что взаимное страхованіе представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе благоприятныхъ условій. Наши страховыя акціонерныя компаніи страдаютъ, точно, отъ дурнаго управленія и отъ недостатка способныхъ агентовъ; въ ихъ управленіи до сихъ поръ старый бумажный формализмъ и, какъ увѣряютъ знающіе люди, попадають и до сихъ поръ директоры, совершенно незнающіе своего дѣла. Все это конечно дурно, и во всемъ виноваты сами акціонеры, неумѣющіе поступать расчетливѣе. Но дѣло въ томъ, что внутренній порядокъ страховыхъ компаній организованъ уже давно, и во первыхъ — по старой рутинѣ, а во вторыхъ — и самъ по себѣ онъ успѣлъ сдѣлаться рутинной. Этой невыгоды не предостолтъ обществамъ взаимнаго застрахованія; потому что вмѣстѣ съ земскими учрежденіями у насъ сталъ являться выборный элементъ, котораго прежде не было, и что бюрократическій элементъ и его чиновно-аристократическое представительство не найдутъ себѣ такихъ теплыхъ помѣщеній, какими снабдили ихъ акціонеры петербургскихъ предпріятій. Значить въ взаимномъ страхованіи представителемъ

своихъ интересовъ явится само общество; оно будетъ страхователемъ и страховщикомъ; оно будетъ и агентомъ и директоромъ и, дѣйствуя такимъ образомъ не черезъ людей, заинтересованныхъ однимъ жалованьемъ и несвязанныхъ никакими другими интересами съ страховымъ предпріятіемъ, оно поставитъ свое дѣло конечно лучше, чѣмъ акціонерныя страховыя компаніи.

Что общества взаимнаго страхованія не могли удержаться за-границей, изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ. Многое не дѣлается за-границей, особенно въ Германіи, въ томъ видѣ, какъ оно дѣлается у насъ потому, что буржуазный элементъ тамъ выработался вполне, а у насъ, онъ живетъ только вразбросъ во всѣхъ слояхъ общества и заявляетъ весьма слабую коллективную силу, подавляемую обыкновенно другими вліяніями. И крестьянскій вопросъ не выработался бы въ Германіи въ такомъ видѣ, какъ онъ выработался у насъ: неужели же изъ этого слѣдуетъ, что рѣшеніе его у насъ непрочное?

Противъ замѣчанія, что общества взаимнаго страхованія явятся у насъ чѣмъ-то неорганическимъ, пеймьющимъ корней въ народѣ, можно возразить однимъ весьма убѣдительнымъ фактомъ. Когда у государственныхъ крестьянъ вводили обязательное взаимное страхованіе, то во многихъ мѣстахъ сельскія начальства, для скорости дѣла, предпочитали, вмѣсто словесныхъ убѣжденій, прибѣгать въ мѣрамъ болѣе энергическимъ. И когда затѣмъ случались пожары и крестьяне получали деньги на постройки, то они обращались къ своимъ энергическимъ начальникамъ съ благодарностью, что тѣ научили ихъ уму-разуму. Конечно, то же самое могло бы произойти и безъ энергическихъ мѣръ; но здѣсь вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, что послѣдователи органической теоріи желаютъ, чтобы взаимное страхованіе выдумали непременно русскіе мужики, и что такъ какъ не они его выдумали, то слѣдовательно оно не имѣетъ корней въ народѣ, и что еще удивительнѣе, будто бы оно *не возникаетъ изъ народныхъ потребностей*. Но вѣдь и чай и сахаръ не возникли изъ народной потребности, пока народъ ихъ не увидѣлъ и не попробовалъ; да и всѣ рѣшительно удобства и роскошь жизни пришли къ намъ тѣмъ же путемъ. Что же, отказаться намъ отъ чая, сахара, удобныхъ одеждъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, потому что не мы ихъ выдумали? Пожалуй можно, если вы дадите намъ ту же интеллектуальную и промышленную силу, какою владѣютъ англичане и американ-

цы. А если вы этого сдѣлать не можете, то и оставьте въ покоѣ органическую теорію, тѣмъ болѣе, что вы постоянно пользуетесь ею только тогда, когда вамъ нужно отстоять свои интересы; а ваши интересы — не интересы народа. Вотъ почему ваше примѣненіе не бываетъ никогда впопадъ.

Прежде чѣмъ было высказывать замѣчаніе о вредномъ нравственномъ вліяніи взаимнаго застрахованія, нужно было подумать о томъ, какими доказательствами оно можетъ быть подгрѣплено. И дѣйствительно, какое основаніе утверждать, что съ введеніемъ взаимнаго страхованія народъ станетъ безпечнѣе и неосторожнѣе, когда, напротивъ, если подобному злу явиться непремѣнно нужно, то оно возможно только при страхованіи акціонерномъ. При акціонерномъ страхованіи платитъ убытки лицо или учрежденіе, страхователю совершенно чуждое, тогда какъ при взаимномъ страхованіи платитъ самъ страхователь. Очевидно, что каждый убытокъ есть собственный убытокъ страхователя, а каждая выгода—его выгода. Поэтому понятно, что при взаимномъ страхованіи должна возрасти личная осторожность каждаго, и это не только вслѣдствіе личного денежнаго расчета, но и вслѣдствіе взаимнаго контроля и надзора сочленовъ. Та же личная выгода поведетъ и къ мѣрамъ предупредительнаго характера: къ устройству пожарной части, водоемовъ, почныхъ карауловъ и т. д. Въ доказательство, что такой выводъ вытекаетъ изъ самого существа взаимныхъ отношеній, привожу слудующій фактъ. Тульское общество взаимнаго застрахованія постановило: а) «Имѣть при обществѣ, по контракту, особаго печника, на котораго была бы возложена обязанность наблюдать за исправностію печей съ боровами и трубами и за чисткою изъ нихъ сажи въ предъявленныхъ на страхъ общества строеніяхъ. б) Безотлагательно просить г. губернатора о принятіи скорѣйшихъ мѣръ, дабы съ наступленіемъ весны, всѣ существующіе городскіе пруды, Матякинъ колодезь и водокачальни на рѣкѣ, а равно подъѣзды къ нимъ, содержимые на счетъ доходовъ, были приведены въ надлежащую исправность; чтобы въ мѣстахъ, гдѣ теперь вовсе нѣтъ водохранилищъ, устроены были таковыя вновь, при совѣщательномъ участіи управленія общества взаимнаго страхованія, и чтобы поставлены были насосы: два на зарѣчной сторонѣ р. Уны и одинъ на р. Хомутовѣ. в) Для поощренія людей къ болѣе дѣятельному тушенію пожаровъ, управленію предоставлено право выдавать денежныя награды, за каждый пожаръ не свы-

ше 50 р. тѣмъ лицамъ, не исключая и пожарную команду, кои при тушеніи пожаровъ и вообще при спасеніи застрахованныхъ въ обществѣ имущества, своею дѣятельностію и распорядительностію окажутъ замѣтную пользу.» Было-ли предпринято хотя что нибудь подобное акціонерными страховыми обществами, не смотря на то, что они существуютъ съ незапамятныхъ временъ, а тульское съ прошлаго года?

Но самый сильный доводъ, которымъ защитники акціонерныхъ кампаній думаютъ поразить взаимное страхованіе—недостатокъ денежныхъ средствъ. Они говорятъ, что взаимное страхованіе не можетъ быть дешевле акціонернаго. Но это невѣрно уже потому, что взаимное страхованіе не будетъ давать никому дивиденда; во вторыхъ, это невѣрно потому, что акціонерныя общества дѣйствуютъ чрезъ агентовъ, находящихся на жалованьи, число которыхъ, для успѣха дѣла, должно быть очень велико, тогда какъ сильнымъ помощникомъ страхованія взаимнаго является общественный капиталъ и общественное мнѣніе. Противники вовсе не подумали о томъ, какую выгоду обществу, во всѣхъ его операціяхъ, принесетъ этотъ неподкупный стражъ. Они точно также не подумали справиться съ существующими фактами, прежде чѣмъ отставать неправо дѣло, существовать которому рѣшительно невозможно. Общество взаимнаго страхованія въ Ригѣ составило въ два года запасной капиталъ въ 70.000 руб.; въ Полтавѣ, въ одинъ годъ, 7.500 руб.; въ Тулѣ, тоже въ одинъ годъ, 7.514 руб. Въ то же время расходы были замѣчательны по своей ограниченности. Тульское общество, на примѣръ, издерживало всего 701 руб. 28½ коп. и въ томъ числѣ 117 руб. были израсходованы на печатаніе полисовъ и еще часть суммы на единовременные расходы по обзаведенію. Уважьте подобное выгодное управленіе хотя въ одномъ акціонерномъ обществѣ, гдѣ завѣдываютъ люди, состоящіе исключительно на жалованьи и находящіеся внѣ контроля общественнаго мнѣнія? Указывая на безденежье нашихъ уѣздныхъ городовъ, защитники акціонерныхъ предпріятій не обратили вниманія на то, что имъ предстоитъ скорая реформа вслѣдствіе новыхъ основаній и правилъ для городского хозяйства, и что вслѣдствіе этой реформы бѣдные, промышленные города превратятся въ села и деревни, а богатые, промышленныя села въ города. Все это говоритъ еще больше противъ патяжекъ защитниковъ частнаго страхованія, хотя въ сущности об-

стоятельство это совѣтъ не такъ важно, ибо сильныя запасныя капиталы могутъ составиться независимо отъ степени богатства или бѣдности городовъ, если взаимному страхованію придать болѣе широкіе размѣры. Къ этому-то важному вопросу я и перехожу теперь, такъ какъ онъ составляетъ единственную слабую сторону взаимнаго страхованія въ томъ видѣ, какъ оно у насъ задумано.

Дѣйствительно, если каждый маленькій городокъ или каждая деревня будутъ составлять свое отдѣльное взаимно-страховое общество, то существованіе такихъ обществъ будетъ печально; но вѣдь если и акціонерныя общества будутъ составляться такимъ же образомъ, то и имъ предстоитъ то же. Теорія страховыхъ рисковъ остается одной и той же, будетъ-ли страхованіе взаимное или акціонерное. Поэтому было бы большою ошибкой не принимать въ взаимномъ страхованіи тѣхъ началъ, которыя выработаны уже акціонерными страховыми предпріятіями. Существенная разница между взаимнымъ и частнымъ страхованіемъ заключается вовсе не въ какой нибудь новой пожарной теоріи, а единственно въ другой постановкѣ экономическаго вопроса. Въ акціонерномъ предпріятіи страховщикъ—одно лицо, а страхователь—другое; между ними устриваются подобныя же отношенія, какъ на фабрикѣ между рабочимъ и хозяиномъ. Въ взаимномъ же страхованіи является принципъ ассоціаціи: здѣсь каждый рабочій въ то же время и хозяинъ и каждый хозяинъ въ то же время и рабочій. Но отъ этихъ новыхъ отношеній лицъ между собой техническая сторона ихъ общаго дѣла нисколько не измѣняется; все равно какъ на прядильной фабрикѣ процессъ производства остается тотъ же, будетъ ли фабрика принадлежать ассоціаціи или одному хозяину. Поэтому понятно, что страховая или пожарная теорія, выработанная акціонерными обществами, остается такой же основной теоріей и для взаимнаго страхованія, и послѣднее должно воспользоваться опытомъ первыхъ. Совершенно справедливо то, что взаимное страхованіе, ограниченное отдѣльными точками — городами или деревнями, существовать не можетъ, и при нашихъ повальныхъ пожарахъ, въ родѣ прошлогодняго симбирскаго или нынѣшняго козловскаго, отъ него не будетъ никакой помощи; вотъ почему ему и слѣдуетъ дать широкіе размѣры, такъ чтобы пожарные убытки не сосредоточивались на извѣстныхъ мѣстахъ, а напротивъ раскладывались на возможно большіе предѣлы. Изъ взаимнаго страхованія нужно сдѣлать не отдѣльное дѣло деревень или городовъ, а дѣло

обще-русское, дѣло всей страны. Предпринять его сразу въ такихъ огромныхъ размѣрахъ конечно невозможно, потому что у насъ ему едва только положено еще основаніе, и потому если рассчитывать на инициативу разныхъ городскихъ обществъ, обитающихъ въ разныхъ захолустьяхъ, или на инициативу сельскаго населенія, то, не дѣлая особенно большой ошибки, можно будетъ предположить, что какъ только уменьшатся толки о пожарахъ, напугавшихъ насъ такъ сильно въ прошедшемъ и въ нынѣшнемъ году, то весьма вѣроятно, что мы снова не додѣлаемъ дѣла, какъ это уже бывало съ нами нѣсколько разъ. Случится пожаръ—и мы зашевелимся: начнемъ устранивать пожарную команду, распредѣлимъ кону изъ жителей города или деревни являться на пожаръ съ какимъ инструментомъ, и для памяти и порядка на воротахъ дома даже приколотимъ дощечку съ изображеніемъ этого инструмента; на крышахъ всѣхъ домовъ наставимъ возлѣ трубъ вѣдки съ водой и съ помеломъ. Но вотъ прошелъ годъ, два, три благополучно—и ужъ мы забыли старый урокъ: и полиція и жители совѣмъ успокоятся; вода въ бочкахъ высохнетъ, дощечки съ изображеніями инструментовъ отвалятся, пожарныя трубы и бочки разсохнутся, и мы принимаемъ безпечный и довольный видъ обитателей золотого вѣка, пока лѣтъ черезъ десять опять не погоримъ окончательно. Тогда снова повторяется та же исторія. Вопросъ нашего времени въ томъ: избавились мы или нѣтъ окончательно отъ пожаровъ? Можно ли утверждать, что такіе громадныя пожары, какъ симбирскій, козловскій, казанскій, мнискій, пензенскій не повторятся? Можно ли утверждать, что наши деревни перестанутъ выгорать дотла и погорѣльцы не станутъ путешествовать съ сумой по міру? До сихъ поръ ежегодно выгорала въ Россіи пятнадцатая часть ея населенныхъ мѣстностей: не повторится это болѣе или будетъ повторяться? Очевидно, что повторится и впередъ, какъ повторялось до сихъ поръ; очевидно, что и впередъ мы будемъ принимать безпечный и счастливый видъ, забывая о пожарѣ на другой же день послѣ переѣзда во вновь отстроенный домъ. А потому если намъ, каждому въ частности, измѣнить такъ память, то нужно, чтобы противопожарныя мѣры принадлежали къ такимъ же общегосударственнымъ учрежденіямъ, какъ полиція и судъ и какъ общегосударственныя кредитныя учрежденія. Для этого нужно, чтобы взаимное страхованіе явилось обязательнымъ для всѣхъ жителей Россіи; чтобы стра-

ховыя премія обращались на составленіе общаго русскаго пожарнаго капитала. Обращать особенно нѣжное вниманіе на едва перебивающіяся частныя страховыя общества едва-ли будетъ справедливо. Общества эти чахнутъ давно и теперь, съ началомъ взаимнаго страхованія, имъ неизбѣженъ скорый конецъ. Акціонерамъ гораздо выгоднѣе ужь и теперь обратить свои капиталы на другія предпріятія, и если они положатъ ихъ на основаніе какихъ нибудь фабрично-промышленныхъ производствъ, то это дѣло будетъ выгоднѣе и для нихъ и для всей Россіи. Если же, въ видахъ заботливости о процвѣтаніи частныхъ страховыхъ обществъ или нежеланія нанести имъ смертный ударъ, мы обратимъ смертный ударъ на благоденствіе всей страны, то это значить приносить общее въ жертву частному, Основной капиталъ русскаго пожарнаго банка, чтобы проценты съ него (24 м.) могли доставать на покрытіе всѣхъ пожарныхъ убытковъ, долженъ составлять 600 м.: что же передъ размѣромъ этой суммы 12 м. складочнаго капитала нашихъ пяти страховыхъ обществъ! — Я не специализирую вопроса, а только ставлю его, чтобы показать читателю, въ какомъ направленіи онъ можетъ быть разрѣшенъ. Принципъ взаимности и ассоціаціи—единственное основаніе, на которомъ XIX-й вѣкъ основываетъ разрѣшеніе своихъ экономическихъ задачъ. Отвергать это основаніе при разрѣшеніи пожарнаго дѣла значить идти противъ своего времени, идти не впередъ, а назадъ. Если мы теперь не устроимъ у себя обязательнаго взаимнаго страхованія, обнимающаго всю Россію, то мы только даромъ потеряемъ время, потому что чрезъ 20, 30, 50 лѣтъ мы придемъ непремѣнно къ этому разрѣшенію вопроса, ибо другого и быть не можетъ. Согласятся наши земскія собранія и городскія общества взглянуть на это дѣло такимъ же образомъ — наши пожарные убытки кончатся; нѣтъ — будемъ мы снова побираться съ сумой по міру, выпрашивая на погорѣлое и ожидать помощи изъ государственнаго козначейства, а взаимное страхованіе, ограниченное отдѣльными городами, окажется бессильнымъ бороться со зломъ, противъ котораго оно выступаетъ. Однимъ словомъ, если взаимное страхованіе хочетъ основаться у насъ прочно, оно должно сложиться широко; дѣйствуя же въ разбросъ, оно погубить себя.

И. Шелгуновъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.

П. А. ГАЙДЕБУРОВА,

Въ С. Петербургѣ, на Невск. просп. № 36.

выслать иногороднымъ покупателямъ ВСѢ РУССКІЯ КНИГИ (кромѣ казенныхъ изданій) по петербургскимъ цѣнамъ, принимая пересылку НА СВОЙ СЧЕТЪ.

Поступили въ продажу:

ПИТАНІЕ И ВЫБОРЪ ПИЩИ по возрастамъ, временамъ года, занятіямъ и состоянію здоровья, доктора Реклама. Спб. 1865. Ц. 35 к.

ЧЕЛОВѢКЪ И МѢСТО ЕГО ВЪ ПРИРОДѢ, Карла Фогта, т. 2-й (и послѣдній). Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. Того же т. 1-й 1 р. 50 к.

УЧЕНІЕ О ПИЩѢ, популярное сочиненіе А. Молешотта. М. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ДУША ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ, В. Вундта, перев. Е. Ке-мница. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 3 р. Съ подпиской на 2-й т. 5 р.

СИЛЫ ПРИРОДЫ И ИХЪ СООТНОШЕНІЯ. М. Фарадея. Спб. 1865. Ц. 80 к.

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ, М. Шнейдена. Изданіе второе, съ прибавленіемъ лекціи Бера о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы. Спб. 1865. Ц. 40 к.

ЗАКОНЪ СОХРАНЕНІЯ СИЛЫ, д-ра Гельмгольца. Харьковъ. 1865. Ц. 60 к.

СООТНОШЕНІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ, Грове. Перев. съ четвер-таго изданія. Спб. 1865. Ц. 1 р.

КУРСЪ ИСТОРИИ РАЗВІТІЯ животныхъ. А. Масловскаго, В. 1-й. Исторія развитія животныхъ позвоночныхъ. Харьковъ. 1865. Ц. 2 р.

АНАТОМІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА, общепонятное изложеніе д-ра Сиванна. Спб. 1865. Ц. 75 к.

НАТУРАЛИСТЪ НА АМАЗОНСКОЙ РѢКѢ. Разсказъ о приключеніяхъ автора и нравахъ животныхъ очерки жизни Бразильцевъ и Индѣйцевъ и картины природы подъ экваторомъ, Бэтса. Спб. 1865. Ц. 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА на кораблѣ Бигль, Чарльза Дарвина. Т. 2-й. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. Того же Т. 1-й Ц. 1 р. 25 к.

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА, Бернера. Съ примѣчаніями, приложеніями и дополненіями по исторіи русскаго права и законодательству положительному П. Неклюдова. В. 1-й. Часть общая. Спб. 1865. Ц. 80 к. Подписная ц. на все сочиненіе 3 р. 50 к.

О МИРОВЫХЪ СУДЬЯХЪ И ИХЪ СЪБЪЗДАХЪ. Справочная книга для всѣхъ сословіи. Сост. Н. Максимовъ. Спб. 1865. Ц. 45 к.

СОКРАЩЕННЫЙ СВОДЪ ЗАКОНОВЪ ГРАЖДАНСКИХЪ, изд. Л. Демиса. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ПОЛИТИКА АРИСТОТЕЛЯ. Переводъ съ греческаго. Н. Скворцова. М. 1865. Ц. 2 р.

МИФЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ, Г. Штоля. Т. 1-й. М. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ РОССИИ съ древнейшихъ временъ, С. Синольева. Т. пятнадцатый. М. 1865. Ц. 2 р. Первые четырнадцать томовъ по 2 р.

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ, П. А. Бибикова. 1859 — 1865 г. Собраніе статей, непопавшихъ въ печать въ свое время Спб. 1865 Ц. 1 р. 50 к.

ГОРЕ ОТЪ УМА, Грибоѣдова. Полный текстъ съ рисунками Башилова. Спб. 1865. Ц. 30 к.

КОМИССИОНЕРЪ. Комедія изъ нѣмѣцко-русскаго купеческаго быта. М. 1865. ц. 50 к.

КУРСЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФІИ Лизеганга. Харьковъ. 1865. Ц. 75 к.

ЗАПИСКИ О СОДЕРЖАНІИ, РАЗВЕДЕНІИ И УЛУЧШЕНІИ испанскихъ овецъ, состав. И. Мерцаповымъ. Харьковъ 1865. ц. 1 р. 25

ТАБЛИЦЫ ДЛЯ ВЫЧИСЛЕНІЯ ПРОЦЕНТОВЪ безводнаго спирта въ данномъ количествѣ спиртовой жидкости. Сост. Шведеръ. Спб. 1865. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЕТЕРБУРГУ. Съ приложеніемъ программъ всѣхъ учебныхъ заведеній и 6 плановъ Петербурга. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Всѣ русскія книги (кромѣ казенныхъ изданій) высылаются магазиномъ П. А. Гайдебурова НА СВОЙ СЧЕТЪ.